

Образы современных святогорцев архимандрит Херувим Карамбелас

Аудио

От издательства

Книга «Образы современных святогорцев» представляет собой сборник жизнеописаний десяти афонских подвижников нашего времени. Бóльшая ее часть была составлена архимандритом Херувимом, основателем монастыря Параклит (Святого Духа Утешителя) в Аттике. Свой монашеский подвиг отец Херувим начал на Афоне, поэтому «Образы...» дают нам достоверное представление о Святой Горе и ее насельниках. В отличие от предыдущих изданий книга впервые выходит в переводе с греческого языка.

Книга печатается с разрешения монастыря Параклит

Все издательские права сохранены за монастырем Параклит (Оропос, Аттика) и защищены законом. Без предварительного письменного согласия и благословения издателя любое переиздание настоящего текста или его части в какой бы то ни было форме или в переводе на иностранный язык является незаконным.

От издательства

С древних времен Святая Гора является самым притягательным центром для русского иночества и всех, кто ищет подлинной духовной жизни внутри Православия. И это, конечно, не случайно. Здесь духовно зародилось русское монашество в лице преподобного Антония Киево-Печерского, а затем и возродилось благодаря преподобным Нилу Сорскому и Паисию Величковскому, принесших со Святой Горы на Русскую землю традицию исихазма.

За свою более чем тысячелетнюю историю Святая Гора принесла Богу сторичный плод и даровала Церкви Христовой целый сонм великих подвижников, который берет свое начало от преподобных Петра и Афанасия Афонских и уходит в наше время к преподобному Силуану Афонскому, святым старцам Софронию (Сахарову), Иосифу Исихасту, Паисию Святогорцу.

И поныне святогорские обители являются образцом для всего православного монашества и хранят в своих недрах многих подвижников Духа, порой нам неизвестных – еще живущих на земле и уже переселившихся в обители небесные. О некоторых из них и повествуется в замечательной книге архимандрита Херувима «Образы современных святогорцев».

Архимандрит Херувим, в миру Георгий Карамбелас, принял постриг на Афоне, в скиту святого Василия, и затем некоторое время подвизался вместе со своим старцем отцом Иоакимом (ему посвящается первая часть сборника) в скиту праведной Анны. По причине тяжелой болезни архимандрит Херувим был вынужден оставить Святую Гору в октябре 1942 года. Свой труд он начал в 1965 году, будучи уже игуменом собственного монастыря Параклит (близ Афин), и составил восемь жизнеописаний.

После смерти архимандрита Херувима († 1979) труд был продолжен отцом Иоанникием, его учеником. Последний составил еще два жизнеописания: старцев Филарета и Герасима. Таким образом, первоначально существовало десять рассказов, которые выходили отдельными изданиями на греческом языке в рамках единой серии «Образы современных святогорцев». Позже при переводе на русский язык эти десять рассказов, каждый со своим предисловием, были собраны в одну книгу.

Что касается переводов сборника «Образы современных святогорцев» на русский язык, то впервые книга была переведена с английского текста (сам оригинал написан на новогреческом языке) Братством преподобного Германа Аляскинского и Валаамского Общества Америки. Затем этот сборник несколько раз переиздавался. К сожалению, двойной перевод привел к тому, что текст, изданный вышеуказанным Братством, содержит множество ошибок и неточностей.

Книга, которую читатель сейчас держит в руках, – первый перевод на русский язык с языка оригинала, то есть с новогреческого. Надеемся, что данное издание поможет читателю приблизиться к тексту оригинала и сильнее ощутить ту особую атмосферу святости, которая наполняет Святую Гору и

до настоящего времени свидетельствует о неиссякаемой
благодатной жизни Церкви.

Часть 1. Отец Иоаким из Скита Святой Анны

Между небом и землей существует одно место, которое вот уже более тысячи лет занимает исключительное положение. Там даже земля и воздух заключают в себе нечто особенное, а жизнь не подчиняется общим законам человеческой истории. Этот край населен людьми, которые не нашли удовлетворения в том, что мог им предложить мир, ибо они с величайшей и необыкновенной жадой искали нечто, лежащее за пределами материи и привычной области чувств, – нечто такое, чего нет на земле. Вот почему они пришли туда, где кончается земля и начинается небо, – на Афон. Здесь эти люди ценой лишений и настойчивых усилий нашли то, чего искали. Когда же они обрели желаемое, то решили уже не расставаться со своим драгоценным открытием до конца жизни, ибо воистину сделали себя обладателями частицы неба.

Здесь, ощутив биение пульса новой жизни, они впервые вкусили будущего блаженства. Сопричастность вечному заставляет трепетать их души, – она, словно неиссякаемый источник, дает им опору и утешение в суровой, подчас тяжелой жизни на Святой Горе. Вызывают восхищение образы подвижников, которые подвизались на афонской земле ради завоевания венцов вечности. Возникает непреодолимое внутреннее побуждение передать это свое восхищение тем, кто не имел счастья лично знать этих людей.

Книга «Образы современных святогорцев» стремится поведать свету о некоторых из доселе неизвестных подвижниках духа, просиявших на Афоне в XX веке. Некоторые из них оставались там до конца своей жизни, другие же после многолетних духовных трудов были призваны нести служение посреди мира. Однако все они явились для того, чтобы убедить современного человека, что никогда, даже и в наше время, Церковь не испытывала недостатка в подвижниках великой духовной брани.

В то же время этот труд является плодом глубокого уважения пишущего эти строки к святым и смиренным людям, которые оказали и оказывают ему огромную и неоценимую помощь. Сейчас, когда пред нами первая часть книги, только любимые и незабываемые образы этих подвижников укрепляют автора и дают ему утешение, хотя сами они и находятся далеко от него.

Июнь 1968 г. Архимандрит Херувим

Отец Иоаким был монах-иерей с изысканными манерами, аристократ, но в то же время и настоящий монах. Его известная отстраненность была не только выражением его внутренней духовной жизни, но и некоторым отпечатком того особого положения, которое он занимал, будучи долгое время в Америке архимандритом.

Архимандрит Херувим. «Из Удела Божией Матери»

Глава I. Начало пути и миссионерство. Истоки

Отец Иоаким родился в Каламате в 1895 году, в благочестивой семье. Мирское его имя было Янис Николаидис. На родине он закончил начальную школу и гимназию. Будучи живым, но в то же время и благоразумным подростком, он искал Бога, хотел познать Его, на собственном опыте испытать Его присутствие. И вот жаждущая душа Яниса открыла для себя Илию Панагулакиса. Это был строгий постник, живший в пещере близ Каламаты. Чудесным было его обращение от мрака греха к свету Христову. Живые проповеди этого человека, его необыкновенные беседы, воздействие которых усиливалось живым примером его аскетической жизни, вызывали как бы ответное духовное движение в Каламате, возможно, в своем роде единственное для той поры. Его простые слова скрывали в себе семя жизни, проникавшее в глубину сердца. И все это не благодаря каким-то познаниям – он был почти неграмотен, – а благодаря тому, что его пламенные проповеди, как мы уже заметили, отвечали делам его жизни.

Однако будем последовательны и расскажем вкратце историю Илии Панагулакиса, чья жизнь и сама личность представляет собой большой интерес.

Панагулакис родился в Каламате в 1873 году. Он нигде не учился и едва умел читать и писать. До тридцати лет он был музыкантом и содержал небольшую таверну возле церкви святителя Николая. Там собирались бродяги со всего города, которыми он верховодил и на которых оказывал сильное влияние. Жизнь он вел расточительную и распутную, ни с кем не считался и никого не боялся.

В 1902 году умер один из его близких друзей. Панагулакис пошел на погребение и внимательно слушал богослужение. Евангельские слова «*перешел от смерти в жизнь*¹», потрясли его. Полный необъяснимого страха, он спрашивал служителей храма, существует ли жизнь после смерти, и те, будучи благочестивыми людьми, научили его истинам православной веры.

С этих дней Панагулакис был уже во власти благодати Божией. Ужаснувшись своему прошлому беспутству, он идет к духовнику – иеромонаху Глиману из монастыря Веланидии, исповедует с раскаянием свои грехи и решает впредь вести праведную христианскую жизнь. Он раздает все имущество из таверны и закрывает свою комнату черными занавесями, идет к тем, кого раньше обижал, на коленях просит у них прощения и возмещает причиненный им ущерб. В конце концов он принимает решение жить как аскет.

Сперва Панагулакис отправляется в Майну², где пребывает несколько месяцев. Затем он возвращается в Каламату и поселяется сначала в какой-то келлии возле часовни святой праведной Анны, а в скором времени – в другой келлии, близ городского кладбища. Там он, хотя и не был пострижен в монахи, прожил около пятнадцати лет в суровом подвижничестве, посте и молитве. Мяса, рыбы, яиц и молока он не вкушал никогда, а растительное масло – только по субботам и воскресеньям. В среду и пятницу Панагулакис не ел вообще ничего. Кровати у него не было, спал он очень мало, причем прямо на земле, подложив под себя доску.

Постепенно рядом с Панагулакисом стали селиться и другие молодые люди, привлеченные его примером. Поэтому он при материальной поддержке благочестивых христиан построил еще несколько небольших келлий. Двери в этих келлиях были настолько тесными, что войти туда можно было только согнувшись.

По воскресным дням и праздникам к Панагулакису притекали толпы христиан, которым он проповедовал слово Божие. В скромном помещении, которое он использовал для своих проповедей, был выставлен на всеобщее обозрение человеческий скелет, чтобы постоянно напоминать слушателям о бренности здешнего мира. Простая и безыскусная, но идущая от сердца, воспламененного любовью Христовой, проповедь Панагулакиса возродила многие души. У этого неграмотного подвижника учились в детстве будущие знаменитые проповедники Евангелия, в том числе архимандрит Иоиль Янакопулос († 1966), архимандрит Хризостом

Папасарандопулос († 1972) и многие другие. Простые слова Панагулакиса были настолько проникновенны и захватывающи, что тогдашний военный комендант Каламаты запретил солдатам заходить в его жилище, так как под влиянием его проповедей они целыми подразделениями выражали недовольство тем, что в военном городке им в постные дни подавали пищу с растительным маслом.

Панагулакису не исполнилось еще и сорока пяти лет, когда его поразила тяжелая форма туберкулеза, от которого он и скончался о Господе воскресным январским днем 1917 года, оставив после себя множество духовных чад и славу святого мужа.

Итак, именно в непростые юношеские годы Янису Николаидису выпало счастье учиться у этого человека Божия. Таким образом был своевременно создан прочный духовный фундамент, на котором впоследствии выросло само здание святости. И в самом деле, заложенные тогда основания сослужили Янису неоценимую службу в ближайшее же время его жизни.

Окончив гимназию, он отправился в Америку. Различные идолы материализма находились тогда в зените славы. Но юный ученик хорошо усвоил, что нельзя поклоняться богу чуждому³. Его образованность, которая, конечно, была расширена благодаря обучению в американских школах, не мешала ему непоколебимо верить в Бога своих отцов.

Основным занятием юноши было неустанное духовное делание и благочестивые размышления. Одаренность и усердное прилежание везде делали его первым. В то же время он принимал участие и в духовной деятельности подворья храма Гроба Господня, экзархом которого был епископ Неапольский Пантелеймон Афанасиадис († 1948). Это подворье было для Яниса главным источником духовной пищи и центром миссионерских трудов.

По воле Божией

Образ жизни Яниса Николаидиса и его поведение вызвали уважение и восхищение у епископа Пантелеймона. Во многих церковных приходах знали этого прекрасного проповедника, который, несмотря на свой молодой возраст, отовсюду привлекал к себе людей. Греческие переселенцы в Америке испытывали радость, когда Янис поднимался на амвон.

Одно из посещений подворья стало поворотным моментом в жизни Яниса. К нему подошел епископ и сказал:

– Чадо мое, я давно уже слышу внутренний голос, побуждающий меня задать тебе вопрос о твоих планах. Сегодня я не могу удержаться: скажи мне, что ты думаешь о своем будущем? Собираешься ли ты посвятить себя Богу, или у тебя есть какие-то другие намерения? Может быть, Господь призывает тебя в Свой виноградник? Может быть, Он предназначил тебя быть служителем Его славы?

Янис опустил голову. Эти вопросы поистине потрясли его. Он заплакал.

– Я бы очень этого хотел, Ваше Преосвященство, – ответил он, – но я не осмеливаюсь даже думать об этом. Мой духовный учитель в Каламате наставлял меня, что тот, кто хотя бы помышляет о такой возможности, уже грешит по причине человеческого недостойнства и немощи. И только если каким-то образом Бог призовет к Себе такую душу независимо от ее желания, лишь тогда человек обязан с трепетом повиноваться...

Благочестивый епископ был изумлен в очередной раз. Теперь он мог оценить душевное богатство Яниса. Перед такой искренностью владыка не мог устоять. Он поднялся со своего места и, переполненный волнением и радостью, торжественно заявил юноше:

– Чадо мое, моими устами Бог призывает тебя встать в ряды Его служителей.

Но Янис молчал. Он выглядел взволнованным. Состояние юноши свидетельствовало о большом сомнении и нерешительности. Он лишь поблагодарил епископа, попросил у

него благословения и сказал, что встретится с ним в другой раз, чтобы обсудить этот вопрос.

С того дня для Яниса начался период большого борения и горячей молитвы. Все, кто общался с ним тогда, вспоминают его тревогу, а также и то, как он просил их поддержать его своими молитвами.

Прошло достаточно времени, а Янис все еще не осмеливался посетить епископа Пантелеймона. Наконец тот сам позвал его, попросив прийти как можно скорее. Робея, Янис отправился на встречу.

Ты медлишь с ответом, и я волнуюсь.

– Я, Ваше Преосвященство, – решительно заявил Янис, – только в том случае смогу повиноваться, если такова воля Духа Святого и если она явственно открылась Вам. Сам я не осмелюсь на этот шаг. Служитель Церкви должен быть призван Богом или народом, а не собственным желанием. Мой духовный руководитель у меня на родине неоднократно подчеркивал эту истину.

Епископ оценил благоразумный ответ Яниса. Он поднялся во весь рост из-за стола и властным голосом произнес:

– В следующее воскресенье я рукоположу тебя во диакона.

Его тон не допускал возражений. По Промыслу Божию епископ Пантелеймон стал тем человеком, который открыл юноше путь для официального вступления в ряды церковного клира. Он отечески обнял его и дал ему свое благословение.

Радостное и волнующее известие с быстротой молнии распространилось среди прихожан. В воскресенье храм подворья Гроба Господня был переполнен греками со всех приходов, где проповедовал Янис. Громогласное «Аксиос!»⁴ и воодушевление прихожан были в те годы редким явлением для раздираемой противоречиями греческой диаспоры в Америке.

Здесь необходимо сделать отступление, чтобы дать читателю представление о тогдашнем положении церковных дел в Америке. До 1918 года там не существовало единого священноначалия, поэтому православные церковные общины входили в различные юрисдикции. В 1918 году была сделана первая попытка образовать центральный орган управления для

православных общин. Для этого в Нью-Йорке был создан Синодальный комитет во главе с епископом Родостольским Александром. В 1922 году Американская Церковь официально принадлежала к юрисдикции Вселенского Патриархата и имела статус архиепископии во главе с первым архиепископом Александром Родостольским. К сожалению, вскоре греческая диаспора в Америке начала распадаться из-за межобщинных споров. Для исправления положения в мае 1930 года Вселенский Патриархат направил в Америку в качестве своего экзарха митрополита Коринфского Дамаскина. Он оставался там в течение десяти месяцев, временно взяв на себя управление греческими общинами, и ревностно трудился ради объединения греческой диаспоры. Наконец в августе 1930 года новым архиепископом Американским был избран Афинагор с Керкиры, а в феврале 1931 года состоялась его интронизация.

Миссионерское служение

Через некоторое время после диаконской хиротонии тот же епископ рукоположил отца Иоакима – так Янис стал именоваться в монашеском постриге – во пресвитера. Так благочестивый юноша, вооруженный благодатью священного сана, был поставлен *на свещнице*⁵.

Внушающий почтение преподобнический образ отца Иоакима, его живая вера и пламенные проповеди озаряли своим светом весь греческий приход. Сколько душ нашли свой путь ко спасению, направляемые его крепкой пастырской рукой!

Чрезвычайной глубиной отличались любовь отца Иоакима к Православию и его уважение к православному Преданию. Они составляли его духовное богатство и его силу, уподобляясь золотому неводу в руках опытного рыбака. Американцы, представители иных вероучений, искали встреч с отцом Иоакимом, чтобы воспринять кристальную чистоту православного учения из рук одного из истинных его представителей. Отец Иоаким был главным авторитетом для общавшихся с ним духовных людей. Иерусалимская же патриархия, желая почтить непреклонную строгость жизни отца Иоакима, его приверженность к Преданию и исключительно важное миссионерское служение, наградила его памятной медалью Гроба Господня.

Следующий случай дает представление о том, какое впечатление на окружающих производило его появление.

Как-то отец Иоаким проходил по одной из нью-йоркских авеню. Его внушительный облик привлек внимание прохожих. Даже пассажиры общественного транспорта просили водителей остановиться, чтобы полюбоваться необыкновенным явлением. Ведь внешний вид православного священника, облаченного в рясу – знак его достоинства, – с лицом, украшенным великолепной бородой, уже сам по себе был непривычным для Америки. Итак, толпа народа окружила отца Иоакима, и началась беседа. Отец Иоаким не растерялся. Пользуясь случаем, он по-английски принялся рассказывать собравшимся

о том, что Православие есть жизнь в Боге, каким образом человек может стать православным и жить в Боге. Между тем окружавшая его толпа все разрасталась. Проезжавшие мимо автомобили не могли двигаться, и движение прекратилось. Тогда пришлось вмешаться блюстителям порядка, которые попросили отца Иоакима прекратить беседу, но слушатели настаивали, чтобы проповедь продолжалась. Прошло довольно много времени, прежде чем отец Иоаким смог закончить эту необыкновенную встречу и вернуться на подворье. На сей раз ему удалось утолить жажду многих душ, познакомив этих людей с доселе неведомым для них величием дорогого ему Православия.

Отец Иоаким до изнурения работал в винограднике Господнем. Божественная благодать, сопутствовавшая ему, приносила богатые плоды на ниве напряженного и разностороннего пастырского труда. Еще и сейчас живы люди, теперь уже преклонного возраста и которые помнят отца Иоакима и с восхищением вспоминают о его поучениях. Один греческий эмигрант, родом из Спарты, рассказывал мне о том, как он впервые увидел отца Иоакима и услышал его проповедь. При этом он испытал столь сильное впечатление, что ему трудно было поверить, будто отец Иоаким мог родиться и жить, подобно обычным людям. И неудивительно, что отца Иоакима воспринимали именно так: казалось, что его личность имеет гораздо больше общего с ангельским миром, чем с земным.

Такая напряженная деятельность плохо сказывалась на здоровье проповедника. Он постоянно чувствовал усталость. Наконец этот сеятель благочестия дошел до такого изнеможения, что перед каждой проповедью или литургией ему приходилось делать инъекции тонизирующего средства. Врачи рекомендовали ему уехать из Америки и отправиться на отдых в Грецию, ибо состояние его здоровья постоянно ухудшалось, внушая самые серьезные опасения. Однако отец Иоаким, верный своему призванию, предпочел твердо стоять на страже своего служения, пусть даже это стоило бы ему жизни.

Однако Господь судил иначе. Он желал прославить отца Иоакима на ином поприще.

Как было сказано выше, около 1930 года положение Церкви в Америке изменилось, и экзарх подворья храма Гроба Господня епископ Пантелеймон вернулся в Иерусалимскую Патриархию. Отец Иоаким с благословения епископа Пантелеймона также покидает Америку и возвращается в Грецию. Он совершил этот путь не в одиночестве: его сопровождали двое верных духовных чад, не пожелавших расстаться со своим любимым духовным отцом.

После недолгого пребывания в Пирее и Афинах они втроем направляются в цитадель православного монашества – на Святую Гору. Мечта об ангелоподобной монашеской жизни притягивала их как магнит и вела в Удел Пресвятой Богородицы.

Глава II. В уделе Пресвятой Богородицы. В Кавсокаливии

Так была прочитана страница миссионерского служения в миру, которое принесло обильные плоды. Для отца Иоакима начался новый этап – этап тяжелой борьбы для того, чтобы привыкнуть к суровой жизни афонских монахов.

После периода пастырских трудов беспокойная душа отца Иоакима искала пристанища, которое могло бы дать покой и тишину, необходимые для того, чтобы, ни на что не отвлекаясь, пребывать в общении с Господом. Он добивался этого изо всех сил, преодолевая любые препятствия. А трудности были довольно-таки значительные. Телесные немощи, образование, полученное в Греции и Америке, привычка к утонченному и аристократическому образу жизни должны были сделаться величайшими помехами. Однако подвижник не сдался. Его воодушевлял сонм преподобных, которые проходили перед его мысленным взором *лишени, скорбяще, озлоблени, в пустынях скитающиеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных*⁶.

Отец Иоаким принимает решение поселиться в суровом и уединенном скиту Кавсокаливия, на южной оконечности Святой Горы.

Скит этот располагается на труднодоступных и обрывистых склонах, которые амфитеатром спускаются к бурным водам северной части Эгейского моря. Свое название, означающее «сожженные хижины», скит получил от великого подвижника и тайнозрителя XIV века преподобного Максима Кавсокаливита, который постоянно менял место пребывания и после каждого перемещения сжигал свое старое соломенное жилище. Большую часть своей подвижнической жизни преподобный провел в пещере Кавсокаливии. Вокруг него собралось множество монахов, учеников и почитателей, которых привлекали уединение и девственность этих мест.

Позже, в XV веке, здесь подвизался святой Нифонт. А в XVIII веке – святой Акакий, который долгие годы жил в пещере

преподобного Максима и с помощью молитвы извел источник, превративший безводный скит в плодоносный сад.

Образы этих святых определили решение отца Иоакима, человека, привыкшего к американскому комфорту, остаться в суровой Кавсокаливии.

Здесь он узнал многих истинных монахов, в которых узрел воплощенным «всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств», о котором читал у преподобного Иоанна Лествичника. Это знакомство открыло его. Отец Иоаким старался в точности подражать образу жизни этих подвижников, надеясь, что это войдет в его привычки.

Ныне живущие отцы, общавшиеся с отцом Иоакимом в те дни, не забывают его простоты и смирения. Он, как маленький ребенок, прибегал к ним за советом. Во время Божественной литургии отец Иоаким регулярно уклонялся от чести быть предстоятелем, которую ему уступали. Говорят, что во время многочасовых бдений он был непоколебим, как столп.

Там же он познакомился с отцом Григорием – монахом из монастыря Констамонит, который жил отшельником в Кавсокаливии. Это был человек сильной воли, обладавший знанием монашеской жизни и необходимыми для нее личными качествами, приобретенными на военной службе. В миру отец Григорий был офицером, и это помогло ему добиться твердости характера и строгости в исполнении своих правил. В послушание к этому суровому и непреклонному монаху и поступил отец Иоаким. Примеру отца Иоакима последовали двое его верных учеников, сопровождавших его из Америки, – будущие монахи Стефан и Паисий. Однако калива отца Григория была слишком мала для четверых, так что следовало искать другое жилье. Поэтому монахи перебрались в более крупный скит – святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, где условия жизни были несколько благоприятнее.

Скит святой праведной Анны

Этот скит на юго-западе Афонского полуострова представляет собой живописный уголок Святой Горы, исполненный красоты и тишины.

Иоанн Комнин описывает скит и его жизнь в начале XVIII века. Почти таким же оставался он и двумя веками позже, когда туда прибыл отец Иоаким: «Келлии благочестивых и добродетельных подвижников, расположенные недалеко от кириакона⁷, который посвящен памяти святой Анны, висят над обрывистым и труднодоступным склоном. Числом их более шестидесяти, и у тамошних подвижников имеется множество небольших храмов. Обитающие здесь пустынники и отшельники добывают пропитание своим рукоделием: переписыванием книг, переплетным делом, церковным пением. Одни из них изготавливают наперсные и нательные кресты, другие валяют из шерсти камилавки, третьи вытачивают ложки, четвертые плетут четки. По большей же части они предаются молитве, проводя жизнь в посте, трудах и великих лишениях. Каждое воскресенье они собираются в кириаконе для совместной службы и тогда беседуют между собой, причем одни задают вопросы о душеполезных предметах и деяниях добродетельных мужей, а другие с благоговением, смирением и братолюбием отвечают им. После этого каждый удаляется в свою келлию».

Естественно, что этот духовный улей стал питомником преподобных мужей, осветивших своим подвижничеством священную землю скита святой праведной Анны. Скит явил многих известных святых, начиная с его основателя, преподобного Геронтия (XIV в.), и кончая последним новоявленным чудотворцем – преподобным Саввой Новым († 07.04.1948).

Это не значит, что не было здесь и других монахов-подвижников, известных и неизвестных. Конечно, и во времена отца Иоакима этот уголок Удела Пресвятой Богородицы был исполнен прекрасных растений, приносивших богатые духовные плоды.

Такими благословенными отцами были:

духовник **отец Феодосий** († 1950) – человек серьезный, умный, немногословный, достигший высокого духовного уровня. До своего прихода в скит святой Анны он подвизался в пустыне, где усердно предавался умной молитве. Литургию он служил вдохновенно и самоуглубленно. В общении с другими он был хорошим собеседником, исполненным любви и доброго расположения. Это был надежный столп, на котором могло держаться устройство скита. Часы ночной молитвы отец Феодосий проводил в стенаниях и слезах, уподобляясь ночной птице, которая своим плачем как бы взывает к милости Божией. Предмет молитв отца Феодосия и его горячее желание заключались в том, чтобы закончить свою жизнь на Святой Горе, в своей келие. И это чаяние было исполнено. Как-то, находясь за пределами Святой Горы, отец Феодосий тяжело заболел воспалением печени. Поскольку он провидел, что его смерть близка, то, несмотря на возражение врачей, попросил своих знакомых доставить его на Святую Гору. «Я прожил на Святой Горе более пятидесяти лет, – говорил отец Феодосий, – и хочу умереть там». Отцы на носилках перенесли его со скитской пристани в его келлию, где он провел еще месяц и наконец, принесся горячей благодарностью Богу, предал Ему свой дух;

старец Викентий – еще один благословенный монах, от природы наделенный простотой. Где бы ни находился этот подвижник – в пути ли, в кириаконе или во время встреч с людьми, – он всегда молился громким голосом. Часто можно было слышать его слова: «Спаси меня, Госпоже моя Богородице, спаси меня, помилуй меня», – голос его звучал с болью и тревогой, словно вырываясь из раненой груди. Старец Викентий непрестанно, с величайшей душевной болью, помышлял о спасении. Когда он встречался с кем-нибудь на пути, то после слова «благословите» обычно спрашивал со своим грубым румелиотским⁸ произношением (он происходил из города Карпенисион): «Что скажешь, отче? Мы спасемся?» Больше он ничего не говорил. Ничто другое его не интересовало. «Спаси меня, Пресвятая Богородице, – умолял старец, и у него потоком текли слезы. – Не оставляй меня

погибнуть. Ради любви к Твоему Сыну пришел я сюда с детских лет. Спаси меня, Пресвятая Богородице, спаси меня». Работая или совершая путь, он рыдал и почти непрерывно взывал: «Спаси меня, Пресвятая Богородице!». До самой своей кончины он молился так, с рыданиями и стенаниями. Его смерть была смертью преподобного мужа, подвижника слезной молитвы;

отец Гавриил Карцонас († 1956) – возглавлял общину, состоявшую из трех его родных братьев: отца Серафима, отца Дионисия и старца Хризостома. Все четверо были сыновьями мэра Мессины и до конца жизни сохраняли аристократизм своего происхождения. Они отличались как строгостью своей монашеской жизни, так и авраамовым гостеприимством и неиссякаемой любовью ко всем. Братья были искусными иконописцами, и это принесло им известность во всем греческом мире, однако они никогда не приносили в жертву монашеские принципы ради тех связей с влиятельными людьми, которые они имели.

Среди современников отца Иоакима были и другие подвижники:

духовник **отец Леонтий** († 1938), который посвятил себя непрерывной молитве, милостыне, духовной и материальной помощи всякому брату во всякое время суток;

старец Елевферий († 1933), проводивший дни и ночи в непрерывных бдениях, постах и тяжелых аскетических подвигах. Он сподобился увидеть перед своей кончиной ангелоподобных юношей в сияющих одеяниях, которые провозвестили ему путь в вечность;

величайший подвижник **старец Андрей** († 1934) – постник, употреблявший в пищу лишь сухари и сырые бобы. Он был наделен и даром чистой и непрерывной молитвы, постоянного покаяния и слез;

приветливый, рассудительный, чистый, препростой духовник **отец Никандр** († 1938) – великий ревнитель богослужений и церковного предания. Из-за чрезвычайных аскетических подвигов он страдал циррозом печени и скончался в ужасных болях, однако при этом удостоился видения ангелов и святых, которые встречали его на пороге Царствия Небесного;

старец Харалампий († 1945) – отличался подвижничеством, неиссякаемым милосердием, непрестанной молитвой, любовью к богослужениям и, прежде всего, постоянным памятованием о смерти. К концу жизни он удостоился дара духовных видений;

старец Никодим с Кипра († 1960) был образцом любви, доброты и милосердия. Он обладал даром прозорливости.

Подвизались там и многие-многие другие небесные человеки и земные ангелы, достойные подражатели в святости и духовные дети святой праведной Анны, родительницы Матери монахов, Пресвятой Госпожи Богородицы.

В каливе Рождества Пресвятой Богородицы

Вот в какой скит пришел старец Григорий со своими учениками. Они решили поселиться в каливе Рождества Пресвятой Богородицы. Так образовалась благословенная община, в которую позднее вошел и автор этих строк. Здесь каждому надлежало всецело покориться Богу, умертвив свою собственную волю.

Отец Иоаким вступает теперь на стезю монашеской жизни, где нет места ни комфорту, ни послаблению. Ему предстояло сделаться выносливым физически и негибачим духовно, предстояло стать делателем послушания.

Калива, где поселились сии благословенные мужи, находится в самой возвышенной части скита. Восхождение туда является мучительным испытанием для ног и для дыхания, а особенно для сердца. Достаточно увидеть каливу Рождества Пресвятой Богородицы с побережья и представить ведущий к ней путь, чтобы от одного этого почувствовать утомление. Каково же было столь непривычным людям совершить туда восхождение по скалистому высокогорью, неся на спине все необходимое для существования? А ведь это приходилось делать не один или два раза, а в течение всей жизни.

Жестокая духовная брань ожидала отца Иоакима. Подобно борцу, готовящемуся к состязаниям, он постарался всемерно облегчить себя. Ради этого подвижнику надлежало освободиться от всего лишнего, сколь бы ценным и дорогим оно ни было для него. Единственным, что он желал оставить при себе, была надежда на победный венец. Поэтому отец Иоаким попросил старца разрешить ему оставить бремя и ответственность священства, которые, по его словам, он вынужден был принять лишь из-за нелегкого положения Церкви в Америке. «Здесь имеются священники, причем люди святые. Я не считаю себя достойным оставаться рядом с ними. Ведь я же прибыл сюда, чтобы стать простым монахом», – смиренно говорил он. Наконец старец, видя слезы и настойчивость отца Иоакима, уступил. Свободный от тяжкого бремени священства,

отец Иоаким отправился к предстоятелю скита и посреди кириакона, перед священной и чудотворной иконой святой праведной Анны, вручил ему тяжелый крест архимандрита вместе с двумя памятными наградами, полученными от Иерусалимской Патриархии и от американского правительства. После этого отец Иоаким роздал все свои новые и богатые одежды, которые отличали его от других отцов, и облачился в смиренную и простую святогорскую рясу и грубую шерстяную скуфью. Он вступил на путь аскетических подвигов ради Христа.

Мужественное сердце отца Иоакима не испугали ни трудный подъем к каливе, ни многочасовые ночные службы, ни изнурительные бдения, ни отсутствие такой пищи, которая подходила бы для поддержания его серьезно подорванного здоровья. Тем более не согнуло его и строго уставное соблюдение постов: по понедельникам, средам и пятницам надлежало питаться лишь один раз в день, причем без растительного масла. В Великие посты предстояло ограничивать себя еще строже, а часто и вовсе обходиться без пищи.

Его подвижническая душа с радостью включилась в новую жизнь, как будто для нее и была создана.

Крест послушания

В своей новой иерархии жизненных ценностей отец Иоаким поместил на первое место послушание старцу. Он знал, что на пути монашеской жизни более, чем где бы то ни было, необходим опытный руководитель, которому нужно предать себя целиком. Все твои дела, мысли и желания – все должно находиться под абсолютным контролем старца. Для этого отец Иоаким, начиная с момента своего поступления в послушание, каждый вечер приходил к старцу, чтобы рассказать ему обо всех своих проблемах и состоянии своего внутреннего мира, сообщить все, что пережил в течение дня. Трудности, искушения, восстание помыслов – это каждодневный удел монаха. Это естественный путь для каждой души, ведущей невидимую брань за то, чтобы добиться бесстрастия и обожения, пройти как бы между Сциллой и Харибдой, между бесчисленными подводными камнями и рифами.

Когда мы разговаривали с отцом Иоакимом о пути подвижнической жизни, он неоднократно говорил мне: «Без ежедневного исповедования своих помыслов монах не научится искусству борьбы и не станет победителем». Бесчисленное множество раз я видел его словно воспарявшим от радости, когда он выходил из келлии старца. Выражение удовлетворения всегда в таких случаях было разлито по его бледному, болезненному лицу.

Старец стоял для отца Иоакима на втором месте после Бога. Это значит, что в каждом случае он старался понять, чего тот хотел от него, и, едва услышав приказание, исполнял его наилучшим образом. Так он поступал не только в теории, но и на практике. Будучи болезненным и слабым, отец Иоаким даже после непродолжительной работы чувствовал ужасную усталость и невообразимый упадок сил до такой степени, что, возвращаясь в келлию, ему приходилось держаться за стену. И тем не менее, если случалось так, что старец поручал отцу Иоакиму тяжелую работу, тот выполнял ее с самым благостным выражением лица, не высказывая никакого раздражения.

Подобные случаи казались мне поразительными, и я не могу забыть их до сих пор. Много раз от восхищения и сочувствия при виде такой явной жертвенности у меня на глаза наворачивались слезы.

Приведу несколько конкретных примеров, которые сохраняю в своей памяти как драгоценное сокровище.

В октябре 1939 года мы собирали оливки на участке нашей каливы, и отец Иоаким возглавлял нашу работу. Как-то раз всем нам пришлось трудиться с утра и до вечера, как всегда, в молчании и молитве. С заходом солнца мы отправились в каливу, чтобы совершить вечерню. Все устали и хотели отдохнуть, так как в час после полуночи нам надлежало отслужить утреню, а потом продолжить сбор урожая. По дороге мы поддерживали отца Иоакима, который был настолько изнурен, что не мог стоять на ногах. Когда мы пришли во двор своей каливы, из маслобойни сообщили, что настала наша очередь. Всю ночь нам предстояло бить на масло собранные нами оливки.

– Пойди сначала ты и начни, а потом придут и другие, – слышался резкий голос старца, который обращался к отцу Иоакиму.

Начать работу – это значило привязаться к бревну и вращать жернов для обработки маслин. В то время мулов для этой цели не использовали, чтобы не облегчать себе подвижнических трудов.

– Хорошо, старче, благословите, – с готовностью откликнулся отец Иоаким. Он сотворил поклон, взял благословение и отправился на работу. А ведь только что он едва мог передвигать ноги с нашей помощью! Мы молчали как громом пораженные. Между тем отец Иоаким шел по тропинке и наконец скрылся среди деревьев. Тут мы кинулись к старцу и принялись просить послать вместе с ним кого-нибудь из нас – вдруг он по дороге упадет.

– Что вы волнуетесь? – строго оборвал нас старец. – Разве наше время не должно являть святых? Или, может быть, вы забыли, что послушание заставляет говорить мертвых из

могилы? Вы увидите, что Бог даст ему такую силу самоотвержения и послушания, что он сам придет в изумление.

Через некоторое время по поручению старца я направился в маслобойню. И что же я увидел? Этот худой, болезненный и немощный монах впрягся в бревно и вращал камень. Я подошел к нему и спросил:

– Как дела, отче?

– Как тебе сказать, – отвечал он с улыбкой, – с благословения старца я не чувствую особой тяжести. Мне бы только немного воды, я очень хочу пить.

Я предложил ему свою помощь, и он согласился. Работу я закончил к утру, когда на смену мне пришли два других брата. Отец Иоаким по указанию старца после полуночи вернулся в каливу.

За восемнадцать лет суровой жизни в скиту святой Анны подобных случаев было еще очень много. Я приведу лишь два примера, чтобы довершить картину послушания отца Иоакима, доходившего до самопожертвования.

Каждый вечер отец Иоаким по обыкновению разговаривал со старцем на духовные темы. Однажды он, постучав в дверь к старцу, услышал в ответ просьбу подождать. Отец Иоаким, уставший после дневного труда, прислонился к стене и стал терпеливо ждать. Старец же, как видно, либо забыл о своем ученике, либо решил испытать его, а потому лег спать. Когда в полночь он поднялся на утреню, то нашел отца Иоакима все еще ожидающим за дверью.

Почему ты здесь в такой час? – спросил он.

– Вчера, когда я постучал в дверь, вы просили меня подождать, – ответил отец Иоаким.

Старец рассказал нам об этом случае с истинным восхищением, а мы прославили Бога, Который благословил нашу общину таким человеком.

Как-то раз мы закончили повечерие и собирались разойтись на отдых по своим келлиям. Тут старец позвал отца Иоакима:

– Приготовь фонарь, возьми свою суму и посох и отправляйся в Лавру. Ты должен быть там утром к открытию

монастыря. Выясни там (такой-то) вопрос, так, чтобы к полудню вернуться.

– Хорошо, старче, благословите.

И монах, как верный раб, стал готовиться к вечернему походу.

Монастырь Великой Лавры находится в четырех часах ходьбы от скита святой Анны. Но так как отец Иоаким ходил очень медленно, то ему следовало отправиться с вечера. Подвижник очень устал, однако возможность получить награду за послушание придала ему новые силы. Он положил поклон и ушел. Медленно поднимался он по склону Керасьи, но все-таки прошел уже достаточно много, когда старец решил еще раз испытать его стойкость и терпение: он послал какого-то быстроногого брата заменить отца Иоакима и вернуть его назад.

– С вашей молитвой, старче, я бы дошел, но, конечно, как вы желаете, – произнес отец Иоаким, когда вернулся.

Послушание отца Иоакима было характерной чертой, отличавшей его личность. Каждый день он упражнялся в умерщвлении собственной воли, начиная с мелочей и до самых серьезных случаев. Нам он старался внушить такое же расположение духа, как это явствует из следующего случая.

На пристани скита постоянно жил хромой рыбак по имени Иоанн. Родом он был из Митилены, носил монашескую скуфью, отрастил бороду и длинные волосы. Ему было более шестидесяти лет, и он помогал отцам.

Однажды дядюшка Иоанн принес нам рыбы. Старец поблагодарил его и велел, чтобы кто-нибудь почистил рыбу за пределами каливы, чтобы чешуей не засорять мойку. Как самый младший, я вызвался исполнить послушание, однако не подумал, что на улице холодно, да так, что все вокруг заледенело и вода из источника еле капала. Руки у меня замерзли и невыносимо болели, так что я был вынужден вернуться в каливу и там продолжить работу.

Отец Иоаким, увидев меня, спросил:

– Чадо, почему ты вошел в каливу?!

– Я не смог, отче, вынести этот мороз и ледяную воду.

– Но ведь старец велел почистить рыбу вне каливы, и его благословение должно быть выполнено без всяких возражений и оправданий.

Отец Стефан, всегда готовый к услугам и опекавший всех нас, услышал этот разговор. Он, не теряя времени, подошел ко мне, схватил таз с рыбой и, не обращая внимания на холод, очистил всю рыбу, как если бы это было обычным делом. Должен признаться, что его душевная стойкость и любовь останутся в моей памяти навсегда. Руки его окоченели. Я смотрел на него в оцепенении, не в силах проронить ни слова перед лицом такого самоотречения.

– Монах должен умирать много раз в день, если этого требует послушание, – сказал мне отец Иоаким. – Ты сейчас потерял воздаяние от Господа, а отец Стефан сполна его получил.

Общение с Богом

Отец Иоаким молился *непрестанно*⁹. Работал ли он, сидел или разговаривал, ему все равно удавалось непрерывно пребывать в беседе с Богом.

Он говорил нам с нежностью:

– Если у монаха отнять молитву, то отнимешь и право чувствовать себя истинным чадом Божиим.

Отец Иоаким часто приходил на наши послушания и потечески спрашивал, молимся ли мы Иисусовой молитвой и читаем ли акафист Пресвятой Богородице.

Крайне редко заставлял я его за беседой: он вступал в разговор, только если это было необходимо. Но зато всегда я видел его молящимся. В качестве самого тихого уединенного места отец Иоаким выбрал для себя лесок позади нашей каливы. Там он воздевал руки к небу и часами пребывал в таинственном общении с Иисусом. Когда мы спрашивали отца Иоакима, где он задержался, он отвечал: «В Гефсиманском саду. Там я был».

Молитва захватывала отца Иоакима настолько, что он считал излишними и пищу, и отдых. В течение одного года он с благословения старца совсем не заходил на ночь в свою келлию, а оставался в стасидии внутри церковки в нашей каливе. Братия говорили, что в это время Божественные благословения и предметы небесные исполняли сердце отца Иоакима. Много раз мы слышали его стенания, а иногда псалмы, произносимые в возвышенном тоне. Но когда наступало время утрени, отец Иоаким всегда выглядел бодрым и радостным, как будто выспался и отдохнул.

Душа его желала многого, но немощное тело было не в состоянии сопутствовать ей. Отец Иоаким постоянно чувствовал слабость. В течение этого, фактически бессонного, года у него на ногах образовались язвы из-за плохой циркуляции крови, вызванной ночными стояниями. Старец был вынужден запретить отцу Иоакиму бодрствование в храме.

Тогда неутомимый подвижник придумал другой способ борения. В углу своей келлии он расстелил волосяной матрац и сидя на нем проводил всю ночь, закутавшись в грубую одежду. Он не клал голову на подушку и лишь держал ноги вытянутыми, чтобы не раздражать язвы. На этом новом ночном ристалище он и молился. И если даже глаза отца Иоакима на какое-то время закрывались, губы его продолжали шептать молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Часто мы, находясь рядом с его келлией, слышали эти слова. Когда мне случалось проснуться ночью, я бесчисленное множество раз слышал, как из соседней келлии, где сидя проводил ночи этот земной ангел, доносились произносимые с трепетом слова этой молитвы или акафиста Божией Матери.

Я помню также, что, произнося молитву «Пресвятая Троице...» или «Пресвятая Троице, Боже, помилуй и спаси нас», отец Иоаким весь трепетал. Можно было подумать, что для него не существовало более сильной молитвы. Его поклонение Святой Троице трудно передать словами. Когда во время службы слышался Троичный тропарь, отец Иоаким замирал в благоговейном внимании. Имя Господне было для него сладчайшим из всех слов.

И к образу Божией Матери отец Иоаким питал столько любви, что в течение дня множество раз прочитывал акафист. Нам он часто советовал: «Крепко уповайте в жизни на Богородицу, и Она непременно приведет вас к Своему Сыну». В другой раз он сказал: «Мысли, заключенные в песнопениях и молитвах, которые исполняются во время службы, представляют собой прекрасный цветущий луг. Тому, кто ступит на этот луг, сердце уже не позволит с него сойти. А когда он все-таки уйдет, то будет благоухать весь день».

Получилось так, что все братия нашей благословенной общины держались одного взгляда по вопросу о частом причащении. Мы следовали направлению колливадов¹⁰, которые окрылили монашество своим духовным порывом и стали маяком для греческого народа в период турецкого рабства. Духовник нашей каливы отец Христофор, который жил в безмолвии на обрывистом склоне Карули, тоже был духовным

последователем колливадов. Он происходил из Фламурийского монастыря в городе Волос. Таким образом, Таинство причащения Тела и Крови Христовых было почти ежедневной пищей для нашей общины, и, следовательно, для отца Иоакима. Если же Божественную литургию не служили, а сердца наши требовали небесной пищи (это бывало много раз), то отец Иоаким по указанию старца скромно надевал епитрахиль и, исполненный благоговения и ликования, предлагал братии *Хлеб Жизни*¹¹. Святые Дары всегда имелись в дароносице в нашей церкви. Так живое присутствие Агнца Божия наполняло атмосферу нашей маленькой семьи особенной радостью.

Просвещенный наставник духовной жизни

Старец передал каждодневное духовное руководство и наше воспитание отцу Иоакиму, рассматривая его как своего преемника в нашей каливе. И тот преобразился в замечательного и просвещенного наставника.

Старец часто говорил мне: «Чадо, посмотри на отца Иоакима. Это один из тех немногих монахов нашего времени, которые живут согласно монашескому образу жизни».

Когда я только пришел в нашу каливу, старец поручил отцу Иоакиму устроить меня. Позаботившись обо всем, отец Иоаким подошел ко мне и дал свои первые наставления: «Послушай, чадо мое, келлия для монаха – это своего рода ристалище. Здесь ты должен сражаться с дьяволом и своими страстями, и тебе надо будет всегда одерживать верх. Тогда твой ангел-хранитель возрадуется, и Господь благословит твою брань. А отсюда прямо в рай!»

Чуть позже, когда я был уже официально причислен к насельникам скита, он позаботился о том, чтобы в немногих словах изложить мне суть основных принципов моей новой жизни: «Монаху, который пренебрегает своим келейным правилом, ходит не на все службы или вкушает мясо, не выстоять и не добиться успехов. Учись делать все то, что тебе поручают, очень целенаправленно и последовательно. Каждое свое дело и каждое свое слово соотноси со своим новым положением: говори, как монах; смотри, как монах; сиди, как монах; ходи, как монах; вкушай пищу, как монах; спи, как монах; думай, как монах, и молись, как монах».

Таковыми были его собственные принципы духовной брани, которыми он старался поделиться с нами. Его любовь сопровождала нас на каждом шагу.

Отец Иоаким использовал любую возможность, чтобы нас укрепить. Очень вежливый, он был в то же время непреклонным в своих принципах.

Как самому младшему, мне поручали такую работу, которая подходила для неумелых и не очень сильных рук: мытье

посуды, подметание пола и т. п. Во всякую работу отец Иоаким приносил свою мудрость и порядок. Кроме того, он старался, чтобы работа, как резец, обрабатывала наш характер. Много раз, когда я в холодное время года мыл тарелки в раковине, так что руки сводило в ледяной воде, он подходил ко мне и с любовью говорил: «Знаешь, малыш, сурова зима, да сладок рай. Суровое воспитание и боль освобождают нас от страстей и от всего дурного в нас».

Присутствие и слова отца Иоакима освежали мою молодую мятущуюся душу. Но бывало и так, что никакое человеческое утешение не могло облегчить моего состояния.

И в самом деле, что происходит в душе новоначального?! Какие искушения приходится ему отсекал, какие волнения, соблазны, какие нападки дьявола, которыми тот пытается совратить его с пути, ведущего к равноангельной жизни! Новоначальные – величайшие герои, борются ли они или побеждают.

В тот первый год, я помню, мне приходилось очень трудно, когда наступило время сбора оливок. Эта работа совпала с периодом, когда я усиленно изживал в себе эгоизм, старые привычки и недостатки. Из-за этого каждый раз в послеобеденное время меня мучили невыносимые головные боли. Будучи в таком состоянии, я попросил старца разрешить мне заняться другой работой. Тот легко согласился. И вот я взялся за приготовление пищи и за уборку в нашей каливе.

Когда блаженный отец Иоаким узнал от старца о моей просьбе, то придумал следующее. Оливковые деревья росли недалеко от нашего жилья, поэтому, когда не было необходимости находиться там, он приходил в келлию и осторожно наблюдал за мной, пытаясь помочь мне. Однажды он сказал:

– У тебя, дитя мое, болит голова, не правда ли? Пойди возьми немножко маслица из лампы Пресвятой Богородицы и нанеси его крестом на лоб, чтобы у тебя все прошло. Пойди сделай это да не забудь прочесть тропарь Рождеству Матери Божией.

– Хорошо, благословите, – ответил я и сделал, как он велел.

– Прошла у тебя голова? – спросил отец Иоаким через некоторое время.

– Нет, отче.

– Тогда дело не в голове, а в чем-то другом. Ведь Пресвятая Богородица у нас врач. Она лечит все болезни. Тогда, может быть, тебе надо хоть на полчаса пойти пособирать оливки, а потом уйти?

Сначала я не придавал значения его предложению, однако вечером при откровении помыслов прошедшего дня поведал старцу об этом разговоре.

– Поработай полчаса, дитя мое, ради послушания отцу Иоакиму, – сказал мне старец.

И в самом деле на следующий день я пошел с другими братьями собирать оливки. Прошло полчаса, когда ко мне подошел отец Иоаким, который, несмотря на свою болезненность, тоже собирал оливки в сильнейший холод. Он спросил меня:

– Как твоя голова?

– Не болит.

– Так останься еще на полчаса, а потом уйдешь.

Когда прошло еще полчаса, он снова спросил меня:

– Совсем не болит?

– Не болит, как ни странно, – ответил я.

– Хорошо, иди теперь в келлию и займись другими делами.

Благодаря дару убеждения и любви, отличавшим отца Иоакима, я смог проработать на оливках больше полутора месяцев, причем головная боль меня больше не беспокоила!

А вот еще один случай.

В верхнем этаже нашей каливы имелась большая мансарда, откуда открывался вид на весь скит и открытое море. Там было много света, и отец Иоаким использовал это помещение как иконописную мастерскую. Надо сказать, что он был хорошим иконописцем. Он научился этому искусству в кафизме¹² святого Константина, которая подчиняется Великой

Лавре, и своим благословенным трудом зарабатывал кое-какие средства для нашей общины.

Помимо святых икон отец Иоаким со своей благородной душой изготавливал еще и своеобразные «сувениры», которые бесплатно, в качестве благословения, предлагал заходившим в нашу каливу паломникам.

Итак, я тоже одно время пытался стать иконописцем. Блаженный отец Иоаким руководил мною. Я делал лишь самые первые наброски: лики с огромными глазами, ртом, носом, ушами и т. п. Он никогда не говорил мне, что получилось плохо, и всегда стремился воодушевить меня. Однако через несколько дней я, несмотря на все старания отца Иоакима, бросил свои попытки.

Впоследствии я спросил отца Иоакима:

– Почему, отче, вы говорили мне, что мои наброски удачны, хотя я рисовал нелепости, самые настоящие карикатуры?

– Новичков, чадо мое, никогда не следует разочаровывать. Примерно такие педагогические принципы мне внушали в колледже в Америке. Таковы выводы психологии и педагогики, результат многолетних научных исследований. Но любопытно, что когда я приехал сюда, то нашел те же самые мысли и в святоотеческих книгах, написанных в основном монахами много веков назад. Но это не просто научные достижения, записанные в книгах. Они применяются и на деле, в том числе теми старцами, у которых мало образования, но зато большой опыт духовного наставничества. Я видел их применение здесь, на Святой Горе, у нынешних иноков.

Чинность и благородство

Жизнь отца Иоакима проходила в некоем удивительном ритме, который чувствовался во всех его привычках и не нарушался даже тогда, когда ему приходилось нелегко.

Характерен тот порядок, который поддерживался у нас в каливе по его личной инициативе.

Однажды я взял нож, чтобы нарезать лимон, и не положил его на место. В этот момент появился отец Иоаким. Он увидел нож и позвал меня.

– Ты брал нож?

– Да, – ответил я.

– Почему же ты здесь его оставил? Забери его сейчас же, вымой как следует, вытри, скажи ему: «Спасибо тебе, ножичек, что ты послужил мне», и положи его на место. И так поступай со всеми вещами, которыми пользуешься.

В другой раз отец Иоаким предложил нам замечательный способ доставить в каливу дрова, которые были свалены в саду. Каждый из нас, проходя через сад и направляясь в каливу, должен был захватить с собой одно полено. Так, не занимаясь этой работой специально и не тратя на нее времени, мы уложили в поленницу все дрова, заготовленные на зиму.

Повсюду царили благородство отца Иоакима и его горячая любовь ко всей братии и ко всем без исключения отцам скита. Он готов был понести тяжелый труд ради каждого брата, которому требовалась помощь, даже если это нарушало его планы.

Маленьким примером благородства и гостеприимства отца Иоакима могут служить следующие его наставления: «Если к нам пришел в гости какой-нибудь брат, мы должны уступить ему лучшее место, причем возле аналая, чтобы он мог петь. И если он вдруг ошибется в гласе дня и споет, скажем, четвертый плагальный¹³ или третий вместо четвертого, вы, находящиеся на левом клиросе, не должны его поправлять или набрасываться с замечаниями, пока он сам не поймет свою ошибку. Любовь, почтение и уважение важнее гласа».

Мудрый руководитель незаметно прочерчивал и освещал путь, которым должны были идти мы, молодые монахи.

Удивительная борода

Было бы досадным упущением, если бы мы не посвятили несколько строк необыкновенной бороде отца Иоакима, которая производила на всех большое впечатление.

Когда отец Иоаким жил в Америке, он с огорчением наблюдал за духом обновленчества, начавшим проникать и в церковную жизнь. Ему приходилось видеть священников, которые уклонялись от православной традиции, уверяя, что таким образом им легче будет действовать среди окружающего общества. Этому духу обмирщения отец Иоаким мужественно противостоял. Он не мог смотреть на то, как представители православного духовенства снимали рясу и стригли волосы и бороду. Вот почему стоит отметить, что перед своим рукоположением он обратился к Божией Матери со следующей молитвой: «Пресвятая Богородица, прошу Тебя, когда я стану клириком, пусть у меня отрастет длинная борода и волосы, чтобы я был таким же, как духовенство у меня на родине». И Мать Божия не отвергла молитвы, не замедлив исполнить эту просьбу. Как мы отметили выше, внушительный облик православного священника с пышной бородой вызывал восхищение у американцев. Но, когда отец Иоаким оказался на Святой Горе, произошло нечто поразительное: его борода отросла до земли. Такое редко случалось в истории монашества, и все воспринимали это удивительное явление как последствие той самой молитвы к Пресвятой Богородице. Чтобы свободно передвигаться и избежать угрозы тщеславия и всеобщего изумления, отец Иоаким вынужден был складывать бороду и прятать ее в мешочек, который он вешал себе на шею.

В конце жизни отца Иоакима отцы попросили его сфотографироваться в священническом облачении, выпустив бороду поверх него. Сначала он отказывался, но после настойчивых просьб согласился. Эту фотографию, которая у нас сохранилась, мы помещаем здесь.

Диагноз врача

День за днем отец Иоаким все больше приближался к святости. Но одновременно *внешний человек*¹⁴ в нем погибал. Состояние его здоровья было удручающим. Как-то, не считаясь с желанием отца Иоакима, старец вызвал в каливу врача. Тот поставил неутешительный диагноз: туберкулез. Смерть отца Иоакима могла наступить через несколько месяцев в случае, если бы он не изменил своего питания. Следовало есть мясо, рыбу, яйца... но поскольку такой пищи в каливе не водилось, то было необходимо покинуть Святую Гору. Кроме того, врач прописал полный покой.

Все это отец Иоаким выслушал спокойно. Когда же доктор ушел, он принялся умолять старца: «Благословите меня остаться сегодня на ночь в храме. Я хочу помолиться Божией Матери. А утром мы побеседуем и решим, как быть с моим здоровьем».

Старец понимал, в чем дело, и потому разрешил ему поступить так. Всю ночь эта адамантова душа бодрствовала в храме. А утром, после утрени, отец Иоаким опять обратился с просьбой: «Пожалуйста, отче, давайте не будем делать то, что сказал врач. Оставим заботу о моем здоровье на волю Пресвятой Богородицы. Она все устроит. А чтобы подтвердить Ее участие, благословите мне продолжать мой обычный пост, кроме мяса и другой подобной пищи. Кроме того, я не буду брать в рот ничего сладкого. Так прославится наша Матерь Пресвятая Богородица».

Старец был восхищен такой твердой верой и непоколебимой силой воли. Он разрешил то, о чем его просил отец Иоаким, так как уже давно знал святость этого подвижника. Он вспомнил время, когда они посещали келлию святого Константина, чтобы научиться иконописи. Его неутомимый ученик был так строг по отношению к своему телу, что взял себе за правило в течение года принимать пищу только во второй половине дня, причем стоя!

Прошло полтора года. Как-то раз врач снова посетил каливу и с большим интересом спросил старца, жив ли еще отец Иоаким. «Конечно, жив», – ответил тот. Тогда врач попросил разрешения обследовать подвижника. «Абсолютно ничего не нахожу! – воскликнул он с изумлением после осмотра. – Ты совершенно здоров. Вероятно, усиленное питание и абсолютный покой, которые я тогда тебе прописал, дали свои плоды и принесли тебе полное исцеление».

Старец и отец Иоаким переглянулись и не могли удержаться от смеха. Когда отец Иоаким удалился, старец рассказал, как тот справился с болезнью. Услышав об этом, врач потерял дар речи. Он был изумлен силой веры, столь очевидные плоды которой видел, быть может, впервые.

Исповедание веры

Отец Иоаким всегда высоко держал знамя православной веры – настолько высоко, что некоторые его требования казались чрезмерными. Тем не менее он всегда исходил из благих побуждений.

Его живо волновали такие вопросы церковной жизни, как проблема календарной реформы.

Каждое действие властей, стремившихся изменить положение Церкви, предначертанное и освященное многовековым отеческим преданием, потрясало отца Иоакима. Он противостоял таким шагам всеми средствами, какие только допускались строгими рамками монашеской жизни.

Душа отца Иоакима болела о том, чтобы все греки, от самого простого гражданина и до высших представителей власти, были верными членами Церкви. Пребывание в Америке многому научило его.

Когда отец Иоаким узнал из греческих и иностранных журналов, что некоторые официальные лица, в том числе греческий король Георг II (1922–1934, 1935–1947), принадлежат к масонской ложе, то пришел в скорбь и негодование. Он дерзновенно написал о масонстве лично каждому из этих людей, призывая отречься от этой скверны, делающей их предателями как веры, так и своего народа.

По этой причине незадолго до начала Грекоитальянской войны отца Иоакима вызвали в суд в Фессалоники. Его защитительная речь была откровенной и смелой. Все восхищались ясностью суждений и воинственностью этого изможденного подвижничеством афонского монаха, и даже газеты уделили достаточное внимание его необыкновенной личности.

Отец Иоаким спокойно принял приговор и, как преподобный Никодим Святогорец, с радостью отправился в ссылку на остров Скопелос. Было это в январе 1941 года.

Молитвы, строгий пост и доброта ссыльного монаха поразили местных жителей. Многие вспоминают святость его

жизни, которая оставила свой след и на этом острове.

Отец Иоаким находился в ссылке, когда началось сокрушительное наступление немецких войск. Вскоре он был освобожден и вернулся на Святую Гору, чтобы продолжать свою суровую отшельническую жизнь.

Глава III. Последние годы. Величайшее испытание

Отец Иоаким вернулся в свою бедную каливу, как воин с поля брани. Однако на этот раз он, вместо того, чтобы обрести тишину и покой, столкнулся с неожиданностью, нанесшей болезненную рану его сердцу.

Один из братии, отправившийся по какому-то делу за пределы Святой Горы, запутался в сетях мира и в конце концов решил остаться там.

Это был тяжелый удар для чувствительного сердца отца Иоакима. Боль оказалась для него невыносимой, и подвижник принял решение разыскать брата. Это был единственный случай, когда отец Иоаким нарушил ради любви к брату свое правило никогда не отлучаться со Святой Горы: ведь даже болезнь не могла заставить его отступить от данного обета. Преодолевая свою немощь, он отправился искать *пропавшую овцу*¹⁵.

На этот раз могущество греха оказалось сильнее советов, увещаний, слез. Порабощенная миром душа осталась холодной и неспособной к покаянию.

Тем не менее после этого духовного сражения отец Иоаким вернулся на Афон со спокойной совестью: ведь и в данном случае он исполнил свой долг. Однако удар оказался настолько болезненным, что немощное тело не выдержало. Монах слег в постель и уже больше не поднялся.

На одре болезни

Несколько лет спустя наш старец и отец Паисий почили в Господе, а я, автор этих строк, из-за ухудшения состояния здоровья вынужден был переселиться в Катохи и таким образом лишился блаженной святогорской жизни. Таким образом, единственным товарищем отца Иоакима остался отец Стефан. С бесконечной преданностью он взял на себя всю заботу о прикованном к постели подвижнике, уподобившись некоей лампаде любви, постоянно горевшей рядом с больным. В то же время он мог наслаждаться вкусом созревшего плода, который с минуты на минуту должен был упасть со своей ветки. Отец Иоаким, как некое сияющее солнце, близился к своему закату.

В сентябре 1950 года я получил срочную телеграмму от отца Иоакима, в которой тот вызывал меня на Святую Гору. Мне предстояло увидеть его в последний раз, поэтому я постарался приехать как можно скорее.

Туберкулез превратил отца Иоакима в настоящий скелет, однако благодаря своей подвижнической жизни он казался исполненным мира. Кого же я видел перед собою? Миссионера-проповедника? Образцового послушника? Неутомимого подвижника? Исповедника и защитника веры? Человека, возлюбившего Бога *всем сердцем, всею душою и всем разумением своим*¹⁶?

Передо мной была *маслина плодовита*¹⁷, которую должны были пересадить из Удела Пресвятой Богородицы в сад вечности. В течение приблизительно двадцати лет отцу Иоакиму удалось прийти к цели спасения и освящения, которой другие, быть может, не достигли и за шестьдесят или семьдесят лет подвижнической жизни.

Я поцеловал его драгоценную для меня руку.

Слабым, но четким голосом отец Иоаким сказал мне: «Я позвал тебя, чтобы увидаться с тобой в последний раз в этой земной жизни. Но не только для этого, а еще и затем, чтобы попросить у тебя прощения, если вдруг я чем-то опечалил тебя за то время, что мы здесь прожили».

Не вставая с кровати, он попытался наклониться к земле, чтобы положить поклон. Я воспрепятствовал этому и сам поклонился. Безутешные и взволнованные, мы обменялись поцелуем мира.

Его слова в тот час благоухали благодарностью к Богу, Который удостоил нас через столько лет повидать друг друга. Радость отца Иоакима была безмерна. «Я счастлив, – сказал он мне, – что умираю, принеся покаяние. Пусть так же случится и с тобой. Я счастлив, что Господь даровал мне время для покаяния».

Он замолчал от усталости.

Поистине, время для покаяния было для него самым обнадеживающим подтверждением *почести высшего звания Божия*¹⁸, знаком близости к небу.

К вечности

Я оставался с отцом Иоакимом в течение нескольких дней. Говорил он мало. Врач сказал, что такое состояние может продлиться достаточно продолжительное время. Поэтому я ненадолго уехал в Афины по своим делам. К несчастью моему, отец Иоаким почил о Господе до моего возвращения. Закончилась жизнь, заключавшая в себе все дары Духа Святого.

За день до своей кончины отец Иоаким позвал брата, который заботился о нем, и сказал: «Брат Стефан, сейчас, пока я еще могу говорить, давай обсудим некоторые вещи. Может быть, завтра нам уже не удастся этого сделать».

Он стал говорить о прошлом, вспомнил их деятельность в Америке, прибытие на Святую Гору, послушание у старца, ссылку на Скопелос, болезнь.

«Брат мой, – продолжал отец Иоаким со слезами, – благодарю тебя за долгую заботу и терпение. Прости, если я чем-то огорчил тебя за это время».

Взволнованный, он обнял отца Стефана, и они, со слезами, поцеловались. В свою очередь, тот поблагодарил отца Иоакима за то, что он определил его духовный путь, начиная с детских лет, проведенных в Америке, и до того часа на Афоне.

Такова была их последняя беседа.

* * *

Все, кто знал отца Иоакима, было ли то близкое или отдаленное знакомство, прибыли на его погребение, чтобы помолиться об этом великом подвижнике, чье многострадальное тело теперь покоилось, закутанное в рясу.

Его похоронили за алтарем каливы, в которой он подвизался долгие годы.

Афонские отцы встречают смерть так же, как ее встречали мученики. Смерть – это конец борьбы и начало вечного торжества. Подвижники Христовы не умирают. Так и отец Иоаким не умер, а *перешел от смерти в жизнь*¹⁹. В этом не сомневался никто из присутствовавших отцов и братий. Отец

Иоаким переселился в тот мир, которого жаждал так сильно, что сердце его обратилось в некий райский сад.

Молитва его да пребудет с нами.

Часть 2. Старец Афанасий из Григориата

Вторая часть книги «Образы современных святогорцев» переносит нас из атмосферы скитской жизни, которую мы могли наблюдать на примере отца Иоакима из скита святой Анны, к другому виду афонского подвижничества – общежитию.

В одном из общежительных монастырей с наиболее суровым и строгим уставом, в обители преподобного Григория, жил и прославился отец Афанасий, которому посвящена вторая часть нашей книги.

Вехи биографии отца Афанасия известны мне в основном от нынешнего игумена киновии архимандрита Виссариона, который является духовным чадом старца. Я пользуюсь случаем поблагодарить его за помощь и выразить радость по поводу его глубокого уважения к своему приснопамятному старцу. Это уважение подобно тому, которое святой Симеон Новый Богослов питал к своему духовному отцу.

В 1950 году мне и самому выпало счастье встретиться с блаженной памяти старцем, так что я мог при личном общении оценить его духовное величие, достойное восхищения.

Общее свидетельство всех отцов Святой Горы, достигших духовной высоты, служит подтверждением нашей уверенности в том, что это был великий подвижник и муж великой добродетели. Я убежден, что Господь, Который награждает подвижников, уже причислил его к сонму получивших свой венец.

Я хотел бы выразить здесь свою глубокую благодарность мудрому и талантливому игумену монастыря архимандриту Георгию, который оказал нам большую помощь в сборе материалов для жизнеописания старца Афанасия.

Я могу также от всей души пожелать ему, чтобы его киновия сделалась духовным братством монахов, готовых подражать добродетелям отца Афанасия, и чтобы она стала *яко маслина износящая плоды и яко кипарис возрастали, до облак*²⁰.

Январь 1976 г. Архимандрит Херувим

Каким был блаженный Афанасий-григориат? Скажу лишь одно. Если бы я был иконописцем и мне поручили бы изобразить какого-нибудь святого, о чертах лица которого было бы ничего не известно, то я создал бы точный портрет святого иеромонаха Афанасия. Высокий, с тонким и стройным телом, отрешенным от плоти, неизменно сдержанный и приветливый, со спокойным взглядом, кроткой речью, с глазами, излучающими глубинный свет, с печатью глубокого душевного умиротворения и святого бесстрастия на правильных чертах лица, он сочетал мужественную любовь и умеренную строгость к своим чадам. Духовный свет разлит был по всему его святому облику.

Монах Феоклит из Дионисиата

Глава I. Начало пути. Детские годы

Будущий святогорец иеромонах Афанасий появился на свет в 1874 году в городе Пиргосе (округ Илиас), довольно далеко от Святой Горы. Божиим благоволением ему суждено было расти в благочестивой семье, где было девятеро детей – такие греческие семьи в те времена отнюдь не были редкостью.

Отец его большую часть времени проводил в одной из городских церквей, где служил пономарем. При нем можно было видеть и его маленьких детей, и прежде всего Андреаса (таково было мирское имя отца Афанасия), который любил находиться в храме вместе с отцом.

Бывает, что служащие в храме настолько привыкают к нему, что теряют высокое чувство святости. Но не таким был отец Андреаса. Он не только сохранил огонь веры и любви к Богу, но и сумел передать его и своим детям и, конечно же, маленькому Андреасу.

В атмосфере храма невинная детская душа Андреаса впервые пережила священный трепет. Какие чудные детские молитвы возносил он в утреннем или вечернем полумраке, когда неспешно возжигал лампаду перед святым распятием в алтаре! Какую невыразимую радость испытывал он за литургией, когда облачался в маленький стихарь и помогал священнику!

Церковь стала для него вторым домом.

Глас Божий

Стремление к монашеской жизни зародилось у Андреаса, скорее всего, после изучения святоотеческих книг. Он любил читать жития святых отцов, а также писания преподобного Никодима Святогорца – практически это были единственные книги религиозного содержания, имевшие распространение в тогдашней Греции. Именно эти книги, первыми оказавшиеся в его руках, совершили переворот в юной душе. Дивные подвиги и замечательные примеры духовного восхождения преподобных отцов захватили его. Глубокие мысли и страх Божий, которыми были исполнены страницы писаний преподобного Никодима, возвышали ум и трогали юное сердце.

Юноша еще не вполне осознавал это, но в нем уже начал звучать некий таинственный глас. Глас этот звал его горé, возвещал о том, что он избран для высшей, ангельской, жизни, что он должен стать подобным тем святым, «связанным и свободным, сдержанным и неудержимым, сущим не в мире, но всегда над миром, обитающим на земной тверди, но живущим на небе» (святитель Григорий Богослов), которые казались недостижимыми его молодому уму. Этот зов, который все сильнее звучал в его душе, был гласом Божиим.

Андреас уверился, что Бог призывает его следовать путем избранных. Постепенно этот путь обозначился ясно. Скоро ему положено будет смелое начало, а оно, в свою очередь, станет основой всех богатых плодов его духовной жизни, которые, безусловно, вызовут наше общее восхищение.

Мужественное решение

Было лето 1891 года, шла последняя неделя июля. В эти светлые, солнечные дни три юные души пустились в путь для обретения чистой, сияющей жизни. Много было толков, много слез, когда обнаружилось, что трое юношей бежали из дома. Андреас и двое его друзей покинули Пиргос, не сказав никому ни слова. Дальний путь предстоял им.

Мысленному взору юношей рисовался величественный образ Афона. Святая Гора влекла их, и они направились к ней в порыве молодого воодушевления. Молодые люди надеялись добраться туда и осуществить свои духовные замыслы. И даже то, что Святая Гора находилась под турецким владычеством, не могло остановить их боговдохновенного устремления.

После многих невзгод они достигли Волоса. Оттуда можно было продолжать путь и по суше, но юноши, опасаясь препятствий, которые могли бы учинить им турецкие власти, решили добираться морем. Надо было искать корабль, который направлялся бы на Святую Гору, но как раз в те дни ни одного попутного судна не оказалось. Задерживаться в Волосе было нельзя, и тогда они приняли смелое решение: самостоятельно нанять лодку и на ней отправиться к своей цели!

Приключения на море

Юноши договорились с хозяином лодки, и вот суденышко с четырьмя пассажирами на борту пересекло Пагаситский залив, миновало остров Скиатос и вышло в Эгейское море. Плыть ли, держась ближе к берегу, или править в открытое море? Первое удлиняло маршрут, второе было рискованно. Тем не менее был выбран кратчайший путь, и лодка направилась в открытое море, прямо к Афону.

При попутном ветре лодка быстро бежала под парусом, при безветрии приходилось браться за весла. Единственным препятствием на пути оказалась непогода – этого, увы, они не могли избежать. Превратности следовали одна за другой: встречный ветер, холод, дождь и, что самое страшное, волнение на море. Все это основательно задержало их в пути. Между тем запасы продовольствия подошли к концу, и возникла угроза голодной смерти.

Силы путешественников постепенно убывали, и грести им стало трудно, так что при затишье лодка бы просто остановилась.

– Дальше плыть нельзя, – сказал лодочник, – кончилась вода и почти не осталось пищи. У меня нет желания оставлять свои кости в Эгейском море.

– Давайте вернемся обратно, – согласились оба друга Андреаса, – плыть в таких условиях дальше невозможно.

Но Андреас в этой критической ситуации не впал в отчаяние. Он обладал непреклонной волей и непоколебимой твердостью в исполнении задуманного. Он верил, что Господь поможет им преодолеть все трудности и достигнуть цели.

В Писании сказано: *«Если Бог за нас, кто против нас?»*²¹ – эти слова особенно воодушевляли Андреаса, и они, по свидетельству святогорских отцов, до конца жизни монаха были постоянно у него на устах.

Владычица Богородица, «Пристанище житейских плаваний»²², чье успение должно было праздноваться на днях (близилось 15 августа), услышит их молитвы и сподобит

достигнуть Своего священного Удела. Они должны достигнуть цели или умереть!

– Назад возвращаться не станем, – твердо сказал Андреас.
– Будем мужественны. Затрачено столько сил, осталось еще немного, и мы непременно доберемся. Бог нам поможет.

Так оно и случилось. Бог помог им. Вскоре подул попутный ветер, и лодка понеслась по волнам. Не стихая, ветер гнал и гнал ее в сторону Афона. На рассвете восемнадцатого дня путешествия они пристали к берегу, как раз перед монастырем святого Григория. Святитель Николай, небесный покровитель монастыря, услышал молитвы находившихся в беде и сотворил чудо.

Они на Святой Горе, у монастыря! Неужели это правда? В это трудно было поверить... Словами невозможно передать радостные чувства, переполнявшие их души. Испытания пройдены. Скоро осуществится их мечта. «Слава Тебе, Господи, за Твою любовь, явленную нам! Ты не оставил убогих Твоих до конца²³. Всей душой благодарим Тебя!» – снова и снова повторяли трое юношей.

Оставалось расплатиться с лодочником, и тогда можно будет вверить себя Святой Горе. Но и в последние минуты не обошлось без искушения. Монах, наблюдавший за пристанью, услышал крики и шум. Что же происходило в лодке? Лодочник потребовал от пассажиров дополнительную плату, так как счел теперь условленную ранее сумму недостаточной. Он угрожал юношам, что увезет их обратно, если те не заплатят требуемых денег.

– Помогите, отче! Помогите нам! – взывали юноши к монаху. Монах подплыл к ним на своей лодке.

– Высади ребят, иначе сдам тебя турецким властям! – пригрозил он лодочнику.

Появление монаха с внушительной наружностью и могучими руками решило дело. Лодочник вынужден был высаживать юношей на берег, взяв с них первоначально условленную сумму.

Так закончилось и это испытание.

Нежданное искушение

Пятнадцатого августа Богородичный праздник! Именно в этот день они высадились на берег, войдя в Удел Божией Матери.

Едва ступив на Святую Гору, Андреас, охваченный, как и его друзья, священным трепетом и душевным волнением, опустился на колени и поцеловал землю, ту благословенную землю, которая станет в свое время местом его последнего упокоения. Со страхом Божиим вошли юноши во двор монастыря, дивясь на келлии, балконы, купола, разнообразные строения...

В соборном храме они с особым благоговением помолились своему покровителю, святителю Николаю. Они изумлялись красоте храма, приложились к святым мощам и, счастливые, отправились в монастырскую гостиницу. Там их ждала комната, вместе с пищей и водой, которых им так не хватало в пути, и отдых, столь необходимый после семнадцатидневной одиссеи.

Андреас, не скрывая радости, повалился на постель, чтобы отдохнуть. Он полагал, что все злоключения позади, оставалось только радоваться. Кто бы мог подумать, что им предстояло еще одно искушение...

Случилось же вот что. Один из двоих его друзей, человек веселый и темпераментный, решил, что теперь можно, наконец, дать волю своим долго сдерживаемым радостным чувствам. И вот пошли шутки, дурачества, громкие возгласы. Он разошелся, не давая отдохнуть друзьям. Хуже того, шумные его выходки потревожили покой братии монастыря. Для тихой обители с ее строгим укладом такое поведение было совершенно недопустимым, и отец игумен вынужден был распорядиться, чтобы их тотчас удалили из монастыря.

Можно ли было без сочувствия наблюдать столь печальную сцену? Сидя у моря, выдворенные из монастыря юноши горько переживали этот удар. Скорбны были их лица, слезы безутешны. Андреас отошел в сторону и, упав на колени, с рыданиями взмолился:

– Святителю отче Николае, спаси нас! Помоги, не оставь нас! Сжался над нами и подвигни игумена снова принять нас в монастырь!

У него и в мыслях не было обратиться в другой монастырь. Он чувствовал сердцем, что место его здесь, куда привел его Господь. Здесь он должен жить, здесь и умереть.

– Что тут происходит? Что случилось? – слышался строгий голос старца Виктора, случайно проходившего мимо.

Старец Виктор, письмоводитель монастыря, ничего не знал о случившемся, и открывшаяся его глазам картина показалась ему странной.

– Как вы здесь оказались, ребята? Что за горе у вас? Почему вы плачете?

– Спаси нас, отче! Всего, что произошло с нами, не расскажешь. Тяготы и беды обрушились на нас, – со слезами ответили юноши.

Старец Виктор подробно расспросил их обо всем и узнал и об их отъезде из Пиргоса и о прибытии в Волос, о семнадцатидневном морском странствии, о прибытии в монастырь и об изгнании оттуда. Старец был потрясен и растроган. Успокоив юношей, он сейчас же направился к игумену и передал ему все, что узнал.

– Прошу тебя, святой старче, прими их снова. Выясни, кто из них виноват, а к двум другим прояви сострадание.

Игумен, узнав о стремлении юношей к монашеской жизни, об их мужественном решении, о трудном их пути, полном опасностей, был тронут до глубины души и, простив им детскую провинность, разрешил всем троим вернуться в монастырь.

Так закончилось еще одно испытание.

Юноши познали на себе, как много ужасных и непредвиденных искушений непременно выпадает на долю каждого, кто желает посвятить себя Богу. Исполненные радости, вернулись они в монастырь, полные решимости всецело посвятить себя на служение Господу.

Глава II. Святогорский монах. Новое поприще

Оставим теперь двух других юношей, ибо не знаем, как сложилась в дальнейшем их жизнь, да и не о них наше повествование. Последуем же за смиренным и ревностным Андреасом Протогеропулосом (такова была его фамилия), сошедшим в 1891 году на берег у монастыря святого Григория и начавшим с этого времени новую, подвижническую страницу в книге своей жизни.

Едва ступив на монастырский двор и осенив себя крестным знаменем, он попросил Бога, чтобы Он сподобил его остаться здесь до последнего издыхания. Теперь он знал: суровая жизнь в киновии станет для него новым полем брани, где надлежало подвизаться, чтобы завоевать небо и чтобы оно снизошло в его сердце.

Узок и тесен был путь, открывавшийся перед ним, но это был прямой путь к святости и обожению. Поприще монашеских подвигов призывало его к борьбе и победе. И ради этого борения юный Андреас (а было ему тогда семнадцать лет) отрекся от всех земных благ.

Семейный очаг, добрый отец, заботливая мать, восемь братьев и сестер с их любовью и радостями – все это было уже далеко, очень далеко от него. Он отказался от всего ради любви к Богу, «он отрекся от мира и от всего, что в мире», по слову Василия Великого. Теперь его сердце, ум, воля были вручены киновии и старцу, а через их посредство – Богу.

Игуменом в киновии святого Григория был тогда отец Симеон – личность выдающаяся. Он пришел из монастыря святого Павла, родом же был из Триполиса на Пелопоннесе. Отец Симеон обладал многими дарованиями, добродетелями и глубокой верой. Это был нелицемерный, чистый, миролюбивый, рассудительный и чрезвычайно деятельный человек. Не поддаются никакому исчислению те усилия, которые и он, и его монахи вкладывали в устройство монастыря. Вот лишь один пример. Камни для строительства монахи переносили и поднимали наверх на себе, надевая на спины специальные

деревянные седла! Тогда ведь не существовало современных машин, да и монастырь был крайне беден. Тяжелым грузом лежали на нем большие долги. Великим терпением и нечеловеческими трудами отец Симеон все привел в порядок. Видя, сколь необходим монастырю отец Симеон, Господь предоставил ему быть игуменом целых сорок шесть лет (1859–1905). Добродетели и самоотверженность аввы Симеона были таковы, что после смерти останки его благоухали.

Между старцем и его новым чадом установлено было негласное соглашение: Андреас должен оказывать старцу и старшим из братии совершенное послушание, даже если что-то покажется его неопытному уму чрезмерно трудным или нелепым; старец, со своей стороны, должен вести его по жизненному пути к познанию Бога и святости, а в будущей жизни – уготовить ему место у престола Божия, среди ста сорока тысяч, *искупленных от земли*²⁴.

Это духовное соглашение между ними было пока лишь предварительным. Гласное же соглашение по столь высокому предмету будет принято позже по особому чину в соборном храме монастыря в присутствии всей братии.

Послушник

Желание и решение Андреаса облечься в монашескую одежду должно было пройти испытательный срок. В течение двух лет он должен оставаться послушником. За это время определятся его возможности и будет ясно, достоин ли он стать монахом.

Эти два года были для Андреаса довольно трудными. Он прошел почти все виды монастырских послушаний, смиренно подчиняясь тем, кто ими руководил. Он много пережил, терпеливо перенося тяжелый характер некоторых братьев, выслушивая резкие и грубые слова, принимая бесчисленные упреки, дождем сыпавшиеся на него.

В столь юном возрасте, при тонкой, чувствительной натуре, многое было для него очень утомительным. Но иначе и быть не могло. Переход от теплой домашней обстановки к суровой монастырской жизни не мог пройти безболезненно. Все – от игумена до последнего из братьев – должны были помочь ему приспособиться к новой жизни, каждый по-своему, соответственно своему характеру и своим знаниям.

У юноши была опора в этой ежедневной борьбе. Прежде всего – почтенный старец, его земной отец. Ведь «истинный отец – это, во-первых, общий Отец, а во-вторых – руководитель духовного жития» (святитель Василий Великий). Старцу поверял он свои вопросы, сомнения, затруднения, мысли и находил в этом утешение. Любовь и рассудительность старца были для него основной опорой при первых шагах его монашеской жизни.

Другим утешением была для него келлия. Спокойный и сосредоточенный, послушник жил там красотой духовного мира. Несколько святых икон, которыми он украсил свою келлию, были обращены к его душе. С какими сокровищами встречался он, раскрывая святоотеческие книги! Какую силу и помощь находил он в них! Он не уставал перечитывать преподобного Иоанна Лествичника, внимая его мудрым словам: «Как деревья, колеблемые ветрами, глубоко в землю пускают корни, так и пребывающие в послушании стяжут крепкие и непоколебимые

души». А из творений преподобного Феодора Студита он узнал, что монашеская жизнь – это постоянная борьба, «непрекращающаяся брань с врагами незримыми».

Стоя в своей стасидии в храме, он переживал небесные мгновения, ум его вбирал благоухание, исходившее от молитв и псалмопений, канонов и синаксариев, кафизм и акафистов. Когда совершались полунощницы, умирительные вечерни, таинственные повечерия, долгие праздничные литургии, радостные торжественные бдения – с византийскими песнопениями, канонаршеством, с задержками в пении, с осьмогласным «Богородице Дево», – послушник чувствовал, что в храм нисходит небо.

Святые образа, которые украшали иконостас, стены, своды, аналои, и особенно исполненные непостижимой радости иконы Богоматери, глубоко трогали его сердце, даруя духовный мир и покой.

Он благоговейно прикладывался к святым мощам великомученицы Анастасии Римляныни, святителя Григория Богослова, святого Кирика, святого бессребреника Дамиана²⁵, великомученика Пантелеймона и других угодников Божиих, которые находятся в монастыре. И разве не было для него великой поддержкой живое прикосновение к этим подвижникам и мученикам Христовым?

Но наивысшую радость он испытывал в ожидании дня, когда удостоивался приобщиться Тела и Крови Христа, ради любви к Которому он оставил все.

Так послушник укреплялся и утверждался духом, глубоко укореняясь на той ниве, где насалил его Господь.

Постриг

Испытания, которые Андреасу пришлось пройти в качестве послушника, были выдержаны им более чем успешно. Его поведение дало собору старейшин монастыря основание сделать следующий шаг и принять решение о его постриге. И вот Андреас, пробывший в монастыре в течение двух лет, узнал от старца, что близок день, когда его постригут в монахи.

Эту весть он принял с радостью и воодушевлением. Скоро он облечется в ангельский образ! Какая высокая честь! За несколько дней до пострига Андреас получил освобождение от послушаний, чтобы подготовиться к этому великому событию. В тишине келлии, в богомыслии и молитве с нетерпением переживал он часы напряженной подготовки. «Близится великий миг», – говорил он про себя, считая оставшиеся часы.

Читая в Большом требнике чин пострижения в великую схиму, послушник не мог сдержать слез. Все обеты, которые он даст, все, что он скажет, запишут ангелы на небесах, а Бог в свое время потребует дать ответ за каждый из них.

Накануне вечером он пришел к старцу, в последний раз исповедался у него как послушник, получил благословение и выслушал его мудрые советы. В ту ночь, по обычаю Святой Горы, он не должен был спать. Ему надлежало провести ее в бдении и молитве.

Постриг совершался в атмосфере умиления и радости. Андреас получил посвящение в монашеский чин, и его монашеский обет был записан в небесной книге. Облаченный в вышитую крестами ангельскую схиму с кукулем, держа в руке свечу и крест, Андреас со слезами принимал благословения отцов.

– Что ты есть имя, брате? – спросили его, как полагалось по чину.

– Монах Афанасий, – ответил он дрожащим от волнения голосом.

Все отцы праздновали это событие, так как все искренне любили и ценили его за безупречное поведение в период

искуса. И ангелы на небесах, конечно же, возрадовались пострижению отца Афанасия.

На подворье в Карее

Каждый из двадцати больших монастырей Святой Горы имеет в Карее свой конак²⁶, или подворье, где пребывает монах, представляющий свою обитель в Священном Киноте²⁷. Вместе с ним поселяется более молодой собрат, на которого возлагается забота о конаке. Такая работа на подворье и была первым послушанием новопостриженного монаха Афанасия.

Согласно монастырскому уставу, отцу Афанасию надлежало пока жить вне монастыря, поскольку он еще не имел бороды. Таким образом, в 1893 году он оказался служащим конака в Карее, вместе со старцем Иаковом, с которым ему предстояло прожить целых одиннадцать лет.

Каковы же были характер и образ жизни старца Иакова? Следует сказать, что это был действительно старец, монах в подлинном смысле этого слова. Он знал монашескую жизнь и сам являл образец ее в самом строгом и истинном выражении. Он был из тех, о ком сказано в «Лествице»: *«Господь яко злато в горниле, паче же в общежитии, искуси их²⁸...»*. И он был вправе наложить такое же испытание на нового монаха.

Зоркими духовными очами старец Иаков видел сильную душу отца Афанасия и, подобно опытному тренеру, упражнял ее. Хотя старец сразу возлюбил отца Афанасия, своей любви он никогда не выказывал. Он старался выглядеть суровым и никогда не разговаривал с ним приветливо, никогда не улыбался, никогда не называл его по имени. Старец должен был держать молодого монаха на расстоянии, чтобы не допустить с его стороны вольностей в общении, ибо такая вольность, или «дерзость», согласно учению святых отцов, означает смерть для монаха.

С напускной строгостью старец приказывал ему трудиться в саду или в помещении подворья и почти всякий раз выговаривал за плохую работу. Он запретил завязывать общение с кем бы то ни было в Карее.

Старец не позволял отцу Афанасию заводить дружбу ни с кем из многочисленных обитателей городка. При посетителях

подворья отец Афанасий обязан был молчать. Очень часто отец Иаков именовал его непослушным, своенравным, ни на что не годным. В присутствии гостей старец, кроме всего прочего, как бы унижая, обращался к отцу Афанасию, имевшему высокую худую фигуру: «Червь земной». «Из него не будет никакого толку, – говорил старец Иаков. – Он себялюбец. Он не годится для высокой монашеской жизни».

Монахов, пришедших в монастырь в юности и не потерявших чистоты, отцы обычно готовили в священнослужители. Но отец Иаков никогда не поощрял таких мыслей у отца Афанасия. «Ты со своим себялюбием никогда не удостоишься орария»²⁹, – говорил он. Он уверял, что, как член собора старцев, никогда не допустит этого. И отец Афанасий со смиренным поклоном, положив руку на сердце, кротко произносил: «Да будет сие благословенно, старче».

Все эти тяготы – трудную физическую работу, долгие стояния на службах, истощившие его посты, выговоры и унижения перед посторонними – отец Афанасий переносил терпеливо, принимая их как дары от Бога, ниспосланные для совершенствования его души.

А отец Иаков радовался в душе, видя, как тот неизменно кротко отвечает ему, безмолвно и смиренно берется за суровые послушания, произнося каждый раз: «Да будет сие благословенно, старче».

Чтобы вынести эту многотрудную жизнь, отцу Афанасию надо было собирать все свои внутренние силы. Учение святых отцов о делании и созерцании составило фундамент той постройки, которую Бог заложил в его душе. Святоотеческие творения, над которыми он так любил размышлять, духовно вооружали его против всех печалей и искушений. Отец Афанасий верил, что Богу было угодно, чтобы он трудился и боролся именно так. И каждый день мужественно произносил он слова псалма из третьего часа: «...За словеса у стен Твоих аз сохранил пути жестоки»³⁰.

Трудолюбивая пчела

Какое прекрасное занятие – чтение любимых книг! При этом часто можно ощутить как бы дуновение свежего ветра, который освежает все твоё существо. Отец Афанасий с малых лет возлюбил учение. И здесь, на Святой Горе, где не было недостатка в духовных книгах, он каждую свободную минуту предавался чтению. Он собирал на этом духовном лугу самые изысканные цветы и составлял из них прекрасные букеты. С самых первых дней святогорской жизни он усердно предавался этому делу. Из разного рода житийных, аскетических, богословских и других книг он выбирал и переносил в свою тетрадь самые драгоценные духовные жемчужины. Эти благословенные труды он не прекращал до самой старости.

Позднее мне приходилось видеть эти его записки в руках многих монахов Григориата. Они поразительны своим разнообразием. Наряду с серьезными аскетическими поучениями здесь содержатся эпизоды из церковной истории; рядом со святоотеческими наставлениями – изречения древних мудрецов; рядом с цитатами из Священного Писания – важные положения церковного права, назидательные примеры из истории Древней Греции... Пир этот богат яствами. Отведаем же некоторые из них. Вот несколько образцов из этого собрания.

«Раз ты смертный, не мни себя бессмертным».

«И малая птичка не упадет на землю без воли Божией. Мы всегда должны говорить Богу: „Да будет воля Твоя“».

«Блаженный Августин полагал весьма поучительными повествования о святом Антонии и египетских отшельниках. „Что же это такое? – вопрошал он своего друга Алипия. – Ты слышишь? Неученые возвышаются и восхищают небо, мы же с нашим бессердечным знанием поработены плоти и крови“».

«Церкви дана не сила железного меча, но сила меча духовного, которым является Слово Божие».

«Пифагора невозможно было уговорить вкусить рыбы, ибо безгласные по природе своей рыбы служат символом

безмолвия, которое он считал божественным и небесным даром».

«Души избранных ищут уединения и избегают многолюдных собраний».

«Юстиниан привез и установил в храме Святой Софии устье колодца, у которого сидел Христос».

«Напиши ненависть твою на воде».

«Существует пять крещений. Первое – Моисеево, когда перевел он евреев через Чермное море. Второе – Иоанна Предтечи. Третье – Господа нашего Иисуса Христа (без этого Крещения нельзя стать христианином). Четвертое – мученичество (крещение кровью), это крещение принял и Христос. И пятое – крещение слезами, которые проистекают от памятования о грехах».

«Соедини свою волю с волей Божией, и тогда все исполнится, как ты желаешь».

«Святитель Григорий Палама пять дней недели проводил в Верийском скиту, не выходя из своей келлии и не позволяя другим входить в нее. Лишь по субботам и воскресеньям он покидал ее, ради совершения Божественной литургии и для духовного общения ».

«О Боже мой, справедливо говорит Твой апостол: „Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный“³¹. Укроти, Господи, и мой язык позлащенной уздой милости, дабы он мог говорить лишь то, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно³²».

Глава III. «На Свещнице»³³. У святого алтаря

1904 году, по прошествии одиннадцати лет, старец Иаков и отец Афанасий покидают Карею и возвращаются в монастырь. Так им было предписано.

И каким же богатым вернулся отец Афанасий! Дерево его души, столько времени противостоявшее натиску ветра, пустило глубокие корни. Плоды в изобилии покрывали ветви. Но самый драгоценный дар Бог приготовил для него теперь, после стольких трудов.

Неожиданно игумен сообщил ни о чем не подозревавшему отцу Афанасию, что ему следует готовиться к хиротонии. Все эти минувшие одиннадцать лет в монастыре знали о его духовном возрастании, так что теперь с великой радостью и воодушевлением было принято решение рукоположить его во диакона.

Больше всех предстоящей хиротонией был взволнован старец Иаков. Он него получено было самое теплое благословение. Ведь если в прошлом он искоренял у отца Афанасия всякую мысль о священстве, то делал это лишь ради любви к своему послушнику.

Самого же старца Иакова на следующий год почтили званием игумена. Он был достоин этого сана.

Иеродиакон Афанасий принял послушание хранителя священных сосудов. В его обязанности вошла также забота о гостях. Его присутствие на литургии и в архондарике излучало благодать Божию, которую ощущал каждый посетитель. Его благоразумие, благочестие, добродетель оставляли у всех благоприятное впечатление.

В 1908 году в возрасте тридцати четырех лет отец Афанасий был рукоположен во иеромонаха. Со священным страхом обнял он святой престол, чтобы навсегда остаться преданным служителем Божиим.

Воспитание терпения и воздержания принесло богатые плоды. Украшенный Божественной благодатью священства, он

вступил в новый период своей жизни, который продолжался уже до неба, до алтаря небесного.

При этом отец Афанасий не переставал быть смиренным монахом. Будучи отмечен высоким священническим званием, он оставался очень простым и разумным, исполненным терпения и кротости, прекрасным у *Бога и человеков*³⁴.

Кстати сказать, он с таким благоговением и страхом относился к священническому сану, что когда позднее стал игуменом и сам уже постриг двадцать семь монахов, то никого не решался «подталкивать» к святому алтарю. Он постоянно помнил мудрые слова: «Лучше быть с четками в раю, чем с епитрахилью в аду».

Встреча

Долгие годы родные ничего не знали об отце Афанасии, пока один из его братьев, офицер в чине майора, не выяснил наконец, что тот находится в монастыре святого Григория на Святой Горе Афон. Брат немедленно отправился туда.

Приезжает он в монастырь и узнает от отцов, что брата там нет и что находится он на какой-то далекой монастырской метохе³⁵. «Мы его потеряли еще ребенком и никак не могли найти. А теперь, когда я его нашел и к нему приехал, его нет! – сокрушенно говорил он отцам. – Нельзя ли мне как-нибудь добраться до этой метохы?»

Метоха, где пребывал отец Афанасий, находилась на центральном полуострове Халкидики, с его западной стороны, в деревне Балабани (ныне Новая Мармара). Отцы выразили сочувствие посетителю и рассказали, как туда добраться. Кроме того, они известили отца Афанасия и старца Ананию, эконома подворья, о госте, которого предстоит принять.

Последовавшая затем сцена показала крепость души отца Афанасия.

– Отец Афанасий, приехал твой брат. Беги его встречать, – сказали ему.

Казалось, это известие совершенно не тронуло его. Он твердо ответил:

– Я отрекся от родных ради любви к Богу. Теперь мои братья – те, кто находится в монастыре. Других братьев у меня нет.

Только благодаря вмешательству старца Анании, его уговорам и увещеваниям, отец Афанасий согласился все же ненадолго увидаться с братом.

Брат же, успевший уже услышать самые добрые слова об отце Афанасии, при виде его разразился рыданиями.

– Брат мой! Любимый мой брат! Наконец я нашел тебя, спустя столько лет. Я был совсем еще мал, когда ты ушел из дома. Мы думали, что ты погиб, – говорил он, не в силах сдерживать свои чувства.

– По Промыслу Божию избрал я особый путь. Я должен был покориться воле Божией и покинуть мир, – спокойно ответил отец Афанасий.

Офицер напомнил ему о прошлом, о родителях, о родственниках, о том, что пережили все они, когда узнали, что он жив и пребывает на Святой Горе. Он говорил о своих страданиях до встречи с ним и о своем желании навестить его снова.

Однако отец Афанасий, слушая брата, оставался безмолвным. Затем сказал ему твердо своим смиренным голосом:

– Брат, пусть будет первым и последним это твое посещение. Для мира я умер.

При этих словах офицер заплакал, как ребенок. И все же он не мог не восхититься стойкостью отца Афанасия. Какая сильная душа! Какое великое отречение даже от самых близких людей!

– Пусть будет так, брат. Только прошу тебя, прими от меня на память этот маленький подарок.

Это были часы. Отец Афанасий не хотел еще больше огорчать брата и взял их.

– Я сохраню их. И не перестану молить Бога, чтобы Он просветил и спас всех вас.

Брат с душевной болью простился с отцом Афанасием и покинул его навсегда.

Нашествие саранчи

В прибрежной области Пиэрии, восточнее Бери, в деревне Вултиста у монастыря святого Григория была метоха, купленная в 1857 году у некоего турецкого бея. Однажды эконо́м этой метохи в совершенной растерянности обратился в монастырь за помощью. Он просил прислать святы́е мо́щи и благочестивого иеромонаха.

Эту равнинную область поразило страшное бедствие. Несметные полчища саранчи грозили всему опустошением и гибелью.

Собор старцев монастыря немедленно решил оказать помощь. Приготовили святы́е мо́щи и, прежде всего, мо́щи преподобномученицы Анастасии Римляныни. Более благочестивого иеромонаха, чем отец Афанасий, в монастыре не было. И тот, привыкший к послушанию, поклонился игумену, помолился, взял благословение у отцов и отправился на борьбу со страшным природным злом.

Когда отец Афанасий прибыл в Вултисту, он испытал боль при виде опустошения, чинимого тучами саранчи. Жители деревни в волнении ждали милости Божией – иной надежды у них не было. С упованием встретили они помощь от монастыря, благоговейно прикладывались к святым мощам, припадали к руке афонского иеромонаха, который сразу внушил им веру. «Отче, моли Бога о сотворении чуда!» – умоляли они.

Медлить было нельзя. Вооруженный силой веры, отец Афанасий надел епитрахиль и стал кропить вокруг святой водой. Вместе с ним молились и святы́е, мо́щи которых он принес с собой. Всю свою жизнь он так старался угодить Богу, неужели же сейчас Бог не примет его молитвы? В мертвой тишине, которую хранила толпа сокрушенных христиан, звучал твердый и уверенный голос отца Афанасия: «Да не обидите ниже ниву, ниже виноград, ниже вертоград, ниже всякое древо, плодовитое и бесплодное, и ниже лист зелий... но отыдите... изыдите от мест наших...»³⁶.

Люди крестились, а отец Афанасий, исполненный священного трепета, со святыми мощами в руках обходил поля.

Народ изнемогал от волнения. Помощь Святой Горы была последним упованием. Сможет ли что-нибудь сделать этот святогорский иеромонах, с его молитвами и мощами святых? Но вскоре напряжение сменилось радостью и победными криками.

Там, где проходил со святыми мощами отец Афанасий, тучи саранчи, словно гонимые невидимой силой, срывались и улетали прочь. Скоро море у этих берегов нельзя было узнать – поверхность его была густо усеяна многими тысячами потонувшей саранчи. Местность была спасена от ужасного бедствия. А затем началось невиданное ликование – слезы радости, поклоны, лобызание рук.

Но и то, что происходило позднее, спустя несколько дней, в бухте возле Григориата, невозможно описать. С небывалой торжественностью, с византийским великолепием, с кадилами, хоругвями, в облачениях, в атмосфере праздника и священного волнения встречали братья отца Афанасия – как римского полководца, обратившего в бегство варваров и с триумфом возвратившегося в Рим.

Надо сказать, что еще и сейчас, спустя столько десятилетий, отцы волнуются и плачут, вспоминая это событие.

Игумен

В 1914 году, через шесть лет после рукоположения во пресвитера, отцу Афанасию предложили принять игуменство. Он не пленился оказываемой ему честью, но и не стал решительно противиться.

– Подождем лет десять, а там будет видно.

В продолжение этого времени, выполняя каждодневные обязанности священника, он нес и послушание библиотекаря. Кроме того, он был просфорником – месил тесто для богослужебных просфор. Обычно это послушание поручается монахам сосредоточенно-внимательной жизни.

Минуло десять лет, и то, что предвидел отец Афанасий, сбылось. Хотел он того или нет, но его избрали игуменом. Нисколько не возражая, он подчинился желанию братии, которое воспринял как волю Божию. Отцы торжествовали о происшедшем. Во главе монастыря был теперь самый достойный.

Принимая на себя управление монастырем, отец Афанасий вполне понимал меру своей ответственности. Теперь наряду с усердной работой над самим собой он обязан заботиться и о братии. Все братия, без какого бы то ни было исключения, должны были жить в соответствии с монашескими обетами, стремясь в меру сил к совершенству. А это требовало самоотверженности в жестокой и трудной борьбе.

Ради оказанной ему чести отец Афанасий старался стать образцом для подражания всем монахам. И он достиг этого, сделавшись, по слову Феодорита Кирского, «образцом любомудрия для всех своих подчиненных». Нерадивые монахи видели в нем надежного помощника, а прилежные – соратника. С необычайной добротой принимал он всех отцов и с неизменным вниманием выслушивал их мысли, вникал в их затруднения, и в каждом случае находил он мудрые советы и верные решения. Борения, слабости и искушения братий становились его собственными проблемами.

* * *

Как-то один из монахов, отец И., отказался выполнять послушание. Отец Афанасий ничего не сказал. Он встретил это печальное происшествие спокойно и терпеливо. И победил.

– Прости меня, старче, за то, что я сделал, – с такими словами прибежал к нему на рассвете раскаявшийся монах, который очень сокрушался о своем преслушании и не мог успокоиться от угрызений совести.

А отец Афанасий, как обычно бывало в подобных случаях, ответил:

– Этому ли учил Христос? Так ли Он велит нам поступать? – И затем продолжал: – Всегда исполняй послушания. Если же это бывает трудно и утомительно, то вспоминай тогда о Господе и Его страданиях.

* * *

Однажды другой монах, отец В., человек буйного и вспыльчивого нрава, поднял в монастыре большой шум без всякой на то причины.

Ласковый и кроткий отец Афанасий, заботясь об общем благе, прибег на сей раз к резким словам. «Я велю связать тебя», – сказал он этому монаху.

Тогда тот распалился и повел себя совершенно неподобающе по отношению к игумену. Отец Афанасий, не сказав ни слова, удалился в игуменские покои, страдая душой из-за падения брата. Когда о случившемся стало известно собору старцев, те потребовали наказать отца В. в назидание другим и изгнать его из монастыря, ибо подобное поведение в киновии непростительно. Однако их требование натолкнулось на любовь и снисходительность игумена. Он сказал: «Если вы примете такое решение, то я не подпишусь под ним». В подобных случаях он, как правило, благожелательно наставлял: «Игумен для монахов – отец, а потому в минуты их слабости он должен быть с ними».

Особую заботу проявлял отец Афанасий о богослужении, уделяя всему, что с этим связано, особое внимание. «Все, что делается для Бога, – говорил он часто, – должно делаться самым совершенным и самым достойным образом».

Ему хотелось, чтобы в храме все было достойно Бога, ради Которого и совершается служба. В требовании чистоты и благоуукрашения храма он был педантичен – храм должен был сиять. Вот какой случай рассказал нам один старец, исполнявший некогда послушание пономаря:

– По послушанию я регулярно занимался уборкой храма и старался делать это как можно лучше. Незабвенный игумен не раз посещал меня и, видя мое усердие, обычно возглашал: «Благослови, Господи, любящих порядок в Твоем доме». Когда он с радостью произносил эти молитвенные слова, я чувствовал невыразимое волнение. Мне трудно было сдержать слезы.

Он также настаивал, чтобы облачения совершающих литургию блистали великолепием. «Вы, кто сподобились быть домостроителями Святых Таин, обязаны являться на литургию чистыми, собранными, благообразными, в прекрасном облачении», – говорил он иереям.

Во время всенощного бдения и в большие праздники он сидел на своем игуменском месте, облаченный в игуменскую мантию, с посохом в руке, придавая праздничной атмосфере незабываемый, торжественный характер.

Вообще же порядок и великолепие, традиционно отличавшие монастырь святого Григория, в период игуменства отца Афанасия соблюдались еще более неукоснительно. И богослужению, и всем другим сторонам монастырского уклада были присущи торжественность и глубокая серьезность.

Серьезность, можно сказать, была у отца Афанасия в крови.

За едой в трапезной он не имел привычки смотреть по сторонам, но смотрел лишь прямо перед собой. Только раз поднимал он глаза – чтобы взглянуть, заканчивают ли отцы трапезу, и затем благословить выход из-за стола.

Отец Афанасий никогда не спускался во двор монастыря без рясы.

Ни разу не слетели с уст его праздные слова или остроты.

Каждое его движение, каждое действие, каждая встреча были глубоко значимы. Прежде чем отдать распоряжение, он

долго его обдумывал, но если уж отдавал, то после никогда не отменял.

В воскресные дни, согласно святогорскому уставу, в храме бывало два чтения: одно – после Троичного канона, перед шестопсалмием, другое – после второй кафизмы. Первое совершалось игуменом, второе – чередным священником. Когда отец Афанасий как игумен совершал первое чтение, то исполнял это так прекрасно, так торжественно и умирительно, что люди слушали его с глубоким волнением. То было редкое духовное наслаждение. Все рады были видеть и слышать его и вместе с ним насладиться смыслом воскресного Евангелия.

Трудолюбие отца Афанасия было беспримерным. Как когда-то, еще будучи послушником на подворье в Карее, так и теперь, будучи игуменом, он являл собою образец трудолюбия. Во время общих работ он всех вдохновлял своим усердием. И позже, уже оставив игуменство, он продолжал напряженно трудиться. Священническое служение он совмещал с ремесленными работами, а кроме того – что было уже совсем необычно – попросил для себя послушание на просфорне. Бывший игумен – и просфорник! Такого еще не бывало.

Он занимался и интеллектуальным трудом. Наряду с чтением книг и систематическим выписыванием избранных мест он достаточно серьезно изучал русский язык. В то время на Святой Горе было много русских монахов. С некоторыми из них у него установились тесные духовные связи, и ему надо было хотя бы немного знать их язык. Сохранились записи, которые свидетельствуют о стараниях отца Афанасия в этом деле.

Ввиду этих и других добродетелей, о которых мы расскажем далее, монастырь святого Григория мог гордиться своим игуменом.

Мудрый наставник

Слово отца Афанасия, поощрял ли он кого-то или порицал, обладало чудодейственной силой. Часто содержалось в нем и мудрое иносказание, исполненное духовной благодати.

Один монах-григориат, человек необузданного и вспыльчивого нрава, не раз в гневе выходил из себя, создавая тем самым ситуации, совершенно несовместимые с монастырским укладом жизни. Старец, которого это крайне удручало, всегда молча ждал, когда возмущение успокоится. Но как-то раз старец позвал брата и пошел с ним к морю. «Чадое, – сказал он ему, – знаешь ли, что происходит с морем? Когда оно бушует и штормит, то опрокидывает лодки вверх дном, разбивает суда, производит кораблекрушения, топит людей. Когда же опомнится и успокоится, то с горьким сожалением взирает на содеянное им же и стонет: „Ну и ну! Что я натворило! Что за несчастье! Увы мне!“».

* * *

Другому – молодому малограмотному монаху, который не способен был научиться читать и не мог вычитывать полунощницу, – отец Афанасий сказал: «Отец Савва, не говори мне, что ты не способен научиться читать. Терпением всего можно достичь. Видишь, из каких твердых камней сложены края колодца? И все же веревка, на которой держится ведро, постепенно протачивает их. Не думаю, чтобы твои мозги были тверже, чем камни у края колодца ».

* * *

Когда отец Афанасий видел, что нужна снисходительность, то был снисходителен. Если же дело требовало строгого вмешательства, он проявлял строгость. Так, однажды одного монаха, отца М., он подверг следующему наказанию: тот должен был во время трапезы стоя творить молитвы по четкам. Отец М. счел это наказание непомерно тяжким.

– Прошу тебя, не настаивай на этом, старче, иначе ты вынудишь меня покинуть монастырь, – просил он.

– Чадое мое, перед тобой два пути! Ты можешь выбрать любой, какой пожелаешь, – невозмутимо ответил отец Афанасий.

Видя непреклонность старца, отец М. превозмог себя и исполнил епитимию.

* * *

Ум отца Афанасия служил ему безупречно и ясно улавливал все происходящее. Этому способствовала и внутренняя чистота старца, уклонение от всякой нечистой страсти, помрачающей ум. Когда жизнь человека непорочна, душа его делается, по слову святителя Иоанна Златоуста, «тонка, легка и гораздо чище самого тонкого воздуха».

Он видел многие лукавые и тайные дела своих подопечных и безошибочно объяснял их. Взгляд его за благовидной внешностью различал неприглядную и требующую исправления реальность. Поставив верный диагноз, можно было исправить положение соответственным вмешательством. То, каким образом старец разрешал подобные состояния, изумляет нас. Мы восхищаемся его высоким пастырским искусством. Следующий эпизод ярко запечатлел его пастырскую мудрость.

Как-то раз ночью отцу И., первому еkkлесиарху³⁷ монастыря, искуситель нашептал соблазнительные слова:

– Опять ты должен просыпаться в полночь и бить в било? Опять придется прерывать сладкий сон? Так и будешь каждую ночь терпеть это лихо? Ты устал! Пусть теперь второй еkkлесиарх бьет в било. Скажись больным, дай своему телу отдых. Выспись хоть разок!

Через некоторое время слышался голос второго еkkлесиарха:

– Отец И.! Что случилось? Почему ты опоздал? Время пришло.

– Не могу, брат. Плохо себя чувствую. Ты сам бей в било, я болен.

С третьим ударом в било монахи заняли свои стасидии, и служба началась как положено. А отец И., пораженный бесом уныния, будто расслабленный, погрузился в глубокий сон, как

*свинец в великих водах*³⁸. Про себя он думал, что заслужил передышку хоть на эту ночь.

Второй епископ сообщил о происшедшем игумену. Тот, вследствие чистоты своего ума, понял, что дело не в болезни, но в чем-то другом. Оставить этот случай незамеченным он не мог. Необходимо было немедленно вмешаться, чтобы пресечь зло в зародыше, уничтожить врага в младенческом его возрасте. Ведь и святые отцы рекомендуют убивать эти порождения Вавилона, как только они появляются: *«Дщи Вавилоны окающая! Блажен, иже имеет. и разбьет младенцы твоя о камень!»*³⁹. Если же дать этим вавилонским побегам возрасти, то их будет трудно искоренить.

Незамедлительно возник совершенно необычный план противодействия, какого никак не мог ожидать «больной» монах.

Многие отцы в храме были удивлены, видя, как несколько священников в своих облачениях вышли, оставив службу. Куда они направились? Куда же еще, как не в келлию отца И.!

– Мы пришли покропить святой водой и пособоровать тебя ради твоего выздоровления, – сказали они ему.

«Больной» в совершенной растерянности продолжал лежать в постели, волей-неволей наблюдая, как отцы кропят святой водой его келлию. Чувствовал он себя скверно. Уж лучше бы они ушли, оставив его в покое! Совесть все сильнее мучила его. В душе нарастала тревога. Он испугался: не кощунство ли это с его стороны? Последняя мысль терзала его.

Между тем окропление закончилось, и вот-вот должны были приступить к елеопомазанию. Тогда он, не в силах более терпеть, вскочил с постели и закричал:

– Нет! Нет, отцы! Не надо меня соборовать. Довольно. Все прошло. Я здоров. Я сейчас же пойду на службу. У меня ничего не болит.

Этого оказалось вполне достаточно. Разве посмеет он впредь поддаваться искушению? Разве дерзнет сказать больным? При этом отец И. не мог не восхищаться пастырским мастерством своего старца. Точный диагноз, правильный метод лечения, исполнение плана – все было безупречным. А ведь

старец не был образованным человеком, он не учился и не получал никакого диплома.

Известны и другие случаи подобного рода. В них всегда побеждала мудрость отца Афанасия. Монах, который вообразил, что у него серьезная болезнь и что он не в состоянии быть на службе, понял в итоге, что он вполне здоров. Так, например, отец Геласий (речь идет уже о другом случае), только представив, что к нему явится священник, чтобы благословить его святыми мощами, затем санитар – чтобы поместить его в больницу, и что неминуемо начнутся разбирательства, вмиг отрешился от мнимой головной боли и поспешно отправился к своей стасидии.

Удивительная педагогика святогорских старцев для нас представляется откровением. Откуда у них такая мудрость? Ответ нам дает святой автор «Лествицы»: «Душа, чистотою соединившаяся с Богом, для научения своего не имеет нужды в слове других, ибо блаженная сия в себе самой носит присносущное Слово, Которое есть ее тайноводитель, наставник и просвещение».

О мудрость святых старцев-иноков! Тебе под силу развеять, словно дым, вражеские козни. Успех венчает каждое твоё дело. Если бы ты всегда спешила нам навстречу в наших духовных поисках! Тогда бы в нас расцвела вера, что Господь не оставил Свой народ.

Выброшенная метла

Из Жития преподобного Саввы Освященного известен примечательный эпизод, свидетельствующий о том, как мудро святой вселял в своих монахов дух бережливости и рачительности.

В гостинице Лавры нес послушание монах Иаков. Как-то раз он наварил слишком много бобов и остаток их выбросил из окна в овраг. Заметив это из своей башни, преподобный позже незаметно спустился и собрал бобы.

Через некоторое время он позвал на обед Иакова, а когда тот поел, сказал ему:

- Прости меня, брат, если я не угодил тебе моим обедом.
- Напротив, отче, я очень доволен. Признаюсь, много лет не пробовал такого вкусного и хорошо приготовленного блюда.
- Так оно тебе понравилось? А ты знаешь, из чего это приготовлено?
- Из чего?
- Да из тех самых бобов, которые ты на днях выбросил в овраг!

Монах почувствовал себя крайне неловко. Опустив голову, он молча обдумывал урок, который преподал ему святой. Выслушав затем и наставление преподобного, он понял, что к достоянию монастыря – будь это пища или что-либо другое – следует относиться бережливо и заботливо.

* * *

Однако вернемся теперь в обитель святого Григория, чтобы и там наблюдать подобную сцену. Как-то, глядя на море из окна игуменских покоев, отец Афанасий заметил, как некий предмет, описав в воздухе кривую, упал среди прибрежных скал. Внимательно приглядевшись, он понял, что это была старая метла.

Уже через несколько минут старец беседовал с провинившимся монахом.

- Это ты выбросил метлу?
- Я, старче.

– А зачем ты ее выбросил?
– Да она уже обитая и никуда не годится.
– Но ведь метловище-то цело. Почему ты и его выбросил?
– Простите, старче. Я не подумал об этом.
– А следовало подумать. Ведь кто-то из братьев пошел в лес, срезал с дерева ветвь, снял с нее кору, обтесал, обстругал, отмерил, украсил. Это большой труд. А ты взял и вышвырнул ее, как будто это для тебя ничего не значит. Мы могли бы использовать это метловище для другой метлы. (Надобно заметить, что в те времена монахи сами делали метлы из ветвей кустарника.) Теперь придется тебе спуститься за ней и принести ее обратно.

Бедный монах! Ему предстояло сделать немалый круг, чтобы подойти к прибрежным скалам. Нужна была предельная осторожность, чтобы при спуске не оступиться. Требовалось также терпение, чтобы превозмочь мучительный внутренний ропот. Потом он признавался, что его одолевали такие помыслы: «Что за бессмысленное послушание дал тебе старец! Ты, пожалуй, не только что не вытащишь наверх эту негодную метлу, а сам вместо этого низринешься в море!»

В конце концов он преодолел все внешние и внутренние преграды и возвратился в монастырь целым и невредимым, держа в руках эту знаменитую метлу.

С того самого дня – поворотного, сказали бы мы, – монах внимательно выверял каждый свой поступок, особенно если намеревался выбросить какую-нибудь вещь, отслужившую свой срок. Тот рискованный спуск, страх, карабканье по обрывистым скалам, рев прибоя – все это стало для него самой действенной проповедью благоразумия и бережливости.

Этот случай благотворно подействовал и на других отцов обители. Выброшенная метла и связанные с ней злоключения монаха научили их многому. Чему же? Заботливому и бережливому отношению к монастырскому достоянию. И да сбудутся на них слова Евангелия: «...чтобы ничего не пропало»⁴⁰, – какой бы малой и незначительной ни казалась вещь.

Небесные покровители

Тяготы игуменского служения разделяли с отцом Афанасием святые угодники Божии – небесные покровители Григориата, и в первую очередь святитель Николай.

Когда минуло около восьми лет игуменства отца Афанасия, произошло чудесное событие, которое даровало отцам великую духовную радость и умножило их любовь к святому архиепископу Мир Ликийских. Как же не ублажать и не благодарить святого при виде его столь откровенно явленного заступничества!

Два брата, отец Михаил и отец Хрисанф, работали на монастырской пекарне. В тот раз они, как обычно, готовили пшеницу к помолу на мельнице – провеивали ее на специальной машине, очищавшей зерно от мякины и мусора. Выглядели они при этом отнюдь не радостно, поскольку пшеница заканчивалась, а добыть ее было нелегко.

В это время к пекарне подошел небольшого роста лысый старичок в бедной одежде, державший в руке небольшое Евангелие.

– Здравствуйте, отцы! Как поживаете?

– Слава Богу, хорошо.

– Пшеницы много ли у вас?

– Только та, что перед тобою, дедушка. Еле-еле хватит один раз замесить тесто. А нам надо печь хлеб два раза в неделю.

– Не унывайте, отцы. Бог велик.

Старик благословил пшеницу и удалился. Тут монахи спохватились:

– Плохо, что не накормили странника. Давай позовем его и предложим поесть.

Они побежали вдогонку, но нигде не нашли старичка. Чудеса, да и только! Тот исчез моментально, как если бы это был юноша, да еще невероятно скорый на ногу. Братия спрашивали других монахов, но никто не видел старичка и ничего не знал о нем.

Постепенно братия пришли к заключению, что им являлся сам святитель Николай. Все сомнения рассеялись, когда обнаружилось нечто чудесное: пшеница, которую благословил старичок, не кончалась целых шесть месяцев. Это было явное чудотворение!

Вера в то, что святитель Николай неусыпно печется о нуждах монастыря, укрепилась тогда еще больше. Умножились и духовные силы отцов, а почитание небесного покровителя достигло высшей степени.

Старейшие монахи припомнили тогда и другие чудеса святителя, явленные в обители в былые годы. Младшие не упускали возможности послушать эти чудесные сказания. Полезно будет и нам последовать их примеру.

* * *

Отец Симеон, старец отца Афанасия, был преисполнен веры в покровительство святителя Николая. Он верил, что святитель Николай более других печется о нуждах монастыря.

Как-то раз приближалось шестое декабря⁴¹, и все отцы были в сборе. С Божией помощью приготовления к празднику шли своим чередом. Беспокоились одни только повара, так как у них до сих пор не было рыбы. Накануне праздника, после полудня, они обратились к игумену:

– Старче, быть может, придется обойтись вяленой треской? Если так, то мы сейчас же замочим ее.

– Нет! Нет! Не беспокойтесь об этом. У нас будет свежая рыба. Святитель Николай позаботится об этом.

Между тем началось всенощное бдение. Повечерие, великая вечерня, благословение хлебов, утренняя с шестопсалмием и кафизмами... Одно следовало за другим. Обеспокоенные повара снова явились к игумену:

– Старче, теперь уже мы и вяленую треску не успеем замочить. Не приготовить ли фасоль?

– Нет! Нет! Будет свежая рыба.

Повара не могли этого понять. Откуда возьмется рыба? И когда? Ведь прошла уже половина утрени. На чем же основана уверенность игумена?

Так думали они и беспокоились, а хор тем временем уже начал петь великое славословие. Но тут во дворе послышались чьи-то радостные возгласы. Это был смотритель пристани. Задышавшись от волнения, он кричал:

– Отцы, спускайтесь к берегу! Берите корзины и спускайтесь! Святой сотворил великое чудо!

Что же произошло? Оказывается, стремительной волной выбросило на берег великое множество окуней, отборных и крупных. Божественный дар! Животрепещущее чудо святого! Все были в изумлении, особенно же повара, которые не знали, чему больше дивиться: чудотворению ли святого или непоколебимой вере старца.

Ни на одной праздничной трапезе не было у них прежде такой свежей и вкусной рыбы. Изобильный дар был духовным и вещественным благословением святителя Николая.

* * *

При игумене Симеоне произошло еще одно чудесное событие, также в праздник святителя Николая.

В тот раз эконоом доложил игумену, что не в состоянии наделить маслом отшельников. Тогда существовал обычай оделять растительным маслом бедных отшельников, собравшихся на праздник.

– Почему же? – спросил игумен.

– Мало масла, у самих осталось всего полбочонка.

– Ничего, раздавай то, что осталось, – распорядился игумен.

Эконоом подчинился. Раздавая масло отшельникам, принимавшим его с радостью, сам он особой радости не испытывал: ведь масло было на исходе, а теперь его совсем не останется. Так подсказывал ему его рассудок, или, вернее, его маловерие. Однако то, что произошло потом и чему он первый стал свидетелем, оживотворило в нем веру в Промысл Божий и в силу Божию. Святой покровитель монастыря, сострадательный и милосердный, снова явил себя. Случилось же чудо: масла от раздачи не убывало, его оставалось все время столько же, сколько и было. Таким образом, и

отшельники были утешены, и монастырь не понес убытка, и маловерный монах получил хороший урок.

Если бы кто-нибудь внимательно и терпеливо изучил монастырские летописи, то он нашел бы в них многочисленные свидетельства о чудотворениях святителя Николая. Сколько раз ограждал он монастырь от неминуемых пожаров! Сколько спас монахов, сорвавшихся с отвесных скал! Сколько раз охранял лодки и корабли от грозивших им крушений!

В соборном храме монастыря в бронзовом кольце большого паникадила можно увидеть серебряную модель шхуны. Она напоминает о чудесном событии. Когда-то у этих берегов во время сильного шторма едва не затонула шхуна, направлявшаяся к монастырю, чтобы загрузить доски. Но как только моряки стали призывать на помощь святителя Николая, буря утихла, и они, против всякого ожидания, спаслись от неминуемой гибели.

* * *

Покровительницей монастыря является и преподобномученица Анастасия Римляныня, принявшая мученическую кончину в III веке, при Декии. В западной части внутреннего монастырского двора есть умилительная церковка, освященная во имя этой святой. В монастыре хранятся многие частицы ее святых мощей и среди них даже благоухающие частицы плоти. В особом сосуде сберегается кровь, излившаяся из ее ран.

Преподобномученица Анастасия имеет сугубое попечение о здравии отцов. Ее справедливо именуют целительницей. Нелегко перечислить те случаи, когда монахи избавлялись от болезней благодаря ее чудодейственной силе. Бывало даже, что служители монастырской больницы оставались не у дел, так как всякому заболевшему достаточно было лишь положить поклон перед мощами святой, и тотчас наступало исцеление.

Некоторое время назад мы посетили монастырь святого Григория. Мы поднялись наверх, к садам. У больших цистерн для хранения воды находился домик садовника. Там встретили мы пожилого монаха, отца Исихия, и молодого послушника – его помощника. Отец Исихий, веселый, добродушный, общительный

человек, охотно рассказывал нам об отце Афанасии, о монастыре, о святых его покровителях. Между прочим он сообщил нам: «С самого детства я страдал кровотечениями из носа. Это несчастье мучило меня долгие годы. В 1935 году – мне было тогда тридцать восемь лет – я нес послушание повара. Однажды у меня очень сильно пошла носом кровь. От других монахов я постоянно слышал рассказы о целительной помощи святой Анастасии. Побежал и я к чередному священнику и попросил, чтобы он открыл ее святые мощи. Тот надел епитрахиль, взял десницу святой преподобномученицы и начертал ею крестное знамение над моим носом. И все! Уже сорок лет миновало с тех пор, и меня ни разу больше не беспокоил этот недуг. Исцеление, полученное от святой, поистине являло собой *дар совершен⁴²*».

О святые покровители! Это истинная реальность, и вызывает она лишь изумление, сколько о ней ни размышляй. Благий Бог назначил для различных обителей и храмов, если так можно выразиться, своего рода «маленьких богов». Сколь же блажен тот, кого осеняют их сильные крылья! Однако нужно бодрствовать, чтобы удостоиться их покровительства.

Видение одного монаха

Эта глава подтверждает и другими примерами сказанное выше, а также показывает, сколь велика милость Божия к простым и смиренным душам.

Отец Афанасий был весьма доволен поведением своего послушника отца Г. – и не потому только, что тот с готовностью исполнял свои монашеские обязанности, но и потому, что у него было простое и чистое сердце. Когда они беседовали между собой, то отец Г. говорил всегда искренне и бесхитростно. Его душевный мир был подобен совершенно прямой дороге, не знающей ни поворотов, ни извилин, ни разветвлений. Говоря словами отцов, его отличали непорочный нрав и неизменная простота. К таким душам всегда благосклонно небо, и завеса, разделяющая земное и небесное, легко устраняется.

Шла утренняя. На девятой песни канона, когда происходит величание Пресвятой Богородицы, этот монах, глядя на Царские врата, увидел нечто совершенно невероятное. Одна следом за другой из врат вышли две жены, величавые и внушающие благоговение. «Как оказались здесь женщины?» – спрашивал он себя. А жены меж тем прошествовали через храм перед монахами, причем вторая по указанию Первой раздавала монахам деньги.

Когда закончилась литургия и утренняя трапеза, отец Г. поспешил к старцу.

– Старче, кто были те жены, что приходили сегодня в храм? – спросил он.

Отец Афанасий сразу же понял, что ученик его удостоился некоего особого благословения свыше.

– Как ты их увидел? Сколько их было? Как они выглядели?

– Их было две. Первая – выше ростом, в великолепном одеянии, покрывавшем и голову. Жена та выглядела Царицей. Вторая была роста небольшого, молодая, скромная, в темно-серой одежде. Она раздавала деньги по указанию Первой.

– Прекрасное видение послал тебе Бог, чадо мое. Первая из жен была Пресвятая Богородица, Царица и Владычица

Святой Горы. Вторая же – преподобномученица Анастасия, покровительница нашего монастыря, ее святые мощи почивают у нас.

– Должно быть, так оно и было, старче. К этому склоняется душа моя. Но я не понимаю, почему они раздавали деньги. Какое отношение имеют святые к деньгам?

– Они таким образом хотели показать, что довольны трудами отцов, которые ночью встают от сна и воспевают Бога и святых Его, и дали им знать, что все они достойны награды. Разве ты не помнишь, что читали мы в синаксаре⁴³ 1 октября?

– Не могу вспомнить. Что же мы читали?

– Мы читали о житии преподобного Иоанна Кукузеля, который был величайшим музыкантом и лучшим псалмопевцем своего времени. Он был руководителем придворного хора! Ради великой любви к Богу он покинул Константинополь с его дворцами и удалился на Святую Гору, в Лавру святого Афанасия. Как-то раз, в Субботу Акафиста⁴⁴, после усердного пения в соборном храме монастыря он ненадолго задремал, стоя в своей стасидии. Тогда явилась ему Госпожа Богородица и произнесла: «Радуйся, Иоанне, дитя Мое. Пой Мне, и Я за это тебя не оставлю». Она что-то вложила ему в руку. Тот сразу же проснулся в большом волнении и с изумлением увидел у себя в правой руке златницу. Позже он отнес ее в церковь и засвидетельствовал чудо.

Отец Г. в восхищении слушал слова старца. Он понял, что означала раздача монет. В нем укрепилась вера в то, что святые живы и наблюдают с любовью за трудами монахов. С этого дня он с еще большим благоговением чтит иконы Пресвятой Богородицы и преподобномученицы Анастасии, а также святые мощи последней.

Однажды отец Г. заболел рожистым воспалением: лицо его покраснело и распухло, головная боль и лихорадка измучили его. И тут не помышлял он ни о каком лечении, уповая лишь на мощи святой Анастасии. И чудо вскоре совершилось.

Но не надо удивляться. В жизни монаха, а святогорца особенно, сверхъестественное начало весьма ощутимо. Монахи

«привыкли» к непривычному. Многое случается. Как говорил апостол Павел: *«Бог Господа нашего Иисуса Христа... просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его и какое богатство славного наследия Его для святых»*⁴⁵.

Уход на покой

За время игуменства отец Афанасий изведal множество трудностей и искушений. В первые годы ему досаждала проблема календаря. Он был настроен решительно против нововведений в монастыре, диктуемых духом модернизма.

Его позиция напоминала убеждения студийских монахов. «Мы должны, – говорил он, – быть непоколебимыми столпами древних традиций наших отцов, мужественными воинами Христа, а не руководиться правилом: „Так велели владыки и патриархи». Что говорит нам апостол Павел – уста Христовы? Вот его слова: *„Но если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»*⁴⁶».

В 1927 году старец даже не допустил в монастырь государственного чиновника, прибывшего туда с официальным визитом. Эта акция имела следствием отстранение отца Афанасия от игуменства по решению Священного Кинота. Ему угрожало даже изгнание. Однако продолжалось это недолго, и уже через несколько дней он был восстановлен в прежнем своем положении.

По истечении тринадцатого года игуменства отец Афанасий почувствовал внутреннюю необходимость освободиться от этого многотрудного служения.

Все эти годы он неукоснительно соблюдал в монастыре установления, начертанные прежними игуменами. Он верил, что если строго следовать жизненному примеру отцов, то можно достичь и духовного их совершенства. Если же допустить хотя бы одно отступление от установленного порядка, тем более без серьезной на то причины, то оно может повлечь за собой и второе, за вторым последует третье, и таким образом зло будет усугубляться.

В 1937 году, на тринадцатом году игуменства, отцу Афанасию пришлось столкнуться с досадным нарушением одного из канонов внутренней жизни монастыря. Происшедшее

представлялось ему столь серьезным, что в знак протеста он подал прошение об оставлении игуменства.

Виновный в нарушении монах сразу же понял свою ошибку. Он бросился к отцу Афанасию, упал в ноги ему и просил прощения.

– Прости меня, старче.

– Бог простит тебя, отец.

– Старче, не настаивай на своей отставке. Отзови прошение. Прими игуменство снова.

– Чадо, Бог назначил мне быть игуменом до этого срока.

С отставкой отца Афанасия монастырь оказался в трудном положении. Братия как самостоятельно, так и при посредничестве людей, пользовавшихся влиянием на Святой Горе, пытались отговорить его от принятого решения. Но он не уступил, хотя за его возвращение на место игумена был весь монастырь. «Я очень люблю тишину, – сказал он, – и я просил Бога ниспослать мне такую радость. Бог даровал ее мне, и впредь я хочу жить как простой монах. Есть достойные и способные отцы, которые могут принять игуменство и будут наставлять монахов лучше, чем я».

Видя его непреклонность, братия отступили. Отца Афанасия не прельщали высокие должности, он думал лишь об исполнении долга и подчинении воле Божией. Братия оставили старца в покое, чтобы он мог, по его словам, немного приглядеться к самому себе и подготовиться к пути на небо.

Глава IV. Духовное сияние. Духовное величие

Благообразным своим обликом отец Афанасий напоминал древних отцов Фиваиды⁴⁷. Казалось, что он *не от мира сего*⁴⁸. Все добродетели святых не только соединились в его лице, но и приобрели некий особый оттенок.

На всякого, кто общался с отцом Афанасием, в первую очередь производило впечатление выражение его лица. На нем как бы постоянно лежала печать покоя и тишины. Спокойствия он не терял даже тогда, когда испытывал сильное волнение. Если же кто-либо огорчал его, в чем-то винил или оскорблял, он хранил совершенное молчание, не пытаясь роптать или защитить себя.

Были случаи, когда на соборе старейшин некоторые своенравные отцы, занимавшие ответственные должности, весьма огорчали его своими выступлениями. Однако он подавлял в себе всякое внутреннее противление и оставался спокойным, не выказывая ни малейшего раздражения. Когда же заседание кончалось, для восстановления душевного спокойствия он шел в храм и погружался в псалмопение. Терпение и мир старец ставил превыше всего. Дар молчания он старался передать и своим подопечным, которым часто говорил так:

– Молчание спасает от многих зол.

Он был наделен способностью избавлять души от беса печали – этого страшного беса, ввергающего людей во тьму отчаяния. «Как моль точит одежду, а древесный червь – мебель, так печаль разъедает душу», – говорят святые отцы.

Как-то один иеромонах из Нового скита, очень страдавший от некоего искушения, дошел до того, что не осмеливался более служить литургию. Когда же он совершал литургию в последний раз, то едва довел богослужение до конца. Направляясь в монастырь святого Григория к своему духовнику, монах думал, что получит большую епитимию. Отец Афанасий понял, в какую тугую петлю попал монах из-за духа печали, и сразу прервал его:

– Молодец, – сказал он монаху, – хотел бы я, чтобы все исповедующиеся у меня иереи были столь же смиренными. Смиренными и осознающими свое недостойство. Рад за тебя, а епитимия, которую я на тебя налагаю, такова: начнешь совершать литургии с завтрашнего дня!

Великое множество человеческих душ обрело под его епитрахилью утешение и мир. Он выходил на исповедь всегда в той самой епитрахили, которую получил при рукоположении в сан. Согласно православному учению, и рукотворные вещи могут быть причастны нетварной Божественной благодати. Так случилось и с епитрахилью старца. Она хранится ныне в келлии одного монаха- григориата, который особенно чтит отца Афанасия и даже носит его имя. Время от времени она источает благоухание. Не раз монахи, страдавшие от печальных помыслов и беспокойства, прикладывались к ней и тотчас приходили в мирное состояние.

Радость и мир исходили от отца Афанасия и даже от предметов, окружавших его.

* * *

Отец Афанасий был очень внимателен к своим словам. Никогда не отверзал он уст для осуждения брата. Если случалось, что кто-либо из его подопечных на исповеди или в разговоре упоминал об ошибках других, он прерывал того: «Оставь в покое других. Отвечай за себя. Избегай осуждения. Осуждение – это *огнь пополяющ⁴⁹*».

Он обладал великой невозмутимостью и в критических обстоятельствах оказывался хозяином положения. По завершении своего игуменского служения старец иногда замечал, что преемнику его на должности игумена необходима помощь, и тогда брал свой посох и шел в настоятельские покои, чтобы поддержать брата и вселить в него смелость.

В отношениях с людьми его отличали великая доброта и благородство. Он уважал каждого человека. И даже к самым младшим монахам обители он обращался, добавляя к имени «отец» или «старец». Только по имени он не называл никого и никогда.

«Если ему нужен был подсвечник, то он никогда не брал его сам, но кротко просил у меня, – рассказывал старый монах, который исполнял послушание по уборке храма. – „Но, старче, что ты спрашиваешь? Ты ведь игумен и можешь взять его сам“. – „Нет, чадо, не думай так. В своем послушании ты сам – игумен», – отвечал отец Афанасий».

Он не допускал, чтобы ему прислуживали другие. В годы его игуменства по монастырскому уставу одному монаху полагалось нести послушание при игумене – прислуживать ему, прибирать его покои. Отец Афанасий старался не утруждать этого монаха, но сам поддерживал порядок в келлии, сам заботился о разных своих нуждах.

Простота и смирение были самыми драгоценными его украшениями. С годами он становился все проще. Душа его делалась все мягче, она становилась детской. Эта детская простота, о которой говорил Господь в Евангелии, есть отличительная черта, присущая святым.

Смирение его проявлялось во всем. Ему как игумену положено было вселиться в особые покои, но он не пожелал расставаться со своей простой келлией и, несмотря на увещевания отцов, предпочел остаться в ней.

Беседуя с кем-либо, он, по обыкновению, слегка склонял голову и опускал глаза, тон его речи был неизменно кротким и смиренным.

А какими словами поведать о его воздержании? «Лукавый владыка» – так святые отцы именуют чрево – не удостаивался от него никаких почестей. От подаваемой трапезы старец вкушал лишь малую часть – примерно одну четверть. Вина не пил, разве что совсем немного, в качестве благословения, и то смешанное с водой. Так что в воздержании он был выше всякой похвалы и не знал себе равных. Он жил по наставлению святителя Василия: «Пренебрегающий плотью заботится о душе, которая поистине бессмертна». Надо заметить, что он очень любил эти слова и часто повторял их.

Столь же последователен был отец Афанасий и в добродетели нестяжания. Нищета и лишения неотделимы от

образа жизни истинного монаха. Чтобы показать эту его добродетель, вспомним два эпизода.

Как-то, будучи уже в преклонном возрасте, он принимал у себя в келлии своего преемника, игумена Виссариона. Приготовили кофе. Отец Виссарион спросил:

– Старче, почему ты не кладешь в кофе сахар?

– У меня нет сахара. Нашлось немного меда, и я кладу по ложечке.

Эта добровольная нужда немало удивила игумена: ведь в то время монастырь мог обеспечить кофе и сахаром всех своих монахов. Он очень смутился и тотчас позаботился о том, чтобы отцу Афанасию принесли сахару. Тот принял его, поблагодарил и сказал:

– По сей день я ни в чем не знаю нужды. Так что же мне сказать Богу о бедности, которую должен претерпеть монах?

Второй эпизод связан с содержимым его бумажника. Когда бумажник открыли после смерти отца Афанасия, то в нем оказались какие-то странные бумажки. На них с одной стороны стояли обозначения: «100 драхм», «500 драхм», «1000 драхм», на другой же были написаны мудрые изречения преподобных Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Исаака Сирина и других великих отцов. Это были... духовные банкноты. Вот каковы были его деньги! Воистину, сколько здесь заключено благодати и величия духа!

Благодатный случай

Как-то старцу Варлааму из обители святого Григория поручено было очень важное хозяйственное дело. В качестве представителя монастыря он должен был отправиться на одну из метох, чтобы присутствовать при оценке ее государственным чиновником (в то время шла секуляризация монастырских владений). Он предвидел, что цена, которую запрашивал монастырь, не будет принята, и потому решил прибегнуть к помощи отца Афанасия. Старец Варлаам (а он определил собой целую эпоху в современной святогорской жизни благодаря удачному ведению ряда дел не только своей обители, но и Священного Кинота) был уверен, что участие отца Афанасия приведет к успеху, и потому упросил его отправиться на переговоры.

Прибыв в метоху, отец Варлаам встретился в конторе с уполномоченным чиновником и приступил к беседе. Тот, как и ожидалось, не шел на уступки. Он не соглашался с ценой, назначенной монастырем, и настаивал на гораздо более низкой цене, из-за чего монастырь должен был понести большие убытки. Не было никакой надежды на смягчение этих условий и повышение цены, так что усилия отца Варлаама ни к чему не привели. Тогда расстроенный отец Варлаам покинул контору и отправился к отцу Афанасию с докладом. Тот тихо и мирно успокоил его: «Пойду теперь я, отец Варлаам, и объясню, каково положение монастыря. Может быть, с Божией помощью мы и договоримся».

Он направился в контору, постучался в дверь и предстал перед чиновником. Старец, лицо которого по обыкновению излучало благожелательность, а голос был исполнен кротости, приветливо поздоровался и назвал себя.

– Я сам пришел поговорить с вами о цене подворья. Помогите и вы нам в этом деле. Монастырь наш беден.

Больше он ничего не сказал. Представитель власти был поражен его обликом. Ему случалось видеть на своем веку многих священнослужителей и монахов, но такого, как этот

святогорский старец, встречать не доводилось. Перед ним был образ библейского патриарха. Сам того не осознавая, он продолжал стоять, не в силах оторвать глаз от него... В результате чиновника словно подменили. В душе его произошла большая перемена.

– Из уважения к вам, старче, я согласен даже повысить цену, – произнес он с большим дружелюбием и почтением.

Тот самый равнодушный чиновник, который прежде не хотел уступить ни на йоту, теперь, после вмешательства отца Афанасия, сам назвал цену гораздо выше той, что изначально запрашивал монастырь.

Отец Варлаам тем временем с тревогой ожидал конца переговоров. Увидев выходящего из конторы отца Афанасия, он в нетерпении побежал навстречу, узнав же о перемене в представителе власти, не мог этому поверить. Для отца же Афанасия он не мог найти слов, чтобы выразить свое восхищение его успехом. Про себя он думал: «Я так и знал, потому и упросил старца поехать со мной».

* * *

В самом деле, внешность отца Афанасия отображала свет его души. Монах из Кутлумушского скита отец Даниил рассказывал: «Когда я был молодым монахом, то вместе с моим старцем посетил Григориат. В ту пору зарядил дождь, и мы пережидали его два дня. Помню, как поразил меня облик игумена. Всякий испытывал радость, взирая на него. Он был такой смиренный, кроткий, такой приветливый и ласковый. Блаженством было просто смотреть на него. Внешний его облик ясно говорил о том, что это святой человек».

А иеромонах Пантелеймон из монастыря Симонопетра заметил: «Блаженной памяти отец Афанасий источал духовный свет. Он был столь милостив, что хотелось верить ему свою душу. И в то же время он внушал такое почтение, что в его присутствии человек испытывал благоговейный страх».

Как он служил литургию

Все свое богатство веры и благочестия отец Афанасий раскрывал до конца, когда священнодействовал.

Большей радости, чем служить Божественную литургию, для него на земле не существовало. Сердце его трепетало и воспаряло, и каждый раз, когда ему выпадала честь служить у святого престола, он был подобен огненному серафиму.

Он всегда сам искал возможности отслужить литургию. В годы игуменства он взял себе за правило, помимо воскресений и больших праздников, когда происходило соборное служение, совершать Божественную литургию дважды в неделю – по четвергам и субботам. Его желанием было находиться у святого престола постоянно.

Нам трудно представить, какие небесные мгновения переживал он всякий раз, когда приносил Бескровную Жертву. Два чувства переполняли его в одно и то же время – священный трепет и невыразимое неземное ликование. Появление закланного Агнца потрясало старца, и перед этим страшным таинством Божией любви и кротости он изливал слезы сердца.

По оставлении игуменства отец Афанасий во время соборных служений обыкновенно стоял слева от святого престола. На великом входе он склонял голову, обратив взор вниз, глаза же его становились источниками горячих слез. Святое сокрушение охватывало при этом и других священнослужителей, так что трудно бывало продолжать богослужение. Сам же отец Афанасий, как замечали сослужившие с ним, не успевал отирать лицо, которое все время заливали *потоки вод*⁵⁰.

Кто знает, каких откровений удостаивал его Агнец Божий? Кто знает, что видели очи его над престолом? Старец Виссарион, преемник его в игуменском служении, много раз настойчиво вопрошал: «Старче, что потрясает так твою душу? Может быть, Бог сподобляет тебя каких-то откровений?»

Но отец Афанасий всегда избегал таких разговоров. Однажды он пообещал преемнику, что как-нибудь потом все расскажет, однако ушел из этого мира, так ничего и не открыв. *Жизнь* наша, как пишет апостол Павел, *сокрыта со Христом, в Боге*⁵¹.

Действования Святого Духа

Если Божественная Евхаристия есть соединение со Христом, то Таинство Миропомазания есть соединение со Святым Духом. Каждый православный христианин, который помазуется, принимает на себя святую печать дара Духа Утешителя. С этого момента Дух Святой вселяется в него подобно небесному семени. Если он находит добрую землю и благоприятный климат, то прорастает, развивается и вырастает в *древо велие*⁵² с райскими листьями, цветами и плодами. Тогда происходит в верующем человеке неизреченное, что разум человеческий вообразить не может, что *и на сердце человеку не взыдоша*⁵³.

В православных писаниях, которые входят в состав «Добротолубия» и которые являются достоянием только Православия (у инославных подобного величия не встретить) есть пространные повествования об этих неземных состояниях. В них подробно говорится о ступенях роста духовного семени. Встречаются там необычные, таинственные выражения: «сердечное действие», «роса Духа», «умное чувство», «сердечный огонь», «божественное упоение», «взыграние сердца», «восхищение ума» и т. д.

Монах, неуклонно шествующий своим путем, непременно встретится с действиями Святого Духа. Если в трудах и борении он будет следовать по узкому пути подвижнической жизни, то наступит благословенный час, когда он ощутит в себе присутствие Святого Духа. Сердце его с этого мгновения станет *пажितью злачной*⁵⁴, по слову псалмопевца. С этого часа обретут для него весь свой божественный смысл святые слова Господа: «*Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой*»⁵⁵. Вода эта постепенно превращается в согревающее душу и тело пламя, от которого горело сердце у двух учеников на дороге в Эммаус⁵⁶. Тогда изумленный человек восклицает вместе с преподобным Симеоном Новым Богословом: «Как Ты бываешь и огнем пылающим, и водою орошающе?!»

Если же окажется монах достойным вместилищем Божией благодати, то таковой одаривается Духом Утешителем в еще большей мере. То, что было «темнейшим», становится, по слову святителя Григория Богослова, «яснейшим светом». И неизреченная сердечная энергия преобразуется в неизреченный свет, и даже в свет, источающий благоухание, – свет благоуханный. Другие же духовные и добродетельные люди, приближаясь к такому духоносному человеку, чувствуют это благоухание.

Не подумайте, что все это не имеет отношения к предмету нашего повествования. Иеромонах, чье житие мы описываем, поднялся на все эти ступени, восходя от силы в силу.

Несколько лет назад я посетил одного пожилого святогорца, делателя внутренней жизни. Между нами состоялся такой разговор:

– ... Что Вы скажете, старче, о приснопамятном отце Афанасии?

– Это был воздержник и аскет. Такого подвижника не найти и в пустыне. Дух Святой пребывал в нем. Подойдешь к нему, заговорит он с тобой, а от него изнутри исходит благоухание. Уста его благоухали.

– А какое благоухание?

– Как от святых мощей.

– И это чувствовали все?

– Нет. Только те, кто вел добродетельную и чистую жизнь. Духовный человек понимает духовного. Пророк понимает пророка... Прочие же не различают ничего.

Этот рассказ произвел на нас сильное впечатление. Без всякого сомнения, отец Афанасий взошел на самые высокие ступени духовной лестницы.

Многие случаи свидетельствуют о том, что действия Святого Духа проявлялись в нем как умный свет ведения и откровения – нечто подобное тому, что было у пророков. Следующее свидетельство пожилого монаха, отца Софрония, из монастыря преподобного Григория лучше всего знакомит нас с этим.

«В начале моей монашеской жизни я был полон аскетического рвения и брался за многие подвиги. Я носил под одеждой железные вериги, а чтобы было неудобно спать, насыпал на постель гальку. Я думал, что этим угождаю Богу и следую примеру древних подвижников. Разумеется, я никому об этом не рассказывал. Никто не знал о моих «преуспеяниях». Даже старец. Но однажды меня посетил в моей келлии игумен.

– Ну, отец Софроний, как дела? Как ты здесь поживаешь?

– Вашими молитвами, старче. Хорошо.

– Может, ты взял на себя непосильные подвиги? Ты исхудал телом и на многие работы не годишься.

– Я не образцовый монах, старче.

– Давай-ка, чадо, посмотрим, что ты положил под тюфяк. Что я вижу? Галька! Возьми и выбрось это прочь.

– Я был поражен, – продолжал отец Софроний. – Я подумал, что обыкновенному человеку было бы невозможно узнать об этих камнях. Может быть, он знает и о веригах? Однако я не успел закончить свою мысль.

– Отец Софроний, – говорит он мне, – дай-ка я посмотрю, что ты носишь на теле... Что это такое? Сними эти цепи. От них тебе не будет никакой пользы».

В тот момент новонаначального монаха охватил священный трепет. Он понял, что со старцем совершилось нечто чудесное, что тот – не от мира сего. Дух Утешитель пребывал в старце, являя ему *безвестная и тайная*⁵⁷. Отец Софроний и раньше любил и уважал старца, теперь же стал особенно почитать его. На нем почивала и в нем явно действовала благодать Святого Духа.

Спустя много лет, когда отец Афанасий уже готовился к переходу в мир иной, отцу Софронию снова довелось увериться в прозорливости богоносного старца. Он навестил старца в монастырской больнице, где тот пребывал под опекой медбрата, отца Артемия. Рядом с койкой находились различные вещи, принадлежавшие старцу, и среди них прекрасный будильник с мелодичным звоном. Старец собирался раздать эти предметы монастырской братии как благословение. Будильник

этот привлек внимание отца Софрония, и он подумал: «Вот бы старец подарил его мне».

Но в то же мгновение отец Афанасий повернулся к нему и самым обычным тоном сказал: «Не думай об этом. Я обещал будильник отцу Артемию».

Пророческие песни

Таинственный соловей, который жил в сердце отца Афанасия, не уставал издавать пророческое пение. Те, кому доводилось его услышать, восхищались им. Они испытывали неизведанное волнение. Отец Софроний был лишь одним из многих, переживших такие трепетные мгновения. Настало время привести и другие удивительные свидетельства, способные еще более явственно подчеркнуть духовную силу этого святого мужа.

* * *

Слова, которые произнес Илия, огненный пророк Ветхого Завета: *«Ревнуя поревновах по Господе... Вседержители»*⁵⁸ – могут быть отнесены ко многим святогорским монахам. В тяжкую годину, когда вера и традиция Православия подвергались серьезным испытаниям, Афон являл своих ратников, исповедников и мучеников. Однако, надо признать, случалось и так, что ревность некоторых святогорцев, если она соединялась с неопытностью, неумеренной пылкостью, недомыслием, причиняла вред и им самим, и всей братии. Писание гласит: *«Не уклоняйся... ни направо, ни налево, дабы поступать благоразумно во всех предприятиях твоих»*⁵⁹. Отец Е., монах из Григориата, одержимый ревностью не по разуму, решил покинуть свою обитель. Поводом к этому было посещение монастыря архиереем – сторонником календарной реформы – и совершение последним литургии. И вот ночью отец Е. потихоньку собрал свои вещи, спустился из окна по веревке и оказался за монастырскими стенами. Но тут он спохватился, что забыл в келлии самое главное – молитвослов, без которого не мог обойтись. Тогда он спрятался в кустах над двориком перед входом в монастырь и стал ждать, когда на рассвете откроют ворота: книгу надо было забрать во что бы то ни стало.

В урочное время ворота открылись, и несколько человек вышли на послушания. Отец Е. видел всех, оставаясь незамеченным. Вот вышел и сам игумен. Спокойно и уверенно

он направился в сторону притаившегося беглеца. Дойдя до того самого места, над которым сидел монах, он остановился и, подняв голову, громко произнес: «Отец Е., спускайся вниз. Быстро!»

Отец Е. онемел. Ошеломленный, потрясенный и пристыженный, он без всяких возражений послушно спустился вниз. В тот момент ему стало ясно, что старец обладает сверхъестественным даром. В раскаянии вернулся он в свою келлию.

* * *

Пророческий глас отца Афанасия звучал тогда, когда это было необходимо. Господь знает, когда и при каких обстоятельствах Ему необходимо вмешаться и помочь Своим духоносным рабам действием благодати. У каждого такого действия есть определенная цель: духовная поддержка подвижника, укрепление его веры, воспламенение его божественного устремления. Это становится ясно из двух нижеследующих эпизодов.

Молодой студент-медик по имени Панайотис Михас (будущий архимандрит и игумен Виссарион) оставил родных, учебу, мир и направил ковчег своей души в гавань Святой Горы Афон, а точнее, в монастырь святого Григория. И вот он поднялся по мощеной дороге и приблизился к воротам обители. Перед ним предстал почтенного и благообразного вида монах, который смотрел на него светлым взором. Юноша никогда прежде этого монаха не видел, никогда с ним не говорил и, разумеется, не знал, что это игумен монастыря отец Афанасий. Но тот приветствовал приблизившегося юношу сердечно, будто старого знакомого: «Здравствуй, Панайотис! Добро пожаловать, чадо мое, в нашу обитель. Давно жду тебя. Добро пожаловать».

Юному Панайотису не приходилось в жизни встречать прозорливых людей, и он был глубоко взволнован происшедшим. Священный трепет охватил его. Он видел живое олицетворение самых возвышенных своих мыслей о монашестве. Буря сомнений и сожалений о покинутом мире, которую возбудил в нем враг, тотчас сменилась покоем и воодушевлением. Сам Бог сверхъестественной печатью

утвердил его решение. И он был исполнен радости, что отрекся от падшего мира ради целомудренной и чистой жизни монаха.

* * *

Как-то старец с Керасьи – местности, расположенной на склоне горы Афон выше Кавсокаливии, – послал своего ученика отца Симеона в Григориат за просфорами для совершения Божественной литургии.

Старец не видел в этом поручении никакой иной цели. Господь же уготовил для ученика нечаянную радость: ему открылось окно в мир Божией благодати, дабы он понял, что подвиги монахов увенчиваются небесными дарами.

Поднимаясь от гавани к монастырю, отец Симеон обдумывал план своих действий. Сначала он найдет игумена Афанасия и расскажет ему о просьбе старца. Получив благословение, нужно будет затем найти монаха-просфорника и взять у него потребное количество просфор. Так он предполагал. Но вышло по-иному.

У ворот монастыря керасийский монах встретил самого игумена. Тот держал в руках какую-то вещь. Игумен остановил посланца и сказал: «Возьми, чадо! Это просфоры, за которыми послал тебя твой старец».

Отец Симеон остолбенел. Он встретился с непостижимым. Он понял, что Афон по-прежнему возвращает святых людей, исполненных Божественного света. К своему старцу он вернулся духовно преображенным. В книге его жизни это событие стало золотой страницей. Он вспоминал его с благодарностью и благоговением.

* * *

8 мая 1930 года, утром, после Божественной литургии, игумен монастыря святого Григория беседовал с новоприбывшим двадцативосьмилетним человеком. Это был моряк из Пирея. Сильный духовный порыв привел его на Святую Гору. Он поведал старцу всю свою жизнь и просил принять его в монастырь.

... С тех пор прошло сорок пять лет. Пирейский моряк стал монахом-григориатом. Позднее этого монаха перевели в соседний монастырь, чтобы помочь ему устроиться лучше.

Ему пошел уже семьдесят третий год. Святой образ отца Афанасия по-прежнему живет в его памяти. Он во всех подробностях помнит ту первую свою беседу со старцем. Все, что тот говорил тогда о его характере, о складе ума, о трудностях, ожидающих его в монашестве, о том, как сложится в будущем его жизнь, – все было верно. Все эти слова в точности исполнились. И он все вспоминал меткое замечание старца: «Вы, моряки и рыбаки, привыкли к приволью, вам будет не так-то просто приспособиться к укладу монастырской жизни».

Сердце милующее

«Сердце милующее, – пишет мудрейший авва Исаак Сирин, – возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого милосердия умиляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и очистились, а также и о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению в сем Богу».

«Возгорение сердца о всем творении!» – это великие слова. Кто может возвыситься до этого? Кто может достичь такой меры доброты, чтобы испытывать сострадание даже к бесам? Отцу Афанасию, однако, были ведомы эти недосягаемые вершины. Легкие его души глубоко дышали божественным воздухом рая. В мире его чувств звучали нежнейшие мелодии любви.

Многие подробности его жизни говорят об этом. Они приводят на ум подобные же эпизоды из жизни великих святых. В первую очередь вспоминается житие славного отшельника из Геликона, преподобного Луки (X в. по Р. Х.), который кормил птиц, оберегал змей, защищал от охотников оленей, приручал диких зверей, жил в ладу с ядовитыми гадами и простирали свою небывалую любовь на все Божии создания.

Однажды к обрывистым прибрежным скалам с юго-восточной стороны Григориата спустилась косуля, стремительная, как стрела, и гонимая смертельным страхом. Несколько мирян из тех, что были заняты на монастырских работах, заметили ее высоко в горах и, схватив ружья, стали с собаками травить бедняжку. Чтобы уйти от облавы, ей оставалось лишь одно – мчаться вниз, и загнанное животное с разбегу низринулось в море и поплыло от берега. Однако

охотники не унялись. Они понеслись к причалу, отвязали лодку и налегли на весла, догоняя косулю. Километрах в двух от берега они ее настигли. Возвращаясь с добычей, охотники предвкушали лакомую и сытную трапезу, озабоченные уже тем, как бы поскорее зарезать и зажарить косулю.

Тем временем о происшествии сообщили отцу Афанасию. Он немедленно оставил все свои дела и, как если бы произошло что-то в высшей степени серьезное, поспешил к причалу. И для чего понадобилась такая поспешность, такой живой интерес? Лишь для того, чтобы успеть спасти жизнь пойманному животному и отпустить его на волю. Поистине в этом человеке билось сердце, горящее любовью ко всему творению.

Но хорошо – косуля. Это – прекрасное и благородное животное. А лисы? Неужели и к ним необходимо такое же отношение?

Напротив монастыря, на равнине, обращенной в сторону Симонопетра, расположены виноградники Григориата. При них всегда находился отец Иоанникий, который нес послушание виноградаря, стараясь изо всех сил исполнять его исправно. Помимо всего прочего, в обязанности его входила охрана виноградников от вредителей, таившихся в зарослях кустарника, – тех самых вредителей, что упомянуты и в Писании: *«Имите нам лисы малыя, губящия винограды»*⁶⁰.

Человек предприимчивый и энергичный, отец Иоанникий вступил в решительную борьбу с лисами. Он ставил на них специальные железные капканы, ловил их, убивал и сдирал с них шкуры. Все это он делал совершенно спокойно, с сознанием хорошо исполняемого долга.

Отец Афанасий ничего не знал об этих «подвигах» своего подчиненного, но как только узнал, то всей душой воспротивился им. Для него невыносима была сама мысль о такой жестокости. Убивать животное, пойманное в железную ловушку! Снимать с него шкуру! Жутко! Пойманное животное бьется в капкане, а потом его убивают и сдирают шкуру! Не страшно ли это? И все это делает монах – человек, который облекся в ангельский образ! Этому надо положить конец! Тонкий

слух отца Афанасия не мог допустить такого диссонанса, а потому он вызвал к себе виноградаря для наставления. «Чадю, – сказал он, – найди другой способ защиты от лис. Развесь жестянки и колоти в них или еще что-нибудь придумай, но железные капканы больше не используй. Монаху не подобают такие жестокие и мучительные приемы».

Пусть лисы. Но вот – совсем другой род животных. Здесь нам придется высказать одну мысль, хотя и неожиданную, но согласную с образом мысли святых. Диких и опасных зверей принято уничтожать – так думает большинство людей. Святые же судили иначе.

Время от времени отец Афанасий посещал Вултисту, подворье монастыря святого Григория. Это красивейшее место, с высоты которого можно увидеть даже Фессалийскую равнину, а на ней – сверкающие воды рек Аксиоса и Альякмона. Как-то раз, когда отцу Афанасию довелось быть на подворье, тамошние работники обратились к нему:

– Старче, мы хотим удивить тебя. Ты сейчас увидишь нечто диковинное.

– Что же это за диковина?

– Дело в том, что мы поймали в лесу двух маленьких волчат. Решили их пока не убивать, а сперва показать твоей святости.

Старец в самом деле видел волчат впервые и с любопытством разглядывал двух маленьких хищников. Он подивился тому, как прекрасна их стать, их длинные ноги, мускулистые шеи, сильные головы, чуткие уши... Они боялись незнакомой обстановки. Отец Афанасий почувствовал к ним приязнь и сострадание. Он пожалел зверят и умильно приласкал их. Подумал старец и о том, как, должно быть, страдает их мать. Наконец, он обратился к работникам со словами, которых никто из них не ожидал:

– Послушайте меня. Не мучайте, не губите их. Отпустите на волю, пусть они вернутся в свое логово. Мать их скорбит, зовет и ищет детей.

* * *

Чувствуя любовь отца Афанасия, дикие животные отвечали ему добром. Они были послушны ему, о чем мы узнаем из следующего рассказа.

На монастырском кладбище, которое часто посещал отец Афанасий, жила большая змея. Встречи их были дружелюбны. Они никогда не мешали друг другу. Но так было не со всеми. Например, диакон Пахомий, которому полагалось регулярно посещать кладбище, чтобы зажигать лампы, был от природы человеком несмелым, и при виде змеи ему становилось плохо. Ее появление заставляло его не просто дрожать от страха, но и обращаться в паническое бегство. Все жалели его.

Когда об этом узнал отец Афанасий, то он успокоил монаха, заверив его, что грозное пресмыкающееся скоро покинет кладбище.

Так и вышло. Больше отец Пахомий змею не встречал. Он был очень рад что избавился от ее страшного соседства, однако ему не давал покоя вопрос: каким образом старец изгнал змею? Повелел ей уйти? Помолился об этом? Неизвестно. Главное, что змея исчезла, а как и почему – осталось тайной.

Близкая взаимосвязь между святыми и Божиими тварями, даже дикими зверями и пресмыкающимися, свидетельствует о великой истине – о том, что в душах святых живет Творец. Когда душа связана с Творцом узами любви, тогда те же узы связывают ее и с тварями. Потому что первое есть основание второго, по слову святого автора «Лестницы».

Его слава

Еще в то время, когда отец Афанасий был простым иеромонахом, слава о нем разнеслась по всей Святой Горе. Когда же он возшел на игуменское место, свет ее распространился намного дальше.

Многие приезжали в монастырь святого Григория только ради того, чтобы познакомиться с отцом Афанасием. Многие искали его духовного совета, иные же стремились исповедаться. На исповедь к нему шли не только святогорцы, но также духовенство и миряне из других мест. До самой своей смерти отец Афанасий очищал и омывал несметное число человеческих душ в купели покаяния. На исповедь стекалось такое множество народа, что монастырь вынужден был принимать меры, чтобы хоть немного оградить его покой.

С необычайным почтением относились к нему особы, занимавшие высокие посты в Церкви и государстве.

Архиепископ Хризостом Пападопулос, хотя и не был лично знаком с отцом Афанасием, высоко чтит его и не упускал возможности передать ему приветствия и поклоны, а также попросить его благословения и молитв.

Король Греции Георг II во время посещения Святой Горы два или три дня провел в Григориате. Там он познакомился с отцом Афанасием и был поражен его высокой духовностью. Рассказывают, что он не только часами беседовал со старцем, но и исповедовался у него. О глубоком уважении, которое питал к старцу король, говорит следующий факт.

Владыка Дионисий, назначенный митрополитом Иериссы и Святой Горы, принял посвящение в сан в присутствии короля Георга. Тот напутствовал его: «Когда прибудешь в митрополию, обязательно посети Григориат на Святой Горе и познакомься с иеромонахом Афанасием. Поцелуй ему руку от моего имени. Я думаю, ему нет равных на земле. Это достойнейший человек, исполненный великой святости и смирения».

Действительно, митрополит Дионисий, чьей духовной родиной был Афон, посетил монастырь святого Григория и

встретился с отцом Афанасием, который к тому времени уже оставил игуменское служение. Он почтительно приложился к руке старца, передавая приветствие короля. Отец Афанасий, в свою очередь, со смирением простого верующего поцеловал руку митрополита.

В другой раз, когда отец Афанасий был уже в весьма преклонном возрасте, в монастырь приезжали представители Патриаршего Экзархата и упорно добивались встречи с ним. После настойчивых уговоров старца Виссариона отец Афанасий согласился выйти к ним из своей келлии. Епископы с почтением целовали руку старца. Митрополит Илиопольский, глава Экзархата, принялся складывать в его честь хвалебную речь:

– Мы столько слышали о Вас и так хотели увидеть Вас. Мы так рады. Вы святой человек. Благословите нас...

Отец Афанасий, скрестив руки, молча переживал эту бурю похвал. Наконец он произнес лишь одно:

– Я недостойн.

Затем он поклонился им, простился и ушел в свою келлию.

Глава V. Ясный закат. В безмолвии келлии

С годами отец Афанасий становился все более внутренне сосредоточенным и благоумиленным. Умиление это было столь велико, что слезы лились из его глаз при одном упоминании имени Христа или какого-либо события Его земной жизни. Самоуглубление старца достигло крайней степени. Он старательно избегал общения с посетителями и все крепче замыкал уста, дабы не утратить сокровище молчания.

Тому, кто достиг безграничной любви к Богу, необходимо тихое место для непрерывной молитвы. Таким местом была для отца Афанасия его келлия. Освободившись от обязанностей игумена, он сделался старательным искателем духовного жемчуга в том море безмолвия, которое даровал ему Бог.

В келлии он пребывал постоянно, исключая время церковных богослужений и трапез. Но, когда позволяла погода, он посещал еще два излюбленных места. В утренние часы он шел к востоку – в сад, где был маленький грот, образованный двумя скалами и окруженный оливами. Отсюда открывался вид на бескрайний простор Эгейского моря, а с берега, отстоявшего метров на сто, доносился сюда шум прибоя, извечно перекатывавшего прибрежную гальку. В послеполуденное время он шел на север – к большому ущелью над монастырской пристанью. Здесь он устроил себе седалище, положив на два камня доску. В этих уединенных уголках он пережил священные мгновения. Но именно келлия оставалась главным полем брани, где проходили его последние духовные сражения. Здесь он размышлял о смерти, о тщете преходящей жизни. Здесь совершались его последние духовные восхождения.

Всякий, кто проходил мимо келлии отца Афанасия, ощущал, что там происходит общение с Богом. Старец не мог насытиться молитвой. Он также размышлял над духовными книгами, но на первом месте оставалась молитва. Ум его, воспаряя ввысь, переживал красоту духовного мира. Душа его погружена была в «чистые, по слову священномученика Дионисия Ареопагита, в Боге сокрытые, не постижимые разумом благоуханные

красоты». Сладость келлии, о которой говорят святые отцы, была его достоянием. При виде отца Афанасия внимательный человек сразу же понимал, что перед ним тот, кто постиг в совершенстве мир Божий.

* * *

Каждому монаху положено ежедневно совершать по четкам определенное число молитв и поклонов. Это так называемое правило. Отец Афанасий, столь преданный молитве, также и в этом превышал обычные рамки. По крайней мере, около трех лет он выполнял больше, чем предписывалось правилом. «Лечь спать можно и позже. Почему не читать большее правило, пока я в состоянии?» – говорил он.

Его любовь и благоговейное почитание Пресвятой Богородицы были безграничны. Каждый день в келлии раздавалось: «Радуйся» – старец читал акафист в Ее честь. Он часто прикладывался к иконе Богоматери, украшавшей его бедную келлию, и совершал перед нею поклоны. Он целовал ножку Младенца Иисуса и руку Пречистой. И сегодня входящие в келлию отца Афанасия видят на иконе следы его целования.

И с другими иконами Матери Божией отца Афанасия связывали священные узы. В одной из его записных книжек есть такие строки: «В возлюбленном нашем монастыре, в храме, во время служб я пребываю перед сладчайшей иконой Богородицы, Которая на ней, как живая, только что не говорит, а взгляд Ее, ласковый и в то же время серьезный, повсюду следует за вами. О, как я люблю созерцать святые иконы! Я дерзаю думать, что передо мною Сама Богородица».

Он так высоко ценил акафист Пресвятой Богородице, что не совершал постриг, если будущий монах не знал его наизусть. В его рукописях есть выписки из духовных книг, содержащие рассуждения о важном значении песнопений акафиста. Вот некоторые из них:

«...Приучайтесь читать акафист Ей с превеликим благоговением и со временем увидите, сколько радости получите – такой, которую никогда не испытывали. Но *вкусите и видите*⁶¹. Не ждите, что увидите это сразу: ведь и виноградная

лоза, которую только что посадили, не тотчас вырастет и даст гроздь. Со временем вы соберете спелый и сладкий виноград».

«Стучитесь постоянно в двери Ее материнского милосердия и человеколюбия стуком акафиста и других песнопений, прославляющих Ее... и найдете помощь и заступление не только в сей привременной жизни, но и в час вашей смерти».

Келлия отца Афанасия поистине соделалась раем. Когда в случае надобности отцы стучались к нему в дверь, а он открывал им, его видели неизменно в слезах и сияющим от божественной радости. Если же ему сообщали, что его хотят видеть посетители, то он старался уклониться от встреч. Тихое и безмолвное житие в келлии было ему дороже всего. И он вполне мог бы воззвать словами преподобного Симеона Нового Богослова: «Оставьте меня одного заключенным в келлии. Отпустите меня с одним Человеколюбцем – Богом... Никто пусть не стучится (ко мне) в дверь и не подаст голоса...»

Духовная милостыня

Автор этих строк удостоился особой милости Божией встретиться с отцом Афанасием за три года до его кончины. Посетив скит святой Анны, я на обратном пути зашел в Григориат, ища встречи со старцем. После настойчивой моей мольбы он согласился принять меня.

Признаюсь, я с первого же взгляда был поражен сиянием, исходившим от его лица. Я видел перед собою святого, который, казалось, явился к нам из других времен. Это был высокий худой человек, седовласый, но с глазами ребенка. Он явно достиг духовной зрелости. Он принял меня и беседовал со мной с большой любовью. Духовная его зрелость была очевидна. Мы беседовали минут двадцать, и все это время глаза его были опущены долу. Не помню, взглянул ли он на меня хотя бы несколько раз.

– Старче, наставь меня, так как я новоначальный клирик, живу в миру и крайне нуждаюсь в духовной помощи, – попросил я.

– Здесь, на Святой Горе, есть достойные люди, обладающие духовной мудростью. Если ты посетишь их, то обретешь большую пользу, – ответил он.

– Кто, по-твоему, может помочь мне, старче?

– Если ты пойдешь в скит святой Анны и на Катунаки, то найди там отца Даниила. Это многоопытный человек, долгие годы он был на послушании, и ты многое можешь почерпнуть от него.

По своему смирению и по любви к безмолвию отец Афанасий в последние годы имел обыкновение рекомендовать всем, искавшим у него совета или возможности исповедоваться, обращаться к другим избранным святогорским отцам.

– Старче, – ответил я, – я как раз возвращаюсь из скита святой Анны. И вот теперь, направляясь в мир, прошу у тебя хотя бы малой духовной милостыни.

При этих моих словах он на мгновение задумался, а затем ласково и кротко стал говорить:

– Раз Бог сподобил тебя стать клириком, то стремись участвовать в Божественной литургии всей душой. Клирик, когда служит, должен проникаться сознанием, что в нем самом горит лампада. И пламя этой лампы нужно поддерживать до следующей литургии. От первой и до последней своей литургии тот, кто служит, обязан сберечь эту неугасимую лампаду. И будь внимателен. После литургии удались куда-нибудь и в тишине постарайся пережить то, что она дала тебе. Избегай разговоров и никогда не смейся после Божественной литургии.

На этом беседа была закончена. Старец поднялся и тепло простился со мной. Я поцеловал его руку, и мы расстались.

– Да хранит тебя Христос, – были его последние слова.

Я был осчастливлен и небесной этой встречей, и бесценными советами старца.

* * *

Когда отца Афанасия спрашивали о достоинстве монашеской жизни, он отвечал: «Монашеская жизнь есть самый большой дар Бога человеку».

* * *

Тому, кто жаловался на боль или плохое самочувствие, он говорил: «Через болезнь Христос тебя посещает, чадо мое».

* * *

Добродетель милосердия была присуща ему в высшей степени. Своих преемников в игуменском служении он напутствовал: «Игумен должен быть милостивым, таким, каким был святитель Николай, и помогать всем, кто ищет помощи в монастыре. И Бог его никогда не покинет, но позаботится, чтобы был достаток во всем».

* * *

Всей душой возлюбил он дух незлобивости и кротости и прилагал особые усилия, чтобы вселить его в своих подопечных. Он прибегал и к поэтическим опытам и свои стихи, посвященные святой кротости, давал для прочтения монахам. Один монах-григориат, подвизавшийся на подворье в Вултисте, получил от него такое стихотворение:

Насколько это сладостно –
быть кротким человеком!

Пускай меня обидели,
К чему бранить другого,
Как будто ссора кончится,
Коль брань затеять снова?
Обидчик распаляется,
Я тем же отвечаю,
И сам такому ж варвару
Себя уподобляю.
При виде этой ярости
Мне лучше воздержаться,
Ее успокоения,
Не злобствуя, дожждаться.
А после речью кроткою
Я обличу пороки,
И брат меня послушает
Без брани и упреков.

Одному из духовных чад, оставившему мир ради монашеской жизни, он писал: «...Превосходно, что ты благополучно прибыл в духовную гавань Богородицы. Для преуспевания в угодной Богу монашеской жизни необходимо заложить фундамент и хорошие основы. Первооснова же – жизнь вдаль от родного дома, и ее ты уже заложил...» (14.05.1931).

* * *

Приводим отрывок из письма молодому ученому, с которым у отца Афанасия существовала тесная братская связь:

«Брат во Христе, сердце мое исполнилось радости и веселья при известии о получении Вашего диплома.

Посоветовать же в меру моих сил и смиренного моего понятия могу следующее: не предавайте забвению слова Господа: „...без Мене не можете творити ничесоже“⁶²».

* * *

Следующее высказывание, также взятое из письма, показывает способность отца Афанасия постигать тайны человеческой души:

«Эта болезнь, чадо мое, вряд ли телесная, потому и врачи не очень-то помогли. Думаю, что причина ее сокрыта в сердце

Вашем...».

* * *

Молодой монах-григориат отец Андрей нес послушание на подворье в Вултисте, и его духовное общение со старцем по необходимости осуществлялось путем переписки. Послушник сообщал о своих немощах, старец же посылал ему целительные рецепты.

«Потщись, чадо, – писал он в одном из писем, – приобрести в жизни своей простоту, доброту, благоразумие, постоянную молитву, мужество, любовь нелицемерную, целомудрие, скромность. Будь милосерден, сострадателен к нищим. Постигай безмолвие, терпение. Не злословь. Не обижай никого. Приобретай смирение, изживай тщеславие и гордость, дабы прославил тебя Господь перед ангелами и святыми ».

Здесь мудрый старец напоминает опытного проводника в горах, который указывает любознательному юноше те священные вершины, которые станут путеводными в его жизни.

* * *

Отец Феоклит, монах из Дионисиата, с волнением вспоминает духовное признание отца Афанасия: «Как чудесно, отец Феоклит, пробудиться в полночь и начать службу, возглашая медленно-медленно: „Свя-тый Боже, Свя-тый Крепкий, Свя-тый Без-смерт-ный, помилуй нас...“».

«Когда он произносил эти слова, – продолжал отец Феоклит, – то на лице его было такое выражение, будто он пребывал в мире духовно избранных. Избавленный от угрызений совести и чувства вины, спокойный и отрешенный, он возносился в вышние сферы и увлекал за собой своего собеседника».

Божественные откровения

Монашеское жительство есть некая середина между жизнью временной и жизнью вечной. Монах живет земной жизнью, вкушая отчасти и жизни Неба.

Монаху, который самоотверженно следует подвижническим путем и терпеливо выносит *зной дневной и холод ночной*⁶³, Господь посылает божественные утешения и радости небесные, как утверждают и святые отцы. Преподобный Никита Стифат говорит, что такой монах «сподобляется Божественных откровений и видений и исполняется света и мудрости в той мере, в какой усиливается в нем изнеможение от борений».

Многое свидетельствует о том, что Бог и отца Афанасия благословил такими дарами. Мы уже говорили, каким он был в святом алтаре.

Некоторым отцам удалось вывести у него, что, когда ум его полностью погружался в молитву, он не раз слышал сладчайшее небесное псалмопение, подобного которому нет на земле.

Отвечая на настойчивые просьбы отцов, он вынужден был однажды признаться, что видел временами «разные таинства», но какие именно; он никому не открывал.

Однажды в соборе он сподобился лицезреть небесную покровительницу монастыря преподобномученицу Анастасию, чрезвычайно им почитаемую. Она предстала перед ним молодой, в монашеском одеянии, с выражением несказанной радости и кротости на лице.

Как-то раз в храме во время всенощной братия видели, как он вышел из своей стасидии, пал на колени и поклонился до земли. Все удивились, так как в это время по чину коленопреклонение и поклоны не полагались. Когда же он поднялся, заметили, как невиданно преобразилось его лицо. Что же произошло? Никто не смог узнать; И только в конце жизни, отвечая на настоятельные просьбы игумена Виссариона, рассказал: «Чадо мое, коль скоро ты так упорно спрашиваешь, я отвечу тебе. Не знаю, открыты или закрыты

были у меня глаза, только я увидел тогда Матерь Божию, Ширшую небес⁶⁴, исполненную славы и несравненного величия. Священный трепет охватил меня, и я пал ниц перед Нею».

Вот так, спустя столько лет, узнали братия, отчего он заставил их так изумиться на той всеобщей. Спустя столько лет и после настоятельных просьб!

Подобное известно нам и из Священного Писания: только через четырнадцать лет после происшедшего поведал апостол Павел о том, как он *восхищен был до третьего неба*⁶⁵.

Те же, кто с готовностью перечисляют видения, которые якобы открыл им Бог, несомненно находятся в состоянии прелести.

В 1949 году отец Афанасий был прикован к постели тяжким недугом. Сильно обострился артрит, мучивший его в последние годы. Встревоженные братья хотели отправить его на лечение в Фессалоники, но он отказался. Старец терпеливо переносил мучительные боли, и с лица его не сходило спокойное, благостное выражение. Братья же то входили к нему в келлию, то снова выходили, с беспокойством следя за развитием его болезни.

Отец Афанасий отказывался от помощи врачей и от лекарств, не признавал ни хинина, ни банок, которые применялись в то время. Он смотрел на это со своей, высшей, точки зрения. Никогда не просил он, чтобы ему готовили пищу отдельно, без соли, но ел то, что подавали за трапезой, хотя это было вредно при артрите. Врача, диету и лекарства заменяли ему молитва и частое причащение Святых Христовых Таин.

Обострение болезни пришлось как раз на Великую Четыредесятницу. Отцы настаивали, чтобы старец не постился, так как был крайне истощен. Но он не согласился, лишь попросил почаще причащать его.

Состояние его не улучшалось. Настал канун Субботы Акафиста. Отец Афанасий, который, невзирая на жестокий недуг, еженощно вставал и пел акафист Пречистой, выглядел бодрым. Он готовился к Святому Причастию. «Всю ночь буду молиться Пречистой, – сказал он братии. – Утром приду на соборную литургию, причащусь, а там можно и умирать. Но, может быть, Небесный Хлеб сотворит чудо».

Отцы отнесли его в храм, где он не был уже долгое время. Во время святого причащения его подвели к Святой Чаше, и он принял Святые Дары.

Надежды не обманули его. Святая Евхаристия стала ему «в радость, здравие и веселие». Здоровье его поправилось, жизнь вошла в привычную колею. Хлеб Жизни совершил чудо.

В 1951 году отец Афанасий снова слег. Он почувствовал, что силы покидают его, и попросил совершить над ним Таинство

Елеосвящения. После принятия Таинства он решил раздать братьям, находившимся при нем, свои вещи в знак благословения. И каждый получил на память что-то из его келлии. «Желаю вам достичь благого рая, – говорил он им. – Там наше вечное жилище. Здесь мы временно».

Позже он передал игумену чемодан с книгами. У себя он оставил только «Лествицу» и «Благоделателя»⁶⁷. Оставил также епитрахиль – на случай, если найдутся силы принять у кого-то исповедь.

Но не пришло еще время отшествия старца. Господь даровал ему еще два года жизни. «Слава Богу! – возрадовались братья. – Он до времени оставил с нами батюшку».

Мирная кончина

Много раз отец Афанасий бывал при смерти, но в последний момент кончина его отлагалась. Но теперь круг его жизни завершался. В декабре 1953 года, когда ему исполнилось уже восемьдесят лет, старец сильно занемог. На Рождество он был не в силах пойти в церковь. Все говорило о том, что он покидает землю.

Последние его дни были поистине святы. Он отказался от всякой пищи и принимал лишь Святые Дары. Ум и сердце его были погружены в молитвенное созерцание. Время от времени он воздевал руки и благословлял, как будто по совершении Божественной литургии.

Спустя два дня после Рождества Христова он попросил отца Артемия, чьим послушанием было попечение о престарелых, позвать к нему всю братию. Он хотел в последний раз проститься с ними, ибо уже знал, что конец близок. Вскоре все собрались. Перед братьями был их духовный отец, их старец, который для них являл собою светносный столп и «наставника божественной жизни, как для кормчих – вечное сияние звезд», по слову святителя Григория Нисского. И теперь, когда они видели, что старец покидает их, глубокая скорбь запечатлелась на их лицах.

– Старче, – произнес дрожащим от волнения голосом игумен, – если ты обретишь дерзновение пред Господом, а это вне всякого сомнения, то не забудь о нас.

– Если обрету, то никого из вас не забуду и помяну всех вас.

Братия стояли в скорбном волнении, с трудом сдерживая рыдания и превозмогая душевную боль.

– Так простимся же, братия, – проговорил лежащий на одре болезни старец.

Все поочередно обнимали его, прощаясь с ним.

– Благослови нас, старче.

– Да сподобит вас Господь доброго рая!

– Доброй тебе встречи на небесах.

На следующее утро после Божественной литургии старец почувствовал себя лучше и смог немного позаботиться о себе. Он встал, умылся, привел себя в порядок, а одежду, которую сменил, отдал отцу Артемию со словами:

– Мне это больше не понадобится. Распорядись по своему усмотрению.

Один из самых молодых монахов, видя, что старцу лучше, не упустил возможности исповедаться у него и спросить совета по своим духовным нуждам. Он даже дерзнул задать вопрос:

– Старче, как ты узнал о близкой кончине?

– Чадо мое, я уйду сегодня вечером. Это верно. Но не спрашивай, как я об этом узнал.

После полудня он позвал игумена.

– Через несколько часов, до или после повечерия, я уйду. Пекись усердно о братии, и Пресвятая Богородица не оставит тебя. А теперь иди и принеси Преждеосвященные Дары, чтобы причастить меня.

Затем он обратился к отцу Андрею, который облачал умерших:

– Отец Андрей, тебе не надо меня переодевать. Я приготовился сам. Похорони меня, в чем я есть.

Когда вошел игумен с Преждеосвященными Дарами, старец проговорил слабым голосом: «Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий...». Это были последние его слова. После святого причащения старец предался молчанию и молитве. Часто он возводил взгляд горе и как будто что-то шептал. Воздевал он и руки и несколько раз благословлял священническим благословением.

Близился вечер. Старца стало знобить, тело его начало холодеть. Было ясно, что великий момент близок.

После повечерия братия собрались вокруг него. Все горячо молились со слезами на глазах и четками в руках. Зрелище это напоминало икону, изображающую кончину преподобного Ефрема.

В эти минуты лицо его стало необыкновенно спокойным и просветленным. Оно озарилось каким-то янтарным светом. То было приближение небесного блаженства. Руки его были

безжизненны, но он приподнял их, скрестил на груди. Закрыв глаза. И через малое время в неземной тишине с миром предал дух свой в руки Божии.

Душа его отлетела на небо так тихо, что никто не заметил этого мгновения. Тихое и безмолвное житие его увенчалось тихой и мирной кончиной.

* * *

Смерть не изгладила образ отца Афанасия из сердец его учеников. Наоборот, он стал для них еще более дорогим и светлым. Много раз в сновидениях являлся им незабвенный и досточтимый его лик.

Одни видели его светоносным среди чудного света, другие – восседающим на некоем почетном месте, третьи – совершающим Божественную литургию в прекрасном облачении в величественном храме. Иным же он действительно приходил на помощь в затруднительных обстоятельствах. Благословенные видения, благодатные дары.

Можно ли предать забвению этот образ?! Блаженный отец Афанасий, без сомнения, был *сосуд злат исковая, украшен всяким камнем многоценным*⁶⁸. Свет драгоценных камней добродетелей и благодатных даров старца да подвигнет каждого, кто прочитал это его жизнеописание, на духовные победы, подобные тем, что были одержаны приснопамятным святогорцем.

Часть 3. Отец Каллиник. Исихаст

В третьей части книги «Образы современных святогорцев» мы переходим от скитского и общежительного монашества к пустынножительству. Ярким представителем этого образа жизни во всём его неотмирном величии является такой подвижник, как отец Каллиник Исихаст.

Безмолвником (исихастом) называется тот, кто всецело посвятил себя трезвению. Трезвение, хранение сердца, или безмолвие ума – образ духовной жизни. В сочетании с молчанием, уединением, постоянным бодрствованием и непрестанной молитвой оно позволяет достичь совершенного очищения души, избавить ее даже от самых незаметных плевел. В результате душа становится чертогом Божественного света, раем, овеваемым дуновениями Духа Святого. Преподобный Филофей Синайский характеризует трезвение как делание, которое «убеляет нравы ума», и уподобляет его световому оконцу, «через которое Бог, прииникши, является уму».

Царство трезвения зиждется на глубоком безмолвии пустыни. В таком именно месте, в глубине пустынного ущелья Катунак на Афоне, целых пятьдесят лет жил и подвизался исихаст Каллиник. Более того, сорок пять лет из этих пятидесяти он провел в затворе.

Подвигом безмолвия он взошел на высокие духовные вершины и приобрел широкую известность не только своей добродетелью, но и своей мудростью. Множество людей прибегало к нему, чтобы утолить свою жажду и вкусить от сокровищ его души. Вдохновляемый подлинным пророческим духом, он являл истинную мудрость, назидание, утешение и увещание⁶⁹. Было бы великой потерей, если бы вместе с его смертью погрузились в пучину забвения его замечательные поучения, относящиеся как к деятельной, так и к созерцательной жизни, ибо они являются бесценными духовными сокровищами, способными служить к совершению святых... в созидание Тела Христова⁷⁰.

Многие люди помогали мне собрать материалы для книги. Это знаменитый гимнограф великой Церкви Христовой отец Герасим из Малого скита святой Анны, двое ныне здравствующих учеников отца Каллиника – иеромонах отец Арсений и отец Христодул, а также отец Дамаскин из скита святого Василия и другие отцы, жившие поблизости от отца Каллиника. Всем им я выражаю свою благодарность. Я использовал также сохранившиеся в моей памяти отрывки из рассказов моего почтенного старца, отца Григория, который регулярно посещал отца Каллиника и испытывал к нему высочайшее благоговение.

Я надеюсь, что жизнеописание отца Каллиника, которого многие считают последним из трезвенных отцов, позволит нам открыть для людей, интересующихся подлинно православной духовной жизнью, «свето- и молниеродный» мир безмолвников, этих священных лилий пустыни, источающих столь редкостное благоухание. И мы хотели бы, чтобы те, кто прочтут эти страницы, смогли ощутить хотя бы отзвуки сего духовного аромата.

Июль 1969 г. Архимандрит Херувим

У старца Каллиника, известного своей аскетичностью, образованностью и рассудительностью, было много сподвижников и учеников. Каллиника считают светочем исихазма. Он достиг вершин созерцания и сподобился Божественных озарений, занимаясь умной молитвой.

Монах Ераст

Глава I. Благочестивые устремления. Молодые годы

Отец Каллиник родился в 1853 году в Афинах. Его родители были людьми благочестивыми и вели свое происхождение от героев национально-освободительной революции 1821 года.

Первые годы жизни он провел в Афинах, сама атмосфера которых была пропитана благочестием и преданностью христианскому преданию. В те времена истинная вера отличала многих его сограждан и лишь единицы были безразличны к Богу и Церкви.

Костас Фиасприс – таково было его мирское имя – производил впечатление жизнерадостного и умного ребенка, преданного Церкви. Он страстно любил читать христианские книги и не упускал возможности посетить церковное богослужение.

Костас старался не пропускать всенощные бдения, которые совершались тогда очень часто. Он спешил на богослужение, чтобы насладиться духовным богатством. Мальчик непосредственно переживал во время этих бдений все то, что он слышал в проповедях и о чем читал в книгах. Поистине, это было для него духовным пиршеством.

Однако для ищущей молодой души всего этого было мало. Его сердце томилось в поисках чего-то более возвышенного и сильного, чего нельзя было найти в Афинах. Он еще не знал тогда, было ли его неосознанное желание устремлением к жизни, всецело посвященной Богу.

Знакомство Костаса с неким человеком, хорошо знавшим жизнь Святой Горы, состоялось в нужное время. От него он смог узнать, как живут в Боге отцы на Афоне. Эти сведения стали каплей, переполнившей чашу. С тех пор устремления юноши были обращены к Афону. Там он надеялся найти то, к чему стремился.

Наконец в 1875 году наступил тот день, когда Костас принялся бродить по Пирейской гавани в поисках корабля. Он принял великое решение, и губы его шептали: «Боже мой, если

Ты желаешь, чтобы я стал святогорцем, подскажи мне, кто отвезет меня на Афон».

Он подходил по очереди к каждому кораблю, чтобы узнать его маршрут. Юноша уже начал отчаиваться, когда вдруг словно луч света озарил его лицо. Наконец нашлось судно, направлявшееся к Афону.

С необыкновенным воодушевлением Костас попросил хозяина корабля взять его с собой, обещая, естественно, помогать по дороге, чем сможет. Поначалу хозяин не проявлял желания принять на корабль юношу, но наконец вынужден был уступить перед его просьбами.

Удаляясь от Пирея, Костас радостно благодарил Бога за то, как все устроилось. Бог указал юноше корабль, о котором он просил, и желанное путешествие стало реальностью.

К Иверской обители

Судно направлялось к Иверской обители, где его должны были загрузить лесом. Чтобы туда добраться, требовалось несколько дней. В те времена путешествия были долгими и сопровождались определенными трудностями.

Всем своим поведением на корабле Костас расположил к себе попутчиков. Только уклонялся от любопытных вопросов о цели своего путешествия. Они видели перед собой прилежного, симпатичного, деятельного и образованного юношу (он закончил среднее учебное заведение) и не могли поверить, что такой парень собирается провести свою жизнь в каком-нибудь афонском монастыре. Но Костаса утомляли не столько любопытство и вопросы спутников, сколько нечто другое. Сидя в углу корабля, он непрестанно сражался с помыслами сомнений. Это искушение сильно мучило юношу. Оно напоминало ему о живописных Афинах, о доме, родителях, братьях, друзьях, которых он так жестоко покинул и которые должны были перевернуть все вверх дном, прежде чем удостоверятся в его побеге. С другой стороны, он думал о многих трудностях, которые ожидали его там, куда он направлялся, среди незнакомых людей, живущих в лишениях и суровой борьбе. «Тебе не жаль своей молодости? – в который уже раз спрашивал его помысел. – Зачем ты едешь ее хоронить?». Но, когда издали показалась вершина Афона, все сомнения исчезли и юноша целиком отдался своему воодушевлению. Сквозь прибрежную дымку один за другим проступали монастыри, расположенные здесь и там у подножия Афона. Теперь он видел своими глазами все то, что слышал о Святой Горе и о чем мечтал.

Волнение и радость Костаса достигли предела, когда они приблизились к Иверской обители. Как только судно пристало к берегу, Костас, едва успев поблагодарить хозяина, выпрыгнул из него и побежал в монастырь. Из прочитанного он знал, что здесь находится чудотворная икона Пресвятой Богородицы, именуемая «Вратарница». Упав на колени перед этим

величественным образом, Костас просил у Матери Божией защиты и покровительства в его новой жизни. Для юноши не было случайностью, что именно благодать Пресвятой Богородицы встретила его на Святой Горе.

Пустынные Катунаки

Прожив несколько дней в гостинице Иверского монастыря, Костас принялся размышлять, где ему бросить якорь: остаться ли здесь или отправиться куда-нибудь еще? Юноша понял, что монастырь этот, будучи особножительным⁷¹, не может дать покоя его душе, а потому решил поискать другое место, по возможности более безмолвное.

Юноша знал, что, если он стремится к безмолвной жизни, ее следует искать прежде всего в Катунаской пустыне. Там жили великие отшельники, которыми он так восхищался. Итак, не теряя времени, он прибыл в скит святой Анны и оттуда пешком отправился на Катунаки.

Катунаки – это дикая и очень скалистая местность на южной стороне Афона. Вместе с соседними пустынными районами Кавсокаливии, скита святого Василия, Малого скита святой Анны, Карули, которые простираются вплоть до Виглы – оконечности полуострова, вдающейся в Эгейское море, Катунаки составляют самое священное место Горы. Если представить, что вся Святая Гора является неким огромным храмом, то эта ее часть будет алтарем.

Если кто-то будет искать людей, твердо живущих в Боге и достигших преуспевания на пути святости, то и сегодня он сможет встретить здесь многих таких подвижников. В конце же прошлого века, когда молодой Костас добрался до Катунас, вся эта местность белела одушевленными лилиями, которыми процвела пустыня⁷².

Поискав добродетельного старца, который придерживался бы строгого образа жизни, молодой приверженец подвижнического жития остановил свой выбор на избранном безмолвнике отце Данииле. К тому же тот был и духовником.

Глава II. Жизнь пустынника. Отец Даниил

Отец Даниил обосновался в одном из суровых районов Катунак, расположенном не очень высоко над морем, примерно в 1870 году, чтобы там подвизаться в безмолвии. Собственными трудами он заложил основание храма святого Герасима Нового, построил и две маленьких келлии. В этой пустынной каливе ему предстояло провести остаток своей жизни.

Отец Даниил, происходивший из Загоры в районе Пилиона, некогда принял сан игумена в обители святого Григория, где встретил много забот и трудностей. Однако теперь старец присоединился к пустынножителям Катунак и славил Бога за безмолвие, которым Он его одарил.

От всей души он посвятил себя трезвенной жизни, полагая в сердце восхождения к Богу, как будто голубиные стремясь взять крылья и желая взлететь к божественному упокоению.

К этому замечательному отшельнику, который был известен как добродетельный духовник, и направил свои стопы молодой Костас, чтобы всецело доверить ему свою душу, не сомневаясь, что тот сумеет вручить ее Господу.

Старец Даниил не мог взять в толк, как этот хорошо образованный афинский юноша вынесет жизнь пустынника. Неудивительно, что он не сразу согласился принять его в качестве своего ученика.

Но Костас не сдавался, а продолжал настаивать. «Испытай меня, старче, – говорил он ему, – и, если я тебе не подойду, прогонишь меня».

Старец же, хотя и возражал Костасу, одновременно молился, прося Бога просветить его. Отец Даниил надеялся, что Бог откроет ему, вынесет ли это дитя тяжкий крест пустынножеской жизни.

Наконец старец принял решение взять юношу под свое духовное руководство и защиту.

Атмосфера пустыни

Кто хоть раз побывал в каливе святого Герасима, мог ощутить неземное величие пустыни. На небольшом расстоянии от подножия Горы простирается море, и в ветреную погоду слышно, как волны бьются о прибрежные обрывистые скалы.

Над каливой возвышаются величественные скалы, достигающие в высоту до ста метров. Всюду виднеются жилища других отшельников, которые из любви к подвижничеству ради Христа удалились в пустыню. Немного выше подвизались знаменитые старцы Даниил, Герасим, отец Игнатий, прославившиеся своей добродетелью и мудростью.

Да и посреди самой каливы, исследовав впадину, приспособленную теперь под дровяной склад, можно обнаружить ступеньки, ведущие в некую просторную пещеру. Пещера эта сохранила явные следы древнего отшельнического жилища. Нельзя без волнения думать о том, какой древностью веет от мест, где на протяжении веков совершалась невидимая брань.

Переводя взгляд на северо-восток, различаешь полную величия вершину Афона. Ее внушительный вид, просторы Эгейского моря, остроконечные скалы, разбросанные тут и там монашеские обители – все это вместе создает исполненную тайн и надмирного величия картину. Венчает ее глубокая тишина, которую не может возмутить никакое постороннее обстоятельство.

Юноша, отказавшийся от всего мирского, был поистине очарован тем, с чем он столкнулся. Находясь рядом с опытным и знающим отцом Даниилом, он мог считать себя счастливейшим человеком. Когда Костас смотрел на своего седого старца, этого патриарха духа, у него на глазах выступали слезы восхищения и волнения. Юноша готов был неукоснительно следовать его советам.

Лишения и трудности

Дитя мое, Костас, мы здесь едим один раз в день, да и то без масла. Масло бывает только по субботам, воскресеньям и по праздникам... Спим мы мало, большую часть ночи проводим в молитве, а днем занимаемся рукоделием, чтобы заработать на хлеб.

– Пусть так, старче. Именно этого я и хотел. Если бы я стремился к другому образу жизни, то предпочел бы киновию или скит.

– Здесь, Костас, нет воды. Ту воду, которая собирается у нас в цистернах, мы должны тратить экономно. Здесь на скалах нет садов, поэтому мы не сможем вкушать фруктов или овощей. Надо обходиться небольшим количеством зелени, маслин, иногда бобами или смоквами и всем прочим, что можно купить в магазинах Дафни. А вместо хлеба мы едим сухари.

(В обителях Святой Горы из хлеба, который остается от трапезы, сушат сухари для отшельников. Калива отца Даниила получала сухари из монастыря Ксиропотам.)

Костас слушал внимательно, а старец продолжал описывать суровые условия его новой жизни.

– Здесь нет молока, сыра, яиц. На Пасху мы не едим крашеные яйца. У нас хранится единственное яйцо, и его мы выставляем на вид, чтобы любоваться на него и помнить о празднике.

Юноша с интересом вникал в эти подробности.

Другой трудностью новой жизни была грязь. О мытье и стирке надо было забыть. Это условие, каким бы странным оно ни показалось с первого взгляда, предписано правилами отшельничества и относится к разряду лишений. А фуфайке монаха, которую он лишь изредка мог бы постирать, предстояло превратиться в «войлочную подкладку для вьючных седел», как об этом впоследствии говорил сам отец Каллиник.

Следующий эпизод добавляет весьма выразительный штрих к картине тех лишений, которые приходилось терпеть подвижникам Катунак.

Прошло несколько лет, и Костас уже стал отцом Каллиником. Однажды на Пасху какой-то сострадательный монах принес им немного сыру. Так что пасхальная трапеза на этот раз была особой.

– Дитя мое, не забудь поставить на стол и сыр, который нам принесли, – напомнил старец.

Отец Каллиник, пораженный этим распоряжением и охваченный аскетическими устремлениями, изъявил свое несогласие с подобной роскошью:

– Что ты говоришь, старче? Сыр в пустыне? Да где это слыхано?

Однако позднее жизнь посмеялась над этими его словами. Прошло два-три года, в течение которых он испытал достаточно трудностей, узнал, что такое послушание и пустыня. В тот год Великий пост чрезвычайно утомил его. Ведь пост у пустынников куда строже, чем у других монахов. А первые три дня Великой Четыредесятницы, когда полагается совершенно воздерживаться от пищи, обычно растягиваются для них до пяти дней. Наконец настала Пасха. При подготовке пасхальной трапезы монах открыл старцу свое желание:

– Теперь, когда наступила Пасха, – сказал он, – как бы хорошо было иметь немного сыра!

Тогда старец Даниил, улыбнувшись, ответил ученику теми же словами, которые слышал от него несколько лет назад:

– Что ты говоришь, дитя мое? Сыр в пустыне? Да где это слыхано?

Костас с его юношеским воодушевлением вышел победителем из суровых испытаний своей новой жизни. Однако и ему довелось испытать свои трудные времена, периоды бессилия, печали, изнурения.

Старец не позволял монаху далеко отлучаться от каливы, чтобы тот не рассеивал свое внимание на посторонние предметы и не приходил от этого в смущение. Затвор и полное удаление от мира часто приводили его в состояние печали, тяжелым камнем давившим ему грудь.

Пост, который можно было, скорее, назвать голоданием, чрезвычайно истощал его силы, тем более, что он был еще

молод. К тому же диавол в ярчайших красках рисовал перед отцом Каллиником богатую трапезу, которой он мог бы наслаждаться, если бы оставил трудный путь пустынножительства.

Пробуждение среди ночи, многочасовая молитва после этого, всенощные бдения, всегдашнее стояние... Бывали моменты, когда он лишался последних сил.

Да еще эта вечная грязь! Как к ней привыкнуть образованному афинянину?

К этому добавлялись бесчисленные ухищрения бесов, возмущение помыслов, прилоги мечтания, обольстительные предложения... Как было выдержать все это?

Однако он не сдавался. Надо заметить, он обладал незаурядными борцовскими качествами и мужественно противостоял всем трудностям, печалям и искушениям, бесчисленным нападениям лукавых бесов, их копьям и ухищрениям, которые сопровождали подвижников. Конечно, он чувствовал гордость и радость, что уже в свои юные годы взошел на пустынножеское поприще.

Кроме того, он был не один. Среди всех этих трудностей рядом с ним был его почтенный старец, помогавший монаху возгревать свой первоначальный жар, чтобы преодолевать все препятствия и успешно продвигаться вперед.

Резьба по дереву

Отец Даниил, как и многие другие пустынники, занимался резьбой по дереву. Таково было его рукоделие.

До сих пор в пустынях Святой Горы встречаются отцы, владеющие этим ремеслом. Таким образом, у них есть занятие, позволяющее противостоять унынию и, кроме того, заработать немного денег для покрытия различных расходов.

Костас должен был научиться у своего старца и этому ремеслу, чтобы добывать с его помощью деньги на нужды общины.

Ему предстояло научиться превращать обычные чурбаки из дуба, бука или самшита в подлинные произведения искусства. Сначала требовалось распилить деревяшку на тонкие дощечки и обстругать их. На гладкую поверхность карандашом наносился контур. Наконец из дощечек при помощи различных острых и тонких инструментов вырезали ложки, гребни, ножи для разрезания бумаги, крестики, печати для просфор или даже более сложные произведения искусства, например образы каких-либо святых или события из земной жизни Спасителя.

Отец Даниил был специалистом по изготовлению ложек. Он делал ложки непревзойденно. Чтобы подражать старцу, молодому ученику следовало проявить внимательность, старание и, главное, большое терпение.

К числу новых для Костаса вещей, открывшихся ему в пустыне, принадлежало и это необычное рукоделие, в котором он, будучи старательным человеком, добился больших успехов. До сих пор сохраняются его поделки, выполненные с удивительным искусством. Одну из них мне довелось видеть в руках архимандрита Арсения Феодоропулоса в Ларисе. Это был деревянный напрестольный крест с изображением Страстей Господних.

Обладая достаточной физической силой, Костас мог заниматься и более тяжелой работой. Работа совершенно не страшила его.

С первых же дней своей жизни на Катунаках юноша показал себя деятельным человеком. Заметив, что местность вокруг их каливы была непроходимой от зарослей, что утомляло уже немолодого отца Даниила, когда тот куда-нибудь отправлялся, послушник решил, что с этим надо что-то делать.

– Старче, – обратился он как-то к нему, – я прошу благословения расчистить дорогу, чтобы и ты, и наши посетители могли ходить без труда.

– Бог в помощь, дитя мое, – ответил старец, исполненный радости, что его ученику пришло на ум такое дело.

Звук топора и кирки в течение нескольких дней нарушал тишину пустыни. Дикому кустарнику и камням пришлось потесниться. В результате посреди труднодоступной и дикой пустыни появилась прекрасная тропа.

Многоценное наследие

Поведение ученика дало отцу Даниилу полное право без малейшего колебания постричь его в монахи. Теперь Костас получил имя Каллиник, и старец молился, чтобы он и в самом деле стал победителем в подвижнической борьбе⁷³.

Отец Даниил предчувствовал свое скорое отшествие из этой временной жизни и с удовлетворением видел, что сможет безбоязненно возложить на плечи отца Каллиника свой богатый опыт – наследие великих исихастов прошлого.

В начале XIV века преподобный Григорий Синаит, посетив Афон, возжег там пламя исихазма. Он научил некоему новому боговдохновенному пути подвижничества, который через совершенное очищение ума духовное созерцание, сердечную, или умную, молитву ведет к таинственному опыту богообщения.

Этот огонь, передававшийся из поколения в поколение, как некий святой жемчуг, затеплился и в душе старца Даниила, который теперь не без священного трепета решился передать его своему послушнику.

Как только отец Каллиник был посвящен в тайну умной молитвы и созерцательной жизни, он ощутил в душе некий трепет, подобный тому, что испытали апостолы на Пятидесятницу.

Сначала ему надлежало одержать победу над самим собой, взглянуть на себя прямо и без колебаний, чтобы решительно изгнать из своей души все темные стороны, всякий враждебный плевел. Только так можно было продолжить путь, чтобы обрести небесный мир безмолвия и чтобы он возглавил жизнь дома его души.

Сколь восхищен был отец Каллиник! Какой путь открывался перед ним! Какой божественный свет, какие Фаворские и пасхальные озарения, какое приближение к Отцу светов!.. Все это просматривалось где-то далеко, в конце пути.

Теперь старец Даниил мог спокойно покинуть этот мир.

В 1881 году тело старца, обернутое в старенькую рясу, поместили в его последнее земное жилище.

Печаль ученика была неопишуемой. Он расставался с тем, кто после Бога был ему всех дороже, – со своим старцем.

Из глаз отца Каллиника катились слезы.

Как ему теперь жить без защиты своего духовного отца? Для отца Каллиника старец был его духовной сокровищницей, его духовной трапезой, откуда он мог в любом количестве черпать духовное богатство, которое требовалось в трудные часы невидимой брани.

Монах чувствовал себя осиротевшим и, вслед за преподобным Симеоном Новым Богословом, так оплакивал смерть старца:

Ты взял от земли отца моего, увы мне!

Ты забрал моего наставника с глаз моих!

О Человеколюбче! Ты оставил меня одного

Полным сиротой, в полном одиночестве...

Глава III. Путь подвижничества. Друг богомыслия

Теперь отец Каллиник стал старцем в исихастии⁷⁴ святого Герасима. Вместе с ним был и отец Неофит, строитель с острова Самос, который был послушником отца Даниила после отца Каллиника.

Целью отца Каллиника было хранить как зеницу ока те духовные зерна, которые посеял в его душе блаженный старец и оправдать надежды, которые тот возлагал на него. И действительно, отец Каллиник со своими незаурядными качествами воина невидимой брани оказался достойным продолжателем духовной традиции. Его аскетичность, пост, молитва, молчание, собранность ума – все это возвращалось бережно и постепенно. По общему признанию отцов, отец Каллиник во всем оказался еще строже своего старца.

Особенностью отца Каллиника было величайшее усердие к богомыслию. Будучи очень вдумчивым, он со всей своей силой отдался чтению. Хотя старец не получил высшего университетского образования, его отличала величайшая острота ума, так что ему удавалось постигать труднейшие по смыслу и глубочайшие по значению места Священного Писания и святоотеческих творений.

На первом месте после Писания стояли трезвенные отцы. Преподобные Исихий, пресвитер Иерусалимский, Исаак Сирин, святитель Григорий Палама и весь лик отцов, живших в букве и духе священного безмолвия, были особенно близки ему.

Отец Каллиник стремился усвоить себе их образ жизни и мышления, их духовные озарения. Ведь он жил в тех же условиях, что и они, и потому никогда не позволил бы себе лишиться тех плодов, которые им удалось стяжать в изобилии.

С присущей ему проницательностью и любознательностью отец Каллиник, оттачивая данный ему Богом талант, погрузился в изучение русского языка. Спустя недолгое время ему удалось без всякой посторонней помощи научиться говорить и писать в совершенстве. Знание этого языка, как мы увидим позже, должно было сыграть определенную роль в его жизни.

Но любимой книгой отца Каллиника было «Добротолюбие». Чистый ум старца исполнялся духовной радости, когда он перелистывал страницы книги и впитывал дух подвижников, избравших путь трезвения и созерцания.

Услада одиночества

Помимо чтения, отца Каллиника пленяло одиночество. Когда он бывал один, то умом мог восходить к Богу. Это качество было свойственно ему в течение всей его жизни. Впрочем, жизнь в безмолвии немыслима без уединения.

Эта особенность старца хорошо видна на следующем примере. Иногда подвижникам приходилось посещать по различным делам Дафни. Братия для таких поездок обычно пользовались лодкой. Отец Каллиник выбирал другой маршрут. Он шел туда пешком, что было довольно изнурительно: чтобы добраться до места, нужно было идти без остановки восемь часов.

Отца Каллиника совершенно не пугал многочасовой утомительный путь (впрочем, он особенно любил суровые испытания). Наоборот, он радовался долгому одиночеству. Вдали от шума, бесед или даже многословия, которыми, возможно, сопровождалось бы путешествие на лодке, он оставался наедине с Богом, совершая путь среди пустынных мест. «В особенности на пути, в пустыне, когда никто не препятствует, мы бываем способнее к размышлению», – пишет святитель Иоанн Златоуст.

Пока звук шагов отца Каллиника эхом отдавался в обрывистых и глубоких оврагах, пока монах поднимался на высокие выступы или пересекал тенистые леса, которые так необыкновенно украшают Святую Гору, он непрестанно молился.

А сколько раз старец, окруженный изумительными красотами Святой Горы, окидывал взглядом широкие просторы Эгейского моря и воздевал руки, чтобы прославить Того, Кто все премудростию сотворил и о Ком тосковала его душа, стремясь навечно заключить Его в своем сердце.

Воздержания учитель

Дух воздержания с самого начала и до конца господствовал в жизни отца Каллиника. И сам он, и его ученики придерживались умеренности. Так, одной мерой растительного масла они обходились весь год, используя его и для еды, и для лампад в храме. По субботам и воскресеньям, когда елей разрешался, в пищу наливали рюмку масла, а это было так мало, что на вкус его трудно было ощутить.

Возле келлии росла маленькая виноградная лоза, которая каждый год давала примерно десять гроздьев винограда. Отец Каллиник сам никогда не взял в рот ни одной ягоды и своим послушникам не разрешал пробовать их, чтобы не лишать их плодов воздержания.

Однажды, когда должно было начаться бдение, отцы спросили старца, не выпить ли им кофе.

– Если мы собираемся бодрствовать с помощью возбуждающих средств, то лучше пойти спать, – был его ответ.

Сам он, действительно, никогда не пил кофе.

В Великую Четыредесятницу отец Каллиник соблюдал очень строгий пост. Как-то раз он непрерывно постился целых двадцать дней, в течение которых не брал в рот никакой пищи и ни капли воды!

Отец Каллиник неукоснительно соблюдал и запрет на мытье. Как-то вечером, когда он писал в своей келлии, его одолел сон. Керосиновая лампа начала ужасно чадить, так что лицо его сделалось совершенно черным от копоти. Ученики, заглянув в дверь, не могли узнать своего старца. Они с готовностью предложили ему принести воды, чтобы умыться, но он запретил им. И, вытирая лицо ладонями, заметил: «Не беспокойтесь, копоть сойдет со слезами и потом».

Такого же подхода отец Каллиник придерживался и по отношению к своим подопечным. Когда однажды один из них, прошедший юность в Ларисе, собрался ополоснуть лицо водой, то услышал: «Если хочешь помыться, отправляйся в Ларису. Здесь будешь умываться только слезами и потом».

Старец Каллиник очень хорошо знал, какое значение имеют телесные лишения. Он знал, что «увядающая плоть не дает упокоения бесам», по слову преподобного Иоанна Аествичника, а «ум воздержный является храмом Духа Святого», по слову аввы Фалассия.

Смирение и дружелюбие

Простота и смирение, отличавшие отца Каллиника, сразу же бросались в глаза. Он был так скромно одет и так просто держался, что это не могло не произвести впечатления.

Старец всеми силами избегал тщеславия. Никто не мог заставить его сфотографироваться. К счастью, однажды какой-то путешественник все-таки незаметно сфотографировал отца Каллиника и таким образом запечатлел для нас его образ.

По смирению старец не осмелился принять сан священства, понимая, с какой ответственностью это связано. «Вполне осознавая меру ответственности и высоту служения священника, я избрал тихую жизнь монаха», – говорил он.

Смиренномудрие отца Каллиника проявилось и в конце его жизни, когда он дал указание своему ученику сжечь всю его переписку, включая поздравления и похвальные послания от знатных особ, в том числе и от русского царя.

Внимательность к каждому слову, и, вообще, немногословие, стремление избегать пустых разговоров, молчаливое подвижничество были многоценным облачением старца. Более того, в день принятия Пречистых Таин он закрывался в своей келлии и не разрешал ученикам тревожить его до самого вечера. Но нет нужды специально подчеркивать связь его подвига с молчанием, так как без этого невозможно себе представить истинного безмолвника. Ведь молчание – это, по слову преподобного Иоанна Лествичника, «матерь молитвы, супруг безмолвия».

Доброта отца Каллиника не имела границ. Те, кто его посещал, видели в нем человека нелицемерного дружелюбия и любви. Ради тех, кто к нему приходил, он оставлял свое уединение и молитву и отдавал себя в распоряжение страждущих, выслушивая их вопросы, разрешая недоумения. Старца совершенно справедливо характеризовали как человека редкой любви и приветливости.

Затворник

При незаурядных духовных дарованиях отец Каллиник мог подняться еще выше и достичь своих высоких целей.

Между тем его окружение, помимо отца Неофита, включало и отца Даниила. Родом он был из Алацаты в Малой Азии и сподобился стать иереем. Кроме этих учеников, у отца Каллиника бывало много посетителей, искавших духовной пользы. Все их желания он мог удовлетворить с удивительным успехом.

Отец Каллиник, впрочем, никогда не пренебрегал собственным совершенствованием. Непокколебимым основанием его духовного здания было постоянное общение с Богом. Из-за этого многие его практические занятия отодвигались на второй план.

В 1885 году, через четыре года после смерти своего духовного отца, отец Каллиник решил сделать важный шаг вперед. Он принял мужественное решение стать затворником, то есть ограничить себя келлией и небольшим пространством вокруг нее, подобно заключенному в темницу. Те годы, которые Бог еще дал бы ему прожить, старец должен был провести в этом ограниченном пространстве.

И действительно, оставшиеся до конца жизни сорок пять лет он прожил в затворе. Ничто не могло побудить его отступить от выбранного пути. Даже если возникала необходимость известить кого-либо о чем-то, старец поднимал длинную палку с тряпичей на конце, как флаг, так, чтобы ее могли увидеть соседи и прийти узнать, что случилось.

Жертва его оказалась суровой. Закрытый в келлии в этом пустынном ущелье Катунак, отец Каллиник лишил себя всякого выхода, всяких прогулок, всяких путешествий, всякого общения. Лишь со смертью он вышел из своего затвора, и то только душой, так как тело старца осталось верным месту его молитвенных подвигов.

Этот самоотверженный шаг получил щедрое благословение от Господа. В «Добротолубии» авва Евагрий говорит: «Погляди

на сосуд с вином, нерушимо пребывающий в одном месте, и подумай, какое светлое, крепкое и благоуханное вино из него получают».

Решение отца Каллиника было связано с его глубокой привязанностью к созерцательной жизни, трезвению, возделыванию умной молитвы. В этом запредельном состоянии, которого сподобляются немногие, деятельной жизни уже нет места. Деятельность уступает место созерцанию, и потому внешние труды, служения и рукоделие, отходят на второй план. С тех пор исихаст Каллиник больше не будет заниматься резьбой по дереву. Авва Исаак Сирин считает счастливыми тех, кто достиг этого высочайшего духовного уровня. «Блажен, – пишет он, – кто пребывает в безмолвии и не тревожит себя множеством дел, но всю телесную деятельность заменил трудом молитвенным...».

Безмолвная жизнь

Отцы Неофит и Даниил, оба ученика отца Каллиника, всеми силами старались обеспечить своему старцу требуемый покой. Все труды по ведению хозяйства каливы, всю заботу о посетителях и удовлетворение всех прочих потребностей они брали на себя, радуясь тому, что их старец достиг такой высокой духовной ступени и удостоился чести, как говорит святитель Григорий Нисский, «вечно пребывать в духовном и возноситься вместе с Божественными силами».

Даже малейшее нарушение безмолвия и самое незначительное беспокойство создают препятствия для умного созерцания. Поэтому отец Каллиник стремился жить в полной беспопечительности и невозмутимости ума.

Заботам о земном, материальным интересам, мирским проблемам не было никакого места в душе подвижника, избравшего трезвение. «Итак, – призывает преподобный Нил Пустынник, – пусть чистота добродетели не тревожится мирскими помышлениями, а ясность созерцания не возмущается телесными заботами». Отец Каллиник ни разу не раскрыл рта, чтобы полюбопытствовать у посетителей, что нового происходит в мире. Всякое расположение духа к любопытству должно было быть подавлено. Даже если бы погибал весь мир, старцу следовало бы, препоручив все это Промыслу Божию, не отрывать ум от духовного созерцания. Столь великие требования предъявляет к своим последователям трезвение, «благое, по слову преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, и сладкое, сияющее и приятнейшее, прекрасное и всесветлое, вечно и непрестанно вдыхающее и призывающее одного лишь Иисуса Христа».

С захода солнца и до полуночи, когда ученики старца отдыхали и кругом царило совершенное безмолвие, сам он в своей келлии – в шестидесяти метрах от их жилища – предавался божественному труду молитвы. В полночь, когда ученики начинали уставные службы в церкви в соответствии с порядком, принятым на Святой Горе, он ложился на несколько

часов, чтобы отдохнуть до утра. Храм святого Герасима отец Каллиник посещал обычно раз в неделю, чтобы приобщиться Святых Христовых Таин.

Что же касается повседневных дел, которыми отец Каллиник перестал заниматься, то иногда ему приходилось вспомнить о приготовлении пищи. Ученики заранее приносили ему дрова и все необходимое, и он в одиночестве сам готовил свой скромный обед (обычно это был вареный рис), не прекращая творить сердечную молитву. Пищу свою старец принимал отдельно от учеников, чтобы в уединении сопровождать каждый съеденный кусочек молитвой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

В таких рамках протекала безмолвная жизнь отца Каллиника, в то время как дух его озарялся, по выражению преподобного Каллиста Катафигиота, «светлейшими лучами Божественной красоты». Это Божественное озарение передавалось всем, кто общался со старцем, и в первую очередь его ученикам. Ведь именно так происходит, когда солнечные лучи падают на тела с наиболее прозрачной и гладкой поверхностью, «тогда они, – говорит святитель Василий Великий, – озаряются светом и начинают излучать новое сияние».

Его ученики

Когда старец Каллиник собирался принять кого-нибудь в свою общину, он вначале подвергал того особым испытаниям. Стать его учеником было совсем не так просто, тем более если желающий не обладал большой духовной выносливостью.

Отец Каллиник был немногословен и неукоснителен в своих требованиях, о чем бы он ни просил. Если испытуемый не выполнял в точности предписаний старца, то не имел шанса задержаться при нем надолго. Отец Каллиник говорил тогда: «Встань и уходи. Я не должен страдать из-за твоего непослушания».

Если же старец на время принимал к себе какого-либо непослушливого ученика, то делал это, провидя, что в будущем тот исправится, и своими наставлениями и подобающим примером старался вывести его на правильный путь.

Отец Каллиник мог бы окружить себя множеством учеников, так как к нему приходили многие. Однако суровость жизни и строгость старца приводили к тому, что лишь немногие оставались при нем.

Добродетель и слава исихаста отца Каллиника в 1920 году уловили в тенета монашеской жизни Спиридона Менайаса. Это была выдающаяся личность. Аристократ, богач, известный химик, выпускник Цюрихского университета, он бросил все, продал свое имущество и стал отцом Герасимом⁷⁵, учеником отца Каллиника. Таким образом, кроме тех двух учеников, о которых мы уже упомянули, в общине старца Каллиника появился еще и третий.

Позже, когда отцы Неофит и Даниил скончались, а отец Герасим по состоянию здоровья удалился в деревню Вулгарели близ Арты, отец Каллиник на какое-то время остался один. Из многих людей, которые впоследствии приходили к старцу (Афанасий, Иосиф, диакон Герасим, Христодул, Арсений), лишь немногие были приняты в качестве учеников. В 1925 году вернулся отец Герасим Менайас, но влажный морской воздух,

губительный для его здоровья, вынудил его перейти в скит святого Василия, где климат был несколько суше.

Руководство учениками

Каждый день старец посвящал своим ученикам достаточное количество времени, иногда до двух часов. Они приходили в келлию отца Каллиника, чтобы приобщиться к его духовному богатству. Это была впечатляющая картина: тихим вечером дверь келлии старца-пустынника из Катунак открывалась для недоумений, откровения помыслов и решения проблем его учеников, которые могли тогда насытиться духовным опытом, скрытым в тайниках его духовных кладовых. В конце ученики делали земной поклон, прикладывались к руке старца и, напутствуемые его благословением, уходили спать.

Беседы с учениками были строго монашескими. Тут не было места для других предметов: воспоминаний о прошлом или обычных разговоров, предназначенных лишь для того, чтобы как-то провести время. «Нельзя было понять, – рассказывал мне один из его учеников, – было ли у этого человека какое-то прошлое, родители, братья и тому подобное. Ни о чем таком он не рассказывал».

Отец Каллиник знал, какую духовную пользу приносят ученикам жесткие воспитательные меры: внушения, прещения и отсечение их собственной воли – и умело применял все это.

Однажды кто-то из его учеников отправился в Дафни за провизией и купил там роскошный апельсин. Ему хотелось порадовать своего старца, немного освежить его вкус, притупленный скудной пищей.

– Старче, я купил тебе апельсин, – радостно сообщил он по возвращении.

Тот, однако, не выразил никакой благодарности.

– А как мог ты купить апельсин без моего благословения? Ты это сделал для удовлетворения собственного желания. Поэтому возьми его сейчас же и выбрось.

Мало того, старец наложил на послушника довольно строгую епитимию сроком на сорок дней.

В другой раз один ученик сильно озяб, так что вечером слег в постель совершенно больной и спал очень плохо. Едва

рассвело, он услышал голос старца, знавшего о его состоянии: «Послушай, дитя мое, видишь это письмо? Сегодня оно должно попасть в Карею. Не отнесешь ли ты его? »

Карейя, столица Святой Горы, отстоит от Катунак на восемь часов пути. Но старец Каллиник знал, что послушание придает крылья. Знал это и ученик. Он успешно выполнил поручение и получил духовное вознаграждение за свое послушание.

Как-то один ученик, которому нужно было перетащить с побережья в каливу сухари, полученные в монастыре Ксиропотам, попросил у старца благословения перевести лодку в другое место, поближе к их каливе. То место, где сухари выгружались, находилось далеко, и нести их оттуда было бы слишком трудно.

Но старец отказал ему в благословении: «Жизнь монаха, – сказал он, – не должна обходиться без тяжких испытаний и телесного труда».

Одно время в каливе старца, помимо достойного монаха, находился еще и некий послушник, задатки которого не предвещали особых успехов на монашеском поприще. Старец всячески пытался привести этого послушника в чувство и много раз с редким мастерством заставлял его позаботиться о своем исправлении.

Например, один посетитель как-то спросил отца Каллиника:

– Отче, как ты можешь вместе с послушным монахом терпеть еще и другого?

На это старец ответил громким голосом, так чтобы его услышал и нерадивый ученик:

– А вот послушай. У меня есть два мешка. Один полон муки, второй отрубей. Послушному я даю муку, а нерадивого кормлю отрубями.

Как только беспечный послушник услышал это, его словно бы подменили. Он взволновался и тут же решил исправиться, чтобы и ему получать «муку».

С таким вот удивительным искусством Божий человек наставлял своих учеников, в полной мере сознавая свою ответственность за их души.

Глава IV. «Светильник Светящий»⁷⁶. Дар рассуждения

Духовные борения отца Каллиника, чистота его жизни, длительное общение с Богом посредством умной молитвы сделали его «светильником светящим». Проницательность, свойственная старцу от рождения, и острота его ума расширились до удивительных пределов, так что ошеломяли тех, кто с ним встречался.

С помощью дара рассуждения, который редко кому удается стяжать, человек может заглядывать в таинственные глубины сердец, отделять пшеницу от плевел и даже в самых затруднительных случаях проводить грань между светом и тьмой. По словам святого Лествичника, рассуждение – это «знание посредством Божественного озарения», «точное постижение Божественной воли во всякое время, на всяком месте и во всяком деле», «чистое ощущение» и «умный свет».

Слава отца Каллиника как рассудительного старца привлекала к нему множество людей, желавших получить богопросвещенный ответ на беспокоившие их вопросы.

Все, желавшие найти разрешение личных проблем или недоумений, получить толкование тех или иных мест из Священного Писания или духовную пользу, прибегали к духовному столу отца Каллиника. Все, кто к нему обращался, получали просимое и уходили духовно обогащенными.

Послушники, старцы, пустынники, общежительные монахи, миряне, юристы, военные, полицейские, греки, русские – вся Святая Гора стремилась попасть к затворнику-исихасту с Катунак. Помимо посетителей, хватало и писем. Для всех отец Каллиник был чудесным наставником. Это и неудивительно. Во все времена рассудительные старцы были своего рода магнитом, притягивающим всех, кто интересуется духовными вопросами.

Как будет видно из дальнейшего повествования, дар рассуждения отца Каллиника достиг весьма высокой степени. Более того, нам известны случаи, свидетельствующие о его

прозорливости, так как старец мог предсказать события, которые потом развивались именно так, как он говорил.

По Божию откровению

Некий монах, душевно потрясенный, измученный искушениями и печалью, пришел к отцу Каллинику в надежде найти облегчение. Он поведал старцу о своем состоянии, и тот стал давать ему мудрые наставления.

– Послушай, чадо, – сказал старец монаху, – возьми вот этот сосуд, наполни его водой, а потом брось в него земли и перемешай.

Монах сделал, как было сказано.

– Ты видишь там что-нибудь? – спросил старец.

– Нет, старче, ведь вода стала мутной.

После этого они беседовали некоторое время. Приветливый и исполненный любви отец Каллиник старался духовно укрепить опечаленного монаха. В какой-то момент старец попросил снова посмотреть в сосуд.

– Стало немного чище, – заметил монах.

Поучительная беседа продолжалась, но вот отец Каллиник опять напомнил монаху о воде.

– Совсем очистилась. Теперь я четко различаю камешки на дне.

И мудрый старец заключил беседу следующими словами:

– Нечто подобное происходит и с тобой. Сейчас твой ум, как взбаламученная вода. Но не беспокойся. Наберись терпения, и через два-три месяца твое беспокойство уляжется. Тогда ты увидишь, как чисты и спокойны будут твои мысли.

Именно так все и получилось.

В другой раз к старцу отправился некий монах, измученный личными проблемами. Однако, войдя к отцу Каллинику, он не смог ничего сказать. Трудность была такого свойства, что монах затруднялся найти слова, чтобы объяснить ее, и из-за этого оказался в неловком положении.

Тогда старец своим задушевым голосом стал рассказывать ему:

– Как-то один из многих посетителей, монах, пришел ко мне с каким-то своим вопросом. С ним произошло следующее...

И старец рассказал нерешительному монаху в точности то, что его беспокоило. Тот воскликнул в изумлении:

– То же самое и со мной произошло, святой отче!

Обрадованный тем, что его так ненавязчиво вывели из затруднения, монах поднялся, обнял старца и, растроганный, стал целовать его руки.

Если какой-нибудь мирянин посещал отца Каллиника, чтобы сообщить ему о своем желании стать монахом, то не всегда получал благословение старца. Когда рассудительный безмолвник предвидел, что кандидат в иноки не преуспеет в монашеской жизни, то отговаривал его и советовал вернуться в мир, чтобы создать семью.

Когда во время духовной беседы старец замечал, что его посетитель устал от высоких материй, то переводил беседу на более легкие для восприятия предметы. Он мог, например, сказать: «Какой красивый виноград на этой лозе. Как бы хотелось его отведать!»

Часто пустынников посещают и любопытствующие, которые приходят не с духовными вопросами, а из досужего интереса. Если старец видел безразличие человека к духовной беседе, то и сам демонстрировал такое же безразличие. В таком случае он, вместо того чтобы вести благочестивые и сокрушенные речи, опускался до уровня посетителя. «Как жизнь? – спрашивал он. – Как работа? Как дела на винограднике? Много ли масла дают ваши оливки?».

И, если только сам посетитель направлял разговор в духовное русло, отец Каллиник с готовностью раскрывал ему сокровища своей души.

Когда старец замечал непомерную и несвоевременную ревность, то возражал против нее. Одна монахиня, попросившая у отца Каллиника совета в своем письме, получила от него выговор, так как постилась чрезмерно – принимала пищу всего один раз в неделю. «Это искушение, – написал он ей. – Надо идти средним, царским, путем».

Кандидаты в пустынники

Два монаха, преуспевшие в качестве послушников в общежительном монастыре, с благословения игумена отправились жить в пустыню. Чтобы определить порядок своей новой жизни, они пришли к старцу Каллинику.

Один из прибывших был вполне пригоден для суровой отшельнической жизни. Другой же, который в миру был ученым и получил хорошее образование, мог и не выдержать чрезвычайно суровых предписаний. Поэтому первый, движимый любовью к собрату, объяснил отцу Каллинику, что и как. В сущности, этот брат хотел сказать следующее: «Старче, не возлагай на него очень много, он не вынесет». Он постарался рассказать все это старцу втайне от другого монаха.

Но отец Каллиник был уверен, что при определенном усердии тот сможет вынести тяготы пустынноческой жизни и получить от Бога подобающий венец за свой нелегкий труд.

Итак, когда настала очередь второго монаха беседовать со старцем, тот обратился к нему с необычной речью:

– Ты, дорогой мой брат, жил в миру изнеженно и, наверное, тебе нелегко придется на поприще безмолвия. Поэтому не уходи из своего монастыря. Оставайся там. А вот тебе и епитимия: когда священник даст тебе антидор, ты не сразу съедай его, а пойди сначала в свою келлию и, орошая его своими слезами, скажи: «Господи, я не могу быть доблестным воином. Я труслив и не смог вынести пустынноческой жизни». Тогда только можешь съесть антидор.

Эти слова старца поразили монаха, как молния. Движимый уязвленным честолюбием, он повернулся к собрату и произнес с возмущением:

– Это ты сказал старцу, что я не выдержу? Да я лучше умру в подвижничестве и страданиях, чем назову себя трусливым воином.

Отец Каллиник, улыбнувшись, сказал:

– Приидите и видите доблестного воина Христова.

Затем он предписал этому монаху тот же образ жизни, что и другому.

Смущение полицейского

Одного полицейского из гарнизона Святой Горы чрезвычайно смущали различные неприятные происшествия, с которыми ему приходилось сталкиваться по роду своей службы. В душевном смятении он пришел в каливу отца Каллиника.

– Старче, – говорил полицейский, – я очень разочарован и расстроен таким положением дел. У меня было огромное желание попасть сюда, чтобы увидеть добродетельных, святых монахов, а встретил я прямо противоположное. Если уж в этом священном месте творится такое безобразие, то чего же ждать от остального мира? Я приехал в поисках добродетели, а нашел порок, – повторил он разочарованно.

– Дорогой мой, – ответил старец Каллиник, – добродетель – это не рубашка, чтобы ее можно было постирать и вывесить в Дафни на общее обозрение.

От этого разумного замечания полицейский потерял дар речи. После этого старец с присущей ему мудростью помог собеседнику хорошенько во всем разобраться.

– Твоя служба, – сказал он, – состоит не только в том, чтобы наблюдать за безобразиями и пороками, но и в том, чтобы пытаться исследовать и раскрывать их даже там, где они не видны. Разве тебя прислали сюда для созерцания добродетели, а не для того, чтобы пресекать зло и препятствовать его распространению? Ты забыл о своем предназначении и обратил свое внимание в другую сторону, потому и оказался в такой скорби и отчаянии. И не забывай, что добродетель – это нечто сокровенное, нечто такое, что тайно взращивают в глубине сердца.

Полицейский ушел, удовлетворенный беседой и душевным расположением старца.

Как был вразумлен один монах

На небольшом расстоянии от каливы исихаста Каллиника жил монах, который по своей несдержанности то и дело служил источником искушений. Он возмущался по мелочам и обрушивался на других отцов со словами, недопустимыми для монаха.

Как-то раз этот шквал обрушился и на отца Каллиника. Упомянутый монах однажды проходил мимо его каливы и по какому-то подвернувшемуся поводу безобразно оскорбил старца. Тот, слушая все это, проявил выдержку и не произнес ни звука.

Монах, закончив браниться, двинулся дальше по направлению к своей каливе. Тогда отец Каллиник преподавал монаху урок, подобного которому тот еще не получал. Старец указал ему пальцем на церковь его каливы и добавил: «А теперь, брат, иди причащаться».

Монах, не придав поначалу особого значения этим словам, продолжал свой путь. Но, уразумев наконец их смысл, он пришел в беспокойство. И правда, как он осмелится теперь причащаться, если не попросит прощения у брата, которого оскорбил? Беспокойство его начало возрастать. Полный тревоги и страха, этот брат вернулся к отцу Каллинику, чтобы положить перед ним поклон и попросить прощения.

Отец Каллиник умел с замечательным искусством привести в чувство тех, кто проявлял несдержанность.

Удачные сравнения

Чтобы его наставления запечатлелись в памяти слушателей, отец Каллиник использовал очень удачные сравнения. В этом отношении ему не было равных.

Так, когда он хотел показать монахам, какие опасности их подстерегают, если они не будут проявлять бдительности, то говорил: «Представьте, что над ужасным бурным потоком реки по натянутой веревке идет акробат. Если он не будет внимательным, то сорвется и умрет ужасной смертью. Точно так же погибнет и монах, если не станет неусыпно следить за собой».

Один подвижник спросил отца Каллиника:

– Почему мы, современные подвижники, не достигаем преуспеяния?

Тот начал свой ответ со следующего выразительного образа:

– Мы не преуспеваем потому, что нас постоянно отвлекают тысячи незначительных вещей, из-за которых мы пренебрегаем нашей главной целью. Мы уподобляемся тому кузнецу, который обещает тебе изготовить мотыгу за три дня, а когда ты приходишь за ней, он говорит, что не успел ее сделать. Он кладет ее на видное место и назначает тебе новый срок. А между тем у него появляются другие заказы, и твоя мотыга отодвигается на второй план, так что он и во второй раз не может сдержать слова. Подобная история может повторяться неоднократно. Многие заботы рождают небрежение и забвение в отношении Бога, и из-за этого мы не совершенствуемся в добродетели.

Как-то отца Каллиника спросили:

– Старче, если двое учеников, получив некое задание, выполнили его, но только один сделал это с радостью, а другой – ворча и негодуя, то какое вознаграждение они получают?

Ответ старца был таков:

– В данном случае они оба проделали одну и ту же работу с той лишь разницей, что тот, кто негодовал, устал намного

больше другого. И тем не менее он получит в награду тусклую медницу, а другой – золотую монету!

Говоря о милостях, которыми Бог наделяет настоящих подвижников, отец Каллиник оживил свои слова таким сравнением: «Когда человек подвизается, чтобы в точности исполнить заповеди Господа нашего Иисуса Христа, то Господь в каждый большой праздник посылает ему духовные дары. Это подобно тому, как в армии по торжественным дням офицеры награждают хороших солдат либо деньгами, либо ценными подарками, либо дополнительным отпуском».

Глава V. На вершине Фавора. Божественные озарения

Если безмолвник правильно исполняет высокий труд умной молитвы, прилепившись, словно ангел во плоти, к божественному престолу, то ему неизреченным образом является Сам Бог среди сверхъестественного излияния света, которое было явлено на Фаворе.

Немногие удостоились видеть этот нетварный свет, осиявший некогда пророка Моисея, трех Христовых учеников в момент преображения Господня, апостола Павла на пути в Дамаск, святых Василия Великого, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова... Неоднократного видения этого света сподобился и отец Каллиник. Многие из тех, кто посещал его во время таких Божественных озарений, поражались лучезарности его лица.

Однажды, когда отец Каллиник, затворившись в своей келлии, погрузился в таинственное море умной молитвы, один из учеников постучался к нему в дверь. Через некоторое время старец открыл окошко: «Чего ты хочешь, благословенный? Ах, зачем ты меня прервал? Знал бы ты, где я был!.. Знал бы ты, что это был за свет!..»

Самому мне также довелось, хотя и с чужих слов, познакомиться с удивительным величием озарений старца-безмолвника.

Мой приснопамятный старец отец Григорий отправился как-то в каливу отца Каллиника, чтобы уладить с помощью его просвещенных советов некоторые свои проблемы. Но когда отец Григорий прибыл в каливу, его попросили подождать, поскольку старец Каллиник молился и не принимал.

Отец Григорий ждал целый день, но безмолвник так и не появился. Наступило утро следующего дня. Целых двенадцать часов отец Каллиник был погружен в облако умной молитвы, которая продолжалась и в течение всей следующей ночи. Третий день также встретил его молящимся. Лишь в

послеобеденное время мой старец, который все еще находился в ожидании, узнал, что молитва окончилась.

Когда вскоре моего старца позвал к себе отец Каллиник, он оказался свидетелем чудесного явления. Это было нечто неопишное, величественное. С тех пор прошло много лет, а он все не мог забыть этого небесного явления.

Как-то раз я услышал его слова, обращенные к одному добродетельному монаху нашей каливы: «Видел бы ты, отец Иоаким, как сияло лицо отца Каллиника! Как оно сияло! Что тебе сказать? Можно было подумать, что перед тобой Моисей, только что спустившийся с Синая. Какой это был небесный свет!»

Какое же блаженство испытывал отец Каллиник, удостоившись еще в этой жизни созерцать свет Святой Троицы! Это блаженство он мог бы воспеть словами одного из гимнов Божественной любви преподобного Симеона Нового Богослова:

Я делаюсь причастником света и славы,
И сияет лицо мое, как лицо моего Желанного,
И все члены мои становятся светоносными,
Тогда я соделываюсь прекраснейшим из прекрасных...

Прекраснейший из прекрасных

Лицо отца Каллиника, озаряемое Фаворским светом, многократно излучало свет Божественной благодати, причем не только в часы молитвы. Так что слова аввы Исаака Сирина о равноангельном безмолвнике Арсении, что люди «увеселялись и одним только лицезрением его, а словесная беседа стала излишней», могут быть отнесены и к нашему исихасту.

Один ученик отца Каллиника, утомленный тяжелыми трудами, получил наказ идти на работу в Великую Лавру, которая расположена в трех часах ходьбы. Он было отправился туда, но вскоре, возмущенный и исполненный негодования, вернулся, чтобы высказать свои жалобы.

Но что это? Подходя к каливе, монах увидел своего духовного отца, лицо которого сияло божественной радостью и добротой. Это чудо настолько поразило монаха, что из глаз его брызнули слезы, и он принялся бранить самого себя: «Старец, – говорил он сквозь рыдания, – делает все, чтобы спасти тебя, ничтожного, а ты еще и жалуешься!»

Некий пустынник, отец Д., вспоминая одну свою духовную встречу с отцом Каллиником, рассказывал о необычайной светозарности его лица: «...Когда он сказал это и посмотрел на меня с ласковой улыбкой, его лицо просияло. По нему была разлита некая неземная радость и ликование, как будто в этот самый момент старец ощущал дары благодати и потому испытывал эти боголюбезные чувства».

Отец Герасим, замечательный монах Малого скита святой Анны и известный гимнограф, который в течение восьми лет имел обыкновение советоваться с отцом Каллиником по духовным вопросам, рассказал мне следующее:

«Однажды утром некое духовное беспокойство привело меня в келлию старца.

„Заходи, заходи, я ждал тебя», – произнес он, как только меня увидел. Услышав об этом, я пришел в удивление: ведь я не предупредил его, что приду именно в этот момент. Я скромно сел рядом с ним. Когда я взглянул ему в лицо, то увидел, что

все оно сияет нездешним светом. В эту встречу я пережил необычайную радость, и мне показалось, что я чувствую некое удивительное благоухание».

И действительно, поскольку отец Каллиник пребывал в непрестанном общении со Христом, Который *красён добротою паче сынов человеческих*⁷⁷, то не только его духовный мир, но и внешний облик его служил источником духовной радости.

Борьба с ересью

Обладая большим личным опытом, отец Каллиник сделался глубоким знатоком безмолвия во всех его тонкостях, что позволяло ему почувствовать и заметить любые ошибки в чужих суждениях по соответствующим предметам.

В 1913 году среди русских монахов Святой Горы возникла ересь имяславцев⁷⁸. Ее основателем был подвизавшийся на горах Кавказа монах Иларион, книга которого⁷⁹, содержащая еретическое учение об умной молитве в связи с призыванием имени Иисуса, не вызвала возражений даже в Синоде Русской Православной Церкви. Ересь начала широко распространяться среди русских монахов Афона и могла стать опасной. В этих критических обстоятельствах требовался такой человек, который был бы в состоянии распознать заблуждение и успешно бороться с ним. Именно таким человеком стал старец Каллиник.

В своих докладных записках, дошедших до Вселенской Патриархии и Московского Патриархата⁸⁰, он привел неопровержимые доказательства вредности воззрений имяславцев, которые, согласно его характеристике, «отбросили голову и служат клобуку».

Все единодушно поддерживали отца Каллиника. Царь и Святейший Патриарх всея Руси направили ему поздравление и награды (обе эти реликвии сохранились до сегодняшнего дня и находятся в каливе святого Герасима). Говорят даже, что царь обратился к Синоду Русской Церкви с такими словами: «Целый Синод не заметил ереси. Пришлось ждать, пока вас не просветил простой инок со Святой Горы».

Последователи ереси – около тысячи двухсот русских монахов – на русском военном корабле были насильно вывезены со Святой Горы. Их доставили на Кавказ, где они продолжали отстаивать свои взгляды.

Наставник умной молитвы

После блестящей победы над имяславцами отец Каллиник получил всеобщее признание как авторитет в вопросах безмолвия и умной молитвы. Все, у кого имелись неразрешенные сомнения в данной области, искали ответа в его мудрости, а желавшие серьезно заняться умной молитвой обращались к нему за благословением. Он стал надежным наставником сего небесного любомудрия.

Обучая других таинствам умной молитвы, отец Каллиник руководствовался прежде всего евангельскими словами: «*Не давайте святыни псам*»⁸¹. Монах, который не приобрел опыта в совершенном послушании и умерщвлении собственной воли, не достиг успеха на поприще деятельного подвижничества и не искоренил в себе страсти, никогда не смог бы стать его учеником.

Другой предпосылкой для занятий умной молитвой старец считал совершенное уединение и беспопечительность. «В миру, – говорил он, – умной молитвы быть не может, хотя и каждый может произносить слова Иисусовой молитвы: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя“. Но одно дело – молитва Иисусова, а другое – умная молитва. Первое – это начальная школа, второе же – университет».

Он считал также непременным условием наличие наставника. Чтобы овладеть умной молитвой, говорил отец Каллиник, недостаточно лишь читать книги. Требуется живой голос учителя, твердого, опытного и рассудительного, ученик же должен полностью зависеть от него и приноровиться к его привычкам.

Старец порицал тех людей, которые занялись умной молитвой, не пройдя через послушание или не получив благословения, но принявшись за дело по собственной воле. Такое поведение он считал прелестью. «Умная молитва, – учил он, – это новый этап пути, Божий дар тем, кто достиг успеха в деятельном послушании».

Чтобы показать, как заблуждаются те, кто приступает к умной молитве без должных оснований, он рассказывал такую историю.

На Каруле подвизался один русский монах, который очень хотел посетить Гроб Господень, чтобы увидеть благодатный огонь, сходящий с неба в Пасхальную ночь. Итак, однажды на Страстной седмице он отправился в Иерусалим и вечером накануне Светлого Христова Воскресения, ни у кого ни о чем не спросив, занял в храме Гроба Господня самое удобное место. Он не знал, что оно предназначалось для официальных лиц.

Далее случилось так, что его задержали блюстители порядка. Когда они выяснили его личность и узнали, что он занял это место самовольно, то удалили его из храма. Таким образом, он не смог присутствовать при схождении благодатного огня и, посрамленный, вернулся на Афон.

То же самое происходит и с теми, кто обращается к умной молитве, жаждет Фаворского света без соблюдения надлежащих условий.

Посещение слепого

К богопросвещенному наставнику старцу Каллинику приходили и такие посетители, которым это путешествие стоило огромного труда. Среди них был и слепой отец Леонтий, который также подвизался в безмолвии. Жилищем его была кафизма святого Симона, расположенная на землях монастыря Симонопетра. Отцу Леонтию очень хотелось посетить отца Каллиника, и однажды он, несмотря на свою слепоту и возраст (монах перешагнул уже семидесятилетний рубеж), двинулся на Катунки вместе с поводырем – своим учеником Даниилом.

Дорога, по которой ему пришлось идти, была тяжелой и неровной, так что монаху пришлось провести в пути почти целый день, прежде чем он достиг своей цели. Во второй половине дня, уже недалеко от каливы святого Герасима, он оступился и ударился о скалу, разбив лицо до крови.

Старец Каллиник сердечно принял гостя. Обменявшись объятиями во Христе, они углубились в духовную беседу.

– Кровь, которую ты пролил, старец Леонтий, будет считаться мученической, так подвергнуться этому несчастью тебя заставили любовь ко Христу и к Его словам, которые содействуют нашему спасению.

Беседа продолжалась несколько часов, причем основной темой была умная молитва. Когда ученик отца Каллиника принес поднос с угощением – а в их каливе обычно предлагали воду, кофе, иногда несколько смокв, – отец Леонтий набрался смелости и спросил:

– Старче, почему ты не обучаешь его умной молитве?

Отец Каллиник, улыбаясь, ответил:

– Если я стану обучать его умной молитве, отец Леонтий, кто же принесет нам поднос с водой? Ему надо отсеять собственную волю послушанием, а тогда придет и умная молитва. Для каждого духовного подъема послушание служит необходимым этапом.

Один ученик отца Каллиника получил распоряжение носить удобрения для деревьев. Эта работа требовала длительных

пеших прогулок и большого труда. Ученик очень уставал, но хотел, чтобы и ему было предоставлено время для уединения, а потому попросил старца сократить эти работы, чтобы дать ему возможность побольше заниматься богомыслием и молитвой. Но старец не согласился. «Нет, – сказал он. – Ты продолжай исполнять свое послушание, и от этого получишь больше пользы. Вот когда я уйду из этой жизни, у тебя будет время для богомыслия, и ты увидишь, что пережил при помощи послушания все то, что написано в книгах».

Божественные откровения

Часто Бог таинственным образом обращается к чистым сердцам святых и таким образом дает им знать не только о прошлом, но и о будущем. Подобное случалось много раз и с безмолвником Каллиником.

Одна благочестивая и чрезвычайно богатая дама очень уважала старца. В своих письмах к отцу Каллинику она просила его молиться за ее семью, чтобы Пресвятая Богородица защищала их от всякой напасти. Дело в том, что у них было имение в Лаврионе, и поездки туда на пароходе часто бывали сопряжены с серьезным риском.

Как-то раз, когда пароход направлялся в те края, на море разыгралась сильная буря. Пассажиры уже не надеялись на спасение, но в конце концов им удалось кое-как выбраться на берег целыми и невредимыми. Тогда муж этой дамы, который не был таким благочестивым, как она, стал выговаривать ей: «Видишь, чего мы натерпелись! Можно сказать, смотрели смерти в лицо. Где же молитвы, которые обещали тебе монахи с Афона? Где их предстательство?»

Вскоре супруги прибыли на свою дачу и увидели, что их уже давно ждало письмо от отца Каллиника. Распечатав его, они между прочим прочли: «Вас ожидает большое искушение. Будьте очень внимательны. Но в конце концов вы спасетесь, так как Богородица защитит вас».

Муж стоял как громом пораженный, и с этого момента его уважение к отцу Каллинику не имело границ.

Бог может различными способами удовлетворять потребности отшельников, живущих среди стольких лишений и такой нужды. Бывает и так, что Господь вкладывает соответствующие мысли в сердца людей, имеющих возможность снабдить монахов тем, в чем они нуждаются, и это независимо от того, благочестивы ли эти люди, верующие они или нет. Об этом говорит авва Дорофей: «Что же касается нужды телесной, то если человек заслуживает того, чтобы ее

облегчить, то Бог говорит даже в сердцах сарацин и через них проявляет Свое милосердие к нуждающимся».

Был канун Пасхи, и ученик старца Каллиника отец Христодул собирался в Дафни за продуктами. Он уже ушел, когда старец сказал другому своему ученику, отцу Арсению: «Скажи ему, пожалуйста, пусть купит немного икры».

Отец Арсений побежал вслед своему собрату, но, к сожалению, было поздно: тот ушел уже далеко.

Когда на другой день отец Христодул вернулся, отец Арсений пошел ему навстречу и, расстроенный, рассказал о случившемся. Тот, услышав это, был ошеломлен и даже перекрестился от изумления. «Послушай, брат, – сказал он, – и ты удивишься. Только я набрал продуктов в лавке в Дафни и собирался тронуться в обратный путь, как вдруг хозяин лавки спрашивает, кто у меня старец. Как только я ответил ему, что это отец Каллиник, он сразу обрадовался. Он слышал о старце и, как видно, очень его уважает. „Что ты говоришь, – сказал он, – ты из общины старца Каллиника? Подожди, пожалуйста, я дам тебе для него небольшой подарок на Пасху». И тут он дает мне много-много икры!».

Наставления старца

Я рассеян, старче», – как-то обратился к отцу Каллинику его ученик.

– А ты читай молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго», – и бес, который рассеивает твои мысли, удалится.

«Сначала нужно очиститься от страстей, а потом предаться пустынножительству. Неочищенный сосуд непригоден для священного мира».

«Кто из нас может после смерти оказаться в золотой раке (то есть стать святым, подобно святому Нифонту, чьи останки покоятся в золотой раке)? Тот, кто проявляет смирение и доволен всем. Например, за трапезой подают бобы. Он с радостью говорит: „Конечно, я буду есть бобы“. Вместо этого ему дают что-то другое, но он и это принимает с радостью. А кто на все жалуется, требует для себя комфорта и исполнения своих желаний, тому никогда не попасть в золотую раку».

«Как в газетах пишут о важных и официальных лицах – королях, министрах, военачальниках и тому подобных – и не обращают внимания на какого-нибудь угольщика, точно так же и клеветники кружатся вокруг людей серьезных и добродетельных, достойных почестей и уважения».

«Когда монахи общаются с мирскими людьми, то они, даже будучи совершенными, опускаются ниже, а несовершенные претерпевают много падений. На них сбываются слова пророка Давида: „...и смесишася во языцех, и навыкоша делом их“⁸²».

«Следите, чтобы сохранять себя чистыми от телесной скверны. Тот, кто впадает в плотские грехи, чувствует, как от него отворачивается Бог. Если человек совершил какой-нибудь крупный проступок или даже преступление, он не боится войти в церковь и зажечь лампаду. А тот, кто осквернил свою плоть, не дерзает даже поклониться иконе».

Лучезарный образ

Безмолвник отец Каллиник, обладавший столь многочисленными добродетелями и духовными дарами, был для Афона особым благословением Божиим. В пустынном ущелье на Катунаках словно бы возвышался огненный столп, который служил светочем для плывущих по бурному житейскому морю.

Духовное величие старца привлекало к нему людей, выдающихся по своему положению или мудрости.

Его часто посещали русский подвижник отец Парфений, бывший генерал царской армии, а также иеромонах Феодосий, бывший ректор одного из русских университетов. В числе других посетителей был и некий русский пустынный, сподобившийся дара благоухания. Как только его замечали ученики отца Каллиника, они старались подойти поближе, чтобы почувствовать благоухание, которое он распространял вокруг себя.

К отцу Каллинику приходил за советами и отец Афанасий из Великой Лавры, знаменитый врач и известный писатель, которому вручил орден заместитель одного из министров французского правительства Лемонье, прибывший для этого в Лавру на специальной яхте.

Когда король Греции Константин I, восхищенный трудами видного новогреческого писателя Александра Мораитидиса, решил наградить его орденом, этот благочестивый литератор обратился к отцу Каллинику. Написав письмо отцу Герасиму Менайасу, который был тогда учеником отца Каллиника, писатель просил его узнать мнение старца по поводу награды. И только после благословения отца Каллиника писатель принял королевский орден.

В 1913 году в русском церковном журнале «Христианин» (№ 11) были опубликованы путевые заметки отца Пантелеймона (преподавателя Московской Духовной Академии), который в 1912 году в течение шести месяцев путешествовал по Афону. Между прочим в этой статье упоминается и отец Каллиник,

которому посвящены следующие строки: «... Познакомился я и еще с одним старцем, который чудесным образом соединяет духовный опыт и благоразумие с редкостной любовью и приветливостью к людям. Своим духовным богатством он щедро наделяет и русских монахов, которые ищут у него слов поучения и утешения».

Не только простые монахи, но и русские архиереи посещали отца Каллиника. Так, некий владыка Николай приезжал к нему за советом по своим пастырским делам.

Да и наш митрополит Трикийский и Стагийский Дионисий, тогда еще молодой монах Великой Лавры, сподобился посетить каливу старца Каллиника. Он оказался там вместе со своим старцем Зосимой, который взял его с собой, собираясь посетить подвижников пустыни и получить духовную пользу. Вот что сказал он мне о затворнике отце Каллинике: «Нельзя было не почувствовать, насколько этот человек был исполнен Духа и какая благодать Божия почивала на нем. Перед тобой стоял преподобный, внушительный святой муж. Это был в полной мере духовный человек, с продуманной и веской речью и ясной мыслью, настоящий подвижник, пустынный житель и ангел во плоти».

Воспоминания об отце Каллинике глубоко запечатлелись в памяти у тех, кому довелось с ним общаться, и они вспоминают об этих встречах, как об исключительно важном духовном событии.

Блаженная кончина

Июль 1930 года застал старца-безмолвника прикованным к постели. Время его отшествия на небо приближалось. Недуг отца Каллиника живо напоминал ему ту болезнь, которая постигла его собственного приснопамятного старца, отца Даниила, в его последние дни. Только тот болел в течение пятнадцати дней, а у отца Каллиника, отличавшегося крепким телосложением, болезнь продолжалась дольше – целых сорок дней.

Весть о тяжелой болезни старца сильно беспокоила отцов, для которых он был бесценным духовным руководителем и утешителем.

Было незаметно, чтобы его состояние улучшалось. Прошел весь июль, и наступил август. До кончины отца Каллиника оставалось еще несколько дней. Приближался праздник Преображения Господня, воспоминание о котором имеет особое значение для каждого безмолвника. Только те, кто посвятил свою жизнь священному безмолвию, могут представить себе фаворское чудо во всем его величии: и нетварный свет, и слова учеников: «Хорошо нам, здесь быть...»⁸³. Все это вещи сверхъестественные, которые делают их сердца уязвленными любовью Христовой. Этот святой день был предпоследним в его земной жизни.

7 августа затворнику и безмолвнику предстояло разорвать плотские узы и улететь в бесконечность вышнего Иерусалима, который *свободен: он – мать всем нам*⁸⁴.

Последние часы его жизни были исключительно священными, достойным завершением его ангельской жизни. Находясь в мистическом исступлении, старец понял, что его конец близок. Лик преподобных отцов готов встретить его. Тронутый этим божественным видением, отец Каллиник сказал своему ученику: «Пойди, дитя мое, приготовь церковь, пришли преподобные отцы».

Радость старца была неопишуемой. Столь дорогие ему преподобные, его мужественные предшественники, не забыли

его в решающий смертный час. За десять минут до кончины он, держа руки воздетыми, восхищенно и пристально вглядывался в прославленные образы святых, приветствовавших его на пороге вечного отечества.

«Благодарю Тебя, Боже мой, что, хотя я и не сделал ничего в своей жизни, но умираю православным», – тихо прошептал отец Каллиник. С этими словами затворник и пустынник, презритель дольного и пришлец на земле, рачитель горного и гражданин неба, закрыл глаза и предал свой дух Господу.

Когда через несколько лет состоялся перенос останков старца, все увидели, что они имеют ту желтоватую окраску, которая служит признаком мощей святых.

Часть 4. Старец Даниил с Катунак

Немного выше суровой Карули простирается пустынная местность Катунаки. Там, примерно на высоте трехсот метров над уровнем моря, возвышается большая калива благословенной общины данилеев. Первым ее насельником был основатель общины – мудрый пустынный старец Даниил. Его имя и сегодня произносится на Святой Горе с особым почтением.

Те отцы, которые успели застать отца Даниила при жизни и знали его близко, говорили о нем с восторгом как о личности, наделенной редкими природными и духовными дарованиями. Большинство сведений о его жизни мне сообщили двое ныне уже почивших учеников старца – отец Геронтий и отец Нифонт. Множество дополнений внес игумен монастыря Дионисиат отец Гавриил. Некоторые значительные и яркие моменты жизни старца почерпнуты нами из произведений великого греческого писателя Александра Мораитидиса, который имел счастье быть духовным сыном отца Даниила. Однако и в собственных рукописях старца – исследованиях, сочинениях, письмах – мы нашли немало материалов для его жизнеописания.

Рассказ о жизни катунакского пустытника завершают «Наставления и поучения старца Даниила» – выдержки из его трудов.

Кроткий, смиренный, спокойный, рассудительный старец Даниил был одним из величайших представителей не только афонского подвижничества, но и всего современного монашества. И в этом может легко убедиться читатель, знакомясь с яркими страницами его жизни.

Архимандрит Херувим

Его портрет... напоминает суровые, бледные и напряженные от сосредоточенной духовной жизни лики святых на монастырских фресках.

Г. Феотокас

Глава I. От смирны до Афона. Искания

Наступило раннее утро праздника святой Марии Магдалины... Смахнув пот с лица, я, робея, вступил внутрь. То место, куда я вошел, не было храмом, хотя оно и было убрано, как храм. Это была часовня, в которой старец Даниил, не имевший своего храма, исполнял богослужебные последования вместе с двумя учениками. Все трое были там, опираясь на монашеские посохи, изготовленные из простых каштановых веток. Там они хранили свои святыне иконы, свои книги, свой ладан. И они пели...

Там я впервые и увидел старца Даниила. Лишь только услышав мое имя, он искренне обрадовался, как будто увидел старого ученика, и, как говорится, не знал, как мне услужить... После вечерни мы долго отдыхали под живописным навесом, получив обычное угощение пустынноиков – одну конфету и стакан холодной воды. Перед нами простиралось великолепное море, безграничное вплоть до островов Северные Спорады.

Потом, к моей радости, состоялась вечерняя трапеза. Ведь пустынноики вкушают пищу однажды в день, всегда в девять часов, в своей маленькой трапезной, которая вся блестит чистотой. Монах Иоанн, несший послушание повара, подал нам скромную пищу – отварную вермишель, фрукты и очень вкусные сладкие сухари.

Однако самое неизгладимое впечатление произвел на меня поздний вечер в Катунаках.

После этой скудной трапезы, доставившей нам истинное наслаждение, ибо благословение Пресвятой Богородицы соделало простую пищу столь приятной, мы вышли на открытый воздух к удобным каменным сиденьям перед маленькой гостиной, чтобы получить „десерт» – наставления старца Даниила, источавшие небесную сладость. Здесь мы многие часы провели в беседе, имея перед взором море, мерцающее серебряно-золотистым лунным светом.

Затем, когда наступила ночь, мы прямо во дворе прочитали повечерие. После этого старец удалился, чтобы принять

исповедь двух своих духовных чад (он делал это каждую ночь). Я же пребывал в некоем восторге перед столь величественной панорамой и лишь после полуночи удалился на любезно приготовленное мне ложе, размышляя о благах пустыни, которые я ощутил впервые» – так описывает Александр Мораитидис первую, незабываемую встречу со своим духовным отцом, старцем Даниилом.

Сколько раз еще будут сидеть Александр и ученики старца в этом дворе, внимая наставлениям, «источавшим небесную сладость», и слушая воспоминания о прошедших годах жизни старца: как он ее начинал, как прожил и к чему пришел теперь...

Старец Даниил (в миру Димитрий Димитриадис) родился в 1846 году в Смирне, которой вместе с другими городами пришлось оплакать изгнание малоазийских греков⁸⁵. Родителей его звали Стаматиос и Мария. Бог даровал им трех сыновей – Георгия, Константина, Димитрия и трех дочерей – Екатерину, Анну и Параскеву. Среди сыновей Димитрий был младшим. Мы знаем также, что мать его происходила из рода Геннадопулов, а предки отца жили в Димицане, на Пелопоннесе.

Стаматиос Димитриадис по профессии был оружейником, и маленький Димитрий любил наблюдать за работой отца. Однако больше внимание ребенка привлекала другая «оружейная мастерская», которая принадлежала дяде Анастасию. Дядя Анастасий, человек простой, малограмотный, но в то же время обладавший горячей верой и высокой нравственной чистотой, вооружил Димитрия *оружием света*⁸⁶. Лавка, где он изготавливал и продавал мыло, была превращена в школу духовной борьбы. Здесь имелись даже веревки, на которые Анастасий опирался во время ночных бдений. Народ называл его «святой мыловар». И юные сердца, которые приближались к нему, принимали слова Евангелия, как семена, брошенные в добрую землю. Ведь каждое воскресенье вместе с группой детей он совершал прогулки на лоне девственной природы, подальше от удушливой атмосферы города, и там они молились, размышляли и беседовали о Боге. И всю свою дальнейшую жизнь старец Даниил сохранял память о том, как много дал ему этот благословенный человек.

Димитрий обучался в известной Евангельской школе Смирны, где он всегда был одним из лучших учеников. Но, несмотря на успехи Димитрия, школьные занятия не могли увлечь его полностью. Больше всего он любил другое: Священное Писание и творения святых отцов. Их он изучал непрестанно. Его увлекали писания святых, учивших трезвению, раскрывающих высоты духовной жизни. Произошло даже нечто невероятное: Димитрий выучил наизусть «Добротолюбие», о существовании которого многие в его возрасте даже и не знают толком! На страницах этой книги сын оружейника нашел непобедимое оружие для сражения с врагом. Итак, поскольку Димитрий жил, погружившись в мир «Добротолюбия», в нем не замедлило прорасти желание принять монашество. Его восхищала ангелоподобная жизнь монахов, и он стал размышлять о том, как бы скорее оставить мир.

«Если хотите увидеть подлинную добродетель и святость, идите на Святую Гору», – говорил дядя Анастасий каждый раз, когда кто-либо восторгался его подвигами.

Святая Гора! Афон! На горизонте своего сердца Димитрий мог видеть отдаленное сияние, исходившее с подвижнической высоты Афона, его византийской высоты. Итак, не эта ли Гора ждала его в будущем?

Один афонский духовник, который жил тогда на подворье Хиландарского монастыря в Смирне, сказал ему как-то: «Из всех юношей, которые исповедуются у меня, только у тебя вижу я такое стремление. Кажется мне, что есть на то воля Божия, чтобы ты стал монахом на Святой Горе».

Однако всякое благое желание должно быть испытано. Поэтому, естественно, подверглись испытанию и намерения Димитрия, когда внезапно умер его отец. Какое непредвиденное искушение! Теперь предстояло ему заботиться о семье, взять на себя попечение о доме и деле отца. В то же время Димитрий основал некое сообщество благочестивых юношей, которым объяснял основы христианской веры, наставляя их на путь добродетели. Он стремился рассыпать вокруг себя искры веры и богопочитания.

Однако вскоре он принял окончательное решение. По благословению своего духовного отца, в возрасте девятнадцати лет он оставил все мирское и отправился искать пристанище для своей души, никому не открыв своего намерения.

Димитрий слышал, что на Пелопоннесе и на островах Эгейского моря существуют монастыри, где подвизаются добродетельные монахи, и хотел посетить их. Так побывал он в монастыре Мега Спилеон, посетил Святую Лавру, острова Идра, Тинос, Парос... На Паросе, в отшельнической келлии во имя святого Георгия, нашел он духовника, отца Арсения, который там подвизался и еще при жизни почитался как святой.

Эта встреча со святым подвижником стала для Димитрия началом нового периода в его жизни. Он попросил даже разрешения остаться вместе со старцем, однако подвижник, по откровению Божию, указал ему другое поприще для духовной борьбы: «Лучше иди, дитя мое, на Святую Гору, в обитель святого Пантелеймона».

Укрепляя Димитрия на новом пути, старец дал ему из своего опыта несколько мудрых наставлений и советов и в конце предрек, что окончит он свою жизнь у подножия Афона, что и случилось.

Мать же Димитрия все это время оставалась неутешной. «Как мог он уйти тайно! – снова и снова повторяла она. – Ушел и ничего мне не сказал. Я не могу ему этого простить. Разве я не почитаю Бога? Почему он не испросил моего благословения? О Пресвятая Богородице, умоляю Тебя, не позволяй ему стать монахом, пока он не вернется, чтобы проститься со мной и получить мое благословение».

После Пароса Димитрий отправился на Икарию, где посетил некоторых добродетельных монахов и получил большую пользу. Среди них сиял, как яркая звезда, иеромонах Исидор, ученик аввы Апполона, чудотворца, чье тело благоухало после смерти.

В то время как благочестивая мать молилась Богородице, корабль с ее сыном отчалил от Икарии, прошел мимо Хиоса и направлялся на север. И тогда случилось невероятное – противный ветер вынудил судно бросить якорь в гавани Смирны.

Так Димитрий, сам того не ожидая, после девятимесячного отсутствия оказался на родине. Уступив настойчивым просьбам одного старого друга, которого он встретил на пристани, юноша согласился посетить свой дом. Мать, видя это чудо, не знала, как благодарить Богородицу, услышавшую ее молитвы. Потом, прощаясь, когда сын поцеловал ее руку, мать благословила его со слезами: «Чадое мое, иди теперь с миром, и пусть благодать Божия хранит тебя на том пути, который ты избрал».

Следует заметить, что эта благочестивая женщина скончалась в 1892 году в смирнской обители Эпано Махала, удостоившись откровения о дне своей кончины. Неудивительно, что от таких благословенных и святых матерей произрастают святые побег!

Под бременем послушания

После этого неожиданного отклонения от своего курса корабль продолжил путь и, пройдя мимо Лемноса, направился к Святой Горе.

Вершина Афона поражает посетителей своим священным величием. Величественные монастыри появляются как духовные крепости, которые поставили боголюбцы для защиты в войне *против начальств, против властей, против мироправителей тмы века сего*⁸⁷. И Госпожа этого места – Пресвятая Богородица, Которую так почитал Димитрий, Взбранная Воевода, Своей благодатью укрепляет в борьбе Своих чад.

Димитрий не беспокоился о том, куда пойти. Отец Арсений указал ему поприще, и он знал, что его ждет киновия святого Пантелеймона.

Проплыв мимо многих обителей, корабль наконец остановился напротив внушительной громады этого монастыря. В этой духовной твердыне предстояло Димитрию ступить на путь духовной борьбы под покровом святого великомученика и целителя Пантелеймона. В то время братство монастыря насчитывало 250 отцов – греков и русских. Русских тогда было меньше, однако их число постоянно увеличивалось. Одновременно рос и комплекс монастыря с громадными зданиями.

Войдя сегодня в монастырский двор, теряешься. Кажется, что ты находишься в каком-то дворце царской России. В монастыре постепенно стали преобладать русские. Они построили колоссальные здания с великолепными лестницами, храмы, украшенные золотом и серебром, такие, как церковь Покрова Божией Матери и Александра Невского, необъятную трапезную и величественную колокольню, на которой находится один из самых больших колоколов в мире, весом более 15 тысяч килограмм. Когда ударяют в этот колокол, сотрясается земля, и звук его слышится в Карее. Этот монастырь насчитывал в одно время три тысячи монахов. Однако теперь,

после государственного переворота в России, их осталось совсем немного.

Игуменом монастыря с 1832 года был архимандрит Герасим из Драмы. Димитрий предстал перед ним, сделал земной поклон и просил принять его в обитель.

Игумен решил посоветоваться с другими отцами. Некоторые, узнав, что новоприбывший происходит из Смирны, стали возражать.

– Мы не хотим жить вместе с теми, кто приходит из Смирны, – сказали они ему.

– Почему?

– Знаем мы их, жителей Смирны.

– Оставьте меня, прошу вас. А если я вам не понравлюсь, тогда прогоните меня отсюда, – настаивал юноша.

Отцы, видя его ревность, решили оставить его. Позже они уже в шутку говорили ему: «Ты оправдал жителей Смирны».

Так Димитрий был принят в монастырь и стал послушником. Ему дали первое послушание – ухаживать за престарелым монахом Саввой, которому было более 85 лет.

Старец Савва был родом из Кесарии. В свое время он играл важную роль во всех событиях, происходивших в монастыре, теперь же тихо доживал оставшиеся ему годы в кафизме вне монастыря. Посетители отца Саввы изумлялись его отличной памяти. Он мог рассказывать о давних событиях из жизни монастыря во всех подробностях, как будто они происходили вчера.

Однако, возможно, из-за своего возраста старец был довольно своенравным, и, чтобы ему услужить, требовалось располагать начатками терпения. Такое же терпение необходимо было в неизбежных испытаниях и суровых жизненных обстоятельствах, которым подвергаются душа и тело послушника. Опытные отцы на Святой Горе обучают юных хотя и строго, но с любовью. Личина там должна исчезнуть, себялюбие – уйти, своеволие – искорениться, неровности – сгладиться. Душе же надлежит стать простой, чистой и победоносной, уподобляясь обгабренному кровью мученику. Путь

послушника – отречение и крест. Его нужно пройти, чтобы прийти к славе и подлинной свободе.

Итак, послушник, по повелению начальства монастыря, должен был во всем заботиться о старце Савве: убирать келлию, готовить пищу, стирать одежду. Но не только это. Необходимо было терпеливо сносить всякое замечание старца, справедливо оно или нет.

Во всех этих трудностях Димитрий оказался безупречным. Когда старец Савва безо всякой причины ругал его со своим восточным акцентом, смешивая греческие и турецкие слова, послушник смиренно слушал, с сокрушением повторяя: «Благослови, старче».

Однажды в субботу Димитрий убирал маленькую церковь при кафизме, освященную в честь святого Трифона. Она была очень изящной, а пол ее был выстлан мраморными плитами. И вот, когда послушник тщательно вымыл пол, натерев его до блеска, церковь посетил отец Савва. Он вытащил из кармана белый платок, вытер им пол, чтобы собрать пыль, и таким образом нашел повод, чтобы смирить своего послушника. «Разве это чистота? Ты что, не видишь, как почернел мой платок. Разве не сказано в Библии: *„Господи, возлюбих благолепие дому Твоего“*⁸⁸»?

Так был испытует будущий монах, но он не престаивал сиять смирением, кротостью и любовью. За все эти добродетели старец Савва глубоко уважал послушника. Позднее, когда Димитрий, получив другое послушание, прощался со старцем, тот, не стыдясь, попросил у него прощения за свое поведение!

Следующее послушание, возложенное монастырем, Димитрий должен был проходить в другой кафизме, где жили два монаха-болгарина. У них было послушание «мешочников». Иными словами, они изготавливали мешки и другие волосяные изделия. Люди эти оказались очень суровыми. Но и Димитрий был непоколебимым столпом послушания, и то, что было криво, в его глазах выглядело прямым. Так, каждую пятницу вечером монахи имели обыкновение молиться о душах почивших братий по четкам. И вот, когда настала очередь послушника, тот сотворил молитву правильно, поставив прямое дополнение в

винительном падеже множественного числа: «Господи Иисусе Христе, упокой рабы Своя».

Однако болгары сделали ему замечание:

– Что за неграмотность! Нужно говорить не „рабы Своя», а „раб Своих».

– Пусть будет так, старцы. Впредь буду говорить „раб Своих», – отвечало истинное чадо послушания.

Несомненно, он прочитал у святого Варсонофия слова, которые явились источником сил и терпения: «Потрудись во всем отсекай свою волю, ибо это вменяется человеку в жертву, – сие-то и значит: *„Тебе ради умерщвляемся весь день, вменихомся яко овцы закления»*⁸⁹.

Монах отец Даниил

Поведение Димитрия во время несения им послушаний умиляло отцов монастыря. Игумен, которому сообщали о терпении послушника, взял его в монастырь и дал ему послушание «мешочника».

Прошло не так уж много времени, и наступил великий день в жизни Димитрия – день монашеского пострига. Старец Даниил всегда потом будет вспоминать этот день с умилением. Он будет вспоминать, как его старец вел за руку, чтобы поклониться святым иконам, в то время как певцы пели «Объятия Отча...». Эти слова, эти потрясающие молитвы чина пострига, дышащие евангельским духом, он не забудет никогда! «Приими щит веры, в нем же возможеша вся стрелы лукаваго разжженные угасити... и шлем спасения... Приими меч духовный, иже есть глагол Божий... во отложение и попрание всех печалей и смущений... Сопричти его словесному Твоему стаду!...».

И грозное предупреждение священника заставило его исполниться не только страхом, но и неопишуемой радостью:

– Се, Христос невидимо zde предстоит. Виждь, яко никтоже тя принуждает приити к сему образу. Виждь, яко ты от своего произволения хоцещи обручение великого ангельского образа».

– Ей, честный отче, от своего произволения, – твердо прозвучал его голос.

И когда уже закончилось священнодействие пострига, – действие, являющееся символическим повторением истории блудного сына, – появился новый человек, облеченный в *первую* одежду⁹⁰ – монах Даниил.

Поскольку игумен был человеком преклонного возраста и ему было нелегко исполнять все уставные монастырские службы, он взял отца Даниила в игуменские покои вычитывать положенное по уставу чинопоследование.

День за днем отец Даниил своим послушанием, благочестием и добротой приобрел любовь всего монастыря. Его любили все монахи. И не только любили, но и почитали как молодые, так и старые.

Здесь, в Русском монастыре, молодой монах познакомился с основами искусства иконописи. Его учителем в этом был отец Дионисий. И сколь же тесно отец Даниил связал свою жизнь со святыми иконами Христа, Божией Матери и святых! До конца жизни его сопровождало прозвище иконописца. Отец Даниил воспринимал свое иконописание как апостольское служение. Он был иконописцем, который стремился не только с наибольшим совершенством изобразить на доске Господа, но и запечатлеть Христа в своем сердце, иконописцем духовной жизни, с чистыми руками и просвещенным умом. Некоторые творения отца Даниила до сих пор хранятся в иконописном корпусе, где и поныне живут его духовные последователи – данилеи. Его работы дают ощущение живого присутствия старца Даниила в Катунках.

Испытания

Так в тишине и работе протекала жизнь отца Даниила в Русском монастыре.

Но таков уж удел избранников Божиих – испытания и удары. Спокойное течение времени было нарушено серьезным ухудшением здоровья. Отца Даниила поразила острая болезнь почек. Эта мучительная болезнь постепенно стала хронической и постоянно вызывала сильные боли в почках, лихорадку, головную боль и головокружение.

К этому добавилось новое искушение. Внезапно возник раздор в монастыре между греческими и русскими монахами. Около 1876 года скончался игумен Савва – грек по национальности. Выборы нового игумена были затруднены, поскольку греки хотели грека, а русские – русского. Разногласия, нестроения, сильные искушения... Отец Даниил тогда был уже делопроизводителем монастыря, избранный за свою честность общим голосом как греков, так и русских. И таким образом он оказался, как говорится, между молотом и наковальней. Дело дошло до Константинополя, и четыре представителя монастыря – двое греков, одним из которых был отец Даниил, и двое русских – предстали перед патриархом Иоакимом II, который был родом с острова Хиос.

И в этом случае отец Даниил с прямотою и смелостью отстаивал истину. Однако расплатой за стойкость стало удаление его из киновии святого Пантелеймона, и даже высылка со Святой Горы на продолжительное время.

Находясь в изгнании, отец Даниил некоторое время провел в Фессалониках. Митрополитом Фессалоникийским тогда был Иоаким (1874–1878), в будущем знаменитый патриарх Константинопольский, известный как Иоаким III. Изгнанник посетил иерарха и поведал ему о случившемся. Тот сразу же принял его с отеческой лаской. «Церковь, дитя мое, – сказал он, – должна была увенчать оливковым венком твою борьбу за истину, а не наказывать тебя изгнанием».

Любовь и взаимопонимание, которое нашел отец Даниил в лице архиерея, смягчили боль изгнания. Митрополит удерживал его подле себя в течение десяти дней, а затем позаботился устроить отца Даниила в монастырь святой Анастасии, расположенный в небольшом городке Василике, близ Фессалоник, где ему довелось прожить шесть месяцев.

Для монастыря присутствие отца Даниила явилось благословением Божиим. Монахи этой обители по неведению жили нерадиво. Поэтому приход святогорца должен был стать некой животворящей силой для их неустроенных и черствых душ. Благодаря своей добродетельной жизни, обширным познаниям и с помощью наставлений, которые всегда делались с мягкостью, отец Даниил преобразовал жизнь монахов. Он убедил их ввести афонский устав, и таким образом монастырь превратился в святогорскую киновию. Вся братия была безгранично предана ему, и, когда позднее отец Даниил возвращался на Святую Гору, все монахи были в неутешной скорби. В тот день, когда он уходил, тридцать пять монахов провожали его до селения Галатиста, удаленного на несколько километров. Прощаясь, они бросались к нему на шею и лобзали его с душевной болью.

В Ватопеде

Возвратившись на Святую Гору и забрав первым делом свои вещи из Свято-Пантелеимонова монастыря, отец Даниил решил направиться в древний Ватопедский монастырь. Не успев хорошенько устроиться, он испытал острый приступ каменной болезни. *Жало плоти*⁹¹ в этот раз причиняло отцу Даниилу очень сильные боли и приковало его на несколько недель к постели.

Старейшины монастыря ухаживали за ним с большой любовью. Наибольшую же заботу отцу Даниилу оказала Великий Врач Святой Горы – Богородица.

В Ватопеде Пресвятая Дева почитается особо. Соборный храм освящен в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Здесь же находятся Ее чудотворные иконы. Там же хранится и чудотворный святой пояс Богоматери, некогда находившийся в Константинополе, «в почитаемом Ее доме, еже есть в Халкопатии» во Влахерне.

Отец Даниил питал особое благоговение к Госпоже Богородице, такую же веру и почтение, какие испытывают по отношению к Ней и все святые. Итак, он умолял Ее посетить его в недуге. Он горячо взывал к Ней со слезами и не сомневался, что не останется безответным. И действительно, в день праздника Положения Честного Пояса Пресвятой Богородицы (31 августа по старому стилю) больной внезапно исцелился, причем избавление от недуга было полным! Никогда больше отца Даниила уже не беспокоила эта болезнь, причинявшая ему страдание в продолжение десяти лет. Как тут было не благодарить Пренепорочную Матерь монахов, не воспевать Ее?

«Облегчение скорбящих, исцеление болящих, Богородице Дево, спаси град и народ, враждующих примирение, спокойствие для застигнутых бурей, единственная надежда для верных» – такие славословия и моления исполняли душу монаха, изливались из его уст.

После своего исцеления отец Даниил собрался уходить из Ватопеда. Монастырь этот был особенножительным, и пребывание

в таком устроении очень утомило подвижника. Старец Даниил не был сторонником такого устава, неизвестного и чуждого для истинной монашеской жизни. Духу правильного монашества соответствует киновия, общежитие, в котором, по словам святителя Василия Великого, «не существует мое и твое, воля моя и воля твоя».

Итак, отец Даниил собирался покинуть монастырь. Однако ватопедские монахи столь почитали его, что ни за что не хотели отпустить подвижника. Где еще могли они отыскать столь добродетельного монаха?!

Вот почему отец Даниил был вынужден пойти за советом к известному духовнику отцу Нифонту, который подвизался в Ватопедском скиту. В результате он остался в монастыре ради послушания, хотя это было и тяжело для него, и не согласно его желанию. Пребывание там было жертвенным деянием, которого монах не выдержал бы без благословения Господня.

Отцу Даниилу поручили нести послушание в архондарике. Это было весьма разумно, ибо многие посетители монастыря могли получить большую пользу от общения с таким гостиником. Архондарик Ватопеда, принимавший множество паломников, переживал тогда знаменательные дни. К чистоте и порядку добавились чтения в трапезной, общая молитва, духовные беседы, которые изменили его облик. Постепенно гостиница особожительного монастыря приобрела общежительные черты. И старец Даниил со своей лаской, которая сочеталась со строгостью облика, отлично представлял афонское монашество в глазах гостей. Многие паломники даже принимали его за игумена.

В конце своего пребывания в Ватопеде отец Даниил по какому-то поручению монастыря совершил путешествие на родину, в Смирну. Здесь ему пришлось пробыть девять месяцев. Соотечественники были рады тому, что из их среды произошла такая духовная ветвь. И сколь многим людям общение с ним принесло пользу, утешение, правильное направление... Митрополит Мелетий, которому, конечно, многое рассказывали о старце Данииле, при личном знакомстве убедился, что все слышанное о нем ранее – «слова истинные».

Он попытался удержать отца Даниила подле себя, предложив ему стать викарным епископом. Святогорец поблагодарил архиерея, но предложения не принял. «Ваше Преосвященство, я недостойн священного сана, – сказал он, – и не могу расстаться с Садам Пресвятой Богородицы. Такой дал я обет».

Да и если бы отец Даниил согласился остаться в миру, какой была бы его награда? Известность? Почитание? Слава? Но все это обманчиво, преходяще и опасно, если не основывается на воле Божией. А если бы отец Даниил стал епископом, разве в этом сане он не служил бы Христу? Да, конечно. Но старец не видел в этом воли Божией, не было особого указания Божия, чтобы принять ему эту честь. Он верил, что воля Божия для него в том, чтобы жить в безвестности и смирении жизнью простого монаха. Ибо у всякого человека свое служение. Отец же Даниил *благу част*⁹² избрал и тем самым избежал многих попечений, которые способны поглотить подвижника, ввергнув тем самым его душу в нерадение – состояние, прискорбное как для него самого, так и для других. Но старец Даниил пламенно жаждал другого величия, ради которого он предпочел кафедре скамейку на Катунаках, первенству предстоятеля – место последнего монаха. Он жаждал того величия, которое определил Господь следующими словами: *«Кто хочет быть первым, будь всем слугою»*⁹³.

Через много лет старец Даниил написал одному своему духовному сыну: «Чтобы я мог почитать всех и отсекал свою волю и разумение, Госпожа Богородица не позволила возлюбил мне ни развлечения мира, ни напрасную славу и пустые мечты, хотя и предлагались мне и игуменство, и священство. По этой причине я *удалился, бегая, и водворился в пустыне*⁹⁴, где и пребываю уже сорок пятый год и не желаю мирских услад» (22.09.1926. К Николаю Рогосу).

Сорокоуст

Выше мы сказали, что старцу Даниилу по какому-то монастырскому делу пришлось совершить путешествие на родину и пробыть там девять месяцев.

«По прибытии туда одним из неперенных дел я посчитал необходимым посетить Георгия, сына приснопамятного Димитрия». Димитрий был простым христианином. За добродетельную и благочестивую жизнь он сподобился от Бога дара премудрости и стал известным своими добрыми советами и наставлениями. Его увещания укрепили многие души, в том числе и отца Даниила в его юношеские годы. «Итак, я обстоятельно расспросил Георгия о последних днях жизни его отца (Димитрия), хотя уже и слышал об этом от многих». Георгий исполнил желание монаха с Катунак и со всеми подробностями описал последние мгновения жизни своего добродетельного отца. При этом его повествование часто сопровождалось слезами. Этот рассказ столь примечателен, что мы посчитали необходимым изложить его для читателя.

Богоспросвещенному Димитрию, приближавшемуся к закату своей жизни, был предвозвещен благодатью Божией день его кончины. В этот день он пригласил к себе благочестивого священника, отца Димитрия.

– Я, – сказал он, – сегодня умру. Прошу тебя, скажи мне, что необходимо для моей души в этот судный час.

Священник знал о добродетельной жизни этого человека. Знал он и о том, что Димитрий поисповедовался, пособоровался и причастился. Поэтому в ответ на его просьбу священник предложил ему следующее.

– Если это не сложно, оставь такое завещание, чтобы после твоей смерти по тебе отслужили сорокоуст в какой-нибудь церкви.

Умиравший с радостью принял предложение священника. Спустя немного времени он позвал своего сына и сказал ему:

– Дитя мое, прошу тебя оказать мне одну милость. Я хочу, чтобы после моей смерти по мне отслужили сорокоуст в какой-

нибудь уединенной церкви.

– Благослови меня, отец, а я обещаю исполнить твое желание, – таким был ответ Георгия.

Через два часа этот Божий человек предал свой дух Господу. Без промедления послушный сын позвал отца Димитрия, не зная, что именно он посоветовал отслужить сорок литургий.

– Отче, поскольку отец заповедал мне отслужить сорокоуст и ты как раз служишь в уединенной церкви Святых апостолов, прошу тебя, возьми на себя этот труд. А я помогу тебе и приму на себя все расходы по содержанию храма.

Прослезившись, священник отвечал:

– Этот совет, дорогой мой Георгий, именно я дал твоему отцу и всю свою оставшуюся жизнь всегда буду молиться за него. Однако сейчас я не могу отслужить сорок литургий подряд, поскольку больна моя жена. И тебе следует поискать другого иерея.

Георгий, зная благочестие отца Димитрия и его почтительность по отношению к отцу, продолжал упрашивать его, пока тот не уступил. Священник вернулся домой и сказал матушке и своим дочерям:

– Мне необходимо будет отслужить сорок литургий за душу раба Божия Димитрия. Поэтому не ждите меня в течение сорока дней. Все это время я буду находиться в церкви Святых апостолов.

И священник с ревностью начал совершать Божественные литургии. Без всяких препятствий было отслужено тридцать девять. Сороковая литургия приходилась на воскресенье. Однако в субботу вечером у отца Димитрия возникла сильная зубная боль, так что он был вынужден вернуться домой. Священник стонал от боли, и матушка предложила позвать врача, чтобы удалить зуб, причинявший такую боль.

– Нет, – отвечал отец Димитрий. – Завтра я должен совершить последнюю литургию.

Однако к ночи зубная боль так усилилась, что вынудила священника позвать врача, который и удалил больной зуб. При

этом открылось кровотечение, поэтому отец Димитрий решил перенести последнюю литургию на понедельник.

Георгий же в субботу днем приготовил некую сумму денег, которую собирался отдать священнику на следующий день. В полночь с субботы на воскресенье он встал на молитву. Совершенное ночное безмолвие содействовало его благочестивому настроению. Утомившись, Георгий присел на кровать и стал размышлять о добродетелях, Божиих дарованиях и мудрых изречениях своего блаженной памяти отца. Ему на ум пришла и следующая мысль: «Действительно ли сорок литургий столь полезны для душ усопших, или Церковь советует совершать их для утешения живых?» И именно в этот миг Георгий погрузился в легкий сон.

И вот он видит, что находится на какой-то прекрасной равнине несравненной, неопикуемой красоты. С подобной красотой не сталкивался ни один человек на земле. При этом он почувствовал себя недостойным этого священного райского места, и им овладел ужас. Он испугался, что его, по причине недостойнства, изгонят оттуда и бросят в глубины ада. Но тут же его успокоили другие мысли: «Если уж Бог благоволил мне оказаться здесь, то, значит, Он помилует меня и наставит на путь покаяния. Ведь я сознаю, что пока еще жив и нахожусь в теле».

После этой утешительной мысли Георгий увидел вдали чистейший ясный свет, который сиял ярче солнца. Он побежал навстречу этому свету, и ему открылась новая картина неизреченной красоты. Перед ним простирался необозримый сад, весь цветущий и источавший изумительное благоухание. Георгий сказал себе: «Я точно нахожусь в раю. О, какое блаженство ожидает тех, кто проводит добродетельную жизнь на земле!».

Исполненный восторга и ликования от созерцания этой премирной красоты, Георгий увидел некий прекрасный дворец великолепной архитектуры со стенами, сверкавшими сильнее золота и бриллиантов. Его вид невозможно описать человеческими словами. Юноша все больше приходил в

изумление. Приблизившись, – о радость! – видит Георгий своего отца, всего сияющего, прямо перед дверью дворца.

– Как ты попал сюда, дитя мое? – с кротостью и любовью спросил он.

– Я и сам не знаю, отец. Я понимаю, что недостойн этого места. Но скажи мне, как ты очутился здесь? Чей это дворец?

– По благодати Спасителя нашего, предстательством Божией Матери, Которую я особенно почитал, мне определено пребывать здесь. И я должен был войти сегодня во дворец, однако зодчий страдает от болезни – сегодня ему удалили зуб – и он не закончил свое сорокадневное строительство. Поэтому сюда я войду завтра.

После этих слов Георгий проснулся весь в слезах, исполненный не только восторга, но и недоумения. Всю оставшуюся ночь он уже не мог уснуть и провел время в молитве, прославляя Всеблагое Бога. Утром он пошел на литургию в митрополичий храм святой Фотинии. Затем, взяв просфору, святую воду и свечи, Георгий отправился в местность Миртакья, где находилась церковь Святых апостолов. Там он увидел, что отец Димитрий сидит на стуле в своей комнате.

Священник встретил Георгия с радостью: «Вот и я только что зашел сюда после Божественной литургии. Я как раз закончил сорокоуст». Эти слова он сказал, чтобы не огорчать Георгия.

Юноша же сразу принялся подробно описывать свое ночное видение. Когда Георгий заговорил о задержке со входом в здание из-за зубной боли домостроителя, священник затрепетал от страха и одновременно от изумления и радости. Он встал и сказал: «Это я, любезный Георгий, тот зодчий, который трудился над возведением дворца. Сегодня я не служил литургию, поскольку мне удалили зуб. Видишь, платок, который у меня в руках, весь в крови? Тебе же я сказал неправду, потому что не хотел тебя расстраивать».

Старец Даниил был сильно растроган этим благочестивым повествованием. Георгий посоветовал ему посетить и отца Димитрия, который в то время служил на приходе в храме святого апостола Иоанна Богослова. Священник рассказал ему

то же самое и попросил записать эту душеполезную историю, что отец Даниил и сделал.

Мы нашли этот рассказ в рукописях старца с прибавлением: «Вышеизложенное я услышал в 1875 году, в октябре месяце. Приснопамятный Димитрий скончался в 1869 году».

Глава II. «Да веселиться пустыня»⁹⁵. Пустынник

Чем сильнее возрастает в душе монаха божественная любовь, тем больше он желает безмолвия, горы Кармила, где, как Илия, полностью смог бы отдать себя божественной любви. Это стремление к пустынной жизни опаляло и сердце отца Даниила. Он больше не мог жить вдали от нее.

Возвратившись из Смирны, старец был извещен, что отцы решили назначить его помощником игумена Ватопедского монастыря. Однако отец Даниил не мог поменять безмолвие на какие-либо важные должности, и поэтому, пробыв в Ватопеде пять лет (1876–1881), он оставляет эту обитель и, как лань⁹⁶, бежит в пустыню, на Катунаки. Он бежит туда, «где благоухание чебреца соперничает с небесным благоуханием мира, туда, где престают журчать ручьи, уступая место молитвам... туда, где даже скалы до сих пор влажные, ибо они пропитаны слезами святых» (Мораитидис).

Новым этапом подвижничества отца Даниила стала пустынная или, лучше сказать, совершенно «голая», убогая калива – две комнаты – и цистерна для воды. Здесь не было удобств Ватопеда, но одна нищета. Чтобы жить в таких условиях, необходимо иметь милосердных благодетелей, однако нужно и самому заниматься каким-то рукоделием. Отец Даниил сначала вязал носки, а позднее стал писать иконы. Его жизнь всегда сопровождали бедность и тяжелый труд. Достаточно только представить себе путь, который нужно было преодолевать от пристани скита святой Анны до келлии, чтобы доставить необходимые припасы. Кроме того, были затруднения с водой, поскольку среди этих скал нет источников. Необходимо довольствоваться только дождевой водой, как и поступают все отшельники.

Впрочем, все эти трудности облегчались духовными радостями. Теперь, как никогда до этого, он мог, не отвлекаясь, наслаждаться чтением Священного Писания и святых отцов, упражняться в молитве и размышлять о горнем. Теперь старец уделял чтению Священного Писания и святоотеческих творений

больше времени, чем когда-либо ранее, он мог всецело предаться молитве и священному созерцанию, ощущая таинственное веяние Святого Духа. «Здесь, – говорил он вместе с небояжителем, – дуб Мамврийский... Здесь небесная лестница и ангелы, снисходящие и восходящие... Здесь – гора Кармил... Здесь – гора Елеон... Здесь – прямой и узкий путь, ведущий в жизнь».

Особое духовное утешение отец Даниил испытывал от изучения «Добротолюбия». Оно почти всегда было в его руках. Старец сильно печалился, когда слышал, как некоторые нерадивые монахи называли «Добротолюбие» «прелестолубием». Он говорил, что они сами находятся в прелести и не в состоянии разыскать ключ от бесценной сокровищницы. Ключ же этот – любовь к Богу, смирение и послушание.

Он так хорошо знал «Добротолюбие», что мог сказать, в какой главе находится тот или иной отрывок. Часто можно было видеть, как отец Даниил клал на подставку какой-нибудь том и увлеченно углублялся в чтение.

Три с половиной года прожил он в пустыне один. «Прииди, Единый, к единому. Прииди Тот, Которого жаждет страждущая душа моя. Прииди, Вечная Радость» – такими словами молился старец Святому Духу, Небесному Царю, когда на него нападали бесы. Однако он не подвергся смертельной опасности в пустыне, как это часто происходит с отшельниками, потому что покрывала его благодать смиренномудрия. Старец Даниил прошел через горнило послушания. «Как для неопытного воина, по слову преподобного Иоанна Лествичника, небезопасно оставлять укрепление и вступать самому в битву, так и монаху, не имеющему опыта и практики борьбы с душевными страстями, стремиться к безмолвию». Отец Даниил был уже готов к единоборству с дьяволом, от которого в те годы, несомненно, претерпел много искушений. Мы не знаем подробностей этого периода жизни подвижника, однако последующие события показывают нам, что именно тогда он получил богатые Божии благословения.

Отец Даниил поселился на Катунаках около 1880 года. Через три с половиной года он принял первых учеников. Многие души, подобно пчелам в поисках нектара, стали прибегать к отцу Даниилу, как к некоему цветоносу в этом безводном крае. Привлекаемые его добродетелями и мудростью, они просили принять их в ученики. Одними из первых были отец Афанасий из Патр (1883 г.) и отец Иоанн из Гревены (1884 г.).

Именно в это время посетил отца Даниила и Мораитидис. Все тогда только начиналось: храм, келлии, иконопись, каменные седалища, гостиница, беседка. Ах, эта беседка, эта безмолвная свидетельница! Она слышала толкования святоотеческих творений, исповеди, духовные беседы, повечерия, воспоминания, которые звучали на фоне лазурного Эгейского моря. Там, вдали, за морем простирается «мир» в евангельском смысле этого слова. Но ни шум, ни стоны этого мира не достигают досюда. И когда смотришь с высоты на открытое море, оно кажется бездной, расположенной перед райским уголком Катунак.

Благословения, но и искушения

Горчичное зерно растет день за днем из года в год и *выросло, и стало большим деревом*⁹⁷. Души, жаждущие лучшей жизни, бегут от волнений мира в пустыни: *«Возжада душа моя к Богу Крепкому, Живому»*⁹⁸, чтобы охотно склониться под послушание у старца Даниила.

К первым двум ученикам добавились отец Даниил и отец Стефан из Малой Азии, отец Мелетий из Эпира, отец Дамаскин из Северного Эпира, отец Константин с Митилены, отец Герасим из Афин, отец Геронтий и отец Нифонт. Они не посчитались с суровыми условиями жизни на Катунаках, ведомые трудами, добродетелями и рассудительностью человека Божия. Человек Божий, отрицаясь себя, взявший крест свой, чтобы последовать за Распятым, становится единым со Христом, Который вечно живет во святых Своих. *«Я сораспялся Христу. И уже не я живу, но живет во мне Христос»*⁹⁹, – проповедует апостол Павел.

Вокруг такого человека, каким являлся отец Даниил, сосредоточились все душевные и телесные силы братий. Монахи, расширяя свою каливу, приносили воду из скита святой Анны, выращивали маслины, ухаживали в летние месяцы за маленьким садиком. В строительстве храма, которое было завершено в 1905 году, большую поддержку оказал известный своей святой жизнью иеромонах отец Кондратий из монастыря Каракал – другой великий представитель современного афонского подвижничества, которому мы посвятили восьмую часть этой книги. В новогодний день 1906 года, после всенощного бдения, на которое стеклось множество монахов, храм был освящен митрополитом Касским и Карпафийским Нилом.

Пот и труды братий принесли плоды. «Уютная двухэтажная калива была воздвигнута с келлиями, приемной, иконописной мастерской, величественной галереей с видом на море и с прекрасным храмом на нижнем этаже в честь преподобных отцов, на Афоне просиявших, – радость и украшение этой каменистой, бесплодной горы, подобно белоснежной лилии,

произросшей на камне и источающей святость и мир» (Мораитидис).

Необходимо заметить, что во время строительных работ не прекращались всевозможные препятствия и искушения. Враг не хотел устройства обители. Помимо всего прочего, Великая Лавра, которой подчинялась калива, обвинила отца Даниила в том, что это строительство служит пропагандистским планам русских! В какой-то момент, когда искушения достигли крайнего предела, братия даже хотели покинуть Катунаки. «Горести и скорби окружали нас, – писал первый ученик старца Даниила, – нигде не могли найти мы прибежища и поддержки. Всюду тьма, везде безнадежность». Но все же искушитель был постыжен. Многие препятствия благополучно разрешились чудесным образом, о чем мы расскажем ниже.

В 1904 году было решено построить большое здание. Архитектор Георгий, албанец по происхождению, начал закладку фундамента. Но из-за обвинений и клеветы Лавра отменила разрешение на строительство, и работы прекратились на шесть месяцев. Когда же вновь было получено разрешение, Георгий был уже занят где-то в другом месте, и работы поручили мастеру Василию, также албанцу, который до этого работал на русском подворье в Карее. Это был замечательный мастер и отличный инженер. Он тщательно изучил грунт, где предыдущий мастер положил фундамент, и нашел его непрочным. Мастер стал копать дальше и только на глубине 2,5 метра обнаружил твердый камень. Таким образом, большое здание было заложено на твердом и прочном основании, и, кроме того, образовалось пространство для обширного погреба, который как раз был необходим для устройства складского помещения. В этом видится чудо Промысла Божия. Неблагоприятное Он обратил в противоположное. Неисповедимы суды Господни!

Среди всех этих испытаний едва не погиб послушник отца Даниила Афанасий, который подвизался у старца уже четыре года. Как-то один знакомый монах принес двух лещей – пища, незнакомая для суровой аскетической жизни пустыни, действительно приятное добавление к скудному столу! Отец

Афанасий сел за стол голодным и очень уставшим. То ли из-за невнимательности, то ли по действию диавола уже на втором куске одна большая кость из хребта рыбы застряла у него в горле. Боль, судорога в горле, трудность дыхания, удушье!

Обеспокоенный старец взял свечу и попытался протолкнуть кость, но ничего не получилось. Он дал больному съесть корочку хлеба – бесполезно. Не видно было никакого выхода, смерть казалась неизбежной. Старец залился слезами. Однако, несмотря на то что горло страшно распухло, смерть не наступала. Прошел вечер, наступила ночь, близился рассвет нового дня.

Старец Даниил обратил свои мысли к святому Павлу, патриарху Константинопольскому. Светлый луч надежды осветил его лицо. «Афанасий, давай отслужим литургию в честь святого Павла Исповедника. Этот святой имеет благодать от Бога исцелять страдающих от болей в горле, поскольку за исповедание единосущия Отца и Сына ариане задушили его, обернув святительский омофор вокруг шеи».

Афанасий не мог говорить, но, согласившись, стал звать в своем сердце к святому патриарху о помощи. И тут ему в голову пришла спасительная мысль просунуть в рот палец и вытащить кость наружу. Немедля он так и сделал, и вот кость размером в два с половиной сантиметра уже у него в руке. «Дивен Бог во святых Своих!». Не успел он еще просить помощи у святого, как незамедлительно пришел ответ.

Спасенный от верной смерти, отец Афанасий сможет теперь, среди других трудов, путешествовать по Святой Горе, собирать пожертвования для нужд монастыря от разных людей. Он сможет организовать проповедь и продажу икон. Ведь строительство ввело братию в такие расходы... Позднее в своем дневнике он описывал результаты своих трудов:

«Пожертвования на строительство дома и храма: Иоанникий, художник, – 22 гроша. Пахомий, критянин, – 22,20. Спиридон, врач, – 120 грошей. Паисий, кидониец, – 67,20. Ватопедский скит: монах Иродион – 22,20. Ватопедский монастырь: о. Азарий – 22,20. Духовный мой отец Матфей из Каракала, давший мне свидетельство священства, пожертвовал

50 золотых наполеондоров (5000 грошей)... Первая моя поездка по Святой Горе с 13 по 30 октября 1904 года принесла 7722 гроша».

Лишь ценой подобных трудов и потрясений мог заселяться такой суровый и негостеприимный край, как Катунаки.

В 1928 году, когда отец Даниил находился уже на закате своей жизни, братия с весьма далекого расстояния провели в свою каливу по трубам ключевую воду. С тех пор калива старца Даниила превратилась в подлинный оазис для утомленных путешественников, приходивших из скита святого Василия, Кerasьи, Кавсокаливии или из скита святой Анны. И не только для них, но и для подвижников, которые, отдохнув под ее гостеприимным кровом, затем продолжают свою титаническую борьбу с дьяволом посреди пустыни с ее нерушимым безмолвием.

Сегодня, проходя через Катунаки, можно видеть удивительное сооружение, которому положил начало старец Даниил. Теперь его труд продолжают его преемники, которым, как мы надеемся, досталось в наследие не только имя старца, но и приобретенная им благодать. Поистине калива данилеев представляет собою тихий уголок пустыни, где царит безмолвная жизнь и сосредоточенная работа, как в муравейнике. И сами собой вспоминаются слова пророка Исаии: *«Радуйся, пустыня жаждущая, да веселится пустыня и да цветет яко крин... яко многа чада пустыя паче, нежели имущия мужа»*¹⁰⁰.

Письмо 1907 года

Письмо это адресовано выпускнику богословского училища на острове Халка господину Георгию Папагеоргиадису, преподавателю Ватопедского училища.

«От всей души обнимаю и с радостью приветствую возлюбленного господина Георгия Папагеоргиадиса!

Я обеими руками схватил и со вниманием и чрезвычайной радостью прочел драгоценное для меня письмо, и не только его, но и вложенные листки с речами, произнесенными в честь приснопоминаемого Д. Вернардакиса. И я чрезвычайно возрадовался духом, ибо с изумлением и величайшей радостью узнал о сверхъестественных, так сказать, природных дарованиях этого великого человека, которого Божественный Промысл явил нашему поколению, чтобы прославить греческую культуру. Этот человек, подобный новому Еврипиду или рассудительному Фотию, ибо он обладал таким же воображением, рассудком и серьезностью, должен был побудить всех боголюбивых и благочестивых людей, сложивших в его честь похвальные речи, к прославлению Самого Всеблагого Бога, Который по временам возжигает такие светильники, поистине получающие жемчуга премудрости от Самого Подателя света. Ибо *всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов*¹⁰¹.

Так вот, возлюбленный, если бы столь несомненное плодородие духа, такой необычайный талант и прочие столь многочисленные сверхъестественные дарования, украшавшие этого блаженной памяти мужа, были достижениями нашей греховной природы, то должно было бы появиться множество таких людей. Ведь разве мало существует любителей мудрости и учения, которые прилагают чрезвычайные усилия, чтобы стать такими же мудрецами? Однако никто из таких людей не достигает осуществления своих чаяний.

Из сказанного ясно, что благодать Всесвятого Духа в щедрости своей с малых лет наделяет столь выдающихся людей такою премудростью и духовным плодородием да и

потом не оставляет их своей заботой, чтобы они, сделавшись богомудрыми мужами, могли принести пользу науке и Церкви.

Поскольку же этот приснопоминаемый профессор преумножил дарованную ему от природы премудрость посредством православного образа мыслей, превзойдя своей ученостью и глубокомысленностью даже европейцев, гордящихся своим прогрессом, то и надлежит всем нам, грекам и благочестивым христианам, почтить его, моля Всевышнего о упокоении его блаженной души, которую да сопричтет Господь к верным Своим рабам. Аминь.

Я прошу также, чтобы Вы при случае прислали мне и другие похвальные слова, как только сможете получить их, согласно тому, что сказано в Вашем письме.

Как я вижу, Вы спрашиваете меня, закончено ли строительство храма и корпуса. Спешу Вас уведомить, что из-за угрожающих долгов и тяжелого финансового положения строительство находится на той же стадии, что Вы и видели, кроме трех комнат и трапезной, которые Стефан едва закончил. Чтобы оштукатурить их, равно как и притвор и потолок в храме, я вынужден был пригласить двух мастеров, которым, кроме пропитания, заплатил 10 османских лир.

Среди этих скорбей мне и самому приходится работать целый день: то – чтобы уплатить долги, то – чтобы обеспечить питание и содержание общины да и других братьев, которым приходится оказывать гостеприимство при отсутствии необходимых для этого средств.

Но да будет тысячу раз прославлен Всеблагий Господь! Хотя мы и остаемся в неблагоприятном положении, не имея ни малейших доходов, равно как и какой-либо поддержки извне, однако снова я выплатил в этом году 42 османских лиры, не считая текущих расходов. Все это, конечно, благодаря нашему смиренному рукоделию.

Заботы доставляют мне много печали, поскольку, вместо того чтобы находиться в безмолвии и проводить время с пользой, я нахожусь среди искушений и скорбей. Но да будет благословен Бог, и я уверен, что достигну желаемого.

И поскольку мне не хватает времени для завершения моего малого труда, посвященного устройству монашеского жития, я прошу прощения, что задержался с отправкой посылки, которую отошлю Вам, как только смогу. Я уверен, что та жажда, с которою Вы ее ожидаете, получит удовлетворение. Но не думайте, что я прилагал усилия, собирая этот материал, только для того, чтобы помочь Вашему другу, который собирается писать на данную тему. Ведь, если бы дело обстояло таким образом, я отослал бы его к творениям отцов Церкви, собранным в Патрологии¹⁰², в которых речь идет об упомянутом вопросе. Однако я пишу этот свой труд главным образом ради Вас, чтобы Вы могли получить неискаженное представление о монашеской жизни и открыли для себя то таинственное учение, заключенное в монашеском мирозерцании, о котором многие судят превратно. Если же это поможет Вашему другу подобрать соответствующие источники, а в дальнейшем изучить и те места из Священного Писания, к которым я его отсылаю, я буду считать свой труд успешным.

Очень прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение святому предстоятелю предостойному Анфиму и моему знакомцу, прежнему игумену, достойному Герману. Иеромонах Афанасий вместе с остальными членами моей общины приветствуют Вас о Господе.

Вашей высокой учености покорнейший слуга монах Даниил, иконописец.

Катунаки, 12 марта 1907 г.

P.S. Пожалуйста, пришлите мне второй том „Символического богословия» Месолороса, изданный за счет Ватопедского монастыря, о чем сообщает сам автор в предисловии».

Глава III. «Свет для находящихся во тьме»¹⁰³. Светоносный муж

Старец Даниил, от природы одаренный жадой познаний, буквально проглатывал святоотеческие книги, обогащаясь дарами Духа. К тому же он имел счастье знать преподобных мужей большой святости: начиная с дядюшки Анастасия и заканчивая патриархом Иоакимом, преподобным Арсением и добродетельными отцами Святой Горы. Он многое почерпнул из их духовного опыта. Обогастили его и три с половиной года безмолвия. Мир его души очистился, и божественная мудрость, «благославнейшая солнца», почил на нем. И она не осталась без дела, а тотчас же была востребована для служения любви.

Когда Святую Гору посещали высокопоставленные и уважаемые люди, какими были, например, посланники русского царя, желавшие познакомиться с самыми добродетельными и мудрыми монахами, им представляли двоих: старца Даниила и старца Каллиника Исихаста. По общему мнению, они были самыми знаменитыми личностями Святой Горы.

«Со своим благообразным лицом, излучавшим неяркий свет, полуседой бородой, светлыми волосами и почти лазурными глазами» – как описывает старца его духовный сын, – сидел он, терпеливо выслушивая «с кротостью агнца» проблемы святогорских отцов и благочестивых паломников, а потом делился с ними своими познаниями и духовным опытом.

Сколько монахов, впавших в различные заблуждения по неведению или по гордости, спасло вмешательство старца Даниила! На этом пустынноике, подобно соименному пророку, *был Дух преизобильный, и премудрость, и смысл... сказуя сны и возвещая сокровенная и разрешая соузы*¹⁰⁴.

В городе Стика Северного Эпира жил некий Димос – добрый христианин, имевший простую веру, по профессии строитель. Однажды ночью ему приснился сон, где ему было указано место сокрытой в земле церкви. Он собрал всех своих соседей, попросив их взять кирки и лопаты, и начать раскопки в указанном месте. Так был обнаружен храм. Глубоко

удовлетворенный случившимся, Димос сильно возгордился своим подвигом и с радостью принимал общие поздравления. Когда же лукавый помысел прошептал ему: «Смотри-ка, Димос, ты не простой человек, ты избранник Божий...», он принял этот помысел без возражений.

Поскольку Димос был строителем, ему впоследствии пришлось работать на Святой Горе, где он участвовал в сооружении какого-то здания в Ватопедском монастыре.

В этой обители очень почитается преподобный Евдоким. Сведений о его жизни почти не сохранилось, мощи же были случайно обретены в 1840 году в монастырской усыпальнице нетленными и прославились чудотворениями. Димос очень благоговейно относился к преподобному, однако постепенно внушил себе, что и святой, со своей стороны, оказывает ему особое покровительство. Поскольку же предание не сохранило сведений о происхождении святого, Димос вообразил, что он родом из Албании.

– Преподобный – албанец, так же как и я, – принялся во всеуслышание утверждать он.

– Но откуда ты это знаешь?

– Албанец он. Разве вы не видите, что голова его приплюснутая? Потом однажды, когда я молился ночью по четкам и просил преподобного открыть место своего происхождения, он явился мне, как живой. Он сказал: «Я албанец из Стики, мы даже родственники...».

Отцы стали подозревать, что диавол вовлек Димоса в прелесть.

– Когда он снова явится тебе, – сказали они, – сотвори крестное знамение. И если это действие диавола, он тотчас исчезнет.

Однако было уже поздно. Диавол прочно завладел сердцем Димоса и не мог удалиться без борьбы.

В то время на Афоне довелось быть епископу Родостольскому Александру, которому сообщили об этом странном видении и спросили его мнение. Епископ встретился с Димосом и пришел к выводу, что видения были от Бога:

«Поскольку Димос творит молитву по четкам и осеняет себя крестным знамением, его видения посланы Богом».

Димос после этого возгордился еще больше: ведь даже архиерей уверился в истинности его видений. Позже он написал огромную книгу, полную сверхъестественных тайн. Чего тут только не было: откровения, пророчества о будущем, предсказания о войнах и пришествии святого Константина, знамения и чудеса.

– Ну не может все это быть от Бога. Здесь одна путаница и бред. Что за странные вещи! – говорили между собой отцы.

– Почему бы нам не спросить старца Даниила? Он мог бы разрешить наши недоумения.

Взяв с собой эту рукопись Димоса, они отправились к старцу.

Как только отец Даниил прочитал первые страницы, он сразу понял, в чем дело.

– Здесь пляшут бесы! – сказал он.

Потом старец составил заметку по этому вопросу, с цитатами из Священного Писания и святых отцов, и отослал в Ватопед. Больше не оставалось ни малейшего сомнения насчет прелестного состояния Димоса. Однако когда ему сообщили об ответе, он сделался безумным:

– Если архиерей и столько священников признали, что все эти откровения от Бога, как посмел старец сомневаться! – вопил он по-албански.

А между тем старец Даниил не ограничился только постановкой диагноза: любовь заставила его молиться. И вот результат – у Димоса прекратились откровения.

Позднее отцам удалось привести Димоса в Катунаки, где старец Даниил принял его с любовью. Однако, когда он стал разъяснять Димосу, что святой Евдоким, которого тот якобы видел, на самом деле был замаскированным бесом, Димос не выдержал света истины. Он вскочил со своего места и в исступлении закричал: «Если архиерей!..».

И все-таки жизнь заставила Димоса вернуться на путь истинный, поскольку диавол больше ему не являлся. Все отцы

убедились в его прелести, и даже сам епископ Родостольский поздравил старца Даниила с его успехом.

Поистине, как говорит апостол Павел, диавол *принимает вид ангела света*¹⁰⁵, и горе тому, кто обольстится этим внешним светом.

«Грешнику легко покаяться, а вот впавшему в прелесть – трудно, если не изобличить диавола. Когда его выявляют, он становится бессильным и вынужден исчезнуть», – часто говорил старец Даниил.

К числу спасенных старцем от прелести относится и один учитель с Керкиры, который говорил, что имеет тесную связь... со святым Спиридоном.

Этот человек смешал христианство со спиритизмом и прелестью. Он верил, что может совершать удивительные чудеса. Все светское общество говорило о нем. Его прекрасно знали и врачи в больницах.

Злой дух являлся этому человеку в образе святого Спиридона, который велел ему держать во время молитвы зажженную свечу. Когда же свеча будет догорать и начнет жечь руку, ее не следовало тушить, но терпеть, как если бы это было мученичеством. Бес запретил учителю причащаться в церкви: следовало употреблять гной из раны, якобы равнозначный Святому Причастию. Можно себе представить, какие язвы были у этого человека на руках!

Кроме того, во время прогулок со своими учениками учитель читал молитвы, которыми мог собирать и разгонять тучи или заставить идти дождь. Однако ученикам не было от этого никакой пользы, потому что после этих молитв и «чудес » он принимался говорить какую-то бессмыслицу.

Но когда у этого учителя отнялись от ожогов руки, он попросил одного человека о помощи. Тот привел его в Катунаки. Здесь старец Даниил объяснил прельщенному, чем отличаются чудеса Божии от чудес диавола, и таким образом избавил его от бесовской власти.

Исцелил отец Даниил и одного жителя Калавриты, который при помощи диавола выучил наизусть все Евангелие и мог без вреда для себя проходить через огонь, а также некоего русского

монаха, который творил по три тысячи поклонов в день. На этом случае следует остановиться подробнее.

Когда старец Даниил был в Русике, он прослышал о каком-то монахе, подвизавшемся в кафизме за пределами монастыря, как о великом подвижнике. Он держал строгий пост, носил самую убогую одежду, даже зимой ходил босой и т. п. Кроме всего прочего, он ежедневно творил по три тысячи земных поклонов, хотя монашеское правило требовало только триста. Все прочие монахи им восхищались. «Вот подлинный монах, всецело преданный подвижничеству», – говорили о нем.

Отец Даниил, хотя и был тогда еще молод, не высказывал такого изумления. Его прозорливый взор усмотрел здесь иное состояние, отличное от угождения Богу. И, самое главное, отец Даниил заметил, что дверь в той каливе постоянно была приоткрыта, так что все проходящие мимо могли видеть подвиги этого монаха.

Любовь к брату подвигла отца Даниила рассказать об этом игумену, чтобы спасти брата от прелести. Тогда игумен отправился в каливу к этому «великому подвижнику».

– Как идет твоя жизнь, отче?

– По твоим молитвам, старче, хорошо. Борюсь со страстями и оплакиваю свои грехи.

– А что же ты не приходишь ко мне на откровение помыслов?

– Что я тебе могу сказать? Ты и так все знаешь. Я грешник, но подвигаюсь по мере сил.

– Как же ты подвигаешься? Творишь ли поклоны?

– Да, старче, творю некоторое количество.

– И сколько же?

– Да по твоим молитвам три тысячи в день.

– Как? Почему три тысячи? Кто тебе дал на это благословение? Что ты хочешь этим доказать? Хочешь изобразить великого подвижника? С сегодняшнего дня делай только пятьдесят поклонов. Тогда у тебя не будет повода для гордости.

Старец ушел. Надрез был сделан, и весь гнойник вышел наружу. А в результате случилось нечто невероятное.

Этот монах, некогда великий подвижник, совершил поворот на 180 градусов. Он не мог сделать и пятидесяти поклонов! Вместо ветхой одежды стал носить наилучшую, а его бедная некогда трапеза теперь включала самые лучшие блюда.

Неудивительно, что другие отцы не могли поверить своим глазам. Теперь они поняли, что все чрезмерные подвиги творились только под действием духа гордыни. Этим можно объяснить и столь поразительную перемену: ведь дух гордости стремится к крайностям. Все крайности, излишества и нарушения меры, согласно отеческой мудрости, суть от диавола.

Рассудительный старец

Во второй половине XIX века в Афинах развил активную проповедническую деятельность Апостолос Макракис (1831–1905 гг.). Получивший отличное богословское и философское образование, он пользовался большим успехом.

Некоторые из взглядов Макракиса послужили поводом для споров. В числе его противников оказался и отец Даниил. В 1898 году он даже издал об этом книгу. Против неправильных мнений Макракиса старец выступал не только письменно, но и устно.

Один близкий друг и последователь Макракиса, также по имени Апостолос, посетил Святую Гору, чтобы привлечь на свою сторону и тамошних монахов. Пришел он и в каливу старца Даниила, где встретил очень дружелюбный прием. Во время беседы Апостолос принялся в восторженном тоне восхвалять взгляды своего учителя. Старец внимательно слушал Апостолоса и как будто бы тоже разделял его энтузиазм. Он не высказывал ни недовольства, ни несогласия, не отвергая собеседника, в отличие от попутчиков Апостолоса, которых тот встретил на катере по дороге на Святую Гору. (Они, по его словам, едва не выбросили проповедника в море!) Старец дал гостю излить свои чувства. Как опытный врач, он знал, когда и где произвести хирургическое вмешательство.

Беседа продолжалась и наконец пришла к основному пункту – о трихотомии, учению о «трёхсоставности» человека.

Макракис утверждал, что человек состоит из тела, души и духа; причем тело и душа взяты из земли, в то время как дух – это Святой Дух Божий.

Теперь заговорил старец Даниил, чьим словам сопутствовала Божия благодать, и Апостолос увидел, как разбиваются идеи его учителя.

– Скажи мне, пожалуйста, сошел ли Господь наш Иисус Христос во ад в Великую Субботу или нет?

– Конечно, – отвечал Апостолос.

– А какова цель этого сошествия?

– Чтобы освободить души, ввергнутые во ад.
– Чьи души?
– Души Адама, Евы, всех праведников и даже самого Иоанна Предтечи.

– Вот оно что! Но как же ты, будучи последователем Макракиса, сам ниспровергаешь умствования своего любимого учителя? Макракис ведь проповедует, что души умерших возвращаются в землю, подобно душам животных. Неужели Христос сошел во ад, чтобы освободить третью составляющую человека, которая, по мнению Макракиса, есть не что иное, как Дух Божий? Ты видишь, мой любезный, сколь порочна ересь твоего учителя? Видишь, в какие бесовские пути он попал?

После этих слов Апостолос надолго замолчал. Наконец он сложил оружие и оставил последователей Макракиса, перейдя в противоположный лагерь. Никто не мог ожидать такой разительной перемены.

Нечто подобное произошло с Ксенофонтом Папамихаилом, врачом из Фессалоник, который был всей душой предан учениям Макракиса. Он даже опубликовал две статьи в журнале «Григорий Палама», в которых превозносил до небес взгляды своего учителя, считая его мудрейшим человеком, превосходящим всех своей святостью. Ему казалось, что почти все находятся в прелести, в то время как Макракис – светлая звезда Православия.

Написав несколько писем, святогорский старец успешно развеял заблуждения врача, который после этого всегда испытывал к старцу Даниилу безграничное почтение и любовь.

И такие перемены происходили во многих. Старец имел потрясающую силу убеждения. Говорят, что и отцы из Лонговардии на острове Парос из яростных последователей Макракиса стали его убежденными противниками.

* * *

Отец Алипий из монастыря Ксенофонт выделялся чрезвычайной ревностью. Он особенно любил удаляться в уединенные места и творить там молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Каждый раз во

время молитвы его душа приходила в трепет от невыразимой небесной радости.

Однако в какой-то момент дело приняло дурной оборот. Отец Алипий сам не мог понять, что произошло, однако был не в состоянии продолжать молитву. Как только подвижник пытался произнести ее хотя бы один раз, тут же происходило нечто страшное и необъяснимое: он начинал трястись всем телом. «Вещь необыкновенная и достойная удивления, – писал об этом сам старец Даниил. – Когда дрожало его тело, одновременно то же самое происходило и с окружающими. Иными словами, когда отец Алипий стоял на богослужении и творил молитву Иисусову, те братия, которые стояли рядом в соединенных друг с другом стасидиях, начинали как бы приплясывать и сотрясаться вместе с ним. Когда же находился он в своей келлии, то и она вместе с соседними келлиями ходила ходуном, подобно Везувия. Это и в самом деле нечто неслыханное» (письмо к старцу Каллистрату, 2.04.1911 г.). Сотрясалась и земля. Сколько старцев и духовников Святой Горы встречалось с отцом Алипием, сколько заклинательных молитв они прочли... Все безрезультатно.

Дело принимало трагический оборот. Поскольку отец Алипий занимался молитвой Иисусовой много лет, то не мог так просто перестать ее творить. Поэтому случалось, что он, находясь в келлии, в церкви, в трапезной, на послушании, по привычке произносил в уме священные слова. И тогда кровать, стасидия, стол или другие предметы немедленно приходили в движение. А если рядом оказывался кто-то из отцов, то и они подпрыгивали в воздух!

– Перестань творить молитву, отец Алипий. Разве не видишь, что из-за этого происходит?

– Но я же не виноват. Я произношу ее невольно. Простите меня, отцы.

Когда уже все потеряли надежду, вспомнили об отце Данииле. Тогда экононом монастыря отец Аверкий отправился с отцом Алипием на Катунаки. Ночь застала их в монастыре Симонопетра.

– Будь внимательнее, отец Алипий. Когда мы войдем в монастырь, не произноси молитву, а то мы напугаем братию.

Однако в притворе церкви монах забылся и произнес ее один раз. Немедленно случилось... целое землетрясение! На следующий день они прибыли на Катунаки.

Старец Даниил выслушал пришедших, а затем уединился с отцом Алипием.

– Я не духовник, – сказал он ему. – Но мне необходимо знать подробности твоей духовной жизни. Поэтому давай проведем общую исповедь, а потом ты расскажешь мне, как это случилось у тебя в первый раз.

– В ту ночь я бодрствовал в часовне на винограднике неподалеку от монастыря и молился по четкам. Вдруг слышался стук в дверь. В своем сердце я почувствовал страх и задрожал всем телом, однако продолжал молиться. Через какое-то время удары стали сильнее. Задвижка стала ходить вверх-вниз. Вскоре затряслась и дверь. Слышался один сильный удар, за ним другой. Я понял, что происходит что-то бесовское. Я подошел к двери, но ничего не увидел. Потом опять удары и дрожь по всему телу. Я уверился, что все происходящее – от дьявола, но не обращал на это внимания и с еще большей ревностью продолжал читать Иисусову молитву. Однако удары продолжались. При этом не только тряслись мое тело и дверь, но и вся церковь пришла в непонятное движение. С тех пор, когда я перестаю творить молитву – все успокаивается, когда начинаю ее произносить – все дрожит. Вот такие дела, святой старче.

Отец Даниил погрузился в раздумья. Это был беспрецедентный случай, но он не испугал старца. Ведь для духоносных отцов не может быть необъяснимых явлений. *«Духовный, – пишет апостол, – судит о всем»¹⁰⁶*. И вдруг старец, словно испытал некое озарение, спросил монаха: «Отец Алипий, когда ты услышал первые сильные удары в дверь и понял, что это дело бесовское, о чем ты подумал в этот момент? Какие чувства наполнили твою душу? Страх и робость или бесстрашие и пренебрежение? А может быть, что-то другое?».

Отец Алипий подробно описал свое состояние, и старец Даниил нашел объяснение этому явлению. Когда диавол поднял шум, отец Алипий подумал про себя: «Пусть стучит сколько хочет, он не оторвет меня от молитвы. Разве не происходило подобное и с Антонием Великим? Является ли эта дрожь в моем теле действием благодати Божией или ненавистника добра с его завистью, я до последнего моего издыхания не перестану творить молитву Иисусову, и диавол будет посрамлен». Таким образом, как только отец Алипий неосмотрительно подумал, что достиг высоты Антония Великого, его объяло на первый взгляд незаметное облачко гордости. А молитва, оскверненная самомнением, уже не была угодна Богу. Старец Даниил объяснил отцу Алипию, что произошло, и посоветовал: «В дальнейшем твори молитву со смирением и сокрушением сердца. Вникай в слова, которые произносишь. Верь в то, что ты недостойный грешник, подсудимый в очах Божиих. Считай сотрясения твоего тела действиями бесовскими. Обращайся при этом умом ко Христу, прося у Него прибежища. Только так можно привлечь благодать Божию».

Так монах, мучимый диаволом, нашел путь к своему исцелению. Теперь он молился со смирением и был умиротворен. С тех пор он с еще большей ревностью предавался духовным подвигам, но при этом стремился стяжать смирение. Известно о нем также, что он получил благодать изгонять бесов. Так, один бесноватый, по имени Евдоким, с острова Тинос во время пребывания в монастыре Ксенофонт был исцелен отцом Алипием. И что это был за бесноватый! Евдоким не только издавал вопли и сквернословил, но и много раз разрывал свои узы. К тому же он постоянно находился в телесной нечистоте. Чтобы добиться его исцеления, отец Алипий трудился целых три года!

Прелесть Каллистрата

Чем выше поднимается человек, тем большим подвергается опасностям, особенно если он лишен при этом опытного духовного руководителя, способного различать духов¹⁰⁷.

Подобное произошло и с монахом монастыря святого Саввы отцом Каллистратом. Около сорока лет подвизался он, исполненный божественной ревности, в монастыре святого Саввы и в других пустынных местах Палестины, например в пещере Кораки близ Нево – горы, на которой был погребен пророк Моисей. Несмотря на многочисленные победы над незримыми врагами, к концу своей жизни он впал в прелесть. Отец Каллистрат принимал как Божественную благодать то сатанинское действие, которое посещало его в часы молитвы и заставляло его трепетать всем телом.

Например, совершалось последование утрени, и вдруг другие монахи замечали, как отец Каллистрат внезапно приходил в движение и весь начинал дрожать. Однако, когда об этих явлениях заходила речь, он принимался защищаться, уверяя, что они являются следствием изобилия благодати Божией. Ссылался он, конечно, и на отрывок из Евангелия от Иоанна: *«Иисус, когда увидел ее (Марию, сестру Лазаря) плачущую и пришедших с нею иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмущился»*¹⁰⁸.

Таков уж древний обычай всех прельщенных: пытаться подкрепить свою прелесть или ересь текстами из Священного Писания. То же делают и еретики пятидесятники, которые верят, что их посещает «Святой Дух», когда они страшно трясутся, временами падают и катаются по земле. И хорошо еще, если только это!

Братия монастыря были очень смущены состоянием монаха. Они обращались к отцу Каллистрату с наставлениями, просили его образумиться. Однако у них не было достаточной духовной силы, чтобы убедить отца Каллистрата, что дело в прелесть. Сам же он, хотя и верил, что находится под

действием Божественной благодати, все же испытывал некоторое смущение. Поэтому, услышав о рассудительности старца Даниила, монах решил спросить его мнения.

28 марта 1911 года он послал в Катунки письмо, где подробно описал все, что с ним происходило. Рассказал отец Каллистрат и о соблазне братий, которые не смогли различить действие благодати! При этом он просил отца Даниила указать ему способ, как избежать смущения окружающих.

2 апреля мудрый старец с Катунак подготовил ответ. В нем он подробно остановился на отличии сердечного трепета, который производит Божественная благодать, от неподобных движений и сотрясений плоти, происходящих от прелести.

При помощи веских доводов старец показал монаху, что его «странные движения и терзания плоти» ничего общего не имеют с благодатным действием.

Он говорил и о необходимых условиях для «нелестного приобщения благодати». Это подлинное отречение от мира, полное подчинение и предание себя опытному старцу, совершенное отсечение своей воли, безропотное терпение всех искушений, неукоснительное исполнение каждодневного монашеского правила, чистая исповедь...

Старец Даниил напоминал монаху слова великих преподобных отцов трезвения, и особенно святого Григория Синаита, что во время молитвы не следует представлять никакой свет, ни огонь, ни образ Христа или ангела. Но должно сохранять ум бесцветным, безвидным, без образов, без мечтаний. Лукавому бесу хорошо известно, что явление Божественной благодати как «свет восходящий» или как «трепетное ликование», и поэтому он являет нечистые, сходные образы и действия, чтобы прельстить подвижников, если они не поймут, в чем дело. Присутствие некоторых подлинных знаков благодати может впоследствии привести их, если нет истинного духовного наставника, к прелести. Враг знает, как соблазнить и «тайно» обмануть их. Злоначальный змий всегда начеку, чтобы исказить высокую цель умной молитвы. И часто случается, что человек думает, будто сделался безмолвником, в то время как в

действительности он всего лишь «мечтатель» и игрушка лукавых духов.

Старец также подчеркивал в письме, что благодаря действию благодати человек становится трезвенным, мирным, непоколебимым душевно и телесно, благоговейным. Более того, тело часто становится совершенно неподвижным, в то время как ум погружается в Божественные созерцания. «Во время молитвы тела многих святых казались другим добродетельным мужам как бы мертвыми и неподвижными, и только когда прекращалось это Божественное действие, они приходили в себя». И никогда не бывало, чтобы святые являли подобные движения, приносящие не пользу, а только соблазн.

В одном месте старец Даниил сделал следующее благодатное замечание: «Если ты, отец Каллистрат, считаешь свое поведение правильным и безупречным, тогда пусть все остальные шестьдесят отцов вашего монастыря станут подражать тебе. Пусть будут они трястись во время богослужений и литургий. Вообрази, что тогда будет!».

Он подчеркивает и другое правило. Божественная благодать, обитающая в сердце богоносного человека, обычно проявляет Свои действия и богоявления не посреди людей, но в уединении, в келлии или в пустыне.

Хотя богопросвещенный старец многими доводами разоблачил заблуждения Каллистрата, однако в конце письма подал ему и бальзам утешения, дабы не подвергнуть его опасному действию духа печали:

«Я не удивляюсь твоему несчастью и не осуждаю тебя за это, любезный. Только Бог безгрешен и неизменяем. Мы знаем, что многие святые впадали в подобные ошибки, но человеколюбец Иисус не оставил их в заблуждениях и чудесным образом спас их.

Разве не был святой Кирилл Филеот святейшим и опытейшим отцом? И разве не впал он в конце своей земной жизни в ужасную прелесть? Тем не менее Всеблагий Бог не оставил его до конца, но чудесным образом спас. Разве авва Герасим, Иоанникий Великий и блаженный Августин не впадали по неведению в зловерные ереси? Но Бог устроил их

избавление, и ныне они почитаются и прославляются Церковью! Поскольку они имели другие поразительные добродетели, то не были оставлены Богом. Так и ты, любезный старче, выйдешь из этой борьбы победителем».

В сердце отца Каллистрата оставалось достаточно места для действия Божией благодати. Он не утерял благих устремлений. Просто ему не посчастливилось до того времени найти помощи у опытного и рассудительного старца. Поэтому письмо отца Даниила произвело на него незамедлительное действие. Как будто сильный свет начал рассеивать тьму, которая столько лет смущала его дух. Когда позднее получил он и второе письмо отца Даниила, то совершенно освободился от всякого заблуждения и наваждения бесовского. Исполненный смирения, он написал богопросвещенному афонскому старцу:

«Письмо твое стало мечом обоюдоострым против врага. Со скоростью молнии явило оно действие сатаны и его многолетние козни, которыми обольщался я, принимая их за действие Божие и впадая в гордость. Теперь же недоумеваю и удивляюсь, как мудро, с каким великим смирением поступил ты, обращаясь со мной, худшим и недостойнейшим из всех людей. Всевидящий Господь, Который не хочет смерти грешника, воздвиг твое благое сердце, чтобы избавить меня от того падения, куда ввергнул меня зверонравный змей. Ты явился мне как ангел, посланный Богом, ибо слова твои были словами Божиими, и как только я их прочитал и осмыслил, все действие вражие исчезло.

„Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя...»

Каким гласом воспою и прослаблю и возвеличу твое благодеяние! Ты услышал меня и поспешил разоблачить всю ложь и прельщения сатаны. У меня нет дара красноречия, чтобы найти подходящие слова благодарности. Пусть Господь вознаградит тебя за все.

То, что со мной случилось, имеет причиной отсутствие руководства. Поскольку я сражался в темноте, то думал, что мои подвиги угодны Богу...».

Старец Даниил пришел в умиление от столь успешного разрешения этого случая и выразил свое состояние

следующими примечательными словами: «Все происходит от Всеблагого Бога. Видал Бог его веру и просветил меня, как ответить ему. Этот человек имел добрые намерения и страх Божий, и потому Господь паче чаяния избавил его. Мне не верилось, что произойдет это так быстро и что этот уже старый подвижник проявит такую веру и смирение. Пусть же укрепят его молитвы и меня, пишущего, но не исполняющего».

Ангел мира и любви

Не только пострадавших от гордости и прелести, но и тех, кто испытал скорби, отец Даниил спасал своими богодухновенными словами. Так случилось, например, с отцом Корнилием.

Иеромонах Корнилий отправился со Святой Горы на Синай. Он находился уже в преклонных летах, здоровье его было расшатано. Подвижник думал купить на Афоне небольшую каливу, чтобы в безмолвии провести последние годы своей жизни. С этой целью он предпринял путешествие на Синай, чтоб собрать денежные пожертвования от тамошних отцов. Все шло гладко. Отец Корнилий довольным отправился в обратную дорогу, видя, что его планы начинают осуществляться. Однако радость внезапно обратилась в печаль. На обратном пути на него напали разбойники. Они отобрали у монаха все деньги и чуть не лишили его жизни. Вернулся он на Святую Гору надломленный душой и телом. Эти испытания буквально раздавили его. Нужен был некто, могущий укрепить «надломленную трость»¹⁰⁹. И этим человеком стал старец Даниил. Он не мог сразу посетить брата, когда узнал о его несчастье, потому что сам в это время болел и был прикован к постели. Однако любовь к брату придала ему силы, чтобы разделить его скорбь. Старец Даниил никогда не оставался равнодушным, видя несчастья и искушения ближних, но всегда приносил в жертву все свои силы и время, чтобы помочь им. В жизни он руководствовался словами апостола: «*Любовь не ищет своего*»¹¹⁰. Приподнявшись с кровати, старец взял бумагу и карандаш и написал замечательное утешительное письмо. Приведем из него некоторые отрывки.

«Его Преподобию иеромонаху Корнилию кланяюсь.

...Эта горькая весть сильно смутила мою смиренную душу и сердце... Однако воспоминание многих событий Священной истории придает мне мужество, потому что мы знаем, что подобные, а порой и бóльшие скорби переносили многие древние святые и праведники. И все это происходило по

устроению Божественного Промысла. Вместо вреда они приобрели великое духовное богатство, так что и после смерти были прославлены, как блаженные...

...Только в том случае скорбь может возобладать над нами, когда мы по своей воле творим зло и впадаем во все виды грехов. Тогда нам полезно горевать и каяться. Что же касается скорбей плоти, то их надлежит не отвращаться, но принимать с радостью, ибо они содействуют наше спасение...

...Я умоляю Вас, Ваше Преподобие, показать в это спасительное время совершенное терпение, полагаясь только на милость Божию, и придет тот день, когда Ваша душа получит богатое вознаграждение.

Чтобы показать Вам ту пользу, о которой я сказал, приведу такой пример. Предположим, во время своего возвращения с Синая Вы увидели бы на египетском побережье множество христианских пленников, готовых к отправке в отдаленные края Африки, нагих и жаждущих, так что не только их жизнь, но и сохранение ими православной веры подвергалось бы опасности. И если бы Вы, Ваше благочестие, движимые человеколюбием и состраданием, отдали все свои деньги и все, что имели, для выкупа этих несчастных, то и тогда не принесли бы себе столько пользы, сколько уже должно было принести Вам терпение и славословие Господа.

Я посылаю Вам мои смиренные мысли, чтобы немного утешить Вас, в надежде, что, как только поправится мое здоровье, я буду в состоянии лично посетить Вас, и тогда мы оба сможем получить утешение в духе.

Вашего Преподобия ничтожнейший брат во Христе монах Даниил, иконописец.

Катунаки. 17 сентября 1894 года».

Как и все истинные монахи, старец-пустынник с Катунак в страннлюбии был неким малым Авраамом. Ведь страннлюбие – это тоже верный признак, «пульс», любящего сердца. Никто не мог уйти из скромной каливы без маленького угощения, хотя бы это была и простая чаша холодной воды. *«Станнлюбия не забывают»¹¹¹*, – всегда учил он своим примером. С юных лет старец Даниил проявлял чувство сострадания к своим ближним.

Однажды, когда ему было еще 15 лет, во время семейной трапезы услышал он слова своего отца, произнесенные в раздумье: «Мы здесь пьем и едим, у нас все есть в изобилии. А сколько нищих и сирот нуждаются в пище!».

Эти слова оставили неизгладимый след в душе юного Димитрия. С тех пор он положил за правило ограничивать себя в каких-то удовольствиях, чтобы помогать бедным.

И до сего дня духовные чада старца и в этой области сохраняют заповедь, полученную от него в наследство.

Его страннолюбие было плодом души, излучавшей любовь, сострадание и мир. И что это был за мир Божий! Он пропитывал все существо подвижника. Старец Даниил был блаженным, потому что был миротворцем¹¹². Его озаренный внутренним светом облик, его ясные глаза, его уста, исполненные сладости, изливали «елей мира». И там, где этот елей проливался, он заставлял затягиваться болезненные раны, врачевал душевные язвы.

Одно время в монастыре Констамонит обострились отношения между двумя монахами. Враг нашего спасения приходит в ярость, если в душах подвижников царит мир, и ополчается всеми способами, чтобы посеять плевелы. Кроме того, именно распри, споры, вражда составляют его царство. Итак, во всех случаях, когда вспыхивали подобные распри, вмешательство старца Даниила было... чудотворным. Именно так получилось и в данном случае. Противостояние двух братьев бросало тень на весь монастырь. Попытки примирить их были безуспешными, и игумен монастыря оказался в затруднительном положении. Тогда братия решили обратиться за помощью к старцу Даниилу, который после удаления из Русика некоторое время жил в монастыре Констамонит и знал обстановку в обители.

После молитвы, вооружившись силой рассуждения, старец приступил к примирению монахов. Конечно, он сильно утомился, но в конце концов одержал победу. Ради любви отец Даниил использовал даже хитрость. Обратившись к каждому из братьев по отдельности, он сказал им: «Как огорчается твой брат из-за этой вражды между вами, как он раскаивается и

хочет примирения». Отцу Модесту, более ожесточенному, старец сказал: «Это искушение, отец Модест, и оно пройдет. Несчастный отец Афанасий плачет и скорбит, что огорчил тебя. Сейчас он ждет тебя в архондарике, чтобы примириться. Однако самому ему, вероятно, будет стыдно это сделать, поэтому пойду и я. Ты же, как более сильный духом, первый положи начало и попроси прощения».

То же самое старец сказал и отцу Афанасию. Когда монахи встретились в архондарике, первым поклон сделал сам старец Даниил. За ним последовали и братия. Таким образом безраздора был посрамлен.

И это только один случай из множества, в котором старец-миротворец стремился уподобиться Сыну Божию, *благовествуя мир*¹¹³.

Глава IV. Духовные узы. Духовный отец

Свет освященной личности старца Даниила распространялся далеко. Клирики и монахи, простецы и образованные люди из многих областей Греции считали для себя честью быть его духовными чадами и верно следовали его наставлениям.

В Фессалониках среди других выделялся Николай Регос, высокопоставленный чиновник почтового ведомства, человек большой веры и добродетели. Движимый божественной ревностью, он посвятил себя проповедничеству и стал известным мирянином-проповедником. В церкви, где он проповедовал (это был храм святого Харалампия подворья монастыря Симонопетра), собирались добрые христиане города. Он также издавал журнал «Христианство». Его преданность старцу граничила с поклонением. Николай боготворил старца, а на одной фотографии, посланной ему в Катунки, выразил свою безграничную признательность в следующих замечательных словах: «Моему досточтимому духовному отцу, который после Бога и Пресвятой Девы Богородицы является моим спасителем и ведет меня, грешного, по истинному спасительному пути».

Николай всегда с готовностью оказывал помощь старцу во всем, что бы ему ни потребовалось, например в публикации его трудов. Он готов был даже принести себя в жертву. И его духовный отец, растроганный таким послушанием, возносил ко Господу свои горячие молитвы:

«Господи! Ты, благословляющий и дающий благодать верным рабам и служителям Своим, тем, кто ради любви к Тебе отсекают свою волю и рассуждение и имеют непорочное послушание и блаженное смирение! Ты, щедрый и милосердный, призри на раба Твоего, моего духовного сына Николая, со всей его домашней церковью и всей во Христе братией... и да не прельстят их козни дьявола ни справа, ни слева. Даруй им все полезное ко спасению и жизнь вечную.

И как ты ублажаешь нищих духом, кротких и чистых сердцем и всех, кто искренне верует в Тебя, так и ныне даруй рабу Твоему Николаю и всем, кто следует за ним, Божественные милости, подобные тем, которые излил Ты ради трудов апостольских на дом Стефана и на все благочестивые дома, принимавшие проповедь святых учеников Твоих».

Смерть старца явилась для Николая самым скорбным событием его жизни. И когда уже спустя много лет довелось ему посетить каливу данилеев, он пролил реки слез над честной главой старца, а также возлил на нее и многоценное миро, которое принес с собой.

Николай Регос до конца своей жизни сиял лучами добродетели, всепрощения и святости. Несколько раз был на нем явлен и дух пророчества. Он предрек определенные события, и слова его полностью сбылись. Об этом поведала его дочь Анна, с которой некоторое время назад довелось беседовать автору этой книги.

В наследии старца сохранилось множество писем к Николаю – свидетельство тесной связи, существовавшей между ними. Некоторые отрывки из этих писем мы приводим в конце повествования о старце.

Точно так же руководствовались наставлениями старца Даниила отец Филофей Зервакос и другие отцы из Лонговардии с Пароса. Они образовали тесный духовный союз и часто переписывались между собой.

Духовным сыном старца Даниила был и архимандрит Георгий Папагеоргиадис, известный своей катехизаторской и литературной деятельностью. В 1942 году он был даже рукоположен в митрополиты Неврокопия.

Духовным чадом старца был также столетний монах с Кавсокаливии отец Пантелеймон Ямас. Когда мы расспрашивали его о духовном руководителе, он не мог найти слов, достойных своего старца. «Он был моим духовником, мудрейшим из всех. Он обладал великим даром рассуждения, врачевал души и многих спас от прелести. Все, что говорил он мне, всегда оказывалось верным...»

Как нам показывает история монашества, бесы делают все, чтобы охладить отношения между старцем и учеником. Для этого, по слову святителя Феодора Эдесского, «они испытывают все способы. Чего только они не делают, чего только не предлагают, чтобы отлучить его (ученика) от отеческих объятий. Они указывают разнообразные предлоги, якобы разумные, вызывают раздражение, возбуждают ненависть к отцу...». И горе тем ученикам, которые вступают в союз с врагом. Ничто не спасет их от всепожирающей пасти ада.

Среди учеников старца Даниила были один или два монаха, над которыми смог поругаться диавол. Один из них, отец А., принадлежавший к числу первых учеников старца, претерпел великое падение. Подняв возмущение против своего духовного отца, он напоил того горьким ядом клеветы.

Думая, что ему предназначено «спасти мир», отец А. удалился из каливы своего покаяния. Как отмечено в записях самого старца, он, «в ничто вменяя церковную иерархию, но, полагаясь на мирян и власть имущих и считая, что имеет высшее предназначение, к своему несчастью, не послушал ни отцов, ни монастырскую братию, ни церковные власти. Он думает и пишет, что послан Богом, чтобы неусыпно трудиться на благо мира».

Мало того, отец А. тратил по-своему те деньги от продажи икон и пожертвования, которые должен был посылать в Катунки и которые были там столь необходимы.

Ничто не могло заставить его переменить свое мнение. Отец А. считал собственные решения более богоугодными, чем те, которые ему предлагал старец. «Я не любил, – открывается старец Даниил одному доверенному лицу, – славу и мечтания мира, эгоистичные почести и внешние должности. Отец же А., более всего предавшийся им, уподобился окружающему миру, который возлюбил более, нежели Святую Гору. И ради этого-то лживого мира отвергает он блаженное смирение и послушание».

Но самым худшим было то, что, поскольку отец Даниил не мог согласиться с корыстными желаниями своего ученика, тот стал возводить различные клеветнические обвинения на старца. «Я пребываю, – пишет отец Даниил, – под гнетом тяжелой скорби

из-за постоянных злословий и жесточайших оскорблений со стороны отца А., которые он бесстыдно позволяет себе выплескивать на меня, его несчастного отца» (06.02.1927 г.).

И в то время как старец освящался терпением и кротостью, этот несчастный, оставивший Святую Гору ради того, чтобы шататься здесь и там, нашел жалкую смерть на улице в Афинах под колесами грузовика.

* * *

Болезнь другого послушника не была столь трагичной, однако очень характерна в своем роде. Когда этот ученик только вступил в братство, он проявлял большую преданность и послушание, так что казался достойным носить монашеский образ. Однако прошло немного времени, и все изменилось. Теперь отец Даниил казался ему не таким уж замечательным человеком. «К тому же, – думал ученик, – старец не справляется с духовным руководством, ведь у него столько недостатков и упущений... Несомненно, мне что-то следует предпринять».

«Ты должен поискать себе лучшего, более достойного старца», – внушал помысел ученику.

С этим помыслом он однажды отправился в Каракал, где жил знаменитый духовник отец Кодрат. Он-то и должен был указать ученику подходящего старца, облегчив заодно его душевные страдания. Монах и в самом деле встретил там отца Кодрата, которому рассказал все, умолчав лишь о том, что его «недостойным» старцем был отец Даниил. Теперь он ожидал ответа.

«Зачем ты все это говоришь мне, отец Дамаскин? – сказал ему богопросвещенный духовник. – Послушай, что ты должен сделать. Иди в Катунаки. Там ты встретишь добродетельного старца по имени Даниил. Его совета ты и спроси, и сделай все, что он тебе скажет...».

Отец Дамаскин пришел в замешательство. Он ожидал чего угодно, но только не такого ответа. Однако что же ему оставалось делать? Смущенный и озадаченный, вернулся он в Катунаки. И, конечно, после столь необычайного «совпадения»

он начал приходить в себя, так что уже не повторял больше своей ошибки.

Старица из Кехровуни

Одним из духовных чад старца Даниила была известная своей святостью старица Феодосия, игуменья монастыря Успения Пресвятой Богородицы в Кехровуни на острове Тинос. С детских лет она посвятила себя добродетели. Еще находясь в миру (мирское имя ее было Феодора Н. Кардици), а затем став монахиней и игуменией, она пребывала под духовным руководством старца Даниила, ничего не предпринимая без его совета. Познакомились они благодаря Мораитидису, который часто посещал Тинос со своей супругой.

С первых шагов монашеской жизни она сообразовывалась с мудрыми наставлениями старца, и, конечно, такое послушание никогда не приносило ей вреда. Ниже мы приводим отрывок из письма старца, направленного Феодоре перед ее постригом. Из него всякий может сделать вывод, с какой мудростью и рассудительностью отец Даниил разрешал ее сомнения.

«Что же касается того, чтобы перед постригом посетить Ваш отчий дом и уладить все дела, то, если Вы полагаете, что со стороны Ваших родственников не будет каких-либо препятствий, можете, укрепившись разумом, подобно преподобной Мелании, отправляться домой. Когда же завершите Ваши дела, возвращайтесь в монастырь и немедленно приступите к постригу. Если же Вы чувствуете сомнение в Ваших помыслах и при этом в состоянии решить Ваши проблемы путем переписки, то так будет лучше».

Великое благословение Божие обнаруживается в том, что для утверждения народа Господня существуют премудрые богоносные мужи, подобные судьям и пророкам ветхозаветного Израиля. И великое благословение Божие в том, что Господь открывает в некоторых душах такое исключительное ведение вещей. Тогда все затруднения и безвыходные проблемы находят свое решение. Достаточно одного вопроса, одного посещения, одного письма или телефонного разговора.

Однажды очень состоятельная дочь одного судовладельца Христина Гарифаллу, с острова Сирое, пожелала перечислить

на банковский счет монастыря в Кехровуни сто тысяч золотых лир. Ее предложение вызвало определенное смущение: стоило ли принимать такое пожертвование? Старица немедленно послала письмо в Катунаки. И ответ был следующим: «Поскольку у Вашего монастыря нет вопиющей нужды, откажитесь от этой жертвы. Довольствуйтесь своими трудами. Ваш труд – это молитва. Другой же путь опасен и разрушает монахов». И монастырь пожертвование не принял.

Когда Феодора готовилась к принятию монашества, она просила старца прибыть в Иерисос, чтобы там он мог совершить ее постриг. Однако отец Даниил с мудростью и рассудительностью отверг эту просьбу. В письме он объяснил ей, что не подобает аскету оставлять место своих подвигов и идти в Иерисос ради пострижения монахини.

Эта благословенная душа, понимая различные трудности жизни на Катунаках, заботилась о том, чтобы посылать посильную помощь. Она внесла значительный вклад в постройку храма и других зданий и по праву причислена к ктиторах монастыря. В одном из писем к старцу Феодора пишет:

«...Промедление с началом штукатурных работ было промыслительно, поскольку это время года более подходящее. Я убеждена, что помощью святых отцов все будет прекрасно устроено, подобно тем изящным дверям и окнам, которые украшает богоданный, усердный и досточтимый брат мой Стефан.

Я очень сильно скорблю, что не могу удостоиться увидеть прекрасный храм Святых отец и принять их благословение. Да и как же мне не скорбеть, если нахожусь я вдали от того места, куда так стремится мое сердце? Я далеко и от моего боголюбезного отца, которого всегда держу в уме, руководствуясь его сладчайшими советами и перечитывая с восхищением его богомудрые размышления».

В библиотеке каливы данилеев хранится свыше двухсот писем старца Даниила к этой монахине. Характерны сами приветствия, с которыми он обращается к ней:

«Приветствую благочестивейшее мое духовное чадо, госпожу Феодору, от всей души и с молитвенным пожеланием спасения»; «с воодушевлением благословляю благочестивейшую и верную ученицу сладчайшего Иисуса госпожу Феодору»; «драгоценной послушнице Христовой, богопрелюбезной Феодосии, сердечно преподаю отеческое благословение»; «боголюбезнейшей послушнице Госпожи нашей Богородицы, ее преподобию Феодосии, приношу благословение от Бога и мои молитвы, возносимые от всего сердца»; «всеблаженной матери Феодосии отечески желаю праведного жития о Господе и духовного преуспевания»; «подвижнице Христовой, ее преподобию Феодосии, отечески желаю укрепления во всем».

В этих письмах есть и драгоценные советы, полезные для стремящихся к высотам добродетелей. Приведем некоторые из них:

«...Поскольку мы, чадо мое, будучи людьми, носим плоть, подверженную многим немощам, то, если судить здраво, необходимо и заботиться о ней, насколько в наших силах, чтобы иметь ее союзницей в подвигах. Но это не ради ее сладострастия, а для поддержания ее нормального состояния, чтобы она служила нам в творении добродетелей и в исполнении благих намерений души. Ведь когда коварный враг наш, сатана, не может победить подвизающуюся душу, направив ее на широкий путь любви к миру, тогда понуждает он ее к совершенно искусственным подвигам и чрезмерным страданиям, чтобы сделать несчастную плоть неспособной к восприятию более совершенной жизни.

По этой причине все рассудительные отцы, и в особенности учителя безмолвия, советуют следующее: когда тело будет сокрушено чрезмерными трудами и болезнями, нужно проявлять о нем разумную заботу, чтобы иметь его благорасположенным к молитве и творению добрых дел. Посему я спешу попросить тебя исполнить послушание – ограничить твои чрезмерные подвиги и бдения, коль скоро ты видишь, что ежедневно изнемогаешь. И к тому же, поскольку у тебя есть дарование и обязанность исполнять служение врача,

больше безмолвствуй в своей келлии. Попроси от моего имени и игумению определить другую сестру на место экклесиарха, поскольку это послушание требует здоровых ног, и нехорошо нам насиловать себя, если уж появилась такая болезнь. И пусть твое рвение во время молитвы, чадо мое, будет умереннее, поскольку нам следует убивать не тело, но страсти. К тому же сейчас, по милости Господи нашей Богородицы, ты уже не новоначальная монахиня, которой полезно стояние, но можешь и сидя творить молитву, не блуждая умом, но пребывая в неразвлеченности и единообразности молитвы. А такое состояние, если оно свободно от прелести, обыкновенно дает утешение душе».

Против подвижающихся в пустыне враг ополчается более явственно. Нечто подобное произошло с Феодосией. По этому поводу старец пишет ей:

«Чего же испугалась послушница Феодора? Шумов, страхований и необычных звуков, в которых по обыкновению ухищряется вероломный и бессильный змей? К этим вещам, чадо мое, относись со смелостью, не обращай ни малейшего внимания, и все это, подобно мыльному пузырю, исчезнет. Робость, которая на тебя находит, по естеству, а не от прелести. Только вера и мужество души в силах преодолеть ее. Однако, чадо мое, если бы ты не пребывала в послушании, а безмолвствовала самовольно и, не вопрошая опытного наставника, искала уединения, то подверглась бы опасности. Но сейчас, когда ты, хотя и стремишься к безмолвию ради любви к Спасителю твоему, хотя и отреклась с юного возраста от всех наслаждений мира и желаешь беседовать с Богом в молитве и крайнем уединении, все же предпочитаешь послушание своему духовному отцу, и ради этого послушания выходишь, чтобы посещать больных, и, подобно преподобной Евдокии и святой Мелании, отдаешь предпочтение заботам о них, невзирая на различные их немощи и досаждения, чего же тебе бояться и огорчаться, чадо? *Не убоишися от страха ночнаго¹¹⁴*, которого боятся полагающиеся на свою волю. Только, насколько возможно, будь внимательна во время молитвы, чтобы не принимать в виде зримых или умных образов ни света, ни

трепетания души и тела, ни благоухания, ни радостного утешения скорби. Не обращай внимания, что творится справа или слева от сердца, но в простоте говори молитву, внимая только словам, не думая ни о земном, ни о чем-либо другом, хотя бы и боголюбезном. И если во время молитвы и многих слез придет к тебе большое утешение и легкость в теле, так что почувствуешь его как бы воздушным, не изумляйся этому, не придавай никакого значения. Даже если это непрелестное действие Божией благодати, то и неприятие его весьма похвально у Бога. Так же и с телом, если даже оно благодаря подвигам и ощущает некую теплоту или трепет, будь ко всему мертва. Ибо если ты такие ощущения примешь, тем самым окажешься в прелести, если же и... (неразборчивое слово в письме старца) во всех этих вещах, то это благодатно. Подобным образом относись и ко всем чудесным исцелениям больных, происходящим по вере твоей. Не удивляйся и не придавай ни малейшего значения похвалам. Это плоды послушания, и творит их в действительности Пречистая Богородица, Которой и посвящай их».

«...Сейчас, когда лекарств не хватает, благодать Божия, видя нужду бедных больных, должна будет выбирать иные способы их исцеления. Ради этого я, обязуясь хранить тайну, спешу посоветовать тебе: если окажется во время твоего посещения, что какая-нибудь монахиня или другое лицо серьезно больна и на самом деле страдает, тогда, если не будет подходящего средства, притворись, что у тебя все-таки есть необходимое лекарство для упомянутой болезни, и горячо призови Приснодеву Богородицу с верой в то, что недужный исцелится. Подобное делали и святые бессребреники, которые, утверждая, что дают лекарства, исцеляли больных. Только требуется внимание, поскольку, когда больной чудесным образом будет исцелен, не забудь сказать: «Хорошо, что у меня нашлось такое-то лекарство». Но при этом знай, что не сегодня-завтра получишь ты лекарств вдвое больше, поскольку аптека Божия в изобилии дает любящим Его то, что им нужно».

Следующий отрывок принадлежит начальному периоду переписки старца Даниила с игуменией монастыря Кехровуни,

тогда еще послушницей, и достоин того, чтобы стать заключением этой главы:

«Пусть сладчайший Жених твой, Спаситель наш Иисус Христос, скрасит послушание твое приобщением неизреченных плодов Всесвятого Духа, дабы услышать тебе в час исхода: „Войди, возлюбленная Моя дочь, во Царствие Мое и возрадуйся с мудрыми девами и мироносицами, поскольку благоразумно предпочла ты нищету духовную и отреклась своей воли и всех низменных наслаждений». И да будет услышана эта молитва моя, чадо, ибо сейчас, в эту минуту, когда я с невыразимым сочувствием и трепетом сердечным пишу это письмо, я твердо верю в праведность Всеблагого Бога, надеясь, что буду услышан».

Мораитидис

Но и великий прозаик, Александр Мораитидис, уроженец Скиатоса, был, несмотря на свою славу, смиренным учеником старца Даниила. Об этом мы уже упоминали выше.

Образ пустытника занимает центральное место в творчестве писателя, и присутствие его внесло струю духовного благоухания в греческую литературу. Он обогатил ее своим пером, за что, в свою очередь, был отмечен различными наградами, премиями и академическими званиями.

С юных лет Александр Мораитидис отличался благочестием. Он был племянником ученого старца отца Дионисия со Скиатоса, который «прожил жизнь, не кланяясь никому, кроме Бога Всевышнего». Вдохновляемый им, Мораитидис с ранних лет обратил все силы своей души к горнему. Ничто не могло остановить его в этом восхождении – ни почести, ни слава, ни даже супружество, ибо они, вместе со своей благочестивой супругой учительницей Василиссой Фулаки, жили, храня девство.

Столь великому мужу надлежало найти достойного духовного отца, именно такого, каким и был старец Даниил. С первой встречи Александр буквально прилепился к старцу, и до конца своей жизни один из лучших литераторов не сделал ни шага без одобрения старца.

О духовной преданности Мораитидиса старцу Даниилу последний как-то сказал: «Этот боголюбезный муж поверяет мне все свои помыслы, а мои скромные письма к нему почитает (чего, конечно, делать не подобало бы) знаками с неба и часто, как он сам мне пишет, читает их в скорбные минуты, получая от этого большое утешение».

Трудно сказать, что более всего привлекало Александра в Святогорском монахе. Богатство любви, христоподражательная кротость, мудрость, умение руководить душами? С каким искусством руководил старец и самим Мораитидисом, имевшим своенравный характер!

Как-то в Иверском монастыре праздновалось великое торжество в честь Успения Богородицы (15 августа по старому стилю). Мораитидис присутствовал на всенощном бдении, и душа его ликовала. После вечерни была устроена трапеза. У отцов монастыря есть один простонародный обычай: чтобы выразить свое одобрение, когда один из братьев исполняет во время трапезы какое-либо песнопение, они слегка постукивают ножами о свои стаканы. Так поступили они и на этот раз и спели молитву: «Прекрасный рай, Пресвятая Богородица, помощь наша». Однако Мораитидису это постукивание по стаканам показалось мирским обычаем, вещью недопустимой и чреватой искушениями. Он не смог этого вынести и в знак протеста ушел из монастыря. Взволнованный, отправился он к старцу Даниилу, чтобы пожаловаться на монахов.

Здесь-то и стало очевидно, сколь сильное влияние имел старец на писателя и как умело он руководил им. Он убедил Мораитидиса, что тот не прав, поступил плохо и ему следует исправить свою ошибку. И тот, будучи поистине великим человеком, вернулся в монастырь, смиренно прося прощения.

Вдали от Святой Горы не было для Мораитидиса большей радости, чем переписка со старцем и воспоминания о Катунаках. Катунаки и старец Даниил были для него Эдемом. Когда позже писатель понял, что ему будет нелегко вновь посетить Катунаки, он погрузился в глубокую скорбь.

«Где взять мне вновь те псалмопения и всенощные бдения, воздыхания к Богу во время молитвы и некий бесплотный образ жизни, который мы могли вести на Катунаках? Кто сможет представить наши терпеливые труды по изучению Божественных речений и чтению творений святых отцов, особенно Симеона Нового Богослова? Кто сможет вообразить наши ежедневные труды и занятия рукоделием? Как не вспоминать мне эту тенистую беседку, в которой сидел по ночам не богатый, владетельный господин, но изнуренный монах?.. Я не надеюсь увидеть вас вновь, о бесплодные, любимые, желанные, пустынные Катунаки!»

Будучи и вдали от Катунак, Мораитидис стремился каждую свою духовную радость и удачу разделить со старцем. Разве не

об этом говорит и следующее письмо?

«Скиатос. 1922 г.

Христос воскрес!

В духовном ликовании, многоуважаемый отец Даниил, приношу Вашему Преподобию мои радостные приветствия, благодаря Бога Отца за то, что и в этом году удостоил Он меня отпраздновать Святую Пасху, хотя и не так, как я жаждал, но так, как пожелал сладчайший Иисус, снисшедший к моей немощи. Надеюсь, что по Вашим молитвам исполнится со временем и мое желание облечься в ангельский образ прежде исхода из этого мира. С радостью приветствую и всю Вашу братию, обнимая каждого.

Воодушевленный успешными трудами по переводу великого Григория¹¹⁵, прежде послал я Вам отрывок из его стихотворения „Похвала девству», чтобы и Вы насладились им, поняли замысел моего труда и благословили его. Тогда я писал, что очень утомлен этой работой. Однако буквально через день после преполовления поста я вновь взялся за подобную работу, приступив к другому большому произведению святого отца, связанному с первым: „Советы девственникам». После изнурительного, но прекрасного труда вчера я и его переложил двустопным ямбом. Получилось более 1700 стихов. И вот посылаю Вам в благословение начало моего большого труда, чтобы ты мог получить о нем представление. Эта вторая поэма просто великолепна и является продолжением первой, как это явствует из первой же строчки. Первая заканчивается победой девства, которую Христос принимает Своей правой рукой (брак Он принимает левой). После торжественного признания победы девства святой отец дает ему советы, как сохранить себя незапятнанным и не погибнуть. Изумительны как советы святого, так и его живые примеры, в которых он излагает способ преодоления природы. Святой был поистине горячим поклонником девства. В конце же он говорит:

А ты, девство, заботься о том, чтобы оградиться тебе отовсюду...

стать совершенной жемчужиной между камнями, денницей между звездами,

голубицей между пернатыми, маслиной между деревьями,
лилией в полях, благишием в море.

Ты, дева, презрев весь мир и все приятности жизни, стань
подле светозарного Христа...

Прикладываюсь к твоей святой деснице. А. М.

Советы девственникам

Твоя победа! Даже и тот, кто великий друг плоти, произнесет такой же суд.

Впрочем, достославная дева, столько рассудительная и благоразумная,

приклони несколько слух к моим внушениям,
позволь и мое слово вложить тебе в сердце!

* * *

Имей в виду не то, сколь многих стал ты выше,
но то, сколь многих остаешься еще ниже,
и желай быть всех совершеннее.

Выше тебя широкое небо;
а ты высок между низкими.

Кажется, была воля самого святого изложить этот перевод в стихах. В результате стихи чудесно ожили. Разница между прозой и стихами, как между мертвым и живым. И я нашел великое утешение посреди моих скорбей, ибо читаю их постоянно и не могу насытиться. Вот описание прежних девственников! Обратите внимание, что имя „девственник» (πα*θένιος по-гречески) общего рода как для мужчин, так и для женщин.

Если ты пожелаешь взглянуть на оригинал второго тома, то сможешь представить мой труд. Сейчас же я пребываю в волнении и изнеможении».

16 сентября 1929 года Мораитидис по благословению старца принял монашеский постриг на Скиатосе, в храме Трех святителей. Перед этим и супруга его стала монахиней в Кехровуни, где была наречена Афанасией. Постриг Мораитидиса, получившего имя Андроник, совершил митрополит Халкидский преосвященный Григорий, также ученик старца Даниила. Однако одновременно Мораитидис узнал и о смерти своего духовного отца. Он не мог перенести это горе и через несколько недель скончался, чтобы встретиться со своим старцем «в стране живых».

Святитель Нектарий и старец Даниил

*С мужем неповинным неповинен будеши, с преподобным преподобен будеши, со избранным избран будеши...*¹¹⁶ – метко и психологически точно говорится в псалме. И это действительно так. Старец Даниил был для святителя Нектария весьма любимым и уважаемым братом. Знакомство, которое состоялось, когда святой посетил Афон, день ото дня перековывалось в крепкую связь благодаря их регулярной переписке, взаимной помощи и молитвам друг о друге. Да, они были рядом – старец Даниил, неявленный миру Божий избранник, и общепризнанный святитель, чьи слава и достоинство в наше время завоевали весь мир.

Так святитель Нектарий, оклеветанный и отверженный тогдашним церковным руководством, нашел утешение в дружбе со старцем Даниилом. И старец, в свою очередь, получал большую поддержку со стороны святого при возведении корпуса каливы, а потому считал его «ктитором, отцом и игуменом келлии». Он часто получал экземпляры трудов святителя с его собственноручным посвящением. Такие книги, как «Христология»¹¹⁷, «Познай себя», «Пандекты Антиоха», «Настольная книга священнослужителя», «Богородичник» и другие, до сего дня хранятся в библиотеке данилеев.

Но и епископ, в свою очередь, прибегал к помощи старца. В одном письме он обращается к нему с просьбой относительно женского монастыря на Эгине: «Вы очень обяжете нас, – пишет он отцу Даниилу, – если соблагovolите написать девам духовное слово для их укрепления. Ваше письмо, подсказанное деланием и созерцанием, будет для них, лишенных живого общения с подобным наставником, духовной пищей и подлинной опорой».

И старец Даниил, исполняя труд послушания и любви, посылает в ответ «Послание о сущности монашества». В этом послании он не просто затрагивает общие и неопределенные темы послушания, нестяжания, девства, молитвы и тому подобное, но идет глубже:

«...Когда какая-либо сестра во время молитвы ощутит некое благоухание или увидит внутри или вне себя свет или явление ангела, какого-нибудь святого или Христа, пусть не принимает видения, во сне ли это случится или наяву, ибо лукавый бес многих соблазнил подобным.

...И если иной раз зависть бесовская вызывает вражду между двумя сестрами, тогда требуется великое усилие, чтобы одна из них, прибегнув к молчанию, прервала поток бессмысленных оправданий, которые подсказывает бес проклятого соперничества, увидела свою ошибку (пусть даже она и не виновата ни в чем) и сказала другой: „Благослови, прости меня ради Господа, ибо говорила я, как неразумная». Поступить так должна младшая. Однако, если младшая сестра показывает упрямство и забыла изречение „Познай себя», – тогда пусть другая, как более благоразумная, сделает это, чтобы помочь слабейшей... Но как бы то ни было, пусть никогда не случится, что солнце зашло, не став свидетелем примирения»¹¹⁸.

Таковы советы старца, идущие из глубины его знания и богатого опыта общения с духовным миром. Но и новоявленный святой многократно подкреплял старца Даниила. Особенно это проявлялось в одном серьезном испытании, когда он стал для отца Даниила ангелом-утешителем. Что же произошло?

Однажды какой-то на вид вполне респектабельный господин прибыл на Афон, чтобы найти спонсоров для издания полного собрания творений святителя Иоанна Златоуста, которое он якобы собирался предпринять. Такое богоугодное дело было достойно всяческого содействия, и старец Даниил сделал все, чтобы помочь ему. Он не остановился даже перед тем, чтобы, несмотря на свое весьма стесненное материальное положение, занять в Великой Лавре 50 лир, которые были переданы этому человеку.

Прошло много времени, но никаких сведений об издании трудов Златоуста не поступало. Позже старцу сообщили о том, что ему лучше было бы и не знать: «безупречный» господин оказался вероломным мошенником, которого теперь разоблачили. Какой обман! Какое искушение! В скорби отец

Даниил написал святителю Нектарию письмо, изливая свою боль. И тот послал ему ответ, достойный святого и непревзойденный по своей философской глубине. На страницах письма святитель великолепно показывает, что испытания ведут душу к истинной философии и что всем христианам надлежит стать такими «философами». Тем более это относится к истинным любителям мудрости, то есть монахам. Испытания посылает Бог, ибо они необходимы нам, несовершенным, для достижения совершенства. Испытания отверзают глаза и ум, чтобы мы могли думать о горнем, невидимом и вечном.

Но лучше будет прочесть это письмо с самого начала:

Церковное училище братьев Ризариев Афины ...марта 1903 г.

Ваше Преподобие во Христе, отец Даниил, с братской любовью обнимаю Вас.

Получив Ваше святое письмо, мы с печалью прочли о постигшей Вас скорби, которая нарушила Ваш душевный мир. Поистине, печально то, что произошло, однако мы знаем, что *любящим. Бога... все содействует ко благу¹¹⁹*. Истина этого апостольского изречения такова же, как и благодать, подтверждающая слова апостола, так что они обладают несомненным авторитетом. Полагаясь на Божественную любовь, я убежден, что Вы извлекли для себя из случившегося с Вами испытания некое великое благо.

Ваша святая любовь знает, что испытания ведут к совершенству. Без испытаний никто не достигает успеха, без испытаний никто не может подняться выше земного основания, на коем зиждется лестница добродетелей, возводящая на небо. Для любящих Бога испытания становятся упражнениями, наставляющими душу в любомудрии. Христианство же ведет к подлинному любомудрию, к которому должен стремиться христианин, ибо никто не может, не обладая любомудрием, достичь положенной для него меры совершенства. И если все христиане должны стать философами, чтобы, согласно заповеди Господней, быть совершенными, то сколь же более это относится к тем, кто возлюбил эту заповедь и посвятил себя ей? Если же испытания служат упражнениями на пути к

любомудрию, а любомудрие ведет к христианскому совершенству, то, значит, эти испытания необходимы.

Испытания, приводящие к мудрости, научают и терпению, ибо терпение – родная сестра любомудрия. Философ не может быть нетерпеливым, так же как нетерпеливый – философом. Испытания поистине испытывают терпение, сей краеугольный камень добродетелей, ведущий ко спасению. Посему мудрый христианин не только не поддается злу, но мужествен и пребывает в радости. Он воистину радуется, по слову апостола Павла: *«Хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши...»*¹²⁰.

Испытания, как хорошо известно последователям истинной философии, случаются по Божественному домостроительству, Божественной воле и благоволению, чтобы ум наш взошел к более совершенному пониманию тайны бытия. Не познавший искушений не может познать, что есть истина. Испытания суть несомненное свидетельство любви и милосердия Божия, почему и должно благодарить Бога за все. Испытания потребны несовершенству человека, чтобы он мог совершенствоваться. Они открывают умным очам любящих Бога свет истины и дают им возможность лицезреть не только близкое, но и отдаленное, а уму – мыслить не только то, что постижимо, но и то, что выше нашего постижения, и не только мыслить, но и понимать все это, поскольку в совершенстве заключено познание. И если совершенство рождается от испытаний, то это же можно сказать и о познании, ибо познание предшествует совершенству. Итак, нам надлежит пройти через испытания, чтобы обрести совершенство. И это необходимо нам не только потому, что, рожденные по образу Божию, мы должны достичь и подобия, но и потому, что мы несем последствия прародительского греха, влияющие на силы души и ослабляющие их. Так что пробуждение души требует рожна, а просвещение ума – небесного света. Ведь, как Вам известно, совершенство состоит в том, чтобы человек, созданный по образу Божию, достиг подобия, а обрести его можно лишь на верхней ступени

духовной лестницы, возводящей на небо, по ступеням которой предстоит нам взойти. Но поскольку человек по наследству получил склонность к земному, то сколь много испытаний может потребоваться, чтобы он наконец отрекся от такого наследия и неуклонно устремился к горнему, продолжая путь до тех пор, пока не достигнет желанной цели, к которой стремится и которой жаждет сердце наше?

Брат во Христе, то испытание, которому ты подвергся, принесет тебе по домостроительству Божию огромную духовную пользу. Так подсказывает мне мое сердце, что ты стал более совершенным, чем был прежде. Поэтому прошу тебя перестать печалиться и прославь Господа, милующего тебя.

Посылаю тебе творения святителя Иоанна Златоуста в ящике с пометкой «Д. А.», который отправлен в Дафни по почте на Ваше имя.

С братским приветствием во Христе обнимаю Вас и Вашу братию. Прошу поминать и нас в Ваших молитвах к Богу.

Остаюсь неизменно Ваш брат во Христе Нектарий Пентапольский.

Надпись на ящике: «Д. А. Святая Гора, Катунаки».

Когда старец Даниил получил письмо святителя, он воспрянул духом. Скорбь рассеялась. Слова пентапольского митрополита были не просто человеческим утешением, но *дух и жизнь*¹²¹, потому что владыка писал по благодати Божией и в нем говорил Христос. Непременным правилом святителя Нектария было всегда подтверждать свои слова делом. Поэтому он собрал посылку из тринадцати объемистых томов святителя Иоанна Златоуста, изданных в Венеции в 1734–1741 годах, и послал их старцу Даниилу. Таково было, *яко роса Аермонская*¹²², море истинной любви, которая, не колеблясь, мужественно идет на духовные и материальные жертвы. Именно такой любви хочет от нас Бог. Как мог старец Даниил выразить свою радость, как должен был он благодарить Господа?!

Тома творений святого Златоуста и ныне хранятся в библиотеке данилеев как свидетельство единства и согласия

двух душ, которые ныне радуются на небесах в союзе вечной любви.

Попечения святых

Письма святых отцов причисляют к самым замечательным их творениям. В них естественно и непринужденно разливается благоухание их благословенных душ. В письмах можно найти неизвестные стороны их повседневной жизни. Можно узнать о желаниях, которые владели душами этих мужей, какие действия предпринимались ими для их осуществления. Так, чтобы понять внутренний мир святителя Василия Великого, необходимо отвлечься от других его трудов и изучать удивительные письма святого. Тогда мы сможем в точности и до мельчайших подробностей узреть все величие этого мужа.

Чего желал святитель Нектарий? К чему обращались его взоры? О чем мечтал он в глубине души? К кому прибегал он за помощью в своих устремлениях? Что предпринимал для их осуществления? Об этом нам может рассказать нижеследующее письмо святого, точная копия которого сохраняется в каливе данилеев.

Из Эгинского женского монастыря Пресвятой Троицы, 18 августа 1913 года.

Ваше Высокопреподобие, брат во Христе Даниил, братски обнимаю Вас.

Беру на себя смелость, зная о Вашей к нам любви, доверить Вашему попечению одно дело, представляющее для меня большой интерес.

Хочу сообщить Вам о своем желании купить на Святой Горе келлию, где-нибудь с южной стороны, с садом и водой и, по возможности, с церковью. Дело в том, что у меня есть намерение поселить там одного или двух моих духовных чад, желающих подвизаться в монашестве на Святой Горе. Впоследствии же, когда мы сможем освободиться от многих забот, которыми обременены в нашем монастыре, мы на некоторое время приедем на Святую Гору, чтобы получить духовное отдохновение.

Мы также просим Вас, Ваше Высокопреподобие, позаботиться о том, чтобы найти хорошего добродетельного

старца, который взял бы на себя руководство послушников из наших духовных чад. Ибо они нуждаются в благом наставнике, способном ввести их на арену борьбы и поддержать словом и примером в духовной брани. Лука Калацис, который должен доставить Вам это письмо, сообщит и другие подробности, относящиеся к этому делу.

Заканчивая письмо, братски с любовью Вас обнимаю и остаюсь молитвенником пред Богом.

Нектарий Пентапольский.

P.S. С моим посланником передаю Вам и две мои новые работы: два тома «О расколе» и два моих рассуждения о Церкви и Священном Предании.

Жду Вашего ответа.

Глава V. Плодоношение и жатва. Писательские и издательские заботы

Такому известному во всем греческом мире человеку, каким был отец Даниил, приходилось вести огромную переписку. Его духовные чада из разных уголков Греции, а также множество незнакомцев из отдаленных мест, наслышанных о мудрости старца, просили советов, разъяснений духовных вопросов, помощи в решении своих проблем.

Весь кабинет старца состоял из одной скамейки. Сидя на ней и положив бумаги на колени, отец Даниил писал с необычайной легкостью. Очень часто тихими ночами при тусклом свете керосинки старец бодрствовал до утра. Он проводил всю ночь, составляя письма... А как же сон? Он не имеет власти над подвижниками. Для них он послушный раб, который должен повиноваться, а не приказывать. И хотя это правило относится ко всем пустынным, для старца Даниила оно обладало особенной силой. Он был воином Христовым, стоящим на своем пустынном посту, неусыпным стражем, поставленным для наблюдения за ухищрениями злобного врага, который день и ночь прельщает души людей, чтобы заманить их в ловушку.

Часто старец, окончив письмо, шел в иконописную мастерскую, чтобы прочитать его своим монахам, чьи замечания и отзывы он принимал со смирением.

Получатели писем старца хранили их как бесценные сокровища. Мораитидис, переписывавшийся со старцем в течение 30 лет, сказал о письмах: «Если бы их когда-нибудь опубликовали, то они составили бы в высшей степени духовное чтение, приятное и душеполезное». В большинстве писем обсуждаются важные вопросы, а некоторые из них весьма пространны, будучи настоящими трактатами. Таково, например, письмо «К монаху Евдокиму о том, будут ли помилованы еретики и неправославные, ставшие таковыми по неведению, ради их богоугодных и добрых дел» (06.08.1910 г.).

Кроме писем неутомимый старец Даниил составил свыше 70 сочинений на богословские и другие духовные темы, обладавшие той или иной степенью актуальности.

Чтобы эти работы стали известны широкому кругу читателей и могли принести большую пользу, старцу пришлось войти и в издательские заботы. Это хорошо видно из следующего письма:

«Что же касается брошюр, прошу тебя, не беспокойся о них. И даже если коварный змей, позавидовав нам, надолго задержал их оплату, все равно мы рано или поздно оплатим все расходы. Только постарайся собрать некую сумму для Емилиана, я же в скором времени позабочусь переслать вам тысячу драхм, а затем и остальные деньги, поскольку я не хочу, чтобы ты, неся такие труды, еще пострадал бы и материально» (24.02. 1924 г., Николаю Регосу).

Еще яснее об издательских заботах отца Даниила говорит следующее письмо, посланное позднее тому же лицу:

Катунаки, Святая Гора, 30 сентября 1927 г.

Преданнейшему Николаю Регосу посылаю мое отеческое приветствие.

Вероятно, настоящее письмо вручит Вам Ваш Стефан, который должен также устно сообщить хорошие новости о нас. Однако если ему придется плыть из Дафни на пароходе «Спарта», тогда его путь будет лежать через Кавалу, и это письмо Вы получите по почте.

Спешу Вас обрадовать известием, что святые мощи, а также и угощения мы благополучно получили и благодарим Вас от души. А ради мощей Вы получите щедрую награду от святых, поскольку скоро состоится торжественное богослужение в честь их праздника.

Прочитав Ваше письмо и узнав из него, что у Вас вновь возникли искушения, я, естественно, опечалился. Однако прошу, не ропщите на них, а постоянно пребывайте в послушании Христу. Что бы ни случилось с нами, наше дело лишь следить за собой, чтобы не впасть по собственной воле в искушение и мужественно повторять вместе с пророком Давидом: *«Аз же яко глух не слышах»*¹²³ помня слова Христа: *«Блажени есте, егда поносят вас»*¹²⁴.

Я писал Вам, чтобы Вы составили объявление о книге, согласно тому экземпляру, который я послал. Я жду этого объявления с нетерпением. Да узнайте, сколько могут стоить 150 и более объявлений.

Что касается корректуры, я уже раньше написал о ней Александру Мораитидису, который относится ко мне с уважением и послушанием. Но он был у себя на родине, на Скиатосе, и, по всей видимости, не получил в Афинах моего письма, а потому и не успел отослать ее мне, хотя, конечно, он рад был бы помочь нам, будучи специалистом в этом деле. Так что я прошу Вас поспешить с редактированием и пересылкой рукописи, поскольку мы должны скорее подготовить ее к печати. Это дело я хочу поручить Вашему Стефану, чтобы не беспокоить Вас. Большинство монастырей выразило мне свое одобрение и готовность поддержать издание книги, поскольку такое серьезное и достоверное «Историческое исследование» лучше всего отвечало бы нравственному образу монашества по всей Святой Горе.

Однако хорошо задать Вашему другу-печатнику один вопрос: сколько будет стоить тираж в 1500 или более экземпляров, объем которых, как я полагаю, составит примерно 10 печатных листов большего формата, чем «Хилиасты». Дело в том, что у меня в Патрах есть духовный сын, который является владельцем официальной типографии, так что можно надеяться, что он много не запросит. А поскольку это такой человек, который, взявшись за издание книги, не замедлит приступить к делу, то я и прошу Вас написать мне, во сколько обойдется издание у Вашего друга.

Сообщая это, жду Вашего срочного ответа. Напишите и о том, как Вы справляетесь с искушениями, от которых я желаю Вам избавиться.

Сердечно приветствую Ваше замечательное семейство и всех братьев во Христе.

Что касается тех вещей, о которых я Вам написал и с которыми возникли затруднения, пусть с ними все остается как есть.

Остаюсь с отеческой любовью монах Даниил, иконописец.

Результаты писательских трудов

Многие ли богословы с дипломами и академическими степенями смогли бы сравниться с простым монахом Даниилом? Он не учился в известных школах. Уроки подлинного Православия старец получил в «университете» пустыни. Его учебниками были Ветхий и Новый Завет и Предание Церкви, а учителями – мужи апостольские, святитель Иоанн Златоуст, святоотеческие творения, молитва и безмолвие. Чистое от всякого неправославного влияния мировоззрение старца и его делание, в особенности это последнее, сделали его одной из самых видных личностей на Святой Горе.

Из множества сочинений отца Даниила (всего их около семидесяти) были изданы лишь некоторые: то, в котором рассматривались воззрения Макракиса (1898 г.), – «Голос со Святой Горы касательно предстоящего Вселенского Собора», – труд, который выдержал два издания; статья «Против упрощения языка» в журнале «Новое творение»; «Историческое исследование о несогласии, возникшем в монастыре Святого Пантелеймона...» (1927 г.); «Против хилиастов» и другие.

По поводу своего исследования «Против хилиастов» старец получил поздравительное письмо от мудрого афинского архиепископа Хризостома Пападопулоса, которое мы приводим здесь:

«...Монах Стефан передал нам Ваше письмо, а также ясный и точный труд против хилиастов, созданный ради просвещения и пользы благочестивых чад Церкви. Мы рады, что Ваше Преподобие, следуя истинной цели, совершая подвиги Христа ради, не только охватывает горняя и дольняя мира, но и особо заботится о защите Православия и благочестия, чтобы принести посильную пользу христианскому обществу. Воздавая должную похвалу Вашему Преподобию, мы умоляем Небесного Отца светов, дабы Он укрепил Вас в борьбе за Православие и чтобы Вы достигли спасительной цели Ваших подвигов.

Усердный Ваш молитвенник пред Богом Хризостом, архиепископ Афинский».

Среди множества неопубликованных работ старца большая часть написана в форме писем. Из них выделим следующие:

- Об умной молитве;
- О неуместной скорби;
- О подозрительности;
- Об узах, нерасторжимых и после телесной смерти;
- О том, каким должен быть духовник;
- О посте перед причащением Святых Таин;
- В защиту монашества;
- Истолкование великого ангельского образа;
- Крест монаха;
- О спасении еретиков и неправославных;
- Против евангелистов;
- Против армян (этот труд, посланный 24.03.1892 г. «Его Преподобию иеромонаху Модесту», раскрывает автора как выдающегося знатока церковной истории и догматики);
- Против сторонников Калапофакиса.

Последний труд написан в форме письма (точнее, писем) к Феодору Стергиоглидису, бывшему православному иеромонаху, который сделался вероотступником и защитником протестантского учения Калапофакиса. Мы полагаем, что стоит процитировать прекрасно написанное предисловие первого, довольно длинного письма, датированного 08.02.1912 г.:

«С немалым удивлением получил я письмо, которого не ожидал, написанное 7-го числа прошлого месяца, так же как и другой объемистый трактат. Я изучил их очень внимательно и с болью в сердце, ибо убедился, что твое нынешнее состояние достойно скорби и слез... – ты, рожденный и воспитанный в лоне Восточной Христианской Церкви православными родителями, похваляешься сейчас своим отречением от Церкви, как будто нашел пристанище для своего спасения. Однако оказался ты не в селениях *Иаковлевых*¹²⁵, а в селениях *Кидарских*¹²⁶ протестантизма.

...Из твоих вопросов я вижу, что цель твоя – не разобраться, что есть здраво и спасительно, но скорее попытаться

распространять ошибочные взгляды, воспринятые всей твоей душой от последователей Лютера и Кальвина. Посему, как мне кажется, не стоило бы тебе и отвечать. Ведь коль скоро ты утверждаешь, что по своей воле отсекаешь себя от Православной Церкви, и считаешь, что обрел истину, то все дальнейшие разговоры, безусловно, излишни. Однако, чтобы не подумали, будто мы уступили софизмам и шелухе твоих измышлений и согласны с ними, я счел полезным ответить. Таким образом не только прозвучит надлежащее исповедание веры нашей, но, быть может, и Божественная благодать коснется твоего сердца и приведет тебя вновь к вере отцов и благочестию.

Однако если бы ты был протестантом от рождения и выставлял свои аргументы, чтобы завязать спор, тогда я счел бы благоразумным промолчать, поступая по слову апостола Павла, который говорит: *„А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии“*¹²⁷, а также: *„Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей о законе удаляйся“*¹²⁸.

Концовка этого письма также заслуживает того, чтобы быть процитированной:

«Если ты все же надумаешь, как сам об этом пишешь, посетить сию Святую Гору в таком состоянии, в котором сейчас пребываешь, лучше не дерзай этого делать. Ибо Госпожа Богородица, Попечительница и Предстательница сего святого места, не потерпит твоего прихода, так как ты являешься для Нее отступником и супостатом. И мы также не сможем тебя здесь принять, поступая согласно словам апостола Павла: *„Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся“*¹²⁹. Также и апостол Иоанн Богослов удерживает нас словами Второго Соборного послания: *„Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его; ибо приветствующий его участвует в злых делах его“*¹³⁰.

В труде, касающемся вопроса о созыве VIII Вселенского Собора, предсоборное совещание которого должно было состояться в 1932 году на Святой Горе, старец Даниил ясно выражает беспокойство по поводу того, что часть вольнодумных

церковных иерархов «предлагает нововведения, которые, вопреки ясному евангельскому учению, ведут на широкий путь, противный Евангелию, угодный нерадивым, душевным людям, отвечая взглядам и ожиданиям еретиков, которые смогут хвалиться тем, что мы стремимся к сближению с ними». «Монашеские страшилки», – возможно, скажут некоторые поспешные критики. Однако они будут не правы. Рассудительность этого человека, его светлый ум и чистое сердце были способны понять, что значит обратить путь ко Христу в широкий мирской проспект. Этот богопросвещенный муж из своего отдаленного подвижнического убежища мог проникать в суть всех церковных проблем. Он знал, что, хотя мир и склоняется к широкому пути и удовлетворяется легким решением проблем духовной жизни, он никогда не найдет в этом той полноты, которая превосходит тварное естество. Некое таинственное томление духа побуждает человека стремиться к подвигу, к достижению святости, к обретению «древней доброты». Поэтому величайшая опасность для Церкви и самая коварная ловушка для пастырей заключается в приспособлении к непрерывным изменениям мира, то и дело принимающего новый облик. Пастырям принадлежит большая власть и ответственность в Церкви, так как именно они должны вести своих овец, а не овцы – пастырей.

По просьбе одного из своих духовных чад, обучавшегося на острове Халка, будущего митрополита Неврокопийского Георгия, старец Даниил занимался темой «Обитаемы ли звезды». Это исследование изумило даже ректора Иринея (1907 г.), ставшего затем митрополитом Кассандры, который заметил: «У нас есть ларец, который мы не могли открыть. Но этот монах нашел ключ, открыл и рассмотрел содержимое».

В возрасте семнадцати лет будущий старец Даниил, тогда еще ученик Евангельской школы Смирны, написал большую работу «О бегстве из мира». После того, как отец Даниил уже ушел из жизни, старец Каллиник Исихаст как-то с горечью воскликнул в беседе о нем: «Где теперь такие отцы?!»

Трудное покаяние

В последние годы жизни старцу пришлось пережить трудное покаяние Костиса Мармараса. Этот случай отнял много сил у монаха с Катунак.

Костис был родом из Аидиния в Малой Азии и проживал в Арнее на Халкидикáх. Этот человек обладал беспокойным духом и увлекался множеством занятий. Он был и аптекарем, и практикующим врачом. Он занимался фотографией и держал собственную фотостудию. Кроме того, у Костиса была склонность к религии, и он знал византийское пение.

Как-то Костису случилось познакомиться с группой спиритов. Он заинтересовался их занятием. Этот интерес постепенно возрастал, и в конце концов Костис всей душой отдался спиритизму. Запутавшись в сетях этого сатанинского занятия, он уже не мог освободиться сам. Не пять и не десять, но целых тридцать лет занимался он спиритизмом, не подозревая, что за всеми этими явлениями скрываются лукавые бесы.

Началу занятий послужило простое любопытство. Костис услышал как-то о столах, которые на спиритических сеансах сами приходят в движение. Ему захотелось исследовать это явление, чтобы понять, вызвано ли оно электричеством или действием духов. Костис удостоверился, что электричество тут ни при чем. Причина заключалась в действии духов. Но каких, добрых или злых? Костис внушил себе, что это святые духи, и таким образом неосмотрительно погрузился в объятия спиритизма.

Усердные занятия оказались успешными. Костис перешел к самопроизвольному письму, а затем и к чтению мыслей. Он научился общаться с «душами умерших». Особенное удовольствие доставляли ему беседы с прославленными врачами прошлого, прежде всего с «Гиппократом», который давал различные рецепты и предсказывал течение некоторых болезней. Общался Костис даже с различными «святыми» и

«ангелами». Он задавал им вопросы и получал ответы, откровения и послания с «небес».

Первой искрой сомнения, побудившей его осознать свою прелесть, стала маленькая книжечка старца Даниила «Против спиритов». Читая ее, Костис встревожился. Писатель-святогорец приводил убедительные примеры, с помощью которых раскрывал явления духов как действие бесов. У Костиса возникли сомнения и вопросы, но ему требовалась помощь. И он нашел ее в переписке с монахом с Катунак.

Письма старца помогли ему постепенно оставить пагубное бесовское занятие. Однако сделать это ему было нелегко, так как после многолетнего общения бесы обрели над ним власть и даже избивали его.

«Я встретил, – пишет Костис в одном из писем, – одного добродетельного священника и попросил указать средство для борьбы с дьяволом. Тот показал мне вторую заклинательную молитву святителя Василия Великого. Прочитав ее, я воскликнул: „Нашел я оплот, нашел я оружие для изгнания сатаны!“ Однако ночью, как только я лег спать и погасил свет, пришли бесы и стали бить меня кулаками. Так продолжалось три ночи. В другой раз я попросил священника отслужить параклисис и прочитать надо мной вторую молитву святителя Василия Великого. Дьявол в это время невидимо приблизился к священнику и сильно потянул его сзади за рясу. А однажды во время чтения заклинательных молитв дьявол лаял, как пес!».

Костису все же удалось избавиться от сатанинских досаждений. Однако враг не оставил его в покое совершенно. Он стал искушать его другим, более тонким способом.

Костис стал ощущать в своих мозгах живое присутствие «апостола Павла». Он представлялся ему высоким, в обычном одеянии. Руки «апостола » опирались на большой посох, а выражение лица могло изменяться. Иногда Костису виделось Евангелие. Часто в голове слышались какие-то фразы, которые он стал использовать в разговорах с людьми. Все эти явления он посчитал за действие благодати. Старцу Даниилу стоило больших трудов убедить его в том, что эти видения ложные и их не следует принимать.

Однажды в полдень Костис вышел из храма Святых бессребреников в городе Арнее, намереваясь навестить одного знакомого, который страдал воспалением легких. В приделе церкви, в алтаре, там где висела лампада перед иконой святых бессребреников (она находилась здесь временно, поскольку в центральной части храма шел ремонт), Костис заметил яркий свет. Приблизившись к окну, он увидел какого-то человека, который рассматривал лампаду. Заметив Костиса, этот человек направился в главный придел. Отчетливо слышались его шаги.

«Кто это? Кто здесь?» – позвал Костис. Ему показалось, что это был вор. Позвав четырех прохожих, он снова вошел в храм, намереваясь задержать предполагаемого грабителя, однако там не оказалось ни души.

Свои видения и этот случай Костис описал старцу Даниилу, спрашивая его совета. Мудрый старец объяснил, что это последствия его общения с злыми духами, и потому их необходимо отвергать.

Удивительно, но, несмотря на то что Костис оставил занятия спиритизмом и вел христианский образ жизни, враг продолжал смущать его ложными откровениями и видениями.

Мы упомянули о христианском образе жизни. Каковы же были подвиги Костиса на молитвенном поприще? Каждый вечер он приходил в храм Святых бессребреников, читал повечерие и канон святым Косме и Дамиану. Возвратившись домой, Костис закрывался в своей комнате и прочитывал Богородичный канон преподобного Иоанна Дамаскина с акафистом, канон Всем святым и канон Иисусу Сладчайшему. Кроме того, когда ему доводилось ехать верхом на лошади в соседнее селение, чтобы посетить какого-нибудь больного, он прочитывал каноны различным святым, вечерню или повечерие. Если же уже было позднее время, он читал наизусть «Честнейшую...» и другие молитвы. И несмотря на это, Костису грозила опасность стать жертвой прелести, если бы не помощь мудрого и рассудительного старца Даниила.

Среди бумаг старца хранится одно из писем Костиса, в котором тот задает различные вопросы о возможностях злых

духов. В частности он спрашивает старца, может ли бес произносить: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас», «Видехом Свет Истинный... нераздельней Троице поклоняемся» и «Буди имя Господне благословенно...»?

То, что происходило с Костисом, и в самом деле было нелегко объяснить. Однако, благодаря терпению, молитве и переписке со старцем Даниилом, ему удалось избавиться от уз коварного врага. Иаков, брат Господень по плоти, говорит: *«Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов»¹³¹*.

К небесным селениям

В неустанных писательских трудах, в духовном руководстве послушниками, вставшими на путь равноангельной жизни, в созидании духовного убежища на голых камнях Катунак, в повседневной брани за спасение своей души, в любви к Богу и подвижничестве, в незлобивом отношении к братьям, порой огорчавшим старца, прошло пятьдесят лет. Целая жизнь.

Старец перешагнул восьмидесятилетний рубеж. *Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет*¹³². И действительно, старец уподобился редкому цветку в обширном Саду Пресвятой Богородицы. Цветы из этого сада, если не подточит их гнусный червь, благоухают и после того, как опадут на землю. Благоухают воспоминания о их жизни и созерцании, простоте, жительстве во Христе, скромности и отречении от своего «я».

Бренное тело никогда не переставало причинять беспокойство старцу. Святых всегда мучает *жало плоти*¹³³. В одном из писем, посланных некому верному духовному чаду 26 апреля 1923 года, старец пишет: «Твое письмо застало меня на одре болезни, страдающим от гриппозной лихорадки и опухоли правого глаза, так что я испытывал невыносимую боль. Однако твои молитвы и мольбы не позволили тебе внезапно услышать весть о смерти духовного отца, и после шести дней страданий я паче чаяния пришел в себя».

Летом 1929 года старцу в последний раз довелось отдыхать в тенистой беседке, где он обыкновенно беседовал с Александром Мораитидисом, посетителями и духовными чадами. Зима в тот год наступила рано. Старец слег в постель с очень сильной простудой. Он видел, как старались ученики, ухаживая за ним, и все же чувствовал, что силы покидают его. Однако старец радовался, подобно тому как хлебопашец забывает о своей усталости, когда на ниве золотятся колосья. Так и он, покидая мир, оставлял за собой благодатный урожай. А его самого, старца, должен был заменить благочестивый

священник, подвижник и молчальник, обладавший к тому же музыкальным слухом и ангельским голосом.

8 сентября, в день Рождества Пресвятой Богородицы, душа этой «птицы пустыни» отлетела в небесные селения.

С вечера старец покрылся холодным потом. «Братия, я хочу причаститься, – сказал он. – Я чувствую себя нехорошо».

«Мы причастили его, – вспоминал отец Геронтий. – Со слезами на глазах и дрожащим голосом старец преподавал всем ученикам, собравшимся у изголовья его постели, последние наставления и благословения».

– Старче, что теперь с нами будет?

– Да вознаградит вас Христос за ваши труды, – ответил старец, предрекая будущее. – Бог справедлив, братия. Вы послужили мне, и Он пошлет ангелов, чтобы они послужили вам. Вы расширите каливу, и у вас будет два священника. Придет много монахов.

После полуночи язык его двигался уже с трудом, побелели губы. Он что-то говорил, но понять было невозможно. Утром отслужили Божественную литургию. Прошло два-три часа. Лицо его сияло, он улыбался в каком-то священном восторге. После елеосвящения старец почил. Он был счастлив, ибо умирал в праздник великой Предстательницы Святой Горы, всепетой Матери Господа!

Бог призвал его в возрасте восьмидесяти трех лет в расцвете духовных сил, исполненного духовного мира, премудрости, имевшего дары рассуждения, смирения, милосердия, принесшего богатые духовные плоды.

Известие о смерти старца подобно молнии распространилось по Святой Горе. Через два дня пришло письмо с соболезнованиями из Великой Лавры: «...Смерть приснопамятного старца Даниила – это не частная утрата. Это потеря для всей нашей святой земли... В лице блаженного Даниила Святая Гора потеряла одного из преподобных мужей современного поколения святогорцев...».

А отцы Кавсокаливийского скита, выражая соболезнование в своем письме, отмечают: «...Ему следовало бы еще жить... Блаженный был огнем, выжигавшим всякое нововведение, по-

настоящему великим порождением афонского жития. Его письма служили укреплением для каждой православной души и каждого колеблющегося сердца».

Благословен будь, старче Данииле, украсивший своими подвигами землю. Воистину, *Дух Божий в тебе, и бодрость, и смысл, и премудрость изобильна обретется в тебе*¹³⁴.

Наставления и поучения старца Даниила. (Отрывки из трудов, записей и писем). Духовная брань

Враг наших душ стремится всеми силами при помощи мирских соблазнов и искушений плоти склонить человека к плотским и душевным страстям. А поскольку он не может сразу вовлечь нашу душу в смертные грехи, то использует сперва прилоги, которые влагает в разумную, раздражительную и вожделевательную части души.

Разумное начало он соблазняет помыслами неверия, нечестивого любопытства, критикой непостижимых моментов в Священном Писании и таинствах, безрассудством, высокомерием и самодовольством.

Вожделевательной части души диавол предлагает желание земного наслаждения, движения плоти и прочее, подталкивающее ветхого человека к осквернению души.

Раздражительной же части внушается неумеренная ревность, осуждение, зависть, непослушание и противоречие, мнимое оправдание, например: «Если такой-то, неблагодарный, меня явно ненавидит, то почему я должен любить его?»

И если человек относится ко всему этому невнимательно, то терпит поражение, после чего становится легко доступным для страстей.

Чтобы победить упомянутые страсти и непреклонно и безопасно пройти по всей лестнице добродетелей, подвижнику необходимо собрать все внимание при первых прилогах, пока они подобны малым жалам.

Что касается **разумной** части, борющаяся душа должна противостоять помыслам следующим оружием: необходимо хранить непоколебимую веру, не допуская приблизиться помыслам неверия, любопытства, богохульства, отражая их молитвой и презрением.

Равно как и **вожделевательной** части души необходимо противопоставить оружие: воздержание, возводящее ум к надмирным красотам, стремление стяжать чистоту девства, мужественно сражаясь против постыдных помыслов.

А для **раздражительной** части души не в меньшей мере непобедимым оружием должны стать любовь, долготерпение, мужественное терпение осуждения и неблагодарности со стороны братьев, ибо только таким образом возможно достичь блаженного смирения и совершенной любви.

* * *

В аскетических писаниях преподобных отцов читатели могут увидеть, каким образом очищаются все три части души, то есть разумная, раздражительная и вожделевательная, и изгоняется ветхий человек.

Там можно узнать, что есть пристрастие ума, сладострастие души и чувственность плоти.

Там всякий, кто сможет сочетать любомудрие с бесстрастием, найдет изобличение всех сатанинских козней...

Благодаря им можно понять, что значит «познай себя» и как внимательны мы должны быть к малейшим упрекам своей совести, и узнать, что самомнение и самоугождение мешает духовному преуспеянию.

* * *

Когда идешь ты к своему духовному отцу на **исповедь**, не уподобляйся государственному обвинителю, говоря: «Он сказал это, а тот сказал другое...», но говори о своем, в чем желаешь получить прощение.

* * *

Без поста нельзя достичь ни чистой молитвы, ни непорочного девства. Христианин, если он не порабощает свое тело постом, не может взять крест Спасителя нашего Иисуса и следовать за Ним.

Сам Спаситель наш Иисус подал нам пример, когда постился сорок дней и ночей. И в какое же время? После Крещения. Это для того, чтобы показать нам, что всякий крещеный христианин должен по мере сил поститься.

Монашеская жизнь

Монашеская жизнь – это великая школа, где обучаются нелестной жизни в Боге и где во всем действует евангельская строгость.

Благодаря монашеской жизни можно избежать различных ловушек коварного диавола и хитросплетенных силков греховной жизни, чтобы упражняться в добродетели, сообразной евангельскому совершенству.

Богоносные отцы Церкви краеугольным камнем монашеской жизни утвердили блаженное послушание, соединенное с нищетой духа, которая есть первая заповедь блаженств.

Послушание, которое является основой монашества, с корнем уничтожает порывы тщеславия и разрывает диавольские путы. Делатель его становится нищим духом, кротким сердцем, плачущим, милостивым, миротворцем, короче говоря, исполнителем заповедей блаженств.

Молчание среди монахов должно быть проявлением любви, а не угрюмости и презрения.

Как грязь пачкает тело и заставляет железо ржаветь, так и исхождение монаха из монастыря может осквернить благородство его души.

Когда, о монах, встретишь ты на дороге другого монаха, который начнет тебя спрашивать, как тебя зовут, кто твой старец и прочее, – отвечай ему коротко и ясно, но сам не задавай подобных вопросов. Не открывай своим ключом чужую дверь.

Духовные высоты

Когда достигает христианин чистоты сердца, тогда исполняет он все заповеди Господни и тогда *Бога узрит*¹³⁵, то есть ясно различает в своем сердце действие Святого Духа. Просвещенный Им делается неложным руководителем других. Он понимает сокровенное в Священном Писании и постигает не только природу сущего, но и природу истины, а затем достигает прозорливости, дара пророчества и бесстрастия. Тогда через него совершаются Божественные откровения и чудеса.

* * *

Те, кто преуспел в целомудрии и святости и удостоился многих духовных даров, достигли этого благодаря предстательству Госпожи нашей Пресвятой Богородицы.

Чтобы сохранить незапятнанной свою чистоту, необходимо прежде всего питать особое благоговение ко Пресвятой Богородице и горячо молиться Ей, ибо нетленные одежды девства получают не столько личным борением и подвигами, – хотя и они должны сопутствовать подвижнику, – но, главным образом, благодаря милости Приснодевы Марии, Которая и очищает души девственников.

Тот, кто подвизается в целомудрии и стремится к очищению души, должен тщательно очищать душу свою от сладострастных помыслов, которые сеет виновник всех зол, движимый желанием запятнать душу. От этих помыслов можно избавиться молитвой Иисусовой и призыванием имени Владычицы нашей Богородицы, ибо Она знает, как очистить души истинных ревнителей целомудрия.

Страсть подозрительности

Подозрительность сеет волнение и смущение, даже если кругом царит мир. Подозрительность никогда не различает истины. Даже если глаза видят истину и сами вещи говорят о добродетели и любви, подозрительность все искажает и скорее убедит человека поверить лжи, чем истине того, что он видит.

Подозрительность – это лживый и превратный фотограф, который, делая свой снимок, искажает изображение...

Когда у подозрительного человека случается искушение – от людей ли, по Божественному попущению для исправления или в силу естественных причин, – он немедленно начинает подозревать кого-либо, напрасно осуждая невинного...

Чтобы показать живой пример этого пагубного безумия, я расскажу тебе об отце Феофане, подвизавшемся в Малом скиту святой Анны. Как нам известно, сей монах, вконец побежденный таким недугом, отделился от всей братии и соседей, заявляя, что все его ненавидят и что только он один знает, что есть истина, а остальные достойны презрения. С ним это случилось из-за того, что он поклоняется только тому, чему научился от своих подозрений, и только этим руководствуется.

Если, возлюбленный мой, соберется Вселенский Собор, состоящий только из святых отцов, и он уличит подозрительных в том, что они обмануты своей страстью, они и тогда не согласятся с его определением, утверждая, что правы они, а не святые отцы (письмо Каллинику Исихасту от 01.02.1896 г.).

Братия, подальше держитесь от подозрительности, рождающей чудовищ!

Насколько эта страсть кажется маленькой и незначительной, настолько, если ее не пресечь, она может разрастись и привести к пагубным результатам. Страсть эту обычно внушает коварный змей легкомысленным душам, охваченным завистью и злопамятством.

Итак, когда какой-нибудь брат поддается такой страсти, он сперва получает помощника и защитника в лице лукавого

любопытства, а затем начинает почитать совершившимся фактом все, что ему внушит помысел...

Если эта страсть укрепитя, тогда враг внушает брату различные мечтания, ведущие к обольщению, так что он лишается рассудка, от чего да избавит нас Всеблагий Бог и Господь...

Чтобы предотвратить столь мерзкую страсть, прежде всего необходимо изначально избегать ее, как смертоносного яда, обуздывая ее чистой исповедью и самоукорением.

Православие и ересь

Протестанты, отвергнувшие вместе с большей частью Священного Предания тесный и скорбный путь, то есть посты, бдения и молитвы, которые совершаются в уединении, к несчастью, смогли убедить некоторых из наших студентов, обучающихся в Европе, а то и большую часть европейски образованных людей. А теперь, действуя через них при помощи лукавых измышлений и мудрований, они пытаются, если получится, произвести переворот православного сознания.

* * *

Нам, монахам, необходимо быть непреклонными столпами Православия...

Разве монахини, ежедневно читая жития святых и жизнеописания монашествующих, не видят в них божественную ревность по отношению к Православию?

Опустив множество случаев, приведу вам пример святой Мелании. Разве эта преподобная, предаваясь уединенной жизни, не превзошла многих святых дев своими подвигами, богомыслием и затворническим житием?

Почему же она, оставив безмолвие и уединение, пошла в Константинополь к своему дяде Вулисиану, который занимал пост городского правителя? Только потому, что он придерживался ереси Нестория и Савелия, она не только отправилась туда, но и с помощью доказательств, взятых из Священного Писания, и примером собственной ангельской жизни убедила дядю отречься от нечестия и стать преданным рабом Христовым...

И не только его, но и множество других несториан удалось святой вернуть к благочестию.

Но если бы преподобная не обладала православным церковным сознанием и не знала существа ереси, как бы смогла она одержать такие победы? (Письмо к игумении Феодосии от 17.01.1924 г.)

* * *

Нечто подобное случилось и с моей двоюродной сестрой, которая, полюбив богатого европейца, вступила с ним в брак, одобренный, к несчастью, и ее родителями. Я был тогда еще в юношеском возрасте и, покидая Смирну, говорил и ей самой, и ее родителям, и отцу жениха, что этот союз будет трагичным и разрушительным для обеих сторон. Так со временем и случилось. Двоюродная сестра умерла в невыносимых муках при родах, а отец ее супруга, европеец, в тот же день внезапно получил апоплексический удар. Родители девушки после многих искушений также плохо окончили свою жизнь (письмо Н. Регосу от 23.02.1923 г.).

* * *

Приступая к написанию подобных трудов (т. е. направленных против еретиков), я призываю Владычицу нашу Богородицу, а все доказательства, основанные на Писании, черпаю из творений божественных отцов Церкви.

* * *

Христианин ни в малейшей степени не должен слушать таких разрушителей, даже если это священники или архиереи, учителя или духовники, которые с помощью своих мудрований извращают православное мировоззрение и Священное Предание. Ему необходимо твердо стоять в том, что он принял от Православной Церкви.

О современных церковных проблемах

Я очень печалюсь, думая о нашем поколении, в котором Бог, по нашим грехам, попустил коварному бесу найти свою поживу двумя противоположными способами.

Действительно, наши архиереи, вместо того чтобы защищать благочестивые предания, вводят различные новшества. Верующие же и благочестивые люди, вместо того чтобы со многой рассудительностью и духом кротости написать об этом и выразить свое мнение, прибегают к брани и оскорблениям, призывая на грешных архиереев все святоотеческие анафемы, чтобы, если получится, добиться их извержения из сана. Таким образом они возбуждают православный народ и в результате, вместо того чтобы принести пользу, удваивают вред.

Я не сомневаюсь, что в твои руки попадало сочинение А. Ф., в котором он показывает несостоятельность нового Собора. Но пишет он таким оскорбительным тоном, в каком никто из святых отцов не обращался даже к самым великим и нечестивым ересиархам.

Мой скромный труд нанесет поистине более сильный удар по таким новаторам, чем сочинение Ф., поскольку этому автору припишут страсть и безрассудство, а также и эгоизм. В моей же работе будет показано, что так говорит сама Церковь, отвергающая все замыслы, которые намереваются осуществить сторонники нового Собора (письмо Н. Регосу от 3.11.1926 г.).

Случай действия колдовства

Недуг несчастных новобрачных Ставроса и Хрисулы действительно вызван сатанинским действием. Это результат волхвования злых людей, которые, к несчастью, становятся орудием сатаны, отравляя многие невинные души. Поэтому древние христиане, прежде чем вступить в брак, исповедовались, постились и причащались Пречистых Христовых Таин. И тогда все бесовские козни не имели над ними никакой власти.

Духовник поступил очень хорошо, прочитав заклиательные молитвы. Так поступим и мы завтра после Божественной литургии. Мы помолимся об их спасении также и по четкам, и я убежден, что непоколебимая вера сможет обратить бесовское действие в бегство. Однако если их состояние останется прежним (во что я не верю), тогда, тайно договорившись с вашим добрым духовником отцом Леонтием, совершите всенощное бдение в честь святителя Василия Великого, но не рассказывайте всем о том, для чего это делается. И вы непременно получите разрешение от этих мерзких оков (письмо Н. Регосу от 13.05.1924 г.).

О чтении священных книг

Прежде чем начать чтение параклисиса Пресвятой Богородице, сотвори три земных поклона перед Ее иконой и, призвав Ее милости, с глубочайшим вниманием приступай к чтению.

Разное

Когда мы чего-то желаем, а достичь этого у нас не получается, не нужно бороться с обстоятельствами. Но станем повторять: «Буди имя Господне благословенно», – и в случае успеха, и в случае неуспеха.

* * *

Один добрый христианин, известный Вам Георгий Баласкас, военный, прислал мне свои недоуменные вопросы о том, как возник мир, откуда взялись люди в Америке, каким был запретный плод и тому подобное. Он собирается подготовить и другие вопросы.

Однако эти вопросы не приносят ему пользы. Это ловушка врага «справа», чтобы он не старался научиться различать, какие стремления души следует отсекать, а какие – нет (письмо Н. Регосу от 13.05.1924 г.).

Часть 5. Старец Исаак из Дионисиата

Угодников Божиих можно сравнить с цветами, которые радуют глаз самыми различными оттенками. Но хотя они и несходны между собой, за всеми различиями скрывается рука единого Художника. *«Дары различны, но Дух один и тот же»¹³⁶*, – говорит апостол Павел. Эта истина находит подтверждение всякий раз, когда мы рассказываем о жизни очередного святогорца.

Мы видели отблески Фаворского света в жизнеописании старца Каллиника Исихаста. Мы изумлялись ревности и исповедничеству отца Иоакима из скита святой Анны, восхищались прозорливостью и глубиной мудрости старца Даниила, благолепным и умирительным служением старца Афанасия из Григориатской обители. Познакомившись с пятым по счету святогорцем, чье жизнеописание включено в эту книгу, старцем Исааком из Дионисиата, мы должны ощутить особое благоухание божественного аромата.

Отец Исаак принадлежит к числу тех немногочисленных монахов, которых Бог посылает в общежительные монастыри. Они пользуются Его особым благоволением. Такие люди, как Богом устроенные столпы, поддерживают огромные монастырские учреждения. Их присутствие является источником щедрых благословений, рекой, чьи воды *веселят град Божий¹³⁷*. И счастливы те, кто удостоился стать жителями этих Божиих градов!

Я вспоминаю, как юношеские мечты привели меня в Дионисиат через несколько лет после кончины старца, когда всё в нем говорило о блаженном авве Исааке. Его чудесное житие произвело на меня неизгладимое впечатление. С тех пор я не переставал говорить о его добродетелях и меня не оставляло желание составить и издать его жизнеописание.

Вершин святости старец достиг не богословским образованием или священным созерцанием. Он был не очень грамотен и не владел красноречием, не занимал почетных монастырских должностей, не имел и священного сана. Его

возвысили прямота, простота и чистота его подвижничества. Он любил Христа всей своей душой и служил Ему как общежительный монах с удивительной преданностью. Он прямо следовал по пути подвижничества, не уклоняясь ни направо, ни налево, поэтому и был увенчан. Ибо никто не увенчивается, если незаконно будет подвизаться¹³⁸ и если не перенесет страдания как добрый воин Иисуса Христа¹³⁹.

Повествование этой части книги дает нам возможность стать причастными благодатной жизни монастыря Дионисиата, обладающего великой и славной историей. Владычица Святой Горы никогда не прекращала возвращать здесь лилии святости. Точно так же и святой Иоанн Предтеча всегда оставался его небесным предстателем, а святой патриарх Нифонт не уставал проповедовать его насельникам возвышающее смиренномудрие.

В составлении этого жизнеописания нам помогали: досточтимый игумен монастыря архимандрит Гавриил, один из старейших представителей афонского братства; уважаемый и любимый нами старец обители святого Дионисия Лазарь, опытный делатель духовных подвигов, предоставивший нам рукопись своего замечательного сочинения; пустынный старец Варфоломей, безмолвник с суровой Карули, и другие. Все они жили в одно время с блаженным старцем Исааком и сохранили нам свидетельство его благословенной, святой, ангельской жизни. Приносим им благодарность.

Сентябрь 1971 г. Архимандрит Херувим

Он был образцом простоты, строгости жизни и благочестия, всегда молчаливым и сосредоточенным... примером для всех отцов.

Архимандрит Гавриил, игумен монастыря Дионисиат

Глава I. Пастушок среди Афонской паствы. Первые шаги

Подвижник духа старец Исаак, героически подвизавшийся в рядах святогорских монахов, этого избранного отряда «пограничной стражи», был пограничником по самому своему происхождению.

Он родился в 1850 году в селении Каввакли, расположенном возле Адрианополя, от благочестивых родителей. Мирское имя будущего подвижника было Янис Георгиу. По бедности и нищете родителей-крестьян маленький Янис не получил достаточного образования, что, впрочем, не сыграло отрицательной роли в его жизни, и если и не помогло ему, то, во всяком случае, и не помешало проложить твердый путь к совершенству и святости. Он нашел путь ко Христу, когда пас овец отца своего на лугах и в лощинах, читая по слогам жития святых отцов.

Каким счастливым чувствовал себя пастушок, когда собирал свое стадо и отправлялся на пастбище, сжимая в одной руке пастушеский посох, а в другой – жития святых! Блуждая по долинам, он вдыхал аромат елей и чистый воздух гор, всегда побуждавший детей гор к духовному подъему.

Там, среди небесных птиц и верных пастушеских собак, и рос Янис. И постепенно, с течением времени, в его юношеской груди все сильнее разгорался небесный огонь – желание монашеской жизни. Может быть, он прочитал где-то, что «невозможно стать монахом, если не станет он весь как огонь горящий».

Посреди склонов гор северо-восточной Фракии, направляя своих овец к местам, богатым зеленью, он вспоминал слова Господни, и радовалось его сердце: «*Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец... и знаю Моих, и Мои знают Меня*»¹⁴⁰. Как Янис знал каждую свою овечку, так и Христос знает Своих. К этому Божественному стаду принадлежал маленький пастушок – пастух своих овец и в то же время – благословенная овца стада Господня. Добрый Пастырь

знал эту овцу, знал все движения сердца Яниса, все его желания и устроил так, чтобы на ниве его души возрос редчайший цветок – желание бескровного мученичества, героической монашеской жизни.

...И знаю Моих, и Мои знают Меня. Это знание было взаимной горячей любовью, отмечавшей взаимоотношения маленького Яниса и его сладчайшего Иисуса. Со временем это знание станет для простого целомудренного юноши познанием Божественной воли. И всякий раз, когда он воспевал на вершинах гор своими непорочными устами известные церковные песнопения или наигрывал простые мелодии на своей пастушьей дудочке, ум и сердце Яниса искали воли Божией и той святости, которой обладали преподобные отцы, – редкостного блага, без которого *никто не увидит Господа*¹⁴¹.

С этими-то добрыми начатками Янис, когда его желание наконец созрело, принял мужественное решение отправиться на Святую Гору. Он просит благословения у родителей и без труда получает его. Они прощаются с ним и от всей души вверяют его попечению воли Божией. Счастливы родители, посвятившие своего ребенка Господу! Нет для них большего благословения и чести! Ибо есть ли лучшая награда для родителей, чем возможность посвятить одно свое чадо Господу вселенной?

Родители Яниса обняли своего сына и с радостью проводили его. К ним постучался Христос и попросил их чадо, и они не отказали Ему. Они уподобились Аврааму, который повиновался голосу Божию и не колебался принести в жертву своего любимого сына Исаака.

Прибыв на Афон в качестве паломника, Янис, по-видимому, посетил там многие монастыри и пустынные жилища отшельников. Что изумило его в первую очередь? Природа. Хотя Янис и был привычен к жизни под открытым небом, однако постоянно меняющиеся картины святогорской природы поразили его. Безграничное море, необозримые леса, прохладные источники, крутые скалы, живописные вершины гор, великолепная вершина Афона...

Все здесь было исполнено таинственной благодати, даже и неодушевленные предметы. Что его восхитило больше? Возвышающиеся царственные монастыри, смиренные каливы, келлии, скиты? Византийские соборы или часовни, расписанные с несравненным искусством? Известные чудотворные иконы святых? Их честные мощи, источающие невыразимое благоухание и непрестанные чудеса? Монастырские библиотеки с их драгоценным духовным богатством?

Святая Гора, без сомнения, остается кусочком Византии, который живет и дышит до сих пор, неиссякаемой артерией православной жизни, соединяющей прошлое с нашим временем. Здесь можно почувствовать пульс православного литургического делания, дающего жизнь и дыхание Телу нашей Церкви, такого же интенсивного и сильного, как и во времена существования Византийской империи.

«Для благочестивого и опытного наблюдателя, по слову одного из насельников Дионисиата – монаха Феоклита, Афон являет собой необозримую реальность, наполненную глубочайшим религиозным содержанием, образ жизни столь невещественный, что может показаться невозможным на земле. Афон – это нечто идеальное, некий духовный опыт жизни, некая мастерская человеческих душ, религиозное сосредоточение неба. Место, где подвизаются святые мужи...»

Но больше всего поразили Яниса те из отцов, которые были подлинными выразителями афонского монашества. Ведь, конечно, встретил он во время своего путешествия и «монахов-

немонахов», бесцельно бродящих по рынкам и пристаням... Такие люди искажают образ монашеской жизни, и на Афоне их немало. Янис обратил внимание и на них, но только для того, чтобы сказать про себя: «Господи, помилуй этих несчастных монахов». Он продолжал свой путь, ибо стремился найти покой для своего жаждущего сердца рядом с какими-нибудь безмолвниками, отрешившимися от всего земного. И, приблизившись к ним, он прошептал, подобно святому Григорию Богослову: «Видишь ли сих людей, которые не имеют у себя ни пропитания, ни пристанища, не имеют почти ни плоти, ни крови и тем приближаются к Богу, у которых ноги немыты, и ложем их является земля... Ничего не имеют в мире, но обладают всем премирным... их утесы и их небеса, их нагота и их риза нетления, их пустыня и их торжество на небесах».

«Таким же монахом, как они, надлежит стать и тебе, – сказал он в своей душе. – А иначе ты зря старался, чтобы достичь этого благословенного поприща».

Воодушевленный такой жизнью отшельников Святой Горы, Янис, вероятно, стал подыскивать себе подходящую пустынную келлию. Таким образом, он обошел множество мест в поисках такого, где мог бы удовлетворить свое ревностное желание безмолвной жизни.

И вот наконец в местечке Вигла в окрестностях Великой Лавры он и в самом деле обнаружил некую пустынную каливу. Подвизавшийся там старец принял его в качестве послушника. Янису предстояло проявить большое упорство, чтобы остаться жить с безмолвником, потому что тогда он еще не созрел для жизни в пустыне. Однако он с первых же шагов проявил большую стойкость и выносливость.

Старец постоянно испытывал Яниса и при этом чувствовал тайную радость, поскольку видел терпение и послушание юного подвижника. С первого же дня юноша стремился показать все свое рвение и стойкость. Несомненно, его мужественное и решительное сердце особенно прилежало к подвигу послушания, и он употреблял все свои силы, чтобы овладеть этой добродетелью. Ведь Янис видел на Святой Горе и других послушников, истинных подражателей послушания Сына Божия,

с очищенными душами, просвещенным и светлым взором, с радостью победителей, запечатленной на их подвижнических лицах, и хотел приобрести такие же добродетели.

Но чем больше преуспевал Янис, подвизаясь в безмолвной палестре¹⁴³ Виглы, тем сильнее ополчался на него диавол. Этот древний враг монахов знает тысячи способов, при помощи которых он и стремился остановить подвижника. Враг многократно повторял те же ухищрения, с помощью которых нападал некогда на преподобного Антония Великого. Те, кто приходил навестить патриарха пустыни в его пустынной крепости, слышали изнутри такой сильный шум, стуки и отвратительные звуки, как будто их производили толпы людей. Нечто подобное стало происходить и с Янисом, когда диавол увидел, что другие его попытки потерпели поражение. Он завидовал целеустремленности и ревности Яниса и попытался запугать его. Во время ночных молитв послушнику стали слышаться шум, голоса, грохот, доносившиеся снаружи. Часто Янису казалось, будто старец стучит к нему в дверь. Он вставал и спрашивал:

– Благослови, отче. Ты звал меня, чтобы совершить богослужение?

– Нет, дитя мое. Отдыхай, спи, еще рано, – отвечал тот, видя бесовские козни.

Подобные диавольские наваждения и искушения послушник испытывал постоянно. Все это происходило по попущению Божию, чтобы указать Янису более безопасный путь для его монашеской жизни.

«Когда я убедился, брат Лазарь, – рассказывал он сам спустя годы, – что все происходящее – диавольские козни и искушения, то сильно испугался. Я не смог этого вынести и решил оставить пустыню и идти в общежительный монастырь. Поэтому я покинул Виглу и пришел сюда, в наш монастырь святого Дионисия, где и остался».

В монастыре Дионисиат

Для тех, кто впервые посещает монастырь и всматривается в него снизу, с пристани, он кажется висящим в воздушном пространстве, а ночью маленькие огоньки келлий сливаются с небесными звездами. В общем, монастырь как с близкого расстояния, так и издалека выглядит похожим на средневековую крепость с узкими окнами и высоченными стенами. Посередине возвышается башня с зубчатыми бойницами», – повествует архимандрит Гавриил из Дионисиата.

В этот монастырь, занимающий передовое место в жизни великого святогорского братства, в эту неприступную крепость византийского монашества пришел «Божиим мановением» послушник Янис, чтобы вступить в общежитие. Какие чувства испытывал он, когда ступила его нога на монастырскую пристань? На один миг он поднял свои глаза и увидел громаду зданий, которые, можно сказать, свисают с небесных апсид, раскачиваясь, подобно паникадилам.

Весь монастырь представляет собой поистине величественную картину. Он находится на огромной скале над побережьем, на обрыве. Келлии монахов располагаются этажами, причем верхние выступают над нижними. Они образуют галереи, которые держатся на балках и подвешены над морем на большой высоте. Таково великолепие киновии святого Дионисия.

Истинная киновия похожа на улей – место, где рождается чистый мед подвижничества и безмолвия. Истинная киновия, подобная Дионисиату, является, по словам преподобного Иоанна Лествичника, «небом на земле», где монахи «Господу служат как ангелы». Это исполнение Божественной заповеди: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»¹⁴⁴*, духовное продолжение той первой апостольской киновии.

Взволнованный Янис медленно поднимался по широкой мощеной дороге, по спирали, ведущей к воротам древнего монастыря. Слева от нее тянется овраг, в котором растет

множество платанов и других влаголюбивых деревьев. Овраг этот получил название Аэропотам¹⁴⁵. Когда зимние порывистые ветры дуют с Афона и Антиафона и встречаются в Аэропотаме, то рев ветра подобен урагану, заставляющему дрожать всю монастырскую крепость.

Светоносные предшественники

На небольшом расстоянии от входа в монастырь Янис задержался, чтобы помолиться перед большой иконой святого Нифонта, патриарха Константинопольского. Среди множества других святых монастырь Дионисиат возрастил и этого мужа, славу и украшение не только Святой Горы, но и всей Церкви. Святой Нифонт II занимал Константинопольскую Патриаршую кафедру в 1486–1489 и 1497–1498 годах. Еще будучи простым монахом, он вместе с архиепископом Охридским Захарией обошел всю Грецию до самого Иллирика и Далмации, борясь с решениями еретического Флорентийского Собора и укрепляя православных людей. Затем Нифонт пришел на Святую Гору и поселился в монастыре Дионисиат, где был рукоположен сначала во диакона, а затем и во пресвитера.

Когда умер митрополит Фессалоникийский Парфений, епископы, старейшины и все жители города, знавшие о святости жизни Нифонта, избрали его митрополитом. Их представители прибыли в монастырь и стали убеждать Нифонта принять эту честь. Им стоило многих усилий и трудов добиться его согласия. В те времена, как и прежде, Церковь обращалась к монастырям и пустыням, чтобы найти святых пастырей, скрывавшихся в местах молитвы и очищения...

Итак, после многих уговоров святой наконец взошел на митрополичью кафедру. Со смирением непрестанно трудился он для своего стада на новом духовном поприще. Но Господь сподобил его и большей чести, удостоив патриаршества. Нифонт поистине просиял на высоте Вселенской кафедры. Когда же он был вынужден покинуть Константинополь, то удалился в Адрианополь, а оттуда был приглашен в Румынию, где проповедовал слово Божие. «Все жители этой страны почитают святого Нифонта как спасителя Православия. Ведь паписты, воспользовавшись выгодным для них душевным состоянием людей, сбросили личину унии и принялись убеждать православных, что с падением Византии пало и Православие.

Многие попали тогда в их сети...» – говорит архимандрит Гавриил.

Вот почему православные румыны, исполненные безграничной благодарности к Нифонту за его труды, в предвоенный период выразили желание, чтобы их архиепископы носили имя святого. Одну из центральных улиц своей столицы они назвали в честь патриарха.

И вот примерно через сорок лет старый и уже никому не известный патриарх решил возвратиться в столь любезное ему место покаяния – монастырь Дионисиат. Поскольку этот досточудный отец Церкви стремился прожить свою оставшуюся жизнь тихо, как простой монах, то скрыл свой сан. Он попросил, чтобы его приняли в монастырь, обещая смиренно выполнять любые монастырские работы. Святого патриарха приняли послушником и вверили его заботам монастырский скот. Он должен был ухаживать за животными, чистить, поить и кормить их. Ночью же он нес караул на вершине скалы, расположенной выше монастыря, и наблюдал за морем, поскольку в то время все боялись нападения пиратов, которые опустошали Эгейское побережье. Эти послушания бывший Вселенский патриарх выполнял с большим рвением и смирением.

Но Богу более не было угодно это добровольное унижение Его смиренного раба. Однажды ночью святой Иоанн Предтеча, предстатель монастыря, явился во сне игумену и сказал ему:

– До каких пор Вселенский патриарх будет у вас оставаться скотником? Ведь он спас тысячи душ. Встань, собери братию, дабы встретить его и воздать ему должную честь.

– Но кто этот патриарх, святой Предтеча? – спросил в недоумении игумен.

– Это Нифонт, которого вы зовете Николаем и держите с животными. Довольно с него этого великого смирения, которому изумляются даже ангелы на небесах.

Игумен в страхе проснулся. Теперь для него открылся смысл некоторых непонятных явлений. Так, например, он неоднократно видел светящийся столп по ночам именно тогда, когда святой молился высоко на скале, стоя на страже. Игумен немедленно ударил в било и собрал братию. Со свечами и

хоругвями вышли монахи навстречу патриарху, который возвращался с животными с гор. Когда он понял, что его тайна открылась, то хотел уйти. Однако братия, исполняя повеление игумена, успели удержать его насильно и в то же время с почтением. Все они сотворили земной поклон и просили прощения, поскольку по неведению своему не воздали столь почтенному человеку подобавшей ему чести.

Святой оставался в монастыре до самой смерти. Он еще прожил тринадцать лет преподобнической жизни и скончался в возрасте девяноста лет 11 августа 1515 года.

Ныне его святые мощи почивают в чудесной гробнице в монастыре. Глава и десница святителя Нифонта в 1520 году были перенесены в Румынию, в монастырь Куртэ-ди-Арцези, где каждый год с 11 по 15 августа при стечении тысяч паломников со всей страны совершается большое церковное торжество.

* * *

Умилительная встреча святого с монастырской братией состоялась на том самом месте, где стоял теперь Янис, еще, конечно, не ведавший этой единственной в своем роде истории. Немного удивившись, он помолился, перекрестился и в задумчивости продолжил свой путь.

Вот какой великий святой жил в этом монастыре. Но, кроме него, было и множество других: преподобный Дионисий, основатель монастыря; преподобный Дометий, духовный советник Дионисия; преподобномученики Макарий и Иоасаф; преподобный Леонтий Мироточивый, который не выходил за ворота монастыря целых шестьдесят лет; преподобный Филофей; преподобномученики Геннадий, Иосиф, Христофор и Павел. В этом же монастыре принял постриг святой Никодим Святогорец.

Каким же благословением стало для Яниса принятие в такой монастырь! Ведь его имя было занесено в тот же список, что и святые и благословенные имена его светоносных предшественников!

Глава II. На стезе общежития. «Почто пришел еси, брате?»

В ту пору игуменом в монастыре был отец Иаков Лакедемонянин (1869–1874). Послушник Янис поступил в обитель в 1872 году в возрасте двадцати двух лет. Там было тогда около ста человек братии. Все афонские монастыри переживали в то время свой расцвет. Неудивительно, что прием в братию проходил после строгого и внимательного испытания послушников.

Кандидат в монахи предстал перед игуменом. С первого взгляда тот понял, что наибольшей добродетелью, украшавшей Яниса, была простота. И вот игумен, желая испытать его, задал довольно рискованный вопрос:

– В нашем монастыре, чадо, мы требуем абсолютного послушания. Если, например, я скажу тебе: «Выпрыгни из окна на эти скалы или в море», ты это сделаешь?

На эти слова Янис, не задумываясь, ответил с присущей ему простотой:

– Я охотно прыгну, старче. Только смотри, успеи схватить меня за ноги!

И это он говорил серьезно.

В течение всей своей жизни он никогда, ни при каких условиях не подвергал сомнению повеления игумена и старших. Только услышав их, монах отвечал: «Да будет сие благословенно», – и спешил исполнить послушание. При этом безграничный мир пребывал в его душе и отражался на его лице.

Игумен понял, что такой необычный послушник станет драгоценным сокровищем для монастыря. Как же можно было не принять его? И вот после установленного срока послушания игумен возвестил Янису о решении облечь его в великий ангельский образ. Чин пострига был совершен в монастырском соборе с его удивительными росписями, созданными иконописцем Зорзисом (XVI в.) в стиле критско-византийской школы.

«Где есть мирское пристрастие? Где есть привременных мечтание? Не се ли сия зрим землю и пепел? Что убо труждаемся все? Почто не отвержемся мира и не последуем Зовущему: „Хотяй ити в след Мене, да возмет крест свой, и живот вечный наследит?»»¹⁴⁶ – пел хор во время последования великого ангельского образа. Кандидат в монахи был преисполнен великой радости, ибо пришел час принять на плечи крест Господень. И потому на вопрос священника: «Почто пришел еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и ко святой дружине сей?» – он отвечал от всего сердца: «Желая жития постнического, честный отче».

И действительно, всю свою жизнь отец Исаак, так его теперь называли, прожил в постничестве и напряженных подвигах. Он стал, как говорят на Афоне, *употребляющим, усилие* монахом. Он никогда не жалел себя, никогда не давал покоя своей плоти, никогда не доверял своей воле. «Царство Небесное, – возвещает Евангелие, – силою берется, и употребляющие усилие восхищают его »»¹⁴⁷. Необходимость этих усилий в жизни каждого подвижника установлена Самим Господом. Встретившись на Святой Горе с такими монахами, нетрудно понять, что Царствие Божие внутри них.

«Дай кровь и приими дух» – таково было святоотеческое правило, которым руководствовался отец Исаак в своих подвигах на чудной стезе общежития. С такими убеждениями он трудился, чтобы умертвить своего *ветхого* и возродиться в *нового человека*¹⁴⁸ во Христе, исполненного духа, добродетели и Божественных даров, о чем пойдет речь в дальнейшем.

Послушания

Старец Исаак был высоким, очень выносливым и сильным человеком. Он мог преодолевать большие расстояния пешком намного быстрее других. В те времена на Афоне не было ни средств связи, ни регулярного почтового сообщения. Поэтому в монастыре сочли старца Исаака самым подходящим и надежным человеком для должности письмоносца.

Кто может описать его труды, усилия и страдания, пережитые на этом суровом и ответственном послушании!

Однако и здесь он проявил удивительное терпение и усердие. На пеший переход до метохии Девеликия в Иерисосе уходило тринадцать часов. Многочасовым был путь и до Сикий и Моноксилита. До самой отдаленной метохии – Каламарики близ деревни Портария на Халкидиках – необходимо было идти... целых четыре дня!

Такие походы письмоносцу приходилось совершать пять-шесть раз в год. Через леса, горы и равнины неутомимо шагала отец Исаак со своим вещевым мешком и сумкой для писем. В руке его были четки, по которым монах непрерывно повторял свою любимую молитву Иисусову. Ее сила отгоняла от него бесов и злые помыслы, благодаря ей в сердце монаха воцарялся покой. Ее сладость не позволяла ему ощутить тяжести многочасового пути. А заключенная в ней благодать позволяла совершить послушание безропотно и успешно.

Неизмеримое терпение проявлял отец Исаак и тогда, когда находился на послушании на метохии Моноксилит, где у монастыря было 14 гектаров виноградника. Там производится знаменитое моноксилитское вино. Чтобы возделывать виноград, нужны многие труды, усугубляющиеся соблюдением постов, таких же строгих, как и в самом монастыре. А если экономом метохии назначат строгого, сурового монаха, тогда необходимо иметь сугубое терпение, чтобы перенести сугубые лишения. Обессиленный от усталости, отец Исаак много раз подбадривал себя словами своего небесного покровителя преподобного

Исаака Сирина: «Покой и праздность разрушительны для души и приносят ей больший вред, чем демоны».

На какой-то период времени старцу вверили монастырское стадо коз в 1740 голов. Когда отец Исаак пас их, то мысленно возвращался в свои детские годы, когда он еще был пастушком в Каввакли. Вспоминая свои тогдашние желания и мечты, он благодарил Бога, давшего осуществиться им на деле.

Приходилось ему и исполнять послушание мельника на водяных мельницах на метохах Марианон и Метагициу на Халкидиках.

Все утверждают, что старец Исаак был практичным, энергичным и в то же время очень чистосердечным монахом. Поэтому все, к чему он прикасался, получало изобильное благословение. Любые усилия достигали успеха и приносили богатые плоды.

Это стало наиболее очевидным, когда старец в течение долгого времени исполнял послушание огородника. Каменные террасы, на которых устроен огород, выложенные с математической точностью, находились в то время в наилучшем состоянии. Все, что отец Исаак сеял и выращивал даже в безводных местах, приносило плоды. Монастырь не только не испытывал недостатка в овощах, но и мог располагать излишками.

Вот почему отец Исаак высаживал избыточную рассаду зелени, фасоли, тыквы, помидоров близ дороги, чтобы подвижники, проходившие мимо, могли брать, сколько кто пожелает. То же самое старец делал и на подворье в Карее. Кроме сухарей, которые монастырь обычно раздавал в качестве благословения, он готовил для пустынников и бедных насельников Кутлумушского скита свежие овощи со своего огорода.

Но чем больше раздавал отец Исаак, тем обильнее был урожай. Его чувствительная душа была исполнена любви ко всем братьям... Как-то некий брат попросил у отца Исаака немного груш. «Бери сколько хочешь, – отвечал старец. – Бог мне вернет их вдвойне».

Он все отдавал другим, в то время как о себе совсем не заботился, был неприхотливым в еде и скромным в одежде.

В своем нестяжании он уподоблялся «парящему орлу», по выражению святого Нила.

Как-то, копаясь в саду, старец нашел две или три лиры. Он принял их с бесстрашием и, как только закончил работу, отдал игумену.

Кроме всего прочего, отец Исаак обладал высочайшей степенью смирения. На всем протяжении монашеской жизни он настойчиво стремился к самым «низким» послушаниям. В этом старец уподобился святому Нифонту, этому патриарху-монаху, который всегда вдохновлял, подбадривал и наставлял его. Отец Исаак никогда не искал почетных должностей, желая всегда оставаться учеником.

Воздержание и аскеза

В течение более шестидесяти лет этот благословенный монах не принимал никакой пищи, помимо общей трапезы, проявляя совершенное воздержание не только в самом монастыре, но и на метохах, где ему приходилось часто бывать по послушанию и жить подолгу. В самой киновии правило относительно пищи было чрезвычайно строгим. Совершенно запрещалось вкушение мяса, а в понедельник, среду и пятницу трапеза полагалась один раз в день, причем, разумеется, без вина и елея. Неукоснительно исполнялись положенные церковные посты. Это правило отец Исаак соблюдал непоколебимо, как бы далеко от монастыря он ни находился. Но гораздо более строгим был его пост в Святую Четыредесятницу. Старец совершенно не принимал пищи и питья в течение трех дней на первой, третьей (Крестопоклонной) и последней (Страстной) седмице. Лишь в конце своей жизни старец сообщил об этом одному доверенному брату, который просил его открыть свою тайну.

Когда в течение многих лет отец Исаак жил на метохе Каламария, где пас овец, он никогда не ел мяса, хотя эконо́м, все другие братия и рабочие его часто вкушали. Для старца же эконо́м отец Модест заготавливал на целый год бочку рыбы, засоленной обычным для афонских отцов способом. Ею и питался отец Исаак, прославляя Бога и внимательно следя за собой, чтобы избежать как мясоядения, так и осуждения.

В Моноксилите старец был сторожем виноградника. В пору созревания винограда он никогда не позволял себе взять в рот ни одной ягоды до полудня – часа общей трапезы. Испытав сладость Божия присутствия, старец пренебрег земными удобствами и ел столько, сколько было необходимо для поддержания сил. «Отказываться так самоохотно от предлагающих сладостей мы не можем, если самым делом и опытом не вкусим божественной сладости всем чувством», – говорит священномученик Диадок Фотикийский.

Одно время отцу Гавриилу († 1983), будущему игумену Дионисиата, а в то время еще послушнику, довелось жить в Моноксилите вместе со старцем Исааком. Как-то раз они увидели, что после сбора урожая кое-где оставались еще ягоды. Старец дал попробовать их другим братьям, но сам не вкусил ни одной.

– Ешь, Георгий.

– А ты, отец Исаак?

– Я монах, мне не положено.

– Я тоже хочу стать монахом, – отвечал будущий игумен.

Так своими подвигами и собственным примером старец учил младших, принося им духовную пользу.

– Сколько времени, Георгий? Будем готовить пищу? – спрашивал он часто и добавлял:

– А что сегодня на трапезе в монастыре?

– Вареные овощи, старче.

– Вареные овощи в монастыре, вареные овощи и у нас.

Он хорошо знал, что пост – узда для монаха, как говорит святитель Григорий Нисский, и установлен для очищения души. Вот почему посты были для него не просто элементом устава. Они имели особый смысл.

Старец никогда не пренебрегал и ежедневным монашеским правилом. В Дионисиате каждому монаху положено совершать триста земных поклонов и двенадцать сотниц по четкам. Но во время Великого поста старец творил три тысячи земных поклонов – поистине изумительное число. Если в монастыре совершалось всенощное бдение, то и отец Исаак не спал и молился всю ночь, где бы он ни находился и каким бы ни был усталым, даже после тяжелой работы на метохах. Как жаждущий олень стремился он на молитву и службу Божию¹⁴⁹, вычитывая последования богослужений, как в монастыре. И если иногда случалось, что отец Исаак, находясь в своей келлии, не слышал звука била и немного опаздывал в церковь, некоторые братья упрекали его:

– Эх, отец Исаак, пропустил ты время.

– Нет, не пропустил, а взял его в долг, – отвечал старец с присущей ему простотой. И после этого он успокаивался лишь

тогда, когда возвращал «долг» усиленной келейной молитвой.

В горниле общежития, где выплавляется и очищается «золото» добродетели, возрастал этот монах. Он подвизался в трудах, послушании, непечительности, безмолвии и страхе Божиим, проводя монашескую жизнь в простоте, подобно маленькому дитяти.

Отец Исаак не был красноречивым, как некоторые другие монахи. Но многословию он всегда предпочитал молчание, помогая усвоить эту добродетель и младшим. «Послушай, отец-диакон! Теперь, когда тебя рукоположили, ты должен молчать», – как-то посоветовал с любовью старец одному вновь рукоположенному монаху, не ценившему должным образом этой добродетели.

Старец Исаак никогда никому не противоречил. Если ему возражали или порицали его, он склонялся ниже обычного, терпеливо принимал выговор и смиренно просил благословения.

Разве мог найтись такой брат, который бы не любил или не почитал его? «Он истинный монах», – говорили отцы между собой, уважительно называя его не «отец Исаак», а «авва Исаак».

Однако старец, несмотря на это, никогда не позволял себе превозноситься. «Бог видит, каков я на самом деле», – простодушно говорил он.

Если же старца начинали хвалить в его присутствии, он спрашивал с беспокойством: «Что такое вы мне говорите? Я самый грешный из людей», – и смиренно удалялся в келлию или на послушание.

Слух о старце Исааке, как ни старался он укрыться, разносился повсюду. Митрополит Кассандрийский Иринеи († 1945), любитель монашества и замечательный пастырь, всегда отзывался о нем с большим почтением. Когда же митрополиту приходилось посещать селения своей епархии, он старался ночевать на метохах Дионисиата, особенно в Каламари, где жил «авва». Митрополит стремился посетить старца и насладиться общением с настоящим монахом – с прекрасным старцем, как называл он его.

– Я собираюсь на метоху Дионисиата повидаться с монахом, – говорил он.

– Но разве на метохе всего один монах, Владыко? – спрашивали его в недоумении.

– Да, я направляюсь туда ради одного монаха...

К вершинам добродетели

По словам святых отцов, все духовные и телесные подвиги совершаются ради одной высокой и святой цели – очищения сердца. Пост, бдения, скорби, страдания, правила, богослужения, чтение духовных книг, молитва и прочие аскетические подвиги помогают монаху вознестись к небу, чтобы пребывать в чистоте и святости. Так произошло и с монахом из Дионисиата, которому посвящено это жизнеописание.

Поднимаясь по лестнице добродетелей, отец Исаак приобрел совершенную кротость, незлобие и простоту. Последняя добродетель, по словам святого Иоанна Лествичника, «бывает причиною высочайшего смиренномудрия». Причем «простоту невозможно увидеть без смирения». Некоторые из ее проявлений мы уже видели на этих страницах.

Глубина смирения открывает путь к вершинам другой добродетели, называемой бесстрастием. Добрый воин Христов покорил и эту высоту. Бесстрастие – очень высокая добродетель, немногие достигают его. Требуется время, много труд и помощь Божия. Но «если увидим или услышим, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – что кто-нибудь в продолжение немногих лет приобрел высочайшее бесстрастие, – верь, что такой шествовал не иным путем, но сим блаженным и кратким, то есть путем смиренномудрия».

Отцы, которые хорошо знали старца Исаака и жили с ним на многих метохах, как, например, отец Леонтий, рассказывали нам об этой высокой добродетели, украшавшей жизнь подвижника.

– Для старца Исаака, – говорил отец Леонтий, – нет никакой разницы или изменения чувств, когда он беседует или встречается с мирскими.

– Что ты имеешь в виду, отец Леонтий? – спросил его отец Лазарь.

– Я хочу сказать, что старец Исаак одинаково разговаривает как с мужчинами, так и с женщинами. А мы как увидим женщину,

так и теряем равновесие.

И действительно, отец Исаак, находясь на монастырских метохах в миру, оставался бесстрастным монахом, «облеченным в железо воином», «на которого нападают, но не могут поразить», мертвым для мира. Жил в нем лишь Христос. «Совершенный в любви и пришедший до края бесстрастия не знает различия между своим и чужим, верующим и неверующим, рабом и свободным и даже мужским и женским», – говорит преподобный Максим Исповедник.

И если уж письмоносец монастыря святого Дионисия, славный путник Божий, решился встать на этот путь, то предстояло ему дойти и до вершины добродетелей – совершенной любви.

Он достиг того рубежа, на котором человек испытывает чувство сострадания ко всем людям, всему миру, всякому творению, одушевленному и неодушевленному. Он любил их и сострадал им.

Одно время старец Исаак жил вместе с отцом Лазарем в кафизме Святых апостолов, напротив монастыря. Первый, старший по возрасту, следил в саду за лимонами и апельсинами, в то время как второй ухаживал за больным старцем Модестом, который страдал односторонним параличом. Отец Исаак жил в келлии рядом с церковью, а два других монаха – на верхнем этаже.

«После того, как мы расходились по келлиям после повечерия, – рассказывал отец Лазарь, – проходило не более получаса, и отец Исаак вновь с плачем и рыданиями становился на молитву. Слезы, омывавшие его лицо, шли из глубины души и страждущего сердца... Как-то раз я решился спросить у него, зачем он плачет каждый вечер. Спускаясь вниз, я подошел поближе, и услышал, как он повторял:

– Помилуй бедных людей, Господи. Помилуй несчастных, помилуй голодных. Даруй им Свое благословение, Господи. Помилуй...

Недоумевая, о ком он плачет, я спросил старца:

– Отец Исаак, о ком ты плачешь и просишь Христа столько времени? Кто эти бедные и несчастные?

На это он мне ответил:

– Ты разве не помнишь крестьян на метохах, которые работали целыми днями? Какой у них тяжкий труд. Живут в лишениях, едва сводя концы с концами. К тому же у многих большие семьи. Как они могут выдать замуж своих дочерей? Как могут научить детей грамоте? На что им купить одежду? Как же мне не жалеть их, когда я о них вспоминаю? А ведь они так нас любили и почитали. Они слушались нас, как верные рабы. Как же мне не просить за них Христа и не плакать?

Тогда я ушел от него в молчании и оставил его плакать и просить Бога, изумляясь его великому милосердию».

Этот эпизод из полугодичного периода жизни в кафизме Святых апостолов позволяет нам судить о величии истинного святогорца в его отношении к ближнему. Это величие имело две стороны. С одной – любовь к тяжелобольному, выражавшаяся в самопожертвовании и терпении, в самоотверженном служении и бессонных ночах; с другой – любовь к бедным работникам, находившая выход в таких горячих слезах и таком сострадании души. И примером такого величия может служить вся Святая Гора, от края и до края.

Наш ум приходит в изумление, пытаюсь вообразить себе жизнь монахов в кафизме Святых апостолов, будь то ее нижний этаж, где горячо молился старец Исаак, или верхний, где находился прикованный к постели больной. В обоих случаях налицо осуществление слов, произнесенных Господом в Иерусалимской горнице: *«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»¹⁵⁰*.

Вот оно, непорочное общественное служение монашества: молитва за ближних и за весь мир, забота о немощных до самопожертвования, неустанное страннолюбие, истинное учительство собственным примером. Весь этот труд не выставляется напоказ, а потому обладает особенной, неизмеримой ценностью.

Небесные мгновения

Монастырь святого Дионисия обладает специфическим внутренним устройством: все его здания сосредоточены на небольшом пространстве. Но именно это лучше всего способствует молитвенному настроению, ибо призывает паломников к более глубокой, более таинственной сосредоточенности.

Византийские фрески, которыми покрыты изнутри стены кафоликона, потрясают своей торжественностью. Очень выразительны изображения событий Апокалипсиса на стенах перехода, ведущего к трапезной. Почти все приделы также расписаны византийскими фресками. Особенно хороши они в приделах святых бессребреников и святого Иоанна Богослова. В самой трапезной, где монахи вкушают пищу в молчании, слушая уставное чтение, тоже есть замечательные росписи: Собор архангелов, Собор преподобных, образы из «Лестницы». Все это, и в особенности сами отцы со строгими монастырскими традициями и добродетелями, составляет чудесное, идеальное обрамление для ангельского монашеского жития.

В этом святом месте старец Исаак провел самые счастливые дни и ночи своего жития во Христе. В преклонном возрасте он обыкновенно сидел на старческой стасидии, находящейся за древней иконой святого Иоанна Предтечи. Там, неподвижный, как столп, с недремлющим оком души и тела, молился он во время Божественной литургии, там слушал все церковные службы, которые возводят землю на небо и низводят небо на землю.

Когда на бдениях или на утренях при тусклом свете лампад старейшие из отцов восседают в нерушимом молчании в своих старческих стасидиях под иконописными изображениями преподобных, то кажется, что их образы сливаются воедино. И тогда «боголюбивый лик пребывающих в раю блаженных отцов» сорадуется живущим еще в «Саду Богородицы», по слову архимандрита Гавриила.

«Незабвенны всенощные службы великих праздников на Святой Горе, долгожданные бдения воскресений Великого поста и службы Страстей Господних!

Как можно забыть это множество благочестивых и блаженных старцев, непреклонных, как башни, твердых, подобно мученикам, безмолвных и трезвенных, подобно отцам пустынноикам, терпеливо ждущих своей очереди приложиться к Святому Евангелию, честным мощам или причаститься Пречистых Таин!» – пишет архимандрит Гавриил.

«Выше всяческого описания или сравнения чин священнодействующих, равно как и служащих и предстоящих преподобных отцов. Все они, одни в золоченых византийских облачениях, другие в черных складчатых мантиях, а остальные в скромных рясах и клобуках, благолепно и со страхом Божиим, как бы лицом к Лицу, предстоят Господу!».

Среди этого небесного и святого окружения душа старца Исаака воспаряла и возгревалась покаянным чувством. Сколько раз глаза старца наполнялись слезами, когда он слышал замечательное песнопение, которое поется во время 9-го часа навечерия Богоявления: «Руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню, с неюже и перстом Того нам показал еси, воздежи о нас к Нему, Крестителю, яко дерзновение имея много: ибо болий пророков всех от Него свидетельствован еси. Очи же твои паки Всесвятаго Духа видевшия, яко в виде голубине сошедша, воздвигни к Нему, Крестителю, и милостива нам соделай: и прииди, стани с нами, запечатая пение и предначиная торжество».

Внутреннее волнение достигало предела, когда старец поклонялся и благоговейно лобызал величайшую святыню монастыря, лежащую перед ним, – ту самую руку Предтечи. Сколько раз отец Исаак чувствовал ее благоухание, даже слабый отголосок которого удавалось ощутить лишь немногим отцам!

Божественные, надмирные, небесные мгновения!..

Духовный питомник

В эпоху старца Исаака монастырь святого Дионисия овеивался сильным и пьянящим духовным ветром. В этом уголке Сада Божией Матери цвело множество благоухающих душ, приносивших сочные духовные плоды. Далее мы постараемся дать общее представление лишь о некоторых современниках старца Исаака и его сподвижниках на той же монашеской стезе.

Отец Марк явился истинным украшением обители. Образец добродетели, неотступный подвижник, известный духовник. Этот монах все время неустанно трудился сразу на трех-четырех послушаниях, а пищу вкушал один раз в день. Он был игуменом монастыря с 1926 по 1931 год. Его кончина († 1938) сопровождалась чудесным неземным благоуханием, увенчавшим его многолетние подвиги и запечатлевшим святость его жизни.

Старец Игнатий поступил в монастырь в 1914 году в возрасте шестнадцати лет. Вся его жизнь протекала в прекрасной, но и многотрудной борьбе за освящение души и тела. Он стал светильником, источающим любовь Христову и служение братии. Это был препростой, смиренный, добрый подвижник. Его уста всегда источали сладкое слово утешения. Старец никогда не пренебрегал своими монашескими обязанностями. Умная молитва непрерывно исходила из его сердца, окрыленного Божественной любовью. Его кончина была блаженной, а перенесение останков старца явилось подтверждением его преподобнической жизни. Кости отца Игнатия имели желтоватый оттенок, характерный для мощей святых, в то время как его глава в продолжение заупокойного богослужения излучала необычайную теплоту и благоухание.

Благословенный **старец Виссарион** был примером горячей живой веры. Простая и беззлобная душа. Когда он нес послушание эконома в метохе Марианон в 1916 году, ему явился святой Иоанн Предтеча в образе седовласого старца. Святой дружески поговорил с монахом и открыл ему, что на этой метохе находилась древняя церковь. Старец Виссарион

вновь ее отстроил и благоукрасил. Его кончина соответствовала святости жизни. Старец получил откровение о приближении смертного часа, находясь на метохе Каламици. Немедленно простившись со знакомыми и близкими, он спокойно сказал им, что уходит в монастырь умирать. Отец Виссарион ожидал смерти с нетерпением, как чего-то желанного. Придя в монастырь, он возблагодарил Бога и святого Иоанна Предтечу, простился с братией и через два дня почил вечным сном праведника.

Будет уместным причислить к этой плеяде избранных отцов Дионисиата также и великого подвижника и безмолвника **старца Анфима**. Поступив в монастырь в 1916 году, он с первых лет своей монашеской жизни чувствовал особый покров и помощь святого Иоанна Предтечи и святителя Нифонта. Дважды он был благодаря их заступничеству исцелен от серьезных болезней. Он неусыпно поработал свою плоть, постясь до изнеможения. По благословению своего старца отец Анфим руководствовался правилом пустынников, более строгим, чем у других монахов. И даже когда он, неся послушание монастырского повара, готовил для общей трапезы рыбу или суп, то сам вкушал размоченные сухари и немного маслин. Его подвиги приводили в ярость бесов, которые, будучи не в силах повредить старцу, приходили ночью на кухню, стучали в железную посуду, кричали, выли, устраивая самый настоящий кромешный ад. Позднее, когда старец Анфим поселился в пустыне, поблизости от Малого скита святой Анны, он достиг и других духовных вершин. Случилось так, что старцу пришлось в течение трех недель пролежать в горячке, прикованным к постели, без какой-либо человеческой помощи, без лекарств, без еды. Тогда он удостоился редкого Божия благословения. Ангел Господень явился отцу Анфиму в образе неизвестного монаха и служил старцу до полного его выздоровления!

В тот же период на духовное ристалище монастыря святого Дионисия пришел с неутомимой жаждой сердца к святой жизни другой подвижник, наделенный редкой благодатью – **старец Лазарь**. Он поступил в монастырь в 1911 году с воодушевлением и ревностью по Боге, которые не ослабели в

его душе до самой смерти († 1974). Шестьдесят лет *подвизался он подвигом добрым¹⁵¹* и достиг высот добродетели. В послушании он был примерным, в служении – усердным, в умной молитве – столпом огненным. Старец отличался особо благоговейным отношением к Госпоже Богородице, святому Иоанну Предтече и другим святым покровителям монастыря, почему и удостоился вкусить многих небесных переживаний. От рождения одаренный «вышней» мудростью, он стал центром притяжения для братий, которые прибегали к нему, чтобы получить совет и найти утешение в его медоточивых словах. Имея живую, тонкую, поэтическую натуру, отец Лазарь первым предпринял очень полезный труд: он собрал удивительные рассказы монахов, своих современников, и составил прекрасный «Луг духовный» нашего времени. Именно из этого сборника, который уже был упомянут в нашем предисловии, мы почерпнули большую часть сведений о жизни старца Исаака.

Возвышающимся «древом пальмовым», столпом афонского жития был и **архимандрит Гавриил** (1886–1983), еще один плод богатого святыми монастыря святого Дионисия. Отец Гавриил учился «у ног» старца Исаака и от него познал начала монашеской жизни. Более сорока лет он был игуменом монастыря. Однако его труды, подвиги, заботы охватывали всю Святую Гору, все Православие, всю Грецию, весь мир. Почти полвека архимандрит Гавриил достойно, хотя и почти в полном одиночестве, нес на своих плечах груз святогорского свидетельства, представляя свою духовную родину перед церковными и светскими властями. Благодаря своей жизни, подвигам, украшавшим его добродетелям, одаренности и талантам, он стал образцовым монахом, писателем-наставником, рассудительным духовником, разумным и мудрым игуменом. С присущими ему разумом и мудростью, смирением и кротостью, достоинством, подвижничеством и свято горским духом отец Гавриил стал достойным вдохновителем и наставником для других людей. Он был неусыпным стражем православной веры и благочестия и в то же время горячим патриотом. Отец Гавриил почил в полноте дней в 1983 году в возрасте 97 лет.

Наконец, к этому благословенному лику отцов Дионисиата можно причислить и **старца Каллиника Постника** († 1903), по молитве которого монастырь был чудесно насыщен рыбой; **отца Аверкия** († 1900), который, совершив крестный ход, прекратил многолетнюю засуху на Фасосе; **старца Леонтия**, которому в 1916 году явился честной Иоанн Предтеча; **старца Илариона** († 1933), смотрителя монастырской пристани, отличавшегося монашеской строгостью, воздержанием и послушанием до смерти; благословенного **старца Геннадия** († 1933), который был редким украшением обители, – благодатный монах, исполненный любви, смирения и веры; **старца Иакова** († 1939), делателя сердечной молитвы, с нетерпением ожидавшего своей встречи с Господом; простейшего и смиреннейшего **старца Константина**, который, будучи в возрасте 90 лет, молился перед десницей честного Предтечи, просил взять его из временной жизни и немедленно был услышан... Однако мы не можем рассказать здесь обо всех земных ангелах, которые, благодаря своим тайным подвигам, стали благоухающими цветами Духа и украсили земной Сад Богородицы.

Глава III. Благодатная жизнь. Чудесное избавление

Те, кто с помощью подвижнических трудов совершенно очистились от всякой нечистоты плоти и духа, – говорит преподобный Никита Стифат, – стали вместилищем бессмертного естества ради даров Духа». И действительно, Бог посылает подвижникам, освятившим себя монашеской аскезой, удивительные дары, великие знамения Своей любви.

Старец Исаак также не был лишен этих знаков видимого присутствия Божия. Об этом нам говорят многие удивительные происшествия из его жизни.

Когда отец Исаак был еще юным монахом, он нес послушание келаря на подворье Карей, где жил вместе с представителем монастыря, знаменитым старцем Геласием. Этот последний происходил из Лаконии и четырежды избирался председателем Священного Кинота. Однажды зимой, в феврале, отцу Геласию понадобилось непременно связаться с монастырем. Тогда на Афоне не было ни телефона, ни других средств связи, поэтому кому-то нужно было идти в Дионисиат пешком, несмотря на непогоду. Старец Геласий позвал своего ученика отца Исаака, чтобы послать его с письмом в монастырь. Тот сделал земной поклон, взял посох, письмо и отправился в путь. Дорога от Карей до Дионисиата чрезвычайно живописна. Тропа вьется среди диких зарослей и густых, высоких каштановых лесов. Это расстояние можно пройти примерно за пять часов.

Добрый послушник с готовностью поспешил исполнить послушание, хотя небо затягивалось тучами и собиралась снежная буря, какие часто свирепствуют на Афоне. Примерно через четверть часа отец Исаак уже добрался до вершины горы, где возвышается крест, и, торопясь, двинулся по тропинке, которая должна была вывести его от горного хребта к дороге на монастырь. Здесь-то его и застал снегопад. В путь монах отправился в час дня (7 часов по византийскому времени¹⁵²), а к трем (9) часам достиг ледяного источника Бусдум во владениях монастыря Симонопетра. До этого места ему

удавалось различать дорогу, но теперь всё уже было занесено снегом. Отец Исаак стремился наилучшим образом выполнить свое поручение и потому продолжал идти со сладчайшей молитвой Иисусовой на устах до тех пор, пока мог передвигать ноги по снегу.

Но вот буря усилилась. Снег обрушился на него со всех сторон. Отец Исаак стоял, не имея возможности сдвинуться с места. Он попытался сделать несколько шагов, но тщетно. Его заносило снегом и, казалось, уже ничего не могло спасти.

Дорога была потеряна, стоял страшный холод, а сугробы достигли почти полного роста. На человеческую помощь надеяться не приходилось, не было даже никакого строения, в котором можно было бы укрыться. Время шло, стало смеркаться. Ждать спасения было неоткуда. Потихоньку снег покрыл отца Исаака целиком. Эта ночь должна была стать последней в его жизни.

Когда монах утратил всякую надежду, он воздел свои руки и очи к небу и с горячей, нерушимой верой воззвал: «Господи Иисусе Христе, Боже, молитвами моего старца спаси меня в этот час. Святой Иоанне Предтече, дай мне живым добраться до монастыря».

И вот, в самом деле, исполнились слова пророка Исаии: *«Еще глаголющу ти, речет: „Се, приидох”¹⁵³»*. В этот момент какая-то невидимая сила подхватила отца Исаака и в мгновение ока перенесла к монастырю, к той самой иконе, которая находится на пути от пристани к монастырским воротам!

Было около половины пятого (10.30). Отцы только что закончили трапезу. Привратник собирался уже закрыть монастырские ворота и вдруг с изумлением увидел прямо перед собой старца Исаака.

– Откуда ты, авва? Как тебе удалось пройти в такой снегопад? – недоумевал он.

Его недоумение достигло предела, когда он посмотрел на дорогу, ведущую в Карею, и увидел, что на ней нет никаких следов! Изумление привратника передалось другим монахам. Все спрашивали: что случилось? Старец Исаак, который не

хотел открыть случившегося чуда, постарался объяснить дело как можно короче.

– При помощи святого Иоанна Предтечи, – сказал он, указывая на его икону, – я безопасно совершил послушание.

Прошло довольно времени, прежде чем духовник отца Исаака, которому тот все рассказал, поведал ради славы Божией о том, как отец Исаак был чудесным образом перенесен по воздуху.

Повествования о подобных чудесных перемещениях с места на место довольно часто встречаются и в житиях святых. Эти случаи, наряду со многими другими, также служат свидетельством благодатной жизни и особого благоволения Божия.

Первозданная жизнь

Ныне живущие современники старца никогда не забудут змею, его неразлучного друга. Это было громадное ядовитое пресмыкающееся, длиной около полутора метров, из рода песчаных гадюк.

Более двух лет, в течение которых старец Исаак работал на монастырской пекарне, она совершенно не разлучалась с ним. Отец Исаак делал для змеи вкусное кушанье – кашу из муки и безбоязненно подкармливал ее. Но и змея, в свою очередь, исполняла важное поручение для... «своего старца». Она неустанно ловила мышей, так что полностью избавила от них пекарню. Змея настолько привязалась к монаху, что даже забиралась поспать на его деревянной кровати, где, свернувшись калачиком, мирно дремала.

– Когда я впервые увидел ее рядом с пекарней, – рассказывал нам игумен Гавриил, – то меня охватила дрожь. Но у старца с ней были такие же отношения, как и у Адама с животными до грехопадения.

– Отец Исаак, – говорили ему другие монахи, – зачем ты держишь рядом с собой эту гадину?

– Не бойтесь, она хорошая, никому не вредит и извела всех мышей.

Сколько времени оставался отец Исаак в пекарне, столько и змея была с ним. Однако, как только он перешел на другое послушание, змея тут же уползла в горы.

Этот случай уверяет нас в том, что многие люди Божии за свои великие добродетели удостоились возможности достичь первозданного состояния и жить в согласии со зверями. Перед такими людьми дикие животные и гады меняются, становятся ручными. И такое бывало не только в древности, о чем мы знаем из жизнеописаний отцов, но и в наше время, как свидетельствует пример старца Исаака.

* * *

С теми, кто живет в райском первозданном состоянии, враг сражается всеми средствами, как сражался он некогда и с

первозданными людьми. Так и сего святого монаха диавол сделал своей мишенью, постоянно досаждая ему, ибо не мог отказаться от войны, которую объявила ему добродетель отца Исаака. Но он был не в силах изгнать старца из Эдемского сада.

Старый подвижник из Карули отец Варфоломей, живший в молодости вместе с отцом Исааком на Карейском подворье монастыря, рассказал нам о некоторых случаях таких дьявольских искушений. Однажды отец Варфоломей пошел будить своего товарища, чтобы ставить тесто. Когда он слегка толкнул отца Исаака, тот спокойно ответил: «Уходи, диавол, уходи». Тогда отец Варфоломей понял, что отец Исаак много претерпевает по ночам от бесов.

Другой случай также произошел на подворье. Как-то раз старец Исаак, поднявшись ночью, увидел в архондарике странную личность. Он молча прошел мимо, сделал свое дело, и, возвращаясь, вновь безмолвно проследовал мимо. Все попытки невидимого врага запугать монаха окончились безуспешно.

Когда старец жил в Моноксилите, он обычно ходил по субботам в соседний русский скит (так называемую Фиваиду), где совершались всенощные бдения, чтобы причаститься там Святых Животворящих Таин. Однако по дороге бесы делали все, чтобы уstrasить его и заставить вернуться. Почти каждые пятьдесят шагов они представляли перед ним то в виде диких кабанов, то в виде волков, шакалов и ужасных змей. Но старец продолжал путь, не обращая на них внимания и повторяя слова псалмопевца: *«Господь просвещение мое и Спаситель мой; кого убоюсь? Господь Защититель живота моего, от кого устращуся?»*¹⁵⁴. Ведь он шел принять небесный жемчуг Тела и Крови Господа.

«Дивен Бог во святых Своих»

В 1893 году старец Исаак нес послушание на метохе Каламариин. Экономом там был добродетельный отец Гervasий родом с острова Итака. Страшная засуха поразила эту местность. Был апрель, и все посевы могли засохнуть. Тогда эконом, зная, какую силу пред Богом имеет слово старца Исаака, просил его умоли́ть Господа смиростивиться и послать немного дождя. И тот, не ведая, что такое непослушание и противоречие, весь вечер и всю ночь провел в усердной молитве и бдении, со слезами прося Всеблагото Бога сжалиться над ними и послать дождь на сухую землю, чтобы не пропали чаяния и труды бедняков и эконома отца Гervasия.

Когда рассвело, вдалеке на горизонте появились небольшие облака, которые быстро приближались со стороны Полигира. Спустя немного времени пошел дождь! Большая туча распростерлась прямо над окрестностями метохы вплоть до селения Портария. Дождь был настолько силен, что «напоил» землю. Бог услышал молитву Своего раба. *Волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит...*¹⁵⁵

А сколько еще людей, знавших старца Исаака, прибегало к нему в своих печалях и нуждах? Сколько бесчадных жен просило его молитв? И он никого не забывал.

* * *

Среди других послушаний старец подвизался и на просфорне. Там также остались неизгладимые воспоминания о его пребывании. Братия помнят не только о его старательности и трудолюбии, но и об удивительном чуде.

Обычно в монастыре выпекают каждую неделю 40–50 просфор. На это уходит примерно 32 кг муки. Для монастыря и подворья в Карее достаточно 15 просфор, остальные же раздаются как благословение подвижникам, живущим в окрестных краях от Нового скита до Кавсокаливии. Но в тот (1910) год хлеба было очень мало. В феврале старцы монастыря посчитали остатки и увидели, что их едва-едва

хватит до нового урожая. Позвав просфорника отца Исаака, они сказали ему:

– Отец Исаак! Пшеницы у нас мало, но при большой экономии должно хватить. Имей в виду, что для просфор остался только один сосуд муки и ее не хватит, если ты будешь раздавать просфоры пустынным. Поэтому сдерживай себя.

Будто молния поразила благословенную душу старца Исаака. Он ничего не сказал, но находился в большом недоумении и страшной печали. Он думал: «Что мне делать? Конечно, старцы правы, ведь остался всего лишь один сосуд с мукой. Но как я могу лишить пустынных благословения святого Иоанна Предтечи и не раздавать им просфоры? Как смогут они служить литургии во славу Божию и оставление грехов? Душа моя неспокойна».

Тогда старец прибег к молитве. Он подошел к иконе Иоанна Крестителя, которая висела перед просфорней, сотворил три земных поклона, с благоговением облобызал святые ноги Предтечи и от всей души просил открыть ему, что нужно делать. Отец Исаак очень почитал святого Иоанна, и когда молился ему, то разговаривал с ним с такой простотой и верой, как маленький ребенок беседует со старшим братом. После молитвы отец Исаак поднялся и с твердой решимостью и верой в сердце произнес:

– Честный Предтече! Я не перестану давать благословение подвижникам, а твоя святость пусть сотворит чудо, чтобы хватило муки до нового урожая.

И чудо совершилось. Мука в сосуде не иссякла. Тесто ставили, как обычно, вплоть до 22 июня, кануна монастырского праздника¹⁵⁶, когда к монастырской пристани причалил корабль с новой пшеницей с метохи Каламария!

Можно себе представить радость старца Исаака и его благодарность святому Иоанну Предтече, который явил свое заступничество в столь трудном деле.

Слезная молитва

Благодать Божия изобиловала в душе старца Исаака. Она наделила его душу умилением и дала ему божественный дар слез. Мы уже видели это выше, когда говорили о его сострадании и любви к нуждающимся и несчастным.

«Без слез и умиления никогда невозможно очиститься, ни стать святым, ни принять Святого Духа », – говорит преподобный Симеон Новый Богослов.

Глаза старца, особенно к концу его жизни, постоянно источали слезы. Много раз братия замечали, что его веки припухли и покраснели от слез. Проходя мимо келлии отца Исаака, они слышали молитву Иисусову, исходившую из глубины его сердца.

Весь день и особенно ночь проводил старец в молитве. Он старался выделить для этого побольше времени. Отец Исаак часами бодрствовал в ночной тишине и, находясь вне мира и всего земного, молился, проливая реки слез от присущего ему умиления и божественной любви.

Как-то отец Лазарь спросил его:

– Сколько часов нужно спать, отец Исаак?

– Поскольку ты молод, тебе хватит пяти часов: три часа ночью и два днем. Для старших же довольно три-четыре часа в сутки.

Сам старец спал один час днем и два ночью. Остальное время было посвящено общению с Тем, Кого неутолимо жаждала его душа.

«Когда мы жили в кафизме Святых апостолов, – рассказывал отец Лазарь, – и совершали службы вдвоем около двух с половиной часов по четкам¹⁵⁷, старец произносил первую сотницу негромко: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». На третьей же сотнице согревалось его сердце, и он не мог заставить себя молиться тихо, но с пламенной ревностью громко возглашал каждое слово... Услышав это, я изумился той любви ко Христу, которая переполняла его сердце».

Однажды ночью отец Лазарь собрался идти из кафизмы Святых апостолов в Карею. Что-то понадобилось для больного старца Модеста. Шел июль, и стояла сильная жара. Ночь была лунной. Когда отец Лазарь вышел из каливы и немного прошел вперед, ему открылась замечательная картина. Кто-то молился, стоя на коленях с воздетыми руками среди бесконечного ночного безмолвия и тишины природы. Это был старец Исаак!

Отец Лазарь остановился и пошел по другой дороге. Он посчитал кощунственным пройти мимо старца и испортить величественную картину.

Кто знает, какая божественная радость, какая небесная благодать осеняли в ту ночь светлый лик старца? Кто знает, чего просили у небес эти святые воздетые руки? Кто может знать, сколько слез напояло землю возле кафизмы Святых апостолов? Что это были за слезы, исходящие от божественного просвещения и отверзающие самое небо!

Блаженная кончина

Насколько вся жизнь старца была святой и благодатной, настолько блаженной и преподобнической стала и его кончина. Ведь если память смертная стала ежедневным и сладким хлебом для души человека, то и конец его, несомненно, будет христианским, безболезненным, непостыдным, мирным. Делатели добродетели ожидают смерть с радостью и спокойствием, поскольку уходят, покинув сию временную жизнь и переходя к другой, много лучшей и светлейшей, которой не будет конца.

Авва Исаак, мужественный письмоносец и скороход на монашеской стезе, *течение скончал¹⁵⁸*. Прошло шестьдесят лет подвигов и воздержания, молитвы и любви. Шестьдесят лет совершенного послушания и умерщвления своей воли, смирения и страданий ради Христа. Шестьдесят лет благодатной и святой жизни.

Авва Исаак принадлежал к числу тех святых мужей, которые прошли свою жизнь тихо и незаметно. Такими освященными образами Святая Гора непрестанно обогащает Тело Церкви. Они есть повсюду, но не так просто их обнаружить, потому что они умеют скрываться в неизвестности и молчании, прятаться за поношенными рясами, юродством и грубостью. Они подвизаются в больших киновиях и в скитах, в безводных каливах и суровых пустынях...

За несколько месяцев до кончины отец Исаак оказался в монастырской больнице. Его мучили боли в желудке. Больничный предложил ему позвать врача, отца Николая из соседней Григориатской обители, но старец не разрешил. «Оставь, дитя мое. Не беспокойся, не утруждай врача, чтобы он пришел сюда. Если Христос желает, чтобы я жил еще, то я буду жить. Если же пришел час умереть, Он меня возьмет. Хватит и того времени, что я прожил. На все воля Господня».

Глубокий мир отобразился на лице отца Исаака. Он не беспокоился, вверив свою жизнь и смерть воле Божией. В последние минуты отцы спросили его, видит ли он что-нибудь.

«Да, – ответил он. – Вижу льва, сидящего у порога. Он бьет хвостом, но ко мне не приближается».

Это был наш враг, *диавол*, который *ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить*¹⁵⁹. Он постоянно, до последнего издыхания подстерегает нас со своими обещаниями, клеветой, угрозами. Он всегда готов по исходе души потребовать ответа и предъявить свои права.

Но авва хранил спокойствие. Ангелы предстояли ему, ибо сам он явился подлинным воплощением ангельской жизни.

21 мая 1932 года подвижник киновии святого Дионисия, делатель блаженного послушания, почил в мире, предав свою преподобную душу в руки Божии. *Праведных же души в руке Божией, и не прикоснется их мука, и упование их бессмертия исполнено*¹⁶⁰, по словам ветхозаветного мудреца.

Умилительным было отпевание старца, который свыше шестидесяти лет пользовался любовью и уважением братий, а теперь, почив о Господе, лежал, закутанный в свою рясу.

И сегодня посетитель простого и тихого монастырского кладбища Дионисиата с волнением видит благословенную землю, покрывавшую некогда приснопамятного старца. Он может созерцать в костнице и останки отцов, среди которых и кости отца Исаака, в безмолвии ожидающие гласа архангельской трубы...

И когда паломник посмотрит в кладбищенские записи, то прочтет и эти краткие, но емкие слова, заключающие в себе подвижническое житие современного преподобного:

«21 мая 1932 г.

Преставился о Господе старец Исаак, 82-х лет от роду, родом из Каввакли Сорока церквей. Он пребывал в монастыре свыше шестидесяти лет и явился образцом и примером добродетели, правилом монашеской жизни. Он был исполнен святости.

Господь и Бог наш да упокоит его со святыми и богоносными отцами нашими, здесь просиявшими. Аминь.

Похоронен на нижней террасе.

Перенесение мощей совершено 25.09.1937 г.».

Часть 6. Духовник. Отец Савва

Начиная шестую часть книги «Образы современных святогорцев», мы испытываем особое удовлетворение, поскольку величественному образу иеромонаха Саввы (1821–1908) угрожала опасность быть поглощенным океаном забвения. Между тем было бы поистине жаль, если бы эта яркая звезда афонского небосвода пребывала в неизвестности.

Я помню, сколь ощутимой была благодатная атмосфера его присутствия, когда я в возрасте восемнадцати лет прибыл на Святую Гору, хотя он и умер тридцатью годами раньше. Мне постоянно приходилось слышать: «Здесь, напротив, на возвышении, в Малом скиту святой Анны, в каливе Воскресения, жил знаменитый духовник отец Савва»; «так сказал отец Савва»; «так поступил отец Савва»; «такие-то имена поминал, так-то служил, так-то исцелял одержимых бесами отец Савва » и т. д. В моем юношеском сознании отец Савва представлял как удивительный герой, как ширококрылый орел в недостижимой духовной вышине.

Если бы мы промедлили с составлением его биографии еще немного, оказалось бы поздно, потому что старые монахи, знавшие его лично, уходят один за другим. Слава Богу, что мы успели заключить среди страниц этой книги многоценное сокровище – сокровище, способное обогатить многие души, которые среди современного духовного оскудения взыскуют *твердой пищи*¹⁶¹ и принимают *то, что от Духа*¹⁶².

Отец Савва заслужил признание как великий подвижник, как равноангельный священнослужитель, как несравненный духовник и наставник человеческих душ. Успех его деятельности в качестве духовника был беспрецедентным, поразительным и напоминал богоносных старцев древности. Бесчисленные души, терпевшие бедствие, обрели близ него в тяжкие и беспокойные времена спасительную гавань, путь жизни, воду успокоения.

В самом начале мы воссоздаем также и образ его наставника. Речь идет об иеромонахе Иларионе, грузине по

национальности, который был удивительной личностью, благословенной ветвью, от которой родился священный цветок, словно изумительный Елисей от Илии Фесвитянина.

Сведения для биографии мы получили от множества пожилых афонских монахов, многие из которых находились в близких отношениях с отцом Саввой, а также из книг архимандрита Гавриила, игумена Дионисиата: «Лавсаик Святой Горы» и «Новый благодетель». Особенно помогла нам замечательная книга «Воспоминания. Святая Гора – Иерусалим» приснопамятного архимандрита Иоакима Специериса, доктора богословия и знаменитого проповедника.

В конце сего жизнеописания мы выражаем свое желание и мнение о причислении отца Саввы к лику святых, почитаемых Церковью. Ответственное церковное начальство должно удостовериться, что среди всех монахов Святой Горы существовала и существует несомненная и неоспоримая вера в святость сего старца. Мы испытаем великую радость, если будет по достоинству почтен тот, кто почтил Бога, кто украсил Афон, кто утолил жажду многочисленного народа, кто обратил сердца сыновей к Отцу¹⁶³, кто был духоносным наставником, *рекою текущею славною в земли жаждущей*¹⁶⁴, благоуханным и неповторимым цветком в священном Саду Богородицы.

Июнь 1972 г. Архимандрит Херувим

Он (духовник отец Савва) был привлекателен во многих отношениях – воздержан и великодушен, а бесстрастен до такой степени, что никто никогда не видел его в гневе, тревоге или унынии. Всегда благодушен, приятен, общителен. Великое множество монахов и мирян стремилось к нему на исповедь. Он неустанно изучал творения святых отцов и Священное Писание...

Хотелось бы, чтобы кто-нибудь взялся описать жизнь отца Саввы.

Архимандрит Иоаким Специерис.

Глава I. Чада пустыни. Образ отца

Вечерело. Во дворе Малого скита святой Анны, на склоне высохшей отшельнической горы, беседовали два монаха, старец и ученик. Вечернюю тишину нарушал только непрерывный шум моря, омывавшего подножие горы, – наилучший аккомпанемент к молитвам монахов, которые, стоя с воздетыми руками на вершинах обрывистых скал, образуют опору вселенной. Беседа продолжалась, пока младший не поднялся. Он поклонился старцу и направился к каливе, где ожидал другой монах.

– Ты закончил, отец Онуфрий?

– Закончил, отец Иларион.

– Тогда я пошел.

Легкими шагами молодой монах приблизился к старцу.

– Благослови, старче.

– Здравствуй, Иларион. Здравствуй, мой ангел. Садись.

Прошло не так много времени с момента пострижения отца Илариона. Любовь к Богу заставила его покинуть свою землю и родственников в селении Вриула близ Смирны и переселиться в страну подвижников. В течение трех лет (1879–1882) он был послушником, а когда облачился в ангельский образ, то почувствовал, что для него все изменилось. Он был уже не Георгием Хадзитассу, но отцом Иларионом, монахом Малого скита святой Анны. Он принадлежал не людям, а Богу и был исполнен божественной радости. Еще со вчерашнего вечера ему хотелось подольше побеседовать со старцем и вкусить радости от его слов, исполненных Божией благодати.

В откровении помыслов прошло некоторое время.

– Иларион, дитя мое, понравилось ли тебе данное мною имя?

– Еще как понравилось, отче.

– А знаешь, почему я избрал его?

– Как же не знать? Ты подарил мне имя «дедушки», твоего блаженной памяти старца отца Илариона.

В который раз на глазах отца Саввы показались слезы, лишь только ему пришел на память благообразный облик духовного отца.

– Да сохраняют нас его молитвы. Благословение его с нами. И я от всего сердца желаю, чтобы ты, дитя мое, унаследовал его дары. Внуки ведь вообще обычно походят на деда. Дай Бог, чтобы ты воспринял его добродетели и напоминал бы мне его не только своим именем, но и жизнью.

– Твоими молитвами, отче, Бог даст.

Старец помолчал немного.

– Подражай ему, дитя мое Иларион, чистотою своей жизни. Все наполнение его жизни, все мысли, желания, решения были окружены светом. В его светлом, добром лице с ясными глазами, казалось, отражалось сияние лика Господня. Из его глаз истекал райский свет. О, что это были за глаза! Много раз я не решался прямо заглянуть в них. Они буквально сверкали. Это был взор пророка.

– Ты говорил нам, отче, что у него был и дар прозорливости.

– Да, дитя мое. Как же иначе? Чистые сердцем приобретают пророческое зрение. Ведь что пишет наш наставник святой Василий Великий: «Непорочные и очищенные от всякой скверны души озаряются пророческим даром». Где чистота сердца, там и Дух Святой, «глаголавший пророки», ставит Свою кущу.

– Наверное, отче, он должен был иметь необыкновенную личную любовь к Господу?

– Дитя мое, его сердце сгорало от Божественной любви. Иначе что заставило бы его покинуть далекий Кавказ и поселиться в афонской пустыне? Без мысли о Христе он не мог существовать. Если бы ты видел, как он служил литургию, как причащался! Разве мог он прожить хотя бы день без Святого Причастия?! Он говорил: «Для меня жизнь – Христос»¹⁶⁵. А по пятницам, каждую пятницу, он, можно сказать, пребывал у креста вместе с Богородицей и Иоанном. Вот как глубоко он соучаствовал в Страстях Спасителя. В этот день он ничего не ел и не пил из благоговения перед ними.

Старец продолжал, и перед глазами ученика открывались добродетели и дарования блаженного старца Илариона, и молодой монах слушал, слушал и не мог насытиться. В его душе бушевали божественные желания, словно морские волны, гонимые могучим ветром.

– Он был подлинным святым, твой «дедушка». Пусть он будет тебе образцом, дитя мое Иларион.

В тот вечер, даже когда монах сомкнул веки своих глаз, его сон сопровождало ангельское видение – «дедушка» отец Иларион.

Пора и нам познакомиться с этим земным ангелом. Он, подобно плодоносному дереву, принес достойный плод. Одним из его духовных чад и был отец Савва, священный и незабываемый образ которого мы храним.

Иларион-грузин

У южных отрогов Кавказа, к северу от Армении, там, где мифические аргонавты добывали золотое руно, простирается Грузия. Это страна горная, живописная и плодородная, к тому же обладающая богатыми недрами. Веками ее населяли грузины – один из прекраснейших народов мира.

Этот народ с высокими духовными запросами рано – в конце III века – принял христианство и до наших дней, несмотря на все невзгоды и угнетение врагов, не предал сокровища Православия¹⁶⁶.

Грузины всегда с величайшей любовью относились к монашеству. К тому же и первые миссионеры, ставшие их просветителями, принадлежали к числу подвижников. Накал монашеской жизни был здесь столь высок, что его отголоски чувствовались и в дальних землях, вплоть до Палестины, Сина и Афона. Монастырь Ивиرون, третий среди афонских монастырей по своей древности и значению, основан грузинами, о чем свидетельствует и его название. Кто знает, скольких достойных подвижников могли дать столь многочисленные монашеские насаждения, сколь редкостные цветы должны были произрасти здесь, чтобы непрестанно возносить свое благоухание к небу, *на горы ароматов*¹⁶⁷! И благодатная личность Илариона-грузина, удивительного цветка грузинской земли, не может не поразить нашего обоняния своим чудесным благоуханием.

Прошло свыше ста лет со дня его кончины, но в памяти афонских монахов остается неизгладимым величественный образ отца Илариона Гиурдзи (это имя, скорее всего, связано с его происхождением и восходит к русскому названию «Грузия»). Все признают, что он был почтенным мужем, совершенным хранителем монашеского жития, прославленным духовником, достигшим вершины добродетели.

О его жизни в Грузии мы знаем мало, очень мало. Так что же побудило его покинуть отеческую землю? Несомненно, это была жажда высокого духовного полета, которому особенно

способствует спокойная, аскетическая, неотмирная атмосфера Афона. Быть может, сыграло свою роль и политическое положение в его стране, поскольку после 1807 года, когда царь Александр I насильственным путем присоединил Грузинское царство к России, там сложилась сложная и беспокойная обстановка¹⁶⁸. Возможно, повлияло на выбор отца Илариона и желание избавиться от давящего кольца почестей, воздаваемых всеми его добродетели. По-видимому, его слава распространилась по всему грузинскому небосводу, царь же страны обращался к нему для исповеди, именно его сделал своим духовником.

Прибыв на Святую Гору, отец Иларион, естественно, направился в монастырь Ивирон. Заботясь о покое, он обратил внимание на расположенные по соседству монастырские кафизмы и поселился в грузинской кафизме святого Иоанна Богослова. Знаменательное сочетание! Возлюбленный ученик Христа Иларион оказался под сенью возлюбленного апостола. Вскоре прибавился и третий возлюбленный: молодой ученик отца Илариона – Савва.

Отец Савва происходил из Восточной Фракии. Он родился в 1821 году в Афире, крупном поселке на берегу Мраморного моря. Это одно из тех мест, которые словно бы наделены даром рождать святых: ведь и в соседней Силимвриии родился, двадцатью пятью годами позже, епископ Пентапольский Нектарий, один из святых нашего времени.

Вероятно, богопросвещенный отец Иларион предвидел будущий успех отца Саввы и потому без колебаний принял его под свое духовное покровительство. К тому же ему хотелось иметь ученика-грека, помощника в изучении греческого языка, поскольку он, хотя и «был расположен ко всем, но не скрывал своей симпатии ко всему греческому, почему и предпочитал общаться с греками и жить среди них, любил молитву, чтение и богослужение на этом языке», как пишет о том архимандрит Гавриил в своем «Лавсаике Святой Горы».

Сияние добродетели и слава грузинского иеромонаха не позволили ему спокойно жить на новом месте. Пчелы находят цветы, таящие в себе нектар. Многие стремились познакомиться

с ним и изумиться его духовной высоте. Тех, кто слышал его историю, поражало то, до какой степени он решился изменить свою жизнь. Тот, кто в Грузии обладал великим богатством, теперь жил в своей келлии, не принимая денег. Тот, кто, будучи духовником грузинских царей, носил – этого требовал придворный этикет – великолепнейшую мантию, сиявшую от рубинов, жемчуга и 750-ти алмазов, ныне облачался в самую скромную монашескую одежду. Все это не могло не произвести впечатления на всех афонских отцов.

Особенно часто к отцу Илариону обращались русские монахи. Он хорошо владел русским языком и мог укреплять их во всех духовных нуждах. Его часто приглашали в монастырь святого Пантелеймона для исповеди, сделали единственным духовником монастыря и почитали как святого.

Кафизма святого Иоанна Богослова сделалась теперь открытой для всех и уже не давала желанного покоя. Слова псалма: *Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни*¹⁶⁹, волновали мысли старца и ученика. Отец Савва с чрезвычайным юношеским энтузиазмом то и дело ставил этот вопрос.

– Отче, давай убежим, давай удалимся, найдем священное безмолвие, водворимся в пустыне.

Они бежали от апостола и к апостолу же пришли: Иоанн Богослов передал их брату Господню. Их душа не могла и желать большего, чем можно было найти в пустынной кафизме святого Иакова, брата Господня, принадлежавшей монастырю Дионисиат. Согласно запискам самого отца Саввы, это переселение относится к 1843 году. С тех пор в их жизни начинается замечательное время, когда они *оставиша имя, еже поведати хвалы*¹⁷⁰.

«Охота» за Богом

История боголюбцев»¹⁷¹ рассказывает, как один военачальник, на коне, со своею свитою, оружием и собаками, выехал на охоту в горы. Перед ним появился некий подвижник.

– Что ты делаешь, сидя здесь, авва?

– А ты для чего поднялся сюда?

– Я? Я собрался на охоту.

– Мы оба заняты одним делом.

– Что? И ты охотишься?

– Конечно! Я ловлю Бога моего. День и ночь я охочусь за Ним, чтобы увидеть, удержать Его, заключить в мое сердце.

Военачальник был поражен этими словами. «Вот, – сказал он, – настоящий подвижник».

Все согласны, что «охотиться» за Богом лучше всего в пустыне. Вот почему оба наших подвижника трепетали от радости. Ведь их новое жилище было подлинным Кармилом, а они сами подобны Илии и Елисею, поскольку души их сгорали от любви к Богу.

К кафизме святого Иакова, брата Господня, нужно три четверти часа подниматься от монастыря святого Дионисия. Это спокойное, пустынное, уединенное место. Справа царствуют кустарники, дальше располагается отвесное русло оврага Аэропотам, где свищут ветры. Слева густые заросли громадных деревьев, лес, где нет недостатка в воде. Наверху голый, скалистый склон горы. На крыше кафизмы довольно отметин времени, и кто знает, скольким отшельникам она в свое время предоставляла приют?

Люди здесь не ходили. Подвижники стремились не к людям, но к пустыне, природе, солнцу, ветру, деревьям, кустарнику, птицам, гадам. Они выходили на грань общения с бесами, ангелами, со святым Иаковом, с Пресвятой Богородицей – Владычицей Горы, но прежде всего с Богом, ведь Его-то они и искали. Двадцать один год боролись здесь рабы Божии, чтобы обрести единение с Богом. Целых двадцать лет и один год они все восходили и восходили по лестнице Иакова¹⁷², не сгибаясь

и не малодушествуя. Их сердца окрылял пророческий голос: *«Приидите, и взыдем на гору Господню и в дом Бога Иаковля»*¹⁷³.

У них было и охотничье оружие: аскеза (воздержание, пост, бдение), которая умерщвляет плоть; изучение слова Божия – подлинного меча обоюдоострого; святоотеческие тексты, заключающие в себе бесценное богатство духовного опыта; непрерывное призывание имени Иисусова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»; наконец, почти ежедневное приобщение Чаше жизни, Трапезе манны небесной. Все это в изобилии находилось на достигнутой ими высоте, и всего удостоило их святое и священное безмолвие – то безмолвие, что явило в лице подвижников духа самые светлые, самые ангельские образы из рожденных женами¹⁷⁴. Именно ему посвятил свои бессмертные слова небоявленный Василий: «Безмолвие – начало очищения души. Ни язык не обсуждает дела того или иного человека, ни глаза не обращаются к телесной красоте, ни уши не ослабляют бодрость души, слушая сладостные мелодии или пустословие легкомысленных людей. Ум, не рассеиваясь среди внешних предметов и не истекая через органы чувств в мир, возвращается к себе, а от себя самого восходит к познанию Бога. Приближаясь к Богу, ум исполняется богатством сияния Божественной красоты, так что забывает и о себе самом».

С опытной точностью святой отец описывает восхождение, которое совершается в безмолвии. Последняя ступень здесь – Бог, то есть наиболее таинственная Красота. И среди сияния этой красоты забывает ум и о самом тварном естестве. Он зачаровывается, увлекается, пленяется, оказывается вне времени и пространства, теряет самого себя.

Блаженны, трижды блаженны души, сподобившиеся дерзнуть на такое небесное восхождение. Блаженны и вы, отец Иларион и твой ученик, духовные «альпинисты», чьи души восходят убеленными¹⁷⁵ и среди безмолвия ищут Бога. Мы чувствуем, что вы найдете Его, насытитесь Им и принесете Его нам, убогим, тем, которые обнищали зело¹⁷⁶.

Из книги пустыни

За двадцать один год аскетических подвигов и духовного полета сложилась целая книга пустыни. Эта книга отличается от привычных для нас, ее стоит внимательно перелистать, стоит приобщиться к удивительным страницам.

Скромность – как же иначе! – царила здесь во всем. Братия Дионисиата и многие другие прославленные отцы заботились о доставке пустынникам кое-какой пищи. Что же до удобных кроватей, простыней, тюфяков и тому подобных вещей, то нет нужды говорить, что всё это не вяжется с жизнью подвижников. Воды было сколько угодно, но за ней приходилось ходить в отдаленный лес, и этим постоянно занимался отец Савва.

Хотя основное внимание уделялось созерцательной жизни, не было недостатка и в физическом труде. Нужно было делать уборку в келлиях и, прежде всего, в храме, приводить в порядок окружающую территорию, по необходимости заботиться о нескольких оливах и остальных деревьях, препятствовать распространению кустарников и возникновению оползней. Много сил требовала заготовка дров, поскольку зима всегда была суровой и несла с собою опасности.

С особенным тщанием монахи предавались чтению, ведь книги всегда бывают лучшими друзьями отшельников. Ученик помогал старцу хорошо изучить греческий язык не только разговорный, но и язык священных книг. Действительно, священные книги написаны на греческом языке, и не знать его – большое упущение. Конечно, дело требовало большого труда, но, приложив старание, отец Иларион овладел языком.

Отлучаться из кафизмы приходилось редко. Только иногда старец проводил несколько дней в Русике в качестве духовника. Вот когда отец Савва, оставшись в полном одиночестве, ощущал величие пустыни! Бесов, пустынных жителей, имеющих обыкновение в час молитвы производить смущение, а то и непонятный шум, он не боялся. К этому он привык. К тому же на его стороне находился могучий покровитель – святой Иаков.

Изредка – на Рождество, Пасху, Пятидесятницу и в другие великие праздники – они покидали кафизму брата Господня. Спустившись к монастырю, они приносили с собою на праздничные всенощные бдения дыхание пустыни. Отец Иларион – величественный, благообразный, как все грузины, высокий, с внушающим почтение благородством, он украшал собою так называемые «старческие» стасидии. Целые ночи он проводил на ногах, и никто не видел его сидящим. Не покидал он и храм, хотя бы и ненадолго. Даже в промежутке перед началом литургии он оставался в храме. И, конечно, точно так же поступал и его духовный сын.

В начале уединенной жизни подвижников был момент, когда спокойствие кафизмы было нарушено присутствием строителей, которым пришлось возводить ее заново. Хотя отец Иларион и не просил игумена о починке кафизмы, но однажды зимой полуразвалившееся строение рухнуло само собою. Пришлось проделать значительную работу. С восточной стороны соорудили небольшой храм, к западу – келлию старца, и чуть ниже – келлию ученика. В скором времени состоялось и обновление церкви.

В остальное время здесь царил безмолвие. Только иногда им сопутствовал шум лесопилки, работавшей в ближнем лесу – шум размеренный и приятный. Это было единственным разнообразием среди звуков пустыни.

Под вечер 22 октября в жилище подвижников каждый год начиналось необычное движение. Едва наступала ночь, повсюду разливалось сладкое пение: это звонкие голоса афонских певчих с глубоким чувством возносили хвалу святому Иакову: «Кровью мучения священство украсил еси, священномучениче апостоле...». Так отмечалась память их святого заступника – не просто брата Господня, но и подвижника, и святителя, и мученика.

Святой Иаков был великой поддержкой для обоих отшельников, недаром *столпом*¹⁷⁷ называла его первохристианская Церковь. Особенно важна была эта помощь для молодого ученика. Сколь воодушевляла она его среди молитвенной борьбы! И чем сильнее нападал враг, тем крепче

поддерживал монаха брат Господень, и сам великий молитвенник. Ведь, страшно подумать, колени святого Иакова, по словам древнего церковного историка Егезиппа, стали мозолистыми, словно у верблюда, потому что он всегда молился на коленях и просил прощения народу.

Между небом и землей

Словно некая цветущая ветвь, пройдут перед нами нижеследующие записи. Каждый ее цветок – это достопамятный случай из жизни обоих наших отшельников. Они приблизят нас к божественным красотам, к чудесам блаженного послушания, к сиянию пророческих дарований, к живым откровениям сверхъестественного мира. Они убедят нас, что в пустыне исчезают мрачные завесы и открываются врата небесные.

* * *

Само дыхание Божества, само биение Неба ощущало их сердце в атмосфере пасхального таинства, во время Божественной литургии. С раннего утра отец Савва облачался в священническую одежду, и еще явственнее бился пульс литургии. Лишь немногие известные нам обстоятельства их жизни позволяют понять, что подвижники «парили превыше всего» и сослужили со служителями небесного жертвенника. Но об этом мы расскажем ниже, в отдельной главе.

* * *

Представьте себе, что вы столкнулись лицом к лицу с бешеной собакой, в глазах которой сверкает яростный огонь, клыки впиваются во все, что попадется, а лай заставляет содрогнуться! Это во всяком случае страшно. А поскольку такая собака бродит то здесь, то там, почему бы ей не оказаться в совсем уж неожиданном месте, хоть бы даже и в келлии отшельника?

Такой вот вовсе уж нежеланный посетитель явился как-то раз к кафизме святого Иакова. Какое же решение принял отец Иларион?

– Отец Савва! – закричал он. – Видишь того пса? Хватай его скорее и давай сюда.

Вот где добродетели ученика, его блаженному послушанию, пришлось выдержать самое тяжелое испытание. И что же? Спасует ли наш «боец»? Возможно, так и сделал бы кто-нибудь другой, но не отец Савва.

– Благослови, старче. Твоими молитвами.

Без колебаний, вооружившись верою в чудесную силу послушания, он перекрестился, попросил старца о молитвенной помощи и отважился совершить невероятное. Отцы пишут, что послушание подчиняет и диких зверей. И впрямь, не только сам Савва нимало не пострадал, но и бешеное животное получило исцеление.

* * *

Как-то раз отец Савва был поражен тяжелой болезнью. Много дней его мучил страшный жар, а улучшения все не было заметно. Старцу осталось прибегнуть к четкам, оружию преподобных. Он знал, что Господь не презрит его молитвы, но точно так же хотел и того, чтобы лечению содействовала добродетель самого ученика. И что же он задумал?

В их жилище был небольшой запас маслин, луковиц, сушеных бобов и т. д. Отец Иларион взял кое-что из этого и подошел к больному.

– Отец Савва, – позвал он его. – Съешь то, что я тебе дам, и будешь здоров.

Тот только что не рассмеялся при виде «лекарства». Однако вскоре отец Савва пришел в себя и, как верное чадло послушания, проглотил все это.

И ему не только не стало хуже (врач, узнавший позднее об этом происшествии, не поверил собственным ушам от изумления), но его болезнь, напротив, совершенно прошла.

* * *

Янис Ремундос, молодой студент политехнического института, родом с острова Андрос, вместе со своим братом Георгием пришел в монастырь Дионисиат, желая стать монахом. Через несколько дней ему разрешили остаться, а брату предложили обратиться в другой монастырь. На следующий день после горького расставания Янис, отправившись за каким-то делом в лес на лесопилку, решил заглянуть к двум отшельникам, чтобы познакомиться с ними и попросить их помолиться о его дальнейшей жизни.

– Заходи, чадло, – услышал он незнакомый голос. Это был отец Иларион, сидевший у дверей. – Добро пожаловать.

А после приветствия он сказал:

– Будь терпелив, дитя мое. Соблюдай терпение и послушание и не печалься о разлуке с братом. Сейчас он будет жить в монастыре Ксенофонт, а потом станет игуменом.

Молодой ученик исполнился изумления от услышанных им необычайных слов. Ему показалось, что перед ним какой-то библейский пророк.

– А теперь, чадо, поклонись святому Иакову. Положи три поклона и поцелуй его образ.

По-отечески похлопывая ученика по плечам, Иларион продолжил:

– Люби и почитай единоименного тебе апостола. Он будет тебе лучшим покровителем.

– Но, святой отче, меня зовут не Иаковом.

– Да, чадо Янис, но ты будешь и Иаковом. Только смотри, до пострижения никто, кроме тебя, не должен знать, что сказал тебе сегодня какой-то безумный старец.

Ни когда Янис получил имя Иакова, ни когда его брат стал игуменом в монастыре Ксенофонт, отец Иларион не подвергся опасности стать жертвой честолюбия, ибо эта угроза не существует для усопших.

* * *

1854 год был печальным и беспокойным для России. Незадолго до того она поссорилась с Османской империей и теперь оплакивала свое несчастье. Нужно было противостоять не только туркам, но и многочисленной враждебной армии англичан и французов. Крымский полуостров сделался полем ожесточенных боев, а Севастополь подвергся тяжелой осаде. Будущее выглядело мрачным.

В таких обстоятельствах русские цари не забывали о преподобных старцах. Они прибегали к их поддержке, как некогда израильские цари – к пророкам. Вот и в это время парусное судно с офицерами Николая I на борту отправилось на поиски человека Божия. Корабль направился на Афон и бросил якорь в монастыре святого Дионисия. Офицеры хотели видеть отца Илариона, намереваясь спросить его об исходе войны. Старец, будучи чадом смирения, не желал, чтобы его почитали как пророка. Однако они, зная его духовную силу, не сдавались.

Три дня судно стояло у монастырского причала, и в конце концов старец уступил. Он взял в руки свои чудотворные четки и, обратившись к Богу, Господу времен и веков, узнал ответ на заданный вопрос.

– Россия испытает несчастья и под конец будет побеждена, но не понесет территориальных потерь.

Вот что узнал царь об исходе Крымской войны 1854–1855 годов. Будущее подтвердило слова старца из афонской пустыни.

Разлука

Приходя в возраст, отец Иларион становился все светлее и душою, и телом. Седовласый, приятный в обращении и разговоре, любезный ко всем, исполненный ангельской благодати, своим величественным обликом, пресветлым душевным миром он заставлял вспоминать евангельское изречение: *«Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве»*¹⁷⁸.

Он подвизался много лет, просветил свой ум, озарил, будучи духовником, множество душ, возвел на вершины добродетели своего ученика, прославил имя Господа своего, укрепил мир своими молитвами, благоухая, *якоже корица и яко аспалаф ароматов*¹⁷⁹. И теперь оставалось лишь срезать спелую ветвь и поместить на лоне торжествующей Церкви.

В начале Святой Четыредесятницы отец Иларион пришел в монастырь святого Пантелеймона исповедовать братию. Здесь 14 февраля 1864 года его и застала смерть, препроводившая душу в светлый край вышнего благоволения.

Но разлука всегда бывает горькой. Великое страдание овладело как душою отца Саввы, находившегося тогда в Русском монастыре, так и душами всех других монахов. Они потеряли своего отца. Смерть такого духоносного отца создает ощущение невосполнимой утраты, а это ведет не только к печали, но очень часто и к отчаянию. В таких-то обстоятельствах и слышатся скорбные голоса: *«На кого покинул ты, отче, своих чад, которых миловал, как отец поистине сострадательный и любящий?»*.

Свою кончину отец Иларион предчувствовал, как и все богоносные мужи. К тому же он предвидел, что русские монахи будут почитать его как преподобного, а тело его – как святые мощи. Глубокое смирение старца заставило его принять свои меры. Итак, он заповедал отцу Савве воспрепятствовать своему погребению в Русике и похоронить его там, где он начал свои покаянные труды – в келлии Иоанна Богослова при Иверском монастыре.

Старец, как было сказано, почил в Русском монастыре, и отец Савва не знал, как исполнить его последнее желание. Отцы Руси́ка были непреклонны. Что же ему оставалось? Ночью, когда все спали, Савва забрал останки своего старца и, оставшись незамеченным, перенес их в уединенную келлию Иоанна Богослова. Теперь благодать святого ученика – наперсника Христова – осеняла блаженное тело покойного отца Илариона. Он мирно покоился на месте своего первого аскетического поприща, где некогда лился пот аскетических подвигов, а теперь лились неутешные слезы ученика.

В 1867 году, три года спустя, весь монастырь святого Дионисия бурлил от сильного волнения. Со всяческим почтением, но и не без торжественности совершалось перенесение останков приснопамятного отца Илариона в усыпальницу монастыря.

«Возьми мои кости после раскрытия могилы, перенеси их в усыпальницу монастыря святого Дионисия и перемешай там с костями других отцов», – заповедал отец Иларион отцу Савве. Заботясь о смирении, подвижник не хотел, чтобы его кости были выставлены для всеобщего почитания. Он желал, чтобы их смешали с другими и не различали больше. Честные мощи стольких преподобных отцов должны были взыграть от радости, принимая в свою среду многоценное сокровище. С тех пор они, вместе с останками более ранних подвижников, ожидают того часа, когда труба архангела воскресит их. *И кости их яко трава прозябнут*¹⁸⁰.

* * *

В завершение того, что относится к удивительной личности отца Илариона, мы должны заметить, что его образ в афонской традиции был наделен многими сияющими венцами. Весьма пожилые отцы рассказывают о нем случаи, относительно которых приходится сомневаться, принадлежат ли они к области истории или легенды. В некоторых из них, как и в нижеследующем, повествуется о напряженности его аскетической борьбы.

Как-то раз старец Иларион закрылся в башне – одной из тех, что строились на Святой Горе из страха перед пиратскими

набегами. Там он желал полностью закрыться от внешнего мира и всецело погрузиться во внутреннюю жизнь с ее духовным напряжением. Отец Иларион положил себе правилом не поднимать глаз к окну. Нельзя было допустить, чтобы посторонние предметы отвлекли его ум от молитвы и трезвения.

Что же задумали тогда извечные враги подвижников, лукавые бесы? Пока он мысленно путешествовал в тонких духовных сферах, те незаметно собрались к башне, за ее дверь, и внезапно пошли в атаку. Послышались голоса, призывные крики: «Где ты, старец Иларион?», жалобные вопли, удары в дверь, великая суматоха. Тогда подвижник произвольно, думая, что происходит нечто очень важное, прервал молитву и, исполненный недоумения, выглянул из окна. Тут-то и послышался радостный клич бесов. Хлопая в ладоши, бесы вопили: «Мы победили тебя, старец Иларион! Мы победили!».

Их величайшим желанием было не просто одержать победу, но известить отца Илариона совершенно, если бы это было возможно. Но это желание так и осталось невыполнимым: бесы знали лишь поражения в своей борьбе. Поражения по-прежнему доставались им и от его достойного ученика.

Глава II. Восхождения. К пресветлым светильникам

Кончина старца многое изменила в жизни отца Саввы. Прежде всего ему пришлось покинуть дорогое ему место уединения и спуститься в монастырь Дионисиат. Неизвестно, сделал ли он это по собственной воле или же подчиняясь желанию отцов монастыря либо завещанию покойного отца Илариона.

С болью в душе он сложил свои скромные пожитки, с великим благоговением собрал те вещи, которые остались ему от старца. Среди них выделялся большой и тяжелый металлический крест, который тот носил на своей груди, а также удивительной работы деревянное распятие, произведение древнего грузинского мастера, привезенное отцом Иларионом из Грузии.

Со слезами на глазах отец Савва помолился святому Иакову, своему покровителю, прося того о прощальном благословении. Он попрощался со всем миром пустыни и, расстроенный, спустился к монастырю.

Святой Иаков, можно сказать, побеседовал с отцом Саввой. В ушах монаха словно бы звучали последние слова его послания: *«Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов»¹⁸¹*. Откуда было знать отцу Савве, что за священное поприще открывалось перед ним! Скольким душам предстояло встать на путь покаяния! Искать спасения подле него будет не один и не двое погибших.

Для общежительного монастыря Дионисиат отец Савва был Божиим благословением, очагом духовного благоухания, богодарованным цветком, исполненным небесного нектара. Все жаждали приблизиться к нему и вкусить его духовного богатства. Для самого же отца Саввы положение выглядело иначе. С юных лет привыкший к безмолвию, он не находил покоя в многолюдном обществе киновии. Он ощущал над собою ее гнетущую атмосферу. Подвижника снедала жажда

безмолвия, душа его жаждала какого-нибудь пустынного приюта.

Когда он открыл это свое желание игумену, то столкнулся с некоторым затруднением, поскольку никто здесь не хотел лишиться его присутствия. Отцу Савве противились и игумен, и братия, относившиеся к нему с таким почтением и любовью. В конце концов им, однако, пришлось уступить, чтобы он не истаял из-за любви к безмолвию. К тому же не в их силах было отменить то, что замыслил об отце Савве Господь.

Небольшая убогая калива высоко в горах, напротив Малого скита святой Анны, матери Пресвятой Богородицы, посвященная тогда великим святым Онуфрию и Петру Афонским (потом, как будет сказано ниже, ее освятили в честь Воскресения Господня), была именно тем, что искал отец Савва.

Это место очаровало его. Каждая калива, каждый утес, каждый грот сего скита скрывали в себе какую-нибудь удивительно благодатную историю. Чуть ниже его каливы находилась пещера, где некоторое время подвизался знаменитый монах и великий благовестник поработленного греческого народа Агапий Ландос (XVII в.), происходивший с острова Крит. Здесь совершались его великие духовные восхождения, здесь же он написал свою прославленную и общеизвестную книгу «Спасение грешников».

В другой пещере, чуть дальше, в конце XVI века совершали свои аскетические подвиги первые насельники Малого скита святой Анны: преподобный Димитрий Ритор, студийский монах, и его ученик, преподобный Митрофан. «Светильницы всесветлые, просвещающие всю пустыню афонскую лучами ангельского жития своего», – говорит о них гимнограф отец Герасим, монах Малого скита святой Анны.

Но и в современном отцу Савве скиту были монахи, выделявшиеся своей добродетелью. Так, в каливе Успения Богородицы жил знаменитый духовник отец Григорий, выходец из Месолонги, которого звали «пустынным Василием Великим». Ему исповедовался такой выдающийся деятель, как патриарх

Иоаким III, который в течение двенадцати лет (1889–1901) монашествовал на Святой Горе, в живописном Милопотаме¹⁸².

Само собой разумеется, что столь исключительный духовный климат исполнил радости душу отца Саввы. Новое место пребывания представлялось ему спокойной и пустынной горою Кармил, однако Господь замыслил превратить ее в часто посещаемую Силоамскую купель. Итак, пускай дела вершатся согласно Промыслу Доброго Пастыря нашего, ведь Он лучше знает, где и когда есть нужда в лучах всесветлых светильников, каким был отец Савва.

Община отца Саввы

Души людей, которых привлекает монашеская жизнь, нуждаются в опытном руководителе, и, встретив такого человека, они ревностно следуют за ним. Естественно, что жаждущие души не могли не устремиться к отцу Савве, чтобы утолить свою жажду. Вскоре вместе с ним поселились монахи, составившие его общину. В общем, этого желал и сам отец Савва, ведь в одиночку он не мог даже служить литургию. Всего было пятеро человек, которые упоминаются в качестве его учеников: Онуфрий, Иларион, Петр, Анастасий и Савва.

Первым из них был отец Онуфрий, родом из окрестностей Константинополя. Он получил имя одного из святых покровителей келлии, который должен был воодушевлять его во время аскетической брани, и действительно, он очень походил на святого Онуфрия своим аскетизмом. Единственным внешним отличием был недостаток растительности на его лице. Но, конечно, имело значение не это, а великая добродетель отца Онуфрия, его благочестие, целеустремленность, а также образованность, природная одаренность и многочисленные таланты, проявлявшиеся в склонности не только к различным ремеслам, но даже к приготовлению пищи. Он изучил и искусство иконописца, что позволяло добывать необходимые средства для существования общины. Отец Онуфрий был правой рукой старца и главным смотрителем всех дел каливы, а позднее, когда отец Савва всецело посвятил себя духовному деланию, сделался вторым старцем. Этот первый ученик отца Саввы стал для него благословением Божиим.

Приход на Афон второго ученика связан с волнующей историей. В 1879 году двадцать жителей Вриулы близ Смирны, тосковавших по духовным подвигам, приняли отважное решение. Однажды ночью, никем не замеченные, они, погрузившись в лодку, распрощались с тщетой мирской жизни и причалили к Уделу Богородицы, чтобы пополнить ряды земных ангелов. Тогда отцу Илариону было 25 лет. Среди его товарищей находился и ставший позднее знаменитым отец Кодрат,

будущий игумен монастыря Каракал. Дальнейшая жизнь самого отца Илариона столь же достойна восхищения, как и его порыв. В его лице ожило не только имя «дедушки», покойного старца Илариона, но и его достоинства. Он был высоким, стройным, светловолосым, а его лицо излучало свет, доброту и мир. Его необыкновенная простота, доброта, выражение лица, взгляд напоминали ангельский мир. Почтение отца Илариона к старцу не имело пределов. Ради него он готов был пожертвовать собой. Часто можно было видеть, как он с мешком на спине доставлял в каливу все необходимое для Божественной литургии, съестные припасы и вообще все, в чем была нужда.

Отец Анастасий, брат отца Саввы по плоти, по-видимому, поздно явился на Афон и – это мы знаем достоверно – умер раньше своего брата.

Двое других – Петр и Савва – не продвинулись далеко в монашеской жизни. О первом из них известно, что он умер преждевременно (14 февраля 1907 г.) от тяжелой болезни. Второй, к которому отец Савва проявил особую любовь и даже дал ему свое имя, уехал со Святой Горы и закончил жизнь в одном из монастырей Пангея¹⁸³. Иногда монашеская жизнь не удается ученикам святых старцев, такое явление встречается в истории монашества.

Членом их общины был и приснопамятный старец отец Иларион. Его имя всегда было на устах у отца Саввы. Он упоминал его столь часто и описывал столь яркими красками, что тот как живой представал перед глазами учеников. Подобно тому как в памяти пророка Елисея не мог поблекнуть образ Илии Фесвитянина, так из сознания отца Саввы не мог изгладиться и его старец. Своими вещами, заповедями, письмами, написанными его рукою, всей своей яркой историей он наполнял атмосферу каливы. Его присутствие стало особенно ощутимым после следующего события.

Когда была завершена церемония положения останков отца Илариона в усыпальнице Дионисиата, отец Савва горячо просил игумена об одной милости: разрешить ему взять честную главу. Возражений не было, и отец Савва с неизмеримой радостью перенес ее к себе в каливу. Что за волнение, какие молитвы,

какие слезы окружали ее там ежедневно! Теперь калива благоустроилась, украсилась, исполнилась благоухания. Небо над ней стало еще более сияющим и исполнилось еще большей святости.

Духовное окормление

Для того чтобы обогатиться Богом, недостаточно только чтения или диплома по богословию. Необходимо неустанно сражаться, грудь в грудь, с ветхим человеком, скрытым внутри нас. Требуется героическая *брань против властей тьмы*¹⁸⁴. Только так воспитываются и проявляются божественные учителя и духовные наставники.

Недавно один знакомый иеромонах написал мне о неопытных людях, занимающихся глубокими духовными проблемами: «Осмелюсь утверждать, что их труд совершенно бесполезен, поскольку они не обладают трезвенным образом жизни и не знают аскетической традиции. Видите ли, дорогой друг, одно дело – ученость, и совсем другое – традиционная аскеза. Одно дело – изучение, и другое – личный опыт. Одно – школьная парта, и другое – послушание. Осмелюсь утверждать, что традиция – это присутствие Святого Духа, преемство Духа».

Нетрудно разглядеть важность этих рассуждений. Изучивший божественные предметы находится на низкой ступени. Изучивший и испытавший божественные предметы стоит на вершине пирамиды¹⁸⁵. И если отцу Савве предстояло проявить себя в качестве великого духовного питателя, то обязан он был этим своему богатому опыту духовной жизни, приобретенному собственной борьбой и трудами. Двадцать один год в кафизме святого Иакова, брата Господня, да еще немало лет в скиту Иверского монастыря он подвизался как ученик под наблюдением опытного духовного отца, живого носителя и продолжателя традиции. Поэтому и мог он выступить теперь как *законоучитель, уважаемый всем народом*¹⁸⁶, неизмеримо богатый духовным опытом.

Можно себе представить, какие сокровища аскетической премудрости исходили из его уст в беседах с учениками, какие необыкновенные описания благодатного жизненного опыта браней, опасностей, восхождений, озарений!

«Дети мои, – говорил он, – будьте внимательны к искушениям „справа“. Они влекут нас к чрезмерным подвигам,

ужесточению поста, созерцательной жизни, удалению в глухую пустыню. Они прикрываются справедливыми основаниями, а *внутри суть волки хищные*¹⁸⁷. В них скрывается наша гибель. Не попадемся же в их ловушку. Таких скороспелых плодов не приносит Божия благодать. Я многое прошел, и обладаю горьким опытом знакомства с бесом „справа».

– Отче, – попросил я однажды покойного отца Илариона, когда мы монашествовали в келлии Дионисиата, – я желаю полного одиночества, совершенной пустыни. Я хочу остаться с Богом „один на один». Дай мне благословение подняться выше, чтобы найти какую-нибудь пещеру и подвизаться там.

Вот какими помыслами и желаниями осаждал я его. Мою жажду он находил вполне богоугодной. Однако, будучи опытным и богопросвещенным наставником, он разглядел „прельщенную мысль», опасное увлечение юношеского энтузиазма, преждевременную и неуместную аскетическую ревность. Но он не хотел противодействовать моей столь пламенной жажде.

– Иди, дитя мое, иди, – говорил он мне. – Раз ты этого хочешь, то иди, и Христос примет твоё желание.

Вечером, поселившись в какой-то пустынной пещере на оголенном склоне горы, я направил к Небу благодарственные молитвы. „В эту ночь, – говорил я, – можно будет насладиться молитвой!» А ниже, в кафизме святого Иакова, старец со своими четками молился Богу, чтобы Тот дал мне хороший урок, соответствующий моему высокомерию и поспешности.

Сгустилась ночная тьма. Я, погруженный в молитву, вкушал безмолвия, но не смог особенно насладиться им, потому что с неба неожиданно обрушился ливень. Шум, грохот деревьев и камней, свист... Они заслонили мир. Всё кругом бесновалось¹⁸⁸. Мне грозило умопомешательство. Мною завладел великий страх, и я сам не заметил, как возвратился к святому Иакову, под отеческий кров. Упаси меня Боже от такого безмолвия!

И хорошо, что Бог, благодаря молитвам старца, попустил демонам устрашить меня, ведь, оставшись там, я испытал бы еще худшие беды. Это было поистине незабываемое испытание и незабываемый урок!».

Со временем многие стали находить себе пропитание в богатых духовных житницах отца Саввы. И, конечно, вкушавших плодов его премудрости стало еще больше, когда он получил достоинство и благодать духовника. Теперь пустота, образовавшаяся по смерти отца Илариона, была заполнена с избытком.

И хотя спокойствия в каливе становилось всё меньше и меньше; хотя приходилось обслуживать посетителей; хотя отец Онуфрий с его художественными дарованиями вынужден был всё больше времени отдавать иконописи, чтобы покрывать затраты на хозяйственные нужды; хотя требовались труды и хлопоты, – все это не имело значения. Над всем *да будет воля Твоя*¹⁸⁹. Разве ученики Господни не уставали, когда предстояло накормить пять тысяч человек?

Но о деятельности отца Саввы в качестве духовника, о том, как он *отверзе, словно новый Иосиф, вся житницы и продаяше всем египтяном*¹⁹⁰, мы расскажем чуть ниже.

«Одушевленный столп добродетелей»

Если бы отец Савва даже и не упоминал о духовных высотах, если бы непрерывно соблюдал молчание, его повседневная жизнь звучала бы как самая красноречивая проповедь. На нем, словно на некоем одушевленном столпе, были начертаны все добродетели преподобных отцов.

Он много заботился о воздержании и самообладании. Много раз отец Савва, как говорится в аскетическом языке, *полагал пределы* воздержания, которые соблюдал строго и неуклонно. Достоин восхищения и то, что он не отказался от этих подвигов, даже достигнув глубокой старости.

Вот что рассказал нам монах Нового Скита старец Симеон: «Некогда духовнику запало в голову, что он должен оставлять небольшую часть той пищи, что ему давали, „ради Господа“, ради любви Господней, ради воздержания. Что же сделал по Божию попущению враг? Отец Онуфрий, его ученик, видя, как старец оставляет кушанье и хлеб, решил, что тот не может съесть все, и потому уменьшил его долю. Духовник, раз уж он решил оставлять что-то недоеденным, продолжал делать это. Ученик опять уменьшил долю, так что старец подвергся опасности голодной смерти. При этом он не говорил другим ничего. В то время мне довелось прийти на исповедь к духовнику, и поскольку он задерживал меня дольше других и очень меня любил, то и сказал мне во время исповеди: „Сейчас, чадо Симеон, я близок к смерти“. Он поведал мне, как некую тайну, то, что произошло, причем велел никому не говорить об этом. Я, однако, предпочел сказать и, бросившись бегом к старцу Онуфрию, сообщил ему об этом. Тогда тот исправил свою ошибку, чтобы духовник мог дожить до естественной смерти».

Благодаря этим героическим подвигам отец Савва приобрел над собою неограниченную власть. В его душе всегда царила тишина, среди которой не могло появиться никакой волны гнева, беспокойства, печали или расстройства. Те, кто были знакомы с отцом Саввой, утверждают, что никогда не

видели его разгневанным или расстроенным, в беспокойстве или волнении. Он достиг вершины бесстрастия.

Если случалось, что кто-нибудь задевал или огорчал отца Савву, это не могло расстроить его или умалить его любви.

Как-то в его каливу явились мелочные торговцы.

– Мы прибыли из Сикий, что на Халкидиках, – сказали они.

– Мы доставили к пристани внизу отличный мед. А вот и образец. Хотите купить?

Мед с сухарями входил в состав постной пищи, которая употреблялась в каливе. Поэтому отец Иларион вскоре принес кувшин «отличного» меда. Однако стоило лишь его открыть, чтобы убедиться, что их обманули. В кувшине был грубый безвкусный сироп, вовсе не походивший на мед.

– Пойдем в церковь, – сказал отец Савва, исполненный мира. – Прочтем за них сотницу, чтобы Бог простил их.

По прошествии некоторого времени кувшин был заменен. Дело в том, что мошенники, чья лодка подверглась в море большим опасностям, рассудили, что виною здесь их обман, совершенный по отношению к духовнику, и решили исправить свой грех.

Отец Савва был очень осторожен в своих суждениях о других людях. Он, как правило, избегал порицать и, напротив, заботился о том, чтобы превознести и похвалить человека.

– Что за человек такой-то? – спрашивали его.

– Хороший, очень хороший, святой человек, – отвечал он им.

Он был недостижим и в делах милостыни. Как мы увидим ниже, ему исповедовалось множество монахов и мирян, и, как бы кто ни нуждался, всегда старался принести старцу побольше подарков. Тот раздавал почти все. Поэтому, когда нужно было сделать какой-либо ремонт в храме, в его распоряжении не было необходимых денег. Те, кто видел это, восхищались великим нестяжанием старца.

Дар прозорливости

В четырнадцатилетнем возрасте на меня произвела большое впечатление такая история.

Одна благочестивая девушка из соседнего с нами дома в Пирее сменила мирскую суету на монашеское и целомудренное житие. Ее родственники и особенно братья, во главе с Дионисием, старшим из них, искали ее повсюду. Возмущенные, в весьма злобном расположении духа, они пылали гневом против нее и против монастыря, который ее принял. Они, однако, не могли ее найти, пока не обратили свое внимание на район Парнета¹⁹¹. Их сестра находилась там, в монастыре святой Параскевы. Там и шли теперь поиски.

Братья вошли в ворота. Прямо перед собой, на балконе, они заметили какого-то пожилого монаха. Естественно, он был им незнаком. Они не знали ни того, что его зовут Иероним, ни того, что он духовник, ни того, что он слеп и, следовательно, также не знает их. Иеромонах, однако, застал их врасплох. Он поднялся со своего сиденья и обратился к ним с приветствием: «Здравствуй, Дионисий. Проходите, пожалуйста. С приездом. Ваша сестра у нас».

Но они еще более были поражены, когда увидели, что старец совершенно слеп. Все они стояли, как громом пораженные, и испытывали священный трепет перед некой тайной. Слепой человек видит! И не только видит, но и знает, кто ты и зачем пришел, называет тебя по имени! Безграничное благоговение и одновременно некий страх охватили их души. Перед ними стоял пророк.

И что же? Они не только не побеспокоили свою сестру и не стали устраивать бесчинства в монастыре, но и сделались из непримиримых врагов почитателями монашества. Они не находили слов, чтобы прославить этого удивительного человека Божия.

Я помню, что все соседи обсуждали их неожиданное обращение. Они не верили своим глазам, видя такое чудо. Помню, что и меня потрясло это происшествие. Это оно

распалило в моей душе высокие помыслы. Мое восхищение слепым отцом Иеронимом не имело границ. Тогда я впервые узнал, что существуют люди, одаренные прозорливостью.

Высокой степенью этого дарования располагал и отец Савва. Те, кто беседовал с ним, спрашивал его совета или приходил к нему на исповедь, бывали исполнены изумления. Они замечали, что его взор проникал в глубины их сердца и читал их сокровенные мысли. Он делал явными их скрытые грехи, напоминал о забытых и неисповеданных прегрешениях, раскрывал ловушки дьявола, предвидел даже, что готовит им будущее.

– Ты уедешь со Святой Горы, – сказал он однажды отцу Григорию из монастыря Григориат, – но вернешься. Это повторится еще раз, но в конце концов ты уедешь.

И действительно, отец Григорий убедился, что слова отца Саввы исполнились буквально. Когда он в последний раз покинул Афон, то остановил свой выбор на монастыре Вулкана в Месинии.

Отец Савва никогда не ошибался в своих предвидениях. Никогда он не бросал слов впустую. Словно с великим Самуилом, *Господь бе с ним, и не паде от всех словес его на земли*¹⁹².

Однако что же происходит в уме прозорливого человека? Может быть, ему сокровенным путем представляются определенные истины, и он открывает их? Может быть, он своей святой жизнью очистил и расширил зрачки своих плотских глаз? Насколько здесь действует естественная чистота и насколько – Божественное озарение? И еще, может ли предвидение провидца иметь свои пределы?

Мне представляется, что в самых общих чертах носитель пророческого дара уподобляется человеку, который, поднявшись на вершину горы, естественно, видит оттуда больше, видит дальше, видит то, чего не могут видеть другие. И когда он беседует о том, что заметил, то выражается с большой естественностью и уверенностью, без малейшего сомнения.

Прекрасно формулирует эту истину великий светильник Православной Церкви святитель Григорий Палама: «Насколько

человек подготовил себя к приятию силы Божественного Духа, настолько он и видит». Это значит, что все мы находимся в атмосфере даров Святого Духа. Но обладателями этих даров становятся только те, кто боролся ради того, чтобы придать чистоту и благолепие сосудам своей души.

Поскольку отец Савва поднимался к высочайшим духовным вершинам, его не только озаряли изобильные и многосветлые лучи богоначального солнцесияния, но он вкушал и невыразимые состояния духовного веселия: воспламенялся от неугасаемой боговидной теплоты; освежался сладчайшими дуновениями Святого Духа; бывал увлекаем надмирными мелодиями и славословиями. Его пьянили неописуемые красоты боговидного благоукрашения, ангельского благочиния, небесного и богоначального благоухания, неприступных таинственных созерцаний *во внутреннейшем завесы*¹⁹³, сверхсущих излияний Фаворского света. Так, поднявшись к свету и исполнившись Божественных озарений, он был способен сиять сам и просвещать заблуждающихся, препровождать их от тьмы к свету и от света – к еще более яркому свету, «просвещаемому и просвещающему, по слову преподобного Симеона Нового Богослова, подобно солнцу, всех к нему приходящих свету ведения».

Глава III. Духовная лечебница. Выдающийся духовник

Когда у дерева есть плодородная почва, влага и свет, оно растет, приносит плоды и становится деревом тенистым, под которым укрываются многие¹⁹⁴.

Нечто подобное происходит с опытным духовником. Бедствующие души будут стремиться к нему от засухи зла, чтобы найти живительную прохладу. Они очистят, омоют, убелят свои одежды. И если сам духовник стоит на вершине добродетели, если он исполнен просвещающих даров и несет в своей душе Бога, то ни дней, ни ночей не будет достаточно для того, чтобы принять всех людей, стекающихся в его исповедальню. И сами они устанут часами и днями ожидать своей очереди. А если у старца есть спутники, то его ученикам придется вычеркнуть из своей жизни слова «безмолвие» и «покой». Даже почтальонам придется помучиться из-за переписки, которая неизбежно возникнет.

Со всем этим мы столкнемся в случае с отцом Саввой, который день ото дня все более проявлялся и узнавался как ревностный врачеватель душ. Близкие к старцу люди, вдохновленные его образом, не переставали говорить о нем по всему миру. Слава об отце Савве как о замечательном духовнике распространилась во всех пределах Православной Церкви.

Его снисходительность, великодушие, способность располагать к себе, прозорливость, способность утешить, вдохнуть силу и наставить на путь истинный, соединенные со святостью жизни, делали отца Савву несравненным духовником. «...Многие из исповедовавшихся ему монахов и мирян, – пишет игумен Дионисиата Гавриил, – еще живы. Все они с благоговением вспоминают его приветливость, отеческую любовь, сочувствие и, прежде всего, снисходительное обращение с кающимися, пусть даже и в тяжких грехах. Из крошечной, устроенной в виде крипты, исповедальни кроткого духовника никто не выходил без утешения».

Если сравнить выдающихся афонских духовников с великими святителями, то отца Савву следовало бы назвать Златоустом. С другой стороны, и сами отцы Святой Горы, столь скупые на похвалы, без колебаний называли его «Златоустом среди духовников».

Собираясь рассказать о труде знаменитого духовника, мы ощущаем свое бессилие изложить всё надлежащим образом и опасаемся умалить его. Однако нельзя допустить и того, чтобы оставались в неизвестности удивительные дела, которые через него совершил Бог. Мы сможем лишь безыскусно поведать о немногом, читатель же пусть представит себе многое и удивительное. Сначала речь пойдет о том, как исповедовал отец Савва, а затем мы приведем некоторые рассказы, которые до сих пор передаются из уст в уста на Афоне и свидетельствуют о том, сколь исключительным целителем душ он был.

Христоносная душа отца Саввы трепетала от безграничной любви к каждому христианину. Каждый, кто приходил на исповедь, был для него личностью, ради которой Христос, движимый бескрайней любовью, излил Свою кровь. Эта и только эта любовь устроила и настраивала все струны нежной души духовного отца.

Ценою любой жертвы следовало спасти от разбойников, волков и смерти потерянных, рассеянных, уязвленных, обессиленных и немощствующих овец Христовых. Слова Писания: *«Погибшее взыщу, и заблудившее обращу, и сокрушенное обяжу, и немощное укреплю»¹⁹⁶*, – запечатлевали весь труд его исповеднического дела.

Если в этом мире существуют нелегкие дела, то, возможно, тяжелейшее из них состоит в том, чтобы покинуть широкую и удобную дорогу греха и возвратиться со смирением и покаянием на путь Божий. Необходимо выдержать борьбу с самим собой, с миром, с теми темными силами, которые препятствуют душам приблизиться к свету. И все это только затрудняет, а во многих случаях приводит к отчаянному положению дело духовника.

Отец Савва прекрасно знал, какие трудности скрывает в себе исповедание прегрешений, обнажение внутренних язв, откровение зловония, нарывы, вины. Но также он знал, что без этого обнажения грехов нельзя достичь ни врачевания, ни покаяния, ни прощения. Вот почему любовь и милосердие к уязвленным братьям приводили его к удивительным изобретениям.

Едва лишь он встречал своего посетителя – неважно, в какой день или час тот приходил, – как разоружал его с помощью доброты, сердечности и радости. Нетрудно сообразить, что мрачное и нахмуренное лицо не пристало тому, кто берется за врачевание человеческих душ.

На исповеди он никого никогда не торопил и не считался с затратой собственных сил. Для него было важно лишь то, чтобы совершился необходимый труд: откровение, распознавание

болезни, уврачевание, раскаяние, принятие решения об исправлении. Евангельское *больше не греши*¹⁹⁷ всегда занимало первое место.

Много раз можно было видеть, как он выходил из исповедальни. Кто-нибудь ходил вокруг да около каливы и медлил принять спасительное решение. Следовало помочь ему в этот решительный час, внушить ему уверенность, утешить и воодушевить его, направить к спасительной гавани.

Каждый раз, когда обнаруживалось затруднение в открытии грехов, старец использовал мудрые средства и даже ухищрения, чтобы придать кающемуся смелости. Мы расскажем о них чуть ниже. Как ни казались наглухо запертыми иные сердца, в конце концов ему удавалось подобрать к ним ключ.

И, прежде всего, он не колебался поставить себя на один уровень с кающимся, отягощенным тяжелыми грехами. Он давал тому почувствовать, что и сам впадал в подобные прегрешения, так что кающийся решался открыть свои глубинные язвы. В этой связи старец мог по праву повторить достопамятные слова апостола: *«...был... для чуждых закона как чуждый закона... чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»*¹⁹⁸.

Отец Савва умел смиряться перед лицом кающихся, однако умел он, если того требовала ситуация, и явиться в своем необычайном духовном величии. Будучи духоносным подвижником, он проявлял свою прозорливость и пророческий дар. И тогда кающийся сталкивался с сиянием и шумом Пятидесятницы¹⁹⁹. Перед силою этого могучего дуновения уже не могли устоять сооружения врага, люди же после исповеди восклицали, пораженные до глубины души:

– Боже мой! Человек этот духовник или ангел?!

Ухищрения любви

Несколько лет назад мне довелось посетить старца Симеона в каливе Сретения, которая находится в живописном Новом Скиту, близ монастыря святого Павла. Имея примерно девяносто пять лет за своей спиной, он, прикованный к постели, с часу на час ожидал, когда смерть препроводит его к Богу. Рядом с ним находился его ученик Пантелеймон, любящий сын и ангел-хранитель.

– Застал ли ты, отче, духовника отца Савву?

– О, духовника?! Преподобнейшего и святого духовника отца Савву?! Да благословит он нас. Как же не застал? Я исповедовался у него. Я не отлучался из его каливы и очень часто помогал ему на литургии в качестве чтеца.

– Так расскажи же мне что-нибудь о нем. Я слышал уже много и собираюсь написать его житие. Говорят, это был замечательный духовник.

– С ним была великая благодать. Он умел всем внушить дерзновение и особенно воодушевлял молодых монахов. Только они появлялись в его исповедальне, как он негромко приветствовал их: «Здравствуйте, ангелы! Привет, привет вам, мои ангелочки! Я ведь потому считаю молодых монахов за ангелов, что они ради любви к нашему Христу покинули мирскую тщету и пришли сюда, в пустыню». Всем разочарованным он тоже внушал смелость. «Не отчаивайся», – говорил он и повторял это многократно.

– Говорят, отче, что он исповедовал с великим искусством.

– С великим искусством и с великой любовью. Он не хотел, чтобы люди скрывали грехи. Что он замышлял, когда видел какого-нибудь молодого монаха или послушника, которые стеснялись сказать всё? Ухищрения. Ухищрения любви. «Рассказывай, дитя мое, свои грехи. Не смущайся. Я ведь старенький, могу и уснуть. А ты продолжай. Христос здесь и слышит всё. Исповедай все без страха, очисти свою душу, сделай ее белой как снег». Тот начинал говорить, а духовник как будто дремал. Он начинал клевать носом и храпеть. Тут

кающийся открывал самые тяжкие грехи. Духовник делал вид, что проснулся. Тот переходил к более легким. «Дитя мое, постой немного. Ты перед этим назвал какой-то грех. Как ты сказал? Я не расслышал. Скажи яснее, очисти свою душу». Тот становился смелее и разъяснял, в чем дело. Этим облегчалась его душа, радовался Бог и уязвлялся диавол.

– Спасибо, отче. Ты дал мне ценные сведения. И я поражен искусством этого великого духовника. Ну и способ он выдумал! Ни о чем подобном я и не слыхивал.

– Я же сказал вам, что он обладал великим искусством и великой любовью. Таких духовников нет в наше время.

* * *

В скиту святой Анны, довольно высоко, находилась калива одного духовника. Но этот духовник не обладал таким опытом и деликатностью, как отец Савва. Как-то раз в его исповедальню попал тяжкий, очень тяжкий грешник. Духовнику еще не попадался человек с такими тяжелыми преступлениями на совести.

Тот, поистине трость надломленная²⁰⁰, начал свою исповедь. Духовник же, едва услышал ее, был охвачен ужасом. Все внутри него возмутилось. «Боже мой! Что за зверства! Что я слышу! Что за сатана этот человек!».

Несчастный не успел завершить речь, как духовник в смятении вскричал:

– Остановись! Я в ужасе, я готов потерять рассудок. Это не человеческие грехи. Они сатанинские. Нет тебе прощения! Уходи. Я больше не могу тебя слушать. Уходи.

Единственное, что оставалось тому человеку в мире, была милость Божия, но когда, как ему казалось, и эти врата закрылись, то не осталось ничего. Увидев под собой море, он решился броситься туда и тем положить конец своей трагедии.

Но Бог велик. В этом состоянии грешника застал какой-то монах скита святой Анны, который к тому же оказался его знакомым.

– Эй! Что случилось? Что с тобой?

Тот не отвечал.

– Эй! Что с тобой? Почему молчишь?

С большим трудом ему удалось выяснить подробности дела. Монах расстроился, его душа опечалилась. Как помочь несчастному? Ему пришло в голову, что остался лишь один выход: любой ценой препроводить того к отцу Савве. С большим трудом монах наконец добился своего.

Как только отец Савва увидел этого человека, он сразу понял его несчастье. «Мой брат, – подумалось ему, – находится в бездне. Чтобы поднять его, нужно и мне самому сойти туда».

– Отче, есть ли для меня спасение?

– Для тебя, брат мой? Спасение есть для всех. Милосердие Божие шире неба и глубже бездны.

– А-а! Для такого грешника, как я, нет спасения. Это невозможно. Для меня невозможно.

– Для тебя? Смешно! Ведь, представь себе, нашлось же спасение для меня.

– А что за грехи ты совершил?

– Большие, очень большие грехи.

– Какие там большие! Разве можно согрешить пред Богом так, как я, несчастный?

– И все же! Вот, когда-то я был невнимателен и впал в такой грех.

Отец Савва рассказал об одном тяжком прегрешении. Его собеседник словно бы ожил. Он ободрился.

– Отче, и я точно так же совершил этот грех.

– И ты? Не беспокойся. Бог простит тебя. Надо только исповедовать его.

Отец Савва продвигался по этому пути. Ухищрение имело полный успех. Несчастный осмелел и с полной искренностью поведал весь список своих преступлений. Ему придала храбрости мысль, что духовник подобен ему.

– Я, – сказал наконец отец Савва, – покался и горько оплакал свои грехи. Прошло два года, как я изменил жизнь. Мне назначили послушание быть духовником, и я исполнил его. Я давал милостыню, постился и сделался другим человеком.

– И я, отче, каюсь от всей души. Я претерплю и посты, и все, что ты мне скажешь.

– Если ты решил изменить жизнь, то наклонись, чтобы я прочел разрешительную молитву, и Бог изгладит все грехи.

Итак, этот человек теперь летел словно на крыльях, от радости, что с его плеч упала невыносимая тяжесть. Встретив в скиту святой Анны своего знакомого, он сказал ему:

– Ты меня спас. Я стал другим человеком.

– Прославь же за это Бога.

– Это хороший духовник. Хороший, отзывчивый. Только вот он, бедняга, совершил в своей жизни еще худшие дела, чем я сам.

Едва монах пришел в себя, как возразил:

– Худшие, чем ты? Вот, насмешил! Он, дорогой мой христианин, с малых лет живет на Святой Горе и во всем настоящий ангел. Потому-то его и удостоили священнического звания.

Тот онемел. В чем же дело? Однако после разъяснения того, что с ним случилось, этот человек понял ухищрение духовника. Ведь сам он был сильно подавлен. И действительно, после раны, которую нанес ему предыдущий духовник, для него не оставалось другого способа спастись из пасти преисподни. С этого времени им овладели безграничные восхищение и любовь к отцу Савве – к этому удивительному врачу и целителю человеческих душ.

Иные из афонских монахов (стоит упомянуть и об этом) не одобряли таких приемов. Но они были не правы, ведь отец Савва, обладавший великой, исключительной прозорливостью, всегда знал, как, когда, в каком размере и в каких случаях надлежало пользоваться ими так, чтобы не причинить ни малейшего вреда, ни малейшего смущения.

Целительные рецепты

Отец Савва прекрасно знал, когда ему следовало быть снисходительным, когда – умеренным, когда – строгим и неумолимым. С сокрушенными и смиренными²⁰¹ душами он обращался чрезвычайно снисходительно. Но когда он видел душевную неподатливость, то избегал делать уступки. Тогда он поступал согласно церковным канонам, хотя делал это всегда по-доброму, так, чтобы человек подчинился канону без малейшего возмущения. Словно многоопытный погонщик верблюдов, он точно определял своим наметанным глазом, какую тяжесть выдержит животное.

Он бывал строгим к тем людям, которые причинили ущерб своему ближнему.

– Отец духовник, – сказал ему один паломник. – Есть у меня еще один грех. Я, проходя мимо каливы одного знакомого старца, когда сам он был в отлучке, решился сорвать в его саду несколько апельсинов.

– Вот оно что, дитя мое! Учти: все другие прегрешения Бог прощает тебе через меня. Но апельсины нужно вернуть, потому что иначе ты не будешь прощен, а тогда останутся без отпущения и другие грехи.

Очень строгим, непреклонным он был в тех делах, которые касались священства. Если кандидат в священнослужители имел каноническое препятствие по причине какого-либо греха, то отец Савва ни в коем случае не проявлял к нему сострадания и снисхождения. И наоборот, если какой-нибудь клирик впадал в серьезное прегрешение, старец знал это заранее.

– Отче, – говорил он ему, – сними свою епитрахиль, чтобы не отягчать душу еще сильнее.

В начале своей духовнической деятельности старец имел обыкновение каждую Великую Четыредесятницу, начиная с первой седмицы, обходить монастыри и принимать исповедь. Однако как-то раз в Иверском монастыре ему пришлось наложить строгое наказание на двух священников, впавших в

грех. Этот эпизод имел довольно-таки неприятные последствия: духовник был очень огорчен возмущением этих священников и с тех пор прекратил обходы. Он ограничился своей исповедальней, но не спустил знамени: благоговение и охранение высшего достоинства священства должны стоять превыше всего.

* * *

Отец Савва прекрасно знал, сколь великой педагогической и целительной силой обладает всесторонне обдуманная и подходящая епитимия. Как будет видно из дальнейшего, в выборе епитимий с ним не мог сравниться никто.

Много лет назад, когда стоял октябрь, месяц спокойный и соответствующий нашей цели, я отправился на Святую Гору и через несколько дней очутился в незабываемом скиту святой Анны, который можно назвать моей духовной родиной. В здешней святой атмосфере мне предстояло встретить множество дорогих лиц, в руках которых не угасают, под покровом Матери Пресвятой Богородицы, огни православного подвижничества.

– Видите старца Антония? – спросил меня как-то один мой друг, иеромонах. – Он собирает маслины внизу. Ему девяносто лет, и он, должно быть, хранит в своей памяти много сведений о прежних отцах. Не упустите шанс.

Только этого мне и хотелось. Немедленно я подошел к нему. Высокий, худой, в бедной одежде, подслеповатый от старости, он был радостным, как малое дитя.

– Не помнишь ли ты, отец Антоний, что-нибудь об отце Савве?

– Ну и ну! Как же не помнить ничего об отце Савве, святом духовнике! Я исповедовался у него.

– Тогда ты можешь многое рассказать мне.

– Разумеется. И, конечно, кое-что такое, что произведет на вас впечатление. Это произвело впечатление и на меня, на тот язык, что говорит сейчас с вами.

«Что бы это могло быть? – задался я вопросом. – И как можно произвести впечатление на язык?». Но отец Антоний сам ответил на свою загадку.

– Я был молодым монахом. Еще не забыл дурную жизнь в миру и отличался несколько вспыльчивым характером. Как-то в саду каливы мы поспорили с соседом. Испытание тут как тут. Тот сказал мне что-то резкое. Тут и я вспыхнул, открываю рот, и, не думая, что говорю... (смиранный и простой, как малое дитя, старец Антоний повторил действительно грубое выражение, которое сорвалось с его уст). Несколько часов спустя я поднялся к Малому скиту святой Анны. Мой старец послал меня к отцу Савве исповедовать свой грех. С первого взгляда духовник понял мое внутреннее возбуждение.

– Отец духовник, я пришел, чтобы исповедать тяжкий грех.

– Исповедай его. Хорошенько исповедай. Но только не торопись. Присядь, отведай рахат-лукума. Иларион, – позвал он своего ученика, – принеси угощение.

– Он спросил меня о разных посторонних вещах: о моем старце, о наших занятиях, о каливе. Старец хотел, чтобы я прогнал от себя смущение прежде, чем он примет меня в исповедальне. Таинство следовало совершить в мирной атмосфере. Я успокоился. Мы прошли в исповедальню, она была маленькая, словно крипта. Я открыл свой великий грех. Помню, он сказал мне мудрые, отеческие слова, очистил затемненный небосвод моей души. А под конец говорит, улыбаясь:

– Давай-ка, дитя мое, наложим небольшую епитимию и на язык.

– Давайте наложим, отец духовник.

– Так, не то что бы очень много. Скажем, по дороге в скит святой Анны ты зайдешь в кириакон, высунешь язык и пройдешься им по полу от порога до иконы Христа. У Него попросишь прощенья. Ладно?

– Ладно.

В тот момент епитимия показалась мне не очень-то серьезной.

Несколько часов спустя я снова оказался в каливе отца Саввы.

– Отец духовник, – говорю, – посмотри-ка, что стало с моим языком из-за твоей епитимии. Ободран, опух, покраснел, весь

стал, как грубый башмак.

Я показал ему язык, а он слегка улыбнулся.

– А что делать, дитя мое? Каков язык, таково ему и наказание.

С тех пор не помню, чтобы срамное слово в другой раз слетело с моих уст.

Изумления

Чтобы добраться до Малого скита святой Анны, нужно сойти на берег в гавани скита святой Анны и подняться по узкой тропинке. Во времена отца Саввы эта тропинка была исхожена человеческими ногами, а уж во время Четырехдесятницы она превращалась в нескончаемую цепочку из людей, где каждое звено означало одного христианина, направлявшегося к духовной купели.

Нескончаемый поток народа – как говорили об этом старые монахи. Народ тек рекой: монахи, священнослужители, миряне, служащие из Карей и Дафни, из каждого закоулка Святой Горы, из самых удаленных монастырей, с соседних Халкидик, – отовсюду. И каждый посетитель Святой Горы считал упущением не побывать в исповедальне отца Саввы. Как он только с ними справлялся?! Начальник скита святой Анны каждый вечер размещал в кириаконе тех, кому приходилось ждать своей очереди на следующий день.

Другим поразительным явлением было выражение лица тех, кто выходил из его исповедальни. Он заставлял вас испытывать необычайное изумление. «Ну и ну! – сказали бы вы. – Неужели преобразования совершаются прямо там, внутри?».

Нечто в этом роде нам рассказали двое монахов из скита святой Анны, братья по фамилии Карцонеос. Из селения Арфара в Месинии к ним прибыл их старый отец. Как только речь зашла об исповеди, они посоветовали ему посетить отца Савву для генеральной исповеди всей своей жизни, чтобы душа освежилась Божией благодатью.

Так и произошло. Как же можно было пренебречь столь редкостной духовной купелью, когда она была перед ним? Он добрался туда и пробыл достаточно долгое время в исповедальне. А когда наконец вышел оттуда, то весь светился от радости. Лицо этого человека сияло душевный мир, а внутри него чувствовалось какое-то таинственное изменение, «странное изменение, благолепнейшее», говоря словами гимнографа. Он глубоко вздохнул и закричал во весь голос:

– Дети мои! Я чувствую необычайную легкость. Я не ступаю по земле. Я как будто парю в воздухе. По-моему, весь мир изменился. Слава тебе, Христе Боже!

Господу ведомо, сколько подобных вздохов облегчения, сколько возгласов, прославляющих Бога, прозвучало, сколько слез радости было пролито во дворе этой афонской купели Силоам.

* * *

– Дорогой Феофан, я намерен отправиться на Афон, чтобы слегка вздохнуть среди благоухания Удела Богоматери.

– Я был бы очень рад, отец Иоаким, если бы мог Вас сопровождать.

– Почему же нет? *Блази два паче единаго*²⁰² – это и в Писании сказано.

Так беседовали в 1896 году в Афинах архимандрит Иоаким Специерис, священник с подворья храма Святого Гроба Господня, со своим другом Феофаном Тругасом, заводовладельцем.

Вскоре двое смиренных паломников достигли святой Горы. Их планы предусматривали и обязательное посещение святого духовника. Отец Иоаким познакомился с ним семь лет назад в Святой Земле и не находил слов восхищения, чтобы передать другу свое впечатление. В душе отца Иоакима жила надежда убедить Феофана войти в эту духовную купель.

Когда они очутились в Малом скиту святой Анны, в каливе Воскресения, то были поражены, особенно друг отца Иоакима, толпой народа, которую увидели.

– Все они ждут исповеди, – заметил отец Иоаким. – Отец Савва – великий руководитель человеческих душ, богопросвещенный пастырь. К нему прибегают овцы Христовы, словно к росистому травяному лугу. Я не знаю, когда придет моя очередь, но хочу очистить свою душу от всяких вредных и ядовитых веществ. Афинский воздух очень утомил мой дух.

Все, что увидел и услышал Феофан, подтолкнуло его к великому решению: искать очищения своих грехов у Бога, испросить прощения, обрести мир. Он годами не исповедовался

и не причащался, и вот его совесть восстала против такого образа жизни.

Конечно, искушитель наводил его на противоположные мысли и отвращал от спасительного решения. Однако в конце концов он склонился перед благодатью Божией, победил свои сомнения и бесстрашно вошел в исповедальню. Перед ним у духовника побывал его друг, отец Иоаким.

Феофан провел немало времени в духовной лечебнице. Он нуждался в исцелении многих язв. И что же случилось? Возможно, в своей жизни он и испытывал изумления, но на этот раз подвергся опасности утратить разум. Он был ослеплен, стоял, как громом пораженный. «Боже мой, где я? – повторял он. – Что я слышу? Может быть, уши обманывают меня? Что это за таинства?!».

«Я исповедовался первым, – писал позднее отец Иоаким, – затем мой друг Феофан... Он долго оставался у духовника Саввы, а когда вышел и направился к Катунакам, то сказал мне:

– Что за человек духовник Савва? Он не ангел?

– А что случилось? – спросил я его.

– Да вот что: во время исповеди он рассказал мне все, что я делал, начиная с двадцати лет, без единого слова с моей стороны. Он назвал старые дела, о которых я и сам не помнил; так откуда же ему знать об этом?

– Не удивляйся, дорогой Феофан, – сказал я ему. – Духовник отец Савва прозорлив.

– Что ты понимаешь под прозорливостью?..».

Отец Иоаким разрешил его сомнения.

В душе Феофана в тот день заново воцарился настоящий мир. Вот каким духовником был отец Савва!

Глава IV. Паломник. Радости и печали Сиона

Страдания и воскресение Господне были каждодневной печалью и радостью отца Саввы. Для него не существовало более дорогих мест, чем Голгофа и Святой Гроб. О, если бы Господь удостоил его счастья побывать там в качестве смиренного паломника! Ведь это было бы и существенным отдыхом для души после тяжелого труда духовника.

Обстоятельства сложились благоприятно для паломнической поездки в святые места. Так исполнилось горячее желание отца Саввы, но и тамошним православным принесло радость присутствие знаменитого афонского духовника. В те тяжелые дни они нуждались в подобных посещениях.

Прибытие старца в Иерусалим относится к 1889 году. Первые же контакты с православными христианами ввели его в курс здешних дел и доставили немалое огорчение. Иерусалим! Город, с которым была связана великая святость и веселие, но в то же время – великие грехи и горе.

Шестью годами ранее патриархом здесь стал Никодим из Кизика, чьей личности были свойственны многие добродетели. Честный, прямой, справедливый, щедрый, он к тому же обладал внушительной внешностью, был деятельным и способным администратором. Времена, однако, настали тяжелые. Несколько лет назад церковный корабль был взбудоражен болгарской схизмой. Теперь души православных арабов возмущал так называемый «арабский вопрос», а «Палестинское общество» развернуло среди них бурную деятельность. Угольки возмущения раздувались агентами панславизма²⁰³.

Патриарха, который некогда занимал должность экзарха Всесвятого Гроба в Москве, обвиняли в пророссийских настроениях. Экономическое состояние Патриархата находилось в кризисном положении. Богословский факультет Честного Креста закрылся уже вторично. В качестве характерного признака напряженности атмосферы и общей сумятицы можно указать на то обстоятельство, что за год до

описываемых событий (в марте 1888 года) патриарх мог бы пасть жертвой покушений, если бы четыре пули некоего Галактиона попали в цель.

В то время, когда православные греки находились в столь печальном положении, прибытие духоносного духовника было настоящим оазисом. Рядом с ним многие смогли облегченно вздохнуть. Усталые и смущенные души увидели в нем посланного Богом, как *роса Аермонская*²⁰⁴, ангела-утешителя. Но лучше предоставить слово очевидцу, отцу Иоакиму Специерису, присутствовавшему тогда в монастыре святого Саввы.

«К нему на исповедь стремились архиереи, священники, монахи, монахини и люди всякого чина. Следуя словам Господним: „...приходящего ко Мне не изгоню вон“²⁰⁵, он принимал всех, а мне говорил:

– Я приехал в Иерусалим, чтобы поклониться святыням и найти непродолжительный покой, но вот, все стремятся ко мне, ничтожному.

– Они нуждаются в духовнике, – сказал я ему.

– Да, – отвечал он, – и я вижу эту нужду, но ведь мне скоро уезжать.

– Сейчас они нашли врача и хотят исцелить свои язвы, а когда ты уедешь, Бог пошлет другого, кто мог бы продолжить врачевание.

В этот миг его лицо просветлело от радости, и он сказал:

– Поистине, чадо, Господь не попускает Своему созданию стать жертвой бедствий и разочарования».

Афонский духовник теперь еще явственнее ощущал Таинство исповеди – теперь, когда он удостоился поклониться местам, откуда было явлено людям избавление.

И правда, что за невыразимое потрясение он испытал, приблизившись к орошенной кровью Голгофе, где человеческий грех поднес возлюбленному им Господу столь горькую чашу! Его уста едва сумели произнести: «...на кресте пригвоздився и копием прободясь бессмертие источил еси человеком, Спасе наш, слава Тебе».

Опять-таки, что за небесные чувства захлестнули его сердце при поклонении Живоначальному Гробу! Здесь было положено начало победе над тремя началами зла: дьяволом, грехом и смертью. Отсюда воссиял новый мир, исполненный Божественного света, славословий великого триумфа... Частицу этого мира, частицу атмосферы Всесвятого Гроба отец Савва сумел перенести и на свое афонское поприще аскетических подвигов, посвятив придел в своей каливе Воскресению Господню.

«Савва богомудре...»

Среди прославленных святых в жизни отца Саввы выделялся, словно Полярная звезда, преподобный Савва. Подвижник и наставник пустыни, украшение монахов и вселенский светильник, из святых он был наиболее близок старцу. Он был для него тем же, чем для Давида – брат Ионафан²⁰⁶. Он дал старцу не только свое имя, но окружил его особенной заботой и расположением, которые не переставали проявляться до самого конца земной жизни отца Саввы.

– Святый мой Савво, – воззвал к нему старец теперь, – прими меня, тоскующего по тебе паломника, в своем священном приюте, в пустыне, которую освятили твои молитвы и пролитый тобою пот.

Чтобы добраться из Иерусалима до знаменитой Лавры святого Саввы, требуется три часа. Нужно идти в юго-восточном направлении, следуя долиной Иосафата, которая начинается от Гефсимании и приводит к Мертвому морю. Дорога проходит через унылую пустыню, лежащую под медным небосводом и продуваемую обжигающим ветром. Это настоящая «огненная река», которая постепенно превращается в глубочайшее ущелье с высокими и обрывистыми берегами.

Монастырь находится в вышине на правом берегу ущелья и сразу приводит путника в восхищение. Дикая и великолепная природа, громадные старые-престарые здания, стены и башни, бесчисленные пещеры и келлии, запах горной смолы и серы, благоухание фимиама, пение птиц и колокольный звон. В этом неотмирном царстве господствует Савва Освященный.

Приблизившись к этой святой земле, вы ощущаете потребность воскликнуть вслед за гимнографом: «Савва богомудре, ангелов равностоятелю... житель пустынный... Духа Святого чистое приятелище...».

Отцы монастыря, сами будучи подвижниками воинствующей Церкви, с радостью приняли отца Савву.

– Благословите, отец духовник. Добро пожаловать в обитель святого Саввы. Вы несете нам благословение Афона.

Два дня он прожил в монастыре. Что успел он узнать, чему удивиться, чем насладиться? И можно ли было пренебречь приношением любви?

– Отец духовник, – сказал ему игумен, – отцы хотели бы исповедаться. Не лишите нас этой благодати.

Шестьдесят отцов монастыря исповедовались и вздохнули легче под епитрахилью богоносного духовника.

Оставшееся время отец Савва посвятил знакомству с Лаврой. Увиденное и услышанное во время этой экскурсии исполнило его глубокого волнения: здесь гроб святого, тут келлия златоструйного Иоанна Дамаскина, там мощи отцов, перебитых сарацинами. Это место было исполнено неизъяснимого благоухания святых мощей. Что за благоуханные цветы взрастил Бог на этих скалах!

В прекрасном храме Благовещения находилась достойная восхищения древнейшая икона преподобного. Сверху надменным владыкой глядела Юстинианова башня. Внизу, в глубине ущелья, – благословение святого: источник, который тот извел из камня. К северу – келлия его матери, а также финиковая пальма, возвращенная им самим. К югу – пещера великого Иоанна Безмолвника (VI в.).

Величайшей потерей было отсутствие тела святого, которое, нетленное и неповрежденное, находилось в далекой Венеции. О, если бы оно вернулось в свою ограду! Благодарение Богу, что в наши дни (30 октября 1965 года) это желание было исполнено.

Птицы пустыни

Бог, великий Утешитель Своих верных рабов, находит многие и разнообразные способы утешения. Даже в этом сухом и засушливом месте Его Промысл не позабыл предоставить людям своеобразное наслаждение: различных и удивительных крылатых друзей.

По всей вероятности, отец Савва совершал свое паломничество в конце Великой Четыредесятницы, когда ни в ком из посланных Богом утешителей не было недостатка. Каждый год с сентября по апрель каждый может пережить незнакомое и непредвиденное изумление. И оно не единственное, потому что много необычного встречается на священном клочке земли, о котором сейчас идет речь. Так что же это за птицы, чья служба заключается в том, чтобы разнообразить пустынную жизнь монахов?

Больше двухсот диких птиц, черных, с желтоватым клювом, напоминающих черных дроздов, живут в эти месяцы вместе с монахами, так сказать, числятся в списке насельников монастыря. Едва завидев открытое окно, они бросаются в келлии отцов и приносят с собою радость. Утром, когда те пьют кофе, они роются в их рясах и обуви в поисках бабочек. Они готовы сидеть на голове и на плечах монаха, пока тот не спугнет их, и с необыкновенной храбростью клюют с ладоней хлеб или изюминки.

Однако они никогда не приближаются ни к светскому человеку, ни к чужому клирику или монаху, но только к отцам Лавры. Хотя, кажется, они иногда делают исключения и не для лавриотов, потому что если встретят какого-нибудь очень благоговейного монаха, даже чужого, то окружают его своим расположением. Тем более если это такой человек, как отец Савва!

Отец Филофей Зервакос, который 28 апреля 1924 года побывал в Лавре, сообщает следующее:

«...Однако в тот момент, когда я собирался выпить принесенный мне кофе, внезапно появились семь или восемь

птиц и, усевшись, кто на плечи, кто на руки, а кто – вокруг меня, начали петь и щебетать. На какой-то миг эта неожиданность беспокоила меня, но я тотчас пришел в себя. Отцы же, и сами удивленные, что птицы все устремились ко мне, и улыбающиеся, сказали: „Вот птицы, которых тебе хотелось видеть». Я, изумленный и радостный, поднес им на ладони кусочек хлеба, поданный к кофе. Немного спустя отцы принесли мне фиги, которые я порезал на мелкие кусочки и тоже скормил птицам. А эти благословенные создания брали их из моих ладоней и, склевав все, поднялись в воздух, огласив его радостным щебетанием и сладчайшими трелями».

Но и монахи – разве сами они не певцы пустыни? Чем больше их святость, тем слаще их «трели». Среди этих разумных «птиц» тогда выделялись трое преподобных отцов, возле которых отец Савва чувствовал великий духовный покой.

Одним из них был почтенный семидесятипятилетний старец Варнава²⁰⁷ из Мадита. Теперь, после аскетических подвигов на Афоне и в Иорданской пустыне, он предавался безмолвию здесь. В его лице ожили священные образы древних отшельников.

Другим был отец Каллистрат с Пелопоннеса, ревностный делатель добродетели, отмеченный святостью и прозорливостью. В прошлом он три года – больше не позволил патриарх – посвятил аскетической борьбе в пещерах ужасающей пропасти под горой Нево, где был похоронен Моисей. Арабоязычные православные поселка Коракион спускали ему на веревке хлеб и воду, а он за это шил им различную одежду, поскольку был знаком с портняжным ремеслом. Его уст и его ума никогда не покидало божественное звучание молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Наконец, назовем пятидесятилетнего иеромонаха отца Германа, родом с Керкиры. Простой, беззлобный, бесхитростный, кроткий, смиренный – образец истинного монаха. Когда он совершал службу, то бывал восхищаем Божественной благодатью, и лицо его становилось ангелоподобным. Вот что он имел обыкновение повторять:

«Если бы мы знали, какую славу и духовное веселие доставляет нам приобщение Святых Таин, мы бы пожертвовали всем, даже самой жизнью, чтобы причащаться достойно».

Поклонение на Иордане

План паломничества предусматривал и посещение священной реки, где «Тройческое явися поклонение».

Чтобы достичь места, где совершилось Крещение Господне, требуется пройти нелегкий путь, тем более при отсутствии современных средств передвижения. Если выйти из Иерусалима и двигаться на восток, слегка забирая к северу, в сторону Иерихонской возвышенности, то дорога потребует пяти-шести часов. Это тяжкий путь среди обрывистых ущелий и оврагов. Но с этим не стали считаться благочестивые паломники.

Монастырь святого Герасима, великого подвижника, который приручал зверей пустыни, оказался хорошим местом отдыха для усталых путников. А когда они наконец приблизились к священному месту, игумен Лавры святого Саввы Анфим, который вместе с некоторыми другими отцами сопровождал афонского духовника, объяснил, что представляют собой разрушенные здания, видневшиеся рядом.

– Это, отец духовник, очень древний монастырь честного Предтечи, построенный святой Еленой и одаренный Юстинианом. Помолитесь, чтобы нам удалось его восстановить.

– Да поможет честный Предтеча.

Благодарение Богу, в последние годы жизнь в монастыре была возобновлена по благословению патриарха. Сегодня монастырь действует и приносит паломникам тихую радость и успокоение.

В пяти минутах пути от разрушенного монастыря уже слышался шум Иордана.

Радостная дрожь охватила душу отца Саввы. Он удостоился возможности пожить, хотя бы и недолго, в монастыре своего покровителя, святого Саввы, а теперь находился там, где обитал великий, единственный в своем роде подвижник и покровитель всех монахов, честный Предтеча. Старцу показалось, что здесь можно встретить его бесплотный образ с огненным пророческим взглядом. Непроизвольно его

губы, дрожащие от волнения, прошептали: «Честный Предтеча, не престани молиться за ны».

В его уме промелькнул, словно живая картина, евангельский рассказ: *«Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои»²⁰⁸*.

Это было священнейшее место. Здесь звучали пророчества Предтечи, здесь приуготовлялся путь Господа, здесь стояла священная исповедальня, совершалось отпущение грехов, священнодействовала баня пакибытия²⁰⁹. Сюда направил некогда Свои стопы Сын Человеческий, безвестный среди безвестных, *и крестился от Иоанна во Иордане²¹⁰*.

А когда через некоторое время отец Савва, ухватившись за ветку вербы, чтобы не быть унесенным быстрым течением, совершил задуманное погружение в реку, то словно бы почувствовал сияние, исходящее от голубя, и громовой голос. Он как будто сам услышал: *«Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором, Мое благоволение...»²¹¹*. Горячая молитва вознеслась в этот миг из его груди к Божественной Троице, Чье поклонение явилось здесь.

Этот район вокруг Иордана, можно сказать, создан для молитвы. Здесь никогда не было недостатка в молящихся преемниках Предтечи, избранных и святых пустынников. А что за радость испытал бы отец Савва, если бы узнал, что на противоположном берегу, среди зарослей ежевики и тростника, в то самое время вот уже пять лет, вознося к небу свои непрестанные молитвы, подвизалась никем не замеченная пустынница Фотина – поистине героический образ.

За духовными благословениями вскоре последовали и материальные. Духовнику хотелось отведать рыбы из Иордана-реки, которая вообще очень богата рыбой. Ловля оказалась удачной. Монахи поймали достаточно рыбы, съели ее и почувствовали «благословение Иорданово».

Итак, «духовник Савва остался очень доволен. Поклонившись, преклонив колени пред Небесным Отцом и благословив Его пречистое имя, – пишет архимандрит Иоаким

Специерис, – мы вернулись в монастырь, а оттуда он тотчас отправился в Иерусалим».

Наконец, по молитвам блаженнейшего Никодима старец возвратился в Удел Пресвятой Богородицы. Но в его сердце не было печали плененного израильтянина, возвращающегося из Иерусалима к месту своего жительства. В приделе храма его каливы, на святом престоле, освященном в честь Воскресения Христова, продолжали почивать свет и слава нового Иерусалима, под покровом святых молитв и благословения Богородицы, Госпожи Святой Горы.

Глава V. Борьба с бесами. Дар побеждать бесов

Всем Своим домостроительством воплощения Господь поправил грех и смерть и упразднил державу диавола. Он дал своим последователям власть *наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью*²¹². Этой властью обладали все подлинно богоносные последователи Христа.

Много примеров тому можно увидеть в жизни преподобных. Те, кто, сражаясь оружием света, побеждал ветхого человека, кто овладевал духовными вершинами, кто сораспинался и совоскресал со Христом, исполнились духовных даров. Одним из них и является способность устрашать незримых врагов. Вмешательство таких людей уничтожало всякое сатанинское воздействие, оно приносило исцеление пленникам диавола.

В «Луге духовном» так говорится об одном монахе: «Поистине он, христиане, велик и страшен для бесов; и, кто бы ни пришел к нему, мучимый нечистым духом, получает от него исцеление». Эти самые слова можно повторить и применительно к отцу Савве. Аскетическими трудами, постами, бдениями и молитвами, глубиной таинственной жизни, тщанием, трезвением, созерцанием, силою молитвы своего блаженного старца он совершенно одолел силу диавола и всегда выходил победителем из своих сражений с миром лукавых духов.

Неплохой повод поразмыслить над борьбой старца с силами тьмы дают нам сведения, доверенные им отцу Иоакиму Специерису: «Он часто говорил мне, что телесными очами видел лукавых духов, которые приходили искушать его; он же, почувствовав, как те досаждают ему, тотчас преклонял колени и становился на молитву. Тогда исчезало всякое сатанинское действование». Молитвы старца поражали врагов. Слова псалма, стоило им пламенем вырваться из его уст, опаляли их: *«Побори борюция мя... Да будут яко прах перед лицом ветра, и ангел Господень оскорбляя их»*²¹³.

Он не одного себя уберег от свирепых нападений бесов. Множество несчастных, *обладаемых диаволом*²¹⁴, нашло подле

него свое избавление. Нередко в его каливе можно было видеть людей, над которыми старец совершал крестное знамение, прочитывал заклиательные молитвы, чтобы изгнать нечистых духов. Много раз, когда страждущий не имел возможности прибыть на Афон, отец Савва совершал отчитку на расстоянии, и всякий раз за этим следовала радость исцеления. Узники бесов трепетали от счастья, видя, как над ними перестают тяготеть страшные узы.

Сожжение руководства по магии

Где-то на Халкидиках жили супруги, отношения которых обострились до последней крайности. Муж не желал образумиться: он держался темного, загадочного образа жизни. На лице своем он носил выражение отчаяния. Он отпал от Церкви, не желая и слышать о посещении службы, тем более о святых таинствах. Чего только не делала его несчастная жена, чтобы вернуть супруга на путь Божий! Он, однако, был непоколебим, так что в конце концов та поняла, что необходимо проявить твердость.

– Послушай-ка, ты сделал мою жизнь невыносимой. Если ты не причастишься в ближайшую Пасху, мне придется уйти. Жить вместе так нам больше нельзя. Я хочу, чтобы в нашей семье царствовал Христос.

Упорство, давление, угроза, горячие молитвы доброй христианки сделали свое дело. Ее муж понял, что своим поведением он может навсегда погубить свой семейный очаг, свою жизнь, свое будущее, будущее своих детей. Он пережил некоторую встряску и принял наконец великое решение: вернуться к свету.

В душе его таилось немало темного. Несчастный дошел до того, что стал сотрудничать с бесами. Он занимался магическим искусством, и оно-то и заставляло его с таким упрямством держаться далеко от Церкви. Вот почему и сам он понимал, что прежде всего нуждается в духовнике. До Святой Горы было недалеко, и здесь он, разыскивая подходящего человека, нашел того, кто был ему нужен: отца Савву.

Каким направился он к каливе духовника и каким вернулся! Что за изменения совершились в его душе! Среди смятения, хаоса и тьмы возник новый, возрожденный мир. Облегчение и слезы радости сияли на его лице по завершении исповеди. Какой мир и облегчение ощущал он в своей душе! Но была еще одна вещь, от которой следовало избавиться. Он протянул духовнику руку, держа в ней какую-то книгу.

– Возьми, отец духовник, и эту книгу. Она-то и была причиной моего падения.

Это был трактат по магии, обязательное руководство для всякого, кто предается этому делу.

– Зачем ты мне-то даешь такую книгу? Ее надо сжечь. Забери и сожги где-нибудь подальше.

Действительно, покинув каливу и направляясь к скиту святой Анны, этот человек заметил справа от своего пути большую впадину в скале. В этом-то гроте магический трактат вскоре обратился в пепел. Как видно, о чем-то подобном пишет евангелист Лука: *«...А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли»²¹⁵*. Было бы большим счастьем, радостью для ангелов и уязвлением демонов, чтобы почаще загорались такие костры, как этот. Ведь какие только темные и зловонные книги нас ни окружают!

Чувствуя еще большее облегчение, этот человек продолжал свой путь, когда ему встретился отец Иларион, ученик отца Саввы.

– Передай духовнику мое почтение и безграничную благодарность да скажи, что я сжег книгу в пещере чуть повыше отсюда.

Отец Иларион, ничего не подозревая, направлялся к своей каливе. Подумать только, какая картина предстала его глазам возле той пещеры! Мимо него со свистом и страшным грохотом летели огромные камни, сеявшие ужас. Испуганный, он добрался до каливы и подробно пересказал все старцу.

– Сатанинское действие, дитя мое.

Когда отец Иларион пришел в себя после испытанного страха, он вспомнил о словах того человека и о сожжении книги. После того как отец Савва объяснил ученику, что за человек встретился ему на пути и что это была за книга, тот сообразил, в чем было дело.

Однако с обвалом пришлось столкнуться не только отцу Илариону. Каждый, кто проходил там, подвергался той же опасности. Наконец пещеру стали обходить стороной, поскольку никто не осмеливался приблизиться к ней.

Обеспокоенные отцы попросили о помощи отца Савву. Восприняв предварительный пост, он совершил освящение, окропил пещеру святой водой, и зло отступило. Под конец духовник посоветовал отцам поместить там икону Богоматери с лампадкой. Так тропинка стала спокойной, как и прежде.

Теперь проходящие там ощущают потребность присесть и пропеть «Достойно есть», но не подвергаются опасности. И все-таки в некоторых случаях, как уверяли нас многие монахи, в этом месте можно наблюдать действия бесов, особенно тогда, когда мимо проходит какой-нибудь молодой монах, нарушивший правила послушания.

Необычные обвалы

Некий юноша по имени Афанасий, кондитер из Фессалоник, чувствуя отвращение к своей прежней жизни, решился облечься в монашеский образ и поселиться в монастыре Дионисиат. В качестве послушника Дионисиата его послали в Моноксилит – метоху монастыря за пределами Святой Горы, где ему предстояло получить должную подготовку к монашеской жизни.

Между тем его родители в Фессалониках, возмущенные и опечаленные шагом своего единственного сына, готовы были свернуть горы, чтобы «спасти» его и вернуть в мир. Эти бесцеремонные люди не остановились и перед тем, чтобы обратиться к сатанинской помощи, прибегая ко всяческим разновидностям магии и чародейства.

Афанасий внезапно начал ощущать какое-то давление, словно нечто тяготело над ним. А поскольку он не был новичком в таких вещах, да и сам в своей мирской жизни имел опыт общения с магами, то справедливо усмотрел в этом результат действий своих родителей. Его охватило волнение, которое становилось все более ощутимым – весьма неблагоприятное предзнаменование. Он почувствовал внутреннюю потребность усилить молитву, а произнося «Отче наш», усиленно подчеркивал: «...но избави нас от лукаваго».

Другие братья в Моноксилите еще ничего не подозревали. Однажды утром, по завершении службы, они собирались приняться за работу, когда сверху, из леса, на них внезапно обрушился град камней. К счастью, никто не пострадал; ничего не случилось и с монастырским имуществом. Прошло некоторое время. Все подумали, что просто каким-то прохожим вздумалось «пошутить». Но, когда монахи снова отправились на работу, камни вновь посыпались на них сзади. Тут они поняли, что происходит нечто серьезное, и укрылись в церкви, не осмеливаясь выйти оттуда, поскольку, как только они выходили, камнепад тотчас же начинался опять. Скамейки, деревянные болванки для выделки монашеских скуфеек, другие предметы

разлетались во все стороны. Монастырская собака погибла, упав с высоты трех метров.

Вскоре прибыли вызванные по этому случаю жандармы из Карей. Они изучили местность и даже постреляли залпами в ту сторону, откуда летели камни. В результате стало очевидно, что обвал не мог быть делом рук злоумышленников. Скорее, тут были замешаны незримые враги.

Тогда послушник Афанасий понял, в чем дело, и объяснил причину несчастья. Это пролило свет на всю историю.

– Чтобы вы вполне убедились, – сказал он, – позвольте мне пройти одному в ту сторону, до церквушки святого Артемия. Увидите, что камнепад обязательно обратится против меня.

Так оно и случилось. Камни, не причиняя вреда, падали вокруг него.

Убедившись в этом, монахи оставили Афанасия одного в храме. Эконом метохи отец Порфирий отправил в монастырь письмо с просьбой прислать лодку. С того момента, когда Афанасий вышел из храма, вновь начались страшные происшествия, продолжавшиеся, пока он не сел в лодку, а также после этого, вплоть до его высадки на монастырскую пристань. Просто удивительно, что лодочников от страха не хватил инфаркт. Град камней не прекращался и в море. Даже тогда, когда они удалились от берега на приличное расстояние, камни продолжали падать вокруг лодки, но, к счастью, без всякого вреда для нее.

От берега до монастырского двора все было спокойно. Это дало повод кое-кому заговорить о коллективных галлюцинациях, но их заставил замолчать новый камнепад, обрушившийся с высоты соседней башни.

Собор старцев, сошедшийся без промедления, принял решение отослать послушника к духоносному духовнику отцу Савве, чтобы тот позаботился о нем. В том, что молитвы отца Саввы способны поражать лукавых духов, не сомневался никто из отцов.

Калива Воскресения пережила неделю суровых испытаний, напоминающих атмосферу военного столкновения. Это и была открытая война между силами света и тьмы. Что за

оглушительный грохот стоял там! Громадные камни срывались с соседних скал, пролетали над каливой, падали вокруг, со страшным грохотом обрушивались с ближайшего обрыва по направлению к морю. Дикие крики и проклятия будоражили и оскверняли все вокруг. А еще слышалось глумление – необыкновенное глумление надо всеми монахами и особенно над духовником. Все зловоние ада показывало себя.

А человек Божий, словно бы и не существовало тяжести старческого возраста (шли последние годы его жизни), приготовился к великой борьбе. Целую неделю он предавался совершенному посту и непрерывной молитве. (*Сей же род изгоняется только молитвою и постом*²¹⁶.) Его милосердие не могло вынести вида того, как Божие создание подвергается такому насилию.

В конце недели пожилой духовник с непреклонной и непоколебимой верой в воскресшего Господа приблизился к страждущему. Лукавый дух встревожился.

«Заклинаю тя... душе нечистый... Богом вся словом сотворившим, и Господом нашим Иисусом Христом... убойся, изыди, бежи, отступи от раба Божия Афанасия... Изыди в землю безводную, пустынную, неводеланную...».

Так и случилось. Словно нечто вышло изо рта Афанасия. Нежеланный житель исчез, *яко исчезает дым и яко тает воск от лица огня*²¹⁷. Слова, которые исходили из духоносных уст отца Саввы, поражали бесов, словно огненный меч. В то же время послушник успокоился и облегченно вздохнул. С чувством безграничной радости и благодарности он пал к ногам духовника, обнял их и оросил слезами.

– Святый Божий, ты спас меня. Ты сбросил с моей шеи страшную тяжесть. О, как же мне отблагодарить тебя! Ты избавил меня от дикого змия. Слава Тебе, Боже мой!

Еще несколько дней исцеленный оставался при враче. По его рекомендации послушник отправился в скит монастыря Кутлумуш, где и остался. Отец Аввакум – такое имя он принял позднее – выделялся среди отцов строгостью своего подвижничества и никогда не забывал духовника, который так помог ему и спас от «камнепадного»²¹⁸ гнева.

Ангел, который не был ангелом

Среди многих духовных чад отца Саввы был и один диакон, по национальности румын. Он, еще будучи молодым, прибыл на Афон и монашествовал где-то в пустыне, не так далеко от Малого скита святой Анны.

– Отец духовник, – сказал как-то весьма опечаленный диакон отцу Савве, – пожалуйста, не забудь помянуть на завтрашней литургии мою мать. Завтра ее похороны.

Эти слова резанули слух отца Саввы, ибо они выдавали торжество дьявола. Прозорливый старец встревожился. Здесь, подумалось ему, враг приготовил какое-то нехорошее блюдо. Вот хитрец! С каким искусством он сбивает с толку Божии создания!

Не показывая вида беспокойства, старец начал выяснять истоки зла.

– Дитя мое, объясни-ка мне получше, в чем дело. Завтра хоронят твою мать. Значит, умерла она позавчера. Умерла в Румынии. Как ты мог за два дня узнать о ее смерти?

Повисло неловкое молчание.

– Откуда? Откуда я знаю? – робко заговорил диакон. – Ну, мне это сказал...

– Кто тебе это сказал?

– Мне сказал мой ангел-хранитель.

– Твой ангел-хранитель? А ты его видел?

– Я удостоился его видеть. Не единожды и не дважды. Вот уже два года, как он является мне и молится вместе со мной. Мы вместе читаем акафист, кладем поклоны, беседуем на духовные темы...

Эти «два года» очень опечалили отца Савву. Два года прелести – это не мелочи. Страшная опасность – разрешить врагу в течение двух лет строить в твоей душе здание твоей же гибели.

– Почему же ты, дитя мое, столько времени ничего не говорил мне?

– Ангел сказал мне, что это не обязательно.

Отец Савва понял, что ему предстоит великая битва. Во-первых, надо убедить несчастного диакона, что он имеет дело не с ангелом. Затем надо подготовиться противостоять гневу беса. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй и спаси нас», – горячо помолился он про себя.

– Дитя мое, ты уверен, что тот, кто является тебе – это ангел Божий?

– Уверен ли? Еще как уверен, отче! Мы же молимся вместе, каждый день кладем тысячи поклонов. Беседуем о будущей жизни, о рае... Это мой ангел-хранитель.

Казалось, переубедить диакона невозможно. Однако его заставляло быть сдержанным доверие к своему богопросвещенному духовнику.

– И потом, – сказал он, – как может бес укреплять меня в молитве? Он же борется с молящимися.

После долгого разговора они согласились прибегнуть к кое-каким испытаниям, чтобы проверить «ангела-хранителя».

– Попроси его, – сказал диакону отец Савва, – как только вы встанете на молитву, прочесть «Богородице Дево». И еще: пусть совершит крестное знамение.

Но все оказалось не так просто. Если лукавый целых два года опутывал человека своей сетью, то он способен ввести в заблуждение глаза и уши, так что тому покажется, будто он слышит «Богородице Дево» и видит крестное знамение.

При следующей встрече диакон с каким-то скрытым внутренним убеждением сообщил духовнику:

– Отче, все обстоит так, как я сказал. Это ангел Божий, мой ангел-хранитель. Он и «Богородице Дево» произнес, и перекрестился.

Отец Савва все хорошо понял. Последствия двух лет рабства у изобретательного врага не так-то легко уничтожить. Но, хотя бы враг и знал множество уловок, в душах богоносных отцов горит свет великой премудрости, которая обращает в ничто ухищрения тьмы.

Тут световидный ум духовника осенила блестящая мысль. Он немедленно обратился к диакону:

– Послушай-ка, дитя мое. Будь внимателен при последнем испытании, которое прояснит дело. Ангелы Божии обладают силой всеведения, потому что им все открывает Бог. Бесы, напротив, не имеют такой силы, и многие вещи для них темны. Ты согласен?

– Согласен.

– А если так, то смотри, что мы сделаем. Я в этот момент, в этот самый момент, кое-что задумаю, – он подумал нечто неприятное для дьявола, – и это останется скрытым и известным мне одному. А ты вечером попросишь «ангела» сказать, что это было. Если он сможет открыть тайну, то он, несомненно, от Бога. А ты потом придешь и сообщишь это мне.

Диакон, возвращаясь в свою каливу, чувствовал в душе какое-то сомнение, какое-то неприятное предчувствие. С другой стороны, его восхищал мудрый замысел духовника. Ситуация близилась к своей критической точке.

Стоило диакону ночью попросить «ангела» разрешить задачу, как по «светлому» лицу того пробежала смутная тень беспокойства. Он как будто растерялся.

– Но, дорогой отче. С чего бы тебе, высшему существу, интересоваться помыслами какого-то смертного? Это греховное, дурное желание. Не лучше ли будет, если я покажу тебе сегодня ад и рай, славу Госпожи Богородицы?

Диакон, который начал что-то подозревать, стоял на своем.

– Я исполняю послушание, данное духовником. Скажи, что он задумал.

Ангел с помощью ряда искусных маневров попытался перевести разговор на другую тему. Однако же эти искусные увертки не производили хорошего впечатления.

– Скажи мне, что задумал духовник. Ведь это же просто. Почему ты избегаешь ответа? Ты что, не знаешь?

– Берегись, диакон. Из-за своей мелочности ты подвергаешь себя опасности лишиться моего расположения.

– Ничего не знаю. Я тебя прошу о такой простой вещи. В конце концов, знаешь ты, что задумал духовник, или нет?

В этот миг слетела сияющая личина, обнажился ужасающий образ, заскрежетали свирепые зубы.словно из пасти

разъяренного зверя, слышались слова:

– Пропади, несчастный. Завтра в этот же час ты будешь в аду, в огне. Мы сожжем тебя! Мы тебя уничтожим!

Диакон остался один – одинокий и сокрушенный. Вся сладость прежних видений, продолжавшихся два года, не могла перевесить сегодняшней горечи. Если бы диакона не поддерживали издали молитвы старца, который бодрствовал и молился за него, он, наверняка, испустил бы дух.

Прошло несколько часов, прежде чем он сумел прийти в себя и подняться на ноги. Калива диакона больше не защищала его. Нигде он не мог почувствовать себя в безопасности, кроме как возле духовника. В продолжение всего пути в его ушах отдавались слова: «Завтра в этот же час ты будешь в аду!». Ужас пробирал диакона до мозга костей.

Кое-как он добрался до каливы Воскресения, где ухватился за рясу духовника и не желал отойти от него ни на минуту. Даже когда старец хотел отдохнуть, перепуганный диакон был рядом с ним.

– Не бойся, дитя мое. Успокойся.

– Как же мне не бояться, отец духовник, когда час близится! О! Близится час, когда меня заберут. Христе мой, спаси мя!

И в самом деле, в назначенный час диакон почувствовал, как к нему силою подступают лукавые духи. Что за вопли ужаса и отчаяния срывались с его уст!

– Спаси меня, духовниче! Погибаю! Меня забирают! Спаси!

Отец Савва преклонил колени и, проливая слезы сострадания, молил Господа пожалеть Своего раба и запретить лукавым духам. Его молитва была услышана, и несчастный диакон был спасен *от уст Львовых*²¹⁹.

Таков был конец этой трагедии, весьма поучительной для нас. Действительно, сколько опасностей кроется в видениях. Чего не создаст враг к нашей гибели, если мы не будем полностью раскрывать свой духовный мир на исповеди. И сколь велико значение опытного духовника!

Но можно задуматься и над другим обстоятельством, о котором мы скажем далее.

Время и руководство отца Саввы успокоили диакона-румына. Его духовная жизнь развивалась по должному пути. Позже он был рукоположен во священника и всегда отличался своим благоговением. И все-таки годы заблуждения оставили в нем свои печальные следы. Дьявол, как видно, приобрел на него права: разве даром он доставлял диакону столько сладостных зрелищ? Итак, хотя этот человек и поселился на Афоне с малых лет, хотя его развитие и совершалось, можно сказать, в ангельском окружении, в дальнейшей жизни он, несмотря на это, постоянно страдал от различных навязчивых искушений. Все проницательные отцы усматривали в них последствия того продолжавшегося годами сотрудничества с «ангелом», который не был ангелом.

Глава VI. «Сказал ми еси пути живота»²²⁰. У ИСТОЧНИКОВ ЖИЗНИ

Словно богатая и плодородная земля, плодоносная душа отца Саввы непрерывно орошалась многочисленными ручьями. Непрестанной молитвой и напряженной богослужебной жизнью черпал он воды благодати, уподобившись *древу, насажденному при исходящих водах*²²¹.

Ночами он бодрствовал и молился едва ли не все время от заката до рассвета. Сон приносился в жертву на алтарь молитвы. Стоя, словно несокрушимый столп, и держа в руке четки, с тремя сотнями узелков, он стрелою устремлял свой ум к небесам и со световидными ангелами «ангелолепно и ангелоподобно», по выражению святителя Григория Паламы, воспевал Пребожественную Троицу.

Если даже немощная плоть начинала протестовать, готовая упасть и предаться сну, ее удерживали кольца, проходившие под мышками у отца Саввы и привязанные к канату, который, в свою очередь, был прикреплен к потолку келлии. Этот способ удерживать себя стоящим и неусыпно пребывающим в ограде молитвы применяли многие великие боголюбцы.

Это были поистине возвышенные мгновения, когда ум бывал восхищен и прикован к «вещам божественным, небесным, бескрайним и непостижимым», которые, как пишет святой Макарий Египетский²²², не могут быть «выражены человеческим существом либо объяснены устами и языком».

Соответствовало этому и напряжение литургической жизни. Таинство Пасхи повторялось в каливе Воскресения ежедневно. Эти литургии посещались многими из преданных духовных чад старца, а также некоторыми монахами, искавшими более частого причащения.

Много рассказывают о той высоте богослужебной жизни, которую всегда хранил отец Савва, о чинности, тщательности, торжественности совершавшихся им служб. Приведем одну показательную деталь: он никогда не надевал в храме ту обувь, которую носил вне его, но держал для этого особые

монашеские тапочки. С особенным вниманием старец относился к святому престолу и даже избегал без необходимости приближаться к нему. «Сколь страшно это место!» – восклицал он.

В своей келлии, говорят знавшие его монахи, он, худой телом и невысокого роста, казался убогим и неприметным. Но когда он совершал службу, то представлялся великолепным, а лицо его сияло, как ангельский лик.

Торжественности богослужения способствовал и ученик старца отец Онуфрий, признанный певчий, обладавший прекрасным голосом. Отец же Иларион, хотя и неграмотный, располагал отличной памятью и со слуха заучил многие песнопения и псалмы, в частности Непорочны и шестопсалмие.

Что же сказать о возвышенном и невыразимом трепете, который испытывал отец Савва перед святым жертвенником? Достаточно лишь напомнить о том, что он был учеником отца Илариона-грузина и наследником его литургического духа. Старец Иларион, как пишет отец Иоаким Специерис, «ревностно предавался аскетической борьбе, а когда совершал богослужение, один или вместе с отцом Саввой, то при пении: „Свят, свят, свят Господь Саваоф» усердно бил себя в грудь и плакал». Кто знает, что видели в такие мгновения его прозорливые очи? Несомненно, они видели ангелов, с трепетом служащих перед окровавленным и закланным Агнцем. Как же тут было не рыдать, ударяя себя в грудь!

Здесь стоит упомянуть и о другом подобном случае. Несколько лет назад еще был жив и подвизался возле монастыря Ставроникита русский пустынник отец Тихон. Рассказывают, что во время Херувимской песни он часто приходил в исступление и тогда мог видеть херувимов и слышать, как они поют Трисвятую песнь. Чтецу, исполненному священного трепета, приходилось ждать полчаса, а то и час, чтобы священник пришел в себя после чудесного восхищения. Таковы ангельские, райские часы литургической жизни!

Так проходила и литургическая жизнь отца Саввы – жизнь, полная волнений, ангельских ликований, созерцаний и божественных восхищений. «Достоин, – воспевал он вместе с

шестикрылыми серафимами, – *Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение»²²³*. Распятый же и воскресший Господь питал его каждодневно Своими Телом и Кровью. Он, Который соделался, по выражению преподобного Макария Египетского, раем, деревом жизни, жемчугом, венцом, домостроителем, земледельцем, страждущим, бесстрастным Человеком, Богом, вином, водою живою, овцою, женихом, воином, оружием.

Так, благодаря молитве и ежедневному совершению литургии, отец Савва непрестанно пил из источников жизни и бессмертия, сделавшись *яко древо насажденное при водах²²⁴* и пустив побеги, богатые цветами и сладкими плодами справедливости.

Однако нам понадобится вновь вернуться к литургической жизни отца Саввы, чтобы увидеть его с иной стороны и воздать должное величию его любви к ближнему.

«Помяни, Господи...»

Реки благодати, истекающие от Бескровной Жертвы, служат не только живым, но и мертвым. Оттого служители Церкви не перестают молиться: «Помяни, Господи... О здравии... О упокоении душ рабов Твоих...». И чем сильнее их вера и любовь, тем больше становится список имен.

Что же сказать теперь о количестве имен, которые поминал отец Савва! Именам этим «несть числа». На проскомидии он думал только о ее начале. Он не думал о ее завершении. Он брал большой дискос с изображением Рождества Христова и два, два с половиной или три часа вынимал частицы и неустанно поминал.

– Отец духовник, – говорили ему некоторые отцы, – ты очень утомляешься. Зачем столько имен? Зачем столько времени стоять на ногах?

– Я не утомляюсь, – отвечал он, – а, наоборот, испытываю великую радость. Поминаемые получают большую пользу, и их польза – это моя радость.

Иногда он не скрывал и того, что Бог в некоем откровении явил ему ту великую пользу, которую получают души от поминовения. Речь шла об одном видении, которое отец Савва, тогда еще молодой священник, получил в кафизме святого Иакова: некий ангел, в образе священника, кровию Агнца омывал и очищал грехи поминаемых. Однако этого откровения старец не сообщил никому, так что все задавались вопросом: так что же такое мог видеть духовник, что побудило его помянуть все имена?

Наконец, незадолго до своей кончины отец Савва подумал, что не должно держать откровения втайне. Он описал его и оставил этот документ в своих бумагах. В 1925 году отец Иоаким Специерис, изучая наследие старца, нашел и переписал его. Текст этот таков:

К вопрошающим, какую причину побужденный я совершаю поминовение поименно и вынимаю частицы на проскомидии на ежедневно совершаемых литургиях.

В год 1843-й пришли мы из монастыря Ивирон в монастырь Дионисиат и стали подвизаться в келлии, что лежит выше него. Есть в той келлии церковь святого Иакова, брата Господня, которая была ветхою. И сказал о том мой старец игумену, и восстановили ее из развалин. И пришел архиерей освятить ее. Вечером же пришел из монастыря один иеромонах, и сшил облачения для жертвенника и престола, и приготовил воскомастику для освящения храма.

И вот утром, после освящения храма и литургии, сказал архиерей моему старцу: «Так как отец Савва служит ежедневно, дай ему кое-какие имена и пусть поминает их на проскомидии сорок дней». И ответил старец: «Дай ему, что хочешь». И написал архиерей на бумаге 62 имени, в конце же записал и отца Стефана, и какую тот дал милостыню.

Итак, поминал я их 39 дней, а в день, который был бы сороковым, я, облокотившись на аналой и ожидая, когда придет старец, чтобы мне начать службу, задремал. И вижу я во сне, что одет в священническую одежду и стою перед святым престолом. И был на том престоле литургический дискос, наполненный кровью Христовой.

И вижу я, приходит отец Стефан, берет список поминаемых на проскомидии и лжицу. И подошел он к святому престолу. И держит он список над святым дискосом, и погружает лжицу в кровь Христову, и смывает одно имя. И снова погружает и смывает, и так до тех пор, пока не закончил он со всеми и не очистил бумагу. Проснулся я, и пришел мой старец, и я сказал ему, что видел. Он же говорит мне: «Не говорил ли я тебе не верить снам?» После литургии же он сказал: «Недостойн ты того, чтобы ради тебя простились грехи их. Верю они получили отпущение грехов».

Вот причина того, что я поминаю имена всех.

Со временем увеличивалось число знакомых отца Саввы, исповедовавшихся у него, искавших его молитв. Так разрастался и список. Тысячи имен – как же прочесть их все?! Что же придумал старец? Он разделил список на три части, которые переписал крупными, каллиграфически выведенными буквами в три больших и толстых книги. Каждый день старец

прочитывал одну из них. Отцы монастыря Кутлумуш, относившиеся к духовнику с чрезвычайным благоговением, позаботились после его смерти приобрести одну из этих трех книг и хранили ее, как священную реликвию.

Пример отца Саввы должен укрепить нас в сознании некоторых, быть может, подзабытых нами истин, связанных с литургической жизнью и с богатыми дарами, проистекающими из Голгофской Жертвы. И разве не знаем мы обо всём этом из тайноводственных огласительных бесед святителя Кирилла Иерусалимского (IV в.)?

Помощник и советник

Отец Арсений, недавно переселившийся в скит святой Анны из одного монастыря на Хиосе, как-то спросил отца Савву: «Что мне делать? Я чувствую великую нужду в частом причащении. Кое-кто из отцов требует, чтобы я причащался раз в сорок дней, а душа моя не может успокоиться. Как же быть?».

– Приходи к нам в каливу, и я буду часто причащать тебя, – ответил отец Савва. Позднее он посоветовал отцу Арсению перебраться в другое место, чтобы окончательно разрешить проблему.

– Отправляйся в скит Кавсокаливия. Там тебе никто не будет мешать.

* * *

Другие монахи с великой духовной жадой просили духовника посвятить их в тайны умной молитвы. Тот удовлетворял их желание, если был уверен, что они располагали духовным опытом, способным совладать со столь крепким и пьянящим вином.

Многие монахи занимались умной молитвой под его непосредственным руководством и наблюдением. Известно, что к их числу принадлежал и монах Феофилакт из Кавсокаливии, умерший в 1927 году в возрасте семидесяти двух лет, который к тому же представлялся юродивым²²⁵.

* * *

Как и преподобные старцы Русской Православной Церкви, отец Савва не ограничивал своего духовного участия в делах обращавшихся к нему людей одной лишь исповедью, но оказывал им более широкую и разнообразную поддержку. Это хорошо видно из следующего эпизода.

Во времена отца Саввы Афон находился под турецким владычеством, причем во взаимоотношениях монастырей с турецкими властями нередко возникали серьезные осложнения.

– Отец духовник, – сообщили ему как-то несколько встревоженных отцов монастыря Кутлумуш, – мы оказались в

страшном положении. У нас конфликт с верховным судьей, и монастырю грозит разрушение. Помогите нам!

В этой критической ситуации отец Савва дал им совет, способный кого угодно повергнуть в изумление.

– Поместите, – сказал он, – изображение английской короны перед воротами монастыря. По углам стен и на башне надо вывесить английские флаги. Турки не дерзнут связываться с Англией.

Отцы последовали совету, и ярость турок наткнулась на неожиданное препятствие. Они скрежетали зубами, но ничего не могли поделать и удалились, потому что, естественно, не имели ни малейшего желания создавать дипломатический инцидент и выступать против Великобритании.

* * *

Многие из тех, кто слышал об отце Савве, но не имел возможности его посетить, присылали ему письма. С годами количество посланий, адресованных духовнику, стало расти непомерно. Приходило множество писем, причем издалека: из Иерусалима, от отцов лавры святого Саввы, из России, даже от православных Америки.

Те, кто посещал каливу Воскресения и мог видеть груды пришедших туда писем, бывали поражены. Письмами были завалены целые шкафы.

Чтобы вести переписку с людьми, желавшими получить ответ, отцу Савве приходилось, особенно в последние годы, тратить немало ночных часов. Но что же делать? Ведь для того и существует духовный отец, чтобы отдавать себя своим чадам. Его ответы, написанные каллиграфическим почерком, заключали в себе Божию премудрость, утешение, радость и мир. И все это старец приносил народу Божию. Он совершенно не считался с затратой собственных сил. Единственное, с чем он считался, был глас Великого Пастыря: «Савво Иларионин, любишь ли ты Меня? Паси овец Моих»²²⁶.

Письмо-реликвия

Среди наследия отца Саввы имеется одно очень важное письмо, датированное 12 декабря 1907 года: «В Россию, Екатерине». Неизвестно, о какой Екатерине идет речь. Едва ли это Екатерина Долгорукая, супруга царя Александра II. Ясно лишь то, что эта Екатерина находилась в тесном родстве с императорской фамилией²²⁷.

Это было трагическое время для русского царя. Политическая атмосфера в его стране была тревожной. Отовсюду грозила опасность: безбожные идеи, нигилизм, неразрешенные общественные проблемы, народные протесты, революционные движения, заговоры, анархия. В таких вот нелегких обстоятельствах человеку естественно искать какой-нибудь поддержки. Мы знаем, что благочестивый царь Александр III в часы колебаний обращался к священнику Иоанну Кронштадтскому, известному своей святостью.

Но и наш афонский духовник не был безвестным. Его слава достигла царских чертогов, и лица царской фамилии, подобные нашей Екатерине, шлют ему письма и возлагают надежды на силу его молитв. Воистину, как же завладевает душами людей, независимо от должности и звания, национальности и расстояний, сияние добродетели, излучение святости!

Однако прочтем ответ отца Саввы на письма, полученные им от «достопочтеннейшей и благочестивейшей Екатерины».

В Россию, Екатерине

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Достопочтеннейшая, благочестивейшая и благоговейнейшая госпожа Екатерина с честным и благоговейнейшим супругом твоим и возлюбленными чадами твоими, возлюбленные о Господе чада, приветствую вас от всей души.

Возлюбленное чадо! Получил я честное твоё письмо вместе с двадцатью пятью монетами и весьма возрадовался о желанном мне добром твоём здравии, о коем день и ночь, а не только в ежедневных наших молитвах и бдениях, молю Бога вместе с братией моею, то есть духовными чадами моими:

монахом Онуфрием-иконописцем, монахом Иларионом и монахом Саввой, которые любят вас, как собственных сестер и братьев. Посему говорю вам вместе с апостолом Павлом: *радуйтесь всегда²²⁸* о Господе, и паки реку, радуйтесь. Особенно же радуйся ты, блаженная Екатерина, ибо удостоил тебя Бог милости принести ему избранные дары чистейшего чрева твоего: двух возлюбленнейших чад твоих.

И получишь ты великую мзду от Христа в Небесном Его Царствии, ибо возлюбленные чада твои не смертному и временному царю служат, но Небесному Царю царствующих и Господу господствующих, Чей представитель и наместник – православнейший и христианнейший царь и самодержец благословенной России и всего христианства, достойный Николай. Ибо нет сегодня иного господина, кроме царя православного, помазанного Духом Святым по образу Христову, во всей Вселенной под Солнцем. Посему тот напрасно считает себя христианином, кто не молится день и ночь о нем, обо всем семействе его и воинстве его. Я же, возлюбленное чадо, совершая ежедневно святую и страшную литургию, никогда не служил без того, чтобы не помолиться Богу, чтобы не вынуть частицу и не соединить ее с честною Кровию Спасителя нашего Иисуса Христа, особливо за царя и самодержца Александра, а после за все семейство и воинство его. И все сие, чадо мое, вынужден я написать тебе, хотя и не хочу, чтобы мир слышал обо мне. Но поскольку ты и единожды, и дважды, и трижды писала мне, прося молиться о любезных чадах твоих, что готовы погибнуть ради веры православной и любви Христовой, сего ради, чтобы не огорчить тебя, узнай о том, как поступаю я. За сим молю Бога, да удостоит Он всех вас Царства Небесного, и да возрадуетесь вечно в сладчайшем свете и красоте Святой и Животворящей Троицы, пред лицом Иисуса Христа со всеми святыми. Аминь. В год 1907-й, декабря 12-й день.

Смиренный иеромонах Савва, духовник Малого скита святой Анны.

Честная церковь Воскресения Христова. Целуют вас мои духовные чада.

Если внимательно изучить это письмо, эту ценнейшую духовную реликвию, то оно многое сообщит нам о необычайном духовном горизонте отца Саввы.

Сколь велико смирение, заключенное в этой фразе: «...все сие, чадо мое, вынужден я написать тебе, хотя и не хочу, чтобы мир слышал обо мне. Но поскольку ты и единожды, и дважды, и трижды писала мне...»! А еще одно выражение, завершающее письмо, – «...да возрадуетесь вечно в сладчайшем свете и красоте Святой и Животворящей Троицы, пред лицом Иисуса Христа со всеми святыми», – наиболее точно и лаконично выражает смысл целых глав мистического богословия.

Небесная Пасха

Великую Четыредесятницу 1908 года старец встретил, будучи очень слабым. Его телесные силы иссякали, плотская скиния увядала. Единственным, что еще удерживало его в этой жизни, был святой престол. Как сообщает игумен Дионисиата Гавриил, отец Савва «до глубокой старости служил ежедневно, единожды в день вкушая хлеб и постное печено, в последние же 4–5 лет поддерживал свои силы лишь вкушением Святых Даров и одной чашечкой кофе ближе к вечеру». Тем не менее *внутренний человек*²²⁹ находился в самом расцвете, а доброта и сладость, которые излучало теперь его лицо, производили особенное впечатление.

Его калива праздновала день Воскресения. Многие из тех, кто перед этим прошли через исповедальню старца, оставались здесь, чтобы вместе с ним отпраздновать Пасху. Омытые Таинством прощения грехов, они явственно чувствовали Воскресение, и в этой убогой каливе ощущали всё ослепительное величие пасхального празднества. Пасха в этот год приходилась на 13 апреля, но отец Савва, казалось, не готовился к ней. Скорее, он должен был отпраздновать ее на небе. За его плечами лежало восемьдесят семь лет, исполненных духовных трудов, и теперь этим плечам предстояло уснуть и успокоиться.

Бог часто призывает к себе своих святых в какие-либо значительные дни. Это была пятница, 4 апреля, совершалась вечерня Лазаревой субботы. Старец, собрав все свои телесные силы, совершал литургию Преждеосвященных Даров. Это была его последняя литургия, он знал это, и потому его волнение достигло вершины. Это волнение еще усиливалось паремиями вечерни, говорившими о смерти патриархов ветхого завета: «Бытия чтение... *И возложив Иаков нозе свои на одр умре...*²³⁰ *И рече Иосиф братии своей, глаголя: „Аз умираю..."*²³¹» Это был подходящий час для удаления из жизни. И разве отец Савва не боролся, подобно патриарху Иакову, чтобы соединиться с

Богом, разве он, как Иосиф, не наделял хлебом голодающий народ Божий?

После Божественной литургии он присел, как бы от усталости, и обратился к двум своим ученикам, Онуфрию и Илариону: «Подойдите, чтобы я прочел над вами разрешительную молитву, ибо я скоро умру».

Он благословил их, попрощался с ними, сделал свои последние распоряжения, побеседовал с ними о встрече в вышнем мире. Это были священные минуты, исполненные плача, молчания и таинства. С безграничной умиротворенностью на лице он ожидал встречи с ангелами, а его уста непрестанно славословили Господа жизни и смерти.

В девятый час по византийскому счету, за три часа до того, как солнце должно было осветить Афонскую Гору, среди слез учеников, среди благоухания, расточаемого апрельскими цветами, среди весенних трелей пернатых обитателей пустыни, среди благовония вечерних молитв душа духовника взлетела к небесным селениям, к миру нетления. Взлетела, исполненная надежды воскресения, в то время как Церковь славila Того, Кто победил смерть и даровал воскресение четверодневному Лазарю.

Господь Иисус ожидал возлюбленную Им душу на берегу небесного Тивериадского озера, чтобы вручить ей царство благолепия и венец доброты. Ее ожидали слова Небесного Жениха: *«Добра еси, ближняя моя, яко благоволение, красна яко Иерусалим... Уподобилася еси финику»*²³².

С кончиною этой священной и плодоносной финиковой пальмы многие души исполнились печали. Возникла невосполнимая пустота. Ушел сильный из сильных Израиля, ушла неповторимая личность.

* * *

Тропинка, ведущая к Малому скиту святой Анны, опустела, почта больше не доставляла многочисленную корреспонденцию, калива Воскресения погрузилась в безмолвие. Тем не менее благоговейные паломники иногда поднимались к ней, чтобы оросить слезами гроб духовника и

попросить кого-либо из священников прочесть над ним Трисвятое.

Вот что рассказал нам старец Арсений из Буразери (местечко возле Карей), принадлежавший к числу ближайших учеников отца Харалампия.

«В 1909 году я, уехав с Кавказа, посетил Палестину и Египет и направлялся на Святую Гору. Патриарх Александрийский дал мне деньги и сказал: „Посети Малый скит святой Анны и прочти Трисвятое над гробом отца Саввы. Это был духоносный человек. Я исповедовался ему. Я познакомился с ним в Иерусалиме"».

Так сказал отцу Арсению патриарх. (Речь идет о патриархе Фотии с острова Тинос, высоконравственном, образованном человеке и прекрасном проповеднике, который до того принадлежал к епископату Иерусалимской Церкви.) Даже патриархи преклонялись перед отцом Саввой!

Когда, некоторое время спустя, ушел в вечность и старец Онуфрий, старцем в каливе остался отец Иларион. Вместе с любимым учеником, Эммануилом Пападовасилакисом с Крита, получившим от старца имя Онуфрия, они занимались изготовлением деревянных печатей для просфор и постоянно беседовали о приснопамятном духовнике, «дедушке » молодого монаха.

Старец Иларион никогда не уставал рассказывать посетителям каливы о величии блаженного старца. Если его просили, он показывал и рукописи отца Саввы. Фотографии же он показать не мог, поскольку старец, будучи выдающимся подвижником и пустынником, избегал фотографироваться. Отец Иларион позволял посетителям даже целовать честную главу старца, которую берег в церкви как зеницу ока.

«В каливе Малого скита святой Анны, где жил духовник Савва, – пишет отец Иоаким Специерис, – сохраняли его главу. Могу признать, что она произвела на меня, когда я поцеловал ее, впечатление главы святого мужа».

Разве такого впечатления не производит его житие? И кроме того, стоит вспомнить о том, как выражались те люди,

которые во множестве приходили к каливе: «Мы идем на исповедь к святому Савве», – обычно говорили они.

Но официального признания Церковью его святости пока нет, однако мы молимся об этом от всей души. Ведь, по общему признанию, отец Савва был яркой звездой добродетели, цветущей лозой святого виноградника. Милосердный, способный утешить в трудную минуту, сильный в брани, обладавший пророческим даром, преподобный и достоблаженный, истинный человек Божий, он, как мы твердо знаем, был любим Богом и людьми.

Часть 7. Духовник отец Игнатий

Впервые десятилетия нашего века в местности Катунаки на Святой Горе просияло несколько замечательных подвижников. Двум из них мы посвятили третью и четвертую части книги «Образы современных святогорцев». В настоящей части также будет представлен образ одного из обитателей Катунак, который отличался своей святостью.

Согласно общему мнению афонских монахов, личность духовника отца Игнатия – речь пойдет именно о нем – принадлежит к числу самых достойных и привлекательных жителей пустыни. Восемьдесят лет подвижнической жизни на Афоне сделали его вместилищем даров Духа.

Возможно, отец Игнатий не обладал высотой мудрости старца Даниила или духовной мощью отца Саввы. Зато у него был таинственный дар, какой можно было встретить лишь у немногих знаменитых святогорцев. Душевный мир старца напоминал живописную гавань с ее незамутненной водой, свежим ветерком и неопишуемой тишиной.

Его сердце было священным садом, исполненным благовонных плодов и цветения. Здесь не было недостатка во всем, *что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно*²³³.

Приблизительно семьдесят лет он был духовником и насадил ясный свет благодати в неисчислимое множество душ. Его исповедальня представляла собою святое место, откуда исходили лучи мира и утешения.

Когда автор этой книги посетил Святую Гору, отца Игнатия уже не было в живых. Я слышал об этой личности много удивительного, и, кроме того, мне посчастливилось познакомиться с его лучшим учеником, также носившим имя Игнатий и подвизавшимся в Новом скиту. Добродетели ученика служили подтверждением великой славы старца, и это знакомство послужило для меня дополнительным толчком к составлению данного жизнеописания.

Образ подвижника, о котором речь пойдет в этой части книги, как мы увидим, неотделим от его духовных предшественников и последователей. Так, на передний план выступает личность великого подвижника Хаджи-Георгия, прославившего афонское монашество XIX века. Знакомство с плеядой этих образов должно, во-первых, послужить к назиданию читателя и, во-вторых, лучше осветить духовный путь отца Игнатия.

Сведения для этого жизнеописания получены нами от многих отцов Катунак и соседних местностей. В частности, следует упомянуть известного гимнографа отца Герасима из Малого скита святой Анны. Однако наибольшую помощь нам оказал монах отец Евстратий – насельник монастыря Симонопетра, духовный наследник старца.

Предлагая вниманию благочестивых христиан седьмую часть книги «Образы современных святогорцев», хочется еще раз во всеуслышание сказать, что древний Афон по-прежнему дает Православной Церкви светообразных земных ангелов, которые как при жизни, так и после смерти просвещают и наставляют народ Божий.

Июнь 1973 г. Архимандрит Херувим

Духовник отец Игнатий представлял собою выдающийся образ пустынника: человек простой, прямой и глубокой веры, он был образцом добродетельного духовника, обладающего великой рассудительностью, глубокомыслием в сочетании с безыскусственностью, духом назидания и утешения. Его смерть создала невосполнимую пустоту и принесла великую печаль всем отцам округи.

Монах Герасим из Малого скита святой Анны

Глава I. Духовная подготовка. Жертва Богу

На южных скалистых склонах Афона разбросано примерно тридцать калив пустынников. Это и есть монашеское поселение Катунаки, о котором говорилось и в предыдущих частях книги.

Глубокая впадина, сходная с оврагом, делит местность на две части. На востоке по соседству с огромной скалой господствует в вышине, словно камень пророка Аввакума, калива Успения Божией Матери. Вся окрестность ее скрывает в себе некое неотмирное величие. Прежде всего, многочисленные скалы, лишенные растительности, за исключением лишь нескольких каменных дубов, придают ей необычную выразительность.

Если присесть на невысокой ограде двора и бросить взгляд метров на шестьсот ниже, можно различить море с его непрерывным рокотом. С востока, словно часть Великой Китайской стены, заслоняет обзор огромная скала, из-за которой восход солнца с запозданием приходит в каливу. Однако скала зачаровывает своим редкостным величием. А ранним утром она пленяет слух необыкновенными концертами, которые складываются из трелей многочисленных птиц, вьющих здесь свои гнезда.

Калива Успения по справедливости может гордиться своим особым положением. Если бы Катунаки были царством, то царь, несомненно, именно здесь поставил бы свой дворец, как для того, чтобы наслаждаться редкостным видом, так и для того, чтобы присматривать за своими подданными.

Эта калива, которая и в наши дни находится в неплохом состоянии и имеет правильно налаженную литургическую жизнь, в первые десятилетия нашего века, как и ранее, распространяла свои лучи, словно самый яркий маяк. Присутствие иеромонаха Игнатия, выдающегося духовника, превратило ее в достойный подражания духовный улей, где души людей находили нектар Святого Духа.

* * *

Отец Игнатий родился в 1827 году в Серрах. Его родители были православными: отец – болгарин, а мать – гречанка. Подрастая, Янис – таково было его мирское имя – *преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков*²³⁴. С юных лет он выделялся телесной, и еще более – душевной красотой. Благородный, честный, сдержанный, отличавшийся рассудительностью, любовью и трудолюбием, он был предметом затаенной гордости родителей, не имевших других детей. Естественно, что они строили в отношении его самые радужные планы.

Однако Отец Небесный замыслил о нем иное, несравненно более высокое и прекрасное. Он готовил юноше ангельский образ, одеяние священства, благодать пророков и преподобных.

И когда в назначенный час в сердце Яниса, словно нежное дуновение ветерка, послышался глас Божий, звавший юношу к его высокому предназначению, тот оказался достойным небесного зова и от всей души воскликнул: «Се, раб Господень».

Его согласие не следует считать делом простым и безболезненным. Дело обстояло совсем иначе, ведь юноше пришлось бороться с могучими противниками. Если бы у его родителей были и другие дети, все оказалось бы гораздо легче. Теперь же Янис был их единственной надеждой, опорой и радостью. Итак, мысль о том, что он обрекает своих родителей на невыносимую печаль, покидая их, была равносильна страшному мучению, которое сделалось еще более тяжким из-за чувствительного и ранимого душевного склада юноши.

В тяжелой борьбе Янис сохранил неврежденной *броню веры*²³⁵, и эта-то вера принесла ему победу. Ибо что возвещала ему труба веры? Величие любви Божией. Она давала убеждение в том, что Бог Сам примет на Себя заботу о его родителях, Сам прольет на них бальзам утешения, успокоит их, укротит бурю. Итак, Янис решился и героически, словно великий патриарх Авраам, покинул своих родителей и семью. *Сия есть победа, победившая мир, вера наша*²³⁶.

Бегство юноши на Святую Гору по необходимости должно было совершиться тайно. Можно себе представить, сколь

душераздирающими были рыдания его родителей и родственников, когда его исчезновение оказалось замечено.

Вот как двадцатилетний Янис мужественно встал на путь жизни, посвященной Богу. Всякую плотскую склонность или желание он заклал на алтаре Духа, всякую земную любовь принес в жертву ради любви к Богу. Такие жертвы непостижимы для большинства, и в особенности для людей, сделавшихся *плотью*²³⁷. Святой Симеон Новый Богослов, гордость православной духовности, сказал бы: «Не таковы любящие мир, не таковы любящие жизнь, славу, плоть, наслаждение и богатство». Но Янис жил в Духе.

Его великая жертва поднялась к престолу Божию, словно *воня благоухания*²³⁸ духовного. Его приношение было благоугодно Богу, как приношение Авеля, и тотчас же, в качестве первого вознаграждения, юноше был дан редкостный дар: необыкновенный духовный наставник. Юноша направился к замечательному пустыннику: старцу Неофиту Хаджигеоргиатису, монашествовавшему на Катунаках, на той высокой скале, которую мы описали выше.

Имя Хаджигеоргиатис уже само по себе служило рекомендацией духовного величия старца. Около сорока таких избраннейших алмазов, просиявших на афонской земле, были духовными ростками святого старца Хаджи-Георгия.

Старец Неофит происходил из района Олимпа и был образцом подлинного аскета. Всё его богатство состояло, по большому счету, из одних четок и книги аввы Исаака Сирина. Совершенно безразличный ко всему земному, он пылал огнем в отношении небесного. Его ум непрестанно странствовал по небу и превыше неба. Старец был, как выразился бы гимнограф, небесным человеком и земным ангелом. Он непрестанно славил Бога, принося жертвы хвалы, и каждая его молитва походила на язык пламени.

Находясь рядом с этим бесплотным пустынником, Янис имел все шансы успешно совершить свое восхождение и подняться на гору добродетелей, как Моисей Боговидец – на Синай.

Пренебрежение мамоной

Поселившись на новом месте, Янис должен был сообщить своему духовному отцу и нечто особенное.

– Старче, – сказал он, – прежде чем уйти из мира, я благодаря экономии и своим трудам собрал кое-какие деньги, которые мне показалось полезным взять с собою. Я должен передать тебе их. Это значительная сумма: триста лир!

Старец Неофит едва не рассмеялся, слушая юношу.

– Триста лир!.. И к чему они здесь? Ты же хочешь стать монахом. А если хочешь, значит, должен избавиться от этого груза. Так вот, слушай, что ты должен сделать. Ты возьмешь лиры и начнешь обходить Святую Гору. Когда найдешь какого-нибудь бедного монаха, дай ему денег и возьми расписку. Когда вернешься, у тебя в руках должны быть расписки вместо лир. А иначе я тебя не приму.

Янис, еще не поступивший в школу подвижничества, получил неплохой урок, одновременно оказавшийся и мудрым испытанием. Это был экзамен на самопожертвование, послушание, пренебрежение всяким земным богатством. Юноша должен был понять, что слово «монах» обозначает человека, свободного от материальной тяжести. «Нестязательный монах, – говорит преподобный Нил Синайский, – это высоко парящий орел». Взяв нужную высоту в этом состязании, он смог бы достичь успеха в монашеской жизни.

Пылая любовью ко Христу, молодой послушник мужественно приблизился к препятствию. Как могли деньги остановить того, кого не испугала любовь его родителей? Янис умел служить вещам более высоким, нежели деньги. Итак, он бесстрашно принялся за свой труд.

Трудно сказать, приходилось ли какому-нибудь послушнику заниматься столь необычным делом: ходить и раздавать лиры! Задача казалась юноше легкой, но вскоре он увидел, сколько затруднений сопряжено с нею. Многие монахи, несмотря на свою бедность, не желали брать деньги. Итак, Янису

приходилось то и дело пускать в ход риторические средства убеждения.

– Возьми немного денег, отче, – говорил он. – Ты беден, и тебе они нужны. Возьми, чтобы и мне помочь поскорее закончить раздачу. Я не смогу вернуться назад, пока не разделю их все. Так пожалей же меня и возьми.

Из-за этого занятия послушнику пришлось бедствовать четыре месяца. Но что было делать? Послушание превыше всего. А где послушание, там и благословение Божие, ибо юноше представилась благоприятная возможность познакомиться с лучшими монахами Святой Горы. Чем беднее были каливы, которые ему приходилось посещать, тем больше они выделялись своим духовным богатством. В обмен на тленное золото он получал нетленное. Не только слова старцев, исполненные Духа, но и само лицезрение их неземных образов должно было дать ему наставление и поддержку.

Наконец послушник с расписками в руках вернулся в Катунаки. Лиры он раздал все, удержав лишь небольшую сумму, на которую купил книгу аввы Исаака и грубый зимний плащ. Старец порицал его и требовал отказаться от этих вещей, но в конце концов смягчился и разрешил Янису оставить их себе.

Только теперь, отказавшись от лир, послушник мог спокойно и не отвлекаясь на посторонние предметы отдаться изучению монашеской науки. Неприятности с денежными делами больше не случится, так казалось ему. И тем не менее спустя некоторое время мамона вновь принялся смущать его спокойствие.

В Серрах у Яниса была какая-то тетка, обладавшая огромным богатством. Ее имущество оценивалось в восемь миллионов золотых драхм. Будучи бездетной и находясь в престарелом возрасте, она не могла допустить, чтобы это колоссальное богатство попало в чужие руки. Подходящим наследником ей казался ее любимый племянник. Узнав, что тот находится на Святой Горе, она отправила людей найти его. Те прибыли в Катунаки и описали драматическое положение его тети. «Твоя тетя, – сказали они, – готова помешаться. Такое богатство, столько золота, и всё это достанется неизвестно кому! Возвращайся назад, чтобы принять ее наследство, как и

наследство твоих родителей, и, когда с этим все будет в порядке, делай, что хочешь. Ты должен вернуться, потому что иначе твоя тетя сойдет с ума от печали. Подумать только, восемь миллионов золотых драхм, и пропадут зря!». Эти и другие слова звучали в их устах убедительно, и тетя, как казалось племяннику, заслуживала всяческого сострадания. Одновременно внушения незримого врага заставляли его подсчитывать, сколько добрых дел он мог бы сделать с помощью такого богатства. Повод был вполне основательным. Но Янис не был одинок – щит старца помог ему отразить стрелы. И действительно, все устроилось благодаря вмешательству отца Неофита. Мудрый совет, данный им Янису, дал вполне удовлетворительное разрешение проблемы. «Я и сам понимаю, – сказал он, – положение твоей тети. Ясно, что такому богатству надо найти достойное применение. Так напиши ей письмо, поблагодари за такую большую любовь и предложи вот какое решение: пусть она разделит все свое имущество на три части. Одну надо отдать твоим бедным родителям, вторую раздать вдовам и сиротам, а третью пожертвовать в различные церкви. Так и твои родители получают помощь, и вдовы и сироты будут благословлять ее, и в церквях будет постоянно поминаться ее имя».

Разумное предложение старца разрешило вопрос. Более благочестивого решения не могло существовать. И мы также, несомненно, восхищаемся мудрым подходом, который проявил простой и неграмотный подвижник. В этой связи на ум приходит и другое подобное происшествие, связанное с преподобным Антонием Великим.

В Александрии был один сапожник, отличавшийся весьма добродетельной жизнью. Он достиг высот смирения и считал самого себя худшим из всех жителей города. Конечно, у него не было большого имущества, но небольшими деньгами, которые удавалось добыть повседневным трудом, он распоряжался весьма благочестиво. Он разделял их на три части: одну оставлял на собственные нужды, другую давал бедным, а третью посвящал Церкви. И как-то раз Бог открыл в видении преподобному Антонию, что этот сапожник выше его в делах

добродетели. «Антоний, – сказал Он, – ты еще не достиг меры того сапожника, живущего в Александрии».

Мы надеемся, что найдется достаточно христиан, которые так распоряжаются своим имуществом, чтобы люди их благодарили, Бог благословлял, а совесть их при этом испытывала великий покой.

Пот подвижнических трудов

Остаться в учениках у старца Неофита было непросто. Обычно всем послушникам приходилось искать другого старца. Чтобы задержаться у него, требовалось отсечь собственную волю, уметь читать и писать, справляться с тяжелыми физическими трудами, обладать жертвенностью и, прежде всего, безграничным терпением. С первых же дней старец подвергал послушников какому-либо суровому испытанию, в котором и определялась их судьба. Как мы знаем, Янису в качестве такого испытания было поручено обойти Святую Гору, раздавая деньги и получая расписки.

Уже сам факт, что Неофит удержал Яниса при себе, свидетельствовал о том, что у этого послушника были все задатки, дававшие ему надежду высоко подняться в духовной жизни. Это предчувствовали и другие отцы Катунак, знавшие обыкновение старца Неофита.

Аскетические предписания старца были чрезвычайно строгими. Он твердо придерживался хаджигеоргиевского направления без каких бы то ни было уступок и снисхождений. На его столе никогда, даже на Пасху, не бывало пищи с маслом, яиц, сыра или рыбы. Море Великой Четыредесятницы его лодка пересекала, не имея на борту иного груза, кроме соли, сухарей и маслин. Маслин же следовало есть не более десятка в день, причем вместе с косточками – так требовал устав старца!

Времени для заботы о своем внешнем виде у него не было вовсе. Слова «умываться», «стирать», «причесываться» были вычеркнуты из его жизненного словаря. Всем этим правилам, не исключая и последнего, следовали, конечно, и другие подвижники, о чем свидетельствует, например, жизнеописание старца Каллиника Исихаста.

В отношении одежды Неофит также следовал установлениям своего старца. Быть хаджигеоргиевцем означало ходить босым и иметь единственную верхнюю одежду. Старец незнаком был с сапожником: в лучшем случае он мог надеть шерстяные носки. Его одежда ограничивалась одним хитоном,

который он ежегодно красил в черный цвет и ходил так до следующего года.

Уже из того немногого, о чем мы упомянули, видно, сколь суровому ярму должен был покориться Янис. Впрочем, старец Неофит сам не уставал напоминать о трудностях и суровости такой жизни. Однако послушник был готов ко всему. В ушах его души непрестанно звучало слово святых отцов: «Отдай кровь и приими Дух».

Вокруг каливы располагались сорок аров оливковых деревьев. Участок принадлежал им, и его возделывание было связано с большими усилиями. В самом деле, можно себе представить, какой заботы требовали оливковые деревья, в особенности молодые, посаженные самими подвижниками. Необходимо учесть еще и особенности почвы: бесплодную землю, расположенную на склоне следовало улучшать добавлением хорошей почвы и защищать от оползней с помощью подпорных стенок. Мало того, приходилось помогать и другим подвижникам, престарелым или больным, которые не могли выстроить эти стенки сами. Позднее, как мы увидим ниже, возникла потребность в постройке церкви. Все это в сочетании с недостатком воды, постами, бдениями, уставными молитвами и искушениями врага было настоящим ровом страстей²³⁹, возвести от которого могла лишь сила Божия, наделявшая их необоримым терпением.

Из-за чрезвычайной усталости подвижники многократно забывались таким глубоким сном, что не могли подняться точно в полночь для совершения ночного богослужения. После службы полагалось прочесть келейное правило, за которым их в летнее время и заставляла утренняя заря. Ученик рассматривал это как серьезное прегрешение и, взволнованный и обеспокоенный, сообщал о нем старцу. Тот успокаивал его: «Чадо, нет причин для беспокойства. Закрой окно, вот и наступит ночь. И ночная тьма, и дневной свет – от Бога. Ведь как говорит псалмопевец, *Твой есть день, и Твоя есть ночь*²⁴⁰».

Среди этих трудов старец Неофит любил вспоминать изречение Священного Писания, которые часто употреблял его

наставник: *«Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного... усмиряю и порабощаю тело мое...»*²⁴¹. И образ нетленного венца вдохновлял сердца подвижников.

Повседневные службы совершались по отшельническому обычаю, то есть не по книгам, а по четкам. Например, начиналась ночная служба. Кто-нибудь прочитывал пять-шесть сотниц, затем вступал другой и т. д. Через некоторое время слышался звонок будильника. Это означало, что прошло ровно три часа, и старец произносил отпуст, завершая службу.

Старец Неофит не был орлом об одном крыле: он не ограничивался лишь изнурением тела и совершением определенного молитвенного правила, но ревностно заботился и о созерцательной жизни, отправляя свой дух на ловлю жемчуга в глубинах священного созерцания. Наряду с молитвенным деланием, ему помогало в этом и постоянное изучение книги аввы Исаака.

К счастью, несколькими десятилетиями ранее ученый клирик Никифор Феотокис опубликовал «Аскетические сочинения» преподобного Исаака Сирина. В результате каждый подвижник пустыни смог получить их в свое распоряжение. Для пустынника не может быть более ценного товарища, наставника и утешителя, чем эта замечательная книга, точнейшее мерило безмолвного жительства.

Не только у старца, но и у ученика была собственная книга аввы Исаака: как мы уже сказали, он позаботился купить ее, когда раздавал деньги. Таким образом, оба орошали свою душу духовными и животворящими веяниями этого священного творения. Особенно в часы печали, усталости, тяжких прилогов и искушений врага – этих прилогов даже приблизительно не могут себе представить люди, живущие в миру – авва Исаак вооружал их стойкостью мысли и сверхчеловеческим дерзновением.

«Всеми силами, – ободрял их сирийский отец, – будем пренебрегать телом, предадим Богу душу и во имя Господне вступим в борьбу с искушениями. А Тот, Кто спас Иосифа в земле Египетской... и Кто невредимым сохранил Даниила во рву

львином, трех отроков в печи огненной и Иеремию избавил из рва тинного... и Кто извел Петра из темницы при закрытых дверях и Павла спас от сонмища иудейского, Тот и нас да укрепит и да спасет среди волн, окружающих нас».

Конечно, Янис изучал книгу аввы Исаака постепенно. Прежде, чем приступать к сложным урокам, следовало услышать от старца более легкие: получить, так сказать, начальное монашеское образование. Согласно словам апостола, начинать следует с молока, за ним идут овощи, а под конец – твердая мясная пища²⁴².

Таинство послушания

Человек, внезапно очутившийся в огромном неизвестном городе чужой страны без проводника, стал бы в отчаянии напрасно блуждать туда-сюда. И прежде всего он искал бы проводника, переводчика, наставника – человека, способного спасти его от безнадежных скитаний. Нечто подобное имеет место и в монашестве: всякий, кто вступает в беспредельную и необъятную страну монашеской жизни, в первую очередь нуждается в духовном наставнике.

Монашество – это страна, исполненная скрытых таинств, в которые учитель должен предварительно ввести своего ученика. Основным и первым по важности является таинство послушания. Монах, не осознающий этого как должно, тем самым уже обрек себя на духовное кораблекрушение.

Старцу Неофиту предстояло без промедления заняться посвящением в основные таинства. Итак, он, подобно всякому посвященному, начал вводить своего ученика в святилище послушания. Нетрудно вообразить себе эти священные минуты. Представим, что его голос разносится в пустынном безмолвии Катунак среди благовония молитв, слез умиления и непрерывного плеска морских волн – стихии, лежащей шестью сотнями метров ниже по склону.

«Чадю! Послушание – это, можно сказать, святой путь, ведущий монаха к спасению. Послушание – это и ворота в рай. Уже сейчас монах вкушает рая, ибо образ его ангельский, а ангелы на небе исполнены смирения. Сатана и его воинство из-за своей гордыни утратили славу небесную, вместе со смирением потеряли страну света. О смирение! Вот что приводит нас в рай! И где же найти его? Только в послушании ты наверняка разыщешь смирение, а значит, только послушанием обеспечишь себе райское блаженство. Из-за своего непослушания первозданные люди утратили рай. Христос, *быв послушным, даже до смерти*²⁴³, вновь отверз двери рая. *«Послушным даже до смерти!»* – в этих четырех

словах заключен весь смысл таинства послушания. Послушание равняется жизни, непослушание – смерти».

Слова старца, его голос, сами эти святыя истины походили на таинственное дуновение, несущее в себе дыхание древнего рая. Все, что отец Неофит преподавал юному питомцу пустыни, он заимствовал у своего старца, Хаджи-Георгия, – не только на словах, но гораздо более в образе жизни. Тот, в свою очередь, получил это от своего старца – иеромонаха Неофита Кавсокаливита, а этот – от своего старца, и т. д. Так мы приходим к отцам египетской пустыни, к первым векам христианства, когда Святой Дух начал вручать Церкви сокровище монашеской жизни. И как этим первоначальным преданием, так и его последующим из поколения в поколение развитием, его обогащением, неповрежденностью, единством Церковь всецело обязана незримому действию Святого Духа.

Теперь компас мыслей старца Неофита указывал на его старца, на предшествующее звено духовной традиции.

«Чадо мое Янис! – часто говорил он. – Мой старец преуспел в духовной брани. Ему не было равных в послушании. Если первозданные люди до своего проступка укрощали животных, то этого достиг и мой старец. Во имя послушания он мог укрощать и диких зверей».

Тут было в самый раз привести какой-нибудь впечатляющий эпизод из жизни духовного отца. Поскольку речь шла о послушании, отец Неофит поведал историю, которая буквально потрясает. Рассказ еще не был закончен, а на глазах старца появились слезы, а душе ученика открылась вся райская красота и мощь блаженного послушания.

Эту историю, в самом деле потрясающую, можно и теперь, спустя полтора века, услышать от отцов Святой Горы. Познакомимся с нею и мы.

К югу от Кавсокаливийского скита лежит пустынная, труднодоступная местность. Здесь – недалеко от моря – находится пещера ангельского подвижника святого Нифонта (XIV в.), и где-то здесь в начале прошлого века монашествовал отец Неофит, старец Хаджи-Георгия. Должно быть, он отличался высотой добродетели, если судить о дереве по его плодам.

Отец Георгий – он еще не звался Хаджи-Георгием, поскольку лишь позднее посетил Святую Землю и искупался в Иордане²⁴⁴ – отец Георгий, ученик старца, сделался необыкновенным монахом. Его послушанию можно было позавидовать.

Для поддержания своего существования на этой бесплодной земле подвижники сохраняли в какой-то канаве, как в бассейне, немного воды и разбили небольшой садик. Однако в непроходимом лесу выше их каливы обитали дикие кабаны. Один из них постоянно спускался в сад и сеял там разрушение.

Этот кабан был большим искушением! Как же справиться с ним? На сей счет у отца Неофита возникало много разных мыслей. Наконец он понял, что даже в самом этом испытании скрывался какой-то смысл. «Бог, – подумалось ему, – с помощью этого кабана предоставляет моему ученику редкостную возможность сдать экзамен по послушанию. Вот где станет видно, чему он научился!». Перед дерзким предприятием старец долго молился: нужно было получить внешнее доказательство своей правоты. И действительно, некий голос побудил его действовать. Решительный час настал.

– Георгий, – повелительным тоном обратился старец к ученику, – посторожи-ка сад ночью. Когда увидишь, что кабан спускается туда, свяжешь его своим поясом и принесешь мне.

Отец Георгий тотчас же понял тайный смысл этого приказанья и бесстрашно приступил к делу. Он знал, что молитвы старца сохраняют его от опасности.

К многочисленным случаям, известным по житиям преподобных отцов, когда ученики, возглашая: «Молитвами моего старца...», укрощали диких зверей, прибавился еще один. Чудо послушания не замедлило последовать. В тот же вечер кабан, связанный и кроткий, как ягненок, был препровожден к старцу. Тот осенил его священническим благословением и запретил ему появляться вблизи каливы.

Вдумаемся в эту картину. Отец Георгий тащит зверя к своему старцу. Тем временем диавол яростно добивается того, чтобы низвергнуть ученика и старца в пропасть гордыни, но терпит посрамление от обоих. «Я, – отвечает ученик, – ничего не сделал. Все случилось по молитвам старца». – «Я, – говорит

в свою очередь старец, – ничего не сделал. Смирением и послушанием ученик заслужил Божию благодать».

О святые узы послушания! Вы поднимаете ввысь и защищаете от пропасти. Вы приобретаете Божественную благодать и обеспечиваете ее сохранение. Какая глубина Божественной мудрости стоит за вами! Блаженны восхотевшие вас. Вдвойне блаженны те, кто вкусил ваших священных плодов. Вы – поистине неборимая сила, «бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих» – как говорит преподобный Иоанн Лествичник.

Священство и послушание

Посетить храм Успения Пресвятой Богородицы в Катунаках можно и сегодня. Он сохранился в хорошем состоянии, не претерпев вреда от всесильного времени. Это надежное сооружение, северная сторона которого вырублена в скале. Храм не так беден, как церкви других калив, но и не вызывающе богат. Царящая здесь полутьма способствует умиленному, молитвенному настроению. Через два окошка в южной стене можно полюбоваться скалами и бурным Эгейским морем.

Иконостас, скромно украшенный деревянной резьбой, состоит из пяти икон. Четыре из них соответствуют обычаю, на пятой – образ Преображения. Эти иконы, хотя и кустарного исполнения, излучают святость и благодать. Над всем господствуют выполненные с необычайным искусством изображения распятого Христа, Богородицы и Иоанна Богослова, которые выделяются прекрасной иконописью, богатством позолоты и совершенством резьбы по дереву. Надпись: «В год от Рождества Христова 1862. Сентябрь», помещенная под распятием, сообщает нам точную дату его изготовления.

В трапезной, относительно просторной и лучше освещенной, с удобством разместилось бы человек десять, которые позднее, когда отец Игнатий сделался известным духовником, могли ожидать здесь исповеди.

Если перенестись на столетие назад во времена, когда на этой безводной и тесной скалистой поверхности строился храм, то прежде всего придется обратить внимание на невыразимые мучения, которые испытывали рабочие, а вместе с ними старец Неофит и его ученик.

До того времени на Катунаках не было храма, и потому отцы Лавры побудили взяться за дело старца Неофита. В этом пустынном поселении был нужен храм, который мог бы служить духовной потребности подвижников. Когда храм был построен, его освятили в честь Успения Пресвятой Богородицы, что особенно порадовало ученика, поскольку и его приходская

церковь в Серрах была Успенской. Однако в качестве второго престольного праздника было определено Преображение – день, особенно любезный старцу Неофиту.

Конечно, храм нуждался в священнике, и им стал не кто иной, как Янис. В монашестве он получил имя богоносного Игнатия – святого, который явственно ощущал в своей груди движение благодати Святого Духа. В то же время это имя было наградой за нравственную чистоту жизни молодого монаха.

Поведение отца Игнатия было во всех отношениях образцовым. Общаясь со старцем, он очень заботился о тщательном откровении помыслов. Существуют красочные рассказы о том, как он без всякого рассуждения исполнял послушания с точностью до волоска, несмотря на всю строгость своего старца. Это видно и из того, каким образом он стал священником.

Прошло шесть лет с момента его пострижения. Все это время отец Игнатий в точности следовал строгому уставу своего старца. Так, он, помимо всего прочего, никогда не заботился о своей внешности, не мылся, не причесывался. Привыкнув к такому образу жизни, он не испытывал никаких затруднений и не мог даже представить, что когда-нибудь сможет нарушить эти аскетические правила.

Однажды утром старец поразил его своими словами: «Отец Игнатий! Сегодня потрудись вымыться, причесаться и постарайся выглядеть как можно лучше».

Тот, хотя и испытывал недоумение, слыша столь необычное приказание, но, как верное чадю послушания, не возразил ни слова. Закипела тяжкая работа. Приготовив воду с золой, Игнатий раз за разом убеждался, что его отчаянные усилия не приносят успеха. Особенно много мучений доставила ему необходимость вымыть, распутать и подчинить деревянному гребню свои волосы.

На следующий день старец, без всяких объяснений, сообщил ему, что им необходимо отправиться в Лавру. Пешком они добрались туда за два-три часа, после чего отец Неофит прошел в помещение совета старцев, а отец Игнатий остался ждать снаружи. Через некоторое время его также провели туда,

чтобы он поклонился старцам. Тут-то и разрешились все недоумения.

«Теперь, когда ты примешь благодать священства, помни и нас тоже и поминай на проскомидии», – сказали отцу Игнатию лаврские старцы.

Тот обомлел. Удивленный и пораженный, он, однако, не мог ничего возразить. Его старец обо всем договорился, словно родители-индусы, которые устраивают браки своих детей без их ведома. Несомненно, у ученика могли быть сомнения и возражения, но если таково было желание старца, значит, того же хотел и Бог, и это успокаивало его.

Новый храм с недавно рукоположенным священником придал новую окраску пустынной жизни. Образовалась некая пристань, где по воскресеньям и в великие праздники пустынники совместно переживали небесные мгновения службы. Потребовались еще десятки лет, чтобы появились и другие подобные духовные центры. Прекрасный храм данилеев был построен сорок лет спустя. Итак, церковь Успения была первым шагом, и отец Игнатий благословлял всех чад пустыни.

Писатель Мораитидис, с острова Скиатос, в своей книге «По северным волнам» рассказывает и о том, как отшельники посещали церковь: «Поскольку в каливе старца Даниила не было храма, мы отправились пешком в пустынную каливу великого духовника, отца Григория... Так мы поступали каждое утро и ходили на Божественную литургию то в одну, то в другую каливу. Таким образом, я несколько раз побывал в каливе духовника отца Игнатия».

В каливе Успения можно было встретить не только мудрого старца Даниила и писателя Мораитидиса, но и других лиц: старца Герасима, великого учителя умной молитвы; известного безмолвника Каллиника, пока он не стал затворником; какому-нибудь замечательного русского подвижника с Карули; молчаливого постника Христофора и прочих. На богослужебных соборах этих преподобных отцов ангелы непрестанно наполняли свои золотые чаши самыми благоуханными молитвами²⁴⁵.

Отец Игнатий служил не только в каливе Успения. Его литургический глас прошел по всей пустынной земле. Обитатели пустыни вплоть до Керасьи звали его для совершения таинств, богослужений, литургий, особенно когда отмечался престольный праздник какой-нибудь каливы.

Эти посещения привели и к возникновению одного деликатного вопроса. После литургии отцу Игнатию приходилось оставаться на трапезу, однако он, соблюдая устав хаджигеоргиевцев, не ел пищи с маслом. Это беспокоило многих отцов, и те попросили отца Неофита найти какой-нибудь выход.

«Здесь, в нашей каливе, – сказал старец своему ученику, – никто не будет есть масла, пока я жив. Вне ее благословляю тебя разрешать на масло, когда ты служишь и остаешься на обед».

Благодаря тактичности старца, было устранено и это небольшое затруднение. В определенных случаях подобные решения могут оказаться необходимыми.

* * *

Воздержание от масла способствовало не только добродетели воздержания, но и добродетели милостыни. Из того масла, которое наши подвижники получали от своих олив, они удерживали часть для лампад в храме, а остальное раздавали как милостыню. Поэтому стало известно, что калива Успения может предоставить большее или меньшее количество масла тем, кто застигнут нуждой.

Как-то раз, когда калива испытывала материальные затруднения, туда явились какие-то бедные миряне и попросили масла. Тогда старец Неофит приказал ученику сходить за маслом в кладовую. Тот, однако, объяснил старцу, что кувшины совершенно пусты. Это заставило бедняков удалиться с пустыми руками.

Не прошло и пяти-десяти минут, как отец Игнатий встретил за оградой каливы какого-то незнакомого монаха. Тот без лишних слов вручил ему пятьсот драхм, попросил совершить сорокоуст и удалился. Старец, которому ученик тотчас же сообщил о случившемся, спросил:

– А как его зовут, чтобы ты мог его поминать?

– О! Я забыл спросить. Но я его догоню. Он еще и пятидесяти метров не мог пройти.

Отец Игнатий вышел из каливы, бросился вдогонку, принялся кричать, звать монаха, но тот исчез. Тогда старец Неофит погрузился в размышления: «Деньги появились, когда мы оказались в затруднении. Появились, едва ушли бедняки. Монах, раз он незнакомый, наверное, пришел издалека. Но разве там не было священников, которых можно было бы попросить о сорокоусте? И потом, как он мог исчезнуть бесследно за две минуты?» Поразмышляв так, он сообщил ученику свои выводы:

– Не исключено, что этот монах мог быть и ангелом. Во всяком случае, он послан Богом. Бог хочет нам что-то этим сказать, как-то испытать нас. Ну, конечно! Разве я не сказал тебе пойти в кладовую и принести масла?

– Да, старче, ты сказал.

– Однако ты не пошел, а сообщил мне, что масло кончилось. Ты сделал серьезную ошибку. Я же не спросил тебя, кончилось масло или нет. Я, как старец, дал тебе заповедь, которую ты не исполнил. А если бы ты проявил послушание, то нашел бы масло в кувшинах. Оно бы там появилось чудесным образом, как и эти пятьсот драхм. И мы бы дали милостыню бедным, как и нам дал Бог. Из-за твоего непослушания мы прогнали бедняков с пустыми руками и потеряли воздаяние за милостыню. Потому мы оба должны сейчас прочесть канон, чтобы получить прощение.

После этого происшествия ученик стал еще более погружаться в глубины таинства послушания, стремясь быть более внимательным, как и советовал старец. Ему следовало увидеть многие вещи не через призму человеческой логики, но с помощью таинственного oka веры.

Глава II. Отцы и дети. Великий старец

Покинем ненадолго старца Неофита и недавно рукоположенного отца Игнатия и заглянем чуть дальше в прошлое, чтобы увидеть величественный образ их духовного предшественника. Нам необходимо познакомиться с прославленным подвижником Хаджи-Георгием, великим наставником старца Неофита. Чтобы как следует изучить потомка, нужно знать его деда, так же как, чтобы оценить плодоносность дерева, следует поинтересоваться стволом, корнями, почвой.

Все то, что мы сможем сообщить о знаменитом афонском подвижнике, будет заведомо недостаточным и недостойным величия его личности. Но что же делать? Собрать больше сведений нам, к сожалению, не удалось.

Слыша речь Хаджи-Георгия, нетрудно было узнать в нем уроженца Анатолии. Должно быть, он происходил из окрестностей Кесарии Каппадокийской или даже из более отдаленных к востоку районов, принадлежавших тогда Российской империи. Хаджи-Георгий действительно хорошо владел русским языком. Родился он приблизительно в 1805–1810 годах.

Мы знаем, что около 1828 года он, будучи еще относительно молодым, был пострижен в великую схиму и жил вместе с отцом Неофитом, подвизавшимся тогда в пустыне Кавсокаливии. Известно, что позднее он обосновался несколько выше, в так называемой Керасье, где возглавлял значительную общину келлий святого Мины и святого Димитрия. Это было посещаемое место, через которое проходили многие, и потому оно оказалось благоприятным для того, чтобы добродетель великого подвижника, устроением Божиим, просияла здесь. В уединенной пустыне Кавсокаливия Хаджи-Георгий боролся, чтобы приобрести свет, а в более посещаемой Керасье – чтобы излить его в души приходивших к нему людей.

В различных каливах, из которых состояло поселение подвижников Керасьи, обычно насчитывалось три-четыре

монаха. Количество же насельников каливы Хаджи-Георгия непрерывно возрастало. Вскоре численность его общины достигла сорока-пятидесяти человек, среди которых было немало «Вениаминов²⁴⁶, отмеченных благодатью. Молодые ребята пятнадцати-восемнадцати лет, которым было сложно устроиться в киновиях или даже скитах, приходили сюда. Хаджи-Георгий, исполненный отеческой любви, принимал их и благополучно направлял к вершинам добродетели.

Сказать, что внутреннее устройство общины было строгим, – значит, не сказать ничего. Здесь был установлен распорядок жизни, которому позавидовали бы даже строгие пустынники. Во всем, что касалось пищи, сна, одежды, режим напоминал героических подвижников древности. Особенно строгим было отношение к посту. Сказать «хаджигеоргиевец» было все равно, что сказать «постник». Стол не знал не только рыбы и яиц, но и постного масла. Устав общины предусматривал воздержание от масла даже на Масленицу, Рождество и Пасху. Пасхальные яйца заменялись вареными картофелинами, окрашенными в красный цвет. Держа в руке эти «яйца», христосовались друг с другом.

Этим суровым предписаниям неуклонно следовали все: и старые, и малые. Может показаться удивительным, что количество послушников, приходивших в общину, от этого только возрастало. По-видимому, души людей находят удовлетворение в истинном духе строгого подвижничества и отвращаются от монашества, обесцвеченного множеством снисхождений.

Великий старец был богозданным магнитом. К нему стремились жаждущие души, а его слава и авторитет возрастали неуклонно. А те, кто видел старца, замирали от восхищения, не зная, чему больше удивляться: его ли великой добродетели или его характеру, сильному и одаренному от природы.

Старец обладал пронизательным умом. Всякий преклонялся перед даровитостью, остроумием и находчивостью этого мужа. В общении с людьми он обнаруживал непобедимую силу рассуждения. Свои аскетические идеалы и убеждения он

умел защищать достойным восхищения образом, хотя сам не получил почти никакого образования.

Старец был и замечательным психологом. Бросив на человека единственный взгляд, обменявшись с ним двумя-тремя словами, он уже был в состоянии с полной точностью взвесить и оценить его. Старца невозможно было провести притворством и лицемерием. Его взор был орлиным взором.

К тому же он обладал и кое-какими медицинскими познаниями. С помощью различных методов народной медицины, мазей, целебных растений, порошков, горячих ванн старец умел изгонять разнообразные немощи. Ему не было равных в борьбе с простудами и обморожениями, от которых особенно страдали тамошние монахи. Показателен один из его методов: простуженного монаха сажали в печку, разогретую до определенной температуры, после чего вместе с потом исчезал и всякий след недуга. Быстрое и оригинальное лечение! Правда, однажды за печкой не уследили, нагрели ее сверх того, что было необходимо, и монах, вместо того чтобы исцелиться, получил ожоги. Вот какие врачебные средства применяли в то время!

Многие монахи благодарили старца за то, что он вернул им здоровье. Другие, страдавшие от бедности и нищеты, могли прославлять его за поданную милостыню. Щедрость и дух милосердия были его отличительными чертами. В этом на него походили и его духовные наследники. Когда говорили «хаджигеоргиевец» – это означало не только «постник», но и «милостивый».

Прямота и цельность характера старца заслуживали всяческого восхищения. Он не заискивал ни перед кем из высокопоставленных лиц, не страшился их несправедливых обвинений. Боялся он лишь Бога, Его закона и Судного дня. Ради справедливости и истины он не стеснялся, если нужно, прибегать к резким и обличительным выражениям. Он не молчал, когда следовало говорить, и не страшился *устремления нечестивых находящаго*²⁴⁷. Бог и совесть стояли превыше всего.

Он стремился с неизмеримой ревностью к восхождению на высоты Духа. Уже в качестве ученика он достиг завидной высоты и был тайной гордостью своего старца. Свет Божий с юных лет просветил его сердце, и даже пророческий дух не замедлил прийти к нему. Известны пророчества Хаджи-Георгия относительно будущего Османской империи, которые исполнились в точности. Его молитва обладала великой силой и достигала недостижимого. Он удостоился и дара чудотворения. Еще при жизни старца благочестивые русские отправили к себе на родину его изображение, которое творило там чудеса. Из России бедный подвижник Керасьи получал немало подношений, которые помогали ему как в раздаче милостыни, так и в строительстве новых келлий, крайне необходимых из-за постоянного роста общины.

Как и всем великим и истинным рабам Христовым, Хаджи-Георгию предстояло пройти через горнило испытаний. В последние годы своей жизни он испил горькую чашу клеветы, гонений и изгнания, так что жизнь его уподобилась жизни распятого Христа. Виновниками этой трагедии были некоторые из русских монахов, которые позавидовали старцу, поскольку его община привлекла большое количество их соотечественников. Своими несправедливыми и клеветническими обвинениями они сумели убедить Священный Кинот подписать решение о его изгнании. Старец вынужден был с болью в сердце покинуть своих многочисленных духовных чад, оставив их сиротами, и провести остаток жизни в Константинополе, вдали от любезного ему Афона.

Однако премудрый Бог даже горечь обращает в сладость. Ученики Хаджи-Георгия рассеялись кто куда по всей Святой Горе, но везде, где поселялись, они насаждали цветы добродетели и распространяли благоухание святости. Сам же старец сделался небесным благословением для христиан Константинополя, особенно необходимым в ту беспокойную эпоху. Ненормальная и взрывоопасная обстановка, возникшая по вине султана Абдул Хамида II, взбудоражила христиан и довела до отчаяния руководство Патриархата. Патриарх Иоаким

III подвергся тяжелому испытанию из-за так называемого «вопроса о привилегиях» (1883–1884).

Своею святостью, пророческой силой и благодатью исцеления афонский старец мог многое дать взбудораженным, терпящим несчастья христианам. Сообщают о многих чудесных событиях, совершившихся по его молитвам. Больные обретали здоровье, и даже пояс старца творил чудеса. Так, одна женщина тяжело мучилась родами и находилась в смертельной опасности. Тогда ей предложили надеть пояс Хаджи-Георгия, опоясывавший тело великого подвижника, и тут же – о чудо! – боли прекратились.

Мужественно перенеся крест изгнания с любезного ему Афона и оделив благословением множество христиан Константинополя, старец почил о Господе в конце 80-х годов XIX века (1885–1890), завершив путь святости, испытаний и подвижнических трудов. При перенесении останков Хаджи-Георгия еще раз проявилась его святость, ибо они оказались почти невесомыми, приобрели лимонно-желтый цвет и источали благоухание.

Таков был знаменитый Хаджи-Георгий, босой и облаченный в свое единственное платье постник, великий старец Керасьи и прославленный афонский подвижник. Но, прежде чем оставить Хаджи-Георгия, познакомимся с одной его рукописью, дошедшей до нас.

Спор о посте

В конце прошлого века на Хиосе появился ряд знаменитых подвижников. В их числе прославленный Парфений²⁴⁸, ктитор монастыря святого Марка; Пахомий²⁴⁹, бывший разбойник; и многие другие мужчины и женщины, известные и неизвестные. Некоторые из этих выдающихся подвижников имели тесные связи с великим старцем Керасьи, как и монахи Иерофей и Макарий, о которых пойдет речь.

Эти двое монахов обитали в какой-то пустынной каливе. Возможно, они были учениками Хаджи-Георгия, происходившими со Святой Горы, или же с самого начала подвизались на Хиосе, в точности следуя его уставу и наставлениям.

В те годы митрополичью кафедру Хиоса занимал Григорий Византиос (1860–1877), который, как видно, не был знаком со спецификой монашеской жизни. Не умея постичь подвижнический дух, он вступил в конфликт с обоими монахами, которые положили себе непреложным правилом до конца жизни не вкушать скоромного и пищи с маслом. Владыке такой пост показался неприемлемым, в особенности по субботам и воскресеньям, в великие Богородичные или Господские праздники. Поэтому он принуждал монахов изменить свой образ жизни. Те, видя невежество митрополита в вопросах подвижничества, напротив, и не думали уступать. Находясь в затруднительном положении, они решили обратиться за помощью к Хаджи-Георгию. Тот отправил владыке письмо с просьбой проявить понимание и поддержать монахов в их аскетической борьбе.

Это замечательное письмо сохранилось, и мы приводим его полностью.

Высокопреосвященнейшему митрополиту Хиосскому господину Григорию с поклоном.

Высокопреосвященнейший святой Владыко, смиренно целую Вашу святую десницу.

Обращаюсь к Вам с просьбой и уверяю Вас, что старцы Иерофей и Макарий, монахи, живущие в каливе в пределах Вашей епархии, возлюбили и избрали благую часть. Так пусть же они ведут такую жизнь. Поскольку они дали свою клятву единолично, то она была проявлением гордости, но с сегодняшнего дня пусть они получают Ваше благословение. И пускай они следуют правилу не разрешать пост, поскольку, если кто постится со смирением, как грешник, или же ради подвига или любви к Богу, церковные правила не препятствуют ему. Тому есть свидетельства отовсюду: многие святые всю жизнь обходились травами, а иные бобами, как святой Златоуст, святой Иаков, брат Господень, который за всю жизнь не разрешил поста на одушевленные существа, как многие другие отшельники, а ныне я, грешный. Нас тридцать братий в одной келлии, а мне сорок лет, и мы ведем точно такую же жизнь и не разрешаем поста ни на масленицу, ни на Пасху. Так же поступают и другие подвижники, что живут по двое и по трое и в посте проводят свою жизнь.

Если кто постится из догматического убеждения, тогда это возбраняется. О подвижниках же сказано: «*На таковых нет закона*»²⁵⁰. Подвизающийся всегда воздерживается. Ныне да совершается пост по благословению Вашему, чтобы совесть не препятствовала им, как ослушникам. Монах всегда должен быть образцом для народа. Итак, да просияет свет перед людьми.

Ныне особенно необходимо, чтобы Вы, как пастырь, противостояли противникам поста, ибо многие христиане сегодня склонились к ним. Где страхом, а где наставлением учите их не преступать правил святых отцов и Вселенских Соборов нашей Церкви, ибо в них сказано, что всякий, не хранящий среды, пятницы, Четыредесятницы и других установленных постов, отлучен. Потому нужно, сколько возможно, препятствовать людям преступать законы Божии и творить запретное. Таких нарушителей Вы должны преследовать. А братьям, которые хотят поститься не ради дурной цели, не препятствуйте, но, глядя, как они подвизаются, радуйтесь, что в Вашей епархии есть столь добродетельные люди, и гордитесь ими. Конечно, если приключится какая нужда,

так надо и помочь им. Верю, что Вы получите великое воздаяние, если устроите дела таких людей.

Поразмысли же хорошенько, святой мой Владыко, ибо мы смертны, ждет нас Суд, когда Бог каждого будет судить по подобию его. Прости меня, грешного, и мою дерзость, ибо я недостойн отверзать уста и обращаться к Вам; разве что поскольку дошла до меня о Вас добрая молва. Да будут Ваши святые молитвы всегда с нами. Аминь.

Монах Хаджи-Георгий.

Святая Гора Афон. Керасья.

15 апреля 1872 г.

Неизвестно, был ли какой-нибудь отклик на письмо митрополиту. Во всяком случае, достоин восхищения мужественный характер Хаджи-Георгия, который не стесняется заявить: «Поразмысли же хорошенько, святой мой Владыко, ибо мы смертны, ждет нас Суд». Он пытается заставить митрополита задуматься о праведном Судии, Который спросит того не столько о двух подвижниках, постящихся сверх принятого, сколько о столь многочисленных христианах, нарушающих правила поста и воздержания.

Итак, афонский подвижник учит нас, что все мы, независимо от своего положения и звания, должны будем однажды предстать перед Богом, который будет нелицеприятно судить каждое наше деяние.

Первый ученик

Обратив свой взор назад, мы познакомились с величественным образом старца Хаджи-Георгия. Мы смогли сказать мало, хотя подобает ему многое. Остается лишь пожелать, чтобы кто-нибудь взялся представить нам в подробном изложении его выдающееся подвижничество. А теперь вернемся к двум подвижникам Катунак.

Из года в год старец и ученик разделяли радости и скорби легкого ига Господня. Прошло тридцать девять лет совместного подвижнического пути, а на сороковом году старец окончил борьбу. Верный до последнего вздоха своим монашеским обетам, с точностью до волоска хранивший хаджигеоргиевскую традицию, миролюбивый и спокойный, босой и не имевший двух одежд, он поменял тесноту Катунак на безграничный простор Горнего Иерусалима.

Тонкая и чувствительная душа отца Игнатия, верного и любящего сына, оказалась бессильной перед горечью разлуки. Теперь, когда калива сделалась совершенно пустынной, в его устах звучали лишь слова псалмопевца: *«Уязвлен бых яко трава, и изсие сердце мое... Уподобихся неясыти пустынной, бых яко ночный вран на нырищи»²⁵¹*. Но ему не пришлось долго оставаться в одиночестве. Сорок дней спустя, в день поминовения старца Неофита, в каливу пришел молодой монах Неофит – новый вместо старого.

Приблизительно двадцати пяти лет от роду, высокий, худой, с тонкими и благородными чертами лица, он происходил из богатого семейства, жившего в Пиргосе на Западном Пелопоннесе. Его мирское имя было Янис Каландзопулос. С первого взгляда он казался образованным человеком. Янис занимался журналистикой и учился в политехническом институте, но, сжигаемый жадой монашеской жизни, оставил свои занятия – он был тогда на втором курсе – и отправился на Афон.

На Катунаки молодой монах попал окольным путем. Вначале он был послушником в Дионисиате и два года трудился

на метохе Кассандры. После пострига юношу должны были вновь отослать туда, и это заставило его протестовать, потому что на метохе для молодого монаха существовали серьезные опасности нравственного порядка. К сожалению, приходится признать, что монастыри не следят за этим и посылают неопытных и неутвердившихся монахов на метохи, тем самым подвергая их неисчислимым опасностям.

Из безвыходной ситуации послушника выручило прибытие духовника – отца Саввы, который посетил монастырь, чтобы исповедовать отцов. После достаточно продолжительной беседы духовник предложил выход:

– В пустыне Катунак есть один замечательный иеромонах, отец Игнатий. Если ты пойдешь к нему, твоя душа успокоится. Только вот он немножко строг.

– Пусть будет строгим, отец духовник. Мне и нужен строгий старец. Я, кроме всего прочего, легко даю своему языку увлечь себя, так что нужно, чтобы кто-нибудь меня сдерживал.

Так развивались события, в результате которых в каливе Успения вновь появился отец Неофит. Удрученный жизнью на метохе, где монахи жили попеременно с работниками, он почувствовал великое облегчение среди священного воздуха пустыни. Будучи умным и сообразительным, он сразу понял, что за духовное сокровище прячет в себе его старец.

Первоначально, как это обыкновенно случается с новичками, Неофит проявил чрезмерно ревностное отношение к аскетическим подвигам и, будучи неопытным, подвергся даже опасности впасть в прелесть. Об этом говорится ниже, в III главе (в ее части «Возжжение лампы»).

Как человек отец Неофит имел свои особенности. Если быть беспристрастным, то нельзя назвать его характер прямым и ровным. В нем были свои крутые повороты, которые утомляли и самого Неофита, и других. По-видимому, люди, принадлежащие к определенным категориям, плохо справляются с монашеской жизнью, если не приложат к ней особых усилий.

Неофит словно бы по природе принадлежал к людям, которые непременно становятся знаменитыми, если отдадут

свои силы политике, дипломатии или журналистике. Он обладал способностью и искусством открывать любую закрытую дверь. Благодаря изворотливости своего ума и хорошо подвешенному языку, он, что называется, умел изобразить черное белым, а белое – черным.

Как-то раз он явился в Русский монастырь, который тогда раздавал пустынникам большую милостыню, чтобы попросить о чем-то. Привратник сообщил ему, что игумен приказал в этот день не открывать никому. Тогда отец Неофит, который, пользуясь своей природной одаренностью, хорошо изучил русский язык, пустил в ход все свое красноречие. В результате – его с радостью впустили и с честью представили игумену.

Если отец Неофит видел кого-то в плохом настроении, то умел тотчас зажечь солнце радости. Сам он был жизнерадостным человеком и легко создавал счастливую атмосферу. Если он вдруг видел, что его старец чем-то огорчен, то заговаривал с ним об одном, о другом, то так, то эдак, и наконец заставлял его забыть о своей печали.

Отец Неофит был неподражаем, когда кто-либо из мирян хотел показаться умным и задавал ему какой-нибудь иронический вопрос. Как-то раз люди из Сикий, что на Халкидиках, спросили его:

– Отчего это, отец Неофит, наши люди, живущие так близко от Святой Горы, не становятся монахами, а становятся ваши, которые живут так далеко?

– Возлюбленные мои! – отвечал он. – Земной царь выбирает для дворцовой стражи самые лучшие цветы из воинства всей своей страны. Так и Христос, Небесный Царь, включает в число своих избранных рабов самых лучших людей в христианском мире. А у вас разве таких найдешь?

В трудные часы, в моменты слабости эти способности отца Неофита приносили много зла. Однако он обладал способностью признавать и исправлять свои ошибки. Так, он сожалел и просил прощения то за свое многословие, то за свои разнообразные насмешки, то за свой чрезмерный интерес к политическим новостям того времени.

У отца Неофита были свои недостатки, но и свои добродетели. В исполнении своих обычных монашеских обязанностей он был весьма последователен, а по отношению к старцу выказывал неподдельную любовь и уважение. Неофит окружал его чрезвычайным вниманием и в знак уважения всегда обращался к нему со словами «святой духовник». Велика была его вера в Бога, а чуть позже мы увидим, как ему удалось однажды посрамить дьявола. О его благочестии свидетельствовало и то волнение в голосе, с которым он читал священные тексты.

Из-за своей образованности и красноречия отец Неофит был признан прекрасным чтецом. На праздничных службах в каливе Успения или, позднее, в каливе данилеев, куда собирались все отцы Керасьи, Неофит отца Игнатия – так его прозвали – всегда должен был читать соответствующее слово. В Великую Субботу из его уст разносилось несравненное слово святого Епифания: «На боготелесный гроб Господень». «Что это такое сегодня? – начинал отец Неофит. – Тишь великая на земле; тишь великая и великий покой; тишь великая, ибо Царь спит...». К концу слова напряжение достигало вершины: «Господь, держа за руку Адама, выводит его из густой тьмы ада. „Восстань, – говорит Он, – Мое создание, восстань, Мое подобие, по Моему образу пришедшее в бытие. Пробудись, пойдем отсюда: от смерти к жизни; от тления к нетлению; от мрака к вечному свету; от печали к радости; от рабства к свободе; от темницы к горнему Иерусалиму...“». Исполненный трепета голос чтеца представлял собранию преподобных бескрайнее милосердие Божие, как восприняла его мысль святого Епифания. Тот, кто бывал в монастыре в Великую Субботу, знает, какое потрясение испытывают люди в этот час. В такие мгновения души монахов переполняются самыми сильными волнами благодати. Глаза исполняются сладких слез, в которых печаль смешана с радостью, а таинственный псалмопевец начинает стих: *«Речная устремления веселят град Божий»*²⁵².

Второй послушник

Жизнь отца Игнатия и отца Неофита шла обычным размеренным порядком. Многократно старцу приходилось напоминать ученику о том, какую ценность для духовной жизни имеют молчание и сосредоточенность. Впрочем, помимо духовных вопросов, приходилось сталкиваться и с чисто практическими, как-то реагируя на новые потребности своей общины.

Священническое достоинство старца вынуждало его время от времени покидать каливу. А с тех пор, как он еще и сделался духовником, появились дополнительные, весьма ответственные обязанности. Это служение отнимало очень много времени. Старец удостоился великой благодати быть пастырем человеческих душ, и этот его труд приобрел необыкновенный размах. А если отметить то обстоятельство, что на исповедь к отцу Игнатию стремились многие монахи славянского происхождения, поскольку он владел этим языком, то станет ясно, какая тяжесть лежала на его плечах.

Калива имела собственные потребности и запросы. Требовалось, чтобы отцов, приходивших на исповедь и утомившихся в дороге, встречали здесь какой-то элементарной заботой: ведь многим нужно было идти издалека. Отец Неофит прилагал к этому немало усилий, но разве мог он справиться один?! Утомление стало превращаться в его постоянного спутника. И ученик, и гораздо более старец нуждались в поддержке. И Бог как любящий Отец не замедлил в соответствующий час явить им Свое благоволение.

Прошло двенадцать лет с тех пор, как отец Неофит, первый ученик, поселился в каливе, и тогда явился еще один. Это был юноша из Смирны по имени Аристид Каридаас – семнадцатилетний, среднего роста, немного полный, прекрасный лицом и замечательный душой. Он напоминал отца Игнатия в его юные годы. Не могло быть никакого сомнения, что этот человек стал даром любви Божией.

В пострижении Аристид, ради завершения полноты схождения со старцем, был наречен Игнатием. Теперь у богоносного отца было в общине двое подопечных.

Чтобы улучшить материальное положение каливы, Игнатий провел довольно долгое время в соседнем скиту святой Анны, в каливе Святых бессребреников. Там он овладел искусством иконописи – занятием, распространенным среди монахов Святой Горы и подобающим им.

Новому ученику предстояло поднять на свои юношеские плечи значительную часть духовного груза старца. Не прошло и четырех лет, как он, несмотря на свой юный возраст, из-за большой нехватки священнослужителей был рукоположен, что принесло старцу большое облегчение. Молодой священник мог теперь и совершать сорокоусты, и служить в различных каливах в праздничные дни, и вообще исполнять всякое духовное служение, относившееся к его ведению.

Многочисленные литургии не притупили в нем ощущения святости Таинства. Напротив, они еще сильнее разжигали в нем священный огонь, подготавливая его к посещениям благодати. Служил он всегда с таким умилением и благоговением, что слезы не высыхали на его глазах. Священнические добродетели наставника передались и ученику. За все это старец Игнатий не уставал славить Бога.

Спустя несколько лет молодой отец Игнатий получил и достоинство духовника. Итак, теперь в каливе Успения было двое духовников отцов Игнатиев, и новый протянул руку помощи старому. Приятный в общении, радостный, с улыбкой на устах, однако не лишенный начал консерватизма и строгости, он также выдвинулся в качестве замечательного духовного наставника.

Совершая исповедь, он всегда бывал чрезвычайно внимательным и богобоязненным, о чем свидетельствует и нижеследующая история.

Некий послушник, недавно поступивший в скит святой Анны, исповедовался ему в первый раз и получил соответствующее правило, довольно тяжелое. Это случилось утром, а в послеобеденное время духовник начал разыскивать

исповедника в его скиту. Тот испугался, услышав об этом. «Только этого не хватало! – подумал он. – Что, духовник явился назначить мне еще одно правило?». Но дело заключалось в другом.

«Дитя мое, – сказал духовник. – Я назначил тебе два года воздерживаться от Святого Причастия, но забыл сказать одну вещь. Если ты вдруг, не дай Бог, заболеешь и твоя жизнь окажется в опасности, тогда можешь причаститься. Так говорят церковные правила. Я должен был сделать это разъяснение, потому что, если бы ты ушел из жизни, не получив причастия, грех бы оказался на мне».

Впоследствии духовник, накладывая епитимию, во избежание подобной ситуации всегда заканчивал речь одними и теми же словами: «Но если ты окажешься в опасности, тогда тебе разрешается причаститься».

* * *

В жизни отца Игнатия, ученика, было еще одно происшествие, столь удивительное и оригинальное, что о нем непременно должен узнать читатель.

Как-то раз он отправился за каким-то делом в Карею и, опоздав к отплытию лодки, вынужден был возвращаться пешком. Помимо того, что путь занял семь часов, ему к тому же пришлось нести на плечах довольно-таки тяжелый мешок. Когда солнце скрылось за вершиной Афона, отец Игнатий, изнывающий от усталости, добрался до каливы и свалился без чувств на постель. В таком состоянии его не могла бы поднять с нее никакая сила. Шесть часов спустя настало время ночной службы, и отец Неофит попытался его разбудить, но труд пропал впустую: мудрено было бы придумать более безнадежное занятие. Ученик доложил об этом старцу, и тот стал в молчании размышлять, что тут можно сделать.

Вскоре он нашел выход. Старец избрал способ решения, который многим показался бы странным. Однако в монашестве, где границы между естественным и сверхъестественным трудноразличимы, такие вещи случаются нередко. Он что-то сказал отцу Неофиту, и тот передал это своему изнуренному

собрату: «Старец приказал тебе немедленно встать, натереться маслом из лампады и идти на службу».

Что же произошло? Ученику пришлось исполнять послушание. Он встал и начал натираться маслом из лампады, ожидая, что будет. Наконец – о чудо! – его тело испытало какое-то чудесное изменение. Исчез всякий след усталости, и монах почувствовал себя бодрым, как никогда. Он готов был взлететь, как птица.

«Вот это да! – рассуждал он. – Куда делась эта усталость? Отчего мне так легко?».

Пытаясь объяснить это явление, он стоял перед дилеммой. Чему приписать чудо: свойствам лампадного масла или послушанию? Или же и тому и другому? Итак, сильная усталость исчезла, но осталось это небольшое недоумение. Вместе с тем отца Игнатия укрепляла мысль, что его старец и в самом деле был человеком Божиим.

Глава III. Гавань спасения. Пастырская наука

Духовник отец Игнатий не учился в университетах и был человеком малограмотным. Однако же его успехи в монашеской жизни заслуживали всякого удивления. Он достиг внутреннего очищения, сделав свою душу вместилищем озарений Святого Духа; а Дух Святой, Источник всякой мудрости, обучил его всем высшим наукам, в том числе и психологии, и любому другому знанию, необходимому в деле духовника и пастыря душ. Так отец Игнатий сделался необыкновенным духовником, возле которого множество душ искало исцеления, руководства, мира. Для всех них его исповедальня стала спасительной гаванью.

В пастырском труде старец следовал среднему, царскому, пути, избегая как излишней строгости, так и безразличной терпимости. Когда нужно, он умел воспользоваться и пастырским жезлом, и пастырской свирелью. Все же в большинстве случаев он склонялся к снисхождению, заботясь о том, чтобы никого не лишить надежды. Старец умел проявить понимание, снисходя к несовершенству и немощам кающихся, с духом наставления и отеческой любви.

В его обращении, словах, выражениях заключалась некая особая благодать, которая заставляла человека ответить ему почтительностью и расположением.

При совершении священного Таинства раскрывался редкостный дар старца, поражающий кающегося. На тех, кто впервые приходил в его исповедальню, это производило неизгладимое впечатление, давало им некий невыразимый духовный опыт. Здесь существовала особая атмосфера, в которой Бог обнаруживал Свое присутствие. Именно об этом мне рассказал старец Фома, престарелый монах Малого скита святой Анны. Наряду с другими, он сообщил и такую отличительную особенность: «Когда кто-нибудь в первый раз приходил на исповедь к отцу Игнатию, тот говорил о Святом Духе. Во всем, что он говорил, его просвещал Святой Дух».

Первохристианская Церковь потеряла пламенного диакона Стефана, но приобрела еще более пламенного апостола Павла.

Израиль утратил Илию, но приобрел Елисея. Нечто подобное случилось и со множеством монахов Святой Горы. В 1908 году они оплакали известного духовника отца Савву, но вот, Промысл Божий послал им отца Игнатия. Волна кающихся, которая раньше захлестывала каливу Воскресения в Малом скиту святой Анны, теперь поднялась еще выше, достигнув каливы Успения на Катунках.

«У нас были и другие хорошие духовники, – рассказал мне старец Пантелеймон, монах Нового скита. – Здесь, в Новом скиту, жили отец Кирилл и отец Серафим. Чуть дальше, в скиту святой Анны – отец Нафанаил, отец Ефрем, отец Дионисий и другие. Потом, в Малом скиту святой Анны – отец Феодосий и отец Косма. Все они были хорошими и одаренными духовниками, но чаще всего мы обращались к отцу Игнатию. После смерти отца Саввы не было другого такого духовника, как он. Все его знали и все хвалили».

В то время на Афоне подвизалось много благочестивых православных славян. Много славянских монахов можно было встретить в русском, болгарском, сербском монастырях, в скитах и различных келлиях. Для каждого из них отец Игнатий был небесным благословением, потому что он хорошо знал и русский, и болгарский языки. Русские отшельники Карули, среди которых можно было увидеть великих князей и бывших генералов царской армии, чрезвычайно почитали его и избрали своим духовником, чему способствовало и небольшое расстояние до его каливы.

Два-три раза в год небольшой русский пароход отвозил старца в Русский монастырь, а также в болгарский монастырь Зограф, чтобы он там исповедовал отцов. Греки, русские, болгары – обитатели киновий, скитов, пустыни – все вкушали прохлады под тенистой кроной благодати богоносного духовника. И он принимал исповедь до глубокой старости – даже тогда, когда он потерял зрение, – и приносил облегчение людским душам.

Исповедуя, он восседал в храме на стасидии, облаченный в безупречной чистоты рясу. Из уважения к Таинству он надевал и специальную мантию, какую обычно носят церковнослужители,

и оттого казался еще более величественным. В пожилом возрасте он принимал исповедь в комнате, сидя на стуле, рядом с аналоем, на котором лежала деисисная икона, то есть с изображением Господа и предстоящих Ему Богородицы и Иоанна Предтечи. Многие пожилые отцы вспоминают о том, как он исповедовал в своей келлии, причем его снежно-белая борода спускалась на грудь, а светлое лицо излучало мир.

– Заходи, дитя мое, – говорил старец. – Заходи, милый Герасим. Садись, поговорим маленько. Как наши дела? Нас поборол сатана или мы его?

– Он поборол нас, отец духовник. Я слишком пренебрегал своим правилом...

– Ну что же, помолимся, помолимся. А теперь вперед, посраим сатану. Положим начало сегодня. Не будем пренебрегать правилом. Не можем исполнить целиком? Пусть будет поменьше, главное, не оставлять его совсем. Тогда мы поборем сатану.

Разговаривая так, он со своей великой любовью и простотой наставлял человеческие души.

– Отец духовник, – сказал на исповеди отец З. из скита святой Анны, – я часто впадаю в пререkanie. Братия и старец говорят мне что-нибудь, а я возражаю.

– Да, чадо, это большое прегрешение! С пререkанием мы не добьемся ничего. Так можно промахнуться. Можешь совсем не совершать правила, а ответственность я беру на себя. Довольно будет покончить с пререkанием.

Отеческая любовь заставляла духовника в серьезных случаях выказывать строгость и точно следовать правилам, однако без всякой черствости и непреклонности. Сталкиваясь с человеческим бессилием, он бывал готов проявить снисхождение, если ситуация позволяла это. «Ладно, ладно, дитя мое, – говорил он, – раз уж ты не можешь... Я же не велел тебе повесить камень на шею и утопиться!».

В сложных, неясных и запутанных обстоятельствах старец проявлял замечательную уверенность, нисколько не раздумывая. В этом случае, говорил он, действовать надо так-

то и так-то. Иначе получатся такие-то и такие-то неприятные последствия.

Собеседник тотчас приобретал внутреннюю уверенность. Он верил, что дело обстоит именно так, и именно этого хочет Бог.

Когда какой-нибудь монах просил старца посвятить его в тайны умной молитвы, тот бросал взгляд на его лицо, останавливался ненадолго и, немногословный, как всегда, отвечал медленно и веско: «Еще не время, дитя мое».

* * *

Прежде чем закончить эту главу, обратим внимание на одно характерное обыкновение старца. После того как кающийся открывал свои грехи, он заставлял его преклонить колени и прочесть одну молитву святого Ефрема, прекрасно подходящую к этому случаю. Этот текст имелся у отца Игнатия на греческом и славянском языках: «Господи Иисусе Христе, Боже наш... прости ми, недостойному рабу Твоему, аще что согреших яко человек, паче же и не яко человек, вольная моя прегрешения и невольная, яже в ведении и в неведении, яже от восхищения и невнимания и многия моя лени и небрежения. Аще же именем Твоим святым кляхся... или украдох, или солгах... или брата оскорбих и преогорчих... или без ума смеяхся, или тщеславихся, или гордихся, или доброту суетную видех... или греху брата моего посмеяхся... или о молитве моей нерадих, или ино что лукавое сотворих. Сия вся и прочая, яже содеях ихже ниже помню, прости ми, Боже, недостойному рабу Твоему, и помилуй мя, яко благ и человеколюбец». В конце следовала разрешительная молитва, и кающийся, поцеловав руку духовника, удалялся с очищенной душой и легкостью на сердце, увенчанный миром.

Душевный мир отца Игнатия походил на букет духовных цветов. Его украшали разнообразные благовонные и яркие цветы добродетелей и дарований. Об этом мы отдельно поговорим дальше. Тем не менее и сейчас стоит обратить внимание на красоту одного из этих цветов, коль скоро он имеет непосредственное отношение к пастырскому искусству старца. Благодаря этому мы можем назвать его афонским Варнавой, поскольку и отец Игнатий, подобно этому апостолу, был *сыном утешения*.

Благодать утешения была ключом из его сердца, заключавшего в себе море любви. Те, кому пришлось вкушать этой благодати, всегда вспоминали о ней со слезами на глазах. В этой связи отец Гавриил, игумен Дионисиата, пишет: «Этот удивительный и благословенный человек Божий обладал особым даром приветливости и чисто отеческой любви ко всем, в особенности к приходившим к нему на исповедь».

Любовью старца мог насытиться всякий, кто поднимался в каливу Успения для исповеди. Прежде всего он находил там физическое облегчение и отдых, поскольку старец заповедал своим ученикам непременно окружать заботой всех посетителей. Но материальный покой был не более чем бедным вступлением к духовному, который имел последовать за этим.

Из нижеследующих рассказов видно, что души, приближавшиеся к блаженному старцу, словно бы побывали в самом спокойном и изобильном водоеме оазиса.

* * *

Молодой монах отец Христодул, ученик великого безмолвника Каллиника, чувствовал, как среди духовной брани его поражают стрелы врага. Его искушение было велико. Его старец, узнав об этом, тотчас послал ученика к отцу Игнатию.

«Дело серьезное, – промолвил он, – и без духовника тут не обойтись. Пойди к отцу Игнатию, чтобы он назначил тебе правило».

С тяжелым сердцем отец Христодул поднялся к каливе Успения. Исполненный печали и недоумения, он поведал святому старцу, как обстояло дело. Тот ласково, с улыбкой на устах, успокоил его.

«Не волнуйся, Христодул, из-за искушения, с которым ты столкнулся. Похоже, что ты прочел одну сотницу сверх обыкновенного и тем уязвил врага. Вот он и напал на тебя с яростью. Не волнуйся. Успокойся, и искушение пройдет. На войне это бывает».

Покидая исповедальню, молодой борец обнаружил, что душа его успокоилась, в ней воцарился мир.

* * *

Была пятница пятой седмицы Великого поста, на которую пришелся праздник Благовещения, 25 марта 1911 года. В конце праздничной всенощной в монастыре Дионисиат двадцатидвухлетний послушник Георгий должен был облачиться в ангельский образ. В тот день там находился и отец Игнатий, уже достигший достаточно пожилого возраста. Он был духовником и этого монастыря и намеревался отпраздновать здесь Благовещение и Акафистную субботу, а также поддержать ожидавшего пострижения послушника, к которому питал особую любовь.

Утренняя праздника Благовещения завершилась, и началось чтение первого часа. Однако ничто не говорило о том, что последует пострижение. Шла какая-то подготовка.

– Отец игумен, – спросил отец Игнатий, – разве сегодня не будет пострижения?

– Нет, отец духовник, оно перенесено на завтрашнее бдение Акафистной субботы.

– Почему? Что случилось такого, что его отложили?

– Я вам объясню. Послушник мне исповедался, что вчера днем он был на трапезе в Русском монастыре и ел маслины. А поскольку в день пострижения он должен причаститься, то накануне, согласно нашему святогорскому уставу, не разрешается брать в рот маслин. Итак, я приказал ему поститься сегодня, чтобы мы могли постричь его завтра.

Услышав это, отец Игнатий исполнился сострадания. Подумать только, откладывать пострижение из-за того, что послушник по забывчивости съел две-три маслины! И в день Благовещения, в день радости он должен поститься!

«...Его отеческое сердце столь сокрушалось, – пишет игумен Гавриил, тогда послушник Георгий, – что, разыскав меня во время литургии, он обнял меня со слезами, сказав в утешение: „И я буду поститься и бодрствовать с тобою, чадо». Так старец и поступил, отказавшись от общей трапезы и ограничившись одной маленькой просфорой, которую он разделил со мною в приемном покое. И это в день Благовещения, когда единожды за всю Четыредесятницу разрешается рыба!».

После обеда старец вновь разыскал послушника и спросил, где он будет бодрствовать до часа своего пострижения. Тот ответил, что легче всего уединиться в приделе святого Иоанна Златоуста.

Отправившись после повечерия в указанный придел, Георгий увидел, что величественный старец уже ждет его. Старец хотел поддержать послушника в его подготовке. Немногим монахам приходилось готовиться к пострижению так, как ему. Отец Игнатий начал: «Благословен Бог наш...». Послушник по его предложению трижды прочел из Большого требника канон на пострижение в великую схиму. Затем Георгий услышал замечательные советы старца и его размышления о монашеской жизни. Под конец они не забыли и об Иоанне Златоусте, принявшем их в своем приделе: «Найди книжечку, чадо Георгий, и прочти акафист святому Иоанну Златоусту. Его молитвы да утвердят тебя в твоей новой жизни».

Послушник и не подозревал о том, что может последовать за прочтением акафиста. По-видимому, златословный святой тотчас же ответил на его моление. Но о чудесном явлении, представшем глазам Георгия, мы поговорим чуть ниже, в IV главе (в ее части «Как лице ангела»).

То, что случилось в этот день с послушником, заставило его, уже ставшего игуменом Гавриилом, написать: «Эти события, случившиеся единожды в моей жизни, остались для

меня забываемыми. В то же время они являются неложным свидетельством святости этого мужа».

* * *

Враг объявил жестокую войну против одного монаха, недавно отказавшегося от мира, самыми яркими красками рисуя в его воображении привлекательность мирской жизни. Эти атаки были столь яростными, что ради их отражения подвижнику пришлось пролить кровь. Но каким бы ядом ни поил монаха велиар, столь же сильное утешение и облегчение он получал от своего святого духовника, отца Игнатия. «Чадо мое, – говорил тот, – мир тщетен и преходящ. Не страшись борьбы. Малое сопротивление, а награда велика. Поразмысли о небе. Что ожидает тебя там, куда ты попадешь! Радость и невыразимое веселие. Только потерпи. Внимай себе. Будь готовым. Отдай сердце свое Христу. Возлюби Его, как Он возлюбил тебя». Эти простые слова святой отеческой любви разогнали тяжкую мглу. А это наставление: «Возлюби Его, как Он возлюбил тебя», – затронуло самые чувствительные сердечные струны монаха. Даже достигнув пожилого возраста, он еще помнил эти слова, так укрепившие его, и восклицал со слезами на глазах: «Как он меня утешил! Как укрепил! Такой человек – это благословение Божие. Зная три-четыре языка, он утешал столь многих людей: греков, русских, болгар... Бесчисленные монахи, насельники киновий, скитов, келлий обретали рядом с ним покой. Он был Божиим благословением для всех, морем любви, простором снисхождения. Да будет его молитва с нами».

Иначе и не могло быть, поскольку почтенный духовник был жилищем Утешителя, Святого Духа, Который соделал его вестником любви и *сыном утешения*.

Что случилось с пустынником

С тех пор, как преподобный Антоний Великий проложил путь подвижнической жизни, диавол утратил свой покой. На борьбу против монахов он бросает свои отборные силы и яростно атакует их, ибо они пополняют ангельское воинство и становятся на то место, которым он некогда обладал и которое утратил. В этой войне сатана пускает в ход хитроумнейшие уловки. И если ему не удастся низвергнуть монаха, нападая «с левой» стороны, то он меняет тактику, пытаясь достичь успеха «справа». «Правые» искушения, кроме всего прочего, способны увлечь монаха в так называемую прелесть.

Однажды зимой, когда жизнь отца Игнатия уже близилась к закату, к нему явился один опечаленный пустынник, лицо которого несло на себе следы пережитой трагедии. Дрожащим голосом монах поведал духовнику то, что с ним случилось, и под конец с облегчением вздохнул: «Слава тебе, Боже! Ты избавил меня от зубов смерти. Что бы со мной было!»

Что же произошло с этим монахом? История его такова.

Этот пустынник, также поселившийся на Катунских, с жаром предался монашеской жизни. Не имея духовного наставника, способного осуществлять необходимое руководство, он тем не менее с чрезвычайной ревностью принялся за аскетические упражнения и рассчитывал вскоре взойти на вершины святости. Сам того не чувствуя, он привык переоценивать собственные силы и сверх меры доверять самому себе. Он сам ставил себе цели, сам, как умел, их добивался и сам выставлял себе оценки.

Но, если быть более точными, он не был один. Враг, князь тьмы, неусыпно следил за ним, втайне роя для него яму и предвидя скорую возможность увлечь его в прелесть. К подобным ситуациям относятся мудрые слова одного современного подвижника трезвения, Иосифа Исихаста: «Куда ни начнет склоняться увлечение ума, лукавые демоны видят это, и тогда их главарь шлет супротивного духа, который не

устаёт тайно доставлять материал для прелести. Он трудится с величайшим терпением, не жалея на это времени...».

Дух прелести и впрямь доставлял свой материал, терпеливо строя губительное сооружение. Мало-помалу сердце пустытника стало незаметно помрачаться. С ростом помрачения его всё более наполняли горделивые размышления. А чем больше места занимала гордость, тем сильнее сгущался мрак.

Время шло, и подвижник, вдохновленный своими постами, бдениями и аскетическими упражнениями, начал рассуждать сам с собой: «Если так пойдет дальше, я достигну добродетели Антония Великого! Только вот не пойму, отчего у меня при таких успехах до сих пор не было никаких видений!».

Но видение не заставило себя ждать. Некий «светлый» ангел предстал перед монахом, чтобы укрепить его в этих мыслях. «Твое житие, – сказал он, – угодно Христу более, чем житие любого другого подвижника Святой Горы».

Ангел исчез, предоставив монаху купаться в волнах блаженства. Итак, свидетельство свыше пришло. Его подвижнический путь заставил «небеса» радоваться! Он удостоился вкусить ангельского видения. И это еще не все! Однажды вечером, как и ожидал монах, вновь явился «небесный ангел». Какие же «радостные» вести он принес! «Ангел» сказал: «Велика твоя добродетель, брат мой. Тебе уготовлен сияющий венец, тебя ожидает великая слава. Приходи завтра вечером на вершину Афона. Туда сойдет Христос, и ты поклонись Ему».

Никогда подвижник не испытывал такой радости. О безграничное счастье! Что увидят завтра его глаза! Ведь ему предстоит узреть Фаворский свет. Монах едва дождался утренней зари нового дня. Наконец он приступил к восхождению. Стояла зима, и путь затрудняли снега и льды, но монах не обращал на них внимания. Его согревало присутствие «ангела», и он продвигался легко, не чувствуя ни холода, ни усталости.

Когда монах приблизился к вершине, его радость и нетерпение достигли предела. Между тем стемнело. И вдруг – о неземной, светлый вид! – его глазам предстали свечи, сияющие

венцы, благовонный дым, священники, епископы... Вот это прием! А самым великолепным был престол славы, где восседал «Царь – Христос», окруженный величественными «святителями» и прочими «святými». Среди «святителей» выделялся и «святой Спиридон», особенно почитаемый пустынником.

Поистине ужасно попасть под власть дьявола. Тогда ему начинают служить и воображение, и чувства человека. Тогда мы представляем, видим, слышим все то, чего пожелает враг, и только Бог может нас от этого избавить.

Однако вернемся к рассказу о сатанинской западне. Мгновение спустя раздался мощный голос «Царя»: «Спиридон, приведи сюда моего избранного раба, чтобы он поклонился мне».

Медленной и величественной поступью «святой Спиридон» покорно приблизился к восхищенному монаху.

Это был критический момент. Если бы пустынник сейчас поклонился мнимому Христу, то либо сделался бы бесноватым, как бывало в других случаях, либо упал бы и разбился насмерть. Ведь в той стороне, где, казалось, находился «царский престол», уж, наверное, была какая-нибудь страшная пропасть. Но, видимо, какой-то уголок сердца несчастного подвижника оставался открытым для милости Божией. Божия милость и спасла его в последний миг.

Когда мнимый святой Спиридон приблизился к монаху, тот вдруг заметил, что на его голове не было обычной скуфейки. Конечно, это было не столь существенно. Зато существенным оказалось кое-что иное: монах вдруг различил там два дьявольских рога!

В тот же миг он испустил душераздирающий вопль: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси мя!».

Вот и все. Великолепное сатанинское видение рассеялось, исчезло, *яко исчезает дым*²⁵⁴. А высоко на вершине Афона стоял одинокий подвижник, застигнутый ночью среди пустынных снегов...

Об этом-то драматическом происшествии он и рассказал отцу Игнатию.

«А теперь, – сказал духовник, – прославь Бога, Который спас тебя от злобы сатаны. Тебе больше нельзя оставаться в одиночестве в пустынной каливе. Отправляйся в общежительный монастырь Дионисиат, там ты будешь в безопасности».

Так был спасен монах. А ведь враг мог и выиграть эту партию, если бы прелесть зашла дальше, как случилось за несколько лет до этого с одним монахом скита святой Анны. Тому казалось, что с ним беседует Богородица, что он достиг вершин смирения, целуя ноги других отцов. В этого несчастного в конце концов вселился бес. Упав с крыши своей каливы (монах думал, что может летать, словно ангел), он сломал ноги. Позднее он к тому же совершил преступление в монастыре Ксиропотам и закончил жизнь в государственных тюрьмах. До того, как стать одержимым, бедняга предавался исключительно строгим аскетическим подвигам. Вот одна показательная подробность: в то время как все его собраты в начале Великой Четырешастици воздерживались от пищи в течение трех дней, он демонстративно и самонадеянно держал шестидневный пост.

Вот какие страшные западни устраивает диавол для подвижников! Он способен выстроить здание нашей гибели даже из аскетических упражнений, постов, бдений и молитв, предназначенных для освящения человека. Поэтому существование богоносных духовных отцов, которые разрушают сооружения врага, – это благословение Божие. Три рассказа, которые приводятся ниже в этой главе, также свидетельствуют о том, сколь необходимо существование святых старцев и сколь жалкими бывают те, кто попадает в кривые когти диавола.

Возжжение лампады

В Православии существует удивительная гармония духовного и материального начала. Явления духовной жизни имеют соответствующее материальное выражение. Впрочем, это вытекает и из догматического учения.

Согласно богодухновенному определению IV Вселенского Собора, как человеческое, так и Божественное начало остается неизменным в Личности Христа. Он – совершенный Бог и совершенный Человек: незримый, невещественный, неопиcуемый и в то же время и зримый, и опиcуемый. Эта истина находит свой отзвук во всех проявлениях церковной жизни.

Совершается крещение. Наша душа убеляется незримой духовной благодатью, в то время как тело одновременно погружается в освященную воду купели. Мы молимся. К небу поднимается благовоние наших молитв, и одновременно с ними поднимается благовонный дым ладана. А если мы ночью войдем в православный храм, то увидим, что лики святых светятся: перед ними горят лампады. Материальный свет символизирует свет духовный, который излучают святые, «свойственное святым непрестанное просвещение Духа», по выражению святителя Симеона Фессалоникийского.

О скольких умиленных молитвах, скольких благодатных слезах, скольких священных событиях мог бы нам поведать тихий свет церковных лампад! Вот и в пустынной церквушке Успения слабые огоньки лампад по ночам мерцали перед святыми иконами. И было божественной радостью провести несколько минут в ночной молитве перед иконой Успения, взирая на опечаленные очи апостолов и мирный лик усопшей Пресвятой Девы.

До сих пор мы вели речь лишь о добром и благословенном. Но лукавый змий позаботился забросить свою удочку и сюда. Он замыслил заманить в какую-нибудь ловушку монаха, чьей обязанностью было возжжение лампад. К тому же был уже готов коварный план – столь удивительный, что его наверняка

ожидала удача. Была лишь одна опасность: как бы его не разрушил отец Игнатий.

«Ох уж этот отец Игнатий, – рассуждал диавол. – Сколько моих замыслов он уже погубил! Какой только горечью не напоил меня! Итак, надо любой ценой добиться, чтобы он не узнал. Я буду нашептывать в уши ученика убедительные доказательства того, что нет оснований говорить о чем-то старцу. Однако и ученика надо подготовить: напустить мрака ему в душу. А для этого надо побудить его к гордости. Как же это сделать? Проще простого. Я хорошенько проберу его хвалебными речами. Все древо его существа: листья, ветви, ствол, корни я закачаю ветром похвал. Тут всё пойдет в ход: жертвы, принесенные им ради того, чтобы оставить мир, родителей и учебу; его особенности как пустытника; одаренность; все добродетели, действительные и мнимые; все дары и все выгоды мира. Если получится, я добавлю и какого-нибудь своего собственного монаха: пусть и тот сплетет ему несколько похвальных венцов. И все будет в порядке!».

Итак, дух гордости начал помрачать и затуманивать сознание монаха. А когда почва была подготовлена, враг перешел к осуществлению своего основного замысла.

Как-то раз стояла глубокая ночь. Отец Неофит спал и, возможно (кто знает?), видел ангельские сны. Но что это? Послышался какой-то легкий стук в дверь келлии (она находилась на верхнем этаже), и чей-то сладкий голос произнес: «Вставай, дитя мое. Спустись в церковь, потому что моя лампада погасла».

Монах тотчас стряхнул свой сон и в недоумении спустился в храм. Лампада перед иконой Богородицы действительно погасла. Охваченный волнением, он зажег лампаду, горячо помолился и вернулся к себе в келлию. Эта история повторялась вновь и вновь.

«Я делаю успехи, – размышлял он. – Я высоко взошел. Меня посещает Владычица неба и земли. Я слышу Ее ангельский голос. Я зажигаю Ее погасшую лампаду. Как же я счастлив!».

Иногда ему на ум приходила слабая, неуверенная мысль, советовавшая сообщить об этом старцу. Но отец Неофит отвергал ее: «Зачем говорить старцу? Разве это грех, чтобы его исповедовать? Это явление святое, и чем таинственнее и молчаливее я буду жить, тем лучше сохранится его святость».

Так он рассуждал. Пожалуй, в его дверь скоро постучал бы и «Владыка Христос»! Старец, однако, не дремал. Он что-то заподозрил и постоянно повторял ученику: «Дитя мое Неофит, будь внимателен. Сообщай мне обо всем, что происходит в твоей духовной жизни».

Как-то раз на исповеди он все же вынудил ученика подробно рассказать всю историю и доказал ему, что эта прекрасная ткань изготовлена на дьявольском станке.

– Какие чувства владеют тобою, когда ты зажигаешь потухшую лампаду? – задал он вопрос.

– Радость и удовлетворение тем, что я удостоился такого благословения.

– А еще что?

– Да, есть и нечто другое. Какое-то скрытое смятение и беспокойство, как бы старец не узнал что-нибудь.

– Вот это последнее с полной очевидностью обнаруживает присутствие дьявола.

Старец сказал многое, что следовало сказать о ловушках врага, и под конец заметил, чуть повысив голос:

– Эх ты, прельщенный! Дьявол подшутил над тобою. Разве Всесвятая не обойдется без меня или тебя? Зачем Ей твоя помощь? Слушай! Если еще раз постучат в дверь, не ходи зажигать лампаду, и я за это буду отвечать.

Несчастный отец Неофит! Ему словно обрезали крылья. Он никак не ожидал, что у столь возвышенного явления будет такой бесславный конец. Конечно, потом он стал благодарить старца, спасшего его от дьявольской западни. Но сейчас монах был очень огорчен. Оставался и еще один вопрос: постучат ли в дверь снова? Но куда там! Едва планы дьявола вышли на свет, как исчезли, словно дым. Когда подложенные врагом яйца побывали на холодном ветру, из них уже не могли вылупиться птенцы.

Как рассказывает авва Кассиан, в подобной ситуации авва Серапион сказал своему ученику: «Чад, тебя освободила твоя исповедь! Пока ты не говорил, бес поражал тебя. Теперь ты сказал и сам покончил с бесом. Теперь ему нечего делать подле тебя, так как ты обнаружил его планы. Чад, тебя освободила твоя исповедь!».

Осуществление коварных планов врага требует тьмы. Увы монахам, да и всем христианам, которые скрывают свои душевные состояния от духовного отца! Главарь мрака быстро направит их к гибели и порадует ей.

Странная болезнь

Греки, живущие за границей, как это ни печально, из-за своей небрежности часто падают жертвой антихристианских сект и учений, теряя бесценное сокровище православной веры. Нечто подобное случилось с Ангелисом Киусисом.

Этот человек покинул деревню Леондарио в окрестностях Фив – там была его малая родина – и отправился в далекую Америку в надежде добиться там успеха. Благодаря своей энергичности и природным дарованиям он не только нашел хорошее приложение для своих сил, но и приобрел огромное богатство.

Когда Ангелису было сорок лет, с ним случилось необыкновенное, единственное в своем роде происшествие. Ослепленный своим богатством и помраченный гордостью, он попал в сети какой-то сатанинской секты. Не боясь Бога, он прошел через специальный обряд отречения от веры и – до такой степени была развращена его душа – попраля ногами иконы Христа и Богоматери. Другие люди также совершали это кощунственное деяние, и с ними ничего не случилось. Однако Бог, Который долготерпит и молчит, в определенные моменты, только Ему одному ведомые, прерывает Свое молчание. Так случилось и с Ангелисом. Едва лишь он вышел из зала, где совершилось отвратительное дело, как был примерно наказан. Попущением Божиим несчастный был предан власти дьявола, со стороны же казалось, что его поразило внезапное безумие.

«Богачу Ангелису не повезло! – рассуждали меж собой греки диаспоры. – Ангелис не в своем уме. Он свихнулся, он сам не понимает, что делает и говорит! У него тяжкое психическое расстройство».

С тех пор на долю братьев больного выпал неблагоприятный труд возить его от одного врача к другому, из одной психиатрической лечебницы в другую. Хорошо еще, что в их распоряжении было сколько угодно денег. Ангелиса смотрели самые известные психиатры, лечили в лучших клиниках, давали ему самые сильные лекарства, но результат оставался

нулевым. Кое-кто из врачей думал про себя: «Слишком уж странная у него болезнь, непохожая на обычные. Исключительный случай! Как же с этим бороться?»

Болезнь Ангелиса – это стали понимать и его родственники – не относилась к компетенции врачебной науки. Поэтому они решили прибегнуть к иному средству и, вспомнив об отвергнутой вере, отвезли его на родину, где обратились к помощи священнослужителей. Теперь место лекарств заняли заклинательные молитвы святителя Василия Великого. Поиски исцеления пошли по иному пути, а этот путь привел больного, или, вернее, бесноватого, на Афон.

«Отчего бы вам не отвезти его на Святую Гору? Пусть его там отчитает какой-нибудь иеромонах», – посоветовал кто-то.

Предложение тотчас было принято, и Ангелис в сопровождении своего брата Георгия очутился в Новом скиту, где у них было несколько знакомых.

Как-то, будучи в Новом скиту, я виделся с монахом, принимавшим братьев в своей келие – отцом Евстратием Халдесосом, иконописцем. Отвечая на мой вопрос, он подробно рассказал всю эту историю, сообщив и о некоторых из проделок одержимого.

Как вы думаете, что он вытворял? Держа в руках четыре-пять круглых шаров размером с апельсин, Ангелис играл ими. Он с большой быстротой подбрасывал их в воздух один за другим, ловил и подбрасывал вновь, не роняя ни одного. Несомненно, ему позавидовал бы даже самый искусный жонглер!

Одержимых мучают разнообразные бесы. Одни из них действуют в полдень, другие – в ночные часы, третьи – раз в месяц... Некоторые несут с собой немоту и тупость, другие – болтливость и бесстыдство... Бес Ангелиса может быть назван «повреждающим и искажающим ум», а также «многоречивым». Из-за его влияния у несчастного развилось страшное многословие. Язык Ангелиса не останавливался ни на минуту. Он беседовал сам с собою, бессвязно рассуждая на самые разнообразные темы.

Отцы Нового скита приложили много сил, чтобы изгнать беса, но не добились никакого успеха: демон был очень упорным. *Жила железна выя его*²⁵⁵. Тогда они решили обратиться к какому-нибудь старцу, сильному в брани²⁵⁶. Таким и был отец Игнатий, сумевший исцелить многих одержимых.

Итак, Ангелиса препроводили в Катунаки, где был поставлен диагноз и намечен план сражения. Духовник понял, что изгнание этого лукавого духа будет стоить больших трудов. В этой борьбе, в совершении литургий и чтении закликательных молитв, старцу должен был помочь и его ученик-тезка. Им предстояло в течение сорока дней поститься, каждый день служить Божественную литургию, отчитывать больного и молить Бога о милости. Самому Ангелису духовник велел ежедневно исповедоваться, сообщая свои самые затаенные мысли, а также все речения беса.

Тяжкая борьба длилась тридцать девять дней, а едва наступил сороковой день, как страждущий смог вздохнуть свободно. Узы, державшие Ангелиса столько лет, были разорваны, и его облегчение не поддается никакому описанию. Торжествуя от радости, он вернулся к себе на родину, а потом и в Америку, где продолжил свою жизнь, *уже одетый и в здравом уме*²⁵⁷. Но на географической карте его воспоминаний навсегда остался запечатленным Афон вместе с тем величественным старцем-духовником, который избавил его от тиранической власти адского врага.

Гордец, одержимый бесом

Преподобный Силуан Афонский (1866–1938), вкусивший, по благодати Святого Духа, небесной сладости смирения, писал: «О Христово смирение!.. Плоды твои сладки, потому что они не земные... О смиренная душа! Ты подобна цветущему саду, в глубине которого находится прекрасный дом, где любит обитать Господь»²⁵⁸.

В нижеследующих строчках мы не будем слагать хвалебные речи в честь смирения, поскольку не собираемся предложить историю какого-нибудь смиренного монаха. Наоборот, мы выведем на передний план монаха Илариона, которым овладел дух гордости. Так или иначе это послужит прославлению дара смирения, хотя бы и «от противного».

Событие, о котором пойдет речь, произошло в 1914 году на Катунаках, в каливе Рождества Христова, находящейся несколько ниже жилища отца Игнатия.

Это были горячие дни для общины старца Макария, члены которой надстраивали второй этаж над своей каливой. Работа подходила к концу – осталось соорудить крышу. «Дети мои, – сказал старец, – благодарение Богу, все идет хорошо. Теперь понадобится втащить наверх доски для крыши. Будьте внимательны: доски тяжелые. Давайте поднимать их осторожно, по одной. Да и торопиться особенно не надо».

Все принялись за работу. Отец Иларион, младший из всех, не хотел таскать доски одну за другой. Будучи крупным и сильным человеком, он решил поднимать их по три.

«Отец Иларион, – заметили ему другие братья, – доски тяжелые. Не бери три сразу, такая тяжесть повредит твоему здоровью».

Тот, однако, не придавал ни малейшего значения совету братьев. «Какое им дело до моей работы? – думалось ему. – Я лучше знаю, сколько мне надо носить».

Узнав об этом, старец сделал ученику замечание, но тот не прислушался и к нему. Видя возмутительное и неподобающее ученику пренебрежение, старец вспылил, поскольку ему

пришлось иметь дело с дьявольской гордостью и непослушанием.

Согласно монашеским преданиям, ученика, прогневившего старца, ожидает суровое наказание. И оно не заставило себя ждать. Гордый монах, желавший все делать по-своему, с тремя досками на спине поднялся наверх и, сбросив их наземь, тотчас же получил затрещину. Он был предан во власть сатаны, бес овладел им. И бес был не простой, а страшный и ужасный, тотчас же взбудораживший своим гневом всю округу. Уста несчастного извергали отвратительные слова, а прочие проявления болезни сеяли кругом страх и ужас.

– Что случилось? Что происходит? – Недоуменно спрашивали отцы из окрестных калив.

– Иларион, ученик старца Макария, взбесился! Бес вселился в Илариона! Им овладел злобный демон! Да избавит его Бог!

Отец Игнатий, который, конечно, тоже принадлежал к числу соседей, сразу узнал о происшествии. Будучи опытным в такого рода делах, он сразу понял, что злобного беса нельзя изгнать без великой битвы. Без промедления он велел пригласить в Рождественскую каливу побольше иеромонахов и монахов, чтобы те объединили свои молитвы и совершили над страждущим Таинство Елеосвящения.

В совершении Таинства приняли участие семь духовников. Само чинопоследование производило необыкновенное впечатление: атмосфера в храме была напряжена до предела из-за общего волнения, а от вида бесноватого разрывалось сердце. Посреди храма был распростерт пораженный бесом Иларион, привязанный к доске многочисленными веревками. Несчастный захотел отнести три доски, а не одну, и вот его самого принесли на одной доске, связанным. Рядом с ним стояло несколько сильных монахов, поскольку демон со страшной силой рвал все веревки.

Священники стали читать молитвы с напряжением и мольбой в голосе, хотя благолепие Таинства то и дело нарушалось бесовскими воплями и ругательствами.

«Безначальне, Вечне, Святе святых, – начал молиться содрогающимся от волнения голосом отец Игнатий, руководивший совершением Таинства. – Буди елей сей, елей радования, елей освящения, одежда царская, броня силы, всякаго диавольскаго действия отгнание...».

Благодаря молитвам и слезам отцов, благодаря вмешательству священников и силе священного Таинства совершилось чудо: страшный жилец вышел из Илариона. Страшное испытание завершилось, завершилось, когда гордому монаху был преподан неплохой урок, полезный и для многих других. Всем было о чем порассказать и чему поучиться.

Конечно, наибольшую пользу получил отец Неофит, ученик отца Игнатия. До начала Таинства Елеосвящения он охранял бесноватого. Отец Неофит знал, что Бог не мог попустить такого наказания без особой причины, и потому задал вопрос, который должен был внести ясность:

– Лукавый бес, отчего ты вошел в Илариона?

– А ну пошел вон! – ответил бес. – Это я-то буду тебе отвечать?

– Я заклинаю тебя во имя Святой Троицы назвать причину.

– Какое твое дело? Что ты меня заклинаешь, когда сам не священник и вообще никто? А вошел я, потому что... потому что он был гордым.

– И снова тебя заклинаю во имя Святой Троицы: скажи, что значит быть гордым?

Тогда демон нехотя, вынужденный заклинанием, произнес замечательное признание:

– Что значит быть гордым? А вот что: кому за все двадцать четыре часа суток ни разу не приходит в голову, что он грешник, тот называется го-орды-ы-ым!

Конец фразы бес прокричал повышенным тоном.

В ушах отца Неофита еще долго звучали эти слова. «Боже мой, – то и дело повторял он, – спаси меня от гордости». Он никогда не забыл того, чему его научило беснование Илариона.

*Бог гордым противится*²⁵⁹. Священное Писание, словно бы желая специально подчеркнуть это богодухновенное речение, повторяет его трижды на своих страницах. Как говорит

преподобный Иоанн Лествичник, «гордость есть отвержение Бога». Обо всех этих истинах нам напоминает драматическая история страдания гордеца Илариона, который думал прославиться, подняв две лишние доски, а вместо этого был уничижен, как никто другой.

Глава IV. Свет благодати. Ароматный цветок

Те, кто добился успеха в духовной жизни, в одинаковой мере обладают всеми добродетелями и сияют всеми цветами духовной радуги. Тем не менее в некоторых случаях можно отметить определенные добродетели, выделенные более яркими красками.

Среди добродетелей отца Игнатия особенно выделялась чинность. Во всех своих занятиях, и прежде всего в исполнении монашеских обязанностей, он был величайшим педантом, образцом точности и благочиния. Этой линии он следовал до глубокой старости. Заповедь Писания: «Внемли себе»²⁶⁰ старец начертал крупными буквами на своем боевом знамени. Всегда серьезный, немногословный, сдержанный в своих поступках, заключенный в цитадели своего сердца! Стоило один раз взглянуть ему в лицо, чтобы понять, что он погружен в размышление, а не отпустил свой ум бродить на все четыре стороны. Отец Игнатий всегда отличался бдительностью и вниманием, подобно тому как указывает в «Отечнике» авва Виссарион: «Монах так же, как херувимы и серафимы, должен всецело быть оком».

Особое место в его жизни занимала добродетель воздержания. В самом деле, о чем любил напоминать его «дед», старец Хаджи-Георгий? *Все подвижники воздерживаются*²⁶¹. В течение нескольких десятилетий отец Игнатий в точности исполнял строгий хаджигеоргиевский устав и лишь под конец жизни, когда силы его истощились, был вынужден, подчиняясь духовникам, вкушать кое-какую скоромную пищу. Однако и здесь господствовал дух воздержания: старец ни в коем случае не позволял себе быть увлеченным услаждением вкуса.

Так, однажды, тогда отцу Игнатию было девяносто восемь лет, отец Неофит, ко всему еще и замечательный повар, в какой-то праздничный день приготовил необыкновенно вкусное рыбное блюдо. За столом сидел и молодой отец Евстратий,

младший из членов общины, который, удивленный неожиданным действием старца, задал вопрос:

– Отче, почему ты льешь уксус в свое кушанье?

– Я добавляю уксус, милый Евстратий, чтобы оно утратило свой вкус. Не подобает монаху есть вкусные блюда.

Большое значение имела и добродетель простоты. Афонские отцы много рассказывали мне о простоте старца. Он был очень простодушным, походя в этом на преблаженного преподобного Павла Препростого, «образ блаженной простоты», на Адама до его падения, на невинных детей. На небосводе его души никогда не появлялось ни облачка лукавства, подозрительности, лицемерия, лести, скрытности. Сказанное ему он принимал так, как услышал, ничего не добавляя и не отнимая, не критикуя. В душе старца не было зла, и он не подозревал возможности его присутствия в других.

Простота дарила его душе красоту, ибо красота в своем высшем выражении идет всегда рядом с простотой. Сам Бог, красота Которого неопишима, в высшей степени прост и несложен. И это побуждало всех отцов любить отца Игнатия без меры. Он относился к ним «с простотою, без притворства, без двоедушия и лукавства», по слову Лествичника, и именно это пленяло их.

Однако причиной душевной красоты является и добродетель «пренепорочной чистоты», о которой стоит поговорить подробнее.

О человеке, посвятившем себя Богу и облаченном в девственную чистоту, Писание говорит: «*Якоже крин в тернии*»²⁶². Дело в том, что цветок этот, согласно истолкованию святого Мефодия, епископа Олимпского, отличается чистотою, благоуханием, сладостью и радует взор. Ведь чистота – это вешний цветок, в белых чашечках которого расцветает нетление²⁶³.

Отец Игнатий отличался нравственной чистотой жизни, чистотою, благоуханием и сладостью своего целомудрия. С малых лет он сохранил свой светильник горящим, чашечку – белой, а одеяние чистоты – незапятнанным. Будучи девственным и белым, словно снег на недоступных горных

вершинах, он удостоился получить и боготканное облачение священства. Конечно, здесь была и некая благословенная обратная связь: чистота даровала ему священство, священство же освятило чистоту. В день рукоположения отца Игнатия на него в изобилии излилась благодать Святого Духа, украсив его тело необыкновенной и неотъемлемой нравственной чистотой.

Выразимся яснее. С тех пор, как отец Игнатий был причислен к священническому лику, и до его кончины прошло целых семьдесят лет. В течение всего этого промежутка времени его не тревожило никакое волнение плоти, никакая фальшивая нота не примешивалась к мелодичному пению чистоты. В его теле, даже и во время сна, не наблюдалось даже самого ничтожного бесчиния, самого незначительного плотского стремления. Присутствие Святого Духа совершило животворящее умерщвление плоти и сохраняло в старце неприкосновенными печати «пренепорочной чистоты».

Это состояние, достойное всяческого восхищения, принадлежит к числу даров благодати Святого Духа. Великий святой Русской Церкви Серафим Саровский назвал его преподобием тела.

За преподобием тела следует дар благоухания. На то, что от святого духовника исходит благоухание, обращали внимание многие. Старец Арсений, сподвижник блаженного старца Иосифа Исихаста, сообщил нам следующие достопамятные подробности:

«Будучи еще молодыми монахами, мы с отцом Иосифом отправились к отцу Игнатию послушать духовных наставлений. Он всегда давал нам мудрые отеческие советы и между прочим, помнится, сказал: „Кто трудится в юности, не будет голодать, когда состарится. Сейчас, пока вы молоды, молитесь, поститесь, подвизайтесь, кладите поклоны. И тогда у вас будет пища в старости». Его советы были нам очень полезны. И вот что удивительно: вместе со словами из его уст исходил и некий прекрасный запах. Он говорил, а уста его благоухали!».

Это ценное сообщение отца Арсения подтверждается и свидетельствами других старых монахов, заставших духовника в живых. Старец Хрисанф, некогда монашествовавший в скиту

святой Анны, а ныне живущий в Аттике, рассказал мне: «Он был моим духовником, и я посещал его регулярно. Не только его слова, но и одежда, и пот распространяли благоухание».

В конце этого жизнеописания мы увидим, что и кости его благоухали. Таковы плоды чистоты. Тех, кто чист, Святой Дух награждает многочисленными дарами, ибо Он чрезвычайно благоволит к ним. «Как фимиам услаждает чувства, так и Дух Святой радуется чистоте», – говорит преподобный Ефрем Сирин.

К сказанному стоит добавить еще одно. Если преподобие тела достигло высокой степени, то и дар благоухания будет соответственным ей. Такою высшею формою девства обладали все те святые, тела которых мироточили после смерти. Мироточение предполагает необыкновенную чистоту. Потому-то святитель Григорий Палама в одном из своих похвальных слов называет святого Димитрия Мироточивого девственным и пречистым.

Благословенный отче Игнатие, став по своей благоуханной чистоте благовоннейшей лилией Афона, помолись же вместе с другими святыми мироточцами, чтобы и в наше тяжкое, беспокойное, нечистое время появлялись благоуханные цветы чистоты, воздержания и непорочности! Пусть и в современном неустройстве присутствует некое устроение, украшенное ароматом духовного мира и облаченное *в виссон белый и чистый!*²⁶⁴

Пророческий дар

Ум отца Игнатия светился ясностью. Его идеи, замыслы, замечания отличались кристальной чистотой. При обсуждении серьезных вопросов, при откровении помыслов, во время исповеди в его устах звучали слова, способные поразить собеседника. Более того, тому казалось, что он общается с пророком. В качестве пояснения приведем несколько связанных с этим конкретных случаев.

* * *

Один старец из каливы, находившейся недалеко от монастыря Ксенофонт, вместе со своим учеником отправился на Катунаки, чтобы исповедоваться духовнику. Настал момент, когда следовало прочесть разрешительную молитву. Между тем отцу Игнатию было известно лишь имя старца, а как зовут ученика, он не знал. Естественно было ожидать, что он спросит имя ученика, когда его понадобится упомянуть в молитве. Однако духовник сделал это и без посторонней помощи.

– Видишь, какое чудо, старче? – спросил ученик на обратном пути. – Мы ему ничего не сказали, а он сам узнал мое имя. Должно быть, это святой человек. Он беседует с Богом, и Бог ему открывает все.

– У него, дитя мое, есть пророческий дар. Бог наделяет нас редкостными дарованиями, когда мы любим Его и исполняем Его заповеди.

* * *

В одной из монашеских общин Катунак было два послушника. Один из них происходил из Афин. В каком-то разговоре отец Игнатий кстати заметил старцу общины: «Не удерживайте этих двоих, отец Неофит. Эти ничего не добьются. Они не годятся для монашеской жизни».

Старец не уделил нужного внимания словам духовника и удержал их. Он постриг в монахи обоих, но вскоре горько раскаялся в этом. Новоиспеченные монахи то и дело вносили смущение в жизнь братии, а в конце концов отвергли монашеский образ и возвратились в мир. Опечаленный, старец

Неофит рассуждал про себя: «Видно, неспроста говорил духовник не принимать их».

* * *

Некий монах из одного соседнего скита часто посещал духовника, чтобы вкусить его утешительных наставлений. Но однажды слова духовника привели его в беспокойство. С тех пор монах стал испытывать чувство тревожного ожидания, как и Пресвятая Дева, когда старец Симеон заговорил с ней о мече, который рассечет Ей сердце²⁶⁵. Так что же такого сказал ему духовник?

«До шестидесяти восьми лет ты проведешь свою монашескую жизнь в покое. А вот с шестидесяти восьми лет и дальше тебя будут терзать такие искушения, что надо тебе запастись терпением Иова. Но ты должен претерпеть, чтобы быть увенчанным».

Естественно, монах задался вопросом о том, что же за испытания ждут его в будущем. Он не мог поставить под сомнение авторитет духовника, ибо знал, что тот никогда не бросает слов впустую.

Монаху исполнилось шестьдесят восемь лет, и пророчество стало исполняться. Довольно было уже неприятностей, хлопот и материальных издержек, возникших в связи с болезнью его ученика. Речь идет о туберкулезе, с которым в те времена не умели бороться. *Многи скорби праведным!*²⁶⁶ И это предвидел отец Игнатий, ибо ему все открыл Тот, Кто предопределяет печали, Кто дает терпение и Кто распределяет венцы.

* * *

Молодой – двадцатичетырехлетний – монах скита святой Анны, отец Хрисанф, в который раз шел по узкой дорожке, ведущей в пустынную каливу его духовного отца. Каждый раз, направляясь туда, он испытывал усталость из-за свирепой брани, которую в это время вел против него враг. И каждый раз, когда он возвращался назад, его душа, утешенная и укрепленная человеком Божиим, напоминала море, исполненное тишины.

Монах шел вперед. «Мой духовник, – думалось ему, – поистине человек Божий. Кажется, что его устами говорит Дух

Святой». Дело было днем, а не ночью, когда стоило бы двигаться с опаской и предосторожностями. Самый полдень. Не было ничего необычного или опасного. И вдруг – что за ужасный грохот, что за шипение, какой грозный вид! Внезапно перед монахом предстал отвратительный дракон, готовый растерзать его.

В этой неожиданной ситуации слова тайной молитвы, никогда не покидавшей сердца монаха, достигли высшего напряжения. И тотчас же, в один миг, сатанинское видение, бесполуденный²⁶⁷, о котором упоминает псалмопевец, исчезло.

Сколь бы стойким ни был человек, после такого приключения вся его душа должна ощущать напряжение и беспокойство.

– Благословите, отец духовник. Помолитесь обо мне.

Духовник же, еще не слышавший никаких подробностей происшедшего, вместо иного ответа произнес с отеческой любовью:

– Ну, Хрисанф, золотой цветик²⁶⁸ (так он обычно любовно называл монаха), не робей, не страшись *убивающих тело, души же не могущих убить*²⁶⁹.

Этими словами отец Хрисанф был поражен еще раз. Слепой духовник (это событие случилось в 1922 году, когда тот уже утратил зрение), оказывается, мог видеть! Его душа словно бы обладала некими «радарами», способными почувствовать многое. Глаза *внутреннего человека*²⁷⁰ были велики, как и у пророков. Старец знал суть дела прежде, чем ему могли обо всем рассказать. Святой Дух, обитавший в его сердце, сообщал ему все необходимые сведения.

Святой Григорий Палама, проповедник православного мистицизма, говоря о свете, Божественном просвещении и священном блаженстве, между прочим, пишет в «Триадах в защиту священно-безмолвствующих»: «...тело тоже как-то приобщается к умному действию благодати... Так, лицо Моисея сияло, когда внутренний свет ума перелился на тело, и настолько сияло, что чувственно смотревшие на него не могли вынести небывалого блеска. Так, чувственное лицо Стефана казалось лицом ангела, потому что и его ум, ангелоподражательно и ангелоподобно наитием или принятием соединяясь в таинственном приобщении с надмирным Светом, тоже стал подобен ангелу».

Отец Игнатий также принадлежал к числу святых мужей, достигших, подобно Моисею, мрака, который превышает света, и погрузившихся в сияние Божие. Нетварный Свет не только просветил его внутреннего человека, но и передал свое сияние внешнему, заставив его лицо сиять, словно ангельский лик.

Я должен выразить благодарность иеромонаху отцу П. (он не захотел, чтобы его имя было упомянуто здесь), ибо он поведал мне об одном необыкновенном событии из жизни святого духовника. С этим монахом я разговаривал, когда ему было свыше семидесяти лет. Но, несмотря на пожилой возраст, его память находилась в прекрасном состоянии, и в ней с удивительной точностью сохранились все афонские события того времени, когда отец П. начинал свой монашеский путь.

– Был день святого Константина, – начал он свой рассказ, – 21 мая 1916 года. В Малом скиту святой Анны отец Феодосий служил панихиду по своему старцу, отцу Стефану. В его каливе, Нижне-Успенской, собрались все духовники округа, чтобы вместе совершить службу и помолиться о покойном. Я, тогда семнадцатилетний юноша, еще не был пострижен в монахи. Я был еще безбородым и наблюдал за литургией из своей кавии, через щели в стене.

– Старче, – прервал я его, – что означает слово «кавия»?

– Кавия – значит маленькая келлия. Прежде монахи протягивали грубую веревку посреди келлии, и, опираясь на нее, бодрствовали и молились. От этой грубой веревки, которая у моряков называется «кавос» (канат), и келлию прозвали кавией. Так вот, из моей келлии, смежной с храмом, я наслаждался литургией, которую чинно служили иеромонахи-пустынники. Но откуда было мне знать, что увижу я за этой литургией! Началась Херувимская песнь, и духовник отец Игнатий вышел совершать каждение. Что я тут увидел! Боже мой, что это был за вид! Какой светлый образ предстал перед моими глазами! Его лицо преобразилось, оно было всесветлым, отмеченным Божественной благодатью. Оно сияло как ангельский лик!

– А у других иеромонахов, служивших литургию, наблюдалось что-либо подобное?

– Нет, только у отца Игнатия.

– Что же вы почувствовали, старче, узрев такое чудо?

– Я ощутил глубокую внутреннюю радость, чрезвычайное счастье. Впервые в жизни мне довелось увидеть столь светлый и прославленный лик.

Когда отец П. сообщил мне об этом чуде, в моей душе окрепла уверенность, что отец Игнатий действительно был одушевленным храмом Божественного света.

* * *

Выше мы рассказали об отеческой поддержке, которую духовник оказал будущему игумену Дионисиата Гавриилу накануне его пострижения. Однако мы опустили одну деталь, которую хотим привести здесь.

Как мы помним, послушник стал с умилением читать акафист святому Иоанну Златоусту. По завершении славословий в честь этого величайшего светильника Церкви, он благоговейно приложился к его иконе, а затем обратился к духовнику, желая взять благословение. Но что за видение предстало тут перед ним! Послушника потрясло, ужаснуло необыкновенное сияние. Наверное, таким же трепетом были проникнуты апостолы в час преображения Господня. А лицо отца Игнатия было озарено Фаворской славой, оно блистало,

как лик небесного ангела. Послушник тотчас упал к ногам старца, этого земного ангела, умоляя сокрушенным голосом:

– Благослови меня, отче. Благослови!

Тот прикоснулся рукою к его голове и осенил ее крестным знаменiem, умиленно воскликнув:

– Благословенно имя Твое, Владыко всяческих!

Мы рассказали лишь два случая, связанных с истечением Божественного сияния. Кто знает, сколько еще раз лик святого духовника сверкал надмирной славой, сколько раз отец Игнатий, затворившийся в своей келлии и занятый сердечной молитвой, бывал омыт прибоем световидных волн неведественного и нетварного Света!

Но кто может знать об этих священных явлениях и описать их? Чей взор проникнет сквозь «пресветлый сумрак сокровенно таинственного молчания», по выражению священномученика Дионисия Ареопагита, и узрит световидное блистание Божественной благодати? Жемчуг сокрыт в раковине, а раковина – в глубине морской. Речь идет о жизни, *сокрытой*, по выражению апостола Павла, отца христианского мистицизма, *со Христом в Боге*²⁷². В таком вопросе остается довериться благочестивому предположению, которое изображает отца Игнатия в виде корабля, непрестанно бороздящего сияющие моря сверхсущностного Света под снежно-белыми парусами, которые наполняются светлыми дуновениями Святого Духа.

Два мимолетных эпизода, когда лицо святого мужа выглядело *как лице ангела*²⁷³, доносят до нас лишь отдельные лучи этой внутренней славы, сопряженной с излиянием света.

Литургический трепет

Как правило, безмолвие укрепляет духовную жизнь. Чем более она безмолвна и уединенна, тем легче осуществляется единение души с Богом. Однако это правило имеет свои исключения, поскольку *Дух дышит, где хочет*²⁷⁴. Яркий пример такого исключения представляет собою святой праведный Иоанн Кронштадтский, яркое светило Русской Церкви. Несмотря на свои бесчисленные пастырские обязанности, он столь глубоко переживал присутствие Бога в своей душе, что мог бы стать примером для подражания гораздо более строгих пустынников и затворников.

Нечто подобное наблюдалось и в жизни отца Игнатия. Многочисленные священнические обязанности, труд духовника, отнимавший немало времени, богослужения в его каливе и тому подобное создавали немало затруднений. Тем не менее его духовность стояла на столь высоком уровне, что ей могли бы подивиться даже и те из безмолвников Афона, которые жили в наибольшем уединении. Недостаток безмолвия восполняла благодать Святого Духа. Пряמודушие старца, его святая простота, девственная чистота и великая любовь в изобилии вознаграждались ею.

Тем не менее и сам он неустанно стремился ввысь, совершая *восхождения в сердца своем*²⁷⁵. Апостольские призывы: «*Будьте постоянны в молитве*»²⁷⁶ и «*Непрестанно молитесь*»²⁷⁷, – буквально воспламеняли все его существо. Постоянство старца в молитвенных подвигах было достойно восхищения.

Кровать в его келлии стояла лишь для вида. Отец Игнатий предпочитал кровати канаты-«вешалки», на которых сон уступал место молитвенным усилиям. Эти канаты были для него священным местом, в котором душа обрела своего Господа.

Подобным же святым местом был и его низенький стул. Сидя на нем в безмолвные ночные часы, старец предавался глубокому самососредоточению, с помощью Божественной

благодати низводил ум в сердце и непрестанно повторял имя Господне, вкушая таким образом невыразимого блага умной молитвы, высшею мерой которой были явления невещественного и надмирного Света.

Местом священным и в то же время внушавшим благоговейный страх, истинным Вефилем, где отец Игнатий, подобно патриарху Иакову, лицезрел неприступное и неопишное величие Божие, был храм в часы Божественной литургии. В ходе бесчисленных литургий, которые старец совершил за пять-шесть десятков лет, он, поднимаясь *на крилу ветреню*²⁷⁸ литургического действия, пережил невыразимые духовные состояния.

Когда старец читал Евангелие на литургии, то заставлял сопереживать ему всех находившихся в церкви. Это было не просто чтение, но подлинное священнодействие. Отец Игнатий столь глубоко переживал события из евангельского отрывка, что слезы всегда появлялись на его глазах. Если же чтение относилось к Страстям Господним, то лишь Божественная поддержка помогала ему дочитать до конца.

Если такое бывало при чтении Евангелия, то что же сказать о Херувимской песни? Тусклое отражение его состояния в этот момент литургии можно найти выше, где мы видели, что лицо духовника сияло ангельской славой.

Что же нам предположить относительно страшного часа жертвоприношения? Что должен ощущать человек, плачущий при чтении слов Христа, перед лицом свидетельства Голгофы, невыносимого смирения, скорби и боли Сына Человеческого?

Но тот, кто ощущает горечь Голгофы при совершении Бескровной Жертвы, не может не чувствовать и неизреченной и световидной славы Воскресения. Вся тайна христианства, тайна беспредельного смирения и печали, но и беспредельной радости и славы, заключена в событии Божественной литургии. А священнослужитель, переживающий эти состояния, будет преисполняться сильнейшим духовным трепетом.

Атмосфера храма действительно была исполнена этим трепетом, когда служил отец Игнатий. Один мой знакомый иеромонах, переживший эти неповторимые мгновения таковых

священных переживаний, подробно рассказывал о них: «Отец Игнатий служил удивительно: прекрасно, торжественно, величественно. Прекрасным был и его голос, и весь духовный воздух вокруг него. В то время, когда он литургисал, он был носителем Духа. Никто не мог сравниться с ним как священнослужитель. Ему не было равных».

Если внимательно проанализировать это простое выражение: «В то время, когда он литургисал, он был носителем Духа», – то оно многое скажет нам о достоинствах старца как священника.

При совершении праздничных литургий или других Таинств, например Елеосвящения, в которых принимало участие много священников, отцу Игнатию, как старшему, принадлежало первенство. И действительно, в нем присутствовала некая таинственная священническая благодать, которой не было заметно у других.

Даже его внешний облик придавал службе какое-то особое звучание. Старец был среднего роста, чуть полный, рыжеволосый, со снежно-белой бородой, круглым, как у ребенка, лицом и пышными бровями, слегка затенявшими его светлые голубые глаза. Конечно, и его голос, чистый и прекрасный, оживлял и украшал высокое содержание литургических текстов.

Но подлинной основой всего этого величия была его любовь пред лицом Христовым. Она заставляла отца Игнатия волноваться и исполняться слез от момента чтения Евангелия до конца Божественной литургии. Он любил Христа, ибо Тот прежде возлюбил его. *Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас*²⁷⁹. Отсюда происходит и любимое выражение духовника, с которым он часто обращался к своим духовным чадам: «Дитя мое, возлюби Того, Кто возлюбил тебя».

Путь к Свету

Одним из любимых евангельских чтений отца Игнатия было чтение 31-й Недели по Пятидесятнице – Евангелие от Луки, глава 18, стихи 35–43. Горячее стремление иерихонского слепого к свету, его мольбы: *«Иисусе, Сыне Давидов! Помилуй меня»* и *«Господи, чтобы мне прозреть»*, – всегда вдохновляли старца. К тому же для монаха, занимающегося умной молитвой, не может быть более дорогого евангельского зачала.

Когда отец Игнатий перешагнул восьмидесятипятилетний рубеж, его связь с образом этого слепого оказалась еще более тесной. Дело в том, что глаза старца были поражены катарактой, а со временем он и вовсе утратил зрение.

Лишенный материального света, он не переставал расточать вокруг себя свет невещественный, который просвещал путников, направлявшихся ко граду неувечернего Света. Господь даровал старцу еще достаточно лет, в течение которых овцы из афонского двора обретали подле него «место злачное» и «воду покойную».

Всех, кому требовался опытный духовник, посылали в Катунки, к отцу Игнатию-слепцу, как его теперь называли. Там жил незаменимый пастырь, замечательный врач, непогрешимый наставник, там находился «банк», обладавший неоценимыми духовными капиталами. Там люди находили всеми уважаемого старца, обессиленного и согбенного годами и слепотой, который наделял приходивших к нему миром, утешением и мудрым наставлением.

На этой священной страже он неуклонно стоял до последнего вздоха. Его рассудок до конца сохранял свежесть сил, так что служение духовника не прекращалось ни на минуту.

Обычно он проводил время в своей келлии. В церковь спускаться старцу было нелегко, и он непременно приходил туда лишь на время литургии.

В тех немногих случаях, когда он выходил прогуляться вокруг каливы, ученики, исполненные уважения и любви к

своему старцу, старались убрать с дороги даже камни, о которые тот мог бы споткнуться.

У отца Игнатия, как и у всех пожилых людей, были свои проблемы со здоровьем. Он страдал от ревматизма и много ночей подряд вынужден был стучать ногами от болей. Однако он переносил это состояние молчаливо, никогда не жалуясь, не требуя лекарств и ухода.

Его устремленность ввысь была видна и в отношении к пище. Старец ел все, что приносили к нему в келлию. Если вдруг пищу не успевали или забывали принести вовремя, он не обращал внимания. Его ум был пленен небесным и не беспокоился о земном.

Главным, что занимало старца, был предстоящий переход в вечность. Он миновал девяностолетний, девяностопятилетний рубежи и приблизился к сотому. Сто лет земной жизни, из которых двадцать прошли в миру, а восемьдесят – на Афоне, составляли немалое число. Настал час, когда корабль, целых сто лет бороздивший земные моря, должен был бросить якорь в небесной гавани.

В октябре 1927 года отцу Игнатию предстояло уйти. По-видимому, достопочтенный старец предчувствовал свою кончину. Двадцать пять дней он предавался совершенному посту, желая облегчить себя для великого перехода.

25 октября, вскоре после восхода солнца, одному русскому пустыннику, отцу Варфоломею с Карули, посчастливилось увидеть, как умирают святые. Он поднялся в каливу Успения, где его проводили в келлию старца.

– Доброе утро, батюшка. Благослови.

– Кто ты?

– Я диакон Варфоломей.

– Как дела, дитя мое?

– Все в порядке, батюшка.

– У тебя все в порядке. А я жду кого-то, кто должен прийти.

Кого ждал старец? Кого же еще, как не ангела, который должен был принять его дух. И небесный посланник пришел, принял душу слепого духовника и проводил ее к свету небесному, «в месте светло и злачно». Старец, согласно чьему-

то примечательному выражению, «умер, как птичка». Отцу Варфоломею больше не доводилось видеть столь тихой смерти.

На следующий день, 26 октября, под покровом благодати святого Димитрия Мироточивого, при большом стечении народа совершались похороны. Никогда лица отцов Святой Горы не обнаруживали такой печали, как в этот день. Отец Герасим из Малого скита святой Анны, гимнограф, рассказал мне о том, какое горе причинила всем кончина старца и какой невосполнимой утратой стала смерть такого замечательного духовника.

Несколько лет спустя состоялось вскрытие его честных останков. Все отцы трепетали от духовной радости, ибо от мощей благословенного старца разливалось удивительное благоухание. Бог еще раз подтвердил и удостоверил преподобие этого мужа.

* * *

Десятью годами позже мне довелось познакомиться с его учениками на Святой Горе. Особенно благодатным выглядел образ отца Игнатия, второго ученика старца, яркими красками изобразившего в беседе со мною святость своего наставника. Доброе дерево дало и добрый плод²⁸⁰.

Однако самого приснопамятного духовника мне застать не удалось. О, если бы нам довелось по святым молитвам старца узреть его на небе, служащим в сияющем священническом облачении, сотканном Самим Богом, пред «святым и пренебесным и мысленным жертвенником Божиим»! Аминь.

Часть 8. Отец Кондрат. Игумен Каракала

Настоящая часть книги «Образы современных святогорцев» посвящена сильной личности иеромонаха Кодрата (1859–1940), просиявшего в качестве игумена монастыря Каракал, а также в качестве духовного отца и наставника многочисленных людей.

Разнообразные природные дарования, блестящий ум, твердость в подвижничестве, совершенство внутреннего воздержания сделали этого человека образцом духовного руководителя. Наиболее яркой характеристикой его личности было умение управлять монастырем, находившееся в редком сочетании со способностью быть пастырем душ.

Двадцать шесть лет (1914–1940) пребывания в должности игумена киновии Каракала были лучшим временем отца Кодрата, несмотря на наличие плевелов, осложнявших его труд. Величие его души повсюду завоевывало признание и на всех производило неизгладимое впечатление.

В Кавсокаливии жил один пожилой моряк, дядюшка Харалампос из Кастеллоризона. Здесь он решил провести последние дни своей жизни. Фотис Контоглу²⁸¹, изучавший тогда настенные росписи кафоликона Кавсокаливии, познакомился с этим человеком и охарактеризовал его как мытаря моря, который был в свое время кочегаром на пароходах и много путешествовал. Этого морского волка так потрясло знакомство с отцом Кодратом, что он приобрел привычку повторять: «Кто прибыл на Святую Гору, но не поднялся на вершину Афона или не видел отца Кодрата, тот не видел ничего». Эта фраза стала поговоркой.

Этот-то величественный афонский образ мы представляем читателю. Собранные нами биографические сведения, – это приходится признать – недостаточны для того, чтобы передать все его духовное величие. Быть может, этот недостаток будет восполнен впоследствии.

Мы горячо благодарим отца Иакова – ученика отца Кодрата; отца Максима – духовника монастыря Ивирон; старца Евдокима из Филофея; отца Андрея – бывшего игумена монастыря

святого Павла, а также пожилых монахов монастыря Каракал, с которыми нам удалось встретиться в монастырской больнице, и всех, кто оказал помощь при написании этой части книги.

Все они с энтузиазмом рассказывали нам о достоинствах старца Кодрата и о расцвете монастыря Каракал в его время.

Его молитвами да обретет эта священная киновия свой древний расцвет ко славе Бога и освящению душ человеческих!

Июнь 1975 г. Архимандрит Херувим

Отец Кодрат был настоящим рыбаком: он обладал непревзойденным искусством улавливать души. Его сетью было умиление, удищем – просвещение Божие, а наживкой – любовь.

Иеромонах Афанасий ивирит.

Глава I. В земле освящения и подвига. Монастырь Каракал

Монастырь Каракал занимает одиннадцатое место в иерархической лестнице больших афонских монастырей и обладает богатой историей. Он находится в северо-восточной части полуострова на живописном, покрытом зеленью склоне, перед которым простирается безбрежный простор Эгейского моря. От побережья до монастыря приблизительно полчаса ходьбы. Чуть выше возвышается монастырь преподобного Филофея, а еще в четырех часах пешего пути к юго-востоку расположена Великая Лавра.

Вид на окрестности, открывающийся из приемного покоя монастыря Каракал, не может не произвести глубокого впечатления на посетителя. К востоку простирается недвижная гладь Эгейского моря – безбрежный голубой простор, который вдалеке сливается с небом. На западе зияют дикие склоны оврагов, которые спускаются с вершин Афона и доносят сюда завывание северного ветра, непрерывное в разнообразии своего гула. Церковные била зовут нас на литургию с первой улыбкой зари, бросающей свой свет на воду морских волн... Таковы впечатления каждого, кому довелось оказаться в монастыре Каракал летним утром.

Первые страницы истории монастыря теряются в легендарном мраке. Современные историки отвергают представление о его связи с римским императором Аврелием Антонином Каракалой (III в. по Р. Х.). Несомненно лишь то, что монастырь уже существовал к началу XI века: об этом свидетельствует одна из грамот византийского императора Романа IV Диогена (1068–1071).

Как и другие афонские монастыри, монастырь Каракал прошел через многие испытания. Когда пала Византийская империя, он пережил серьезный упадок и был почти полностью разрушен. Однако благодаря покровительству молдавского господаря Иоанна Петра Рареша (1527–1546) и его дочери

Роксандры, супруги другого господаря Молдовы и Валахии, монастырь был обновлен и приобрел достаточное богатство.

На полпути между морем и монастырем стоит высокая и величественная башня, построенная в XVI веке на деньги упомянутого молдавского господаря Рареша.

Вся жизнь монастыря, всякое движение в нем, совершается под надзором и покровительством первоверховных апостолов Петра и Павла. Им посвящен центральный храм, кафоликон, где в день их празднества, 29 июня, совершается великое торжество. А на устах монахов-каракалитов то и дело произвольно возникают слова песнопений, обращенные к двум святым покровителям: «Киими песненными добротами воспоем Петра и Павла, благоразумия криле...».

Весь храм покрыт изнутри великолепными фресками XVIII века. Большой ценностью считается икона кисти Константина Палеокапаса, изображающая в строгой византийской манере апостолов Петра и Павла, обнимающих друг друга. Выдающимся произведением является и икона Двенадцати апостолов, созданная знаменитым иконописцем иеромонахом Дионисием.

В тяжелых обстоятельствах, при особой нужде приходят монахи и к иконе Богородицы «Скоропослушница», обладающей благодатью чудотворения. «Всяк бо, притекший к Тебе с верою, не отыде от лика Твоего тощ и не услышан...».

Царские врата кафоликона, которые изготовлены мастером Феофаном в 1562 году, также считаются произведением, обладающим особой художественной ценностью.

В библиотеке монастыря помимо новейших изданий можно найти и древние кодексы, написанные как на бумаге, так и на пергамене, причем достойны внимания и их количество, и их ценность.

Здесь хранятся и мощи святых, «честнейшие многоценных камней и славнейшие превыше злата», из числа которых, например, стоит упомянуть главу апостола Варфоломея, главу святого Иоанна Златоуста, часть мощей великомученика Меркурия. Особо почитаются мощи преподобного новомученика Гедеона, духовного воспитанника монастыря. Кроме того, здесь

хранится в серебряном футляре частица Честного Креста Господня, а также шлем и меч великомученика Меркурия.

В этой атмосфере, где так сильно ощущается присутствие стольких святых, в окружении их икон, реликвий, воспоминаний, не может не получить развития жизнь в своем стремлении к святости.

Но и окрестности монастыря способствуют возвышению души. Пространство между Великой Лаврой и монастырями Каракал и Филофей дало приют множеству святых, которые в бедных пустынных каливах, затерянных среди густого леса, взращивали цветок умной молитвы. В этом краю пустыня состязается с молитвой, а безмолвие – с трезвением.

В 1950 году один благоговейный священник из Ларисы, прибывший в качестве паломника на Святую Гору, был весьма поражен, увидев в этих священных местах, расположенных вокруг монастыря Каракал, какого-то монаха, который предавался молитве, паря на метровой высоте над поверхностью земли.

К числу наиболее замечательных монахов-каракалитов последнего времени принадлежат старцы Паисий и Галактион. Первый из них известен своей любовью в служении больным, доходившей до самопожертвования, второй же – своим героическим подвижничеством. Здесь же жил и старец Андрей, пребывавший в непрестанном умилении. Слезы, появившиеся на глазах этого монаха после какой-то болезни, постоянно сопровождали его, умягчая сердце, словно некий сладчайший источник. Старец Андрей всегда держал в руках платочек, который днем и ночью обильно орошался его сокрушенными слезами.

Среди этого необыкновенного окружения, как природного, так и рукотворного и духовного, и проходила жизнь великого подвижника духа, к жизнеописанию которого нам предстоит перейти, – игумена монастыря Каракал отца Кодрата.

Начало пути

Отец Кодрат родился в малоазийском поселке Вриула, где, как видно, жило немало истинных христиан, со страхом Божиим строивших свою семейную жизнь. Недаром из Вриулы в Малой Азии ведут свое происхождение столь многие афонские отцы.

Его мирское имя было Кириак Вамвакас. Отец Кириака был лесоторговцем, а потому знал многих судовладельцев, доставлявших в Малую Азию лес со Святой Горы.

В детстве Кириак часто слышал рассказы, в которых описывался Удел Пресвятой Богородицы, и это окрылило его мечтой. Он захотел и сам поклониться этому святому месту, единственному в мире, удостоиться чести стать воином Христовым, присоединиться к этой духовной дружине. С юных лет Кириак отличался внимательностью и аккуратностью. Казалось, что его ждет блестящее будущее. И действительно, путь юноши был ясно предначертан.

На Афон Кириак прибыл в цвете юности: ему тогда было двадцать лет. Во все времена молодежь имеет свои собственные запросы. Она особым образом смотрит на смысл жизни, на человеческое существование, на будущее, на суету и тревожнения мира. Юношеская душа легко прельщается ложной приманкой, но, познав Христа, с той же легкостью принимает и героические решения. Никакая любовь на земле не может превзойти своей глубиной и радостным порывом божественное стремление юношеской души к Иисусу. Очевидно, какой-то лучик этого божественного стремления озарил Кириака, некая сладкая стрела Божественной любви поразила его сердце, утомленное искушениями. И он побежал, *имже образом желает елень на источники водные...*²⁸²

«Когда мои домашние узнали, что я уже окончательно удалился на Святую Гору, они горевали, – рассказывал позднее отец Кодрат. – Особенно горевала моя мать. Отец, однако, был более хладнокровным и, конечно, более духовным человеком. „Ну, что ты плачешь? – говорил он ей. – Что, ребенок хочет стать вором? Нет. Может быть, он хочет стать убийцей? Нет.

Может быть, он будет мерзавцем? Нет. Может быть, он станет мошенником? Нет. Может, он пошел гулять по кабакам и притонам? Тоже нет. Он решил стать монахом, чтобы отдать свою юность Христу, а не сатане. Радоваться надо, а не плакать».

Эти слова утешили ее, заставили посмотреть на дело серьезнее, разумнее, по-христиански. И тогда она восславила Господа за то, что с этого момента ее чаду предстояло стать монахом и молиться о ее спасении в этом мире и вечной славе — В ИНОМ».

Неизвестно, что заставило Кириака остановиться на киновии Каракал после нескольких лет пребывания в Новом скиту. Тогда в монастыре Каракал насчитывалось чуть более шестидесяти монахов. «Монастырь у нас маленький, – сообщили ему отцы, – но зато общежительный». – «Едва услышав, что это киновия, я испытал особенную радость, – рассказывал позднее сам отец Кодрат. – Я искал киновию, и обрел ее. Я внимательно выслушал то, что мне рассказали о монастырских правилах, и все это произвело на меня глубокое впечатление».

Разве не то же самое происходит и в наши дни? Юноши с благородными сердцами, ищущие евангельской истины и чистой и неповрежденной монашеской жизни, жаждут общежития. Они ненавидят особножительное устройство, ставшее для монашества причиной неисчислимых зол. Среди молодых монахов, которые ныне во множестве приходят в киновии, рождается протест против идиоритма.

*Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе!*²⁸⁴ – таков гимн киновии, ставший и гимном молодого послушника. Он с трепетом воспевал эти слова, ибо ухватился за общежитие с великим жаром, как и за сам Афон. Общие здесь не только Святое Причастие, материальные средства, пища, устав, но общие и образ мыслей, желания, скорби и радости, вообще вся жизнь. Все общее во Христе Иисусе.

* * *

С первого момента своего появления в монастыре юноша отдал всего себя в распоряжение старца и братьев. Он трудился «в послушании», неутомимо и творчески. Все свои обязанности монах исполнял как должно, желая принести наибольшую пользу и поспособствовать преуспеянию своей духовной семьи.

Несколько лет отец Кодрат занимал должность эконома на метохе монастыря, находящейся на Касандре. Говорят, что и там ничуть не ослабили его строгость и воздержание. Как-то раз

на метоху явились посетители-турки. Для них эконо́м приготовил мясной стол, но остатки мяса он приказал попросту выбросить! В киновиях мяса не едят, и потому он любой ценой стремился, чтобы и сам он, и другие монахи метохии сохраняли свой общежительный устав.

Долгое время отец Кодрат был келарем в самом монастыре. Он регулярно ездил в Константинополь, где закупал продовольствие для монастыря. Эту должность он занимал и накануне своего избрания в игумены.

Отец Кодрат был избран игуменом в 1914 году. Его рукоположение совершил преосвященнейший Нил, который был его учителем еще в Малой Азии. Во время хиротонии владыка особенно похвалил отца Кодрата, сказав: «Он учился у меня в свои школьные годы, и я хорошо знаю его способности и дарования с тех самых пор, когда он был еще ребенком».

С избранием отца Кодрата игуменом, светильник его добродетели был поставлен *на свещнице*, и свет его засиял перед людьми, *чтобы они видели его добрые дела и прославляли Отца Небесного*²⁸⁵.

«Всё во славу Божию...»

Господь распределил дарования между людьми. Каждый человек получил из Божиих рук свои собственные достоинства. Однако некоторые вовсе не позаботились обнаружить Его благодеяния, а другие проявили безразличие и оставили эти дары совершенно неразвитыми.

Чем больше человеческая душа приближается к Господу, тем действеннее становятся ее силы. А чем ближе Он к ней, тем более реализуются и плодоносят полученные ею дарования.

Отец Кодрат, будучи еще простым монахом, и позднее – уже игуменом, посвящал все свои силы служению Богу – «всё во славу Божию...» – конечно, будучи наделен от Бога многими телесными и духовными дарованиями.

Поскольку он родился и вырос в Малой Азии, то в совершенстве владел турецким языком, изучив психологию, образ мышления и характер этого народа. Вот почему он, с помощью Божией, ухитрялся чудесным образом спасать христиан от верной смерти, как и от других тяжких кар и страданий. При этом сами «смуглые» чрезвычайно уважали и почитали старца. Восхищаясь отцом Кодратом, они часто называли его «Кодрат-барин».

Когда на Святую Гору пришли англичане и французы²⁸⁶, они хищнически эксплуатировали ее богатства. Однако одаренность отца Кодрата спасла монастырь от вырубки его лесов и расхищения имущества.

Дело в том, что, когда в монастырь Каракал явился французский офицер, ему оказали прекрасный прием. Игумен приказал выйти ему навстречу всем монахам, бить во все колокола, спеть в храме многолетие в его честь, накрыть стол и так далее. Офицер был восхищен всем этим, и в результате отдал распоряжение вырубать лес всех других монастырей и лишь монастырь Каракал оставить в полном покое.

Сталкиваясь с серьезными проблемами, беспокоившими монастырь, с духовными запросами братий, а также с мелочами

общежительного устройства, отец Кодрат проявлял рассудительность и способность найти верное решение. Самого себя и все свои способности, телесные и душевные, он всецело подчинил Божией благодати и озарению, став, таким образом, человеком, наделенным просвещенной мыслью и чистым рассудком.

Пример трудолюбия

Отличительная черта афонской жизни – физический труд, являющийся жертвенным служением каждого монаха. Многие люди по незнанию ругают монахов за безделье и лень. Какая ложь! Какой обман! Кто желает в этом убедиться, пусть посетит Святую Гору и посмотрит, как монахи трудятся не покладая рук. Здесь существует много всякого рода ремесел и занятий, причем главные из них – это иконопись, резьба по дереву, шитье, вязание. Зачастую монахи вынуждены проводить в непрерывном труде весь день. Следует учитывать, что их время ограничивается многочасовыми службами и бдениями в церкви. К тому же существует много других повседневных работ, которые всецело совершаются их руками: приготовление пищи, мытье посуды, уборка, уход за садовыми деревьями, прием гостей, доставка продовольствия в свой монастырь или каливу, сбор маслин, орехов и так далее.

Когда к монастырскому причалу доставляли несколько тонн муки, составлявшие годовой запас, объявлялся настоящий аврал. Отцы все вместе спускались на пристань, чтобы перенести хлеб в монастырскую кладовую, а впереди всех бежал игумен, отец Кодрат. С сумой через плечо он с готовностью спускался вниз, закидывал на спину мешки с мукой и трудился вместе с другими братьями, как простой монах. Тот, кто не знал отца Кодрата в лицо, ни за что не мог бы узнать в нем игумена Каракала.

Его всегда можно было видеть при переноске в монастырь не только муки, но и всякого продовольствия или различных необходимых материалов, которые лодками доставляли на пристань.

Отец Кодрат – всегда готовый потрудиться, радостный, подвижный, неутомимый, живой, – представлял собою типичный образец афонского монаха-труженика.

И в самом деле! Посетителей Святой Горы всегда впечатляет то обстоятельство, что работа, несомненно, тяжелая и многотрудная, совершается с радостью, а не неохотно и по

принуждению. Помогает этому ощущение того, что каждое ремесло и каждое служение нужно для славы Божией и представляет собою род молитвы.

Ценность труда для монаха не упускает подчеркнуть и святитель Василий Великий. В «Пространных правилах» он, наряду с многим другим, замечает: «И какое зло – праздность, нужно ли говорить о сем, когда апостол ясно повелевает не делающему даже и не есть?»²⁸⁷ Поэтому сколь необходимо каждому повседневное вкушение пищи, столь же необходимо и дело по мере сил. Ибо не напрасно Соломон написал в свою похвалу: „Брашна же леностнаго не яде“²⁸⁸; и еще апостол пишет о самом себе: „...ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвиге, ночь и день делюще“²⁸⁹, – хотя, благовествуя Евангелие, имел он право жить от проповеди Евангелия».

* * *

В Кутлумушском скиту был один известный духовник, к которому приходили на исповедь или за советом многие отцы Святой Горы. Как-то раз туда пришел некий старец, в чьей каливе был один ученик, подверженный унынию. Им часто овладевало чувство тоски и скорби, иногда сменявшееся полным отчаянием. Опасность была велика, и, если бы для этого ученика не нашлось способа избежать щупальцев уныния, он, возможно, подвергся бы искушению бежать из каливы.

Итак, наставник злополучного ученика отправился к просвещенному духовнику.

– Отец духовник, – обратился он к нему, – скажи, что мне делать с моим монахом. Он пропадает. Его ум помрачен, он вечно не в духе. Он окружен черной тучей опасных помыслов. А ведь у него все есть в нашей каливе. Физической работой я его не загружаю, занимаю лишь церковным чтением.

Духовник внимательно выслушал старца, поразмыслил немного и вдруг произнес естественно и неторопливо:

– Жени его!

Старец стоял как громом пораженный. «Что случилось с духовником? – подумалось ему. – Он что, помешался?»

– Жени его, я тебе сказал, – повторил тот настойчиво.

– То есть, отец духовник, что ты имеешь в виду? – пробормотал дрожащим голосом старец.

– Дай ему в жены работу! Займи его делом! Тебе понятно? Монах должен взять себе в супруги работу, чтобы избежать беспечности и многих других искушений.

Итак, когда старец последовал этой заповеди и занял своего ученика повседневными трудами, то понял, насколько прав был духовник. Уныние отступило, хорошее настроение вернулось к монаху, в каливе вновь воссияла радость. Работа излила свое благословение.

Эту историю хорошо знал отец Кодрат, любивший рассказывать ее, когда в том была нужда. Более того, он на собственном опыте усвоил изначальные принципы монашества, с момента своего возникновения подчеркивавшего значение трудолюбия, которое особенно велико для насельника скита или киновии.

Как-то раз к отцу Кодрату пришел игумен монастыря святого Павла.

– Где же старец? – спросил он кого-то из монахов.

– Он внизу, в дохии (так называется монастырская кладовая, где хранятся вино, сыр, рыба и т. д.).

В тот день в монастырь привезли сардины, и монахи засаливали их в специальных сосудах на весь год. Естественно, и в этом деле старец, как всегда, был первым работником и образцом для других.

– Старче, ты здесь? – спросил игумен, спускаясь в кладовую.

– Что же делать, брат? – отвечал отец Кодрат. – Ты же знаешь, рыба гниет с головы.

Сказав это, он продолжал аккуратно укладывать сардины, зачерпывать ладонями крупную соль и сыпать ее поверх каждого ряда. В его словах был особый смысл. Старец хотел сказать, что игумен должен быть образцом трудолюбия и жертвенности, должен ощущать тяжесть своих обязанностей и наставлять учеников собственным живым примером. Он – глава, которая направляет все, что совершается в монастыре. И

если глава покинет прямой путь, то и все в монастыре придет к разложению и распаду.

Отец Кодрат знал, что физическая работа смиряет, утончает и освящает тело и душу. В соединении с молитвой она становится славословием Тому, Кто *доныне* *делает*²⁹⁰, продолжением богослужения как такового. Она образует гармоническое единство с молчаливым песнопением, которое все создание приносит Господу славы.

Глава II. Образцовый игумен. Пастырь добрый

Немногие из игуменов, бывших на Святой Горе, могли сравниться с отцом Кодратом. Этот человек имел задатки пастыря и, можно сказать, был прирожденным духовным руководителем. Взяв кормило власти в свои руки, он управлял братьями наилучшим образом и придал духовной жизни своего монастыря качество, подобающее подлинной киновии.

«Истинного пастыря укажет любовь, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – ибо из любви предал Себя на распятие великий Пастырь».

«Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец»²⁹¹, – говорит Господь, первый и изначальный Пастырь Церкви. Отец Кодрат и в самом деле был добрым пастырем, сознававшим вес своего пастырского служения, любившим своих чад и болевшим за них душою, готовым к самопожертвованию и самоотречению ради своих овец. Самого же себя он выносил за скобки, уделяя себе лишь столько времени и заботы, сколько требовалось для поддержания жизни. Все его беспокойство, вся ревность, вся деятельная любовь были с утра до вечера, днем и ночью обращены к его пастве.

Спал он мало и лишь недолгое время проводил в своей убогой келлии. Но и тогда его духовные чада, согласно собственному указанию старца, могли в любой момент войти к нему, чтобы побеседовать о вопросах духовной жизни, обрести руководство и разрешение своих проблем. Им не следовало стесняться разбудить его.

Для отца Кодрата явственно звучал голос другого достойного духовного отца, святого Симеона Нового Богослова: «Пусть твои ночи, как и дни, проходят в заботе о доверившихся тебе душах, чтобы ни одна из них не оказалась похищена зверями: либо поглощена медведем вожделения, либо проглочена драконом гнева, либо растерзана коршуном самодовольных помыслов... но чтобы ты сохранил свою паству невредимой и плодovитой для Архипастыря – Христа Бога».

Старцу были известны многообразные брани, которые приходится претерпеть монаху. Ему были ведомы искушения, бесовские козни, страсти, которые днем и ночью стремятся низвергнуть душу, привести ее в смущение. Добрый пастырь знал, что бесы иной раз из чувства зависти пытаются создать видения, сны и образы, которые могли бы стать приманкой для утомленного подвижника духа, чьей измученной плоти предоставлена возможность ненадолго забыться сном. А еще он прекрасно знал, насколько слабо человеческое естество с его удобопреклонностью ко греху и страстям, подверженностью многим немощам, и стремился быть духовным отцом не только по имени, но и в действительности: поддержкой, вдохновителем, наставником, утешением, надеждой и дерзновением для своих учеников. Счастливы ученики, у которых есть такой отец, такой старец. Ведь, если даже они получают какое-либо ранение, рядом с ними окажется врач, друг и «добрый самарянин», который принял их души и даст за них отчет.

«Лучше согрешить пред Богом, – говорит святой Иоанн Синаит, – нежели пред старцем своим». Ведь в первом случае старец будет помощником, связующим звеном, которое вновь восстановит твою связь с Богом. Но если удалиться душою от старца, то кто же соединит тебя с Богом, когда ты падешь?

Итак, связь отца Кодрата с его учениками была глубоко евангельской и отеческой. Он не был таким игуменом, который занимает свое место формально и только на бумаге. Ведь приходится откровенно признать, что игумен на Афоне обычно походит на назначенного сверху чиновника, который подписывает документы и держит в руке игуменский посох, не имея призвания к пастырскому служению и потому не исполняя связанных с этим обязанностей.

Увы! Такое положение является бедствием для уз монашества, раной, нанесенной ему изнутри, забвением святых предначертаний, определенных во Святом Духе опытом святых отцов.

Действительно, нельзя не испытывать недоумения по поводу того, что Святая Гора, хранящая с такою строгостью

святые предания, нравы и обычаи древних отцов, не позаботилась о таком основополагающем принципе, как соединение пастырских обязанностей с положением игумена в монастыре. Почему в некоторых монастырях до сих пор держится обыкновение, согласно которому братия исповедуются чужому духовнику, а не своему игумену, который, как предполагается, должен быть отцом, врачом, наставником, мысленным Моисеем, духовным в подвиге «тренером», отвечающим за состояние их душ день и ночь? Следует надеяться и молиться, что по воле Господа в монастырях появятся и наилучшие игумены, и святое сознание того существенного значения, которое имеет их служение для славы Его имени и для спасения людских душ.

Отец Кодрат стал игуменом не потому, что жаждал славы и отличий, а для того, чтобы сделаться слугою братий. В этом пункте он также следовал Самому Христу и, подобно Ему, мог обратиться к своим ученикам: «А я посреди вас, как служащий»²⁹².

«За двадцать шесть лет своего игуменства я, дети мои, по благодати Божией ни разу не заснул вне монастыря», – говаривал он. И в самом деле, это было так. Только иногда старец поднимался на высокую гору, чтобы присмотреть за монастырским лесом, и тотчас же возвращался назад.

* * *

В часы отдыха после полуденной трапезы отец Кодрат не удалялся в свою келлию. Как правило, он садился на скамейку, стоявшую в беседке недалеко от придела преподобного Гедеоны. Там он, опершись на свой посох, предавался умной молитве, а иногда, надев очки, углублялся в чтение какой-нибудь святоотеческой книги.

Часто игумена видели и сидящим на стуле, рядом с деревянной лестницей, ведущей во двор монастыря, с головой, склоненной на тросточку.

- Что ты тут делаешь, старче? – спрашивали его.
- Да вот, сплю, дитя мое.
- Спишь на стуле?

– Да-да! Пастух должен бодрствовать, дитя мое. А если нужно подремать, так он засыпает ненадолго, опершись на посох.

Глубокое ощущение того, что он, как игумен, обязан защищать своих словесных овец, приводило к тому, что даже и во сне сердце его бодрствовало²⁹³.

Богослужение: смысл жизни старца

Преподобный Ефрем Сирин говорит: «Итак, каким образом ангелы, с великим страхом предстоя, совершают песнословие Создателю, так и нам должно предстоять на псалмопении».

Именно ангельское предстояние, внимание и псалмопение желал видеть отец Кодрат в соборном храме своего монастыря. Он стремился к тому, чтобы все братия до единого, за исключением лишь тех, кому препятствовало серьезное недомогание, присутствовали на богослужениях и принимали в них участие. Сам он был душою и телом предан молитве. Он всегда был сосредоточен, чтобы, прислушиваясь к псалмопению и чтению, обращая внимание на силу тех слов Священного Писания, которые читаются или поются, не пропустить, насколько возможно, ни одного слова впустую, но добиться, чтобы душа, насытившись всем этим, достигла умиления, смирения и божественного просвещения Святого Духа.

В одних киновиях Святой Горы звон колокола будит монахов в одиннадцать часов ночи, в других – немного позже. Отцы совершают свое правило, то есть кладут поклоны и читают молитвы по четкам в своей келлии. Затем они идут в соборную церковь монастыря, где начинается утреннее богослужение.

Это время после полуночи составляет самую священную часть суток. Среди безграничной тишины ночи вся Святая Гора молится «о мире всего мира и о спасении душ наших». От края и до края она превращается в огромное кадило, воссылающее свою непрестанную молитву, как *воню благоухания*²⁹⁴, ко Господу Саваофу.

«Представь, как глубока ночь, когда спят и все люди, и звери, и скот, когда стоит глубочайшее безмолвие, и ты один пробудился, чтобы дерзновенно беседовать с общим Владыкой всех. Быть может, сладок сон? Но он ничуть не слаще молитвы...» – говорит святитель Иоанн Златоуст.

Слова «ничуть не слаще молитвы» имели силу и для отца Кодрата. Потому-то он не жалел времени, не считался с усталостью, когда требовалось накормить свою паству *слаждшими паче меда и сота*²⁹⁵ глаголами богослужения.

На Афоне существует обычай, согласно которому в тот час, когда на утрени читается первая кафизма, игумен каждый раз обходит одна за другой стасидии монахов, держа в руке зажженную свечу. Его цель – посмотреть, все ли находятся на своих местах. У отца же Кодрата не было специального часа для такого надзора за своим духовным воинством. Он мог сделать проверку всякий раз, когда считал нужным, и обыкновенно это бывало задолго до чтения Псалтири.

«Однажды я немного опоздал в церковь, – рассказал мне отец Кириак. – Я пришел где-то в середине полунощницы. В конце службы старец задержал меня и сделал замечание: „Почему ты опоздал, отче? Больше так не делай. Приходи в храм до начала полунощницы. Теперь прочти одну сотницу, стоя под паникадиллом, а в другой раз получишь еще большее правило. Лекарства бывают горькими, но они спасительны для человека"».

На первом часе – по окончании утрени – приснопамятный старец положил всегда читать отрывки из поучений преподобного Феодора Студита, великого учителя монашеского общежития. Родниковой водой святоотеческой мудрости он хотел укрепить своих учеников в их повседневной брани.

Регулярное чтение святоотеческих текстов оказывает монаху неоценимую поддержку в его борьбе, и это обстоятельство не ускользнуло от мудрого пастыря.

Он часто обходил келлии своих послушников и тихонько прислушивался, стоя у дверей. Если внутри слышались беседы, старец кричал: «Четки и молитва, отцы!».

После этого он удалялся. Двумя словами игумен умел возвратить в правильную колею монахов, в жизни которых, по его мнению, могло быть лишь одно важное дело: непрестанная молитва. Отец Кодрат беспокоился о духовном состоянии своих чад, как если бы он каждый день видел прямо перед собою Небесного Судию, требующего дать отчет за их души.

«Как-то раз я поссорился с одним братом, – поведал мне отец Иаков. – Оба мы были чтецами в церкви.

– Иди канонаршить, отец Иаков, – сказал мне вдруг старец.

– Старче, сейчас не моя очередь, – ответил я.

Тогда он, не говоря ни слова, покидает свое игуменское место, надевает мантию и сам занимает место канонарха. Его смирение и наставление собственным примером заставили меня устыдиться. Смущенный, я немедленно подошел к нему и положил поклон.

– Благослови, старче. Прости меня, – сказал я.

– Бог простит, дитя мое. Но я постриг тебя в монахи, чтобы ты служил в церкви и помогал хору, а не затем, чтобы ты сидел на своем месте».

Однажды отец Василий пришел с послушания усталым и утром следующего дня не смог подняться к службе. Едва услышав об этом, старец побежал бегом, как он всегда поступал в подобных случаях, и постучался в келлию монаха.

– Молитвами святых отец наших... Отец Василий, внизу отцы уже на службе, а ты еще спишь?

Он удалился от келлии лишь тогда, когда убедился, что брат встал и приводит себя в порядок. И в других случаях отец Кодрат ободрял братьев словами столь же мудрыми, как и эти преподобного Ефрема Сирина: «Разве ты не знаешь, монах, что вредишь себе? Рассуди сам с собою, что если бы предстояла раздача золота или иного какого богатства, то не позаботился ли бы ты явиться прежде всех? И если такая забота подобает плотским благам, то не гораздо ли большая – духовным?».

Все отцы, жившие в те времена, помнят страшное землетрясение 1932 года, разрушившее Иерисос – город, лежащий по соседству с Афоном. На Святой Горе это землетрясение было весьма ощутимым и взбудоражило всех.

В монастыре Каракал, как и по всему Афону, совершалось всенощное бдение под праздник Честного Креста. Хор пел тропари вечерни, когда все кругом начало сотрясаться. В этот миг отец Кодрат остановил богослужение, приказав читать по четкам: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас», – причем никто не должен был покидать храма.

Помолившись по четкам некоторое время, игумен велел продолжать вечерню согласно уставу.

Его вера в молитву, особенно в умную молитву, была глубокой и непреклонной. Старец желал, чтобы уст и сердец его учеников никогда не покидало спасительное и всесильное имя Иисуса. «Именем Иисусовым бей супостатов» и «память Иисусова да соединится с дыханием твоим» – такова была его идея, если выразить ее словами преподобного Иоанна Лествичника.

Пастырское искусство

Для отца Кодрата было немыслимо, чтобы кто-то из монахов отсутствовал в трапезной, которая на Святой Горе является второй церковью. Он требовал строгого соблюдения общего режима от всех, за исключением, разумеется, тех братьев, которым по причине болезни было необходимо лечиться в монастырской больнице.

Благодаря своей природной одаренности, соединенной с пастырским искусством, старец изыскивал тысячи способов, чтобы принести пользу, исправить чью-либо ошибку, образумить и наставить душу ученика.

«Однажды мы были на трапезе, – рассказывал один монах. – Чтец, как обычно, читал какой-то святоотеческий текст. Вдруг отец Кодрат остановил его.

– Отче, прочти, пожалуйста, еще раз этот отрывок.

Игумен хотел, чтобы заново прозвучал какой-то момент, касавшийся собора монастырских старцев. Чтец подчинился и с выражением повторил отрывок, в то время как отец Кодрат бросил на соборных старцев взгляд, встретившийся с их собственными взорами. Для тех святоотеческие слова были прямым ответом на их точку зрения, не сошедшуюся в чем-то с мнением игумена. Но гораздо больше им сказал его отеческий и вместе с тем порицающий взгляд, пронзивший их до самых глубин монашеской совести».

Отношение отца Кодрата к послушникам было и воспитательским, и монашеским. С искренней любовью он стремился ввести их в атмосферу монашеской жизни.

Послушники подобны молодым побегам, пересаженным в монастырскую теплицу. И лучшие из земледельцев, по выражению преподобной Синклитикии, обильно поят их и удостаивают большой заботы, если они выглядят маленькими и слабыми. Если же увидят на растении преждевременный побег, то отсекают излишнее, ибо оно легко засыхает.

Отец Кодрат был опытным возделывателем духа. Бог просветил его знанием того, какого ухода требует каждая душа,

чтобы принести *плод сторичный*²⁹⁶. Его главная цель состояла в том, чтобы все, и особенно послушники, с его помощью обратили свой ум и свое сердце к живоносному Солнцу Правды, Спасителю Христу, и соединили свое юношеское существо с Его божественной жизнью, отсекая собственную волю и разрезая всякие иные узы, которые могли бы воспрепятствовать этому святому союзу. Предаваясь непрестанной молитве и аскезе, его духовные чада могли принести богатые плоды. Ведь Сам Господь сказал: *«Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода»*²⁹⁷.

Вот почему старец не позволял послушникам ни выходить из монастыря, ни общаться и беседовать с посетителями. Таким способом он обеспечивал им внутреннюю жизнь, свободную от пагубной дерзости, развлечения, празднословия и осуждения. В то же время он укреплял в них дух молчания и мир помыслов.

Старец и сам упражнялся в молчании и безмолвии, и вдохновлял этим других. Молчание и безмолвие представляют собой естественную атмосферу всякого монастыря, претендующего на то, чтобы быть подлинной мастерской душ. Вот почему, когда в монастырь Каракал явился монах отец И., человек поверхностный и говорливый, который долгое время оглашал монастырский двор своей шумной болтовней и смехом, то отец Кодрат, неусыпный страж безмолвия, вышел из своей беседки и, опершись на металлическую ограду, произнес: «Отче, спасибо тебе за посещение нашего монастыря. Этого вполне достаточно. Теперь иди в соседний монастырь».

*От многословия не избежиши греха*²⁹⁸, и, как говорит преподобный Нил Подвижник, «кто не упразднился от мира, тот не может познать Бога».

* * *

Вместе с молчанием, безмолвием, молитвой, которые укрощают ум, отец Кодрат заставлял послушников упражняться в воздержании, которое укрощает тело.

Как-то раз послушникам понадобилось убрать его келлию. Когда уборка была уже почти завершена, отец Кодрат поднялся наверх и обратился к ним:

– Молодцы. А теперь чем мне вас угостить?

– Рахат-лукумом и коньяком! – поспешил ответить самый горячий из них.

– Рахат-лукум – пожалуйста! А вот коньяк – нет! – ответил старец, объяснив, как важно воздержание для обуздания неукротимых стремлений юношеского возраста.

Когда один из братьев нечаянно разбивал что-то из монастырской посуды, то, по приказанию отца Кодрата, должен был встать с осколками разбитой вещи в руках у входа в трапезную, вместе с трапезарем и чтецом, которые после обеда всегда стоят там согбенными, прося тем самым у выходящих прощения за свои возможные упущения.

Игумен тщательно следил за состоянием монастырского имущества, стремясь привить такое же внимание и уважение к нему всем братьям. Однажды он нашел рядом с поварней один стручок фасоли из числа тех, которые отцы немного раньше мыли здесь. Он наклонился, поднял его и подошел к повару: «Положи и его вместе с другими. Не надо пренебрегать экономией и заботой об общем достоянии».

Старец не упускал ни одного случая, когда следовало позаботиться о пристойности и соответствии внешнего вида насельника киновии. Заметив на одном монахе жесткую скуфью, считавшуюся более модной и современной, он закричал издали: «Эй, отче, что это ты надел? Для монаха существует только одна скуфья: шерстяная!».

Отец Кодрат не был формалистом, однако он понимал, что наряду с существом дела необходимы и внешние правила, которые всегда оказывают помощь и предохраняют от вреда и опасных влияний.

Монаху отцу В. игумен в качестве епитимии за его погрешность приказал не один год стоять у ворот монастыря и умолять входящих и выходящих о прощении. Подобный случай описан и в «Лестнице» преподобного Иоанна Синаита. Мудрый пастырь умел использовать лекарства, соответствовавшие обстоятельствам.

Старец не допускал в монастырь газет. Газета вносит в душу монаха раздвоение, заставляя его забыть о своей главной

цели. Порождая мешанину помыслов, она впускает в мирную гавань монастырской жизни дыхание мирской бури.

* * *

Как-то раз один монах нашел на монастырской метохе большое количество арбузов, нагрузил их на мула и без благословения привез в монастырь. В этот день туда пришел один посетитель. Старец позвал монаха, доставившего арбузы, и сказал ему:

– Давай-ка, дитя мое, мы подарим один арбуз нашему гостю.

Однако монах, будучи непокорным и своевольным, пробормотал, отойдя в сторону:

– У меня арбузы не для чужих, а для отцов.

Отец Кодрат предоставил монаху возможность проявить послушание, ради которого ему простилась бы первая ошибка. Но из-за своего эгоизма тот впал в еще больший грех.

– Итак, они у тебя только для отцов? – заметил отец Кодрат.

Тут же, не теряя времени, он преподавал ему хороший урок: взял один за другим все арбузы и разбил их, побросав на пол! В монашестве непослушание равносильно изгнанию из рая сладости²⁹⁹, равносильно духовной смерти. Потому-то с ним воюют столь беспощадно.

В монастыре у отца Кодрата был один хороший монах, по имени отец М., которого он хотел рукоположить во диакона.

Игумен попросил одобрения собора старцев, но ничего не добился. Они отказывались, говоря: «У него нет голоса».

«Отцы, – отвечал игумен, – давайте откроем и посмотрим церковные правила. Разве там где-нибудь написано, что человек, не имеющий хорошего голоса, не может быть рукоположен?». Тогда у соборных отцов нашлось иное оправдание – их местнические интересы: «Мы не позволим ему стать диаконом, потому что он с Пелопоннеса» (!).

Надо заметить, что большинство насельников монастыря Каракал происходило из Малой Азии.

Воистину, к сколь негодным критериям прибегают люди, когда у них нет Божия просвещения! И когда душа поражена

эгоизмом, то наше противление истине становится неосознанным и особенно вредным. И тогда мы, оценивая какого-либо человека, обращаем внимание только на внешнее: голос, рост, происхождение и не смотрим на благодать Божию, которая возрождает даже самое черствое, неподатливое сердце, создавая *нового во Христе человека*³⁰⁰.

Отец Кодрат бодрствовал днем и ночью. Весь он обратился в зрение и в слух, ибо весь был исполнен любви – деятельной любви к своим духовным чадам. Эта любовь не позволяла ему безмолвствовать, но заставляла следить за всеми, будь то время работы, дело молитвы или вообще все, что касалось их духовного развития.

Как-то раз после обеда старец увидел, что монах отец Петр сидит без дела у ворот монастыря. Отец Петр был видным монахом и к тому же принадлежал к числу старших братий. Старец заметил его издалека и подошел к нему с отеческой заботой.

– Что ты здесь делаешь, отец Петр?

– Да вот, старче, вышел ненадолго подышать воздухом.

– Иди в свою келлию, отец Петр. Наше дело – четки и богомыслие.

– Хорошо, старче, – произнес тот и подчинился.

Таким образом отец Кодрат подражал святому Пахомию, которому ангел Господень, представ, сказал: «Возгревай приходящих к тебе огнем, который зажег в тебе Бог».

Нестяжательный и милостивый подвижник

Как посчастливилось монастырю Каракал, что он был и остается общежительным! Отец Кодрат всеми силами боролся за то, чтобы не просто сохранить узы киновии, но и возвести монашеское общежитие на его первоначальную высоту, придать ему подобающее величие. Поэтому при отце Кодрате монастырь Каракал занимал во всем афонском сообществе выдающееся место по своей строгости, по соблюдению устава и вообще по уровню духовной жизни.

«А приобретать в личную собственность вещи, имущества или деньги никому из братьев не позволено без согласия и решения игумена, ибо это совершенно запрещено божественными отцами нашими и великим Василием», – слышим мы завет святого Афанасия Афонского.

Отец Кодрат особенно стремился к тому, чтобы внушить братьям принцип нестяжательства – одну из трех основ монашеского общежития. Самым большим нестяжателем в монастыре был он сам. Игумен всегда ходил в старом подряснике, а его келлия была без всяких излишеств, предельно аскетична. У старца не было кровати: в углу его комнаты лежала подстилка, вокруг которой располагались большие деревенские подушки, так что ложе походило на могилу. Там он укладывался спать.

Достойный подвижник отец Кодрат! Ты поработил тело и усмирил плоть³⁰¹, как совершенный воин и подвижник Христов. Ты сумел соединить нестяжательность с памятью о смерти, бедность с ощущением тщетности мира. Ты не дал сон очима твоима *и веждама твоима дремание, и покой скраниама твоима*³⁰², пока не превратил себя в чистое вместилище благодати.

Память о смерти, эта повседневная спутница старца, заставляла его спать на полу, охотно предаваться бдению, посту и страданиям. Глядя на свою скромную подстилку, опускаясь на нее, отец Кодрат, конечно, размышлял о том, как

он будет лежать в гробу, душа же покинет тело и предстанет на Страшный Суд, где должна будет дать за себя ответ.

* * *

В 1938 году отцу Серафиму, монаху с Кавсокаливии, доставило немало огорчений его здоровье. У него образовалась грыжа. В этом не было ничего удивительного или редкостного, если учесть, что монаху приходилось подниматься к своей каливе от морского побережья с мешками весом по 60–70 и более килограммов, да еще часами стоять на ногах во время богослужений. В это время ему довелось посетить монастырь Каракал. Радость отца Серафима была велика, ведь ему предстояло увидеть знаменитого отца Кодрата, попросить его благословения и молитв.

Доверие, которое игумен внушил отцу Серафиму, придало тому смелости и описать трудности своей жизни, болезнь, от которой он страдал, и спросить, не найдется ли в монастыре подходящего пояса для его болезни. Отец Кодрат утешил монаха, поддержал его, дал ему и пояс. Но произошло при этом и нечто иное, поразившее отца Серафима. Старец вдруг поднялся, опустил руки к области живота и провел ими по своему телу. При этом из его внутренностей послышался как бы глухой стук.

«Да, дитя мое, – сказал отец Кодрат. – И у меня грыжа, причем с двух сторон – и слева, и справа. Это у меня давно. И все-таки я служу Божественную литургию, присутствую и на бдениях. Я терплю ради любви Христовой. Терпеть надо всем нам».

После этого монах Кавсокаливийского скита уже не осмеливался жаловаться на свой недуг.

Грыжа, да еще двусторонняя, свидетельствовала о том, что сказались усталость, страдания, физический труд, ношение тяжестей, стояние на ногах. И действительно, отцы никогда не видели, чтобы отец Кодрат восседал на игуменской стасидии. Он всегда был прямым, как непоколебимый столп. Узнав о грыжевой болезни отца Кодрата, все были поражены величиим его терпения и выдержки. Вот что значит подчинять бессилие плоти величию духа!

Однажды его спросили:

– Старче, что значит слово «монах»?

– Монах, – ответил он словами преподобного Иоанна Лествичника, – это тот, кто хочет спать и не спит. Хочет есть и не ест. Хочет пить и не пьет. Монах значит «всегдашнее понуждение естества».

Этот ответ был выражением его личного подвижнического опыта. Потому-то многие из святогорцев называли старца великим «понудителем»³⁰³, совершенным подвижником. Его дух властно распоряжался всеми проявлениями его жизни, не подчиняясь слабостям и запросам плоти.

* * *

Любовь, милосердие, милостыня, забота о странниках были отличительными чертами, украшавшими его душу. До сих пор монастырь Каракал удерживает добродетель странноприимства как многоценное отеческое наследие.

«Если ему давали яблоко, – сказал мне один из учеников старца, – он разрезал его на четыре части, чтобы разделить с другими».

А отец Арсений из Буразери рассказал вот что: «Он отличался приветливостью, был исполнен любви и расположения к беднякам и пустынникам. Никого он не отпускал из монастыря с пустыми руками. Он одинаково заботился и о самом значительном, и о самом скромном из приходящих. Мы с отцом Иосифом Пещерником приходили в Каракал босыми, в старых рясах, а он, принимая нас, был весь сама радость и любовь. Мы наслаждались богатыми дарами его гостеприимства».

Сердце отца Кодрата, как и сердце любого истинного раба Божия, было животворящим солнцем, распространявшим вокруг себя согревающие и всесветлые лучи доброты. Насколько нужны такие сердца в нашем несчастном, беспорядочном и достойном сожаления, по причине вероотступничества, обществе!

Глава III. Образец духовника. Духовный врач

Отец Кодрат принадлежал к числу тех немногочисленных личностей, которые соединяют административные способности с талантом духовного отца. Близкие знакомые старца и впрямь восхищались его просвещенной способностью суждения и отеческим сердцем. Игумен всегда был исполнен милосердия к сокрушенному и сочувствия к кающемуся грешнику.

– Он был настоящим рыбаком, – сказал мне отец Афанасий ивирит, – и обладал непревзойденным искусством улавливать души.

Будучи строгим, когда речь шла о соблюдении режима и устава в монастыре, отец Кодрат выглядел столь же мягким и доброжелательным, исповедуя своих духовных чад. Его речь дышала кротостью и добротой, а слово содержало в себе глубину сокрушения и благодати. Оно размягчало души, уничтожало преграды эгоизма, освобождало от уз страсти. Оно побуждало кающегося говорить, открывать свои грехи, отворять двери запечатанного страхом и смущением сердца. Оно утешало, давало надежду, сострадало кающемуся, – прежде всего сострадало! Апостольский призыв радоваться с радующимися и плакать с плачущими³⁰⁴ лежал в основе пастырского опыта отца Кодрата.

Отец Кодрат плакал о чужих прегрешениях так, как если бы они были его собственными. Он был отцом и много раз специально молился о кающемся, чтобы Бог даровал тому утешение, стойкость, способность избежать нового падения или же выдержать назначенную духовником епитимию. Кроме того, по окончании Таинства исповеди старец говорил: «А теперь, дитя мое, сделаем-ка вместе несколько поклонов и попросим Христа сохранить тебя».

«Как-то раз, – рассказывает отец Афанасий ивирит, – я пришел на исповедь с чувством невероятной душевной усталости и уныния. Я исповедовался. Старец слушал меня с большим вниманием. Вдруг он схватил мою руку и положил ее себе на шею. Наклонившись передо мною, он сказал: „Здесь,

дитя мое, здесь оставь все свои грехи. Вот здесь, на моей голове!».

Благодаря этому неожиданному поступку я тотчас обрел крылья... Со мной что-то случилось, какая-то неотмирная сила и некое неудержимое волнение вознесли мою душу. Это и была любовь отца Кодрата, привлекавшая Божию благодать и наделившая ею и мое существо.

Приветливое обращение этого человека очаровывало душу... Оно извлекало из души кающегося помыслы и прегрешения и, неожиданно для него самого, обнажало его язвы...».

Старец был добрым пастырем, забывавшим во время исповеди обо всем на свете ради того, чтобы найти погибшую овцу и препроводить ее ко спасению.

Другой духовный сын отца Кодрата, отец Иаков, исключительно близко знавший старца, рассказывал о нем, не скрывая волнения:

«Принимая исповедь, он почти всегда плакал, заставляя сокрушаться и кающегося.

– Скажи, дитя мое, скажи, монаше, что у тебя... Давай-ка, дитя мое, положим вместе три поклона, чтобы Бог простил тебе грехи».

В качестве исповедальни отец Кодрат использовал скромный придел святого Гедеона.

Его слава как духовника разнеслась повсюду. Помимо духовных чад из Каракала, старцу годами исповедовались отцы монастыря Филофея, многие из отцов Иверского монастыря, Лавры и других обителей.

К тому же на Святую Гору приходило множество мирян, желавших увидеть отца Кодрата, исповедаться и попросить его молитв. Многочисленные покаянные записки своих духовных чад, искавших наставления, духовник складывал в мешки. Много лет спустя он позвал садовника и сказал ему: «Возьми эти мешки и, не глядя на содержимое, сожги их, а пепел закопай где-нибудь в углу сада».

Сколь многие души оставили на этих записках тяжесть своих грехов и с легкостью обрели дорогу в рай!

В те годы митрополит Пелагонии Хризостом провел довольно долгое время неподалеку от Каракала. Он жил в большой келлии, находившейся недалеко от моря, в местности, которая именуется Милопотам, и часто посещал отца Кодрата вместе с диаконом Афинагором, будущим патриархом. После того, как этот последний отправился в Америку, многие из тамошних греков по его совету побывали на Афоне, чтобы найти отца Кодрата и исповедаться ему.

* * *

Отец Кодрат походил на наседку, которая с любовью, волнением и заботой покрывает крыльями своих цыплят. Или, вернее, его можно сравнить с кормилицей, следуя в этом апостолу Павлу, который говорил: *«...были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши»³⁰⁵*.

Отец Андрей, проигумен монастыря святого Павла, прекрасно знал игумена Кодрата, своего духовного отца.

«Однажды, – рассказал он, – я подвергся великому искушению, которое вынудило меня покинуть свой монастырь (!). Я остановился в одной келлии близ монастыря Каракал, а через два-три дня поспешил на исповедь к отцу Кодрату. Я открыл ему свое сердце и высказал все. Впрочем, мое смятение было слишком очевидным. Тот выслушал меня терпеливо и под конец как будто согласился со мною...

– Ты поступил правильно. Но, дитя мое, приходи еще раз через неделю, и мы снова поговорим об этом.

Я поблагодарил его и удалился. Однако в его поведении была какая-то загадка, и я недоумевал, зачем духовнику хотелось видеть меня через неделю. Я действительно пришел к нему еще раз, и после довольно долгой сердечной беседы он вдруг весело произнес:

– Подчинишься ли ты тому, что я тебе скажу?

– Старче, я сделаю все, что ты скажешь.

– Сделаешь? Тогда слушай! Пора запрячь и оседлать мула. Ты пойдешь назад в монастырь. Вперед!

– Но, старче, – с удивлением произнес я, – Вы же меня в первый раз оправдали. А теперь...

– Да! Но тогда ты был возмущен. Если бы я сказал тебе то, что говорю теперь, то рана бы осталась неисцеленной, а искушение бы не ушло.

Мне осталось лишь еще раз восхититься его необычайным умением обращаться с душами и прославить Бога за то, что мне удалось найти такого духовного отца. С радостью и покаянием возвратился я в монастырь».

Один монах был подвержен страсти тайноядения. Итак, если в монастырь приходил посетитель, которого, насколько было известно старцу, беспокоила та же страсть, тот посылал его за советом к этому монаху:

– Иди к отцу такому-то. У него есть духовный опыт, он тебе поможет.

В результате достигались сразу две цели: монах испытывал чувство стыда, осознавая свою подверженность страсти, а посетитель получал пользу от его советов.

Наряду с даром рассуждения отец Кодрат обладал и прозорливостью.

Одного из учеников выдающегося старца Даниила с Катунак беспокоили помыслы осуждения, направленные против его наставника. Наконец ученик, побежденный бесом, покинул свою общину. Но Бог не оставил его, заронив в его сердце добрую мысль посетить отца Кодрата. Ведь тот мог дать совет и указать ему какого-нибудь другого добродетельного старца. Когда отец Дамаскин (таково было имя ученика) уже закончил свою речь, просвещенный Богом духовник ответил ему: «Отец Дамаскин, зачем ты говоришь все это мне? Послушай меня. Чтобы получить настоящую помощь, пойди в Катунки и разыщи там одного мудрого старца, по имени Даниил. Сделай все, как он скажет (!)».

Отец Дамаскин стоял как громом пораженный. Он ожидал чего угодно, только не этого. «Несомненно, – думалось ему, – Бог надоумил духовника послать меня к моему старцу. Ведь я, конечно, не сказал ему, к какой общине принадлежу и кто является моим наставником».

В 1930 году митрополит Кассандрии Ириней пригласил отца Кодрата в свою епархию принимать исповедь. Тогдашний обычай некоторых епископов приглашать к себе в митрополию для совершения этого Таинства духовников со Святой Горы, обладавших благодатью и проводивших жизнь в подвижничестве, был весьма полезным и заслуживает всяческого восхищения.

В одной из деревень отец Кодрат подвергся серьезным нападкам со стороны некоторых мужчин из-за своего обыкновения не делать уступок в вопросах семейной этики. Он дерзновенно, как и подобало добросовестному духовнику, объяснял волю Божию. Обладая рассудительностью, старец был снисходительным там, где требовалась снисходительность, и строгим, когда была нужда в строгости.

Итак, его стали бойкотировать и нигде не принимали. Председатель деревенской общины отдал распоряжение, чтобы никто не пускал его к себе. Тогда отец Кодрат, не собиравшийся отступать, с помощью Божия просвещения и собственной смекалки нашел подходящий выход. Он затворился в деревенской церкви и послал председателю уведомление: «Господин председатель, мне от тебя ничего не нужно. Кусочка хлеба и нескольких маслин мне вполне достаточно, чтобы не умереть с голоду. Ты не можешь выгнать меня отсюда: церковь принадлежит мне».

В результате все, кто жаждал Таинства исповеди, могли с легкостью найти духовника в храме.

В 1936 году в монастыре был один послушник, чье отношение к монашеской жизни было нерешительным и двойственным. Старец прилагал все усилия, чтобы помочь ему отрешиться от мира и приобрести твердость. Он отнесся к послушнику с добротой и любовью. Однако тот все еще не мог отказаться от мирской тщеты и даже читал светские журналы, которые взял с собой в монастырь.

Когда отец Кодрат узнал об этом, то позвал послушника и сказал ему: «Дитя, ты не похож на монаха. Что же ты, собрался монашествовать, а сам до сих пор читаешь светские журналы?»

Так отправляйся устраивать свою жизнь в миру. Вперед, с Богом!».

В подобных случаях отцу Кодрату приходило на ум речение Господа: *«Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее?..»*³⁰⁶.

В приделе святого Гедео́на

Отец Кодрат имел особое расположение к приделу во имя преподобномученика Гедео́на. Здесь героический образ святого оживал, и сама атмосфера вызывала чувство глубокого умиления.

Здесь, среди таинственного безмолвия, благоухания ладана и колеблющегося света лампад, игумен обычно принимал своих духовных чад, желавших пройти Таинство исповеди.

Отец Кодрат всегда был рад напомнить своим ученикам о святом Гедео́не: «Это был герой. Он отрекся от Христа на словах, но исповедал Его своей кровью».

Новички, плохо знавшие житие святого, с недоумением спрашивали:

– Почему ты сказал, старче, что он отрекся на словах, но исповедал Христа своей кровью?

И тогда старец, стоя посреди этого прекрасного придела, с волнением начинал свой рассказ:

– Вот почему. В детстве святой отрекся от христианской веры и, уступив принуждению турок, стал мусульманином. Но потом он осознал грех предательства и, покаявшись, прибыл на Святую Гору.

Святой провел тридцать пять лет в монастыре Каракал и был образцовым монахом. Но жажда мученичества сжигала его. Попросив благословения старца и отцов, он отправился в Велестинон, где изобразил умопомешательство, чтобы заставить турок задержать его. После нескольких вызывающих выходок святой был схвачен и предстал перед судом. Он с жаром исповедовал свою веру и подвергся страшной мученической смерти: ему последовательно отсекали руки и ноги. Это мученичество он перенес не только невероятно стойко, но и с невыразимой радостью.

Я сказал вам, что он отрекся от Христа на словах, но исповедал Его своею кровью. Итак, будем внимательны, дети мои, ибо монах может исповедовать Христа на словах, но своею кровью отвергнуть Его.

– Но сегодня, старче, Христос не требует нашей крови.

– И все-таки Он требует ее. «Отдай кровь, чтобы принять Дух», – говорят отцы. Истинный монах ежедневно приносит себя в жертву, отсекает свою волю, проявляет послушание, распинает себя для мирских страстей. Вот его мученичество! Истинный монах – это мученик Христов, он должен исповедовать Христа и устами, и кровью.

– А как может случиться, старче, что монах своей кровью отвергнет Христа?

– Вот как. Если монах при своем пострижении заявил, что «отрицается мира и яже в мире, по заповеди Господней», что «пребудет в монастыре и в постничестве, даже до последнего издыхания», что «сохранит даже до смерти послушание к предстоятелю и ко всей во Христе братии», что претерпит «всякую скорбь и тесноту монашеского жития Царствия ради Небесного», а сам не соблюдает «договора» с Владыкой Христом, то отрекается от Него. Если монах обещал в своем «контракте», заключенном с Господом, что изгонит «всякое непослушание, прекословие, гордыню, рвение, ревность, зависть, ярость, клич хулу, тайноядение, дерзновение, особое дружество, ласкание, любопрение, роптание, шептание... ихже ради приходит гнев Божий на таковая деющих, и вкореняться начинает в них душ тлитель», но не исполняет своего обещания и даже не раскаивается в этом, тогда он отвергает Христа.

Не страшно ли это, дети мои? Мы решились служить Христу, стать Его воинами, но если не будем внимательны, то на деле может оказаться, что мы своей жизнью отвергаем Его... Но вы любите Христа, и бескровное мученичество ваших монашеских браней будет превыше любого другого в глазах Божиих. И если вы претерпите его с радостью и благодарностью, то и светлее, и превосходнее окажется ваш венец.

Сколько слез пролил отец Кодрат в своем любимом тихом приделе! За его алтарем есть небольшая беседка с одной скамейкой, откуда открывается вид на бескрайний простор Эгейского моря, которое простирается вдаль насколько хватает глаз. Сколько раз старец смотрел на это море, с глубоким

волнением размышляя о таинстве любви Божией, таинстве вечной любви, напоминающей море без конца и без края... И все же волна этого моря, ласково льнущая к берегу, достигала предела святого Гedeона всякий раз, как там принимал исповедь или совершал литургию отец Кодрат, обладавший великим сердцем, исполненным Божией любви.

Спасение отчаявшегося

Как-то раз на Святую Гору явился один мирянин, желавший покаяться в своих тяжких грехах. В Карее он пришел к отцу Аверкию, занимавшемуся изготовлением четок, и настойчиво просил того найти ему духовника.

Отец Аверкий решил отправить этого человека к одному духовнику, жившему в монастыре Кутлумуш, неподалеку от Карей. Это был хороший духовник, однако он отличался строгостью в отношении епитимий, которые назначал без всякого снисхождения.

Паломник пошел в Кутлумуш и исповедался. Вернулся же он как трость надломленная³⁰⁷: безразличный ко всему, исполненный уныния и печали.

– Как твои дела? Ты исповедался? – спросил отец Аверкий.

– Да, отче, но...

Отец Аверкий взглянул на паломника. Тот, огорченный, совершенно бледный, обнаруживал присутствие той печали, которая не угодна Богу, но является смертоносной ловушкой дьявола.

– Что с тобой? Скажи мне. Что случилось?

– Отче, мне больше незачем жить. Уж лучше мне удавиться, – добавил он ядовито.

– Почему же? Ты не исповедался?

– Исповедался, но духовник сказал, что мои грехи слишком тяжелы. Я не знаю, что тут сказать? Он довел меня до отчаяния.

Услышав это и увидев, что дух печали и отчаяния простер над душой несчастного свой зловеющий покров, отец Аверкий тотчас написал письмо епископу Мелитопольскому Иерофею, подвизавшемуся тогда в Милопотаме, надеясь, что тот сумеет помочь, найдет какой-то выход для этой души.

Он вручил паломнику письмо, сказал ему пару братских, ободряющих слов и показал тропинку, ведущую к пустынной келлии епископа.

Когда паломник пришел к владыке, тот находился у себя в саду и вскапывал землю. На голове у него была простая скуфейка.

– Что тебе нужно, брат мой? – спросил он доведенного до отчаяния человека, державшего в руке письмо.

– Я хочу исповедаться, Ваше Преосвященство.

– Послушай, дитя мое. Сам я не исповедую. Но я пошлю тебя в монастырь Каракал к одному замечательному духовнику. Его зовут отец Кодрат.

Епископ взял карандаш и бумагу, написал письмо отцу Кодрату и отправил паломника к опытному целителю душ.

Паломник поднялся по тропинке, ведущей к монастырю, и вскоре достиг его. Отцы встретили гостя с великой любовью и радостью, как они принимали всех посетителей. Затем они сообщили о нем старцу. «Отведите его в мою приемную», – приказал тот.

Там отец Кодрат принял паломника так, как будто бы знал его много лет, словно любящий отец. А посетитель спешил избавиться от тяжести, которая терзала его каким-то ужасным, ранее неизвестным страхом, возможно, вызванным его первой, удручающей исповедью. Он походил на подбитую охотником птицу, чьи раны тяжелы, но еще тяжелее ее тревога. Дьявол связал этого человека, но не мог порадоваться его гибели, ибо его душа уже находилась в руках Христовых, в руках отца Кодрата, который располагал искусством и силой, достаточными для того, чтобы разорвать узы греха и отчаяния. Это были руки врача, способные осуществить операцию и вылечить рану благодатью и просвещением Святого Духа.

Паломник взглянул в лицо человека Божия, и его душа затрепетала от радости.

«Благий Господь наш даровал естеству нашему и то свойство, – пишет святой Иоанн Лествичник, – что больной, видя врача, веселится, хотя, может быть, и никакой пользы от него не получит. Свяжи и ты, о досточудный муж, – так он обращается к пастырю, – пластыри, порошки, глазные примочки, питья, губки, и при сем небрезгливость, орудия для кровопускания и прижигания, мази, усыпительные зелия, ножи,

перевязки. Если мы не имеем сих припасов, то как покажем врачебное искусство?».

Отец Кодрат был вооружен всеми этими духовными «инструментами» – средствами истинной науки пастыря.

Паломник, страдавший от болезни, желал скорейшего врачебного вмешательства. Но отец Кодрат не торопился. Он усадил его рядом с собою и попытался создать атмосферу приветливости, дружелюбности, взаимного доверия, хотя кающийся и поспешил тотчас отрекомендоваться духовнику:

– Я грешник, отче.

– Пусть так. А я в тебе вижу ангела Божия. Скажи мне, у тебя есть дети? Давно ли ты прибыл на Афон? Кем ты работаешь?

Они беседовали до тех пор, пока не была завершена необходимая подготовка. Затем старец начал читать последование исповеди.

– Вперед, дитя мое, – сказал он. – Видишь этот образ Христа? Ничего не скрывай, ведь Господь все знает, все видит, все слышит. А я – подобный тебе человек. Итак, дерзай.

Без особых усилий, естественным путем душа этого человека избавилась от всего содержавшегося в ней яда, всей сердечной боли. Несомненно, это случилось по милости Божией, сияние которой явственно присутствовало на лице и епитрахили духовника. Паломник чистосердечно исповедался, искренне покаялся, заплакал. Его душа, речь, все его состояние говорило словами пятидесятого, покаянного псалма царя Давида: *«...Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну»*³⁰⁸.

Чего еще ищет от человека человеколюбивый Бог? Покаяния, обращения. Таков единственный путь к райскому блаженству. Этот-то путь Господь, благодаря Своему мудрому служителю, открыл и для этой израненной души в священном Таинстве оставления грехов.

Шла Страстная седмица. Отец Кодрат выслушал кающегося, поплакал, как обычно, вместе с ним и, милосердно склонившись над его ранами, дал ему свои советы, после чего сказал:

– Дитя мое, Бог видит твоё покаяние и твои слезы. А теперь слушай. Сегодня Великая Пятница, когда все отцы постятся, чтобы подготовиться к причастию. Побудь и ты здесь эти несколько дней. В чистых и святых монастырских стенах ты лучше узнаешь сам себя. Ты помолишься, попостишься вместе с нами, а потом причастишься. Я буду служить литургию и сам причащу тебя. *Прощаются тебе грехи. Не греши больше*³⁰⁹.

Радость, которую испытывал этот человек по окончании исповеди, невозможно описать. Все вокруг него сияло светом мира, прощения и милости Божией. Он был спасен. А радость отца Кодрата, который вновь оказался спасательным кругом для пловца, погибавшего в житейском море, была подобна той радости, которую испытывает Христос, когда найдет *погибшее*, подобна торжеству, бывающему на небе *об одном грешнике кающемся*³¹⁰.

Духовная сокровищница

Опыт и советы каждого подвижника монашеской жизни, и тем более каждого наставника душ, являются сокровищем, бесценным духовным фондом для будущих поколений монахов.

Многие из отцов Святой Горы с признательностью вспоминают мудрую и живую речь отца Кодрата. Эти отцы любезно согласились сообщить мне те из его высказываний, которые сохранились в их памяти, чтобы я мог привести их здесь.

«Жертвуйте собою, дети мои. Никогда не пренебрегайте богослужением и своим правилом. Поститесь по понедельникам, средам и пятницам, ибо постом сокрушается сердце человека. Иные сказали бы, что в Священном Писании нет речи о посте. Но, посмотрите, первая заповедь относительно поста и воздержания была положена еще в раю. Пророк Моисей постился, чтобы получить скрижали закона. Будем поститься и мы, если хотим, чтобы нам открылся закон Божий. Постился и пророк Илия. Сам Господь провел сорок дней в пустыне, предаваясь посту».

«Молитесь. Чем чаще человек повторяет молитву „Господи Иисусе Христе...», тем больше прилепляется к небесному и покидает земное».

«Бодрствуйте, отцы. Мы, монахи, подражаем ангелам, а ангелы бодрствуют и славят Бога».

«Совершай свое повседневное правило, – советовал старец одному монаху. – Каждый день восходи хотя бы на волос выше, но не спускайся».

«Заботься о своем послушании и будешь первым в Церкви. Не осуждай то того, то другого. Делай свое дело, не заботься о том, как поступают другие братья».

«Отец Максим, кто становится монахом, тот должен обладать горением, вдохновением, ревностью высотой с Афон, чтобы под конец их осталось хотя бы с яйцо», – эту фразу он часто повторял, желая обратить внимание на две вещи: во-первых, на то, что в начале монашеской жизни требуется

горячая любовь, сердечный трепет и способность к героическим решениям; а во-вторых, на то, что позднее, когда враг примется терзать монаха, тому понадобится твердо держаться первоначальной ревности и стремления, которое Бог зажег в его душе.

«Максим, Максим, когда юноша подвергается искушениям, он должен отсекал их вот здесь, – старец указал на свои уста, желая сказать, что нужно отказываться от пищи и соблюдать воздержание. – Пока юноша обладает силой, пусть кладет, если может, хоть тысячи поклонов. А когда он состарится и ослабеет, то будет пользоваться накопленным в юности».

«Повторяйте молитву: „Господи Иисусе Христе...» Это единственное лекарство для монаха».

«Чем больше ты смиряешься, тем выше поднимаешься. Если ты рукоположен и получил некое отличие, не гордись. Наши достоинства – не собственное наше достижение, но дар Божий».

«Отцы, – повторял он часто, – послушание – это великое смирение. Кто соблюдает послушание, входит в рай, а ослушник выходит из него».

Святой Симеон Новый Богослов пишет, что человек, который обрел действенную веру к своему духовному отцу, взирая на него, представляет, что видит Самого Христа, а следуя ему, верит, что следует за Самим Христом. «Ибо есть ли в этой и в будущей жизни что большее или полезнейшее, нежели пребывать со Христом?». Если же такой человек слушает речения своего духовного отца, то поступает так, как если бы слушал Самого Христа. «А если он сподобляется и беседы с ним, то из нее непременно черплет для себя жизнь вечную». Вот почему речь наших духовных отцов обладает незаменимой ценностью. Это отзвук гласа Христова.

Глава IV. «Добре, рабе благий и верный...»³¹¹ .Испытания

В соответствии со Своим замыслом Бог испытывает Своих избранных, *якоже в пещи злато*³¹².

«Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби... Поэтому святые из любви Христовой показали себя благоискусными в скорбях, а не в покое... Но ты, подвижник и подражатель страданиям Христовым, подвизайся сам в себе, чтобы сподобиться тебе вкусить славы Христовой. Ибо *если со Христом страждем, то с Ним и прославимся*³¹³», – говорит преподобный Исаак Сирин.

Отец Кодрат перенес с достойными восхищения терпением и стойкостью два испытания, виновниками которых были некоторые из его подчиненных, которые, как видно, не имели никакого понятия ни о сущности послушания, ни о благодати общежития и равноангельной монашеской жизни. Все же старец простил этих людей, хотя они и подвергли монастырь, чей путь уже принял доброе и благословенное направление, невероятным бедствиям. Для полноты картины мы должны в немногих словах упомянуть об этих испытаниях.

Нас не должно удивлять то обстоятельство, что при недостатке внимания и духовного делания бывают случаи, когда некоторые монахи становятся жертвами человеческих слабостей и эгоистических соображений. К тому же монах должен противостоять диаволу, который ведет войну энергично и применяет особые методы. Пожалуй, одного беса достаточно на тысячи мирян, в то время как на одного монаха могут приходиться тысячи бесов!..

Отец Филипп годами занимал должность представителя монастыря в Карее, в Священном Киноте Святой Горы, где имел большое влияние. Под каким-то предлогом он начал требовать денег от монастыря. У старца же были серьезные основания отказать ему. «Отец Филипп, – говорил он, – ты живешь в общежительном монастыре. Тебе не разрешается требовать денег». Однако отец Филипп никого не слушал. Ему удалось

даже убедить Священный Кино́т, а также начальника жандармского отделения и других лиц, чтобы те явились в монастырь и, прибегнув к насилию, оказали давление на игумена.

Отец Кодрат созвал всех братьев, находившихся с ним в полном согласии, и затворился вместе с ними в монастырской трапезной, не собираясь уступать нажиму. Члены Священного Кино́та прибыли в монастырскую гостиницу и, угостившись, потребовали к себе игумена.

Их посланник пришел в трапезную, и старец с большой простотой приказал ему передать членам Кино́та, ожидавшим его в архондарике, что игумен находится вместе со своей паствой. Пусть они спустятся, если хотят, в трапезную, где находятся все братия.

Естественно, этого не случилось, ибо, очутившись в трапезной, эти люди увидели бы, что все братия сплотились вокруг старца. В результате их усилия оказались тщетными. Посетители удалились несолоно хлебавши и посрамленными, или, лучше сказать, образумленными и покаявшимися, ибо они поняли, в какое заблуждение были введены возмутителем спокойствия отцом Филиппом. Этот последний в конце концов покинул монастырь и кончил поистине плохо.

Вторым крупным испытанием было самоуправство соборных старцев, которые договорились между собой сместить отца Кодрата с должности игумена.

Итак, однажды, когда старец возвращался с монастырской пристани, ему сообщили о том, что он больше не является игуменом. «Да будет благословенно», – мирно сказал он и удалился.

К этому испытанию он отнесся великодушно и бесстрастно, никоим образом не протестуя. Отец Кодрат считал игуменство служением, которое Бог возложил на него и которое отнял по Своей воле.

Некоторое время он провел в принадлежащей монастырю келлии, которая посвящена пророку Или́и. Там он терпеливо прославлял Бога, пользуясь случаем предаться умной молитве. Впоследствии отец Кодрат вернулся в монастырь и, когда

наставала его очередь, исполнял обязанности очередного священника, подобно другим братьям. Священников там тогда было лишь двое: отец Максим и отец Макарий.

Однако через два месяца новый игумен, отправляясь на праздник в Лавру, свалился с мула, тяжело заболел и умер.

Тогда отцу Кодрату вновь предложили стать игуменом. Монастырские старцы осознали свою ошибку, явственно увидев волю Божию, и просили прощения. Старец простил их и с тем же смирением, с которым принял свое отстранение от игуменства, вновь принялся исполнять свои обязанности.

Отец Кодрат имел страх Божий, но еще большей была его любовь. И он всегда верил, что *любящим Бога все содействует ко благу*³¹⁴.

Знаки благодати

На Святой Горе рассказывают немало удивительного о жизни отца Кодрата, особенно о том, что касается ее литургической и богослужебной стороны.

По-видимому, сверхъестественный мир был для старца живым и весьма ощутимым. Таким был плод его сверхчеловеческих усилий подчинить плоть духу и освободить своего внутреннего человека.

Сообщают, к примеру, об удивительных вещах, совершавшихся в одной каливе, где ему пришлось служить без помощи певчего. Правда, мне не удалось собрать необходимые сведения и уточнить, что же именно там произошло и как проявилась при этом Божественная благодать.

* * *

Тем, кто очистил умную часть своей души освятительной силой молитвы и аскезы, Господь в изобилии посылает просвещающие лучи Святого Духа.

«В непорочных и очищенных от всякой скверны душах возгорается пророческий дар», – пишет святитель Василий Великий.

По-видимому, и отец Кодрат удостоился особого провидческого дарования, о чем свидетельствует памятное святогорцам событие, рассказ о котором передается из уст в уста.

В монастыре Каракал совершалось всенощное бдение. Отец Кодрат, игумен, сидел – это был один из редких случаев, когда он сидел, – в своей стасидии и ненадолго задремал. Вдруг он вскочил со своего места, словно что-то увидел или же кто-то обратился к нему.

«Отцы, беритесь за четки! Наши братья терпят бедствие в море! Они могут утонуть! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй рабов Твоих», – первым приступил он к молитве.

И действительно, в этот самый момент братья, отправившиеся на лодке на Касандру, чтобы посетить монастырскую метоху, подвергались опасности. Их парусная

лодка лишь с огромным трудом могла противостоять сильнейшему волнению моря. Усталые и изнуренные, они добрались до берега, но, несмотря на все свои усилия, не сумели пришвартоваться. Один из братьев даже очутился по грудь в воде...

Горячая молитва отца Кодрата и других отцов достигла своей цели. Она укрепила братьев и спасла их от опасности. *Господь услышит мя, внемлет воззвату моему к Нему*³¹⁵.

Вся жизнь отца Кодрата зависела от молитвы. Он ничего не решал, ничего не задумывал, ничего не делал без молитвы.

Молитва была для него, по выражению преподобного Исаака Сирина, «прибежищем помощи, источником спасения, сокровищем упования, пристанью, спасающей от тревожения, светом пребывающим во тьме, опорой немощных, покровом во время искушений, помощью в решительную минуту болезни, щитом избавления от брани, стрелою, изощренною на врагов».

Монахи – это истинные философы, любознательны жизни и смерти. Отец Кодрат был подлинным философом философии по Богу, философом, который ни на минуту не упускал из виду таинство жизни и смерти, предстоящее в Божественном свете Воскресения.

«Когда кончина старца была близка, – рассказывает отец Евдоким из монастыря Филофея, – я пришел к нему в последний раз. Он уже еле-еле шевелил губами.

– Здравствуй, отец Евдоким. Как поживаешь? Как поживают отцы?

– Твоими молитвами, старче, все хорошо. А как дела у тебя?

– Какие дела, дитя мое? Час мой настал. *Лета наша яко паучина поучахуся. Дни лет наших в нихже семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят. лет, и множае их труд и болезнь...*³¹⁷

В другой раз к нему пришел мой старец, отец Дионисий. Он хотел получить совет по неотложному делу: следовало ли ему удержать у себя или же изгнать одного из своих учеников, невоспитанного и обладавшего тяжелым характером.

– Помолись перед иконой Божией Матери «Сладкое лобзание», – медленно и с трудом проговорил отец Кодрат. – Помолись и удержи ученика. Отнесись с великодушием к его недостаткам, и Бог спасет его».

* * *

Пятьдесят восемь лет монашеской жизни. Пятьдесят восемь лет достойного духовного подвига на великом, долголетнем поприще Святой Горы. Отец Кодрат прибыл на Афон в 1879 году, был пострижен в 1882 и наконец уснул сном праведника 31 января 1940 года, по собственной воле отказавшись от игуменства первого числа того же месяца. Очевидно, он предчувствовал свою кончину. Старец не страдал какою-либо определенной болезнью: смерть наступила естественным путем по причине старости.

С афонского небосклона скатилась одна из звезд монашества и одна из звезд нашей Церкви. Однако она оставила за собой сияющий след великой борьбы и подвига.

Пятьдесят восемь лет монашеской жизни старца были без остатка отданы Богу и духовным чадам, молитве и подвигу добродетели.

До последнего момента приснопамятный старец не переставал давать советы отцам и братиям, наставляя их на путь Господень. До последнего часа он употреблял таланты, доверенные ему Богом, и делал это ревностно, с готовностью, с чувством своей ответственности и своего призвания как достойный работник Христов.

Итак, в тот день, когда старец смежил свои веки и закончил течение своей подвижнической жизни — пятидесятивосьмилетний труд в монастыре Каракал, он мог бы сказать Господу: *«Господи! Пять талантов Ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них»*. И Господь по справедливости ответил бы ему: *«Добре, рабе благий и верный! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость Господа твоего»*³¹⁸.

Часть 9. Отец Филарет, игумен Констамонита

Возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя, в земли пугте и непроходне и безводне³¹⁹.

Душа жаждет Бога, и потому народ наш жаждет своей веры православной, которую делом и словом³²⁰ выразили святые монахи Востока, эти воистину философы, посвященные в божественные и сокрытые отзвуки небесной и таинственной жизни во Христе.

Эта жажда нашего православного народа проявилась в последнее время в неутолимом стремлении к отеческой мудрости и в том воодушевлении, с которым были приняты первые части книги «Образы современных святогорцев».

Книга эта, понятно, далеко не полная. Добродетельные отцы, эти благоухающие райские цветы, которые источали свой пьянящий аромат в Саду Пресвятой Богородицы в первой половине XX века, являют бесчисленное множество неизвестных подвижников духа. Мы выбрали лишь некоторых из них, тех, о которых сумели найти достаточные биографические сведения.

Книга была начата в 1968 году приснопамятным святогорским старцем архимандритом Херувимом, и до его в 1979 году в Боге успения вышло восемь ее первых частей.

После его кончины многие христиане уговаривали и просили нас не оставлять этого духовного труда, действительно нашедшего отклик как в широких слоях нашего народа, так и у единовверных братьев за границей. Именно об этом свидетельствуют переводы на родные языки, которые делаются и уже сделаны ими.

Итак, спустя восемь лет после появления восьмой части книги «Образы современных святогорцев», мы получили счастливую возможность продолжить ее, причислив к «собору» этих образов еще одну звезду с афонского небосвода – отца Филарета из монастыря Констамонит.

Отец Филарет не принадлежал к числу образованных монахов. Насколько нам известно, он закончил только три класса начальной школы. Но он получил диплом... келейного «университета»! В этом «университете» он, благодаря молитве и аскезе, трезвению и очищению сердца от страстей, овладел науками самопознания и богопознания. Старец был лишен мирской мудрости, но стяжал Божественное просвещение, введшее его в ряд тех благословенных людей, чьим руководителем и учителем является Святой Дух, Который неграмотных научил премудрости, рыбаей соделал богословами...

Плодом Святого Духа была и отличительная черта незабвенного старца – его кротость, служившая для всех примером. Приснопамятный старец был кроткий муж³²¹. Его в полноте выражают слова мудрого: *«Душа благословенна всякая простая»*³²².

Сведения для составления жизнеописания отца Филарета нам предоставили старейшие отцы святого монастыря Констамонит: старцы Пахомий, Нифонт, Филарет, Антоний, Евфимий и Трифон. За это мы приносим им горячую благодарность. Также благодарим уважаемого игумена монастыря старца Агафона, который благословил отца Марка сообщить нам многие события из добродетельной жизни отца Филарета, записав и систематизировав их.

Пусть молитвы святого старца и впредь покрывают и защищают его святой монастырь и всех, кого вдохновила его удивительная жизнь и духовное поприще.

Архимандрит Иоанникий

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Мф.5:5.

Глава I. «Коль возлюблена селения Твоя, Господи...»³²³. Святая обитель Констамонит

Монастырь Констамонит принадлежит к числу наиболее безмолвных святогорских обителей. Безмолвным его можно назвать потому, что он прячется, словно гриб, среди лесов и ущелий на юго-западном склоне Афона, оставаясь невидимым для любопытных глаз морских путешественников и пребывая в неизвестности по принципу «живи незаметно», к чему больше всего стремятся монахи. Безмолвен он еще и благодаря почтенным отцам и братьям, живущим здесь. Как место, так и образ жизни делает их подлинными общежительными безмолвниками.

Глубокое и безграничное молчание лесов нарушается лишь голосами различных певчих птиц, в особенности весной, с их несомненным солистом – соловьем, который неустанно день и ночь несет свою вахту. В часы общей службы, когда отцы поют умиленно и неотмирно, тогда монастырь напоминает скорбно поющую пустынную птицу.

Существует много разных предположений, касающихся времени основания монастыря. Так или иначе, имя его первого ктитора остается неизвестным. Одно предание называет основателями обители Константина Великого и его сына Константа, другое упоминает о Макарии, епископе Иерисоса, который восстановил монастырь, разрушенный по приказу Юлиана Отступника. Макарий, живший при императоре Аркадии, изображен с правой стороны кафоликона. Еще одно предание говорит о некоем монахе, выходце из города Кастамон в Пафлагонии, а по другой версии считается, что монастырь получил свое имя от каштановой рощи, растущей вокруг него (κασταίου – «каштан» и μονή – «монастырь»).

Несомненно, монастырь существовал в XI веке. Это известно точно, так как есть сведения, что в 1107 году его игуменом был Иларион, родственник императора Алексея I Комнина.

В конце XIII века монастырь выдержал атаку латинствующих: Иоанна XI Векка, патриарха Константинопольского, и императора Михаила Палеолога, которые, приняв учение о главенстве папы, хотели силой навязать свои неправославные взгляды и сразу же напали на цитадель Православия – Святую Гору. Монахи же, всегда остававшиеся верными (по словам некоторых – неуступчивыми и фанатичными) стражами истины, были душою и телом преданы сохранению неповрежденной веры. Итак, латинствующие послали на Афон зверей в человеческом обличье. Те жгли и пытали огнем монахов, которых Церковь, доныне празднующая их память, почитает как мучеников и исповедников. Обитель Констамонит была сожжена, но о жертвах, в отличие от других монастырей, ничего не известно.

В 1351 году Иоанн V Палеолог издал императорскую грамоту, посвященную владениям монастыря, а при императоре Андронике II Палеологе сербская королева Анна Человеколюбивая подарила обители небольшой монастырь святого Антония, расположенный к северо-западу от Констамонита, и чудотворную икону Богородицы «Одигитрия».

Монастырь был отстроен заново сербским военачальником Радичем, который постригся в монахи и был наречен Романом. Радич (Роман) считается великим благодетелем обители, и дело здесь не только в его дарах, но и в заботе о поддержании общежительного устава.

В 1717 году обитель снова сильно пострадала от пожара и находилась в упадке до 1799 года, когда была восстановлена в качестве общежительного монастыря заботами патриарха Неофита VII. Окончательно монастырь отстроился во второй половине XIX века при деятельном участии игумена Симеона, уроженца Стагир. Были возведены новые строения, а в 1867 году здесь построили новую церковь, которая стала кафеликоном обители.

Но вернемся к военачальнику Радичу (монаху Роману), благодетелю монастыря. О значении его даров и приношений говорит, между прочим, следующий текст:

«Я воздвиг на Святой Горе, в месте, называемом Костамони, монастырь в честь святого славного апостола первомученика и архидиакона Стефана. А именно: кое-что я обновил или выстроил заново, разрушенное же восстановил и окружил стеной, утвердив в этом месте святой монастырь, который был разрушен, превратился в развалины и запустел. И я молю святого славного первомученика Стефана принять это как великий дар, как две лепты вдовы... Таким образом я, по совету моего духовного отца, преосвященного митрополита Ахильского, достойного Марка, определил, чтобы монастырь был общежительным и, прежде всего, чтобы игумена выбирала совместно вся братия. Сверх того, намерение мое таково: когда придется мне удалиться на Святую Гору, чтобы постричься в монахи и монашествовать в своем или в каком-либо другом монастыре, святой монастырь должен меня упокоить с благодарностью, как это будет угодно игумену и шести соборным старцам. Деньги же на эти расходы поступят от деревень, числом 72, которые я дарую монастырю... Если же удалится в монастырь мой духовный отец, митрополит Ахильский, достойный Марк, пусть он будет экономом в том монастыре, где поселится. Равным образом, если кто-либо из моих родственников захочет стать монахом, пусть на монастыре лежит обязанность принять и упокоить их».

Этот документ, принадлежащий военачальнику Радичу, впоследствии монаху Роману, свидетельствует, что правители и знатные люди того времени неустанно заботились о восстановлении и поддержке монастырей. И, конечно, многие из людей, занимавших, подобно Радичу (Роману), высокие церковные, государственные, военные и общественные должности, жаждали облачиться в монашескую мантию, чтобы провести остаток своей жизни «в мире и покаянии», как простые монахи, носящие великий и святой ангельский образ.

В то же время этот текст служит выражением исключительной чести, уважения и любви, которыми все православные люди, независимо от их национальности, испокон веков окружали Святую Гору. И действительно, с древности и до сего дня Афон был и остается общеправославным центром,

единственным в своем роде средоточием подвижничества и совершенства монашеской жизни, соединяющим все православные народы. Он служит выражением вселенского характера нашей Церкви в благороднейшем проявлении православной духовности: в образе жизни опытного хриstopодражательного подвижничества, в обожении человека посредством чистой молитвы Духом Святым, живущим среди православного святогорского монашества. И это также является для нас благословением Пречистой Богородицы. Святую Гору населяют монахи со всех концов земли: с запада и востока, с севера и юга.

«Возведи окрест очи свои Сионе и виждь: се бо приидоша к тебе яко богосветлая светила, от запада и севера и моря и востока чада твоя, в тебе благославляющая Христа во веки» – это пасхальное песнопение в переносном смысле говорит и о том Сионе, имя которому – Афон. В этом-то благоуханном Сионе и жил «богосветлый, яко светило», старец Филарет (1890–1963), игумен обители Констамонит, чей жизненный путь пройдет перед вами на этих страницах.

Нравственная чистота

Формуляр монастыря сообщает нам:

«Старец Филарет родился в деревне Фития, близ города Верия в Македонии, в 1890 году. Отца его звали Георгий Масторас, а мать – Екатерина Стергиу. При крещении наречен Антонием. Поселился в нашей святой обители в ноябре 1912 года и был пострижен в великую схиму в апреле 1921 года. Пресвитером стал в октябре 1924 года.

Избран игуменом в марте 1949 и вступил в должность 21 мая того же года.

28 января 1963 года, в Неделю о блудном сыне, когда праздновалась память преподобного и богоносного отца нашего Ефрема Сирина, почил в Боге во время утрени, и как раз когда читалась 3-я кафизма (Непорочен) и стих „...*Не забуду оправданий Твоих...*»³²⁴».

О внешнем облике старца можно сказать, что его отличали невысокий (чуть больше полутора метров) рост, круглое лицо, черные глаза и окладистая борода. Ласковый на вид, кроткий и смиренный в обращении, незлобивый и особенно скромный, он был приветливым, но немногословным. К этим душевным дарованиям нужно добавить огромное послушание и терпение, постоянную твердость во всех добродетелях, дар умной молитвы, неприхотливость в пище, непрекословие, безгневие, безразличие к чуждым для монашеской жизни предметам, таинственность его духовных состояний, удивительное нестяжание и его безукоризненная непорочность.

С детских лет Антоний был атакован *раскаленными стрелами лукавого*³²⁵, но Божественная благодать сохранила его в чистоте, как избранный сосуд. Да и он сам боролся, чтобы не запятнать светосиянное подобно снегу одеяние чистоты.

Когда Антоний был еще маленьким, он пошел гулять с одним юношей, который был старше и выше него. Во время этой прогулки, за пределами их деревни, друг Антония увидел быков, пасущихся вдали, и тут его внезапно охватил плотской соблазн. Он набросился на маленького Антония, чтобы

удовлетворить свою постыдную и мерзкую похоть. Мальчик начал кричать и звать на помощь, но место было пустынным. Тогда он воззвал к Богу, прося об укреплении своих сил. И вот, будучи маленьким и слабым, как некогда пророк Давид, Антоний с необычайной силой далеко оттолкнул своего рослого друга, избавился от него и, избежав искушения, как Иосиф Прекрасный, убежал прочь.

Вторым свидетельством его целомудрия и внутренней чистоты служит нравоучительный рассказ, который старец смиренно сообщил своему ученику: «Уехав в Америку, я работал там чистильщиком обуви. К нам приходило много людей, чтобы до блеска начистить свою обувь. Приходила и одна молодая и очень красивая девушка из богатой семьи. Поскольку мои товарищи по работе боялись плотского соблазна, они посылали меня ее обслуживать, так как я не испытывал никакого искушения. К тому же она мне давала потом большие чаевые. Бог покрывал меня, я не чувствовал искушения».

Если учесть, что Антоний прожил в Америке с восемнадцати до двадцати двух лет, то есть именно те годы, когда человеческое естество бурлит и особенно заметны юношеские тревожнения и восстания плоти, то станет ясно, что он обладал величайшей благодатью, позволявшей ему оставаться непорочным и бесстрастным. Конечно, именно Божественная помощь хранила его неприкосновенным и неопалимым, словно трех отроков в печи Вавилонской, среди беспорядочной американской жизни со столькими ее соблазнами. «Кто победил тело, тот естество победил; победивший же естество, без сомнения, стал выше естества; а такой человек *малым чим* или, если можно так сказать, ничем не умален *от ангел*³²⁶», – говорит преподобный Иоанн Лествичник.

Антоний еще до того, как стал монахом, а затем иеромонахом Филаретом, был земным ангелом, малым чим, а именно наличием не только духа, но и плоти, отличным от небесных ангелов. Он был ангелом во плоти.

Обладая таким фундаментом и такими задатками чистой жизни и непорочного сердца, он уже с юности приобрел богатство силы для противостояния будущим искушениям.

Однажды, когда сатана приступил к отцу Филарету (он уже был монахом) с постыдными помыслами, ему пришлось уделить еще больше внимания своим духовным обязанностям. Итак, монах вставал каждую ночь раньше остальной братии и с горячими слезами молился перед иконой Владычицы нашей Богородицы, называемой «Сладкое лобзание», которая была у него в келлии. Однажды ночью, во время напряженной и настойчивой молитвы, икона просияла, и вся келлия наполнилась ярким светом. В то же мгновение исчезли нечистые помыслы, и сердце монаха исполнилось неопишуемой радости, мира и благодати. «Кто победил тело? Тот, кто сокрушил свое сердце. А кто сокрушил свое сердце? Тот, кто отвергся себя самого...» – говорит святой Лествичник.

Пройдя через такие искушения, подвижник, постоянно готовый к борьбе с ними, со временем приобрел духовный опыт умной брани против бесов и страстей. Одновременно он начал познавать те способы, посредством которых Божественная благодать действует в борцах духовной жизни.

Именно этот опыт, принесший плоды и в душе нынешнего старца Иосифа Исихаста, описан в его книге «Изложение монашеского опыта». Вот отрывок из десятого письма этой книги: «Знай, что всегда благодать предшествует искушениям, как некое извещение для предуготовления. И сразу, когда видишь благодать, напрягись и говори: „Пришло объявление войны! Берегись, глина, смотри, откуда протрубит битву зловредный». Часто он приходит вскоре, а часто – через два или три дня. Во всяком случае, придет. И пусть будут укрепления прочными: исповедь каждый вечер, послушание твоему старцу, смирение и любовь ко всем. И так облегчишь скорбь... На три чина разделяется благодать: очистительная, просветительная и благодать совершенства. На три – и житие: по естеству, сверх естества, против естества. По этим трем чинам человек поднимается и опускается. Три и великих дара, которые получает человек: созерцание, любовь, бесстрашие».

Антоний, впоследствии отец Филарет, небольшой ростом, как Закхей, но великий своими устремлениями, высокий в восхождении, стремящийся к духовным сокровищам, как было сказано, приехал в Америку в возрасте восемнадцати лет. Там он упорно трудился вместе со своим дядей, подвижником духовной жизни, который поддерживал племянника и помогал ему в борьбе. Америка воспринималась благородным существом Антония некой толпой, огромной толпой людей, механизированной массой народа. Кругом царил культ наслаждения и материального благополучия, комфорта и плоти, культ идолослужения. Все это мешало устремлениям и желаниям юного сердца, подобного жаждущему оленю³²⁸. Юноша *искал видеть Иисуса, кто Он*, с нетерпением Закхея, однако нужно было сперва найти некую смоковницу, с высоты которой, возвышаясь над толпой, над ее шумом, над волнениями и суетой, он мог бы узреть Христа. И этой смоковницей предстояло стать Святой Горе.

Вот как все устроил Божественный Промысл. Когда они с дядей возвращались из Америки в Грецию, то проездом оказались во Франции. Заночевав в гостинице, они встали рано утром, чтобы сесть на корабль, который довез бы их до родины. Однако неожиданно получилось так, что дядя Антония забыл в гостинице свой паспорт. «Жди меня здесь, а я пойду обратно в гостиницу за паспортом», – сказал ему дядя. Но когда он вернулся, корабль уже отплыл и увез юного Антония одного, чтобы направить того, кто возлюбил Бога, к его Божественному предназначению.

О счастливое совпадение! Антоний оказался в Фессалониках в тот самый день, когда город был передан грекам, в день праздника святого Димитрия Мироточивого в 1912 году. Сердце юноши преисполнилось умиления и благодарности к святому – чистому, любящему чистых и предстателю мироточивой непорочности. Антоний пришел поклониться его гробу, и вечером святой в свою очередь...

посетил его. Он явился Антонию во сне и сказал: «Не возвращайся в свою деревню. Иди на Святую Гору, чтобы стать монахом». Антоний, как послушное чадо, с радостью, «веселыми ногами» отправляется в Удел Пресвятой Богородицы. В то время транспортного сообщения не существовало. Но юношу не сломили трудности пути. Он идет пешком, без отдыха, и благополучно добирается до деревни Гомати на Халкидиках. Там он нанимает вьючного мула с проводником и отправляется в путь, стремясь достичь Великой Лавры. Путники проходят через Уранополис, а затем, поскольку путь их лежал через Карею, останавливаются в обители Констанонит.

Обитель Констанонит, как мы уже сказали, построена в честь святого первомученика и архидиакона Стефана. Чтимая его икона, которая относится к VIII веку, согласно преданию, была чудесным образом перенесена на Афон из Иерусалима во времена иконоборчества.

Когда Антоний поклонился иконе святого Стефана, увидел уединенность расположения монастыря, любовь отцов, общежительный устав, все это привлекло его. Он *искал видеть Иисуса*, и вот настал благословенный час. Здесь, на Святой Горе, в обители Констанонит, предстояло совершиться встрече с Ним, узнаванию, длящейся всю жизнь радости познания тайны Божественной любви, открытию Бога внутри себя.

Когда посетитель стоит перед иконой святого Стефана, этого ангелоподобного первомученика, в правом приделе монастырского храма, на память приходит прекрасное похвальное слово иже во святых отца нашего Прокла, патриарха Константинопольского: «О удивительные чудеса дивного Царя! Вчера Он рожден, а сегодня венчает Его Стефан, мученик, чье имя знаменательно³²⁹: Стефан, одушевленный венец; Стефан, цветистый побег веры; Стефан, благоуханнейшая роза любви; Стефан, плодоноснейшая ветвь благодати; Стефан, лоза вечного винограда; Стефан, медоточивая гроздь бессмертия; Стефан, несокрушимая башня веры; Стефан, непобедимый воин благочестия. Трудился,

трудился я, сплетая Стефану венец, и все еще не приступил к плетению».

Когда Антоний взглянул на святую икону, то почувствовал, что святой Стефан, *исполненный Духа и силы*³³⁰, призывает его остаться здесь, чтобы стать другом Жениха и невестоводителем, уневестить свою добролюбивую душу горящей лампадой добродетелей.

Итак, твердо решив остаться в этом монастыре, юноша позвал своего проводника и объявил, что не собирается идти дальше. «Я останусь здесь. Святой Стефан покори́л меня», – сказал он ему. Тогда Антонию было двадцать два года.

Три чудотворные иконы

Безумствующие еретики свидетели Иеговы, так же как и еретики протестанты-евангелисты, потерявшие религиозную ориентацию, обвиняют нас, православных, в идолопоклонстве, поскольку, по их словам, мы служим иконам. Несправедливое и нечестивое обвинение. Мы, православные христиане, следуя святым отцам, воздаем чтительное поклонение святым и священным иконам Господа нашего, Пресвятой Богородицы и святых. Это чтительное поклонение, по словам святого Иоанна Дамаскина, «восходит к первообразу». Это значит, что, когда мы, поклоняясь, чтим священные иконы, честь эта воздается не дереву или краскам, то есть материалам, из которых сделана икона. Эта честь воздается изображенному на иконе лицу, являющемуся ее первообразом, и восходит к нему. Иеговисты, эти последователи ариан, и протестанты, замкнувшиеся в своем рационализме, не в состоянии понять того горячего чувства, которое православные испытывают перед священной византийской иконой. Им чуждо духовное переживание и богословие православной иконописи, поскольку они отчуждены от таинственной жизни Церкви.

Для православных христиан, и в особенности для афонских монахов, священные и святые иконы составляют неотъемлемую часть служения Богу. В священных иконах раскрывается путь нашего спасения, нашего освящения и нашего обожения. Византийская икона играет богослужебную и одновременно догматическую роль, но прежде всего она является плодом мистического богословия Восточной Православной Церкви. Византийская икона является как бы обращением и призывом к преображенному в Иисусе Христе миру, обоженному лику человеческому, который посредством нетварных энергий и нетварного Света соединился со Святой Троицей.

На Афоне, где всякое богослужебное действие и каждое освящающее дело имеет силу подлинности, где богослужебная практика крепко сплетается с созерцанием, монахи глубоко

почитают, со страхом поклоняются и с горячей любовью лобызают иконы, находящиеся в святых храмах, а также изображения настенных росписей. Они зажигают лампадки на утрени, на вечерне, на повечерии, при каждой молитве, совершаемой внутри и вне церкви, в часовнях, в различных небольших молельнях. Они живут вместе со святыми, преображаясь *от славы в славу*³³¹ в присутствии святых, рядом с их святыми мощами и священными иконами.

В каждом монастыре есть свои иконы, с которыми связана его история. В обители Констамонит имеются три главные иконы, благодаря которым благодать и Божие благословение становятся особенно явственно ощутимыми. Это образы святого Стефана, Всесвятой Путеводительницы («Одигитрии») и Всесвятой Ответницы («Антифонитрии»).

Об иконе святого Стефана, в честь которого построен монастырь, у нас есть следующее рукописное свидетельство, относящееся ко времени императора Константина Мономаха: «В то время была принесена икона святого Стефана из Иерусалима, которая находится в правой части кафоликона, где все ее видят и все ей поклоняются. И вот неложный знак истины: в нижней своей части она немного обгорела, поскольку иконоборцы бросили ее в огонь. Но икона не сгорела, а сгорела лишь небольшая часть ее. Так она выглядит по сей день».

Также есть свидетельство и о достойных удивления чудесах, совершенных чрез священную икону Пресвятой Богородицы «Путеводительница»: «...Увидев это, удивительный отец и старец Агафон весьма опечалился и заплакал горячими слезами. Он молился, не вкушая пищи, перед святой иконою Богоматери и, утомившись от усердного моления, задремал, и вот, пришел в исступление откровения. И слышит он голос, исходящий от иконы Пресвятой Богородицы, который (о чудо!) возвестил ему, чтобы он не печалился и не тревожился из-за случившихся соблазнов и искушений. Ибо Афон отныне и навсегда избавится от этих ужасов. В знак же истинности и подтверждения сказанного – вот – сосуд в церкви наполнился маслом. Равным образом и прочие кладовые монастыря исполнились всего необходимого. Когда старец Агафон

проснулся от духовной радости и удивления, то пребывал в недоумении, не веря истинности видения и правде слов Богоматери. Поэтому он попросил света и, засветив свечу, направился к церковному сосуду, чтобы удостовериться в истинности этого дела. И, увидев, что чудо действительно произошло, он изумился, но и устрасился, и громко возвестил всей братии о великом чуде Богородицы, рассказав все, что услышал от Нее. Итак, с того времени он повесил неугасимую лампаду перед святой иконой Госпожи нашей Богородицы в благодарность за это чудо».

Для человека, свободного от влияния плотского начала, каким был отец Филарет, все священные иконы обители составляли некую область, служившую предвестием вечности. Но именно чудотворные иконы первомученика и архидиакона Стефана и Пресвятой Богородицы «Путеводительница » были живыми свидетельствами отрадного печалования, благодаря которому вечность озаряла монашескую жизнь старца. Об этом говорило и глубочайшее почтение, сочетавшееся с радостью, чувством близости и умиления, с которыми он ежедневно, во время каждой службы, полагавшейся по монастырскому уставу, поклонялся пред этими священными изображениями.

Глава II. «Коль возлюбих закон Твой, Господи...»³³². Мученическое послушание

Приди ж, боец, стань же со мной, кипя душой... Ты преимущество имеешь перед всеми, как начертано Богом то³³³, поскольку ты путь первого из мучеников³³⁴ завершаешь» – в этих прекрасных стихах к послушнику, борцу и подвижнику, вступающему на путь блаженного послушания, преподобный Феодор Студит словно бы обращается к Антонию. Согласно словам святых отцов, выдерживающий послушание считается мучеником Христовым и следует путем мучеников. Антоний же проявил не просто послушание, но двойное и даже тройное мученическое послушание. Как мы увидим, на то было три причины.

Существовал обычай посылать начинающих монахов нести послушания на монастырских подворьях, находящихся за пределами Афона. Не стал исключением из правила и наш послушник: вступив в монастырь, он был немедленно послан на метоху Трипотам.

Поскольку Антоний был келарем, в его обязанности входило готовить еду для эконома, его помощника и работников, а также накрывать на стол, мыть посуду, мести полы, выдавать провизию работникам, смотреть, чтобы в кладовой не было недостатка в припасах. Все это следовало делать с совершенным послушанием. Жизнь на метохах была очень тяжелой для монахов и тем более для послушников. Ведь, во-первых, они лишаются драгоценного безмолвия, а во-вторых, там работают все: мужчины, женщины и дети. Это жизнь в постоянной борьбе, в горниле соблазнов и искушений. Такова первая причина, сделавшая послушание Антония равным мученическому. Но огонь, раздуваемый дьяволом, а также волнение плоти и приманки мира сего не могли уменьшить ревность молодого послушника о Боге, запятнать непорочность новобранца – воина Христова.

Между тем экономом метохи (вечная ему память!) был очень тяжелым человеком. Весь Афон знал его жесткий характер. Горе

тому, кто в чем-то перечил эконому или вступал с ним в конфликт. Это был человек слишком взыскательный, ворчливый и... и... и... Рядом с таким человеком жизнь Антония была истинным мучением. Но он был терпелив и снисходителен ко всему. Итак, эконом был второй причиной его мученического послушания.

Третьим сильным испытанием была болезнь Антония. Он заболел дизентерией и страдал довольно долгое время, но благодаря этому лишь очистился, как золото в горниле. А какое еще очищение вернее того, что происходит от послушания, смирения и продолжительной болезни?

Шесть месяцев он был прикован к постели! Его преследовали боли, зловоние, истощение, предтуберкулезное состояние и, главное, невнимание и равнодушие со стороны эконома. Но Божественная благодать послала послушнику огромное утешение: душевную крепость и явную свою поддержку. Из этого душевного и телесного испытания Антоний вышел чадом терпения и мог сказать Господу: *«За словеса у стен Твоих аз сохраних пути жестоки»*³³⁵.

Однажды послушник увидел, как некое видение, юношу, который, сияя невыразимой красотой, вошел и встал перед ним. «Антоний, кончились твои страдания! Терпение твое приятно Господу», – сказал он и стал невидимым. Это был не кто иной, как святой Стефан.

После этого происшествия Антония осмотрели несколько врачей, определивших, что он полностью здоров. Врач Лавры, монах Афанасий Камбанаос, сообщил об этом в монастырь в следующих словах: «Впервые за многие годы я видел такие легкие, такой молодой организм, как у трехлетнего ребенка».

Эконом был поражен этим чудом и просил у Антония прощения за дурное обращение с ним. «Дитя мое, я причинил тебе много огорчений», – повторял он, раскаиваясь.

Напряжение литургической жизни

С метохи Антоний возвратился в святую обитель истинным послушником, и поскольку испытание послушнического жития было пройдено с отличием, то в мае 1915 года его постригают в великую схиму с именем Филарет. На него возлагают благодатное, но утомительное служение пономаря. Однако нет ничего утомительного для сердца, исполненного горячего стремления и воодушевления. Таким сердцем обладал Филарет, монах, поистине возлюбивший добродетель³³⁶. Он буквально парил по церкви, как светлый ангел, как служебный дух, посылаемый на служение³³⁷.

Монах-пономарь должен выполнять разные обязанности в церкви. Он зажигает лампадки, вытирает и чистит бронзовые подсвечники, паникадила, подметает и моет полы, наводит порядок, готовит новые свечи, фимиам, расставляет скамейки и так далее. И все это приходится делать во внебогослужебное время. В часы святых служб у пономаря другие обязанности, связанные с его участием в символических действиях во время самого богослужения. Кроме того, ему необходимо заботиться, чтобы быть внимательным, не шуметь и исполнять все без исключения требования игумена или служащего в тот день священника.

Блаженный Филарет стал образцом усердного и неутомимого пономаря. Когда совершалась какая-либо служба, он, все приведя в порядок и устроив *благопристойно и чинно*³³⁸, сидел в своей стасидии, согбенный и погруженный в сладчайшую молитву к возлюбленному Иисусу. В музыке Филарет не достиг успеха, и голос его во время пения обычно был хриплым. Но какое значение имел этот недостаток? Монах обладал слабым голосом, но высоким умом, он был немзыкален, но посвящен в божественную и несказанную гармонию бесплотных сил.

В апреле 1921 года его рукополагают во диакона. На этой первой ступени священства ощущается особая близость к первомученику и архидиакону Стефану, защитнику и

предстателю его священной киновии. Три года спустя, в октябре 1924 года, отец Филарет становится пресвитером. Со дня рукоположения до самой своей смерти старец служил литургии постоянно и непрерывно. Каждый день душа его жаждала, стремилась к Божественной литургии. Лишь в немногих случаях, главным образом по состоянию здоровья, Филарет не совершал Божественной Евхаристии, этого Таинства из Таинств. Он жил, чтобы служить литургию, и литургисал, чтобы жить, поскольку без Божественной литургии чувствовал себя мертвым, отделенным от Христа, Который есть жизнь и воскресение, свет и упокоение.

В то время в монастыре, кроме игумена, было еще два иеромонаха, но один из них, отец Агапий, был слишком болезненным, а другой не очень любил служить. Поэтому отец Филарет постоянно выполнял обязанности чередного священника. В тех же случаях, когда другой иеромонах решался совершить литургию, старец отправлялся служить в один из тихих и способствующих молитвенному настроению малых храмов, из которых четыре располагались внутри монастыря, и еще четыре – вне его. Внутри обители: 1) церковь Божией Матери (с изысканным резным деревянным иконостасом и с чудотворной иконой Богородицы «Вратарница», совершившей много чудес в России); 2) храм во имя святого Константина; 3) храм Всех святых; 4) храм во имя святого Николая. За пределами же обители: 1) храм в честь святых архангелов (на кладбище); 2) храм Святой Троицы; 3) храм Всесвятой Богородицы (в овраге); 4) храм во имя святого Антония (на месте старого монастыря). Все они прекрасны, и каждый красив по-своему.

Отец Филарет непрестанно служил литургию, даже тогда, когда его здоровье ухудшилось и появилась двусторонняя грыжа – следствие многочасовых стояний и усталости. Отцы, чтобы дать ему отдых, предложили нанять стороннего священника для совершения служб, поскольку впоследствии отцу Филарету, помимо служения, приходилось еще выполнять обязанности игумена и духовника, имея дело со множеством монахов, паломников и работников. На это предложение

благословенный и смиренномудрый старец ответил: «Отцы мои, вы устаете и трудитесь больше меня. Я же не умею делать ничего другого, умею только служить. Позвольте мне потрудиться наравне с вами. Когда же не останется у меня сил, тогда я попрошу вас нанять стороннего иеромонаха».

Своим непрерывным литургическим стремлением отец Филарет показал не только братолюбие и рвение своей души. Он явил пламенную ревность к литургии и ревность о Тайной вечере, стремление к постоянной и вечной Пасхе, желание Владычного присутствия, входа своего горящего сердца «в сияния святых».

Если бы мы могли проникнуть в сердце отца Филарета, то увидели бы, что оно билось литургическим ритмом. Однажды старец поведал отцу Пахомию, что, когда служит, чувствует трепет, преображение, чувствует, что ему открывается другой мир. «Непрестанное священное славословие святых ангелов в Трисвятом означает вообще равенство, строй, лад и созвучие в божественном славословии небесных и земных сил, которые осуществляются сразу и одновременно в будущем веке, когда через воскресение люди обретут бессмертное тело, не обременяющее душу тлением и само не обременяемое им; но соделавшись нетленным, это тело получит силу и способность к приятию пришествия Бога», – пишет святой Максим Исповедник в своем «Тайноводстве».

Именно это духовное чувство нетления, равночестного сопребывания с ангелами и пришествия Бога несла в себе каждая Божественная литургия, совершенная старцем.

Отец Филарет, когда он литургисал, всецело становился светом, радостью, умиротворением. Сосредоточенный, серьезный, со слезами на глазах. Он часто оплакивал также и невнимательность сослуживших ему священников.

Отец Филарет был еще молодым иеромонахом в 1929 году, когда в лесу Ватопедского монастыря из-за небрежности рабочих-угольщиков возник пожар. Огонь разрастался и начал распространяться по направлению к монастырю Константонит. Монастырские отцы бросились помогать тушить пожар. Впереди всех шел отец Филарет, который, держа в руках икону

Пресвятой Богородицы и ободряя отцов, говорил с характерной для него и поразительной для других глубочайшей верой: «Отцы, огонь будет потушен прежде, чем мы придем. Не бойтесь». На протяжении всего пути отец Филарет наизусть пел молебен Пресвятой Богородице. Когда отцы и братья монастыря дошли до границы владений двух обителей, пожар погас сам по себе, успев выжечь территорию Ватопеда. Разрушительный огонь не посмел ни на шаг проникнуть на землю Констамонита, хотя ее границу отмечала единственная тропинка шириною в полторы пяди. Все приписали это чудо молитвам тогда еще молодого отца Филарета и заступничеству Госпожи нашей Пресвятой Богородицы, убедившись, что существует особая... «служба противопожарной безопасности», способная обойтись и без обычных человеческих средств.

О ревностном стремлении пылкого левита служить литургию, и служить постоянно, говорит и следующий случай. Дело было ночью 17 января, на праздник святого Антония Великого. После утрени отец Филарет пошел в храм, освященный во имя преподобного, намереваясь отслужить там литургию. Церковь находилась на расстоянии пятисот метров выше монастыря. Он взял с собой богослужебные просфоры, сосуд с вином, масляный фонарь и, удалившись от монастыря, оказался посреди дикой афонской природы, которая казалась еще более дикой в безлунной ночи. Вдруг в узкой теснине иеромонах споткнулся, упал, и сосуд разбился. Это происшествие он приписал зависти дьявола. Поэтому отец Филарет вернулся обратно, взял другой сосуд и с радостью направился служить. Однако на том же месте он опять споткнулся и, падая, снова разбил сосуд. Тогда, вспыхнув праведным гневом против сатаны, отец Филарет сказал: «Искуситель, сегодня ночью я отслужу литургию у святого Антония, что бы ты ни делал и какие бы препятствия ни ставил на моем пути». Возвратившись и взяв новый сосуд, он с молитвой дошел наконец до назначенного места.

Большинство его Божественных литургий было омыто слезами – слезами умиления, слезами радости, слезами любви. Сокрушение было при этом главным чувством.

Однажды отец Филарет совершал отпуск девятого часа на отдание Пасхи. Для всех святых Пасха является самым волнующим переживанием. Итак, во время отпуска, взяв в руки икону Воскресения, монах ощутил такое сильное волнение, что заплакал, едва не разразился рыданиями. Ведь он лишился Воскресения... Его благотворная и благочувственная душа ощутила, что восставший Господь как будто исчезает, уходит.

Когда отец Филарет литургисал, то желал, чтобы его ум не кружился в парении во время этого вызывающего трепет события. Внимание и молитва были его жизнью. Поэтому он повесил в проеме между алтарем и диаконником завесу, чтобы входящие и выходящие не отвлекали его от погруженности в Божественную литургию. «Отец Давид, прошу тебя, в другой раз не проходи здесь», – сказал он одному монаху, который постоянно ходил через алтарь.

В чтении Евангелия отец Филарет превосходил лучших богословов. «Нам очень нравилось слушать его», – говорят отцы, знавшие отца Филарета. Следует заметить, что старец был почти неграмотным.

После каждой Божественной литургии он сразу же запирался в своей келлии, где коленопреклоненно молился Божией Матери или занимался чтением Четвероевангелия, «Благодетеля» или святого Ефрема – своих любимых книг. Он хотел сохранить как можно дольше в течение дня Божественное освящение и действие Таинства.

Однажды по окончании всенощной, когда они вместе с отцом Пахомием возвращались в свои келлии, находившиеся по соседству, отец Филарет обернулся и сказал:

– Я могу сейчас отслужить еще одну многочасовую всенощную... Сегодня меня окружило множество...

– Что, что? – спросил удивленно отец Пахомий.

– Ангелов небесных! – ответил благочестивый священник.

Отец Пахомий вместе со своим отцом оказался в монастыре в 1931 году, на второй неделе Великого поста. Тогда ему было пятнадцать лет. Они остались на службу повечерия. Когда вошли отцы, юноша впервые увидел отца Филарета, тогда еще простого священника, увидел его ангельский облик, лицо,

столь отличное от привычной внешности остальных отцов, светлое, как месяц!

Точно так же и духовник отец Онуфрий поведал, что однажды во время Божественной литургии, на великом входе, увидел, как старец парил над землей на высоте двух пядей!

Глава III. «Раб Твой есмь аз»³³⁹. «Начальствующий как служащий...»³⁴⁰

В 1949 году отец Филарет был почти единогласно избран игуменом и поставлен, как светильник на свещнице, чтобы светить всем в монастыре³⁴¹. На этом почетном посту и ответственной должности старец сохранил свой смиренный образ мыслей и приобрел еще большее терпение и незлобие. Он хорошо знал свою паству, своих словесных овец, и мог судить, кто из его подчиненных заслуживает наказания, а кто нет. Старец знал характер каждого, его достоинства и недостатки. Нерадивых или невнимательных он стремился – прежде всего убеждением и гораздо менее пастырским жезлом – вернуть к монашеской чинности и послушанию, подражающему ангелам.

Отец Филарет был добрым пастырем, который, по слову преподобного Иоанна Лествичника, «может погибших словесных овец взискать и исправить своим незлобием, тщанием и молитвою». Он был тем кормчим, что «получил от Бога и через собственные подвиги такую духовную крепость, что и от самой бездны может избавить корабль душевный». Он был тем врачом, что «стяжал и тело и душу, свободные от всякого недуга». Он был тем учителем, что «непосредственно принял от Бога книгу духовного разума, начертанную в уме перстом Божиим, то есть действием осияния, и не требует прочих книг».

Старец редко делал замечания из-за проступков. Он действовал скорее беззлобием и кротостью, следя за собой, чтобы не впасть в искушение гнева и осуждения. Когда один начинающий монах долго вел пустые разговоры со старшими братьями, игумен позвал его к себе и осторожно посоветовал воздержаться от этих встреч и разговоров, но не отчитал его на месте и публично.

Отец Филарет часто говорил: «Вслед за тремя составляющими монашеской жизни, то есть послушанием, целомудрием и нестяжанием, глаза монаха – это его ежедневное церковное и келейное правило». Церковным

правилом монаха является ежедневная молитва вместе со всеми братьями в церкви, согласно монашескому уставу, а келейным правилом – личная, особая молитва и покаяние, которое каждый монах совершает в своей келлии. «Если у тебя нет одного из двух, – говорил отец Филарет, – ты одноглазый. Если у тебя отсутствуют оба, ты погружен во тьму и духовно слеп».

Старец хотел, чтобы у его детей было духовное зрение, глаза здоровые и чистые, ум, просветленный светом молитвы и умиления. Поэтому он бдительно смотрел за своею паствой. Обычно после шестопсалмия он зажигал свечу и обходил храм, чтобы посмотреть, кого из отцов нет на месте. Если игумен замечал чье-либо отсутствие, то или посылал какого-нибудь молодого монаха позвать того на утреню, или чаще всего сам шел в его келлию и спрашивал: «Брат, что с тобой? Ты не выйдешь на службу?» Этому обычаю отец Филарет не изменял и в старости, несмотря на боль, которую причиняла ему грыжа. Он считал, что если кто-нибудь не приходил на утреню по нерадению или побежденный сном, то вина ложилась и на его плечи. Но и братолюбие, жертвенная любовь заставляли старца идти к отсутствующему брату, который, возможно, был болен и нуждался в немедленной помощи.

Игумен выполнял самые простые работы, трудился, следуя примеру Господа и Учителя нашего Иисуса Христа, принявшего образ раба³⁴². Старца нередко можно было увидеть замешивающим тесто для просфор или трудящимся в пекарне или швейной мастерской. Он первым шел на те экстренные работы, которые совершались при совместном участии и требовали помощи всей братии.

Святой игумен не боялся «запачкать» свои руки работой, которая была бы ниже его пастырского звания. Вернее, он понимал, что этим смиренным трудом освящает свои руки, помазуемые благовонным миром смирения и трудов, и приносит их как жертву в служении божественного и священного тайноводства.

Сан игумена не мог изменить замешанного на смирении и простоте характера отца Филарета. Он даже несколько раз

хотел отказаться от этой должности, но отцы не пожелали этого. «Ах, как я обманулся, глупец,— говорил отец Филарет, — что принял сан игумена. Когда я был простым священником, я только служил литургию, и как будто парил в небе, а сейчас огорчения здесь, огорчения там, и потому я часто сожалею о том времени, когда я просто служил».

Регулярно, каждый месяц, старец совершал освящение воды и окроплял виноградники и сады монастыря. Сверх того, это делалось каждый раз, когда болезнь поражала растения.

Он брал из монастыря святые мощи, чтобы совершить такое освящение и в Парфеноне — монастырском владении на Халкидиках, заселенном беженцами. Там находились монастырский скот, масличные деревья, лесное угодье. Почти всегда Божественная благодать отвечала молитвам, исходившим из глубины души блаженного старца.

Однажды вечером, на праздник святителя Иоанна Златоуста (13 ноября), перед всенощной, он достал и положил мощи святого на престол. Тотчас же благоухание наполнило весь кафоликон монастыря. Отцы, вошедшие внутрь, сразу же почувствовали его и, изумленные, в недоумении спрашивали друг друга: «Что это, что это за благоухание?»

Святые мощи, как и святые чудотворные иконы, являются для афонского монашеского сознания величайшим духовным сокровищем. Через них в проявлении божественной славы отцы ощущают живую связь Церкви торжествующей и Церкви воинствующей. Здесь объединяется небо и земля, небесное и земное. И в самом деле, какая речь в состоянии выразить величие Господа, явленное в источении благодати от святых мощей? «Велий еси Ты, Господи, и ни едино слово возможет воспети чудеса Твоя».

Эта потребность в славословии, возникающая перед лицом Божественного действия и Божественной благодати, явленных через святые мощи, жила и в сердце отца Филарета.

«Царство Небесное силою берется...»³⁴³

*И употребляющие усилие восхищают его*³⁴⁴. Эту истину, которую изрекли неложные уста Господа нашего, полностью воспринял отец Филарет. Он был «употребляющий усилие» монах. «Истинный монах есть всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств», – говорит преподобный Иоанн Лествичник.

Это понуждение было у него основано на странничестве (т. е. удалении от мира), нестяжании, посте и воздержании, молчании, удручении тела.

Старец никогда не забывал о своих монашеских обязанностях: каждый год в Великий пост он соблюдал установленные на Афоне трехдневные строгие посты на первой, третьей (Крестопоклонной) и последней (Страстной) седмицах, полностью воздерживаясь от пищи и воды. Однажды в конце такого поста на первой седмице он сказал: «Я чувствую в себе силы продолжить и выдержать еще три дня».

С того момента как Антоний пришел на Афон, вступил на поприще подвижников Христовых и взялся за плуг монашеской жизни, он не озирался назад³⁴⁵. Он никогда не жалел себя. Возлюбив Христа, он покинул всех родственников и друзей. Близкие отца Филарета звали его посетить хоть раз свою деревню. Мать старца писала письма, со слезами и стенаниями прося его приехать и причастить ее перед смертью Пречистых Таин. Он же, постоянно советуясь со своим духовником, не хотел и слышать о том, чтобы уехать со Святой Горы. У отца Филарета был брат по плоти, по имени Фома. Он посещал Афон два-три раза в год и постоянно говорил: «Почему бы тебе не приехать хоть раз в деревню, отслужить у нас литургию? Ты совсем уже отрекся от нас». Цель его состояла в том, чтобы удержать отца Филарета, сделав его священником в своей деревне. Но если бы на то была воля Божия, монаху сказал бы об этом духовник, а не брат, оставшийся в миру. Фома же получил ответ от первомученика и стража монастыря Констамонит, друга и помощника отца Филарета.

Была ночь. Фома спал в монастыре, куда приехал накануне. Вдруг во сне ему является святой Стефан, суровый и неумолимый.

– Неблагодарный, – говорит он Фоме, – тебе мало того, что ты пришел повидать своего брата, ты еще хочешь увезти его в деревню?

В страхе Фома проснулся. Явление святого произвело на него устрашающее впечатление. С тех пор он не смел даже и вспомнить о своих намерениях.

Приснопамятный старец усердно выполнял свои духовные обязанности. Поэтому, наставляя своих чад, он говорил: «Отцы и братие, будем исполнять наши духовные обязанности, а все наши материальные нужды восполнит Божественный Промысл. Не оставит нас Господь милосердный, ради любви к Которому мы отреклись от мира и всего мирского. Он нас питает. Разве не говорит Он: *„Ищите прежде Царства Божия, и это все приложится вам“*³⁴⁶»?

Старец был не только усерден, но и строг. Строгость его монашеской жизни была образцовой. Например, каждую ночь, в полночь, он вставал, чтобы совершить свое правило. *«Полунощи востах...»*³⁴⁷ – постоянно звучал в его душе этот стих пророка Давида.

Келлия его была простой, аскетичной, поистине общежительной. В ней не было сахара, кофе, другой какой-либо еды, всего того, что другие братия держали по немощи. Там стояла только одна скамеечка, которую отец Филарет использовал для умной молитвы, превращая ее в лестницу небесную, по которой снисходит Господь, мост, ведущий к небу тех, кто возлюбил добродетель и безмолвие.

Когда отец Филарет был поставлен игуменом, то отцы, избравшие его на эту должность, захотели взглянуть на келлию старца. Едва ступив на порог, они сразу же растерялись. Перед ними были четыре голых стены. Кроватью отцу Филарету служило несколько досок, вместо матраса была... подстилка, сделанная из мешка, в котором когда-то давили оливки. Там же лежали подушка, набитая травой, и тонкое покрывало вместо одеяла. С каким смирением игумен обыкновенно брал веник и

сам подметал пол, зажигал лампадки и выполнял другие обыденные работы!

Старец избегал пустых разговоров, всего, что касалось вещей мирских или политических. Газет он даже не хотел видеть. Он не любил говорить, казался незаметным, а когда говорил с кем-либо, то стеснялся, всякий раз опуская глаза. Он старался угождать не людям, а Богу, и был воздержан во всем. Неослабное хранение чувств, его чистота, проявлявшаяся в стыдливости, внушали безграничное уважение.

В суровые зимы снег лежит в монастыре Констамонит 15–20 дней. У всех отцов в келлиях были печи. Отец Нифонт, отвечавший за отопление, с почтением и любовью говорил отцу Филарету:

– Отец мой (дело было еще до того, как тот стал игуменом), давай поставим в твою комнату печь.

– Оставь, старец Нифонт, мы сделаем это попозже.

Отец Филарет говорил так, чтобы подождать, пока малопомалу не пройдут холода, и не отапливать свою келлию. Лишь за два-три года перед смертью он наконец согласился поставить печку.

Открыв дверь келлии старца, его никогда нельзя было застать за какой-нибудь другой работой, кроме коленопреклоненной молитвы. Таким подвижником был блаженный, который и в постеле всегда служил для других образцом.

– Старче, я не боюсь работы, если достаточно ем, – сказал ему как-то отец Евфимий, который был некогда крестьянином и пастухом, так что ему всегда поручали тяжелые работы.

– Тело, дитя мое, не боится работы, оно боится поста, – ответил тот.

Когда приснопамятному старцу было уже за семьдесят лет, он ходил в Карею пешком. Карея отстоит от Констамонита на расстоянии трех часов пути. Отец Филарет брал с собою еще одного брата и мула, но никогда не садился на него. Неутомимый в пути, он с легкостью ребенка перепрыгивал через заросли кустарника.

Делал ли это старец из любви и сострадания к животному, или чтобы закалить свое тело и приучить его к терпению? Очевидно, и по той, и по другой причине. Он смотрел на мулов и размышлял о том, что и они – творения Божии, созданные для того, чтобы служить и помогать человеку. А это – одновременно и величайшее чудо, и величайшее несчастье. В душе монаха рождается и со временем крепнет следующее убеждение: «Я пришел не для того, чтобы мне служили, но служить самому. Служить и этим бессловесным тварям, удручая свое тело и трудясь ради милости к ним».

Дар прозорливости

В монастыре принято, кроме среды и пятницы, считать постным днем еще и понедельник. Итак, однажды в понедельник, когда в монастыре не было гостиника, его молодой помощник впал в соблазн тайноядения. Не получив на то благословения, он сварил овощи, поджарил картофель на отдельной кухне гостиницы и собирался уже начать есть, однако услышал шаги игумена и поспешил спрятать еду в шкаф. Дверь открывается и входит отец Филарет!

– Дитя мое, – говорит он монаху, – достань картофель и овощи, которые ты приготовил, и поедем вместе.

Помощник гостиника побледнел от страха! Откуда игумен узнал, что он готовил себе еду? Сначала монах не хотел признать свою вину. Но тот сказал ему приветливо:

– Я не буду тебя наказывать за то, что ты сделал. Принеси кушанье и давай поедем.

Можно не только представить себе раскаяние отца Х., но и удивиться дару прозорливости, снисходительности и таланту наставника, присущим мудрому игумену.

Предыдущий случай произошел с помощником гостиника, а вот случай, произошедший с самим гостиником монастыря.

У гостиника был один добрый обычай: в праздничные дни он приглашал отцов к себе в гостиницу и угощал их кофе и сладостями. Как-то раз он, однако, запер гостиницу, а сам уединился в своей келлии. Этот случай не укрылся от внимания игумена отца Филарета. Он пришел в келлию к гостинику и, приветливо взглянув, сказал ему:

– Почему ты не угощаешь братьев? Только для того, чтобы избежать дополнительного труда, или по другой причине?

– Чтобы избежать труда, – ответил сокрушенно гостиник.

– Ах, дитя мое, ты крупно обманулся. Сегодня тебе придется потрудиться гораздо больше.

Сказав это, он удалился.

И действительно, через некоторое время один из братьев уведомил гостиника:

– Сейчас же иди и приготовь все в гостинице. Приезжает мэр Полигира господин Гулас, врач и трое чиновников, о которых надо как следует позаботиться.

Позже гостинику повстречался игумен:

– Помнишь, дитя, что я тебе сказал?

– Конечно же, помню, старче. Мне пришлось потрудиться вчетверо больше, – отвечал гостиник.

Другой случай показывает не только дар прозорливости, но и глубокое смирение и скромность отца Филарета.

В 1959 году монах Захарий из монастыря преподобного Григория пригласил своего друга, отца Пахомия, на праздник святителя Николая.

За неделю до этого отец Пахомий попросил благословения у игумена, чтобы отправиться на торжество. Накануне старец пришел к гостинику и простодушно сказал ему:

– А ты возьмишь меня с собой на праздник?

– Ради Бога, старче! Для меня будет величайшей честью сопровождать вас, – ответил с воодушевлением отец Пахомий.

Отец Филарет, так как у него самого денег не было, смиренно попросил у казначея 50 драхм, чтобы доплыть на моторной лодке. Однако, поскольку афонский этикет требует, чтобы игумена сопровождал один из соборных старцев монастыря, отец Филарет опасался, как бы их не увидели вместе. Он хотел избежать зависти и соблазнов, но, впрочем, сказал отцу Пахомию:

– На тебя найдет искушение, но не бойся, оно пройдет.

Искушение, которому надлежало нарушить их покой, случилось сразу же по прибытии в Дафни. Какой-то торговец позвал отца Пахомия:

– Тебя просят к телефону.

На другом конце провода монаха ждал один из монастырских старцев, отличавшийся тяжелым характером, который был тогда представителем их обители в Карее. Разгневанный, он сразу же набросился на отца Пахомия:

– И тебе не стыдно? Кто дал тебе право сопровождать игумена? Разве ты не знаешь, что его сопровождают только соборные старцы?

К счастью, монахов скоро утешили братья из Григориата. Отец Филарет и отец Пахомий приехали в монастырь в полдень, но тем не менее их вовремя заметил один иеромонах, который прибежал на пристань, встретил гостей, забрал их котомки и упрекнул отца Филарета:

– Почему ты не предупредил нас, старче, чтобы мы встретили тебя как следует?

В игуменской блаженнейший игумен отец Виссарион встал и обнял старца:

– Какую радость нам доставил твой приход в наш монастырь, – сказал он взволнованно.

Он предоставил отцу Филарету игуменские покои и первое место во время всенощной, когда, нужно заметить, сослужили двадцать священников.

Провидческий дар отца Филарета проявился еще в бытность его простым священником. Он предугадал смерть своей сестры. Отец Филарет пошел тогда к игумену, отцу Симеону, и сказал ему:

– Старче, сегодня вечером умрет моя сестра.

– Откуда ты знаешь? – спросил изумленный игумен.

– Я знаю это, – смиренно ответил почтенный иеромонах.

Через несколько дней в монастырь пришло скорбное письмо, которое точно подтвердило предсказание отца Филарета.

Этот исключительный дар старца должны были принимать в расчет все, кто близко общался с ним. По крайней мере, именно это явствует из следующего случая.

В обители Констамонит монашествовал один юноша, у которого был дядя (двоюродный брат его отца), монах Иоасаф, живший в келлии Равдуху в Карее. Дядя часто приходил в монастырь и просил племянника отправиться с ним в окрестности Карей, чтобы помочь поправить его келлию.

Молодой монах сомневался, но в конце концов уступил настойчивым просьбам. Итак, они договорились, что дядя придет на праздник святых Константина и Елены, причем во время всенощной им предстояло тайком покинуть монастырь. Хотя до сих пор племянник, следуя спасительному

монашескому обычаю, исповедовался во всех своих помыслах отцу Филарету (это было еще до игуменства последнего), этот ужасный замысел он не решился открыть духовнику.

Наступил канун праздника. Монастырь готовился к праздничному всенощному бдению. Дядя отправился в путь из Карей на муле, который отличался смирным характером. Однако в тот день мул неожиданно заупрямился и сбросил его на землю. Отец Иоасаф пришел в монастырь с поврежденным лицом. Племянник вытер кровь, но следы ее все еще оставались.

После полиелея, когда прошла уже половина утрени, отец Филарет подошел к пораненному посетителю и сказал ему:

– Старче, можно поговорить с тобой в притворе?

– Конечно, – ответил отец Иоасаф.

Они вышли.

– Зачем ты пришел в наш монастырь? – спросил отец Филарет.

– Разве у вас не праздник? Вот ради него я и пришел.

– К сожалению, ты пришел не для этого. Ты пришел забрать у нас монаха. Остерегайся! Если ты придешь еще раз и будешь настаивать, твой мул убьет тебя.

Отец Иоасаф потерял дар речи! Едва придя в себя и уловив подходящий момент, он рассказал племяннику о случившемся столкновении и о пророчестве. Тот ответил ему:

– Если отец Филарет так предсказал тебе, то больше не дерзай, дядя, приходить сюда, чтобы забрать меня.

Почитание Пресвятой Богородицы

О всепетая Мати, рождая всех святых святейшее Слово, нынешнее приемши приношение, от всякия избави напасти всех и будущия изми муки Тебе вопиющих: Аллилуиа!».

Сколько раз за всю свою жизнь, и особенно за пятьдесят лет монашеского жития, старец повторял это песнопение акафиста, обращенное к Пресвятой Богородице. Душа его воспринимала Ее как всепетую Матерь, рождающую воистину святейшее Слово, и прибегала к Ее материнской любви с надеждой, верой и благоговением, которые свойственны напряженной жизни всех святых.

Сам он читал акафист несколько раз в день и после Божественной литургии всегда поспешно шел к себе в келлию, где зажигал лампадку перед иконой Госпожи нашей Пресвятой Богородицы «Сладкое лобзание» и начинал с радостью и благоговением петь гимн: «Ангел предстатель с небесе послан бысть рещи Тебе, Богородице: радуйся...».

Он советовал и своим ученикам постоянно молиться Пресвятой Богородице, повторяя акафист. Со своим обычным простодушием он, как будто браня их, говорил: «Почему вы не любите Пречистую?». В качестве епитимии отец Филарет назначал всем кающимся, мирянам и монашествующим прочесть хотя бы один раз акафист Пресвятой Богородице, засветив лампадку перед Ее иконой.

О любовь, та любовь к Пречистой, что избавляет нас от адских мук эгоизма, безнадёжности и страстей и ведет к райскому состоянию смирения!

Однажды к отцу Филарету пришел болгарский монах, по имени Игнатий. После того, как они поговорили о различных предметах, старец, как всегда, своим любезнейшим голосом задал ему вопрос:

– Ты каждый день читаешь акафист?

– Да, читаю. Только без канона, – отвечал болгарский монах, который не очень хорошо понял, что ему сказал старец.

– Тогда покажи мне, что ты читаешь, – попросил отец Филарет, чтобы быть уверенным.

Монах Игнатий достает книжечку на болгарском языке в позолоченном переплете, открывает ее и показывает старцу. Действительно, он показал ему начало акафиста, то есть «Ангел предстатель...». Однако, чтобы исключить всякие сомнения, отец Филарет перелистнул две-три страницы до того места, где говорится: «Слышаша пастырие...».

– Вот здесь о чем говорится? – спросил он.

Тогда болгарский монах, который немного говорил по-гречески, ответил ему со своим нелепым произношением:

– Здесь говорится: «Пронюхали пастухи...»

Тогда старец, улыбнувшись, как ребенок, сказал монаху:

– Хорошо, хорошо, ты понимаешь, что такое акафист. Читай его постоянно. Никогда не пренебрегай этим.

Помимо акафиста, старец особенно любил Богородичник – книгу с особыми канонами и Богородичными песнопениями на каждый день. Он читал ее сам и советовал это другим. В монастыре эти чтения были предписаны уставом, но отец Филарет совершал их всегда, куда бы ни шел, где бы ни находился. Такое почитание Божией Матери сделало его крином благоухающим посреди вечноцветущего Сада Пречистой.

Каждый день старец, *яко птица особящаяся на зде*³⁴⁸, в своей келлии принимал пищу от своей духовной Кормилицы и Матери. Тогда душа его, *яко раб... яко рабыня... в Руку госпожи своея*³⁴⁹, искала духовного молока благодати, даруемой Пречистою, повторяя снова и снова слова из своего любимого Богородичника: «Как раб поднимает свой взор к рукам своего господина, о Всепетая, так и я внешние и внутренние очи к Тебе устремляю, моей Владычице, моей Госпоже и Жизни, чтобы Ты смирлостивилась надо мною».

Если Пречистая для всех монашествующих является Матерью, кормилицей и хранительницей, а для всех дев – предстательницей и водительницей, будучи Приснодевою, то в особенности это относится к афонским монахам. Обетования, данные Пресвятой Богородицей преподобному Петру Афонскому, которые касаются этого святого места и живущих в

нем, возлагают на Нее ответственность перед глазами и совестью святогорцев, которым Она представляется столь же родным существом, как детям – их мать и хозяйка дома.

Вот почему все Богородичные праздники сопровождаются всенощной службой, а праздник Успения справляется с огромной торжественностью и вызывает такой духовный подъем, как если бы он был в святцах Святой Горы второю Пасхою. Ангелоподобные подвижники Афона ликуют, души их трепещут от радости. Как сладкоголосые соловьи, воспевают они величие пренепорочной Невесты, сладкую Весну, а также сладчайшее Ее Чадо.

Глава IV. «Явление словес Твоих просвещает и вразумляет младенцы»³⁵⁰. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»³⁵¹

Если мы попытаемся начертать облик отца Филарета, то самой выразительной и характерной чертой, придающей ему «первозданную красоту», окажется кротость. Кроткий, незлобивый, непамятозлобный, негневливый, с душой сострадательной, долготерпеливой и многомилостивый, он был истинным вместилищем Бога. И в самом деле, «где безмолвие, кротость и смирение, там обитает Бог», – говорит преподобный Иоанн Пророк.

Блаженный старец являл собою светлый и преисполненный жизни образ кротости. Вот почему он получил столь великую благодать и премудрость. «Никакой из добродетелей, – пишет авва Евагрий, – не свойственно так рождать мудрость, как кротости». И это воистину так. Отец Филарет, будучи почти неграмотным (он закончил три класса начальной школы), стяжал через свою евангельскую, подражающую Христу, добродетель кротости такую мудрость, что, по утверждению многих, знавших старца, казалось, будто его устами говорит Святой Дух, а не он сам. Он говорил просто, без прикрас, но мудро. Впрочем, именно эту от Бога привитую мудрость и Богом данную благодать явили многие святые, известные из истории нашей Церкви. Это был плод великой кротости, присущей, например, пророкам Моисею, Давиду или авве Вину, о котором епископ Палладий Еленопольский повествует, что тот своею кротостью укрощал диких зверей: «Видели мы в Фиваиде Египетской, – пишет он, – старца, который своею кротостию превосходил всех людей, – авву Вина. Братия, жившие с ним, уверяли, что он никогда не божился, не лгал, ни на кого не гневался и никогда никого не оскорбил даже словом. Жизнь его была самая тихая; он был нрава кроткого и ангельского свойства. Велико было и смирение его, и самоуничижение. Долго мы упрашивали его сказать нам что-нибудь в назидание, – и он едва согласился предложить несколько слов о кротости.

Когда в одно время бегемот производил в соседней стране опустошение, этот святой, быв упрощен земледельцами, стал у реки и, увидевши зверя огромной величины, кротким голосом сказал ему: „Именем Иисуса Христа повелеваю тебе не опустошать более этой страны». Зверь, как будто прогнанный ангелом, совсем скрылся. Точно так в другой раз прогнал он и крокодила».

Один человек рассказал старцу Филарету видение, о котором прочел в житии одного святого, а именно, что ангелы по окончании Божественной литургии берут просфоры и возносят их к престолу Божию. Однажды, когда служба уже закончилась во всех церквах, святые ангелы ждали, когда завершится и литургия в храме Всесвятого Гроба Господня, чтобы продолжить возношение просфор, следуя за теми ангелами. Итак, с того времени старец, будучи простодушным ревнителем, захотел, чтобы у него Божественная литургия заканчивалась раньше, чем в остальных монастырях Афона, и ни в коем случае не позже. Таково было его простодушие. Поэтому отец Филарет оставил после утрени лишь немного времени для отдыха, чтобы затем можно было раньше начать Божественную литургию. В этом перерыве он никогда не ложился, не желая, чтобы его сморил сон, но беспокоился, как бы не задержать возношения своих просфор к престолу Божию. При этом отец Филарет почти всегда сам раньше времени бил в колокол, созывающий на службу, и стучал в дверь пономаря, чтобы тот подготовил храм, зажег лампы и т. д.

Этот порядок смущал отцов и особенно пономаря, отвечавшего и за колокольный звон. Однако все прощали игумену эту благочестивую слабость.

Однажды на всенощной пономарь отец Геннадий спросил отца Филарета:

– Старче, сколько часов у нас составляет перерыв между утреней и Божественной литургией?

Ответ был: «Два часа», – но пономарь на этот раз не выдержал, поскольку был уверен, что старец, ударив, по своему обыкновению, в колокол, все равно разбудит всех раньше. Он пошел и запер дверь храма.

Все удалились отдыхать в свои келлии. Не спал только старец. Каждые пять минут он смотрел на часы. Наконец, как только прошел час после полуночи, он идет и ударяет в колокол, затем стучит в дверь комнаты пономаря и тихо-тихо, робким голосом зовет того, прося проснуться. (Отец Филарет избегал раздражать его, поскольку этот монах был вспыльчив. К тому же игумен не хотел, чтобы братия получила повод осуждать монаха, поскольку в этом случае его самого, как не проявившего достаточного такта, мучили бы угрызения совести.)

– Отец Геннадий, а отец Геннадий!

– Благослови! Кто там, что случилось? – отвечал тот сквозь сон.

– Это я, старец. Вставай, пора тебе спускаться, чтобы зажечь свечи.

– Хорошо, хорошо, иду, – отвечал тот, но продолжал спать!

Тогда старец Филарет спускается, идет к дверям храма, достает какой-то ключ и пытается открыть их. Тщетно, двери не открываются. Он снова поднимается вверх по лестнице и опять стучит в дверь отца Геннадия, однако безрезультатно. Старец ждет около храма, но кругом тишина и никакого ответа. Тем временем его искреннее и простодушное сердце начинает волноваться. Он беспокоится, не запоздает ли с литургией и что будет с его просфорами, которые должны унести ангелы? Он снова пытается открыть двери храма. Бесполезно.

Наконец выходит отец Нифонт, один из самых старых насельников монастыря, почтенный подвижник, ровесник отца Филарета.

– Отец Нифонт, не мог бы ты открыть мне двери? – спросил старец умоляюще, как маленький мальчик, просящий о величайшем благодеении.

Отец Нифонт, любивший и уважавший старца, ответил ему искренне и благодушно:

– Хорошо, старче, в котором же часу ты ударил в колокол?

Старец принялся простодушно оправдываться и наконец сказал:

– А этот благословенный отец Геннадий запер меня снаружи.

Тогда отец Нифонт совершенно серьезно, однако веселым тоном, отвечал ему:

– И хорошо сделал, потому что ты всякий раз так поступаешь с нами.

Итак, старец, съездившись, сел у церкви, хотя стояла ледяная зимняя ночь, и погрузился в безмолвную молитву, пока наконец не пришел раздраженный отец Геннадий и не принялся пенять ему. Отец Филарет, сознавая, что поступал несправедливо и часто нарушал данное им самим слово, смиренно склонил голову и произнес: «Хорошо, хорошо, пусть будет так». С кротостью, которая могла заставить дрогнуть и более каменное сердце, он положил поклон (!) перед своим послушником, чтобы иметь возможность отслужить литургию.

«Благослови» и «да будет благословенно» – слова, которые с трудом даются некоторым монахам, – были для отца Филарета чем-то естественным и легким. «Благослови» оставалось для подвижника, хотя он и избегал, насколько мог, прегрешений, «знаком запечатленным» не только в годы ученичества, но и в бытность его игуменом. Старец говорил это слово и монахам с добрыми наклонностями, чтобы легче побудить их к признанию своих ошибок, и монахам с дурными качествами, чтобы смягчить их своим собственным терпением и кротостью. *«Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим»³⁵²* – это речение Господа направляло каждое слово, помысел и действие старца.

Он всегда одерживал победу своей миролюбивой манерой обращения. У монаха Геннадия, о котором шла речь, был очень тяжелый и трудноуправляемый характер, но, благодаря доброте и возвышенному смирению старца, со временем он стал послушным, словно ягненок. Кротость, читаем мы в патериках, укрощает диких животных, и тем более она в состоянии укротить свирепых людей.

Был и другой монах, еще более непокорный, чем отец Геннадий. Думается, что читатель не будет возражать, если мы расскажем о его недостойном и дерзком поведении. Ведь известно, что и в монашеской среде бывают колючки, подобно

тому как они неожиданно вырастают в саду. К тому же это сделает более явной добродетель старца Филарета.

Этот жалкий и наглый монах одно время выполнял обязанности пономаря. Он то и дело перечил игумену и старшим братиям.

Однажды в церкви старец сказал ему:

– Дитя мое, поправь свечу перед иконой святого Стефана, а то она станет негодной.

Тот посмотрел на него дерзким взглядом, но остался сидеть в своей стасидии, как будто приклеенный. Однако через некоторое время он, желая избежать новых просьб со стороны старца, встал и прошел в алтарь.

Старец пожалел свечу, встал со своей стасидии и взялся за дело сам. Он очистил фитиль и снова поставил свечу на место. В этот самый момент тот ученик, о котором идет речь, вышел из алтаря и гневно сказал ему:

– С чего это ты вмешиваешься в чужую работу? Игумен ты или мучитель?

– Но, дитяtko, иначе-то свеча пропадет, – сказал ему старец и затем, по-человечески огорчившись, склонил тихо-тихо голову и вернулся в свою стасидию, шепотом огорченно оправдываясь:

– А потом еще говорит, что мы с ним монахи.

Сразу после вечерни ударили в маленький колокол, созывающий к трапезе. Мимо игумена прошел один его послушник и позвал его: «Старче, пойдем на трапезу», – но старец остался неподвижно сидеть на своем месте, опустив голову. Проходит другой, говорит ему то же самое, но старец не двигается. Тот подходит ближе и видит, что старец почти без чувств: его разбил односторонний паралич. Отцы подняли игумена, отнесли в больницу, оказали первую помощь. Потом отец Филарет достаточно оправился и продолжал выполнять свои обязанности.

Сатана, затеявая великую брань против учеников, прежде всего ищет, как бы расстроить согласие в отношениях между ними и старцем.

«Не ужасайся и не дивись, – говорит нам величайшая слава Синая, святой Иоанн Лествичник, – когда скажу тебе (ибо

Моисей мне в том свидетель³⁵³), что лучше согрешить перед Богом, нежели перед духовным отцом своим; потому что если мы прогневали Бога, то наставник наш может Его с нами примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал».

Апостольское слово: *«Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас»*³⁵⁴ нашло свое воплощение в старце. Мирный, безмолвный, в своем обращении он уподоблялся тихой гавани, лишенной малейшей бури, малейшего волнения. Ни разу он не возроптал. Старцу было свойственно неистощимое обилие терпения и самообладания. На монастырских соборах, где участвовали и другие старцы, он сидел и смиренно слушал.

– Старче, – спрашивали его, – скажи, что ты думаешь по этому вопросу?

– Что вам сказать, отцы? Пусть будет так, как вы говорите.

В других случаях он брал слово ближе к концу собора:

– Скажу, пожалуй, и я, отцы и братия...

«Хотя ясти, человеце, тело Владычне, первее примирился ты опечалившим, таже дерзая, таинственное брашно яждь...» – таков был жизненный принцип прекрасного игумена отца Филарета. Душа его не могла быть спокойной, пока оставались разногласия между ним и каким-либо братом. Как-то раз он прервал проскомидию перед Божественной литургией и сказал монаху Филарету: «Пойди, дитя мое, и скажи отцу Паисию (тот был его послушником), чтобы он пришел и мы могли покаяться друг перед другом. Я поссорился с ним и не могу продолжать службу».

Как только появился отец Паисий, они со старцем одновременно упали на колени, прося прощения друг у друга. Старец мог покаяться и перед молодым послушником, если чувствовал, что в чем-то задел его. Таково было по-детски чистое сердце отца Филарета.

Святой Исаак Сирин привлекал его своими словами о кротости и мире: «Если любишь кротость, пребывай в мире. И если сподобишься мира, то во всякое время будешь радоваться. Взыщи разума, а не золота; оденься в смирение, а

не в виссон; стяжи мир, а не царство... Немирный – не смиренномудр; и мирен – только радующийся. На всех путях, какими ходят люди в мире, не обретают они мира, пока не приблизятся к надежде на Бога».

Простота и незлобие

Было бы большим упущением, если бы в этом общем очерке о благословенном старце отсутствовала глава о его простоте, которая вошла в поговорку у тех, кто его знал. Он был вторым Павлом Препростым, нелукавым, бесхитростным.

В то время ходили банкноты в десять и в сто драхм, но их размеры были обратно пропорциональны стоимости: банкнота в десять драхм была больше, чем сто. Бескорыстный и нестяжательный, простодушный отец Филарет, редко пользовавшийся деньгами, считал, что банкнота в десять драхм, поскольку ее размер больше, ценится дороже, чем в сто драхм. Итак, однажды к нему пришел отец Ф., его послушник, и попросил благословения, чтобы отправиться в Карею залечить зуб. Старец клал все деньги, которые его духовные чада, жившие в миру, присылали ему в качестве милостыни или жертвы на сорокоуст, в свой молитвенник. Там они и хранились, пока он не отдавал их эконому.

«Отец Филарет достает молитвенник и дает мне сто драхм, – рассказывает отец Ф. – Затем он подумал немного и говорит мне: „Лучше возьми это, может быть, тебе не хватит денег“. И, взяв обратно сотню, протягивает мне... десять драхм! Какая простота, бесстрастие, нестяжание!».

За три года до смерти игумена братия убеждали его отправиться в Фессалоники, чтобы прооперировать грыжу, от которой он страдал уже много лет. В конце концов старец согласился после многих настоятельных просьб. Перед отъездом он отслужил молебен святому Стефану, приложился к его деснице, принес покаяние всем братьям монастыря и уехал. Старцу было пятьдесят лет, когда он снова оказался в миру! Все казалось ему странным. Когда отец Филарет увидел на улицах машины, он сказал сопровождавшим его: «Отцы, а я и не знал, что существуют повозки, передвигающиеся без лошадей». Он помнил лишь старые повозки, в которые запрягали животных.

Когда старец впервые ступил на порог больницы и увидел медицинских братьев, одетых в белое, он восславил Господа.

«Господь послал ангелов, чтобы они помогли мне», – сказал он и, смутившись, спрятал голову под простыню.

Кроме того, на Афоне он успел позабыть о том, что такое женщины, и относился к ним так, как если бы это были святая Мария или святая Варвара.

В монастыре Констамонит жил и другой монах, которому не было равных в простодушии, – отец Агапий, бывший пастух, пасший стада овец и коз. Сам отец Филарет рассказывал следующий забавный эпизод из его жизни:

«Когда отец Агапий был послушником на метохе Трипотам, однажды эконоом сказал ему:

– Апостолис (таково было его мирское имя), приготовь к обеду немного вареных яиц, но чтобы они были мягкими (он хотел сказать: всмятку).

– Хорошо, старче, – ответил Апостолис и побежал выполнять поручение.

Спустя довольно продолжительное время Апостолис вынимает одно яйцо, ощупывает его с одной стороны, с другой и кладет обратно. Через некоторое время он возвращается, вынимает другое яйцо и проверяет его. Никакого результата. То же самое он делает и в третий раз, и с удивлением обнаруживает, что яйца за все время варки так и не сделались мягкими! Он зовет эконома, старца Германа, и жалуется ему:

– Старец, эти яйца, которые ты благословил, никак не сварятся! Я варю их уже столько времени, а они не становятся мягкими.

Тогда старец Герман, которого разбирал смех, говорит ему:

– Оставь их, Апостолис, еще немного повариться, и они размягчатся.

И тот серьезно ответил:

– Хорошо, старче, благослови».

Глава V. «Оправданий Твоих не забудь»³⁵⁵. Прозорливый духовник

Преподобный Исаия Нитрийский говорит: «Рассуждения достигнуть невозможно тебе, если в возделание его не употребить сначала безмолвия».

Безмолвническая жизнь старца, насколько она была возможна в общежительном монастыре, а также молитва и очищение сердца даровали ему «умный свет и рассуждение вещей божественных».

Все монахи и миряне, которые исповедовались у отца Филарета, были покорены не только его безмерной любовью, но и просвещенным рассуждением духовного отца.

Константин Констандопулос на протяжении двенадцати лет (1951–1963) был административным управляющим Афона. Он старался часто посещать монастырь Констамонит и исповедоваться отцу Филарету. Когда его спросили, почему он так поступает, он ответил:

– Я глубочайше чту игумена. Я удивляюсь его рассудительности, мудрости, знанию безграничного множества святоотеческих речений, хотя он почти что неграмотен.

Слава отца Филарета как духовника распространилась повсюду. Даже из Австралии он получал письма с покаянными хартиями.

Старец сопереживал кающимся и почти всегда орошал епитрахиль прощения и сострадания своими слезами, соединяя разрешительную молитву с умилением, которое исходило от преизбыточествующей благодати.

Однажды иеродиакон одного монастыря, расположенного за пределами Афона, пришел на исповедь к старцу.

«Когда я начал каяться, – рассказывает он, – старец заплакал. Вместе с ним был потрясен и я. Впервые я испытал такое сокрушение. Затем старец сказал мне: „Оставайся на Святой Горе, дитя мое, не возвращайся в мир с его искушениями. Кроме того, твое материальное положение не

очень прекрасно. У тебя в кармане всего тридцать пять тысяч драхм». (У меня было именно столько, сколько он сказал!)».

В конце концов иеродиакон остался на Афоне и был пострижен в великую схиму.

Другому мирянину старец дал совет, как противостоять определенным искушениям, ждущим его в будущем. И действительно, он предугадал все трудности этого христианина. После кончины отца Филарета тот попросил у монастыря частичку мощей усопшего старца.

Когда отец Филарет был на лечении в больнице Фессалоник, благочестивые миряне образовали очередь, стремясь получить благословение и совет этого простодушнейшего человека Божия. Сколь многих людей он успокоил, словно гавань для мореплавателей жизни, сколько душ умиротворил он, будучи миротворцем и нареченным сыном Божиим³⁵⁶, скольким мужам и женам помог против брани и искушений диавола! Можно вспомнить истинное слово святого старца Серафима Саровского, которое воплотилось на мирном отце Филарете: «Стяжи мир Божий, и тысячи душ спасутся вокруг тебя».

В 1948 году старец своей молитвой и советом спас сына одного жителя Иерисоса от опасностей партизанской войны.

Стоит привести здесь и некоторые из святоотеческих наставлений, которые он постоянно приводил своим духовным чадам:

«Будем внимательны, чтобы не оставлять в запустении ниву наших душ. Если она запустеет, то потом трудно будет ее очистить и благоукрасить».

«Стремитесь к праведности и освящению, без которых никто не узрит Господа»³⁵⁷.

«В неразумное сердце Бог не войдет, а если и войдет, то скоро уйдет».

«Ум, удалившийся от созерцания Бога, становится или бесовским, или скотским».

Рядом с монастырем Констамонит расположена Зографская обитель, которую населяют православные болгарские монахи.

Болгарские монахи глубоко уважали отца Филарета. Они приходили к нему на исповедь, а также ради духовных наставлений. Старец же всегда принимал их с великой сердечностью, словно ласковый отец или любящий брат.

«Когда я был еще молодым монахом, – рассказывает отец П., – мне пришлось выйти в мир. „Не бойся, – сказал мне старец, – я буду молиться за тебя». Во время моего пребывания в миру я подвергался страшным нападениям. Целых тринадцать дней меня преследовали *раскаленные стрелы лукавого*³⁵⁸ от одной привлекательной женщины, которая предлагала мне согрешить. Но со мной произошло нечто поразительное. Как будто это был вовсе и не я. Я был бесчувствен, как скала! Молитвы отца Филарета имели такую силу, что меня абсолютно не задевали нападки этой женщины...».

В ушах доброго кормчего душ звучали слова святого Иоанна Лествичника: «Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещай о них находящимся с тобою на корабле. Если не так, то ты будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полной доверенностью возложили на тебя управление оного».

Милостивый отец Филарет

Приведем и несколько случаев, где проявились деятельная любовь, человеколюбие, милосердие и сострадание старца.

Константин Адамис из Фессалоник, инженер Управления связи Греции, работавший на Афоне, говорил: «Каждый раз, когда я приходил в монастырь, будь то через полгода или через год, он звал меня в игуменскую и давал мне денег. Он клал их мне в карман и не хотел, чтобы я кому-нибудь рассказывал об этом».

Старец раздавал все, что ему принадлежало и не принадлежало. Он был *доброхотным дателем*³⁵⁹. Отец Филарет всегда носил старый клобук, поскольку отдавал другим отцам все новое, что у него было.

Работники могли немало рассказать о его милостивом сердце. Костас Коракис из Уранополиса, проработавший многие годы в монастыре, никогда не забывал искренней доброты старца. Он вспоминал с признательностью: «Отец Филарет был святым человеком. Таких трудно сыскать. Я был погонщиком, рубил деревья в лесу монастыря и перевозил их на корабельную верфь. Однажды, помнится, я очень устал от работы и в трапезной быстро уничтожил кушанье, поскольку сильно проголодался. Старец посмотрел на меня взглядом, полным любви. Он встает один, в то время как другие отцы ели, а чтец читал, и, поняв, что я не наелся, несет мне собственную порцию...».

*Блаженнее давать, не же ли принимать*³⁶⁰. Отдавать, расточать любовь всем – монахам, рабочим, паломникам – это было для него собственной радостью и блаженством.

Отец Пахомий, который в итоге оставался гостиником в течение двадцати лет подряд, после первых пяти лет устал и попросил отца Филарета освободить его от этого послушания. Однако старец ответил ему:

– Дитя мое, если ты потерпишь, будешь принимать у себя ангелов.

При этом игумен рассказал случай из своей собственной жизни, который оставался неизвестным для большинства.

В течение какого-то времени отец Филарет был гостиником. Итак, он как-то раз готовил трапезу. Все двери были закрыты. Вдруг монах видит, как некий прекрасный юноша входит и говорит ему:

– Благословите. Я очень проголодался.

Изумленный отец Филарет машинально ответил со всем присущим ему странноприимной вежливостью и приветливостью:

– Пожалуйста, садитесь. Как вас зовут?

– Михаил, – ответил юноша.

И он еще не успел как следует угостить его, как тот исчез!.. Тогда отец Филарет убедился, что это был ангел Господень. С особым волнением он вспоминал странноприимство Авраама, и его потрясало братолюбие патриарха, который принимал Саму Святую Троицу в образе Трех Ангелов.

Любовь старца не ограничивалась только людьми, но простиралась и дальше, распространяясь на бессловесных животных. Можно отметить, что такое расположение к неразумной природе является отличительной чертой благодатной жизни святых, достигших созерцания. Однажды около келлии старца раздался сильный шум. Две ласточки начали жестоко биться друг с другом. Старец взволновался. Он вышел на улицу и увидел ужасное зрелище. Более сильная ласточка клевала другую и вырвала у нее много перьев. Не теряя времени, он прогнал ее, нежно взял в руки и спас побитую. Он ухаживал за ласточкой, и в результате она выжила.

Подобно тому как лев из жития святого Герасима Иорданского повсюду сопровождал святого, показывая свою благодарность и преданность, так поступала и эта ласточка. Она летала рядом со старцем, трепетала крыльями, играла, щебетала. Однажды отец Филарет вышел на некоторое расстояние за пределы монастыря, то ли затем, чтобы прославить Бога в делах Его³⁶¹ – в афонской природе с ее редкими красотами, – то ли чтобы помолиться в уединении. Ласточка полетела рядом с ним как верный друг и спутник.

Монах лег на земле недалеко от монастыря и, сам того не заметив, уснул. Но вдруг ласточка начала напряженно летать над головой уснувшего старца, щебеча, как будто хотела разбудить его и предупредить о какой-то опасности. И действительно, что же увидел старец, когда проснулся? Немного подальше лежала большая змея... Так спутница милосердного старца оказала ему свою собственную милость.

«Христианские кончины жизни нашего...»

Первый удар по здоровью отца Филарета был нанесен в тот день, когда он столкнулся с возмутительным поведением упрямого монаха. Через три месяца он выздоровел. Однако здоровье старца навсегда осталось подорванным, хотя до этого он никогда не болел, даже не знал, что такое головная боль. Второй удар произошел через три года. Игумен слег от одностороннего паралича. Отцы позвали двух врачей, чтобы те осмотрели его. «Если через три дня он не придет в себя, наступит конец», – сказали врачи.

Так и случилось. 22 января 1963 года почитаемый, всеми любимый и дорогой старец отец Филарет предал свою чистую душу в руки любимого им Господа и Спасителя нашего. Он пал, защищая духовную твердыню пастырства, любви, терпения и подвижничества. *Праведных же души в руке Божией, и не прикоснется их мука*³⁶². «Верующий в Меня, если и умрет, оживет»³⁶³, – говорит Господь, Который пришел на землю, чтобы упразднить чрез Свое Воскресение *державу смерти*³⁶⁴, сокрушить ее силу, уничтожить страх перед нею. Души деятельно возлюбивших добродетель в руке Божией.

В ночь блаженной кончины старца его мать, уже давно умершая, явилась во сне своей невестке и сказала: «Пятьдесят один год я ждала, пока он придет, и вот сегодня, в полночь, вы послали его ко мне». Надобно заметить, что старец никогда не покидал Святой Горы, кроме того случая, когда ему пришлось сделать это из-за болезни, уступив просьбам и проявив послушание.

Достопочтенный отец Гавриил, бывший в то время игуменом монастыря Дионисиат, рассказывает, что его не предупредили своевременно о времени погребения старца. Когда он посетил монастырь, то преклонил колена на его могиле, пропел «Трисвятое» и набрал в чистый платочек немного земли, чтобы хранить ее как святыню.

Не только духовные чада отца Филарета, но и молодые братия святой обители Констамонит продолжают совершать

свое подвижническое афонское житие с помощью святых молитв и заступничества пред Богом приснопамятного старца. Они с благоговением и почтением относятся к его пресветлому лику.

Выражением этого почтения является и следующая стихотворная похвала монаха Марка, посвященная блаженному старцу:

Недостаток роста твоего
Восполнялся возвышающим смирением.
Простота ума твоего
Обогащалась благими помыслами.
Звук негромкий беседы твоей
Украсался ревностными молитвами.
Безыскусность дел твоих
Усовершенствовалась братолюбивым устремлением.
Сверх того, любовь твоя ко Христу
И сияющая чистота сердца твоего,
Сочетаясь с адамантовым характером твоим,
Гармонично составляют облик твой,
Уподобившийся детям³⁶⁵, старче Филарете.

Сегодня, много лет спустя после перенесения мощей старца, некоторые его кости, хранимые одним из его духовных чад, по цвету напоминают янтарь и источают тонкое, небесное благоухание. На лобовой кости главы отца Филарета виден крест, печать добродетельной жизни и его богоугодного подвижничества.

Может быть, просветленный ум отца Филарета в последние мгновения его земного жития следовал за стихами 17-й кафизмы, которую читают в каждом монастыре на полунощнице? Ведь в них заключен замечательный смысл: умиление, освящение, любовь и божественное рачение ради свидений и оправданий Господних, словеса, что слаще меда и многочисленнее золота³⁶⁶.

Отцы читали третью статью этой кафизмы среди монастырского безмолвия кафоликона. Нетрудно предположить, что именно эти стихи мог повторять старец в последние мгновенья: *«Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя*

Твое... Истаяла мя есть ревность Твоя; яко забыта словеса Твоя врази мои. Разжжено слово Твое зело, и раб Твой возлюбил е. Юнейший аз есмь и уничижен, оправданий Твоих не забых»³⁶⁷.

На этих словах отец Филарет, который постоянно помнил оправдания Господни, предал дух свой в руки Божии.

Современные люди думают, что становятся счастливее, когда борются за права человека. Отец же Филарет, вопреки мирскому образу мыслей, стал блаженным, смилив свое «я», победив самолюбие – причину самых страшных зол. Он старался никогда не забывать оправданий Божиих. Да, он действительно мог повторять: «*Оправданий Твоих, Господи, не забых*³⁶⁸».

Часть 10. Отец Герасим Менайас

В предыдущей части книги «Образы современных святогорцев» мы представили жизнеописание отца Филарета из монастыря Констамонит, этого *нищего духом*³⁶⁹, воистину блаженного, смиренного и кроткого старца. Сейчас мы приблизимся к другому образу афонского монашества, оставшегося в памяти отцов Святой Горы, как говорится, прекрасным во всех отношениях и явившего монашеское житие в особых его дарах. Это образ монаха Герасима Менайаса, химика, который поправил славу сего мира и делом научил, что в нем *все – суета, суета сует*³⁷⁰. Этот человек победил плоть с ее сладострастием, презрел служение деньгам, презрел сребролюбие, это начало всякого зла³⁷¹, и жил в нестяжании и полном самоотвержении, ставшем примером и для других. Потрясающее обращение которого к Богу привело к тому, что он обменял афинские дворцы на пещеры и «козью» лачугу пустыни.

Отец Герасим был образованным монахом, соединившим мирскую мудрость с добродетелью. Университетское образование – как и любой природный талант – становится положительным или отрицательным фактором для развития нашей души, смотря по тому, как мы используем его.

Сегодня православное монашество, похвала нашей Церкви, расцветает на Святой Горе и вне ее множеством молодых монахов, ученых всех наук. Это благословение Всесвятой Владычицы нашей Богородицы, а также некая надежда, которая *не постыжает*³⁷², когда опыт отдельной личности основывается на предании святых и богоносных отцов наших, как это произошло с отцом Герасимом Менайасом.

Сведения для составления этой краткой его биографии нам предоставили бывший игумен монастыря святого Павла архимандрит Андрей (ученик приснопамятного старца Герасима, подвизавшийся вместе с ним), приснопамятный игумен монастыря Великой Лавры архимандрит Афанасий, игумен монастыря святого Павла архимандрит Парфений и другие отцы

этого монастыря, пустынник старец Дамаскин из скита святого Василия и отец Варфоломей из скита святой Анны, старец почти ста пяти лет, который жил вместе с отцом Герасимом. Старец Феодосий из монастыря святого Павла передал нам часть переписки отца Герасима.

Полезные и точные биографические сведения мы почерпнули также из книги архимандрита Илии Мاستройаннопулоса «Святые образы современной Греции».

Всем им мы приносим благодарность.

Святой образ старца Герасима, кроме всего прочего, дает нам возможность увидеть, как диавол использует ложную науку, которую изучал отец Герасим в Европе, чтобы пытаться доказать с ее помощью животное происхождение человека, этого божественного образа, обогащенного надмирной духовной красотой. К сожалению, такое положение сохраняется вплоть до наших лукавых дней. Биография отца Герасима Менайаса – это голос, свидетельствующий против безбожия и материализма. Она дает пример героического самоотвержения и, прежде всего, образец истинного и действенного покаяния.

Архимандрит Иоанникий

Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. 1Кор.3:18

Глава I. От рождения к возрождению. «Мое личное сокровище»

Я больше не желаю сокровищ земли. Ты есть и будешь моим личным сокровищем в этой жизни и в вечности. Тебе я посвящаю, Христе мой, всё мое сердце и всю мою волю. Раньше она была непокорна, а сейчас я всю ее целиком посвящаю Тебе.

Дай понять мне, чего Ты ждешь от меня. Я готов выполнить это Твоею благодатью. Устрой по Своей воле всё то, что касается меня. Я заранее готов с полным самоотречением принять все, что пошлет мне Благодать Твоя. Боже мой, величайшая любовь моя! Ты настолько возлюбил меня, что умер ради меня. Я люблю Тебя всем своим сердцем. Я люблю Тебя больше, нежели самого себя, и влагаю свою душу в руки Твои. Отныне я отрекаюсь от всякого пристрастия и любви к миру. Я оставляю дело свое и передаю самого себя Тебе. Создатель мой, ради святых Своих страстей прими меня и сохрани меня в вере вплоть до смерти моей. Отныне, Иисусе мой, хочу жить только для Тебя. Не хочу искать ничего другого, кроме воли Твоей. Помоги мне благодатью Твоею. И Ты, Пречистая Богородице, упование мое, молю, не откажи мне в предстательстве Твоем» – такой молитвой – жертвой и фимиамом, идущими от сердца, – этот человек запечатлел свое обращение к Богу. Это была молитва восставшего из мертвых блудного сына, который, жаждая жизни, взывает к отцу: *«Отче! я согрешил против неба и пред тобою... прими меня в число наемников твоих»*³⁷³.

Он действительно шел по следам блудного сына из евангельской притчи, растратив всю свою духовную жизнь на беспутство, пока не *настал великий голод в той стране*³⁷⁴. И страной этой была Европа, в которой он проучился много лет. Европа, лишенная духовной жизни и пресыщенная алчностью, растлением и *рожцами*³⁷⁵ лукавства.

Однажды он, впрочем, отрезвился и осознал свое горестное падение. «Сколько благ я, несчастный, лишился!

Какого Царствия я оказался чужд!» – раздался печальный стон из глубины его души. Он встал и отправился в обратный путь. Он упал в ноги Отцу и сказал: «Не хочу больше богатств земли... Отныне отрекаюсь от всех пристрастий и любви к миру. Оставляю свое дело и самого себя предаю Тебе». И этой молитвой он поразил три главные страсти: сребролюбие, сластолюбие и тщеславие, – предстателей всех зол, как называют их святые отцы, – от которых происходят и остальные пять: блуд, гнев, печаль, уныние и гордость.

Без сомнения, он еще в юности привык к горькому рабству у этих трех хозяек. Тем более ощутимым оно оказалось в Европе – в этой «стране», где всегда был и есть «духовный голод», в то время как ее обитатели, напротив, ненасытно поглощают материальные блага технологической цивилизации. Но вот явилась Истина, и благодать воссияла и для этого многострадального и измученного существа. Сердце, некогда непокорное и буйствовавшее в опьянении беспутства, теперь подчиняется узде просвещенного владычественного ума.

«Ты есть и будешь моим личным сокровищем», – вопиет он к Отцу. И этот крик означает конец прежней жизни и начало новой твари³⁷⁶ в его душе. Эта молитва может считаться первым обещанием, данным прежде великой «клятвы пострига». Молитва – первое соглашение между человеком и Богом, предшествующее важнейшему договору, то есть ангельскому образу. Такова молитва Спиридона Менайаса, позже ставшего монахом Герасимом.

Рождение и воспитание

Отец Герасим, в миру Спиридон Менайас, родился в 1881 году на Керкире. Его семья была одной из самых богатых и знатных на острове. Отец, Панагис Менайас, занимался торговлей хлебом в Румынии. Еще когда Спиридон был маленьким, они переселились с Керкиры, острова святого Спиридона, на Кефалонию, остров святого Герасима. Скоро семья покинула Кефалонию и поселилась в Афинах. Там Спиридон получил среднее образование вместе со своим братом Герасимом и сестрой Кали. В гимназии одним из его учителей был известный новогреческий писатель Александр Мораитидис.

Двух Александров – Мораитидиса и гордость новогреческой литературы Пападиамандиса – называли «близнецами» или «двойной звездой Скиатоса». Оба они были журналистами, собирали фольклор, вдохновляясь от бессмертного духа Византии, греческой православной традиции, в которой заключены сущность и сердце греческого народа, как бы ни пытались некоторые предать это забвению.

Так, Мораитидис пишет: «В детстве мы (он и Пападиамандис) частенько сопровождали отца Пападиамандиса, священника, когда тот шел служить в отдаленные часовни. О, как прекрасны были эти годы! Мы шли долгими дорогами, нас освещала луна, и мы все вместе бодро напевали: „Всякое дыхание да хвалит Господа!“».

Этот истинный грек и православный христианин, который отличался искренностью, мягкостью, тонкостью в обращении и любезностью, этот «чемпион» духа был учителем Спиридона Менайаса. И, несомненно, еще в свои школьные годы последний воспринял от учителя некие семена, послужившие к его дальнейшему развитию. Для юноши было настоящим счастьем, что он нашел – словно бы с помощью диогенова фонаря – учителя, который, стал для него второй матерью, породил ученика от своей «крови» и своего духа, как собственного ребенка. Действительно, если литература

благоговейно относится к предмету своего исследования, к человеку, этому «слову» и божественному образу, – только тогда она достойна своей миссии, будучи достойным наставником юношества, общества и всего человечества. Если литература служит духу и помогает человеку – созданию, наделенному словом, – тогда это поистине искусство слова.

Такие начатки православного воспитания получил в свои школьные годы Спиридон. Но стоило ему уехать учиться в Европу, как они были растоптаны безбожными идеями материалистов XIX века.

Последователь материализма

Окончив школу, Спиридон уехал в Цюрих, чтобы изучать там химию. Он был талантлив, его мечты и пыл юности еще больше увеличивали жажду знаний. Шесть лет учебы, шесть лет в Европе, шесть лет светской жизни, благополучной и расточительной. Студент Спиридон Менайас, богатый афинский юноша, живет в свое удовольствие, танцует, развлекается, проматывает деньги с другими студентами. Его девиз: *«Душа, много добра лежит у тебя... ешь, пей, веселись»*³⁷⁷. Он – не просто сторонник материального начала в жизни, но и поборник идей теоретического материализма. Он читает Геккеля, зачитывается каждым произведением, где провозглашаются его идеи. «Евангелием» юноши становится любое материалистическое сочинение со всеми своими заблуждениями и обманами.

В то время волна безбожия затопила всю Европу, и университеты упорно боролись за утверждение идей материализма и дарвинизма. «Когда я был студентом, – позже будет рассказывать отец Герасим афонским монахам, – нас заставляли писать, что человек произошел от обезьяны. Если мы этого не делали, нас не переводили на следующий курс!» – «Отец Герасим, неужели таким вещам учат в университете? – воскликнул тогда один наивный монах. – Да разве такое видано, чтобы на кипарисе созревали орехи или чтобы сосна выросла из миндаля? Одно – это одно, другое – другое. И почему же сейчас обезьяны не становятся людьми?».

Такова была «научная» атмосфера в Цюрихе, когда там учился Спиридон. С опозданием – как всегда – эти материалистические учения добрались и до нашей родины, и их отголоски слышны в наших школах и во многих современных книгах. Поэтому стоит рассмотреть их псевдонаучные и гнилые построения.

Двое западных ученых прошлого века, Дарвин и Геккель, сформулировали известную теорию развития биологических видов от простейших живых организмов к более сложным.

Геккель, немецкий зоолог и материалист, – его Менайас застал еще при жизни – вместе со сторонниками своей теории эволюции утверждал, что мир возник в результате слепого случая, что человек произошел от животного, что все это случилось само по себе (так называемое самозарождение материи), а Бога Создателя не существует! *Рече безумен в сердце своем: несть Бог*³⁷⁸.

Чтобы доказать общее возникновение различных видов и, в первую очередь, происхождение человека от обезьяны, он изобрел так называемый «биогенетический закон суммирования» и не постеснялся в своих писаниях сфальсифицировать некоторые фотографические снимки эмбрионов. Это бесчестное деяние Геккеля разоблачили профессора анатомии и зоологии и заклеили как преступление против научной истины. В конце концов (в 1908 г.) обманщик сам вынужден был признаться в своем обмане.

Чтобы сообщить читателю современную точку зрения серьезной науки, расскажем о съезде в Музее естественной истории в Чикаго, состоявшемся в октябре 1980 года, в котором приняли участие 160 палеонтологов, анатомов, генетиков, биологов и других ученых, которые подтвердили, что «нигде не нашли промежуточных звеньев... Кажется, что разбился железный закон Дарвина, согласно которому каждый новый вид представляет собой продолжение предшествовавшего... Теперь подтверждается предположение, что с выбросом квантовой энергии, то есть благодаря чуду, из тьмы появилось что-то прекрасное и завершенное... человек... чуждое (то есть чудесное) существо, которое с надеждой смотрит на будущее нашей планеты!».

*«Уведите, яко Господь Той есть Бог наш: Той сотвори нас, а не мы, мы же людем Его и овцы пажити Его»*³⁷⁹, – слышится согласный и бессмертный пророческий глас царя Давида.

На собрании Британского общества поддержки развития науки (август 1980 г.) профессор Ж. Пюран заявил, что «дарвиновская теория развития превратилась в современную сказку, которая, однако, вредит науке и общественной жизни».

Мы рады этому признанию. Ведь учения и выводы безбожных ученых, действительно, сразу отзываются на человеческих отношениях и формируют безбожие в общественной жизни.

Кто же, в конце концов, виновник такого положения дел? В чем нравственная причина, породившая этих безбожных ученых? Быть может, это западное протестантское богословие, отказавшееся от чуда и таинства? Или это протестантский рационализм, лежащий в основе важных антропологических изысканий, – рационализм, который не признает человека божественным образом, способным, согласно учению и опыту святых и богоносных отцов нашего Православия, стать причастником славы Божией?

В сетях спиритизма

Из хаоса безбожия молодой студент Менайас, натура активная и беспокойная, попал в сети спиритизма. Из одной крайности – в другую, от материализма – к спиритизму. Спиритизм является хорошо замаскированным бесовским ухищрением. Он представляется как общение с духами умерших, но эти последние на самом деле суть не что иное, как бесы, которые, как известно, способны преображаться и менять свой облик. Спиритизм равен бесовщине. В наше время тысячи людей оказываются жертвами этой бесовской игры. Лукавые демоны издеваются над ними, притворяясь различными людьми и в то же время делая своими послушными игрушками тех, кто вовлечен в эти диавольские затеи.

Менайас, будущий отец Герасим, не был одержим бесами, но увлекся спиритизмом, как и многие другие люди, в числе которых, по его собственному признанию, был и достопочтенный отец Феодосий из монастыря святого Павла, когда он еще жил в миру.

Поскольку со спиритизмом и родственной ему магией связано опасное неведение и множество заблуждений, мы предоставляем нашим читателям самим прочесть то, что пишет по этому поводу святой Никодим Святгорец, и расскажем одну из старых историй, в которой отчетливо проявляется бесовская хитрость.

«В Константинополе жил один благочестивый юноша, который служил секретарем у известного колдуна. Юноша не знал, что его господин занимается колдовством. Однажды после захода солнца волшебник, сев на лошадь, приказал секретарю сопровождать его. Они выехали за стены города и продолжали двигаться до тех пор, пока не достигли какой-то долины. Тем временем уже стемнело. Вдруг видят они огромный дворец. Тут колдун сошел с коня, и из дворца вышли люди, которые увели лошадь. Он вошел внутрь, и юноша последовал за ним в залу для приемов.

Там видят они важного владыку, сидящего на роскошном троне, а рядом – толпу телохранителей и слуг. Владыка этот приказал, чтобы принесли другой трон, на который он усадил колдуна. Юноша же встал позади трона своего господина. После этого хозяин дворца стал расспрашивать колдуна о его делах. Тот отвечал, что весьма благодарен за благодеяния, которые тот ему оказывает и тем самым прославляет его. Услышав это, юноша тогда только понял, что перед ним сатана со своими слугами-бесами и что его господин – колдун.

В конце разговора спрашивает сатана:

– А этот юноша, стоящий позади, кто он?

– Он также раб твой, – отвечал чародей.

Тогда тот сам спрашивает у юноши:

– Юноша, ты раб мой?

Благочестивый же юноша, осенив себя честным крестом, смело и отважно ответил:

– Я раб Отца и Сына и Святого Духа.

И вместе с этими словами исчезли и дворец, и троны, и сатана со своими прислужниками, и сам господин юноши (его же друзья, бесы, схватили его и уволокли, презренного, с собою в адское пламя). А юноша очутился один посреди долины».

Знакомство Менайаса с опытом спиритизма было попущено волей Божией, поскольку, как рассказывал позже старец, тогда только он осознал, что мир демонов реален, что диавол действительно существует. Это потрясло его и способствовало обращению его к Богу. Итак, некоторое время спустя после своего знакомства со спиритизмом, юноша приобрел свою первую книгу Священного Писания. В глубине своего сердца, покрытого пеплом отступничества, он почувствовал незаметно тлеющую искру веры. Но потребовались годы, прежде чем она разгорелась пламенем.

Да будет прославлен многомилостивый Господь, Который пожалел эту беспокойную и обремененную³⁸⁰ душу, очистил ее от сетей материализма и спиритизма, которые в равной мере являются измышлениями человеконенавистников-бесов.

К возрождению

Спиридон, человек, исполненный глубокого патриотизма, не мог оставаться спокойным, когда узнал о борьбе за Македонию³⁸¹ и о партизанах Павла Меласа. В 1905 году он покинул Цюрих и, хотя никто не поддержал его замысла, отправился в Фессалоники, чтобы вступить в партизанский отряд Павла Меласа добровольным борцом за свободу нашей многострадальной Македонии. Бегство юноши из Цюриха, равно как и его вступление в армию повстанцев, конечно же, не осталось в тайне. Его мать, обеспокоенная этим известием, приехала из Афин в Фессалоники. Она нашла сына в каком-то подвале, где его временно спрятал греческий консул Кондогурис.

После благополучного исхода борьбы за Македонию Спиридон возвращается в Цюрих и с отличием заканчивает университет. Он получает диплом химика и через несколько лет отправляется в Египет, где получает назначение на работу в инспекцию по контролю за состоянием воды. Немного спустя он отказывается от этой должности и возвращается в Афины, получив место в Министерстве продовольствия.

Он живет вместе с членами своей семьи на улице Стадиу и напряженно занимается исследованиями и изысканиями. Шел военный 1917 год. Следствием бедствий стала помимо всего прочего и нехватка бензина. Упорство и обширные научные познания Менайаса помогли ему после долгих поисков прийти к изобретению искусственного бензина, получаемого из других веществ. Но, поскольку его стоимость оказалась очень высокой, этот проект не удалось довести до завершения. Во время одного из экспериментов произошло возгорание, и исследователь получил столь сильные ожоги, что попал в больницу.

В 1919 году, в Афинах, на Спиридона произвела глубокое впечатление проповедь отца Дионисия Фаразулиса, обладавшая необыкновенной божественной силой. Его все больше влечет к Церкви. Душа же его, жаждущая, как горный

олень, припасть к богатейшим источникам³⁸², спешит открыть для себя исток Православия, Святую Гору. В 1920 году Спиридон впервые посещает Удел Пречистой Владычицы нашей Богородицы.

К сожалению, в то время многие из афонских монастырей были идиоритмийными. Слава Всеблатому Богу, что в последнее время большинство из них стало общежительными, так что там воцарилось блаженное послушание, совершается общая трапеза и забыто разделение на «мое» и «твое». Менайас, посетив большое число монастырей, отправляется в обратный путь слегка разочарованным, вынеся со Святой Горы не самое лучшее впечатление.

Однако в порту Дафни ему повстречался избранник Божий, алмаз пустыни, старец Авимелех, отшельник из Малого скита святой Анны. Спиридон много слышал об этом человеке, но до тех пор не был знаком с ним. Но вот, Господь предусмотрел, чтобы они встретились в Дафни. Отец Авимелех являл собою незабываемый образ старца: с опущенной долу головой, всегда углубленный в молитву. Он с особым интересом и любовью выслушал молодого паломника и после продолжительной духовной беседы посоветовал ему: «Дитя мое, тебе нужно удалиться в пустыню. Там живут незаметные отшельники и безмолвники, предавшиеся целиком молитве и безмолвию. Там ты почувствуешь, что такое добродетель...».

Эта встреча с почтенным старцем Авимелехом и разговор с ним были причиной, побудившей Менайаса принять окончательное решение: уйти в пустыню, а именно к величайшему трезвеннику Катунак, безмолвнику Каллинику (личности этого выдающегося подвижника посвящена третья часть этой книги).

Поклонение святым местам

Существуют два места на земле, которые по праву называются святыми.

Благодать Трисолнечного Божества, которая осеняет всякую тварь, одушевленную и неодушевленную, осватила и эти два места на нашей планете: Святую Землю и Святую Гору. Святая Земля освящена пришествием на землю Сына и Слова Божия, Святая же Гора – живым игуменством и предстательством Пречистой, Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, а также многочисленных в подвиге и славе просиявших святогорских отцов.

Итак, Спиридон Менайас, прежде чем вступить в ангельский чин святогорских монахов, планирует и осуществляет свою заветную мечту: совершить паломничество в Святую Землю, где ходил пречистыми стопами Господь, где совершилась *великая* вочеловечивания и *благочестия тайна*, где *Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя ангелам... вознесся во славе*³⁸³. Опыт паломничества в Святую Землю – это опыт подтверждения и укрепления веры и любви ко Господу. Можно сказать, это новое осиянное крещение в великой купели евангельских событий и божественного учения Спасителя нашего. После душеспасительного изучения Священного Писания юноша Спиридон жаждал и собственными глазами увидеть святые места, приблизиться и осязательно воспринять непостижимую тайну явления Господа на земле, стяжать освящающее видение святых мест – видение, которое запечатлевается не только в наших внешних очах, но пресуществляется и во внутреннее, мысленное, видение и созерцание.

Он поклонился Христу в святой пещере Его Рождества в Вифлееме, где увидел безмерную нищету *богатого милостью*³⁸⁴ предвечного Бога и, потрясенный от умиления, пропел тропарь Рождества: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови (и мне, помраченному) свет разума...».

Спиридон побывал в Назарете, месте уединения Господа нашего – Богочеловека. Он искупался в Иордане, в водах священной реки, где «Троическое явися поклонение». Душа его, как вторая самарянка у животворного источника Евангелия, поклонилась святому месту, где происходила описанная в Евангелии беседа.

Он увидел Тивериаду, Кану, Капернаум, гору Заповедей блаженства, Мертвое море. Он был в Вифании, в Гефсиманском саду – земном пределе богочеловеческих терзаний, около священного гроба Пречистой. Посетил и Горницу, где совершилось священное мытие ног учеников, Тайная вечеря, и где Господь дал ученикам Свой новый Завет. В часовне Распятия Спиридон почувствовал все величие Божественного смирения и Божественной любви: *«Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»*³⁸⁵. «Боже мой, не помяни грехов юности моей и неведения моего. Только помяни меня, когда приидеши во Царствии Твоем», – наверное, тихо произносил он, стоя на коленях, чувствуя себя разбойником, мытарем, погибшей овцой. И горячие слезы, сладчайшие, искупительные слезы орошали святое место...

Особое впечатление на Спиридона произвели твердыни Православия, монастыри Святой Земли: обитель святого Саввы, обитель святого Феодосия – устроителя общего жития, обитель святого Георгия Хозевита с бесчисленными пещерами подвижников и священными местами безмолвия, Сорокадневная гора. Эта гора и эта пустыня, напоминающие о подвиге, борении поста и бдения Богочеловека, первого Пустынника, заложили в душе молодого человека основание его будущей монашеской жизни.

После паломничества к святым местам в Спиридоне еще сильнее разгорелось желание последовать за Христом, стать причастником и общником Его страданий и воскресения. Непреодолимая сила направляла теперь стопы юноши к другому святому месту – Святой Горе.

Глава II. «Блаженная жизнь пустынных, окрыленных Божественной любовью». В пустыне Катунак

Приехав на Святую Гору во второй раз, Спиридон направился, как ему советовал старец Авимелех, к трезвенному безмолвнику с Катунак, старцу Каллинику, этому высоко парящему орлу умной молитвы и созерцания.

Старец Каллиник с радостью принял Спиридона, которому было тогда 39 лет. Калива пустынного находилась почти в центре среди двух пустынных калив, между двух скалистых склонов, образующих ущелье Канутак. Калива старца, бедная и скромная, была освящена в честь святого Герасима Кефалонийца. Умиление Спиридона, молившегося в скромной церквушке кефалонийского святого, грозного гонителя бесов, увеличивалось день ото дня. Оно достигло вершины, когда в благословенный день пострига старец Каллиник дал своему ученику имя святого Герасима.

Накануне пострига лукавые духи устроили общий сбор. Как отец Герасим рассказывал позже старцу Феодосию из монастыря святого Павла, они избили его так, что оставили почти без чувств. Освобождение Спиридона из сетей спиритизма и его решение стать монахом чрезвычайно увеличили зависть сатаны. С того момента темные силы не прекращали досаждать монаху в течение всей его жизни.

Однако отец Герасим быть терпелив. Он рассказывал об искушениях своему духовнику, и тот либо, как мудрый врач, давал ученику соответствующее лекарство, либо, как опытный воин, учил его искусству борьбы. Так монах избавлялся от всех вражеских козней.

Послушание, говорят на Святой Горе, творит чудеса, и афонские чада послушания могут немало порассказать о его чудотворной силе.

Отец Герасим с самого начала проник в тайны этой великой добродетели, о чем свидетельствует следующее чудесное

происшествие, случившееся в первые годы его монашеской жизни под духовным руководством старца Каллиника.

Однажды старец послал отца Герасима в Лавру, что отстоит от Катунак на три или четыре часа пути. Была зима, и выпал снег, однако дело было важное, и старец понуждал ученика идти. Отец Герасим проявил послушание, положил поклон, взял у старца благословение и отправился в путь. Едва он прошел через Керасью, разразилась страшная снежная буря. Монах с трудом смог укрыться под плащом от густых снежных хлопьев, ничего не видел из-за снега и не мог определить, где находится. Между тем снег засыпал тропинку. Монах потерял ее! Остановившись и осознав опасность своего положения, он принялся горячо молиться Господу и Пречистой, прося у них какого-либо Божественного содействия и помощи: *«Господь услышит мя, внемлет воззвату ми к Нему. На Тя, Господи, уповаю, да не постыжуся во век; правдою Твоею избави мя и изми мя. Приклони ко мне ухо Твое, ускори изъяти мя; буди ми в Бога защитителя и в дом прибежища, еже спасти мя...»*³⁸⁶.

Не прошло и нескольких минут, как Господь ответил монаху. Перед ним появился прекрасный мальчик лет восьми или десяти.

– Благословите, старче!

– Господь благословит.

– Куда же ты, старец, идешь в такую погоду? Тебя может засыпать снегом в эту бурю, ты заблудишься в лесу.

– Что делать, дитя мое? Старец послал меня в Лавру. Что бы ни случилось, я должен идти.

– Тогда я помогу тебе найти дорогу.

Мальчик проводил его до какого-то места и сказал:

– Теперь иди вниз и выйдешь на тропинку, ведущую к Лавре.

Отец Герасим поблагодарил, но, сделав несколько шагов, вдруг догадался, что произошло. Он спросил себя: «Как мог оказаться маленький мальчик здесь, в этих снегах?». Он обернулся назад, но никого не увидел, не было даже следов.

Мальчик исчез! Это был ангел Божий!

«Яко ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих»³⁸⁷, – прославил он Всеблагого Господа, Который обладает многими способами, чтобы явить Свой Промысл тем из рабов Своих, которые беспрекословно подчиняются воле Его.

Послушание, по словам святого Иоанна Лествичника, есть действие без испытания. Но это действие ученика, то есть его полное доверие своему старцу, являет несокрушимую веру в спасительный Промысл Того, Кто одним-единственным мановением держит в Своей власти вселенную и возвещает духовным отцам: *«Слушающий вас Меня слушает, а отвергающийся вас Меня отвергается»³⁸⁸*.

Отец Герасим почитал своего старца. Он внимал ему как устам Христовым. Позже, 5 сентября 1930 года, он напишет: «После его смерти осталась трудновосполнимая, особенно для меня, пустота... Мой старец вместе с Господом был моим единственным утешением в горестях и искушениях... Его молитвы, которыми он до последнего своего вздоха помогал мне, поддерживают и утешают меня на предстоящем пути».

Суровая аскетическая жизнь на Катунаках и, прежде всего, тяжелый климат не замедлили сказаться на хрупком здоровье отца Герасима. Начало проявляться предтуберкулезное состояние. Старец Каллиник принял меры, благословив ученика уехать на некоторое время в деревню Вулгарели, близ Арты, и оставаться там, пока он не окрепнет телесно и не поправит свое здоровье.

Там отец Герасим стал *светом велиим*³⁸⁹ благодаря своей добродетели и своему нраву. Христиане того края до сих пор вспоминают его духовное величие, его добрые речи, его ласковое обращение, его простоту, ставшие для них незабываемым примером.

В «козьих» лачугах скита святого Василия

В 1925 году отец Герасим возвращается на Катунаки, в каливу своего покаяния. Однако проникательный старец Каллиник, видя, что здоровье ученика ухудшается, после продолжительной молитвы позвал его и сказал:

– Дитя мое, твое пошатнувшееся здоровье не позволяет тебе оставаться здесь, на Катунаках, где климат неблагоприятен для тебя. В скиту святого Василия более сухой и подходящий для твоего здоровья воздух. Оттуда ты будешь регулярно приходить, чтобы я следил за твоим духовным состоянием.

Итак, с благословения старца Каллиника, вооружившись умной молитвой, отец Герасим «водворился» в пустыне, знаменитом скиту великого подвижника святителя Василия, именуемого Церковью Небоявленным.

Это самый маленький, самый незаметный и самый строгий скит на Афоне. Человеку незнающему нелегко найти этот скит, который незаметен почти отовсюду. Кругом совершенная пустыня. Скит находится на высоте восьмисот метров над уровнем моря, рядом с окрестностями Керасьи. Природным преимуществом пустыни является, как мы уже знаем, низкая влажность, очень сухой климат, преимущество же духовным – очищающее умную часть души безмолвие. Это совершенно пустынное место на крутом склоне горы Кармил в Керасье. Так называют конус ообразный холм, который венчает церквушка в честь пророка Илии.

В этой пустыне святого Василия существует предание, что первыми ее населили подвижники, пришедшие из Кесарии Каппадокийской, давшие скиту и главному храму имя Небоявленного святителя. Жилища отшельников вплоть до прихода отца Герасима были «козьими» лачугами. Келлии из тесаного камня, с низкими потолками, походили на пещеры. Их покрывали проржавевшие железные крыши, внутри не было насланных полов – их заменяли земля и камни. Питьевая вода, стекая прямо с крыш во время дождей, собиралась в специальные емкости.

Из скита открывается вид на величественные ущелья и крутые отвесные скалы, подножия которых резко обрываются в море. Молва говорит, что в этой пустыне подвизался некоторое время святой Григорий Палама, провозвестник благодати и нетварного Света, «монашествующих украшение». В этом диком месте прожил два года прославленный русский подвижник преподобный Паисий Величковский, который перевел «Добротолюбие» – сборник творений отцов трезвения – на славянский язык. Быть может, он не смог найти на Афоне более безмолвного места, чем этот благословенный скит?

Здесь жили отцы, великие подвижники, отличившиеся достославными аскетическими подвигами и глубочайшей духовностью, каковы, например, учитель умной молитвы Варнава, румыны Мартиниан, Иона и Феофилакт. Большинство из них владело ремеслом резьбы по дереву: они делали расчески, ложки, ножи для разрезания бумаги. Старец Мартиниан жил подаванием других братий. Когда ему давали какое-нибудь «благословение», то есть немного еды, он отвечал на это горячей благодарностью: «О! Бог да воздаст тебе! Как твое имя? А имена отца и матери?» – старец спрашивал имена, чтобы молиться за этих людей и поминать их.

Отец Иона был образованным человеком. Он имел диплом политехнического института и в безмолвной и трезвенной атмосфере пустыни святого Василия занимался серьезными переводческими трудами. Он перевел на румынский язык книги святого Никодима Святогорца и другие святоотеческие творения.

Старец Феофилакт был святым образцом в сонме небесных жителей скита. Рассказывают, что однажды он вышел из своей каливы и заметил раненую косулю, со сломанной ножкой. Он подошел к ней и заговорил сочувственно, как с человеком: «Приляг, я перевяжу сломанную ногу, и тебе станет легче».

Косуля послушалась и спокойно прилегла. Старец со всей своей любовью ко всякой твари и милосердным расположением сердца взял две тростинки и полоску ткани и перевязал сломанную ногу бедного животного, словно искусный врач-ортопед. Затем он жалостливо погладил ее и сказал: «Иди

теперь, хорошая моя, с благословением Пречистой, и возвращайся через 30–40 дней, чтобы я снял повязку».

И действительно, не прошел еще определенный старцем срок, как косуля пришла к его каливе! Он снял ортопедическую повязку. Животное было совершенно здорово.

Кончина этого достигшего святости человека была поистине святой. В последние минуты лицо его просияло, как ангельский лик. Оно напоминало сверкающий месяц.

В этом благословенном скиту прожил многие годы и старец Иосиф, пещерник и безмолвник. Он собрал на некоторое время в качестве опыта, скажем так, некое содружество монахов-единомышленников, которое составили отец Герасим Менайас, а также Спиридон-Афанасий Камбанаос, лаврский врач, и фармацевт Афанасий Вальсамакис. Все они предавались самому суровому подвижничеству. Обыкновенно старец давал им на целый день консервную банку размоченных сухарей. Монахи следовали молитвенному распорядку, который он определил для них: следовало совершать все службы по четкам, совершенствуясь в искусстве благоразумного молчания.

В пустыне святого Василия отец Герасим прожил приблизительно двадцать пять лет.

В подвижнических каливах и окрестных пещерах жили в его время многие известные пустынники, украшенные разнообразными дарованиями, каковы, например, старец Херувим, отец Ефрем, отец Герасим. Старец Херувим достиг степени совершенного нестяжания. Однажды, когда он из-за снегопада оказался отрезанным от остальной братии и остался на неделю без пищи, то сподобился принимать ангела Господня в образе монаха, принесшего ему еду. Отец Ефрем жил в пещере. Отец Герасим сочетал в себе удивительные теоретические познания в науке добротолубия с такою же внутренней жизнью.

Пот подвижнических трудов

Человек, посетивший в ту пору скит святого Василия, воздал бы должное блаженной жизни отцов пустынников, увидел бы преподобнические лица, пепельнобледные от постов и бдений, но светящиеся, благодаря многолетней и многотрудной молитве. Шагая по тропинкам скита, он мог бы услышать, как с неким желанием и чаянием произносится сладчайшее имя Господа нашего: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». На этом духовном лугу жил и отец Герасим. Молитва именем Христовым была его ежедневной пищей. Он жил всеобъемлющей добродетелью молитвы, добродетелью, которая освящает всякое делание, телесное и духовное. Но подвиг молитвы тяжел. Необходимо сражаться с *мироправителями тьмы века сего*³⁹⁰ лицом к лицу.

«Да не пресекаются же у нас никогда, – пишет святой Исихий, пресвитер Иерусалимский, – сердечное внимание, трезвение, прекословие помыслам и молитва ко Христу Иисусу, Богу нашему. Ибо лучшей помощи, кроме Иисусовой, не найти тебе во всю жизнь твою, потому что только Он один, Господь, яко Бог, знает демонские ковы, обходы и лукавства. Дерзновенно убо да упоает душа на Христа, да призывает Его; врагов же отнюдь да не страшится, ибо не одна воюет, но со страшным Царем Иисусом Христом, Творцом всего сущего, телесного и бестелесного, видимого и невидимого».

Необходимым условием для подвига молитвы является пост. Поэтому пустынники обходились простой естественной пищей: сухарями, овощами, зеленью и небольшим количеством бобов.

Там, в своей пустынной и бедной каливе с земляным полом и глиняными стенами, отец Герасим, богатый афинский юноша, аристократ со знаменитой фамилией Менайас, уподобился любящей пустыню горлице псалмопевца, которая обрела гнездо, чтобы вывести птенцов своих³⁹¹. В этом гнезде душа родила и вскормила птенцов своих, – добродетели монашеской

жизни. В этом гнезде он поддерживал истощенное многими болезнями тело и дал крылья, *яко голубине*³⁹², своему духу.

Подвижник не шел на уступки «другу-врагу» – своей плоти. Окружающие его также не давали ему возможности идти на компромисс. Пока отец Герасим жил на Катунаках, старец Каллиник проявлял к нему снисхождение в том, что касалось еды. Но с того момента, как он переселился в пустыню, это начало вызывать осложнения. Старец Иосиф, который, как мы говорили, был духовным отцом их небольшой общины, заставлял его есть много дней подряд одну лишь фасоль.

– Старец, я умру, я не могу питаться постоянно только фасолью, – жаловался отец Герасим.

– Не переживай, ведь мы затем и удалились сюда, чтобы умереть, – отвечал ему тот.

«И вот! Со мной не только не случилось ничего плохого, но мне даже стало лучше. Существует другая сила, которая действует при таких обстоятельствах. Это сила послушания. Она превыше силы логики», – говорил отец Герасим, рассказывая о чудесных результатах молитвы и благословения старцев.

Позже тот был очень строг в посте, как рассказывает отец Варфоломей, проживший некоторое время вместе с отцом Герасимом. Небольшого количества скудной пищи хватало им на целую неделю.

Пост и напряженная молитва быстро привели монаха на «луг» умиления. Слезы стали ежедневной его пищей. *«Быша слезы моя мне хлеб день и ночь»*³⁹³, – пел он вместе с Давидом, великим пророком покаяния и радостотворной печали. Сколько орошал он слезами пол своей келлии, уплотнившийся от земных поклонов, оплакивая время своего отступничества и потерянные годы!

«Всю жизнь я растратил постыдно и блудно, Человеколюбие! Но ныне обратившегося прими, Спаситель мой, как блудного сына. Оком милосердным, Господи, призри на смирение мое и спаси мя!» – звучали в каменной каливе отца Герасима умиленные слова радостотворной скорби.

Зимними ночами, когда монах с четками бодрствовал в своей келлии, соседи часто слышали доносившиеся оттуда горестные стенания. Летом по ночам он молился на одной из скал, которых немало в пустыне, под небом, озаряемым звездным или лунным светом.

Однако вся полнота Божественной любви отца Герасима к всежеланному и всечестному для него Господу Иисусу обрела свою высоту чрез таинство непрестанной молитвы в великом Таинстве, посредством которого мы становимся *причастниками Божеского естества*³⁹⁴. В одном своем слове, посвященном Божественной Евхаристии, отрывки из которого мы приводим в конце этого повествования, подвижник называет ее «Таинством Христовой любви и хранилищем всех Божественных сокровищ».

Между тем, чем больше наш пустынный молитвою, причащением Святых Таин, богомыслием боролся против «супротивных ополчений» диавола, тем сильнее разъярялся против него сатана. Итак, отец Герасим старался сохранять «сердечное око» бодрствующим. Некогда после своего обращения к Богу, приехав из Афин на Святую Гору, он сказал: «Иду, чтобы обуздать мятежный ум». В этом немногословном определении он выразил весь свой благородный труд совершенствования, всю борьбу со страстями и бесами, всю святость монашеской жизни, когда необходимо подчинить свой ум, чтобы он стал *умом Христовым*³⁹⁵, достичь очищения, просвещения, обожения.

Подвижник часто рассказывал отцу Феодосию из монастыря святого Павла о разнообразных беспокойствах, учиняемых лукавыми духами, которые ни днем, ни ночью не прекращали досаждать ему. Это им принадлежала затея подвигнуть отца Герасима к изучению творений Оригена, содержащих, как известно, еретические воззрения, которые чуть не ввергли его в прелесть.

– Я теряюсь, отец Дамаскин, теряюсь, – признался как-то отец Герасим своему ближайшему сподвижнику. – Ориген говорит, что адские мучения имеют предел, что они не вечны!

– Но не я ли говорил тебе вовсе не читать Оригена? – в свою очередь бранил его тот.

«Он находился в постоянном борении,— рассказывает сам отец Дамаскин, — поскольку не мог оставить кошмар познания, а также тщеславие, к которому приводит познание, не мог отречься от самого себя. Он встречал простых неграмотных подвижников и удивлялся, с какою мудростью и простотой говорят они о вещах, которых ему самому не удавалось понять при всей своей учености.

Однажды несколько отцов разговорились о том, существует ли жизнь на других планетах. Был среди них и отец Герасим. Тут один неграмотный подвижник берет слово и говорит: „Знаете, отцы, что происходит с нами, людьми? Один господин послал работников вскопать его виноградник. А те, когда пришли работать, стали рассуждать, есть ли у их хозяина другие виноградники, где и сколько. Прошел день, а виноградник так и остался невозделанным. Так и мы. Почему нас беспокоит, есть ли у Господа другие миры на других планетах? Наше дело — присматривать за нашим виноградником здесь, на Земле».

Какое впечатление произвела на отца Герасима эта простота подвижника! И все же он рассматривал величие Божие с несколько иной точки зрения. Он часто говорил мне: „Брат мой, те астрономы и великие физики, которые исследуют премудрость Божию в природе, тем самым прославляют величие Господа и сильнее верят в Него. Божественная премудрость проявляется не только в безграничности Вселенной, в макрокосме, но и в недоступном человеческому глазу микрокосмосе, с его постоянным и незаметным движением микробов и живых организмов, видимых лишь в микроскоп. *Яко возвеличишася дела Твоя, Господи!*³⁹⁶”.

Когда во время грозы сверкала молния и гремел гром, он говорил мне: „Знаешь, брат, что за математика скрыта в этой изломанной линии на небе!.. *Небеса поведают славу Божию, творение же Руку Его возвещает твердь!*“³⁹⁷».

С великой простотой и глубокой верой монах противостоял трудностям и проблемам повседневной жизни. Однажды у него не оказалось закваски, чтобы замесить хлеб. Тогда отец Герасим взял четки святого Нектария, которые хранил как драгоценную реликвию, перекрестил ими тесто и вместе с

отцом Варфоломеем выпек просфоры для Божественной литургии. Весьма характерным было его благоговение перед святителем Нектарием, нашим новопрославленным святым. В письме своему другу и духовному брату Ф. С. отец Герасим пишет: «Я получил твою посылку со святым елеем и несколькими лоскутками от облачения (архиерейского саккоса) святого Нектария, которые я раздал страждущим братьям, оставив часть и себе. За это я тебе безмерно благодарен. Поскольку же я ожидал и той фотографии, о которой ты мне писал, то со дня на день откладывал написание ответа тебе... Я очень хочу узнать, на какой день назначено перенесение его святых мощей, так что прошу тебя помнить об этом и заранее мне сообщить».

Отцы, которые знали отца Герасима, могут порассказать о его кротости, незлопамятности, добросердечии и неосуждении, украшавших личность этого человека. Он никого никогда не осуждал, а тем, кто осуждал его, отвечал терпением и смирением.

Отец Варфоломей частенько несправедливо покрикивал на него: «Герасим, в тебя бес вселился!». Он же, не возмущаясь, смиренно склонял голову и клал поклон перед своим товарищем.

Из-за своего безмерного простодушия и наивности отец Герасим приютил во время немецкой оккупации английского шпиона Бальфура. Он видел, с каким воодушевлением тот молится, кладет земные поклоны. Шпион обманывал подвижника, заставляя того думать, что он пришел, чтобы жить как православный монах. «У него и сан есть», – говорил отец Герасим. «Где у него сан, в клобуке?» – говорили ему отцы. А Бальфур тем временем делал свое дело.

Будучи человеком болезненным, отец Герасим постоянно молил Бога, чтобы рядом с ним поселился какой-нибудь близкий человек, общение с которым могло бы принести утешение. Действительно, Матерь Божия смилостивилась и послала ему отца Андрея, впоследствии игумена обители святого Павла. Отец Андрей, по природе склонный к безмолвию, также стремился жить в пустыне. Итак, он пришел к нашему

подвижнику и довольно долгое время жил в качестве его ученика, а отец Герасим получил утешение. *Брат от брата помагаем, яко град тверд и высок*³⁹⁸. Так случилось и с этими двумя отцами: один помогал другому в житейских и духовных делах.

«Однажды после обычной службы, – рассказывает отец Андрей, – я пошел совершить свое правило и побыть в уединении. Вдруг слышу стук в мою дверь. Я подумал, что меня зовет старец Герасим. Вышел, посмотрел вокруг – никого. Иду в его келлию и вижу, что он сидит на том же месте, где я расстался с ним.

– Старче, – сказал я ему громко (благословенный был слегка туговат на ухо), что это за стук был в мою дверь?

– Не беспокойся, – ответил мне он. – В другой раз, если услышишь, что стучат, не открывай. Это „мастер» (т. е. диавол) стучит. Когда я постучу в твою дверь, то позову тебя: „Молитвами святых отец наших... это я, старец. Открой».

В другой раз приснопамятный старец послал меня в Лавру. Недалеко от Студеного источника я увидел в лесу каштаны, слоem покрывавшие землю. Мне пришла в голову мысль наполнить ими свою котомку (она у меня была большая, вмещала больше 60 кг) и отнести их в нашу каливу в скиту святого Василия, а затем снова отправиться в Лавру. Так я и сделал. Когда я вернулся из Лавры и поджарил каштаны, старец Герасим позвал меня и сказал: „Хорошие каштаны, отец мой. Возьми тарелку и отнеси это благословение соседу... Одну – одному, другую – другому... Всем отцам».

Немного каштанов осталось и нам. У блаженнейшего было милостивое сердце. Он искренней любовью любил старцев-подвижников. Точно так же он поступил, когда мы получили два мешка муки, и я испек в нашей печурке вкусный хлеб. Он послал меня раздать по еще теплой буханке в каждую каливу скита».

Благословенный старец, *расточи, даде убогим*³⁹⁹, в то время как сам жил в большой бедности и лишениях, так что в своих письмах старцу Феодосию из монастыря святого Павла часто просил прислать в качестве милостыни одежду или обувь.

Совершенное нестяжание освобождает монаха от материальных и житейских забот. Он становится деревом высоким и плодоносным⁴⁰⁰.

Глава III. «На свещнице»⁴⁰¹. В твердыне любви

В 1940 году, после объявления войны и вступления немцев на территорию Греции, отец Герасим работал переводчиком в Карее, а также в военном городке захватчиков, располагавшемся на оконечности Афонского полуострова, около румынского скита Иоанна Предтечи. Безупречное знание немецкого языка, равно как и прочие таланты и добродетели отца Герасима, очень помогли Афону в эти критические часы и во все время немецкой оккупации. Прежде всего он, по благословению Священного Кинота, переводит письмо самому Гитлеру, в котором отцы, подчеркивая главным образом исключительность монашеского государства на Афоне, чья история насчитывает много веков, и безмолвие подвижников, пребывающих в молитвах и постах, просят того взять Святую Гору под свое покровительство. Это был, наверное, единственный случай, когда дикий и бесчеловечный Гитлер смягчился.

Отец Герасим, безмерно любивший Удел Божией Матери, занял место переводчика не без Божественного Промысла. Главная его забота в час испытаний состояла в том, чтобы обеспечить неприкосновенность Афона. Что же касается немцев, то он всегда помнил: *«Блесни (Господи) молнию и разженеши я»*⁴⁰².

В письме старцу Феодосию от 26 ноября 1940 года отец Герасим называет итальянцев трусливым и лишенным мужества народом, в другом письме выражает свою боль в связи с жертвами несчастной Кефалонии.

Одним из самых болезненных последствий немецкой оккупации была нехватка продовольствия, отсутствие даже хлеба насущного, отчего страдали и некоторые из афонских старцев – бедные, неимущие подвижники, у которых, конечно, никогда не было запасов муки. Они всегда жили в сознательных лишениях, питаясь горсткой сухарей, не заботясь ни о чем, подобно *птицам небесным*⁴⁰³. Об этих смиренных созданиях Божиих, пустынных птицах духа, старец писал отцу Феодосию.

Отец Феодосий был тогда послан в Карею в качестве распорядителя Министерства продовольствия, которое помогало неимущим и нуждающимся. Именно тогда, когда отцу Феодосию пришел в голову помысл, что он напрасно разрывается между многими заботами и хлопотами, отец Герасим послал ему 5 ноября 1946 года удивительное письмо: «Твое дружеское письмо от первого числа я получил, и оно очень меня обрадовало. Я увидел в нем, что ты, насколько это от тебя зависит, пылко стремишься оказать поддержку нашим братьям, святогорским старцам, которые уже сейчас начали ощущать нехватку продовольствия... Поверь, брат мой, что этот порыв вложила в твое сердце Предстательница и Матерь наша, Госпожа Богородица, наша всегдашняя Кормилица. Ты пишешь, что тебе следовало бы затвориться где-нибудь и плакать о грехах своих, а не брать на себя столько забот и так много помогать другим. Но я напому тебе о том, что ты, конечно же, и сам знаешь: не существует лучшего лекарства для избавления от грехов наших, нежели милосердие. Святой Иоанн Златоуст наставляет нас, говоря: „Даже если у тебя много грехов, оправданием твоим будет милосердие, ибо оно требует у Владыки должного и держит в руках свидетельство в свою пользу». Далее он пишет: „Дай бедному, и, если ты будешь безгласен, тысячи уст оправдают тебя». И еще: „Милосердие есть очищение души"».

Исполненный любви, *милосердия и добрых плодов*⁴⁰⁴, отец Герасим напоминает в своих письмах о всех нуждающихся и неимущих, о румынских старцах из обители Иоанна Предтечи, о подвижниках из Виглы и Кавсокаливии. Часто на его письмах стоит характерная подпись: «Герасим монах, недостойный называться монахом». Натура утонченная, он еще более источил себя резцом труда и болезни. В монастыре Великой Лавры отец Герасим оставил о себе наилучшие воспоминания. Приснопамятный игумен Лавры архимандрит Афанасий рассказывал нам: «Отец Герасим был самоотверженным человеком. Жизнь в пустыне тогда была суровой, не то что сейчас, когда существует множество утешений. У него был бескорыстный, благородный и кроткий характер».

Отец Филипп из Лавры добавляет: «Он регулярно приходил навестить нас. Это был монах с полным пониманием своего служения. Он спас моего старца Амвросия, заступившись за него перед немцами: „Такого человека Божия и обвинять в саботаже!“ Отец Герасим спас и десять других отцов, против которых немцы выдвинули обвинения».

Во время оккупации он, в силу своих обязанностей переводчика, вынужден был постоянно перемещаться между Лаврой и скитом святого Василия, пока не обосновался спустя несколько лет в пещерной келлии святого Афанасия, предоставленной ему Великой Лаврой. Там отец Герасим жил затворником, исполняя свое постоянное «правило»: безропотно перенося страдания и мучения, причиняемые многими болезнями, которые постоянно давали о себе знать.

Эта пещера получила имя святого Афанасия Афонского, так как святой часто приходил сюда ради молитвы и безмолвия. В ней находятся две маленькие церкви и одна келлия. Мысленное присутствие основателя Великой Лавры, учителя и наставника, славы Афона, предстателя и нежно любящего отца всех святогорских монахов, придавало новому насельнику сил для его суровых, сверхчеловеческих подвигов.

В этой пещере подвижника однажды посетил отец Феоклит из Дионисиата. Стояла зима, но день выдался солнечный. Он нашел отца Герасима снаружи греющимся на солнце. Тот рассказал ему между прочим следующее чудесное происшествие: «Выпало много снега, брат, и я сидел в пещере. Вдруг я услышал птичку, которая, не прерываясь, чирикала снаружи, призывая меня со странной и непонятной настойчивостью. Это заставило меня выйти наружу. И именно в тот момент, когда я вышел посмотреть, почему так расшумелась эта птица небесная, со свода пещеры, отколовшись, упала огромная глыба, которая раздавила бы меня, останься я внутри. Я восславил Бога и Пречистую за Их заступничество и предстательство».

В броне терпения

Только тот, кто посетил Святую Гору и изучил творения преподобного Исаака Сирина, может понять, как велика добродетель терпения. Когда кто-либо постригается в монахи, афонские старцы дают ему лаконичное, но содержательное напутствие: «Доброго терпения». Беседуя между собой, они украшают свою простую речь призывом: «Терпение, терпи». Когда они пьют воду, то крестятся и опять молятся любезной им молитвой. Что касается мулов, этих необходимых и симпатичных животных, служащих средством передвижения и перевозки, то, нагружая их, святогорские отцы опять-таки призывают к терпению, говоря, например: «Потерпи, Кицо»; «Потерпи, Арапи».

«Всякое тесное обстоятельство и всякая скорбь, – пишет святой Исаак Сирин, – если нет при них терпения, служат к сугубому мучению, потому что терпение в человеке отвращает бедствия, а малодушие есть мать мучения. Терпение есть мать утешения и некая сила, обыкновенно порождаемая широтою сердца. Человеку трудно найти эту силу в скорбях своих без Божественного дарования, обретаемого неотступностью молитвы (Господи Иисусе Христе, помилуй мя) и изливанием слез».

На Святой Горе все напоминает о терпении: многочасовые службы, бесконечные бдения, повседневные послушания, рукоделие, брань против бесов, испытания со стороны людей, крест внутреннего послушания, крест болезней. Все это способствует возрастанию этой драгоценной добродетели.

Терпеливое несение креста болезней стало для отца Герасима хлебом насущным. Благословенный старец терпел терпением Иова, терпением, подражающим Христу. Терпения *убогих Твоих не забуди до конца*⁴⁰⁵. Но гораздо более достойным восхищения было то, что он соединял терпение со славословием Господу Благодетелю. Отец Герасим благодарил Бога, так как видел в болезни благодеяние. «Слава, – пишет он в одном из своих писем, – Тому, Кто печется даже о муравье».

Вот как он сам описывает эти переживания в своих письмах отцу Феодосию:

«...Еще шесть-семь дней, и я закончу виноградолечение. Надеюсь, что с помощью Божией я смогу восстановить свои утраченные силы, и придет в норму работа сердца, от которого я, сделавшись сердечником, теперь страдаю гораздо больше, чем прежде» (письмо от 15 августа 1947 г.).

«...Итак, все болезни, посетившие меня прошедшей зимой, происходят от пагубной, коварной сырости пещеры, которая незаметно пропитала мое больное тело влагой, и сейчас я главным образом страдаю от боли в сердце и бронхиального аденита, который обнаружился у меня еще во время «испанки» и развивался затем... Но так как мне послал это Бог за грехи мои, да будет благословенно святое имя Его...» (письмо от 26 октября 1947 г.).

В письме одному молодому богослову о значении искушений в нашей жизни отец Герасим говорит с отеческой рассудительностью:

«...Господь, будучи Всеблагим, допускает, чтобы на нас нападали искушения (но не превосходящие меры наших сил), заботясь о пользе наших же душ. Итак, попросим Господа, чтобы Он даровал нам терпение в наших горестях и укрепил нас, а мы, немощные создания, исполняли бы пресвятую Его волю, всегда стремящуюся к очищению нашей души...

Помня, что эти искушения случаются с нами по попущению Божию и что они попускаются нам ради нашей душевной пользы, не будем безмерно печалиться об этом. Скорее, надлежит радоваться, зная, что они нападают на нас из-за любви Отца нашего Небесного, ради полного исцеления больных наших душ. „Убери искушения – и не будет спасенных». Ведь и апостол Иаков говорит нам: *„С великой радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения»*⁴⁰⁶».

Отец Герасим, сам страдавший и закаленный болезнью, как золото в горниле, мог утешить и поддержать других людей как при живом общении, так и в письмах. В одном письме к своему духовному чаду в Афины он пишет:

«...Я очень хотел бы узнать о болезни той девушки, которую, как Вы, наверное, помните, мы посетили... Я считаю, что она счастлива благодаря этой болезни, ей надо лишь терпеть и, если только это возможно, славословить Бога за те блага, которые Он уготовил для нее. Один святой сказал: „Когда ты болеешь, считай себя счастливым, что удостоился претерпеть испытание от Бога для своего душевного здоровья». Другой же святой говорил еще: „Бог не радуется так никакой иной добродетели, чем когда кто-либо в болезни благодарит Его». И святой Петр Дамаскин говорит: „Мы должны благодарить Бога, так как Он дал нам болезнь как венец терпения"».

Вера в Промысл Божий стала главным переживанием отца Герасима. В своем письме от 1 октября 1953 года из монастыря святого Павла он подробно толкует о всеобъемлющем и благотворящем Промысле: «Слава Преплагодному Отцу нашему Небесному, находящему разные средства и посылающему многие напасти, чтобы спасти нас, неблагодарных, и ввести в Свое Небесное Царствие. Мою же врожденную и, следовательно, неизлечимую болезнь сердца можно воспринимать как одну из таких напастей. Кроме того, поскольку Его доброта и милосердие безграничны, вместе с искушениями Он дает нам и облегчение, чтобы мы легче могли вынести их».

Чувствительную совесть старца, словно *меч обоюдоострый*⁴⁰⁷, язвило воспоминание о «совершенном им зле» и о «старых счетах», по которым, как пишет он сам, теперь настало время платить.

«Для меня большое утешение чувствовать, что все эти страдания происходят от любви сострадательного Бога, пекущегося о пользе душ наших, и особенно тех, которые, как я, так же сильно опечалили и прогневали Его в этой жизни. Да будет благословенно и препрославлено пресвятое имя Его, приуготовившего разнообразнейшие лекарства ко спасению человеческому. „Отец мой ...делает, и я делаю»⁴⁰⁸, – говорит Он нам в Своем Евангелии. Над чем же Они трудятся, если не над спасением душ людских... Так будем же всегда помнить

святые слова Евангелия: „...и волос с головы вашей не падает без воли Небесного Отца вашего»⁴⁰⁹.

Восславим же Небесного Отца нашего, Который попущением таких зол (это мы, неразумные, называем их так) стремится только к одному: терпением, которое надлежит нам проявить» приблизить нас к Себе... Об этом говорит некий святой: „Ведающий и знающий истину исповедуется Богу не воспоминанием о совершенном, но терпением находящих скорбей». Другой же святой говорит так: „Нужно знать и то, что существуют три вида богопочитания, которыми человек может спастись. Первый – не грешить, второй – согрешив, терпеливо переносить находящие скорби, третий – сокрушаться об отсутствии в себе терпения...»

Святитель Афанасий Великий спросил у святого Нифонта:

– Отче, разве помогает человеку болезнь?

И преподобный Нифонт ответил ему так:

– Как золото, когда его плавят в огне, освобождается от примесей и выходит очищенным, точно так же и человек, если он в болезни своей благодарит Бога, освобождается от грехов своих».

«Благо мне, яко смирил мя еси»⁴¹⁰

Так уже было сказано и как сам отец Герасим рассказывает в своих письмах, его донимали симптомы многих болезней, угрожавших здоровью, состояние которого ухудшалось в пещере святого Афанасия день ото дня. Однажды, во время острейшего кризиса своей болезни, монах попал в больницу Лавры. Оттуда он написал об этом отцу Андрею в монастырь святого Павла, прося его: «Приди, брат, и забери меня».

Тогдашний игумен монастыря святого Павла, Серафим, старался всевозможными способами ухаживать за больным и облегчить его состояние. Все считали его братом этого монастыря. Однако сильно пошатнувшееся здоровье вынудило отца Герасима уехать в Афины, чтобы там лечиться и восстановить силы. Это было в 1950 году. Но душевная боль монаха была сильнее телесной, так как он покидал столь дорогое ему безмолвие, спокойствие и тишину афонской жизни.

Он лечился в доме своей сестры, находившемся в квартале Киприаду. *Мног мир любящим закон Твой⁴¹¹. Мир... который превышает всякого ума⁴¹²*, плод Святого Духа и безмолвия, светился на его лице, и это могли видеть все. Кроткий, ласковый, приветливый, любезный, он легко и естественно исполнял пастырское служение, даже когда сам не предполагал этого. Толпы верующих христиан приходили к нему, чтобы получить его благословение и унести с собою его *слово благо⁴¹³*. Двадцать пять лет аскетической жизни сделали убеленного сединами старца-пустынника «таинственным виноградником».

Чаще, чем вокруг чего-либо другого, его беседа вращалась вокруг главного стержня духовной жизни христиан, будь то монахи или миряне, – вокруг молитвы.

«Молись – повторял он многим, кто приходил повидать его, – непрестанно молись этой великой молитвой: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя“. Но, когда читаешь эту молитву, следи, чтобы она проходила через твое сердце, словно нож».

Следуя учениям других отцов и основываясь на духовном наследии старца Каллиника, отец Герасим сам жил согласно «Добротолюбию» и учил других непрерывной молитве. Его изречение: «...сведи, чтобы она проходила через твое сердце, словно нож», – на языке «Добротолюбия» означает: «Сосредоточь ум в сердце своем». Молитва должна сопровождаться вниманием и трезвением. Эта встреча ума и сердца порождает сочувствие, умиление, сокрушение, боль, страх, любовь к Богу, слезы и соединение всех сил души ради одной цели – единения с Господом Богом.

«Добродетели, – пишет святой Григорий Палама, – поскольку они уподобляются добродетелям Божиим, делают человека способным воспринимать Божественное, но еще не соединяют с ним. Однако сила молитвы действует священным образом и тем самым действительно возвышает человека и соединяет его с Божественным, так как молитва есть связь словесных тварей с Богом. Конечно, это происходит лишь тогда, когда молитва горячим умилением, выжигающим страсти, поднимается выше действия страстей и разнообразных помыслов, поскольку невозможно единение Бога со страстным умом».

То, что отец Герасим оказался в то время в Афинах, имело и некое домостроительное значение, ибо ему, согласно замыслу Божию, следовало в доступной форме передать народу усвоенный им православный святоотеческий опыт.

Но чем дольше отец Герасим пребывал вдали от Удела Пречистой, тем сильнее он чувствовал себя рыбой, вынутой из воды. Душа монаха изнывала от тоски, он мечтал о желанном дне возвращения: *...когда прииду и явлюся лицу Божию?*⁴¹⁴

Такая возможность представилась совершенно неожиданно, накануне праздника святых апостолов 1953 года. Старцу сообщили, что богословский факультет Афинского университета планирует совершить паломничество на корабле на Святую Гору. Отец Герасим попросил, чтобы и его взяли в эту поездку. Радости его нельзя было описать.

Это было незабываемое путешествие. Отец Герасим стал центром притяжения всех студентов. Он с волнением смотрел

на молодых людей, посвятивших себя Христу. На корабле была отслужена вечерня святым апостолам и совершена Божественная литургия. «Студенты пели, – напишет он позже в одном из своих писем, – с таким умилением, что нам казалось, будто на корабле находятся ангелы небесные, поющие и празднующие вместе с нами».

Вот показалась на горизонте коническая громада Афонской горы. Отец Герасим вернулся на любезную ему духовную родину вместе со своей неразлучной спутницей – сердечной болезнью. Теперь ни пещера святого Афанасия, ни скит святого Василия не подходили для его жизни. Куда отправиться? *«Скажи мне, Господи, путь воньже пойду...»*⁴¹⁵ – горячо молился он. И Господь указал монаху путь, вновь приведший его к дорогому ему общежитию – монастырю святого Павла, где старцу предстояло провести свои последние годы в мире и покаянии.

Заснеженный монастырь святого Павла

Для тех из наших читателей, которые, быть может, незнакомы с монастырем святого Павла, мы расскажем о нем в двух словах.

Общежительный монастырь святого Павла расположен в западных предгорьях Афона, около бурного потока, текущего с его вершины, среди дикой и величественной природы.

Почти весь год, за исключением нескольких дней, снег покрывает глубокие складки вершины Афона. Поэтому мы с полным основанием можем назвать монастырь святого Павла заснеженным.

Предание говорит, что монастырь был основан в X веке святым Павлом Ксиропотамским в последние годы его жизни, потому что подвижник искал большего безмолвия, не находя его среди забот в первом своем монастыре – Ксиропотаме. Святой Павел был царевичем, сыном императора Михаила Рангаве. Сколько царей и их детей в ходе истории покидали суету мирскую, променяв царские почести на простую и скудную монашескую жизнь!

По-видимому, святой Павел вначале основал небольшую обитель, которая просуществовала до XIV века. Монастырь перестроили два его родных брата: Герасим и Антоний, воздвигшие красивые постройки и передавшие ему различные метохи. Монастырь Ксиропотам признал независимость и самоуправление монастыря святого Павла с тем условием, что, если тот когда-либо запустеет, его имущество перейдет в ведение материнской обители.

После времен упадка и исторических злоключений благодетелем и преобразователем монастыря стал архимандрит Анфим Комнин, известный как друг патриарха Григория V и молдавского господаря Михаила Сутсу. Архимандрит Анфим занимал пост игумена с 1816 по 1820 год. Он вдвое расширил постройки, построил высокую северную стену и колокольню, заложил основание нового кафедрального собора.

В 1839 году монастырь святого Павла был преобразован в общежительный, а игуменом его стал иеромонах Стефан из Дионисиата.

Первый кафоликон был построен в XV веке сербским деспотом Георгием I Бранковичем в честь святого великомученика Георгия, которого и до сих пор особенно почитают насельники монастыря. Быть может, остатком этого древнего храма является церквушка, расположенная на скале, на северном склоне горы. Новый же кафоликон был освящен в честь Сретения Господня. В нем находится мраморный иконостас, а также колонны и кивоты из афонского, тинейского и пентелийского мрамора. Над его завершением с великой ревностью и любовью к благолепию трудился игумен Софроний Каллигас, уроженец Кефалонии.

Среди монастырских реликвий выделяются две больших частицы Честного Древа, частица мощей святого Григория Богослова и честные дары волхвов в двух ковчежцах, подаренные сербской царицей Маро.

Эта благочестивая царица пожелала сама отвезти честные дары волхвов в монастырь. Она торжественно сошла с корабля в монастырской гавани и пешком направилась к обители, отстоящей от моря в получасе ходьбы. Но еще задолго до этого был установлен запрет для женщин вступать на Святую Гору. Итак, когда царица прошла довольно далеко, достигнув уже половины пути, ее остановила величественная Женщина, преградившая ей дорогу.

– Кто ты, – сказала Она, – что осмелилась вступить в Мой Удел?

– Я сербская царица и несу честные дары волхвов.

– Царица здесь Я, и поэтому возвращайся обратно.

И эта Женщина, сиявшая божественной красотой и славой, стала невидимой. Это была Сама Пресвятая Богородица! А царица Маро пала на колени, поклонилась, прося прощения, отдала честные дары отцам и вернулась обратно. На месте, где случилось это чудо, воздвигли часовню, которая стоит и по сей день.

«Закрытость» Афона для женщин – это традиция, идущая из глубины веков и являющаяся одним из основных условий безмолвной, превыше слова, святой и надмирной жизни монахов. Сколько бы ни нападали на этот запрет, считая его проявлением средневекового духа, он остается защитной броней, надежным покровом, охраняющим суть монашеского жития. Именно он сохраняет росу Святого Духа, так что плоды Его могут быть выношены вдали от потока разнообразных искушений, свойственных человеческой природе. Он вызывает уважение к Святой Горе, особенно важное в наше время, когда человек, гонимый неодолимой психологической потребностью, ищет безмолвия и надеется обрести собственную потерянную душу за пределами мира потрясений и волнений. Закрытость Святой Горы для женщин не является унижением женщины. Афонские отцы почитают Пречистую Владычицу нашу Богородицу, первую Женщину мира и Матерь Божию, в Ее богоблагодатном образе, воздавая каждой женщине ту честь и достоинство, которые ей определил Творец. Однако монашеская жизнь является и зовется ангельской. Поскольку же человеческие чувства берут верх и поработают владычественный ум, пока не сделают его бессильным, и поскольку «от смотраения происходит влечение», то этот запрет оказывает большую помощь в деле сохранения нетленности монашеских обетов. В нем заключена забота отцов-пустынников в борьбе за чистоту и вышеестественное житие среди божественных явлений. Подобный запрет установлен и в других обителях, расположенных за пределами Святой Горы. Точно так же некоторые женские монастыри закрыты для посещения мужчинами, и этот запрет установлен по тем же самым духовным причинам.

Глава IV. «Праведницы во веки живут»⁴¹⁶. Блаженная кончина

В благословенной атмосфере общежительного монастыря святого Павла отец Герасим нашел полное утешение и покой. Братия монастыря уважала и почитала старца, заботясь о всех его нуждах.

Известно, что, почти с самого момента прибытия отца Герасима на Афон, обитель святого Павла была для него своим монастырем, привычной средой обитания. С давних пор он с особенным расположением относился к отцам из монастыря святого Павла, так случилось, что большинство из них происходило с Кефалонии. Связь старца с этим монастырем была столь тесной, что многие считали его монахом этой обители. Теперь Господь соблаговолил, чтобы он был сопричислен к братии монастыря и прожил в этой теплой, полной любви обстановке последние пять лет своей жизни.

Несмотря на лекарства и надзор афинских врачей, болезнь его прогрессировала. Но он говорит: «Слава Богу за все» – и с особою ревностью пишет теперь это Златоустово слово, тогда как каждый шаг приближает его к Царствию Небесному. Возрастает его терпение и вместе с ним – славословие и благодарность своему Благодетелю.

«Я не нахожу слов, – писал отец Герасим в письме, – чтобы возблагодарить Господа нашего, Который освободил меня от суеты мира сего, хотя я до сего дня так и не смог достойно ответить на столь великие благодеяния Всеблагого Бога. Поэтому прошу Вас молиться, чтобы Господь наш, прежде чем я уйду в мир иной, пусть даже на исходе моей жизни, удостоил меня благоугодить Ему».

Он окидывает взглядом прошлое, ясными душевными очами видит суетность мира, ощущая, что «все человеческое – тщета и не существует после смерти». Он слышит и истинные слова предвечного Бога: *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»*⁴¹⁷.

Вместе с этим подвижник обдумывает и взвешивает ценность монашеской жизни, этой жажды и сердечной любви, «сводящей с ума»⁴¹⁸ создания Божии. «Что это за жажда, – пишет он одному молодому человеку, – эта забота, которая заставляет тебя беспокоиться о спасении своей души? Только свыше, брат мой, посылается нам такой дар, – нам, отягченным грехами и неблагодарностью, – и это не что иное, как призыв, которым наш Небесный Отец влечет нас к исполнению Своей воли. Иногда Он зовет душу, внушая ей страх наказания, иногда же посредством Своей сладчайшей любви побуждает нас, даже и вопреки нашей воле, идти вслед за Ним. Это та любовь, которую Он вселил в души Своих созданий, так что те, словно сумасшедшие, спешат за своим Творцом, как жаждущий олень»⁴¹⁹, и подчас забывают самих себя. Тогда весь мир, со всеми его наслаждениями, кажется им невыносимой ношей, так что они удаляются от мира, чтобы уже не рассеиваться, но получить возможность любить сладчайшего Бога и служить Ему днем и ночью...».

Пять лет, проведенных в монастыре святого Павла, были для отца Герасима лучшим приготовлением к великому отшествию.

Всех, кто посещал старца, привлекали его мирный облик и мудрые речи. Архимандрит Парфений, игумен монастыря святого Павла, видевший отца Герасима при жизни, говорит: «Я помню его по монастырской богадельне. Я был тогда молод. Он ласково посоветовал мне: „Учись молиться, дитя мое, много молиться“, – и подарил прекрасную книгу о молитве святого Иоанна Кронштадтского. Это был человек стальной воли».

Несмотря на помощь лекарств и заботы отцов, болезненное и уставшее сердце старца в последний раз заставило его слечь в постель. Тем не менее душевная сила подвижника осталась непоколебимой, а его таинственная жизнь получает еще большее напряжение. «Он каждую субботу причащался боготворящих Владычных Тела и Крови и просил почаще совершать над ним Елеопомазание», – подтверждает тогдашний игумен архимандрит Серафим.

Такова была духовная подготовка старца к переходу на небеса, пока 30 января 1957 года, на праздник Трех Святителей, не наступил самый день ухода. Вечером отец Герасим попросил причастить его Пречистых Таин, затем попрощался с братьями, находившимися вокруг него, сотворил крестное знамение и в три часа после полуночи отдал свою святую душу в руки Божии. *Праведных души в руке Божией⁴²⁰, во Господе мзда их⁴²¹ и упование их безсмертия исполнено⁴²².* Душа монаха, сопровождаемая ночными славословиями отцов трех величайшим светочам Церкви, как благоухающий фимиам устремилась к престолу Божию, чтобы вечно радоваться в сонме святых.

Все, кто близко знал старца Герасима, не могли не почувствовать исключительности дарований этой выдающейся личности. Все они могли бы рассказать о духовном величии этого человека.

Мы хотели бы закончить это краткое жизнеописание, приведя высказывания некоторых людей науки и мужей духа, которые могли бы стать завершающими штрихами, способными еще больше оживить портрет старца.

Известный литератор Захария Папандониос в 1928 году приехал на Святую Гору с большой долей предвзятости, любопытства и неверия. Однако он познакомился там с отцом Герасимом и по возвращении написал специальную статью в газету «Свободная трибуна» (от 28 октября 1928 г.) под заглавием «Сумасшедший шаг. Наука в рясе», рассказывая о живущих в великом молчании подвижниках, чье имущество помещается в заплечном мешке.

«...Кто-то, наверное, скажет, – писал он, – что необразованность и невежество являются первым условием для совершения этого сумасшедшего шага. Но нет. Живут на Афоне и ученые, которые настолько смирили самих себя, что стали более чистыми, чем сами пустыnnики, и более пылкими в своей вере.

В Карее я познакомился с одним химиком, господином Менайасом, получившим диплом политехнического института в Цюрихе, который сначала занимался своей наукой в Египте и в Афинах, а затем, будучи еще молодым человеком, удалился на Святую Гору. Сейчас он подвизается в отдаленном скиту, в семи часах пути от Карей. Отцу Герасиму (так его теперь зовут) еще нет и сорока. Он ведет на редкость строгую аскетическую жизнь, позабыв обо всякой материи и отказавшись от нее, вопреки своей химии. Каждый, кто перемолвится с ним хоть парой слов, убедится, что этот человек, скромного вида, с большими глазами и лицом, проникнутым религиозностью, действительно совершил „сумасшедший шаг».

Однажды днем мы поднимались на Карейские высоты, и отец Герасим рассказывал мне о своем подвижничестве, а я спросил его, как он свел счеты с химией.

– Химия – это наука, – отвечал он, – которая изучает некоторые законы природы. Но что она знает сверх них? Если она сочтет, что нет ничего, кроме природных явлений, какими они предстают перед нами, то тем хуже для нее.

– А мир?

– Что мир! Я видел его два года тому назад, когда ездил повидать свою семью. Я не изменил своего мнения о нем. Это счастье – жить подальше от его алчности.

Отец Герасим, сидя на пригорке, смотрел на пустынный Афон, тоскуя по диким Катунакам и своему скиту. Здесь же он принимал своего брата, известного инженера-электрика, раньше возглавлявшего электротехнический отдел в Министерстве связи, который приехал погостить на несколько дней. Двое ученых часто отправлялись в далекие прогулки. Это были два противоположных мира. Но мне кажется, что каждый из них уважал убеждения другого».

В одной из глав своей книги «Святая Гора» тот же скептически настроенный Папандониос вспоминает отца Герасима и его непреклонную веру в Промысл Божий. Он пишет: «Фармацевт Вальсамакис неожиданно продал больницу, которую держал в Кефалонии, приехал на Афон и стал подвижником на Катунаках. С собой он привез лекарства, чтобы предоставить свою науку в распоряжение старцев. „Брось это, – сказал ему старец каливы. – Зачем нам пользоваться лекарствами? Это неверие в благодать». И тот бросил.

Того же мнения, что этот старец и фармацевт, держится и их сподвижник отец Герасим, получивший в Цюрихе диплом химика. „Я не верю в лекарства, – сказал он мне. – Лекарства создает химия. Это наука, и исследует она только некоторые законы природы. Но она не знает, что стоит за ними... Правильно поступил мой брат, что не занимается больше лекарствами. Если бы мы принесли сюда свою науку, он был бы фармацевтом, а я химиком, и мы всё еще блуждали бы среди

видимых явлений. Но мы пришли сюда затем, чтобы приблизиться к Причине всего!"».

Американец греческого происхождения профессор К. Каварнос пишет в своей книге «Причалившие к Богу» об отце Герасиме, чей образ произвел на него незабываемое впечатление. Он приводит слова самого старца о его обращении к Церкви: «В юности я был безразличен к религии. Однако в последние годы моего студенчества я начал увлекаться телепатией, медиумизмом и другими психическими явлениями, в результате чего глубоко убедился в существовании души и духовного мира. Я не очень интересовался тем, какова их подлинная природа. Существенным для меня было то, что они существуют на самом деле. Позже меня настолько увлекла вера, что я ушел на Афон, хотя мои брат и мать отговаривали меня. Некогда, когда я был в Швейцарии, то влюбился в одну молодую немку. Я так сильно ее любил, что хотел постоянно на нее смотреть и все время, даже во сне, видел ее перед собою. Но после того, как меня увлекла вера, любовь моя перешла на Бога. Я полюбил Бога больше, чем любил ее. И желанием моим стало жить созерцательной жизнью монаха, целиком посвященной служению Ему».

Архимандрит Софроний (Сахаров), духовный отец и игумен монастыря Иоанна Предтечи в Эссексе, в Англии, был крепко связан духовными узами с отцом Герасимом и поддерживал эту связь до конца. В своем письме от 4 июня 1955 года отец Софроний пишет ему: «...Ты много раз засвидетельствовал свою неуклонную благожелательность ко мне, недостойному твоего внимания. Господь благоволил соединить мое духовное существование с твоей молитвой и предстательством. И я в меру своих сил (или, лучше сказать, бессилия) стараюсь не казаться неблагодарным, чтобы ты, представ пред Господом, не постыдился из-за меня.

Всякое общение с тобою для меня радость, облегчение и утешение, насладиться которыми мне не позволяет моя жизнь.

Я хотел бы провести с тобой много времени, чтобы, по примеру святого Павла, представить на твое просвещенное

суждение все, что я делаю и проповедую, – *благовествование, проповедуемое мною... не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался*⁴²⁴. Ведь и этим, то есть своею проповедью, я занимаюсь по необходимости. Мое желание состоит в том, чтобы быть в безмолвии вместе с тобою и под твоим присмотром, как и в прежние времена, когда мы (ты, всегда любимый мною во Христе отец Андрей и я, убогий) втроем обошли святой Афонский полуостров в поисках безмолвного уголка. Господь, однако, не благоволил к нам в этом деле».

В том же письме отец Софроний приводит впечатления одного швейцарского интеллигента, по фамилии Брюшвайллер, который, посетив отца Герасима в монастыре святого Павла, пишет об этом отцу Софронию:

«... Я очень рад, что смог провести долгие часы с этим святым человеком. Каждый раз, уходя от него, я чувствовал в сердце своем мир, наполнявший все мое существо. Он беседовал со мною о молитве и о том, как должно жить в любви. Я поистине благодарю Господа, позволившего мне встретиться с таким человеком. Он по-дружески отнесся ко мне и, в частности, показал святыне мощи, хранящиеся в монастыре, чтобы я смог поклониться им. Он даже взял кусочек ваты, дотронулся им до всех мощей и попросил меня передать его Вам. Я сделаю это в мой ближайший приезд.

Отец Герасим сейчас сильно ослабел из-за своей сердечной болезни и почти не выходит из келлии. В то же время он счастлив и постоянно пребывает в молитве, которая непрестанно исходит из его сердца».

Архимандрит Илия Мастосяннопулос в своей книге «Святые образы современной Греции» говорит справедливо и точно: «Его (т. е. отца Герасима) история не совсем типична. Она указывает на тайные тропы, которыми Божественная благодать ведет тех, кого хочет привлечь к себе...

Сияющая личность отца Герасима постоянно была светильником, озарявшим врагов и друзей, чужих и своих, монахов и мирян...

Со всеми он был прост и сдержан... Его доброе сердце всегда распространяло на всех собеседников свое,

исполненное небесной прохлады, благородство... Он всегда был ласковым и кротким. Любовь его была столь глубокой и всеобъемлющей, что заставляла вспомнить о людях апостольских времен».

Наш досточтимый и приснопамятный старец Херувим описывает в книге «Из Удела Божией Матери» свою встречу с отцом Герасимом:

«...После изнурительного пути я уже приблизился к цели своего путешествия, когда вдруг хлынул сильный ливень. Чтобы укрыться от него, мне пришлось постучать в ближайшую каливу. Я был поражен, когда увидел перед собою прославленного монаха отца Герасима Менайаса... Я видел его впервые. Слово, любовь, обхождение этого человека поразили меня... В его лице я обрел ученого, подвижника, ученика старца Каллиника Исихаста, мужа умной молитвы, которого почитала и уважала вся Святая Гора».

«Божественное Тело и обожает мя и питает»

В качестве заключения этого повествования мы сочли полезным привести несколько страниц, посвященных величайшему Таинству Божественного Причастия, которые написаны пером и сердцем отца Герасима и свидетельствуют как о его библейском и святоотеческом кругозоре, так и о тонкости литургического чувства этой души, трепетавшей от Божественной любви:

«Спаситель наш Иисус Христос, понимая, что пришел час Его жертвы, прежде Своих страданий пожелал оставить нам величайшее доказательство Своей любви. Вот почему Он установил великое Таинство Божественной Евхаристии.

Проявление этой любви, показанное в последние минуты перед Его смертью, оказывает глубокой воздействию на сердца людские и является самым ценным даром. Точно так же люди в память о своей любви к родным и близким обычно оставляют им нечто в своем завещании.

А Ты, Иисусе мой, что оставил нам в воспоминание о Твоей любви, уходя из этого мира? Ты отдал нам всего Себя, оставил нам Свое тело, Свою кровь, душу Свою и Свое Божество. Одним словом, всего Себя, без остатка.

Итак, по справедливости некий святой назвал это Таинство Таинством любви, поскольку именно любовь подвигла Христа отдать нам всего Себя.

И если у нас возникнет некое сомнение в Его любви, пусть это Таинство будет твердой порукой в ее истинности, как если бы Избавитель, устанавливая его, сказал: „Души христианские, будьте внимательны к сему Таинству, чрез которое Я всего Себя отдаю вам. Обладая таким доказательством, вы больше не имеете права сомневаться в Моей горячей любви к вам».

Некий святой назвал Таинство Евхаристии любовью, которая превышает всякой иной любви, поскольку этот дар включает в себе и все прочие дары Господа, то есть сотворение, искупление и славу вечную. Потому причащение – не только проявление любви Христовой, но и залог

причастности к Царству Небесному, которое, как подчеркивает наша Церковь, Спаситель хочет даровать нам.

Пророк Исаия захотел оповестить весь мир о том исполненном любви, но невмещаемом человеческим разумом слове, которым Бог стремится привлечь к Себе любовь людскую⁴²⁵... Разве не будет казаться сумасшедшим, говорит святой Августин, кто скажет „ешьте мою плоть и пейте мою кровь»?

Когда Христос впервые заговорил со Своими учениками об этом Таинстве, некоторые из них не смогли поверить Ему и отошли от Него, говоря: „Как Он может дать нам. есть плоть Свою?“⁴²⁶.

Тем не менее необыкновенная любовь Христова осуществила то, о чем люди не могли и помыслить, во что не могли поверить. „Приимите, ядите“⁴²⁷, – сказал Он ученикам Своим и через них всем нам. К этому Он побуждает нас, обещая вступление в Свое Царствие: „Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную“⁴²⁸.

Наконец, к тем, кто не захочет участвовать в этом Таинстве, Господь обращается и с угрозой наказания⁴²⁹.

Все эти призывы, обещания и угрозы исходят из одного лишь горячего желания отдать нам Самого Себя в Божественном Причастии.

Но почему Христос так хочет, чтобы мы приняли Его в Причастии?

Это происходит потому, что Он желает и намеревается соединить нас со Своим Божеством.

В Божественном Причастии Христос соединяется с душой нашей, и сама душа соединяется со Христом. Соединение это абсолютно реально. Христос нигде не предстает столь нежным и любящим, как в этом Таинстве, где Он отдает Себя как пищу, чтобы сочетаться с сердцами верующих. В этой горячей любви Христос захотел соединиться с нами до такой степени, чтобы мы составляли с Ним одно существо.

О Божественный Женише душ наших, пожелавший, чтобы чрез Таинство Твоей любви наше и Твое сердца стали одним сердцем, неразрывно соединенными!

Подобно тому как Христос стремится соединить нас с Собою, и мы должны часто приступать к Святому Причастию, однако с благословения духовного отца, которому нам надлежит исповедоваться. Конечно, не может существовать никакого препятствия к постоянному причащению, если его одобрил духовный отец.

В этом мире нет ничего столь полезного, как Святое Причащение. Предвечный Отец поставил Христа Своим наместником и отдал в Его распоряжение все Божественные сокровища. Следовательно, когда Христос входит в душу через Святое Причащение, Он несет с Собою бесчисленные сокровища благодати, так что каждый может сказать, что с этим Таинством в него вошло все доброе.

Святой Дионисий учит, что Таинство Божественной Евхаристии является самым действенным средством для освящения души.

Через Святое Причащение мы освобождаемся от повседневных грехов и получаем защиту от грехов смертных.

Это Таинство зажигает в нас Божественную любовь. Бог есть Любовь. Это огонь, уничтожающий в наших сердцах склонность к земному, и этот огонь Божественной любви, принесенный на землю Христом, стремится только к тому, чтобы увидеть наши сердца охваченными ею.

Божественное Причащение столь сильно влечет нас к любви, что, получая его, мы становимся страшными для бесов.

Некоторые говорят: „Я редко причащаюсь, потому что чувствую, что слабо люблю Бога». Так что же ты, будучи холодным, удаляешься от Божественного огня? Напротив, поскольку ты холоден, тебе следует как можно чаще приступать к этому Таинству, если только ты действительно стремишься возлюбить Христа.

Когда человек болен, он тем более нуждается во врачах. Так и здесь: ради излечения нашей души мы должны как можно чаще приходить к этому Врачу.

Где-то говорится, что существуют две разновидности людей, которым надлежит часто причащаться: совершенным,

чтобы сохранить свое совершенство, и несовершенным, чтобы достичь его.

Монах Герасим Менайас».

Примечания

¹ - Ин.5:24.

² - Майна – горная область на Пелопоннесе, отличающаяся суровым климатом. – Прим. пер.

³ - Пс.80:10.

⁴ - Αξιός (греч.) – достойный. Это слово трижды возглашается в ходе рукоположения священнослужителей. – Прим. пер.

⁵ - Мф.5:15.

⁶ - Евр.11:37–38.

⁷ - В скитах существует кроме маленьких храмов каждой каливы еще и большой центральный храм, так называемый кириакон (от греч. κυριακή ἡμέρα – день Господень, т. е. воскресенье). Там, при участии всех монахов скита, обычно совершаются воскресные службы, а также службы великих праздников. – Прим. авт.

⁸ - Румелия – традиционное название внутренних областей материковой Греции. Румелиотский говор обладает некоторыми особенностями, которые любят имитировать греческие писатели, желая изобразить речь неученых людей. – Прим. пер.

⁹ - 1Фес.5:17.

¹⁰ - Колливады – участники движения за всеобщее обновление духовной жизни и возвращение к святоотеческим традициям, развернувшегося на греческих землях во второй половине XVIII – начале XIX в. Поводом к зарождению движения послужил спор о допустимости поминания усопших за воскресным богослужением, возникший на Афоне в 1754 г., а его название происходит от слова «коливо» (греч. τὰ κόλλιβα), которое благословляется во время такого поминовения. – Прим. пер.

¹¹ - Ин.6:35,53–56.

¹² - Кафизма – местопребывание небольшой монашеской общины, находящейся на попечении большого монастыря и

проводящей обычно более уединенную, созерцательную жизнь.
– Прим. пер.

¹³ - В греческой певческой традиции вместо последовательной нумерации гласов с первого по восьмой существует разделение на четыре основных и четыре плагальных («косвенных») гласа. – Прим. пер.

¹⁴ - 2Кор.4:16.

¹⁵ - Лк.15:6.

¹⁶ - Мф.22:37.

¹⁷ - Пс.51:10.

¹⁸ - Флп.3:14.

¹⁹ - Ин.5:24.

²⁰ - Сир.50:11.

²¹ - Рим.8:31.

²² - Акафист Божией Матери, икос 9.

²³ - Ср.: Пс.9:33.

²⁴ - Откр.14:3.

²⁵ - С десницей святого бессребреника Дамиана связано чудо. Несколькоими годами ранее монастырь посетил некий грек из Египта по имени Димитриос Теодосиадис, живший в Каире. Когда священник открыл святые мощи для поклонения, этот христианин разволновался и, увидев десницу святого, неожиданно взял ее и приложил к своей груди, к сердцу. И что же? Этот христианин, долгие годы страдавший тяжелой и мучительной болезнью сердца, горячо верил, что святой Дамиан, врачеватель болезней, исцелит его. И Димитриос не ошибся. Он и в самом деле выздоровел в тот же миг. Через три дня он отправил с пристани Дафни на Святой Горе в монастырь письмо, где свидетельствовал о чуде. Растроганные отцы вставили письмо в рамку и решили передать его в архондарик, чтобы паломники читали и дивились тому величию, которое Бог являет во святых Своих. – Прим. авт.

²⁶ - Конак – в современном греческом языке так обычно называется расположенное в городе монастырское подворье,

где могут остановиться братия, посетившие город по каким-либо делам. – Прим. пер.

²⁷ - Священный Кинот – верховный орган исполнительной власти на Афоне, включающий по одному представителю от каждого из двадцати монастырей. – Прим. пер.

²⁸ - Прем.3:6.

²⁹ - Орарь – отличительная принадлежность облачения диакона (первой ступени священнослужения). – Прим. пер.

³⁰ - Пс.16:4.

³¹ - Иак.3:2.

³² - Флп.4:8.

³³ - Мф.5:15.

³⁴ - Лк.2:52.

³⁵ - Метеха – монастырское имение, или подворье, расположенное в сельской местности и окруженное сельскохозяйственными угодьями. У ряда афонских монастырей имеются метехи за пределами Святой Горы, в основном на Халкидиках. – Прим. пер.

³⁶ - Чин, бываемый на нивах, или винограде, или вертограде, аще случится вредитися им от гадов, или иных видов. Заклинание святого мученика Трифона // Требник (Большой). СПб., 1995. Гл. 60. Л. 163 об. – Прим. пер.

³⁷ - Экклесиарх – монах, исполняющий послушание по поддержанию порядка в храме и отвечающий за его подготовку к богослужению. – Прим. пер.

³⁸ - Исх.15:10.

³⁹ - Пс.136:8–9.

⁴⁰ - Ин.6:12.

⁴¹ - 6/19 декабря – день памяти свт. Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. – Прим. пер.

⁴² - Иак.1:17.

⁴³ - Синаксарий, синаксарь – собрание исторических сведений о празднике или о каком-либо святом. – Прим. пер.

⁴⁴ - Суббота на пятой неделе Великого поста, в которую на всенощном бдении поется акафист Пресвятой Богородице. В

этот день совершается празднование в честь иконы Божией Матери «Похвала Пресвятой Богородицы» (она находится на Афоне, в монастыре Дионисиат), установленное в память заступления Божией Матерью Константинополя от аварского хана (625 г.). – Прим. пер.

⁴⁵ - Еф.1:17,18.

⁴⁶ - Гал.1:8.

⁴⁷ - Фиваида – одна из пустынь Египта, где зародилось и достигло своего величайшего расцвета монашество.– Прим. пер.

⁴⁸ - Ин.18:36.

⁴⁹ - Пс.104:32.

⁵⁰ - Пс.118:136.

⁵¹ - Кол.3:3.

⁵² - Лк.13:19.

⁵³ - 1Кор.2:9.

⁵⁴ - Пс.22:2.

⁵⁵ - Ин.7:38.

⁵⁶ - См.: Лк.24:32.

⁵⁷ - Пс.50:8.

⁵⁸ - 3Цар.19:14.

⁵⁹ - Нав.1:7.

⁶⁰ - Песн.2:15.

⁶¹ - Пс.33:9.

⁶² - Ин.15:5.

⁶³ - Иер.36:30.

⁶⁴ - «Ширшая небес» – один из образов Божией Матери, часто встречаемый в греческих храмах: Пресвятая Дева восседает на троне с Младенцем на руках. – Прим. пер.

⁶⁵ - 2Кор.12:2.

⁶⁶ - Пс.40:4.

⁶⁷ - «Благодетель» (Εὐε*χέτηνός) – святоотеческая антология, составленная прп. Никодимом Святогорцем. – Прим. пер.

68 - Сир.50:10.

69 - Ср.: 1Кор.14:3.

70 - Еф.4:12.

71 - Особножительный (ιδιό**υθμος) тип монастырей является некой средней формой монашеской жизни по сравнению с общежитием и пустынножительством. – Прим. пер.

72 - Ср.: Ис.35:1–2.

73 - Имя Каллиник означает «добропобедный». – Прим. пер.

74 - Исихастирий – уединенное жилище отшельников Святой Горы. – Прим. пер.

75 - Отцу Герасиму (Менаясу) посвящена последняя (десятая) часть книги «Образы современных святогорцев». – Прим. пер.

76 - Ин.5:35.

77 - Пс.44:3.

78 - Имяславческий спор принадлежит к числу сложных проблем русской церковной истории и богословия. Далее излагается традиционная для греческих авторов, несколько схематичная точка зрения по данному вопросу. – Прим. пер.

79 - Имеется в виду книга «На горах Кавказа», в которой помимо описания жизни отшельников содержится учение об Иисусовой молитве и умном делании. – Прим. пер.

80 - Некоторая неточность автора. Как известно, патриаршество в России было восстановлено лишь в 1918 г. – Прим. пер.

81 - Мф.7:6.

82 - Пс.105:35.

83 - Мф.17:4; Мк.9:5; Лк.9:33.

84 - Гал.4:26.

85 - Речь идет о событиях 1922 г., когда после поражения Греции в войне с Турцией (так называемая «малоазийская катастрофа») греческое население Малой Азии подверглось депортации. – Прим. пер.

86 - Рим.13:12.

87 - Еф.6:12.

- 88 - Пс.25:8.
89 - Пс.43:23.
90 - Лк.15:22.
91 - 2Кор.12:7.
92 - Лк.10:42.
93 - Мк.9:35.
94 - Пс. 54:8.
95 - Ис. 35:1.
96 - Ср.: Пс.41:2.
97 - Лк.13:19.
98 - Пс.41:3.
99 - Гал.2:19,20.
100 - Ис.35:1;54:1.
101 - Иак.1:17.
102 - Очевидно, имеется в виду 161-томное издание «Греческой патрологии» Ж.-П. Миня (J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca). – Прим. пер.
103 - Рим.2:19.
104 - Дан.5:12.
105 - 2Кор.11:14.
106 - 1Кор.2:15.
107 - 1Ин.4:1.
108 - Ин.11:33.
109 - Ср.: Ис.42:3;Мф.12:20.
110 - 1Кор.13:5.
111 - Евр.13:2.
112 - Ср.: Мф.5:9.
113 - Деян.10:36.
114 - Пс.90:5.
115 - Святителя Григория Богослова. – Прим. пер.
116 - Пс.17:26–27.
117 - В связи с посылкой «Христологии» святитель Нектарий написал отцу Даниилу: «Мы медлили с ответом на столь

благородное Ваше письмо, поскольку хотели послать Вам в знак любви какой-нибудь подарок. В качестве малого дара приносим Вам свою фотографию и один из наших трудов – священную „Христологию“, то есть книгу о Божественном достоинстве и деле Спасителя нашего Иисуса Христа» (письмо с Эгины. 6 ноября 1915 г.). – Прим, авт.

118 - Ср.: Еф.4:26.

119 - Рим.8:28.

120 - Рим.5:3–5.

121 - Ин.6:63.

122 - Пс.132:3.

123 - Пс.37:14.

124 - Мф.5:11.

125 - Пс.86:2.

126 - Пс.119:5.

127 - 1Кор.11:16.

128 - Тит.3:9.

129 - Тит.3:10.

130 - 2Ин.1:10–11.

131 - Иак.5:20.

132 - Пс.102:15.

133 - 2Кор.12:7.

134 - Дан.5:14.

135 - Мф.5:8.

136 - 1Кор.12:4.

137 - Пс.45:5.

138 - 2Тим.2:5.

139 - 2Тим.2:3.

140 - Ин.10:11,14.

141 - Евр.12:14.

142 - Пс.23:3.

143 - Палестра – арена для состязаний. – Прим. ред.

144 - Мф.18:20.

145 - Аэропотам (Ἀε*οπότημος) в переводе с греческого – воздушная река. – Прим. пер.

146 - См.: Мф.16:24; Лк.18:18,29–30.

147 - Мф.11:12.

148 - Еф.4:22–24; 2Кор.5:17.

149 - Пс.41:2.

150 - Ин.13:35.

151 - 2Тим.4:7.

152 - По византийскому времени сутки начинаются с заходом солнца. Когда солнце доходит до вершины Афона, часы бьют 12. – Прим. пер.

153 - Ис.58:9.

154 - Пс.26:1.

155 - Пс.144:19.

156 - 24 июня (по старому стилю) – Рождество святого Иоанна Предтечи. – Прим. пер.

157 - Пустынники и монахи, живущие в кафизмах, а так же находящиеся на послушаниях, не имеющие при себе богослужебных книг или малограмотные, совершают суточный богослужебный круг по четкам – определенное их количество. – Прим. авт.

158 - 2Тим.4:7.

159 - 1Пет.5:8.

160 - Прем.3:1,4.

161 - Евр.5:14.

162 - 1Кор.2:14.

163 - Ср.: Мал.4:6; Лк.1:17.

164 - Ис.32:2.

165 - Флп.1:21.

166 - Даже на Флорентийском Соборе 1439 г. представитель Грузинской Церкви проявил твердую верность Православию и не поддавался давлению сторонников унии. Он даже прикинулся юродивым и таким образом сумел избежать необходимости подписать «униональный акт». – Прим. авт.

167 - Песн.8:14.

168 - В действительности Восточная Грузия была присоединена к России в 1801, а Западная – в 1804 г. В обоих случаях присоединение было осуществлено мирным путем и исключительно в целях защиты Грузии от нападений извне и сохранения порядка внутри страны. – Прим. пер.

169 - Пс.54:8.

170 - Сир.44:8.

171 - Эта книга, принадлежащая к тому же жанру, что и «Лавсаик» или «Луг духовный», написана блаженным Феодоритом, епископом Кирским (393–460). Удивительны собранные им описания аскетических подвигов многих подвижников Сирии и Месопотамии. – Прим. авт.

172 - См.: Быт.28:12.

173 - Ис.2:3.

174 - Ср.: Мф.11:11; Лк.7:28.

175 - См.: Откр.7:14; Дан.12:10.

176 - Ср.: Суд.6:6.

177 - Гал.2:9.

178 - Ин.4:35.

179 - Сир.24:17.

180 - Ис.66:14.

181 - Иак.5:20.

182 - Иногда пишут, что патриарх исповедовался у знаменитого духовника, «отца Авраамия», из скита Кавсокаливия. Возможно, он избрал его своим духовником после смерти отца Григория. – Прим. авт.

183 - Пангей – горный массив в восточной части Македонии, недалеко от побережья Эгейского моря. – Прим. пер.

184 - Еф.6:12.

185 - Ср.: Мф.5:19.

186 - Деян.5:34.

187 - Мф.7:15.

¹⁸⁸ - Подобные бесовские искушения обыкновенны в жизни отшельников. О борьбе с ними можно прочесть в житии прп. Антония Великого, составленном боговдохновенным свт. Афанасием Великим, что служит свидетельством его достоверности. – Прим. авт.

¹⁸⁹ - Мф.6:10.

¹⁹⁰ - Быт.41:56.

¹⁹¹ - Парнет, или Парнифос – горный массив в Аттике. – Прим. пер.

¹⁹² - 1Цар.3:19.

¹⁹³ - Евр.6:19.

¹⁹⁴ - Ср.: Мф.13:31–32; Мк.4:30–32; Иез.17:23; 31:6.

¹⁹⁵ - 1Кор.9:22.

¹⁹⁶ - Иез.34:16.

¹⁹⁷ - Ин.5:14; 8:11.

¹⁹⁸ - 1Кор.9:20–22.

¹⁹⁹ - Ср.: Деян.2:1–4.

²⁰⁰ - Ср.: Мф.12:20; Ис.42:3.

²⁰¹ - Ср.: Пс.50:19.

²⁰² - Еккл.4:9.

²⁰³ - Здесь выражена точка зрения, традиционная для греческого общественного мнения, которое после разрыва Болгарской Церкви с Константинопольским Патриархатом (1872), не получившего официального осуждения со стороны Русской Православной Церкви и властей, привыкло видеть происки «агентов панславизма» за всеми национальными движениями, направленными против господства этнических греков в церковной сфере. – Прим. пер.

²⁰⁴ - Пс.132:3.

²⁰⁵ - Ин.6:37.

²⁰⁶ - См.: 2Цар.1:26.

²⁰⁷ - О старце Варнаве отец Иоаким Специерис сообщает следующее: «В его келлии не было ничего, кроме одной циновки, домотканого ковра, кувшина с водой и кое-какой старой одежды. Он не держал ни матраса, ни книг, ни какой бы

то ни было мебели. Ночами он не спал, но проводил их в молитвенных бдениях и беседах. Среди ночи слышались его крики: „Уйдите, лукавые духи, Христос поразит вас!» Часто можно было слышать, как он спорит с кем-то. Неподалеку оттуда находилась келлия монаха Корнилия, и как-то раз я спросил его: „Что происходит у старца Варнавы по ночам, почему он спорит и кричит?» – „Лукавые духи, – отвечал отец Корнилий, – беспокоят его, и он возражает им, как, согласно патерикам, поступали великие отцы, находясь в пустыне». Вид его лица внушал благоговение, поскольку на нем был виден образ добродетели. Отец Варнава умер в глубокой старости, предсказав свою кончину за много дней». – Прим. авт.

²⁰⁸ - Мф.3:5–6.

²⁰⁹ - Тит.3:5.

²¹⁰ - Мк.1:9.

²¹¹ - Мф.3:17.

²¹² - Лк.10:19.

²¹³ - Пс.34:1,5.

²¹⁴ - Деян.10:38.

²¹⁵ - Деян.19:19.

²¹⁶ - Мф.17:21.

²¹⁷ - Пс.67:3.

²¹⁸ - По-гречески πειτ*όβολος и διάβολος – слова однокоренные. – Прим. пер.

²¹⁹ - Пс.21:22.

²²⁰ - Пс.15:11.

²²¹ - Пс.1:3.

²²² - Тем, кто желал бы взрастить цветок высшей духовной жизни и отвесть «хлеб ангельский», рекомендуем замечательное творение святого Макария Египетского «Духовные беседы», в котором заключены самые тонкие ароматы Духа. – Прим. авт.

²²³ - Откр.5:12.

²²⁴ - Иер.17:8.

²²⁵ - В монашестве существуют многообразные виды подвижничества. Юродство – это его крайняя и своеобразная разновидность, когда монах делает вид, что у него помрачился рассудок, и этим достигает вершин смирения и бесстрастия. Из числа наиболее прославленных юродивых можно назвать преподобного Симеона (Сирия, VI в.), преподобного Андрея (Константинополь, IX–X вв.), преподобную Исидору (Верхний Египет, IV в.). – Прим. авт.

²²⁶ - Ср.: Ин.21:16.

²²⁷ - По всей вероятности, автор несколько преувеличивает значение этого письма. Письмо, скорее, производит впечатление стандартного ответа, адресованного простой женщине, чьи сыновья проходили службу в действующей русской армии. – Прим. пер.

²²⁸ - 1Фес.5:16.

²²⁹ - 2Кор.4:16.

²³⁰ - Быт.49:33.

²³¹ - Быт.50:24.

²³² - Песн.6:3;7:7.

²³³ - Флп.4:8.

²³⁴ - Лк.2:52.

²³⁵ - 1Фес.5:8.

²³⁶ - 1Ин.5:4.

²³⁷ - Быт.6:3.

²³⁸ - Исх.29:18;Еф.5:2.

²³⁹ - См.: Пс.39:3.

²⁴⁰ - Пс.73:16.

²⁴¹ - 1Кор.9:25–27.

²⁴² - См.: Евр.5:12–14;Рим.14:2.

²⁴³ - Флп.2:8.

²⁴⁴ - Обычай прибавлять приставку «хаджи» к имени человека, совершившего паломничество в святые места, заимствован греками у мусульман. – Прим. пер.

²⁴⁵ - Ср.: Откр.5:8.

²⁴⁶ - Ср.: Пс.67:28.

²⁴⁷ - Притч.3:25.

²⁴⁸ - Будет большим упущением, если никто не возьмется описать потрясающую, героическую и преподобническую жизнь Парфения. Трудно сказать, появится ли еще когда-нибудь на хиосском небе столь яркая звезда. Стоит отметить, что старец Парфений обладал мощным провидческим дарованием. Он предупредил жителей Хиоса о страшном землетрясении, которое в марте 1881 г. повергло остров в развалины. – Прим. авт.

²⁴⁹ - Пахомий был чудесным образом перенесен на Кипр из тюрьмы на Родосе, где его ожидала смертная казнь. В конце концов он сделался монахом и ктиторм монастыря Святых отцов, на Хиосе. Он любил повторять своим ученикам: «Подвизайтесь, чада, чтобы унаследовать Царство Небесное. Я удостоился видеть его смутные очертания, но их красота неопишима». – Прим. авт.

²⁵⁰ - Гал.5:23.

²⁵¹ - Пс.101:5,7.

²⁵² - Пс.45:5.

²⁵³ - Деян.4:36.

²⁵⁴ - Пс.67:3.

²⁵⁵ - Ис.48:4.

²⁵⁶ - Ср.: Пс.23:8.

²⁵⁷ - Лк.8:35.

²⁵⁸ - Архим. Софроний (Сахаров). Прп. Силуан Афонский. СТСЛ, 1999. С. 297, 301. – Прим. пер. Трудно подобрать слова, чтобы описать величие этой книги, заключающей в себе высоту богословия, глубину мистической жизни, свежесть выражения. Недаром она признана замечательным и неоспоримым памятником православной духовности. – Прим. авт.

²⁵⁹ - Притч.3:34; Иак.4:6; 1Пет.5:5.

²⁶⁰ - Втор.15:9.

²⁶¹ - 1Кор.9:25.

²⁶² - Песн.2:2.

263 - Священномученик Мефодий, епископ Ликийского Олимпа, был выдающимся богословом, писателем и учителем ранней Церкви. Его замечательный труд «Пир десяти дев» посвящен восхвалению добродетели девства. Десять дев за трапезой в некоем саду, в тени ивового дерева, поочередно воспевают «яркую звезду» чистоты. Мы настоятельно рекомендуем прочесть это творение всем, кому дорога девственная жизнь. – Прим. авт.

264 - Откр.19:14.

265 - См.: Лк.2:35.

266 - Пс.33:20.

267 - Пс.90:6.

268 - Имя Хрисанф по-гречески означает «золотой цветок». – Прим, пер.

269 - Мф.10:28.

270 - 2Кор.4:16.

271 - Деян.6:15.

272 - Кол.3:3.

273 - Деян.6:15.

274 - Ин.3:8.

275 - Пс.83:6.

276 - Кол.4:2.

277 - 1Фес.5:17.

278 - 2Цар.22:11;Пс.103:3.

279 - 1Ин.4:19.

280 - Ср.: Мф.7:17.

281 - Фотис Контоглу (1887–1965) – выдающийся греческий писатель. Известен также как иконописец и реставратор памятников церковного искусства. – Прим. пер.

282 - Пс.41:2.

283 - Пс.132:1.

284 - Пс.132:1.

285 - Мф.5:15–16.

²⁸⁶ - Речь идет об оккупации Северной Греции войсками Антанты во время Первой мировой войны в 1915–1917 гг., предпринятой с целью создать заслон дальнейшему продвижению войск Германии и ее союзников на Балканах. – Прим. пер.

²⁸⁷ - См.: 2Фес.3:10.

²⁸⁸ - Притч.31:27.

²⁸⁹ - 2Фес.3:8.

²⁹⁰ - Ин.5:17.

²⁹¹ - Ин.10:11.

²⁹² - Ср.: Лк.22:27.

²⁹³ - Ср.: Песн.5:2.

²⁹⁴ - Еф.5:2; Исх.29:18.

²⁹⁵ - Пс.18:11.

²⁹⁶ - Лк.8:8.

²⁹⁷ - Ин.15:5.

²⁹⁸ - Притч.10:19.

²⁹⁹ - См.: Быт.3:24.

³⁰⁰ - Еф.4:24; 2Кор.5:17.

³⁰¹ - Ср.: 1Кор.9:27.

³⁰² - Пс.131:4.

³⁰³ - Ср.: Мф.11:12.

³⁰⁴ - См.: Рим.12:15.

³⁰⁵ - 1Фес.2:7–8.

³⁰⁶ - Лк.14:28.

³⁰⁷ - Ср.: Мф.12:20.

³⁰⁸ - Пс.50:5.

³⁰⁹ - Мк.2:5; Ин.5:14.

³¹⁰ - Мф.18:11; Лк.15:7.

³¹¹ - Мф.25:21.

³¹² - Притч.17:3.

³¹³ - Рим.8:17.

³¹⁴ - Рим.8:28.

- 315 - Пс.4:4.
316 - 2Тим.4:7.
317 - Пс.89:10.
318 - Мф.25:20–21.
319 - Пс.62:2.
320 - Лк.24:19.
321 - Ср.: Притч.14:30.
322 - Притч.11:25.
323 - Пс.83:2.
324 - Пс.118:93.
325 - Еф.6:16.
326 - Пс.8:6.
327 - Лк.19:3.
328 - Ср.: Пс.41:2.
329 - Имя Стефан по-гречески означает «венец». – Прим.
пер.
330 - Деян.6:5,8.
331 - 2Кор.3:18.
332 - Пс.118:97.
333 - См.: Лк.13:30;Евр.11:40.
334 - См.: Деян.7:54,60.
335 - Пс.16:4.
336 - Имя Филарет по-гречески означает «любящий
добродетель». – Прим. пер.
337 - Ср.: Евр.1:14.
338 - 1Кор.14:40.
339 - Пс.118:125.
340 - Лк.22:26.
341 - Ср.: Мф.5:15.
342 - Флп.2:7.
343 - Мф.11:12.
344 - Там же.
345 - Ср.: Лк.9:62;Флп.3:13.

- 346 - Мф.6:33.
347 - Пс.118:62.
348 - Пс.101:8.
349 - Пс.122:2.
350 - Пс.118:130.
351 - Мф.5:5.
352 - Мф.11:29.
353 - См.: Исх.32;Чис.16.
354 - Еф.4:31.
355 - Пс.118:141.
356 - Ср.: Мф.5:9.
357 - Ср.: Евр.12:14.
358 - Еф.6:16.
359 - 2Кор.9:7.
360 - Деян.20:35.
361 - Ср.: Пс.76:13;142:5.
362 - Прем.3:1.
363 - Ин.11:25.
364 - Евр.2:14.
365 - Ср.: Мф.18:3–4.
366 - См.: Пс.118:2,5;103:127.
367 - Пс.118:132,139–141.
368 - Пс.118:141.
369 - Мф.5:3.
370 - Еккл.1:2.
371 - Ср.: 1Тим.6:10.
372 - Рим.5:5.
373 - Лк.15:18–19.
374 - Лк.15:14.
375 - Лк.15:16.
376 - Ср.: 2Кор.5:17.
377 - Лк.12:19.
378 - Пс.13:1.

379 - Пс.99:3.

380 - Ср.: Мф.11:28.

381 - Речь идет о партизанской войне между греческими и болгарскими отрядами, в которой каждая из сторон стремилась утвердить свое влияние над христианским населением Македонии, находившейся до 1912 года под турецким владычеством. – Прим. пер.

382 - Ср.: Пс.41:2.

383 - 1Тим.3:16.

384 - Еф.2:4.

385 - Ин.3:16.

386 - Пс.4:4;30:2–3.

387 - Пс.90:11.

388 - Лк.10:16.

389 - Мф.4:16.

390 - Еф.6:12.

391 - См.: Пс.83:4.

392 - Пс.54:7.

393 - Пс.41:4.

394 - 2Пет.1:4.

395 - 1Кор.2:16.

396 - Пс.103:24.

397 - Пс.18:2.

398 - Притч.18:19.

399 - Пс.111:9.

400 - Ср.: Лк.13:19;Пс.91:13.

401 - Мф.5:15.

402 - Пс.143:6.

403 - Мф.6:26.

404 - Иак.3:17.

405 - Пс.73:19.

406 - Иак.1:2.

407 - Откр.1:16.

- 408 - Ин.5:17.
409 - Ср.: Лк.21:18;Мф.10:29.
410 - Пс.118:71.
411 - Пс.118:165.
412 - Флп.4:7.
413 - Пс.44:2.
414 - Пс.41:3.
415 - Пс.142:8.
416 - Прем.5:15.
417 - Мф.16:26.
418 - Ср.: 1Кор.3:18.
419 - Ср.: Пс.41:2.
420 - Прем.3:1.
421 - Прем.5:15.
422 - Прем.3:4.
423 - Пс.111:6.
424 - Гал.2:2.
425 - См.: Ис.6:9–10;8:14–15;28:16;52:14–53;12.
426 - Ин.6:52.
427 - Мф.26:26.
428 - Ин.6:54.
429 - См.: Ин.6:53.